ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА — СТАЛИНА
ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1955

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения, написанные с сентября 1844 по февраль 1846 года.

В конце августа 1844 г. в Париже произошла встреча Маркса и Энгельса, положившая начало их творческому содружеству во всех областях теоретической и практической революционной деятельности. Маркс и Энгельс завершили к этому времени переход от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму. Произведения, входящие в настоящий том, отражают процесс дальнейшего формирования их революционно-материалистического мировоззрения.

Том открывается первой совместной работой К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании». В этом полемическом произведении Маркс и Энгельс выступают как воинствующие материалисты, подвергая сокрушительной критике субъективистские взгляды младогегельянцев. Маркс и Энгельс также критикуют здесь идеалистическую философию самого Гегеля; отдавая должное тому рациональному, что было в диалектике Гегеля, они подвергают критике мистифицирующую сторону этой диалектики.

В «Святом семействе» сформулирован ряд важнейших положений диалектического и исторического материализма. В этой работе Маркс уже подходит к основной идее исторического материализма о решающей роли способа производства в развитии общества. Опровергая господствовавшие ранее идеалистические взгляды на историю, Маркс и Энгельс доказывают, что сами по себе передовые идеи могут вывести общество лишь за пределы идей старого строя, что «для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу» (см. настоящий том, стр. 132). Огромное значение имеет выдвинутое в «Святом семействе» положение о том, что масса, народ, является действительным творцом истории человечества. Маркс и Энгельс указывают, что чем шире и глубже происходящий в обществе переворот, тем многочисленнее массы, которые

совершают этот переворот. Ленин особенно подчёркивал значение этой мысли, характеризуя её как одно из самых глубоких и самых важных положений исторического материализма.

В «Святом семействе» содержится почти сложившийся взгляд на. всемирно-историческую роль пролетариата как класса, который в силу своего положения при капитализме «может и должен сам себя освободить», а вместе с тем уничтожить все бесчеловечные жизненные условия буржуазного общества, ибо пролетариат «не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу *труда.* Дело не в том, в чём в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию,* исторически вынужден будет делать» (стр. 40).

Большое значение имеет раздел «Критическое сражение с французским материализмом», в котором Маркс, давая краткий очерк развития материализма в западноевропейской философии, показывает, что коммунизм является логическим выводом из материалистической философии.

«Святое семейство» написано под значительным влиянием материалистических взглядов Л. Фейербаха, сыгравшего большую роль в переходе Маркса и Энгельса от идеализма к материализму; вместе с тем в этой работе уже содержатся элементы той критики метафизического и созерцательного материализма Фейербаха, которую Маркс дал весной 1845 г. в «Тезисах о Фейербахе». Впоследствии Энгельс, определяя место «Святого семейства» в истории марксизма, писал: «Надо было заменить культ абстрактного человека, это ядро новой религии Фейербаха, наукой о действительных людях и их историческом развитии. Это дальнейшее развитие фейербаховской точки зрения, выходящее за пределы философии Фейербаха, начато было в 1845 г. Марксом в книге «Святое семейство»» (Ф. Энгельс. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»).

В «Святом семействе» сформулированы некоторые исходные положения марксистской политической экономии. В отличие от социалистов-утопистов Маркс обосновывает объективную неизбежность победы коммунизма тем, что частная собственность в своём экономическом движении сама толкает себя к гибели.

В том входит работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», которую Ленин относил к лучшим произведениям мировой социалистической литературы. Как впоследствии указывал сам автор, это — ранняя работа, которая отражает один из первых этапов формирования марксизма. Исследуя экономический и политический строй Англии, Энгельс выявляет на примере этой наиболее развитой в то время страны ряд закономерностей капиталистического производства. Он раскрывает всю глубину промышленного переворота, обусловившего появление фабричного пролетариата, и подчёркивает непримиримость интересов рабочих

и капиталистов; Энгельс доказывает неизбежность при капитализме образования промышленной резервной армии безработных, периодического повторения экономических кризисов и усиления эксплуатации рабочего класса и трудящихся масс по мере расширения капиталистического производства. По словам Ленина, книга Энгельса явилась «ужасным обвинением капитализма и буржуазии». Описывая невыносимо тяжёлые условия жизни и труда рабочих в Англии, Энгельс показывает, что само положение пролетариата неизбежно толкает его на борьбу за своё освобождение, за свержение капиталистического строя. Энгельс видит в классовой борьбе пролетариата могучую силу исторического развития и критикует английских социалистов-оуэнистов за проповедь всеобщей любви и братства. Обобщая опыт английского рабочего движения, Энгельс приходит к выводу, что стачки и союзы, являясь действенным средством организации и воспитания рабочего класса, всё же бессильны освободить его от наёмного рабства. Высоко оценивая чартизм как первое самостоятельное политическое движение пролетариата, Энгельс, однако, критикует чартистов за ограниченность их целей и выдвигает важнейшее теоретическое положение о необходимости соединения чартизма с социализмом.

Печатаемые в томе работы Ф. Энгельса «Быстрые успехи коммунизма в Германии» и «Эльберфельдские речи» представляют значительный интерес, хотя они и носят на себе следы не изжитого ещё влияния философско-этических взглядов Фейербаха. Эти произведения содержат ценный биографический материал о Марксе и Энгельсе и отражают большую агитационную и организаторскую работу, проведённую Энгельсом в Рейнской провинции зимой 1844—1845 года. Характеризуя обстановку, в которой протекала деятельность Энгельса в это время, Ленин пишет, что сочувствие коммунистическим идеям было тогда в Германии формой выражения оппозиционных настроений против правительства, в силу чего значительная часть участников движения были, по существу, благонамеренными буржуа. «И в такой обстановке, среди необъятного количества якобы-социалистических направлений и фракций, Энгельс сумел пробивать себе дорогу к *пролетарскому* социализму...» (В. И. Ленин. Сочинения, т. 19, стр. 505).

После переезда Энгельса в Брюссель в апреле 1845 г. основоположники марксизма продолжали совместно разработку своих новых воззрений, одновременно предпринимая шаги к их пропаганде в печати и к установлению связей с представителями

международного пролетарского и демократического движения. Статьёй «Недавняя бойня в Лейпциге. — Рабочее движение в Германии», написанной в сентябре 1845 г., начинается систематическое сотрудничество Ф. Энгельса в газете «Northern Star», органе английских чартистов, с революционным крылом которых Маркс и Энгельс установили прочные связи во время своей поездки в Англию летом 1845 года.

В серии статей Ф. Энгельса «Положение в Германии», написанных для той же газеты, дан анализ классовой структуры немецкого общества и показано влияние французской буржуазной революции конца XVIII века на развитие Германии. Энгельс выступает здесь как последовательный борец за единую демократическую Германию, он бичует реакционные порядки германских государств, в первую очередь Пруссии, засилье военщины и чиновников, деспотизм крупных и мелких князей. В то же время Энгельс раскрывает классовую сущность буржуазного либерализма и даёт острую критику ограниченности буржуазной демократии.

В написанных Энгельсом введении и заключении к «Отрывку из Фурье о торговле» дана оценка Фурье как одного из виднейших представителей критически-утопического социализма. В статье «Празднество наций в Лондоне» Ф. Энгельс провозглашает общность интересов пролетариев всех стран и разоблачает буржуазный космополитизм. Эти две работы, а также «Заявление» К. Маркса от 18 января 1846 г., представляют большой интерес как первые печатные выступления основоположников марксизма против «истинных социалистов», мещанские псевдосоциалистические взгляды которых являлись серьёзным препятствием к развитию революционного пролетарского и демократического движения в Германии. Чтобы подготовить почву для создания пролетарской партии, Маркс и Энгельс основали в Брюсселе в январе 1846 г. Коммунистический корреспондентский комитет, целью которого было идейное и организационное сплочение революционных коммунистов и передовых рабочих Германии и других стран, борьба против чуждых пролетариату направлений в рабочем движении.

Работы, вошедшие во второй том Сочинений, относятся к периоду, когда процесс формирования марксизма не был ещё завершён. Это отразилось и на употребляемой Марксом и Энгельсом терминологии. Научная марксистская терминология вырабатывалась и уточнялась Марксом и Энгельсом постепенно, по мере формирования и дальнейшего развития их учения.

Институт Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина
при ЦК КПСС

К.МАРКС

И

Ф. ЭНГЕЛЬС

СЕНТЯБРЬ 1844—ФЕВРАЛЬ 1846

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО,
или
КРИТИКА КРИТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ ПРОТИВ БРУНО БАУЭРА И КОМПАНИИ [1]

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом в сентябре — ноябре 1844 г.

Напечатано отдельной книгой во Франкфурте-на-Майне в 1845 г.

Подпись: Фридрих Энгельс и Карл Маркс

Печатается по тексту издания 1845 г.
Перевод с немецкого

Die heilige Familie,

oder

Kritik

der

kritischen Kritik.

Gegen Bruno Bauer & Consorten.

Von

Friedrich Engels und Karl Marx.

Frankfurt a. M.

Literarische Anstalt.

(J. Rütten.)

1845.

Титульный лист первого издания книги
«СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО»

ПРЕДИСЛОВИЕ

У *реального гуманизма* нет в Германии более опасного врага, чем *спиритуализм,* или *спекулятивный идеализм,* который на место *действительного индивидуального человека* ставит *«самосознание»,* или *«дух»,* и вместе с евангелистом учит: «Дух животворящ, плоть же немощна». Само собой разумеется, что этот бесплотный дух только в своём воображении обладает духовными, умственными силами. То в *бауэровской* критике, против чего мы ведём борьбу, есть именно *карикатурно* воспроизводящая себя *спекуляция.* Мы видим в ней самое законченное выражение *христианско-германского* принципа, делающего свою последнюю попытку — утвердить себя посредством превращения самой *«критики»* в некую трансцендентную силу.

Наше изложение посвящено по преимуществу «Allgemeine Literatur-Zeitung»[2] *Бруно Бауэра,* первые восемь выпусков которой лежали перед нами, —и это потому, что в ней бауэровская критика и вместе с ней вся бессмыслица *немецкой спекуляции вообще* достигли своей высшей точки. Критическая критика (критика, даваемая в «Literatur-Zeitung») тем более поучительна, чем больше она доводит до явной комедии искажение действительности философией. — Примером могут служить *Фаухер* и *Шелига.* — «Literatur-Zeitung» преподносит такой материал, на разборе которого можно помочь и более широкой публике составить себе ясное представление об иллюзиях спекулятивной философии. Это и является целью нашей работы.

Наш способ изложения предмета обусловлен, естественно, *характером самого предмета.* Критическая критика во всех отношениях стоит *ниже* того уровня, которого уже достигло

немецкое теоретическое развитие. Поэтому, если мы не входим *здесь* в дальнейшее *обсуждение* самого этого развития, то оправданием нам служит природа занимающего нас предмета.

Более того: критическая критика вынуждает нас добытые уже результаты просто противопоставлять ей *как таковые.*

Мы предпосылаем поэтому предлагаемую полемическую работу нашим самостоятельным произведениям, в которых мы изложим—разумеется, каждый из нас в отдельности—наши положительные взгляды и вместе с тем нашу положительную точку зрения по отношению к новейшим философским и социальным доктринам.

Париж, *сентябрь 1844 г.*

Энгельс. Маркс

ГЛАВА ПЕРВАЯ
КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА В ОБРАЗЕ ПЕРЕПЛЁТНОГО МАСТЕРА, или КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА В ЛИЦЕ г-на РЕЙХАРДТА

Критическая критика, как бы высоко ни мнила она себя вознёсшейся над массой, чувствует всё-таки безграничное сострадание к этой последней. И вот критика так возлюбила массу, что послала на землю своего единородного сына, дабы все те, которые уверовали в него, не погибли, а обрели критическую жизнь. Критика сама становится массой и пребывает среди нас, и мы видим её величие, подобное величию единородного сына отца небесного. А именно, критика становится социалистической и говорит про «сочинения о пауперизме»[3]. Она не видит никакого кощунства в том, чтобы уподобляться богу: она отчуждает самоё себя, принимает образ переплётного мастера и унижается до бессмыслицы, да ещё какой!—до критической бессмыслицы на иностранных языках. Она — чья небесная девственная чистота содрогается от соприкосновения с грешной прокажённой массой — превозмогает себя настолько, что знакомится с сочинениями *«Бодза»*[*] и *«всеми* литературными первоисточниками о пауперизме» и «в течение многих лет шаг за шагом следует за болезнью века». Она отказывается писать для учёных специалистов, она пишет для широкой публики, удаляет все необычные выражения, всякую «латинскую премудрость, всякий цеховой жаргон». Всё это она удаляет из писаний *других,* ибо было бы уж слишком большим требованием ожидать от критики, чтобы она сама подчинилась «этой административной регламентации». Но она даже и это отчасти делает. Она с изумительной лёгкостью отрешается, если не от самих слов, то от их содержания, — и кто

[*] — Искажённый Рейхардтом псевдоним Чарлза Диккенса — «Боз». *Ред.*

осмелится упрекнуть её в том, что она пускает в оборот «всю эту огромную кучу непонятных иностранных слов», когда она сама систематическим проявлением своей самобытности подтверждает лишь вывод, что и для неё самой слова эти остались непонятными?

Вот некоторые образчики этого систематического проявления:

«Поэтому *институты нищенства* — предмет ужаса для них».

«Учение об ответственности, в котором каждое движение *человеческой мысли становится изображением жены Лота».*

«На замковый камень свода этого в самом деле *богатого убеждённостью искусного построения».*

«Вот главное содержание политического завещания Штейна, которое этот великий государственный муж ещё до оставления им действительной службы вручил правительству *и всем его работам».*

«Этот народ в то время не обладал *ещё никакими измерениями* для столь широкой свободы».

«С достаточной уверенностью *парламентируя* в заключительных строках своего публицистического произведения, что не хватает ещё только доверия».

«Высокогосударственному, истинного мужа достойному, над рутиной и малодушным страхом возвышающемуся, на истории воспитавшемуся и живым созерцанием чужестранной публично-государственной жизни вскормленному рассудку».

«Воспитание всеобщего национального благосостояния».

«Свобода покоилась мёртвой в *груди прусского призвания народов* под контролем властей».

«Народноорганическая публицистика».

«Народу, которому даже г-н Брюггеман выдаёт *метрическое свидетельство его совершеннолетиям.*

«Довольно резкое противоречие остальным *определённостям,* высказанным в произведении, посвящённом исследованию специальных призваний народа».

«Гнусное корыстолюбие быстро разрушает все *химеры национальной воли»,*

«Страсть к быстрому обогащению и т. д. — вот тот дух, которым от начала до конца пропитано было время Реставрации, и этот же дух с *достаточной дозой индифферентности примкнул* к новому времени».

«Смутное представление о политическом значении, присущее *земледельческой прусской национальности, покоится на памяти о великой истории».*

«Антипатия исчезла и перешла в состояние совершенной экзальтации».

«В этом изумительном переходе каждый на свой лад *ставил* ещё *на вид* своё особое *желание».*

«Катехизис с миропомазанной соломоновской речью, слова которого, подобно голубю — цирп! цирп! — мягко поднимаются в сферу пафоса и *громоподобных аспектов».*

«Весь *дилетантизм тридцатипятилетнего пренебрежения».*

«Слишком *резкие громы,* которые сыпал на голову горожан один из прежних городских правителей, можно было бы принять со спокойствием духа, свойственным нашим представителям, если бы взгляд Бенды на городской устав 1808 г. не страдал *мусульманской аффектацией понятий* о сущности и применении городского устава».

Стилистической смелости у г-на Рейхардта всюду соответствует смелость самого хода мысли. Он делает переходы вроде следующих:

«Г-н Брюггеман... 1843 г. ...государственная теория... всякий прямой- человек... великая скромность наших социалистов... естественные чудеса... требования, которые должны быть поставлены Германии... сверхъестественные чудеса... Авраам... Филадельфия... манна... пекарь... но *так как* мы говорим о *чудесах, то Наполеон* внёс»... и т. д.

Познакомившись с этими образчиками, мы не станем более удивляться тому, что критическая критика предлагает нам ещё «разъяснение» одного такого высказывания, которому она сама же приписывает «популярность способа выражения». Ибо она «вооружает свои глаза органической силой, способной проникнуть сквозь хаос». И тут надо сказать, что после этого даже «популярный способ выражения» не может оставаться непонятным для критической критики. Она постигает, что путь литератора по необходимости должен оставаться кривым, если только субъект, вступающий на этот путь, недостаточно силён для того, чтобы выпрямить его; и поэтому она, вполне естественно, приписывает писателю «математические операции».

Само собой понятно, — и история, доказывающая всё, что само собой понятно, доказывает также и это, — что критика становится массой не для того, чтобы остаться массой, а для того, чтобы избавить массу от её массовой массовости, т. е. чтобы возвысить популярный способ выражения массы до критического языка критической критики. Когда критика усваивает популярный язык массы и перерабатывает этот грубый жаргон в мистическую премудрость критически критической диалектики, то это и есть для критики самая низкая ступень унижения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА КАК «MUHLEIGNER»,[4]

или

КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА В ЛИЦЕ г-на ЖЮЛЯ ФАУХЕРА

После того как критика, снизойдя до бессмыслицы на иностранных языках, оказала самые существенные услуги самосознанию и в то же время этим деянием освободила мир от пауперизма, она решается ещё снизойти до *бессмыслицы* в *практике* и в *истории.* Она овладевает *«злободневными вопросами английской жизни»* и даёт нам *очерк истории английской промышленности,* отличающийся истинной *критичностью*[5].

Критика, довлеющая себе самой, в самой себе совершенная и законченная, не может, конечно, признавать историю в том виде, как она развивалась в действительности, ибо это ведь означало бы признание скверной массы во всей её массовой массовости, между тем как на самом деле речь идёт именно об избавлении массы от этой массовости. История освобождается поэтому от своей массовости, и критика, держащая себя *свободно* по отношению к своему предмету, восклицает, обращаясь к истории: *«Знай, что ты должна была происходить так-то и так-то!»* Законы критики все имеют *обратную* силу: *до* её декретов история происходила совершенно иначе, чем она изображается *согласно декретам критики.* Поэтому-то массовая, так называемая *действительная* история и отличается в значительной степени от той *критической* истории, которая развёртывается перед нашими глазами в VII выпуске «Literatur-Zeitung», начиная с четвёртой страницы.

В массовой истории не было *никаких фабричных городов* до появления *фабрик.* В критической же истории, где сын порождает своего отца, как это уже имело место у *Гегеля,* — в этой

истории *Манчестер, Болтон* и *Престон* представляли собой процветающие фабричные города в то время, когда никто ещё и не думал о фабриках. В действительной истории развитие *хлопчатобумажной промышленности* берёт своё начало главным образом от введения в производство дженни *Харгривса* и *прядильной машины* (ватер-машины) *Аркрайта,* тогда как *мюль-машина Кромптона* была только усовершенствованием дженни при помощи нового принципа, открытого Аркрайтом. Но критическая история умеет различать: она с пренебрежением отвергает односторонности дженни и ватер-машины и превозносит мюль-машину как спекулятивное тождество крайностей. В действительности с изобретением ватер-машины и мюль-машины тотчас же открылась возможность *применения* к этим машинам *силы воды;* но критическая критика отделяет друг от друга смешанные грубой рукой истории принципы и относит это применение, как нечто совершенно особое, к более позднему времени. В действительности изобретение паровой машины *предшествовало* всем вышеназванным изобретениям; в критике же паровая машина, как венец всего здания, является вместе с тем и чем-то *последним* по времени.

В действительности *деловые связи* Ливерпуля с Манчестером в их современном значении были следствием экспорта английских товаров; в критике же деловые связи являются его *причиной,* а деловые связи и экспорт вместе — следствием близкого соседства этих городов. В действительности почти все товары идут из Манчестера на континент через *Гулль,* в критике же — через *Ливерпуль.*

В действительности на английских фабриках имеются все *градации заработной платы,* начиная с $1^1/_2$ шиллинга до 40 шиллингов и больше; в критике же существует только *одна* ставка заработной платы—11 шиллингов. В действительности *машина* заменяет *ручную работу,* в критике же она заменяет *мышление.* В действительности в *Англии* разрешается *объединение* рабочих, имеющее своей целью повышение заработной платы; в критике же такое объединение запрещено, ибо, прежде чем позволить себе что-нибудь, масса должна испросить разрешения у критики. В действительности *фабричная работа* чрезвычайно *утомительна* и вызывает специфические болезни (есть даже специальные медицинские труды об этих болезнях); в критике же «чрезмерное напряжение не может препятствовать работе, ибо силу поставляет машина». В действительности машина есть машина; в критике же машина обладает *волей:* так как машина не отдыхает, то не может отдыхать и рабочий, а следовательно он подчинён чужой воле.

Но всё это ещё ничего. Критика не может удовлетвориться *массовидными партиями* Англии; она творит новые партии, она создаёт *«фабричную партию»,* за что история должна быть ей благодарна. Зато она валит в *одну* массовидную кучу фабрикантов и фабричных рабочих — стоит ли беспокоиться о таких пустяках! — и декретирует, что фабричные рабочие, вопреки мнению глупых фабрикантов, не внесли своей лепты в фонд Лиги против хлебных законов[6] не по злой воле и не вследствие своей приверженности к чартизму, а исключительно по бедности. Она декретирует далее, что в случае отмены английских хлебных законов сельскохозяйственные подённые рабочие должны будут примириться с понижением заработной платы, к чему, однако, мы позволим себе всепокорнейше заметить, что этот нищий класс не может больше отказаться ни от одного гроша, рискуя в противном случае умереть с голоду. Она декретирует, что в Англии на фабриках работают *шестнадцать* часов в сутки, хотя глупый, некритический английский закон позаботился о том, чтобы работа продолжалась не больше 12 часов. Она декретирует, что Англия должна сделаться великой мастерской для всего мира, хотя некритические массовые американцы, немцы и бельгийцы своей конкуренцией постепенно портят англичанам один рынок за другим. Она декретирует, наконец, что *централизация собственности,* с её последствиями для трудящихся классов, неизвестна в Англии ни классу имущих, ни классу неимущих. А между тем глупые чартисты полагают, что они очень хорошо знакомы с явлением централизации собственности; *социалисты* же думают, что они давно уже изобразили последствия её во всех подробностях. Мало того: даже тори и виги — взять хотя бы *Карлейля, Алисона* и *Гаскелла* — собственными произведениями засвидетельствовали своё знакомство с этим явлением.

Критика декретирует, что *десятичасовой билль* лорда *Эшли*[7] — плоская мера золотой середины, а сам лорд Эшли — «верное отражение конституционной деятельности», между тем как до сих пор фабриканты, чартисты, землевладельцы — словом, вся массовидная Англия — смотрели на эту меру как на выражение—правда, весьма слабое—вполне радикального принципа, так как она занесла бы топор над самым корнем внешней торговли, а с нею и над корнем фабричной системы, — вернее сказать: не только занесла бы топор, но глубоко вонзила бы его в самый этот корень. Критическая критика лучше знает, в чём дело. Она знает, что вопрос о десятичасовом рабочем дне обсуждался в какой-то «комиссии» палаты общин, между тем как некритические газеты стараются нас уверить, что этой «комиссией»

была *сама палата,* а именно—*«комитет всей палаты»;* но критика во что бы то ни стало должна отменить эти причуды английской конституции.

Критическая критика, сама *порождающая* свою *противоположность—глупость массы,* порождает также и глупость сэра Джемса Грехема: путём критического истолкования английского языка она влагает ему в уста такие речи, каких некритический министр внутренних дел никогда не произносил, и делает она это для того лишь, чтобы на фоне грехемовской глупости ещё более ярким светом засияла мудрость критики. Если верить критике, то Грехем утверждал, что фабричные машины изнашиваются приблизительно в 12 лет, независимо от того, работают ли они ежедневно в течение 10 или же 12 часов, и что поэтому десятичасовой билль лишит капиталиста возможности воспроизвести в 12 лет работой машин вложенный в эти машины капитал. Критика доказывает, что вложенное ею в уста сэра Джемса Грехема заключение ложно, ибо машина, работающая ежедневно на $^1/_6$ часть времени меньше, само собой разумеется, окажется годной к употреблению в течение более продолжительного времени.

При всей правильности этого замечания критической критики относительно её собственного ложного заключения, приходится тем не менее отдать справедливость сэру Джемсу Грехему, в действительности сказавшему следующее: при десятичасовом билле машина должна увеличить свою скорость в такой же пропорции, в какой ограничено её рабочее время (сама критика цитирует это высказывание в VIII выпуске, стр. 32), а при таком условии срок изнашивания машины остаётся тем же самым, именно —12 лет. Этого нельзя не признать, тем более, что такое признание служит только к прославлению и возвеличению «критик и» *[«der* Kritik»], так как не кто иной, как критика не только сама сделала ложное заключение, но сама же и опровергла его в дальнейшем. Она столь же великодушна и по отношению к лорду *Джону Расселу,* которому она приписывает намерение изменить форму государственного строя и избирательную систему; откуда мы должны заключить, что либо критике свойственно необыкновенно сильное влечение к выдумыванию глупостей, либо лорд Джон Рассел за последнюю неделю превратился в критического критика.

Но поистине великолепной становится критика в своём изготовлении глупостей лишь тогда, когда она делает открытие, что английские рабочие, которые в апреле и мае устраивали один митинг за другим, составляли одну петицию за другой с целью добиться проведения десятичасового билля, рабочие, среди

которых, от одного конца фабричных округов до другого, царило такое возбуждение, какого не было уже в течение двух лет, — что эти самые рабочие проявляют лишь *«частичный* интерес» к данному вопросу, хотя всё же обнаруживается, что «законодательное ограничение рабочего времени тоже занимает их внимание». Поистине великолепна критика, когда она в довершение всего делает великое, прекрасное, неслыханное открытие, что «отмена хлебных законов, обещающая на первый взгляд более непосредственную помощь, поглощает и будет поглощать большую часть желаний рабочих до тех пор, пока не подлежащее уже никакому сомнению удовлетворение этих желаний практически не докажет им всей бесполезности этой отмены». И это критика говорит о рабочих, которые на всех публичных митингах неизменно сбрасывают с ораторской трибуны поборников отмены хлебных законов, — о рабочих, которые добились того, что ни в одном английском фабричном городе Лига против хлебных законов уже не осмеливается устраивать публичные митинги, — о рабочих, которые видят в Лиге своего единственного врага и которые во время дебатов по вопросу о десятичасовом рабочем дне пользовались поддержкой тори, как это почти всегда бывало и раньше при обсуждении аналогичных вопросов. Восхитительна также критика, когда она делает открытие, что «рабочие всё ещё прельщаются широкими обещаниями *чартизма»,* который и есть ведь не что иное, как политическое выражение общественного мнения рабочих. В глубине своего абсолютного духа критика усмотрела, что «обе группировки — политическая группировка и группировка земельных и фабричных собственников — *уже не* сливаются друг с другом и не покрывают одна другую». Однако нам ещё не приходилось слышать, чтобы группировка земельных и фабричных собственников, при незначительности численного состава обоих классов собственников и при одинаковом общем уровне их политических прав (за исключением немногих пэров), носила столь широкий характер и чтобы эта группировка, которая на деле является наиболее последовательным выражением, верхушкой политических партий, была абсолютно тождественна с политическими партийными группировками. Прелестна ещё критика, когда она приписывает противникам хлебных пошлин незнание того факта, что, при прочих равных условиях, падение цен на хлеб имеет своим необходимым следствием падение также и заработной платы, в результате чего всё остаётся по-старому; между тем как на самом деле эти господа от этого заведомого падения заработной платы и связанного с ним уменьшения издержек производства ожидают соответственного расширения рынка и обусловленного этим уменьшения конкуренции рабочих

между собой, в результате чего заработная плата была бы всё-таки несколько выше по отношению к ценам на хлеб, чем сейчас.

Критика, в артистическом упоении свободно творящая свою противоположность, бессмыслицу,—та самая критика, которая два года тому назад восклицала: «критика говорит по-немецки, теология по-латыни»[8], — эта самая критика изучила теперь *английский язык* и называет землевладельцев «Landeigner» (landowners), фабрикантов—*«Muhleigner»* (mill-owners; по-английски «mill» означает всякую фабрику, машины которой приводятся в движение силой пара или воды), рабочих— *«руками»* (hands), вместо «вмешательство» говорит «интерференция» (interference) и в своём безграничном сострадании к английскому языку, насквозь пропитанному греховной массовостью, снисходит даже до того, что берётся за его исправление и отменяет педантичное правило, в силу которого англичане всегда ставят титул рыцарей и баронетов «сэр» не перед фамилией, а перед *именем.* Масса говорит: «сэр Джемс Грехем», критика же—«сэр Грехем».

Что критика взялась за преобразование *английской* истории и *английского* языка из *принципа,* а не по *легкомыслию,* это читатель сейчас увидит из той *основательности,* с которой она трактует *историю г-на Науверка.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ОСНОВАТЕЛЬНОСТЬ КРИТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ,
или
КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА В ЛИЦЕ г-на Ю. (ЮНГНИЦА?) [9]

Бесконечно важный спор г-на *Науверка* с берлинским философским факультетом не может быть оставлен без внимания со стороны критики. Она ведь и сама пережила нечто подобное и должна сделать судьбу г-на Науверка фоном, на котором тем резче будет выделяться её *боннская отставка*[10]. Так как критика привыкла смотреть на боннскую историю как на выдающееся событие нашего века и даже написала уже «философию отставки критики», то можно было ожидать, что она превратит берлинскую «коллизию» в такую же детально разработанную философскую конструкцию. Она доказывает а priori*, что всё это должно было случиться так, а не иначе. А именно, она показывает:

1) Почему философский факультет должен был вступить в «коллизию» с философом государства, а не с логиком или метафизиком;

2) Почему эта коллизия не могла быть столь резкой и решительной, как конфликт критики с теологией в Бонне;

3) Почему коллизия эта была, собственно говоря, глупостью, после того как критика уже в своей боннской коллизии исчерпала все возможные принципы, всякое возможное содержание, и мировой истории с тех пор ничего другого не оставалось, как сделаться плагиатором критики;

4) Почему философский факультет в нападках на произведения г-на Науверка усмотрел нападки на факультет;

5) Почему г-ну Н. ничего другого не оставалось, как добровольно уйти в отставку;

* — заранее, независимо от опыта. *Ред.*

6) Почему философский факультет, если он не хотел отречься от самого себя, должен был защищать г-на Н.;

7) Почему «внутренний разлад в самом факультете должен был, по необходимости, представиться в таком виде», что факультет в одно и то же время признавал правым и неправым как Н., так и правительство;

8) Почему факультет не мог найти в произведениях Н. основания к его удалению;

9) Чем обусловлена была неясность всего вердикта в целом;

10) Почему факультет, «как научная инстанция (1), считает себя (!) вправе (!) позволить себе посмотреть в самый корень дела», и, наконец,

11) Почему, тем не менее, факультет не желает писать так, как г-н Н.

Критика разбирает эти важные вопросы на четырёх страницах с редкой основательностью, причём она, при помощи логики Гегеля, доказывает, почему всё это случилось именно таким образом и почему никакой бог не мог бы ничего поделать против этого. В другом месте критика говорит, что ни одна историческая эпоха ещё не познана; скромность запрещает ей сказать, что она в совершенстве постигла по крайней мере и свою собственную коллизию и коллизию Науверка, которые хотя и не являются эпохами, но на её взгляд всё же *делают* эпоху.

Критическая критика, «снявшая» в себе «момент» *основательности,* становится *«спокойствием познавания».*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА КАК СПОКОЙСТВИЕ ПОЗНАВАНИЯ, или КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА В ЛИЦЕ г-на ЭДГАРА

1) «РАБОЧИЙ СОЮЗ» ФЛОРЫ ТРИСТАН [11]

Французские социалисты утверждают: рабочий делает всё, производит всё и не имеет при этом ни прав, ни собственности, —короче говоря, не имеет ничего. На это критика устами г-на *Эдгара,* олицетворённого *спокойствия познавания,* отвечает:

«Чтобы всё создавать, требуется некое более сильное сознание, чем рабочее сознание. Только в перевёрнутом виде приведённое выше положение было бы правильно: рабочий не делает ничего, поэтому он ничего и не имеет; не делает же он ничего потому, что его работа всегда остаётся чем-то единичным, рассчитана на удовлетворение его собственнейшей потребности и является будничной работой».

Здесь критика достигает таких высот абстракции, откуда ей только её собственные творения мысли и противоречащие всякой действительности всеобщности представляются как «нечто» или — более того — как *«всё».* Рабочий не создаёт ничего потому, что он создаёт лишь «единичное», т. е. чувственные, осязаемые, неодухотворённые и некритичные предметы, один вид которых приводит в ужас чистую критику. Всё действительное, всё живое является некритичным, массовидным, и поэтому оно — «ничто», и только идеальные, фантастические творения критической критики суть *«всё».*

Рабочий не создаёт ничего потому, что его работа есть нечто единичное, рассчитанное лишь на удовлетворение его индивидуальной потребности, т. е. потому, что при современном устройстве мира отдельные, внутренне связанные друг с другом отрасли труда разделены и даже противопоставлены друг другу, — короче говоря, потому, что труд не *организован.* Тезис, выдвинутый самой критикой, если его истолковать в единственно возможном разумном смысле, требует организации труда. Флора

Тристан, при разборе сочинения которой всплывает этот великий тезис, требует того же и за своё дерзкое стремление опередить критическую критику третируется последней en canaille*. «Рабочий не создаёт ничего». Положение это к тому же есть сумасшедший бред, если оставить в стороне то обстоятельство, что *отдельный* рабочий не производит ничего *целого,* а это — тавтология. Критическая критика не создаёт ничего, рабочий создаёт всё, до такой степени всё, что он также и своими духовными творениями посрамляет всю критику. Английские и французские рабочие являются лучшим свидетельством этого. Рабочий создаёт даже *человека,* критик же навсегда останется уродом [Unmensch], но зато он испытывает, конечно, внутреннее удовлетворение от сознания, что он — критический критик.

«Флора Тристан даёт нам пример того женского догматизма, который не может обойтись без формулы и образует её себе из категорий существующего».

Критика только то и делает, что «образует себе формулы из категорий существующего», а именно—из существующей *гегелевской* философии и существующих социальных устремлений. Формулы — и ничего более, кроме формул. И несмотря на все её нападки на догматизм, она сама себя осуждает на догматизм, мало того — на догматизм *женский.* Она является и остаётся старой бабой; она—увядшая и вдовствующая *гегелевская* философия, которая подрумянивает и наряжает своё высохшее до отвратительнейшей абстракции тело и с вожделением высматривает все уголки Германии в поисках жениха.

2) БЕРО О ПУБЛИЧНЫХ ЖЕНЩИНАХ

Г-н Эдгар, снизойдя уже раз до социальных вопросов, считает своим долгом вмешаться также и в *«непотребные отношения»* (выпуск V, стр. 26).

Он критикует книгу парижского полицейского комиссара Беро о проституции, потому что ему не даёт покоя та *«точка зрения»,* с которой «Беро рассматривает отношения публичных женщин к обществу». «Спокойствие познавания» удивляется, что полицейский стоит именно на полицейской точке зрения, и даёт массе понять, что эта точка зрения совершенно превратная. Своей же собственной точки зрения оно не обнаруживает. Вполне понятно! Когда критика возится с публичными женщинами, то нельзя ведь требовать, чтобы она это делала перед публикой.

* — самым пренебрежительным образом. *Ред.*

3) ЛЮБОВЬ

Чтобы достичь полного «спокойствия познавания», критическая критика прежде всего должна постараться разделаться с *любовью.* Любовь — это страсть, а для спокойствия познавания нет ничего более опасного чем страсть. Поэтому в связи с романами г-жи фон Пальцов, которые, по уверению г-на Эдгара, «основательно *изучены* им», он преодолевает *«ребячество, называемое любовью».* Любовь—это ужас и страшилище. Она вызывает у критической критики злость, разлитие жёлчи и чуть ли не умопомрачение.

«Любовь... есть жестокая богиня, которая, как и всякое божество, стремится завладеть всем человеком и не удовлетворяется до тех пор, пока человек не отдаст ей не только свою душу, но и своё физическое «я». Её культ, это — страдание, вершина этого культа — самопожертвование, самоубийство».

Чтобы превратить любовь в «Молоха», в воплощённого дьявола, г-н Эдгар превращает её предварительно в богиню. Став богиней, т. е. предметом теологии, любовь, разумеется, подлежит *теологической критике;* да и помимо того бог и дьявол, как известно, не далеки друг от друга. Г-н Эдгар превращает любовь в «богиню», и притом в «жестокую богиню», тем, что из *любящего человека,* из любви *человека* он делает человека *любви,* — тем, что он отделяет от человека *«любовь»* как особую сущность и, как таковую, наделяет её самостоятельным бытием. Посредством такого простого процесса, посредством такого превращения предиката в субъект можно все присущие человеку определения и проявления критически преобразовать в *фантастические отдельные существа* и в *самоотчуждения* человеческой сущности. Так, например, критическая критика делает из критики, как предиката и деятельности человека, особый субъект, направленную на самоё себя и потому *критическую критику,* —делает какого-то «Молоха», культ которого состоит в самопожертвовании, в самоубийстве человека и особенно его *мыслительной способности.*

«Предмет.», — восклицает спокойствие познавания, — «предмет, вот подходящее выражение, ибо любимый для любящего» — (женский род отсутствует) — «важен лишь как *этот внешний объект* его *душевного влечения,* как объект, в котором он хочет найти удовлетворение для своего эгоистического чувства».

Предмет! Ужасно! Нет ничего более возмутительного, более нечестивого, более массового, чем *предмет,* — долой же предмет! Как могла абсолютная субъективность, actus purus*, *«чистая»* критика, — как могла она не усмотреть в любви своей

* — чистая деятельность. *Ред.*

bete noire*, воплощения сатаны,—в любви, которая впервые по-настоящему научает человека верить в находящийся вне его предметный мир, которая обращает не только человека в предмет, но даже предмет в человека!

Любовь,—продолжает, вне себя, спокойствие познавания, — не успокаивается даже на том, чтобы превратить человека в *категорию «объекта»* для другого человека: она превращает его в *определённый, действительный* объект, в *этот* скверно-индивидуальный (см. «Феноменологию» Гегеля[12] о категориях «Это» и «То», где также ведётся полемика против скверного *«Это») внешний* объект, имеющий не только внутреннее, скрывающееся в мозгу, но и чувственно осязаемое существование.

«Любовь
Не заточена в пределах *одного лишь мозга».*

Нет, возлюбленная есть *чувственный предмет.* А критическая критика, если уж ей приходится снизойти до признания какого-нибудь предмета, требует по меньшей мере, чтобы предмет был *нечувственным* предметом. Любовь же — *некритический, нехристианский материалист.*

Наконец, любовь ухитряется даже делать одного человека *«этим внешним объектом душевного влечения»* другого человека, объектом, в котором находит удовлетворение *эгоистическое* чувство другого человека, — *эгоистическое* по той причине, что оно в другом человеке *хочет обрести свою собственную сущность,* а это не должно иметь места. Критическая критика *настолько свободна* от всякого *эгоизма,* что *находит в своём собственном* «я» исчерпанным до дна всё содержание человеческой сущности.

Г-н Эдгар не сообщает нам, конечно, чем возлюбленная отличается от всех прочих «внешних объектов душевного влечения, в которых находят себе удовлетворение эгоистические чувства людей». Обаятельный, полный чувства, богатый содержанием предмет любви сводится для спокойствия познавания только к абстрактной схеме: «этот внешний объект душевного влечения»,— подобно тому как для спекулятивного натурфилософа комета сводится только к категории «отрицательности». Делая другого человека внешним объектом своего душевного влечения, человек, правда, — по собственному признанию критической критики, — придаёт ему «значительность»; но это, так сказать, *предметная значительность,* между тем как значительность, придаваемая предметам критикой, есть не что иное, как та значительность, которую критика приписывает себе самой. Эта критическая «значительность» являет себя поэтому не «в дурном

* — буквально: чёрный зверь, т. е. страшилище, предмет ненависти. Ред.

внешнем бытии», а в *«Ничто»* критически значительного предмета.

Если спокойствие познавания в действительном человеке не обретает *предмета,* то зато в *человечестве* оно обретает *дело.* Критическая любовь «больше всего *остерегается* из-за личности забыть *дело,* которое есть не что иное, как дело человечества». Некритическая же любовь не отделяет человечества от индивидуального человека, от личности.

«Сама по себе любовь, как *абстрактная* страсть, неведомо откуда пришедшая и неведомо куда уходящая, не обладает интересом к *внутреннему* развитию».

В глазах спокойствия познавания любовь есть абстрактная страсть, согласно *спекулятивному* словоупотреблению, называющему конкретное абстрактным, а абстрактное конкретным.

«В долине дева не родилась,
Где дом её, —никто не знал;
Но вот она опять простилась,
Ушла, и след её пропал»[13].

В глазах абстракции любовь есть «дева с чужбины», не имеющая диалектического паспорта, а потому изгоняемая из страны критической полицией.

Любовная страсть не обладает интересом к *внутреннему* развитию, потому что она не может быть сконструирована a priori, потому что её развитие есть действительное развитие, происходящее в чувственном мире и среди действительных индивидуумов. Главный же интерес спекулятивной конструкции заключается в «откуда» и «куда». «Откуда» есть именно *«необходимость* понятия, его доказательство и дедукция» (Гегель). «Куда» есть такое определение, «в силу которого каждое отдельное звено спекулятивного кругооборота, как одушевлённое содержание метода, есть в то же время начало нового звена» (Гегель). Итак, только в том случае, если бы можно было a priori сконструировать «откуда» и «куда» любви, последняя заслуживала бы «интереса» спекулятивной критики.

Критическая критика борется здесь не только с любовью, но и со всем живым, со всем непосредственным, со всяким чувственным опытом, со всяким вообще *действительным* опытом, относительно которого мы никогда наперёд не *знаем* ни «откуда», ни «куда».

Посредством преодоления любви г-н Эдгар вполне *утвердил* самого себя в качестве «спокойствия познавания». После этого он тотчас же покажет на *Прудоне* свою великую виртуозность

познавания, для которого *«предмет»* перестал быть *«этим внешним объектом»,* а кстати — свою ещё более великую *нелюбовь* к французскому языку.

4) ПРУДОН

По словам критической критики, произведение «Что такое собственность?»[14] написано не самим *Прудоном,* а «прудоновской *точкой зрения»:*

«Я начинаю своё изложение прудоновской точки зрения с характеристики её» (точки зрения) «произведения «Что такое собственность?»».

Так как только произведения критической точки зрения сами по себе обладают характером, то критическая характеристика по необходимости начинает с того, что наделяет характером прудоновское произведение. Г-н Эдгар придаёт этому произведению характер тем, что *переводит* его. Он придаёт ему, конечно, *дурной* характер, ибо он превращает его в *предмет* «критики».

Произведение Прудона подвергается, таким образом, двойному нападению со стороны г-на Эдгара: *молчаливому*— в его характеризующем переводе, и *открыто выраженному* — в его критических комментариях. Мы увидим, что г-н Эдгар обнаруживает большую уничтожающую силу, когда он переводит, нежели когда он комментирует.

ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ ПЕРЕВОД № 1

«Я не хочу» (это говорит критически переведённый Прудон) «дать какую-нибудь систему нового, я не хочу ничего, кроме отмены привилегий, уничтожения рабства... Справедливость, ничего кроме справедливости,— вот моё мнение».

Характеризуемый Прудон ограничивается волей и мнением, потому что «добрая воля» и ненаучное «мнение» суть характерные атрибуты некритической массы. Характеризуемый Прудон отличается той смиренностью, какая приличествует массе, и подчиняет то, чего он хочет, тому, чего он *не* хочет. Он не дерзает желать дать систему нового, он хочет меньшего, он даже не хочет *ничего,* кроме отмены привилегий и т. д. Кроме этого критического подчинения имеющегося у него желания тому желанию, которого у него нет, его первые слова тотчас же обнаруживают характерный недостаток логики. Писатель, начинающий свою книгу с заявления, что он не хочет дать системы нового, должен нам, конечно, сказать, что же он хочет дать, — будь это систематизированное старое или же несистематизированное новое. Но характеризуемый Прудон, который не хочет *дать* системы нового, — хочет ли он дать отмену привилегий? Нет. Он просто *хочет* этой отмены.

Действительный Прудон говорит: «Je ne fais pas de systeme; je demande la fin du privilege» etc. («Я не создаю никакой системы, я требую отмены привилегий» и т. д.). Значит, действительный Прудон заявляет, что он не преследует никаких абстрактно-научных целей, а только предъявляет обществу непосредственно-практические требования. И требование, которое он предъявляет, далеко не произвольно. Оно находит себе обоснование и оправдание во всём развитии темы, которое им дано; оно представляет собой резюме этого развития. Ибо «справедливость и только справедливость — таково резюме моего *рассуждения».* Характеризуемый Прудон со своим положением «справедливость, ничего кроме справедливости, — вот моё мнение» попадает в тем более затруднительное положение, что он ещё многое другое «мнит» и, по словам г-на Эдгара, *«мнит»,* например, что философия была недостаточно практична, *«мнит»* опровергнуть Шарля Конта и т. д.

Критический Прудон спрашивает себя: «Неужели *человек* обязан быть всегда несчастным?» Иными словами, он спрашивает: составляет ли несчастье нравственное назначение человека? Действительный же Прудон — легкомысленный француз, и вопрос он ставит так: есть ли несчастье материальная необходимость, нечто *неизбежное? («Неизбежно* ли, чтобы человек всегда был несчастен?»)

Массовый Прудон говорит:

«Et, sans m'arreter aux explications a toute fin des entrepreneurs de reformes, accusant de la detresse generale, ceux-ci la lachete et 1'imperitie du pouvoir, ceux-la les conspirateurs et les emeutes, d'autres 1'ignorance et la corruption generale», etc.[*]

Так как выражение «a toute fin» — скверное массовое выражение, которого нельзя найти в массовых немецких словарях, то критический Прудон отбрасывает, конечно, это более точное определение «объяснений». Этот термин заимствован из массовой французской юриспруденции, где «explications a toute fin» означает объяснения, пресекающие всякие возражения. Критический Прудон делает выпад по адресу *«реформистов»,* т. е. одной французской социалистической партии[15], массовый же Прудон— по адресу «фабрикантов реформ». Массовый Прудон различает отдельные виды «фабрикантов реформ»: эти (ceux-ci) говорят *то-то,* те (ceux-la) — *то-то,* другие (d'autres) — *то-то.* Критический же Прудон заставляет *одних и тех же реформистов*

[*] — «Не останавливаясь на пресекающих всякие возражения объяснениях фабрикантов реформ, из которых одни винят в общей нужде трусость и неспособность правительства, другие — заговорщиков и мятежи, третьи — невежество и общую испорченность», и т. д. *Ред.*

«винить то одно, то другое, то третье», что, во всяком случае, свидетельствует о их непостоянстве. Действительный Прудон, руководствующийся массовой французской практикой, говорит о «les conspirateurs et les emeutes», т. е. сначала о заговорщиках, а потом уже о их действиях — мятежах. Критический же Прудон, смешавший в одну кучу различные виды реформистов, классифицирует, напротив, бунтовщиков и потому говорит: «заговорщики и *мятежники».* Массовый Прудон говорит о *невежестве и. «общей испорченности».* Критический же Прудон превращает невежество в глупость, «испорченность» в «развращённость» и, наконец, в качестве критического критика, делает глупость *всеобщей.* Он сам тут же даёт пример последней, ставя слово «generale» не во множественном числе, а в единственном. Он пишет: «1'ignorance et la corruption generale», а хочет сказать: «всеобщая глупость и всеобщая развращённость». Согласно некритической французской грамматике, фраза должна была бы в таком случае гласить: «1'ignorance et la corruption general*es*».

Характеризуемый Прудон, который говорит и мыслит иначе, чем массовый Прудон, должен был, разумеется, пройти также совершенно иной *путь умственного развития.* Он «опрашивал мастеров науки, прочёл сотни книг по философии и юриспруденции и т. д. и б *конце концов* убедился, что мы никогда не отдавали себе правильного отчёта в значении слов «справедливость, правосудие, свобода»». Действительный же Прудон полагал, что он *с самого начала* понял (je crus *d'abord* reconnaitre) то, что критический уразумел лишь *«в конце концов».* Критическое превращение d'abord* в enfin** необходимо потому, что масса не смеет думать, будто она поняла что-нибудь «с самого начала». Массовый Прудон рассказывает в самых ясных выражениях, как он был поражён этим неожиданным результатом своих исследований и как он отказывался верить этому. Он решил поэтому сделать *«проверочный опыт»;* он спросил себя: «Возможно ли, чтобы всё человечество так долго обманывалось насчёт принципов применения морали? Каким образом и почему оно обманывалось?» и т. д. Правильность своих наблюдений он ставил в зависимость от решения этих вопросов. Он пришёл к заключению, что в морали, как и во всех прочих отраслях знания, заблуждения *«составляют ступени науки».* Критический Прудон, напротив, тотчас же доверяет первому впечатлению, произведённому на него его политико-экономическими, юридическими и тому подобными исследованиями. Оно и понятно: масса не смеет поступать *основательно,* она обязательно возводит первые же результаты своих

* — с самого начала. *Ред.*
** — наконец, в конце концов. *Ред.*

исследований в неоспоримые истины. Она «с самого начала имеет готовое мнение, прежде чем она померялась со своей противоположностью»; поэтому впоследствии «оказывается, что она не успела ещё добраться до начала, когда она считает себя дошедшей до конца».

Критический Прудон продолжает поэтому рассуждать самым неосновательным и самым бессвязным образом:

«Наше знание моральных законов не является с самого начала полным; *поэтому* на некоторое время оно может быть достаточным для общественного прогресса; но в дальнейшем оно должно повести нас по ложному пути».

Критический Прудон не объясняет, почему неполное знание моральных законов может быть достаточным для общественного прогресса хотя бы в течение одного только дня. Действительный же Прудон сначала задаёт себе вопрос: возможно ли вообще и почему возможно, что всё человечество так долго заблуждалось? Разрешение этого вопроса он находит в том, что все заблуждения составляют ступени науки, что даже самые несовершенные наши суждения заключают в себе некоторую сумму истин, вполне достаточных для известного числа индуктивных выводов и для определённой сферы практической жизни; за пределами же этого числа и этой сферы эти истины приводят теоретически к абсурду, а практически к упадку. Дав такое объяснение, Прудон может сказать, что даже несовершенное знание моральных законов в течение некоторого времени может быть достаточным для общественного прогресса.

Критический Прудон говорит:

«Но как только обнаруживается необходимость в новом знании, тотчас же разгорается ожесточённая борьба между старыми предрассудками и новой идеей».

Однако как может завязаться борьба с противником, который *ещё не* существует? Ведь хотя критический Прудон и сказал нам, что возникла необходимость в новой идее, но он не говорил ещё, что сама эта новая идея уже *возникла.*

Массовый же Прудон говорит:

«Как только обнаруживается необходимость в более высоком знании, оно *никогда не заставляет себя ждать».* Стало быть, оно имеется налицо. «И *тогда* начинается борьба».

Критический Прудон утверждает, что «назначение человека состоит в том, чтобы шаг за шагом образовывать свой ум», как будто у человека нет совершенно другого назначения, а именно — быть человеком, и как будто самообразование «шаг за ша-

гом» неизбежно подвинет нас вперёд. Я могу делать один шаг за другим и всё-таки вернуться к той самой точке, откуда я вышел. Некритический же Прудон говорит не о «назначении» человека, а о необходимом для него *условии,* (condition) образовывать свой ум, и не *шаг за шагом* (pas a pas), а *ступень за ступенью* (par degrеs). Критический Прудон говорит самому себе:

«Среди принципов, на которых покоится общество, есть один принцип, которого оно не понимает, который оно исказило по своему невежеству и который является причиной всех зол. И тем не менее люди уважают *этот* принцип, желают его, ибо иначе он не имел бы никакого влияния. Этот принцип, истинный по своей *сущности,* но ложный по тому представлению, какое мы себе создали о нём, —этот принцип... в чём он заключается?»

В первом предложении критический Прудон говорит, что принцип искажён и не понят обществом; следовательно, сам по себе он правилен. Во втором предложении он ещё раз признаёт, что принцип этот по своей сущности истинен, и тем не менее он упрекает общество в том, что оно уважает «этот принцип» и желает его. Массовый Прудон, напротив, порицает общество не за то, что оно уважает этот принцип, каков он есть, а за то, что оно уважает этот принцип, фальсифицированный нашим невежеством («ce principe... tel que notre ignorance l'a fait, est honorе»). Критический Прудон считает *сущность* принципа в его неистинном виде *истинной.* Массовый же Прудон полагает, что сущность фальсифицированного принципа есть плод нашего ложного представления, а *предмет* (objet) его — истинен, точь-в-точь как, например, сущность алхимии и астрологии — плод нашего воображения, предмет же их — движение небесных тел и химические свойства тел — истинен.

Критический Прудон, продолжая свой монолог, говорит:

«Предметом нашего исследования является закон, определение социального принципа. Политики, т. е. люди социальной науки, находятся во власти совершенно неясных представлений; но так как в основе каждого заблуждения лежит какая-нибудь действительность, то мы и в их книгах сумеем отыскать истину, которую они произвели на свет, сами того не зная».

Критический Прудон рассуждает поразительно странно. Констатировав невежество и неясность представлений политиков, он самым произвольным образом переходит к утверждению, что в основе каждого заблуждения лежит какая-нибудь действительность, в чём мы тем менее можем сомневаться, что в основе каждого заблуждения мы имеем некоторую действительность уже в лице самого заблуждающегося. Из того факта, что в *основе* каждого заблуждения лежит какая-нибудь

действительность, он заключает далее, что *в книгах* политиков можно открыть истину. И, наконец, он даже заставляет политиков произвести эту истину на *свет.* Если бы они произвели её на *свет,* нам незачем было бы искать её в их *книгах.* Массовый Прудон говорит:

«Политики не понимают друг друга (ne s'entendent pas); поэтому их заблуждение субъективно, оно коренится в них самих (donc c'est en eux qu'est 1'erreur)». Их взаимное непонимание служит доказательством их односторонности. Они смешивают «своё частное мнение со здравым рассудком», и «так как» — согласно прежней дедукции — «каждое заблуждение имеет своим *предметом* какую-нибудь настоящую действительность, то в книгах политиков непременно найдётся истина, которую они вложили сюда», т. е. в свои книги, — «вложили бессознательно», а не произвели на свет (dans leurs livres doib se trouver la verite, qu'a leur insu ils y auront mise).

Критический Прудон спрашивает себя: «Что такое справедливость, каковы её сущность, её характер, её значение?» Как будто справедливости присуще ещё какое-то особое значение, отличное от её сущности и характера. Некритический Прудон спрашивает: «Каков её принцип, её характер и её формула (formule)?» Формула выражает принцип в качестве принципа научного доказательства. В массовом французском языке слова «formule» и «signification»[*] существенно отличны друг от друга. В критическом французском языке слова эти тождественны по своему значению.

Покончив со своими в высшей степени никчёмными рассуждениями, критический Прудон собирается с духом и восклицает:

«Попытаемся подойти несколько ближе к нашему предмету».

Между тем некритический Прудон, давно уже вплотную подошедший к своему предмету, пытается прийти к более точным и более положительным определениям своего предмета (d'arriver a quelque chose de plus precis et de plus positif).

Для критического Прудона «закон есть *определение* справедливого», для некритического он есть *«провозглашение»* (declaration) справедливого. Некритический Прудон оспаривает мнение, будто закон творит право. Выражение же «определение закона» может одинаково обозначать как то, что закон определяется чем-нибудь другим, так и то, что он сам определяет что-нибудь другое; выше сам критический Прудон говорил в этом последнем смысле об определении социального принципа. Впрочем, массовому Прудону не пристало делать такие тонкие различения.

При таких расхождениях между критически характеризуемым Прудоном и действительным Прудоном нет ничего удиви-

[*] — «значение». *Ред.*

тельного в том, что Прудон № 1 пытается *доказать* нечто совершенно иное, нежели Прудон № 2. Критический Прудон

> *«пытается* на *опыте истории доказать»,* что «если наша идея о справедливом и правомерном ложна, то, *очевидно»* (несмотря на эту очевидность, он всё-таки считает нужным доказывать), «все её применения в законе должны быть плохими и все наши учреждения должны быть порочными».

Массовый Прудон весьма далёк от того, чтобы доказывать то, что очевидно. Он, напротив, говорит:

> «Если предположить, что наша идея о справедливом и правомерном плохо определена, неполна или даже ложна, то *очевидно,* что плохи также н все наши законодательные применения её» и т. д.

Что, собственно, хочет доказать некритический Прудон?

> «Эта гипотеза»,—продолжает он,—«об искажении справедливости в нашем представлении, а следовательно и в наших действиях, была бы доказанным фактом, если бы мнения людей относительно понятия справедливости и относительно его применений не оставались всегда одними и теми же, если бы они в различные времена претерпевали различные изменения, словом, если бы в идеях происходил прогресс».

Но в том-то и дело, что именно это непостоянство, эта изменчивость, этот прогресс «блестящим образом засвидетельствованы *историей».* И некритический Прудон приводит эти блестящие свидетельства истории. Его критический двойник, доказывавший раньше на основании опыта истории совершенно иное положение, теперь совершенно иначе изображает также и самый этот опыт.

У действительного Прудона падение Римской империи предсказано было «мудрецами (les sages)», у критического Прудона — «философами». Критический Прудон считает, конечно, одних только философов мудрыми людьми. По действительному Прудону, римские «права были освящены тысячелетней юридической практикой, или юстицией (ces droits consacres par une justice dix fois seculaire)»; по критическому Прудону, в Риме существовали «права, освящённые тысячелетней *справедливостью».*

Судя по тому же Прудону № 1, в Риме рассуждали следующим образом:

> «Рим... победил при помощи своей политики и своих богов; всякая реформа культа и народного духа была бы глупостью и осквернением» (у критического Прудона слово «sacrilege» означает не осквернение святыни, не кощунство, как в массовом французском языке, а просто— осквернение); «задайся Рим целью освободить народы, он отрёкся бы этим от своего права». «Таким образом», — добавляет Прудон № 1, — «Рим имел на своей стороне как факт, так и право».

По некритическому Прудону, в Риме рассуждали более основательно. Там уточняли *факт:*

«Рабы—обильнейший источник богатства Рима; освобождение народов было бы поэтому равносильно *крушению римских финансов».*

Что же касается *права,* то массовый Прудон приводит ещё следующее соображение: «Претензии Рима находили себе оправдание в праве народов (droit des gens)». Такой способ доказательства права порабощения вполне соответствует правовым воззрениям римлян. Смотри массовидные пандекты: *«jure gentium servitus* invasit» (Fr. 4. D. I. I)*.

По критическому Прудону, «идолопоклонство, рабство, изнеженность составляли основу римских институтов», — всех институтов без разбору. Действительный же Прудон говорит: «Основу римских институтов в области религиозной составляло идолопоклонство, в области государственной жизни — рабство, в области частной жизни — эпикурейство» (на обычном французском языке слово «epicurisme» не тождественно по своему значению с «mollesse», изнеженностью). При таком состоянии Рима «явилось», — так рассказывает мистический Прудон, — «слово господне»; действительный же, рационалистический Прудон говорит о явлении «мужа, *называвшего* себя словом господним». У действительного Прудона муж этот называет жрецов «гадюками» (viperes), у критического он выражается галантнее и называет их «змеями». У первого он на римский лад говорит об «адвокатах» [«Advokaten»], у второго— на немецкий лад, о «правоведах» [«Rechtsgelehrte»].

Критический Прудон, назвав дух французской революции духом противоречия, добавляет к этому:

«Этого достаточно, чтобы убедиться, что новое, пришедшее на смену старому, не имело на себе ничего методического и обдуманного».

Он не может обойтись без механического повторения излюбленных категорий критической критики: «новое» и «старое». Он не может обойтись без бессмысленного требования, чтобы «новое» имело *на* себе *[an* sich] нечто методическое и обдуманное, наподобие того, как имеют на себе [an sich] — ну, скажем, — следы грязи. Действительный же Прудон говорит:

«Этого достаточно, чтобы доказать, что тот порядок вещей, который заменил собой старый, был лишён *в* самом себе *[in* sich] метода и рефлексии».

Критический Прудон, увлечённый воспоминанием о французской революции, до такой степени *революционизирует* француз-

* — *«рабство* укоренилось в силу *права, общего всем народам»* (Дигесты, книга I, титул I, фрагмент 4). *Ред.*

ский язык, что переводит слова «un fait physique»* как «факт физики», а слова «un fait intellectuel»** как «факт ума». При помощи такого революционизирования французского языка критическому Прудону удаётся сделать физику обладательницей всех фактов, встречающихся в природе. Если он, таким образом, с одной стороны, возвеличивает естествознание свыше всякой меры, то, с другой стороны, он в такой же мере его унижает, отказывая ему в уме и отличая факт ума от факта физики. В такой же степени он делает излишними все дальнейшие психологические и логические изыскания, непосредственно возводя факт духовной жизни в факт ума.

Так как критический Прудон, Прудон № 1, даже не подозревает, что хочет доказать своей исторической дедукцией действительный Прудон, Прудон № 2, то для него, конечно, не существует и самое содержание этой дедукции, а именно — доказательство изменения представлений о праве и беспрерывного *осуществления* справедливости путём *отрицания* исторического положительного права.

«Общество»,—читаем мы у действительного Прудона,—«было спасено путём *отрицания* его принципов... и путём *нарушения* самых священных *прав».*

Так действительный Прудон доказывает, что отрицание римского права привело к расширению понятия права в христианском *представлении о* праве, что отрицание захватного права привело к установлению права общин, а осуществлённое французской революцией отрицание всего феодального права привело к более широкому современному правовому порядку.

Критическая критика никоим образом не может допустить, чтобы Прудону принадлежала слава открытия закона об осуществлении принципа путём его отрицания. Между тем в этой сознательной форме мысль эта была настоящим откровением для французов.

КРИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ № 1

Подобно тому как первая критика всякой науки необходимо находится во власти предпосылок той самой науки, против которой она ведёт борьбу, так и произведение Прудона «Что такое собственность?» представляет собой критику *политической экономии* с точки зрения политической экономии. — На юридической части книги, которая критикует право с точки зрения права, нам нет необходимости здесь останавливаться, потому что

* — «факт, относящийся к материальной природе». *Ред.*
** — «факт, относящийся к духовной, интеллектуальной жизни». Ред.

главный интерес книги заключается в критике политической экономии. — Произведение Прудона научно преодолевается, следовательно, путём критики *политической экономии,* в том числе и политической экономии в прудоновском её понимании. Работа эта стала возможной только благодаря тому, что было сделано самим Прудоном, точно так же, как критика, даваемая Прудоном, имела своими предпосылками критику меркантилистской системы со стороны физиократов, критику физиократов со стороны Адама Смита, критику Адама Смита со стороны Рикардо, равно как работы Фурье и Сен-Симона.

Все рассуждения политической экономии имеют своей предпосылкой *частную собственность.* Эта основная предпосылка принимается ею в качестве непреложного факта, не подвергаемого ею никакому дальнейшему исследованию, — больше того, в качестве такого факта, которого политическая экономия касается только «случайно», как наивно признаётся *Сэй.* Прудон же подвергает основу политической экономии, *частную собственность,* критическому исследованию, и притом—первому решительному, беспощадному и в то же время научному исследованию. В этом и заключается большой научный прогресс, совершённый им, — прогресс, который революционизирует политическую экономию и впервые делает возможной действительную науку политической экономии. Произведение Прудона «Что такое собственность?» имеет такое же значение для новейшей политической экономии, как произведение *Сиейеса* «Что такое третье сословие?» для новейшей политики.

Если сам Прудон ещё не рассматривает дальнейшие формы частной собственности: заработную плату, торговлю, стоимость, цену, деньги и т. д. именно как формы частной собственности, что сделано, например, в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»[16] (см. «Наброски к критике политической экономии» Ф. Энгельса), — если он этого не делает, а опровергает экономистов при помощи этих же политико-экономических предпосылок, то это вполне соответствует его вышеуказанной, исторически оправданной точке зрения.

Политическая экономия, принимающая отношения частной собственности за человеческие и разумные, непрерывно впадает в противоречие со своей основной предпосылкой — частной собственностью, в противоречие, подобное тому, в которое впадает теолог, когда он, постоянно истолковывая религиозные представления на человеческий лад, тем самым беспрестанно грешит против своей основной предпосылки — сверхчеловечности религии. Так в политической экономии заработная плата вначале выступает как причитающаяся труду пропорциональ-

ная доля в продукте. Заработная плата и прибыль на капитал стоят друг к другу в самых дружественных, взаимно благоприятствующих, по видимости в самых что ни на есть человечных отношениях. Впоследствии же оказывается, что отношения эти—самые наивраждебные, что заработная плата находится в *обратном* отношении к прибыли на капитал. Стоимости сначала даётся по видимости разумное определение: она определяется издержками производства вещи и общественной полезностью последней. Впоследствии же оказывается, что стоимость есть чисто случайное определение, не стоящее ни в каком отношении ни к издержкам производства, ни к общественной полезности. Величина заработной платы определяется сначала как результат *свободного* соглашения между свободным рабочим и свободным капиталистом. Впоследствии же оказывается, что рабочий вынужден согласиться на определение заработной платы капиталистом, последний же вынужден держать заработную плату на возможно более низком уровне. Место *свободы* договаривающейся стороны заняло *принуждение.* Таким же образом обстоит дело с торговлей и со всеми прочими экономическими отношениями. Иногда сами экономисты чувствуют эти противоречия, и раскрытие этих противоречий составляет главное содержание ведущейся между экономистами борьбы. Но в тех случаях, когда эти противоречия так или иначе осознаются экономистами, *последние сами* нападают на *частную собственность* в какой-нибудь из её *частных* форм, обвиняя те или иные частные формы её в фальсификации разумной самой по себе (т. е. в их представлении) заработной платы, разумной самой по себе стоимости, разумной самой по себе торговли. Так, Адам Смит нападает иногда на капиталистов, Дестют де Траси— на банкиров, Симонд де Сисмонди—на фабричную систему, Рикардо — на земельную собственность, почти все новейшие экономисты—на *непромышленных* капиталистов, в лице которых частная собственность выступает только как *потребитель.*

Таким образом, экономисты иногда в виде исключения отстаивают видимость человечного в экономических отношениях — особенно тогда, когда они нападают на какое-нибудь специальное злоупотребление, — но чаще всего они берут эти отношения как раз в их явно выраженном *отличии* от человечного, в их строго экономическом смысле. Не сознавая этого противоречия и шатаясь из стороны в сторону, они не выходят за его пределы.

Прудон раз навсегда положил конец этой бессознательности. Он отнёсся серьёзно к *человечной видимости* экономических отношений и резко противопоставил ей их *бесчеловечную действительность.* Он заставил их в действительности быть тем, чем

они являются в их собственном представлении о себе, или, вернее, он заставил их отказаться от этого представления о себе и признать свою действительную бесчеловечность. Он поэтому вполне последовательно изобразил в качестве фактора, фальсифицирующего экономические отношения, не тот или иной вид частной собственности в отдельности, как это делали остальные экономисты, а частную собственность просто, в её всеобщности. Он сделал всё, что может сделать критика политической экономии, оставаясь на политико-экономической точке зрения.

Г-н Эдгар, желающий *охарактеризовать точку зрения* произведения «Что такое собственность?», не говорит, конечно, ни слова ни о политической экономии, ни об отличительном характере прудоновского произведения, заключающемся именно в том, что вопрос о *сущности частной собственности* поставлен там как жизненный вопрос политической экономии и юриспруденции. Для критической критики всё это разумеется само собой. Прудон, — говорит критика, — не открыл ничего нового своим отрицанием частной собственности. Он только выболтал тайну, о которой умолчала критическая критика.

«Прудон», — продолжает г-н Эдгар непосредственно за своим характеризующим переводом, — «открыл, таким образом, в истории нечто абсолютное, вечную основу, божество, которое направляет человечество. Это божество — справедливость».

Французское произведение Прудона 1840 г. не стоит на точке зрения немецкого развития 1844 года. В этом и состоит точка зрения Прудона, которую разделяет множество диаметрально противоположных ему французских писателей, к явной выгоде для критической критики, получающей возможность одним и тем же росчерком пера охарактеризовать самые противоположные точки зрения. К тому же, стоит только последовательно провести закон, выставленный самим Прудоном, а именно закон об осуществлении справедливости путём её отрицания, чтобы тем самым отделаться и от этого абсолюта в истории. Если Прудон не доходит до этого последовательного вывода, то этим он обязан тому печальному обстоятельству, что он родился французом, а не немцем.

Для г-на Эдгара Прудон, с его абсолютом в истории, с его верой в справедливость, стал *теологическим* предметом, и критическая критика, будучи ex professo* критикой теологии, может теперь заняться Прудоном, чтобы по его поводу изощряться в нападках на «религиозные представления».

* — по специальности. *Ред.*

«Характерным в каждом религиозном представлении является то, что оно выставляет в виде догмы такое состояние, в котором под конец одна из противоположностей выступает как победившая и единственно истинная».

Мы увидим, как религиозная критическая критика выставляет в виде догмы такое состояние, в котором под конец одна из противоположностей—«критика», в качестве единственной истины, одерживает победу над другой противоположностью — «массой». Прудон же, приняв массовую справедливость за абсолют, за бога истории, совершил тем большую несправедливость, что справедливая критика *весьма определённо* резервировала для самой себя роль этого абсолюта, этого бога истории.

КРИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ № 2

«Факт существования нищеты, бедности приводит Прудона к односторонним рассуждениям; в факте этом он видит нечто *противоречащее* равенству и справедливости; в нём, в этом факте, он находит своё оружие. Таким образом этот факт становится для него абсолютным, правомерным, факт же существования частной собственности — неправомерным».

Спокойствие познавания говорит нам, что Прудон видит в факте существования нищеты нечто противоречащее справедливости,—следовательно, считает этот факт неправомерным; и тут же, не переводя дыхания, спокойствие познавания заявляет нам, что этот факт становится для Прудона абсолютным и правомерным.

Существующая до сих пор политическая экономия, отправляясь от факта *богатства,* создаваемого движением частной собственности якобы для *народов,* приходила к апологии частной собственности. Прудон отправляется от противоположного факта, софистически завуалированного в политической экономии, от факта бедности, создаваемой движением частной собственности, и приходит к выводам, отрицающим частную собственность. Первая критика частной собственности исходит, естественно, из того факта, в котором полная противоречий сущность частной собственности проявляется в самой осязательной, самой кричащей, непосредственно самой возмутительной для человеческого чувства форме, из факта бедности, нищеты.

«Критика, напротив, соединяет оба факта — бедность и собственность—в один; она открывает внутреннюю связь обоих, делает из них одно целое и к этому целому как таковому обращается с вопросом о предпосылках его существования».

Критика, которая до сих пор ничего ещё не поняла в фактах собственности и бедности, противопоставляет, «напротив», своё

дело, сделанное ею только в её собственном воображении, действительному делу Прудона. Она соединяет *оба* факта в *один* и, сделав из *двух* фактов один-*единственный,* открывает затем наличие внутренней связи между *обоими.* Критика не может отрицать, что и Прудон признаёт наличие внутренней связи между фактом бедности и фактом частной собственности, так как именно вследствие существования этой внутренней связи он требует упразднения собственности, чтобы уничтожить нищету. Прудон сделал даже больше. Он подробно показал, *как* движение капитала производит нищету. Критическая же критика, напротив, не занимается такими мелочами. Она открывает, что бедность и частная собственность представляют собой *противоположности,* — открытие довольно распространённое. Она из бедности и богатства *делает одно целое* и «к этому целому *как таковому* обращается с вопросом о предпосылках его существования», — вопросом тем более излишним, что критика сама ведь только что *сотворила* это «целое как таковое», и, стало быть, само это *сотворение* означенного целого критикой и является предпосылкой его существования.

Спрашивая у «целого как такового» о предпосылках его существования, критическая критика тем самым на истинно теологический манер ищет этих предпосылок *вне* этого «целого». Критическая спекуляция движется вне того предмета, который она будто бы исследует. В то время как *вся* эта *противоположность* бедности и богатства есть не что иное, как *движение её обеих сторон,* в то время как именно в природе обеих этих сторон заключается предпосылка существования целого, критическая критика избавляет себя от изучения этого действительного движения, образующего целое, чтобы получить возможность заявить, что она, как спокойствие познавания, выше обеих сторон противоположности, что её деятельность, сотворившая «целое как таковое», одна только и в состоянии уничтожить сотворённую ею абстракцию.

Пролетариат и богатство — это противоположности. Как таковые, они образуют некоторое единое целое. Они оба порождены миром частной собственности. Весь вопрос в том, какое определённое положение каждый из этих двух элементов занимает внутри противоположности. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого.

Частная собственность как частная собственность, как богатство, вынуждена сохранять *своё собственное существование,* а тем самым и существование своей противоположности — пролетариата. Это — *положительная* сторона антагонизма, удовлетворённая в себе самой частная собственность.

Напротив, пролетариат как пролетариат вынужден упразднить самого себя, а тем самым и обусловливающую его противоположность — частную собственность, — делающую его пролетариатом. Это — *отрицательная* сторона антагонизма, его беспокойство внутри него самого, упразднённая и упраздняющая себя частная собственность.

Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворённым и утверждённым, воспринимает отчуждение как свидетельство *своего собственного могущества* и обладает в нём *видимостью* человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждения уничтоженным, видит в нём своё бессилие и действительность нечеловеческого существования. Класс этот, употребляя выражение Гегеля, есть в рамках отверженности *возмущение* против этой отверженности, возмущение, которое в этом классе необходимо вызывается противоречием между его человеческой *природой* и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы.

Таким образом, в пределах всего антагонизма частный собственник представляет собой *консервативную* сторону, пролетарий—*разрушительную.* От первого исходит действие, направленное на сохранение антагонизма, от второго — действие, направленное на его уничтожение.

Правда, частная собственность в своём экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но она делает это только путём не зависящего от неё, бессознательного, против её воли происходящего и природой самого объекта обусловленного развития, только путём порождения пролетариата *как* пролетариата, — этой нищеты, сознающей свою духовную и физическую нищету, этой обесчеловеченности, сознающей свою обесчеловеченность и потому самоё себя упраздняющей. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же как он приводит в исполнение приговор, который наёмный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздняя самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обусловливающая его противоположность — частная собственность.

Если социалистические писатели признают за пролетариатом эту всемирно-историческую роль, то это никоим образом

не происходит от того, что они, как уверяет нас критическая критика, считают пролетариев *богами.* Скорее наоборот. Так как в оформившемся пролетариате практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от *видимости* человеческого; так как в жизненных условиях пролетариата все жизненные условия современного общества достигли высшей точки бесчеловечности; так как в пролетариате человек потерял самого себя, однако вместе с тем не только обрёл теоретическое сознание этой потери, но и непосредственно вынужден к возмущению против этой бесчеловечности велением неотвратимой, не поддающейся уже никакому прикрашиванию, абсолютно властной *нужды,* этого практического выражения *необходимости,* — то ввиду всего этого пролетариат может и должен сам себя освободить. Но он не может освободить себя, не уничтожив своих собственных жизненных условий. Он не может уничтожить своих собственных жизненных условий, не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества, сконцентрированных в его собственном положении. Он не напрасно проходит суровую, но закаляющую школу *труда.* Дело не в том, в чём в данный момент *видит* свою цель тот или иной пролетарий или даже весь пролетариат. Дело в том, *что такое пролетариат на самом деле* и что он, сообразно этому своему *бытию*, исторически вынужден будет делать. Его цель и его историческое дело самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества. Нет надобности распространяться здесь о том, что значительная часть английского и французского пролетариата уже *сознаёт* свою историческую задачу и постоянно работает над тем, чтобы довести это сознание до полной ясности.

«Критическая критика» тем менее считает себя обязанной признать это, что она самоё себя провозгласила единственным творческим элементом истории. От неё исходят исторические противоположности, от неё же исходит и деятельность, направленная на их упразднение. Поэтому устами своего воплощения, Эдгара, она оглашает следующую *декларацию:*

«Образованность и необразованность, обладание имуществом и отсутствие имущества — эти *противоположности,* если только не преследуется цель *осквернить* их, должны быть *целиком и полностью предоставлены* критике».

Обладание имуществом и отсутствие имущества удостоились метафизического освящения в качестве критически-спекулятивных противоположностей. Поэтому только рука критической критики может их касаться, не совершая святотатства.

Капиталисты и рабочие не должны вмешиваться в свои взаимоотношения.

Не допуская даже отдалённой мысли о том, что можно наложить руку на его критическое понимание противоположностей, что можно отнять святость у этой его святыни, г-н Эдгар влагает в уста своего противника возражение, которое только он сам мог себе сделать.

«Разве возможно», — спрашивает воображаемый противник критической критики, — «пользоваться какими-нибудь другими понятиями, кроме уже существующих понятий свободы, равенства и т. д.? Я отвечаю» (обратите внимание на ответ г-на Эдгара), «что греческий и латинский языки тотчас же погибли, как только исчерпан был тот круг мыслей, выражением которого эти языки служили».

Теперь ясно, почему критическая критика не даёт нам ни единой мысли на *немецком* языке. Язык её мыслей ещё не народился, сколь бы много г-н Рейхардт своим критическим обращением с иностранными словами, г-н Фаухер своим обращением с английским языком, а г-н Эдгар своим обращением с французским языком,—сколь бы много все они ни сделали для подготовки *нового критического* языка.

ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ ПЕРЕВОД № 2

Критический Прудон говорит:

«Земледельцы поделили между собой землю. Равенство освящало только владение; по этому поводу оно освятило собственность».

У критического Прудона земельная собственность возникает в тот самый момент, когда совершается раздел земли. Переход от владения к собственности осуществляется у него с помощью словесного оборота: «по этому поводу».

Действительный Прудон говорит:

«Земледелие положило основание *владению землёй*... Недостаточно было обеспечить труженику плоды его труда, если ему в то же время не обеспечивали орудия производства. Чтобы защитить более слабого от посягательств более сильного... нашли необходимым провести между владельцами постоянные разграничительные линии».

Следовательно, «по этому поводу» равенство освятило прежде всего *владение.*

«С каждым годом, вместе с ростом народонаселения, всё более и более росли алчность и жадность колонистов. Казалось необходимым положить предел их честолюбию созданием новых, непреодолимых преград. Так земля стала собственностью вследствие потребности в равенстве... Без сомнения, раздел никогда не был географически равномерным... но принцип тем не менее оставался тот же. Равенство раньше освящало владение, теперь же оно освятило собственность».

У критического Прудона

«древние основатели собственности, увлёкшись заботой об удовлетворении своих потребностей, просмотрели то обстоятельство, что праву собственности в то же время соответствовало право отчуждать, продавать, дарить, приобретать и терять, что уничтожало равенство, из которого они исходили».

У действительного Прудона основатели собственности не просмотрели из-за заботы об удовлетворении своих потребностей этот ход развития собственности. Они его только не предусмотрели. Но даже если бы они и могли предусмотреть его, то и в этом случае наличная потребность одержала бы победу. Далее, действительный Прудон слишком пропитан массовостью для того, чтобы противопоставлять *«праву собственности»* право отчуждать, продавать и т. д., т. е. противопоставлять роду его виды. Он противопоставляет «право *удерживать* свою долю наследства» «праву её *отчуждения* и т. д.», что представляет собой действительную противоположность и действительный шаг вперёд.

КРИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ № 3

«На что же опирается прудоновское доказательство невозможности собственности? Как ни трудно поверить этому, всё на тот же принцип равенства!»

Чтобы поверить этому, г-ну Эдгару достаточно было бы хоть немного поразмыслить. Г-ну Эдгару должно быть известно, что г-н Бруно Бауэр положил в основу всех своих рассуждений *«бесконечное* самосознание» и принцип этот рассматривал как творческий принцип даже евангелий, своей бесконечной бессознательностью, казалось бы, прямо противоречащих бесконечному самосознанию. Точно так же Прудон рассматривает равенство как творческий принцип прямо противоречащей ему частной собственности. Если г-н Эдгар на минуту сравнит французское *равенство с* немецким «самосознанием», он найдёт, что последний принцип выражает *по-немецки,* т. е. в формах абстрактного мышления, то, что первый выражает *по-французски,* т. е. на языке политики и мыслящего наглядного представления. Самосознание есть равенство человека с самим собой в сфере чистого мышления. Равенство есть осознание человеком самого себя в сфере практики, т. е. осознание человеком другого человека как равного себе и отношение человека к другому человеку как к равному. Равенство есть французское выражение для обозначения единства человеческой сущности, для обозначения родового сознания и родового по ведения человека, практического тождества человека с человеком, т. е. для обозначения общественного, или человеческого, отношения человека к человеку. Поэтому, подобно

тому как разрушительная критика в Германии, прежде чем дойти, в лице *Фейербаха,* до рассмотрения *действительного человека,* старалась разделаться со всем определённым и существующим при помощи принципа *самосознания,* — подобно этому разрушительная критика во Франции старалась достигнуть того же при помощи принципа *равенства.*

«Прудон сердится на философию, что само по себе не может быть поставлено ему в вину. Но почему он сердится? Философия, по его мнению, была до сих пор недостаточно практична: она, дескать, вознеслась в заоблачную высь *спекуляции,* и оттуда *люда* показались ей слишком маленькими. Я же думаю, что философия сверхпрактична, т. е. что она была до сих пор не чем иным, как абстрактным выражением существующего положения вещей; она всегда была во власти предпосылок существующего положения вещей и принимала эти предпосылки за нечто абсолютное».

Мнение, что философия есть абстрактное выражение существующего положения вещей, принадлежит, по своему происхождению, не г-ну Эдгару, а *Фейербаху,* который впервые охарактеризовал философию как спекулятивную и мистическую эмпирию и доказал это. Однако г-н Эдгар сумел придать этому мнению оригинальный, критический оборот. А именно, в то время как Фейербах приходит к тому заключению, что философия должна с небес спекуляции спуститься в глубину человеческой нужды, г-н Эдгар, наоборот, поучает нас, что философия сверхпрактична. В действительности же дело обстоит скорее так, что философия именно потому, что она была только трансцендентным, абстрактным выражением существующего положения вещей, вследствие этой своей трансцендентности и абстрактности, вследствие своего *мнимого отличия* от мира, должна была вообразить, что она оставила глубоко под собой существующее положение вещей и действительных людей. С другой стороны, так как философия *в действительности* не отличалась от мира, то она и не могла произнести над ним никакого *действительного приговора,* не могла приложить к нему никакой реальной силы различения, не могла, значит, *практически* вмешаться в ход вещей, и в лучшем случае ей приходилось довольствоваться практикой in abstracto*. Философия была сверхпрактичной лишь в том смысле, что она сверху парила над практикой. Критическая критика, для которой всё человечество сливается в одну неодухотворённую массу, даёт нам самое разительное свидетельство того, какими бесконечно маленькими представляются спекулятивному мышлению действительные люди. Старая спекулятивная философия в этом вполне согласна с критикой. Прочтите, например, следующее место из «Философии права» Гегеля:

* — в абстрактном виде. *Ред.*

«С точки зрения потребностей конкретный объект представления и есть то, что мы называем *человеком;* здесь, стало быть, —и, *собственно говоря, только* здесь, — речь идёт о человеке в этом смысле»[17].

Во всех прочих случаях, когда спекулятивные философы говорят о человеке, они имеют в виду не *конкретное,* а *абстрактное— идею, дух* и т. д. Разительные примеры того, какое выражение философия даёт существующему положению вещей, представили нам г-н Фаухер своим изображением существующего положения вещей в Англии и г-н Эдгар своим изображением существующего состояния французского языка.

«Таким образом и Прудон практичен: открыв, что понятие равенства лежит в основе доказательств в пользу собственности, он, исходя из того же понятия, выступает против собственности».

Прудон делает здесь то же самое, что и немецкие критики, которые, исходя из представления о человеке, служащего, как они обнаруживают, основой для доказательств бытия божия, выступают именно против существования бога.

«Если следствия принципа равенства сильнее самого равенства, то как же Прудон хочет помочь этому принципу приобрести столь неожиданную силу?»

В основе всех религиозных представлений лежит, по мнению г-на Бруно Бауэра, самосознание. Оно же, по его мнению, составляет творческий принцип евангелий. Почему же, в самом деле, следствия принципа самосознания оказались здесь сильнее самого самосознания? Потому, отвечают нам в чисто немецком духе, что хотя самосознание и есть творческий принцип религиозных представлений, оно является таковым только как вышедшее из себя, самому себе противоречащее, отрешённое от себя и отчуждённое самосознание. Пришедшее в себя, само себя понимающее, постигающее свою сущность самосознание властвует поэтому над созданиями своего самоотчуждения. Совершенно в таком же положении находится и Прудон, — разумеется, с той разницей, что он говорит по-французски, а мы по-немецки, и что он поэтому выражает на французский лад то, что мы выражаем на немецкий лад.

Прудон сам ставит перед собой вопрос: почему равенство, которое, в качестве творческого принципа разума, лежит в основе института собственности и, в качестве последнего разумного основания, служит основой всех доказательств в пользу собственности, — почему оно, тем не менее, не существует, а существует, напротив, его отрицание — частная собственность? Поэтому он подвергает рассмотрению самый факт собственности. Он доказывает, что «на самом деле собственность, как институт и прин-

цип, *невозможна»* (стр. 34), т. е. что *она сама себе противоречит* и сама себя во всех пунктах упраздняет; что она, выражаясь на немецкий лад, есть наличное бытие отрешённого от себя, самому себе противоречащего, от самого себя отчуждённого равенства. Действительное положение вещей во Франции, равно как познание этого отчуждения, с полным правом указывают Прудону на необходимость действительного упразднения отчуждения.

Отрицая частную собственность, Прудон вместе с тем чувствует потребность дать *историческое* оправдание существованию частной собственности. Как все первые попытки в этом роде, и его рассуждения носят прагматический характер, т. е. он предполагает, что прошлые поколения вполне сознательно и обдуманно старались воплотить в своих институтах идею равенства, являющуюся в его глазах истинным выражением человеческой сущности.

«Мы снова и снова возвращаемся к тому же... Прудон пишет в интересах пролетариев».

Да, его побуждает писать не интерес самодовлеющей критики, не абстрактный, искусственно созданный интерес, а массовый, действительный, исторический интерес,—такой интерес, который ведёт дальше простой *критики,* интерес, который приведёт к *кризису.* Прудон не только пишет в интересах пролетариев: он сам пролетарий, ouvrier*. Его произведение есть научный манифест французского пролетариата и имеет поэтому совершенно иное историческое значение, нежели литературная стряпня какого-нибудь критического критика.

«Прудон пишет в интересах тех, которые ничего не имеют. Иметь и не иметь ничего—для него абсолютные категории. Имение—самое важное для него, потому что в то же время неимение стоит перед его глазами как самый важный предмет размышления. Каждый человек должен иметь, но ровно столько, сколько другой, — думает Прудон. Я же должен сказать, что из всего, чем я обладаю, мне интересно лишь то, чем обладаю исключительно я, то, что я имею в большем количестве, чем другой. При условии равенства как факт имения, так и само равенство будут для меня чем-то безразличным».

Если верить г-ну Эдгару, то для Прудона *имение* и *неимение* — абсолютные *категории.* Критическая критика всюду видит одни лишь категории. Так, для г-на Эдгара имение и неимение, заработная плата, вознаграждение, нужда и потребность, труд для удовлетворения потребности — всё это не что иное, как категории.

* — рабочий. *Ред.*

Если бы обществу нужно было освободиться только от *категорий* имения и неимения, то каким лёгким делом сделал бы для него «преодоление» и «снятие» этих категорий любой диалектик, даже ещё более слабый, чем г-н Эдгар! Г-н Эдгар и смотрит на это «преодоление» как на такую мелочь, что он даже не считает нужным хотя бы только *объяснить* в противовес Прудону, что, собственно, представляют собой эти категории имения и неимения. Но так как неимение—не только категория, а самая безотрадная действительность; так как в наше время человек, не имеющий ничего, и есть ничто; так как он лишён и необходимых средств к существованию вообще и, в ещё большей степени, средств к человеческому существованию; так как состояние неимения есть состояние полного отделения человека от его предметности, — то ввиду всего этого неимение вполне правильно представляется Прудону самым важным предметом размышления, и это тем более правильно, чем менее размышляли над этим предметом до Прудона и до социалистических писателей вообще. Неимение — это самый отчаянный *спиритуализм,* это полнейшая недействительность человека, полнейшая действительность его обесчеловеченности, это весьма положительное имение — наличие голода, холода, болезней, преступлений, унижения, отупения, всякого рода обесчеловеченности и противоестественности. А каждый предмет, который впервые с полным сознанием его важности делается предметом размышления, выступает перед исследователем как *предмет, наиболее достойный размышления.*

Желание Прудона упразднить неимение и старую форму имения вполне тождественно с его желанием упразднить практически отчуждённое отношение человека к своей *предметной сущности,* упразднить *политико-экономическое* выражение человеческого самоотчуждения. Но так как его критика политической экономии всё ещё остаётся во власти предпосылок политической экономии, то обратное завоевание предметного мира само ещё выступает у Прудона в политико-экономической форме *владения.*

Критическая критика заставляет Прудона противопоставлять неимению—имение; Прудон же, напротив, противопоставляет старой форме имения — *частной собственности — владение.* Он объявляет владение *«общественной функцией».* В функции же «интерес» направлен не на то, чтобы «исключить» другого, а на то, чтобы приложить к делу и реализовать свои собственные силы, силы своего существа.

Прудону не удалось дать этой своей мысли соответствующее ей развёрнутое выражение. Представление о *«равном* владении»

есть политико-экономическое, следовательно — всё ещё отчуждённое выражение того положения, что *предмет,* как *бытие для человека,* как *предметное бытие человека,* есть в то же время *наличное бытие человека для другого человека,* его *человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку.* Прудон преодолевает политико-экономическое отчуждение *в пределах* политико-экономического отчуждения.

ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ ПЕРЕВОД № 3

Критический Прудон нашёл себе и *критического собственника,*

«по *собственному* признанию которого те, которые работали на него, потеряли то, что он присвоил себе».

Массовый Прудон говорит массовому собственнику:

«Ты работал! Разве тебе никогда не приходилось заставлять других работать на себя? Каким же образом случилось, что они, работая на тебя, потеряли то, что ты сумел приобрести для себя, не работая на них?»

Критический Прудон заставляет Сэя понимать под «естественным богатством» «естественные *владения»,* хотя Сэй, чтобы устранить всякие недоразумения, весьма определённо заявляет в «Кратком резюме», приложенном к его «Трактату по политической экономии», что он под «богатством» понимает не собственность и не владение, а «сумму стоимостей». Конечно, критический Прудон так же реформирует Сэя, как его самого реформирует г-н Эдгар. По критическому Прудону, Сэй из того факта, что землю легче присвоить, чем воздух и воду, «тотчас же выводит право обращения полей в собственность». Сэй, очень далёкий от того, чтобы из факта большей лёгкости присвоения земли выводить *право* собственности на неё, говорит, напротив, весьма недвусмысленно: *«Права* земельных собственников ведут своё начало от *грабежа»* («Трактат по политической экономии», 3-е изд., том I, стр. 136, примечание[18]). Поэтому—согласно Сэю—для установления *права* на земельную собственность потребовалось «содействие законодательства» и «положительного права». Действительный Прудон не заставляет Сэя из факта большей лёгкости присвоения земли «тотчас же» *выводить* право земельной собственности. Он упрекает Сэя в том, что последний *на место* права ставит возможность и *смешивает* вопрос о возможности с вопросом о праве:

«Сэй принимает возможность *за* право. Спрашивают не о том, почему легче было присвоить землю, чем море и воздух; хотят знать, по какому *праву* человек присвоил себе это богатство».

Критический Прудон продолжает:

«К этому остаётся *только* добавить, что вместе с участком земли присваиваются также и остальные элементы — воздух, вода, огонь: terra, aqua, aere et igne interdicti sumus*».

Весьма далёкий от того, чтобы добавить *«только»* это, действительный Прудон, напротив, говорит, что он мимоходом (en passant) обращает «внимание» читателя на присвоение воздуха и воды. У критического Прудона римская формула изгнания пристёгнута к рассуждению самым непонятным образом. Он забывает сказать, кто эти *«мы»,* которых касается запрет. Действительный Прудон обращается к не-собственникам:

«Пролетарии!.. собственность *отлучает нас от общества:* terra etc. interdicti sumus».

Критический Прудон следующим образом полемизирует с Шарлем Контом:

«Шарль Конт думает, что для того, чтобы жить, человек нуждается в воздухе, пище и одежде. Некоторые из этих вещей, как, например, воздух и вода, имеются, мол, в неисчерпаемом количестве, а потому всегда остаются общей собственностью, другие же имеются в ограниченном количестве и потому, дескать, сделались частной собственностью. Шарль Конт, следовательно, ведёт своё доказательство, исходя из понятий ограниченности и неограниченности. Быть может, он пришёл бы к другим выводам, если бы сделал главными категориями понятия ненужности и необходимости».

Что за детская полемика со стороны критического Прудона! Он предлагает Шарлю Конту отказаться от тех категорий, из которых последний исходит в своих доказательствах, и перескочить к другим категориям, чтобы прийти не к своим собственным выводам, а *«быть может»* к выводам критического Прудона.

Действительный Прудон не обращается к Шарлю Конту с подобного рода предложениями. Он не пытается разделаться с ним при помощи какого-то «быть может»: он побивает Шарля Конта его же собственными категориями.

Шарль Конт, говорит Прудон, исходит из необходимости воздуха, пищи, а для известных климатов — и одежды, не для того, чтобы жить, а для того, чтобы не перестать жить. Чтобы поддерживать своё существование, человек нуждается поэтому (согласно Шарлю Конту) постоянно в присвоении различного рода вещей. Эти вещи имеются не в одинаковом количестве.

«Свет небесных тел, воздух и вода имеются в таких больших количествах, что человек не может их заметным образом увеличить или уменьшить; каждый может поэтому присвоить себе из всего этого столько, сколько ему нужно для удовлетворения своих потребностей, *не нанося никакого ущерба другим людям в пользовании этими вещами»*[19].

* — нам запрещён доступ к земле, воде, воздуху и огню (парафраз древнеримской формулы изгнания из отечества). *Ред.*

Прудон берёт за исходную точку собственные определения Шарля Конта. Прежде всего он доказывает Конту, что земля точно так же есть предмет первой необходимости, и потому пользование ею должно было бы быть доступно каждому — в границах, указанных Контом: *«не нанося никакого ущерба другим людям в пользовании ею».* Почему же, в таком случае, земля сделалась частной собственностью? Шарль Конт отвечает: потому, что количество земли *не неограниченно.* Но он должен был бы сделать обратное заключение: так как количество земли *ограниченно,* то она не может быть присвоена. Присвоение воздуха и воды никому не наносит ущерба по той причине, что их всегда ещё достаточно остаётся, что количество их неограниченно. Напротив, произвольное присвоение земли наносит ущерб другим людям в пользовании ею именно потому, что количество земли *ограниченно.* Пользование ею должно поэтому регулироваться в интересах *всех.* Способ доказательства Шарля Конта доказывает нечто противоположное его тезису.

«Шарль Конт, —заключает Прудон» (а именно, критический Прудон), — «исходит из взгляда, что нация может быть собственницей земли; между тем, если собственность ведёт за собой право пользования и злоупотребления, —jus utendi et abutendi re sua*,—то нельзя и за нацией признать права пользования и злоупотребления землёй».

Действительный Прудон не говорит, что право собственности *«ведёт за собой»* jus utendi et abutendi. Он слишком пропитан массовостью, чтобы говорить о праве собственности, ведущем за собой право собственности. Jus utendi et abutendi re sua и есть ведь само право собственности. Прудон поэтому прямо отрицает за народом право собственности на его территорию. Тем, которые считают это преувеличением с его стороны, он возражает, что из этого воображаемого права национальной собственности во все времена выводили такие вещи, как претензии сюзерена, налоги, регалии, барщина и т. д.

Действительный Прудон развивает против Шарля Конта следующие соображения: Конт хочет показать, как возникает собственность, а начинает с того, что выдвигает в качестве предпосылки нацию как собственника, т. е. он впадает в petitio principii**. Он заставляет государство продавать земли, он заставляет предпринимателя покупать эти земли, т. е. он заранее предполагает те самые отношения *собственности,* которые он хочет доказать.

* — право пользования своей вещью и злоупотребления ею. *Ред.*

** — логическая ошибка, состоящая в доказывании какого-нибудь тезиса при помощи такого аргумента, который сам имеет силу только при допущении истинности доказываемого тезиса. *Ред.*

Критический Прудон ниспровергает французскую *десятичную систему.* Он оставляет *франк,* но на место *сантима* ставит *«грош».*

«Когда я,—добавляет Прудон» (критический Прудон),—«уступаю участок земли, то я не только лишаю себя жатвы данного года, но отнимаю у своих детей и внуков некоторое постоянное благо. Земля имеет стоимость не только сегодня: она обладает также и стоимостью потенциальной, будущей».

Действительный Прудон говорит не о том, что земля имеет стоимость не только сегодня, но и завтра; он противопоставляет полную, сейчас существующую стоимость той потенциальной, будущей стоимости, которая зависит от моего умения извлекать пользу из земельного участка. Он говорит:

«Разрушьте ваш участок земли или, что то же для вас, продайте его. Вы этим самым не только лишаете себя одной, двух или многих жатв, но вы уничтожаете все те продукты, которые вы могли бы извлечь из этого участка, — вы, ваши дети и внуки».

Прудону важно было не противопоставление одной жатвы постоянному благу (деньги, вырученные за участок земли, могут, как капитал, тоже превратиться в «постоянное благо»), а противопоставление теперь существующей стоимости той, которую может получить земля в результате продолжительной обработки её.

«Новая стоимость, —говорит Шарль Конт,—которую я придаю вещи своей работой, есть моя собственность. — Прудон» (критический Прудон) «думает опровергнуть его следующим образом: *В таком случае с* прекращением работы человек должен был бы перестать быть собственником. Право собственности на продукт ни в коем случае не может вести за собой права собственности и на вещество, составляющее основу продукта».

Действительный Прудон говорит:

«Пусть работник присваивает себе продукты своего труда; но я не понимаю, почему право собственности на продукт должно вести за собой право собственности на материю. Разве рыбак, более успевающий в рыбной ловле, чем другие рыбаки на том же самом берегу, становится от этого собственником той полосы, на которой он ловит рыбу? Разве ловкость охотника давала ему когда-нибудь право собственности на дичь целого кантона? То же и с хлебопашцем. Чтобы превратить *владение* в *собственность,* необходимо *ещё* некоторое *другое условие,* кроме затраченного труда; в противном случае человек переставал бы быть собственником, как только он перестаёт быть работником».

Cessante causa, cessat effectus*. Если собственник есть собственник *только* в качестве работника, то он перестаёт быть собственником, как только перестаёт быть работником.

* — С превращением причины прекращается и действие. *Ред.*

«Поэтому по *закону* собственность создаётся *давностью; труд* есть только осязательный знак, материальный акт, *служащий выражением* завладения вещью».

«Система присвоения вещи через посредство труда», — продолжает Прудон, — *«противоречит,* таким образом, *закону.* И если сторонники этой системы утверждают, что они пользуются ею для объяснения законов, то они *противоречат самим себе».*

Если, далее, согласно этому мнению, например, приведение земли в культурное состояние «создаёт полную собственность на эту землю», то такое рассуждение—не что иное, как petitio principii. Фактически же верно лишь то, что здесь создана новая производительная способность материи. А требовалось доказать, что тем самым создано и право собственности на самоё материю. Самоё материю человек не создал. Даже те или иные производительные способности материи создаются человеком только при условии предварительного существования самой материи.

Критический Прудон делает из *Гракха Бабёфа* борца за *свободу,* у массового же Прудона Бабёф фигурирует как борец за *равенство* (partisan de l'egalite).

Критический Прудон, взявшийся за определение гонорара, причитающегося *Гомеру* за «Илиаду», говорит:

«Гонорар, который я выплачиваю Гомеру, должен равняться тому, что он *мне даёт.* Как определить стоимость того, что даёт нам Гомер?»

Критический Прудон слишком презрительно относится к политико-экономическим мелочам, чтобы знать, что *стоимость* предмета и то, что этот предмет *даёт* другому, — совершенно различные вещи. Действительный Прудон говорит:

«Гонорар поэта должен быть равен его *продукту;* какова же стоимость этого продукта?»

Действительный Прудон предполагает, что «Илиада» имеет бесконечно большую *цену* (или меновую стоимость, prix); критический же утверждает, что она имеет бесконечно большую *стоимость.* Действительный Прудон противопоставляет стоимость «Илиады», *её стоимость* в *политико-экономическом* смысле (valeur intrinseque), её меновой стоимости (valeur echangeable); критический же Прудон противопоставляет «внутренней стоимости» «Илиады», т. е. её ценности как поэмы, её «стоимость для обмена».

Действительный Прудон говорит:

«Материальное вознаграждение и талант не имеют общего мерила. В *этом* отношении положение всех производителей одинаково. Следовательно, всякое сравнение их между собой и всякая имущественная классификация невозможны» («Entre une recompense materielle et le talent il n'existe pas de commune mesure; sous *ce* rapport la condition de tous les

producteurs est egale; consequemment toute comparaison entre eux et toute distinction de fortunes est impossible»).

Критический же Прудон говорит:

«Относительное положение производителей одинаково. Талант не может быть материально взвешен... Всякое сравнение производителей между собой, всякое *внешнее выделение* их невозможны».

У критического Прудона

«человек науки должен себя *чувствовать* в обществе *равным* всем остальным, потому что его талант и его проницательность — *только* продукты общественной проницательности».

Действительный Прудон нигде не говорит о чувствах таланта**.** Он говорит, что талант должен спуститься до уровня общества. Он отнюдь не утверждает, что талантливый человек—*только* продукт общества. Он говорит, напротив:

«Талантливый человек содействовал тому, чтобы в себе самом выработать полезное орудие... В нём скрыты свободный работник *и* накопленный общественный капитал».

Критический Прудон продолжает:

«Он должен быть, кроме того, благодарен обществу за то, что оно освобождает его от других работ и даёт ему возможность отдаться науке».

Действительный Прудон нигде не прибегает к благодарности талантливого человека. Он говорит:

«Художник, учёный, поэт получают свою справедливую награду уже в одном том, что общество позволяет им отдаваться исключительно науке и искусству».

Наконец, критический Прудон совершает истинное чудо: он заставляет общество в 150 работников содержать *«маршала»,* следовательно — и целую *армию.* У действительного Прудона этот самый «маршал» — не больше, как *«кузнец»* (marechal).

КРИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ № 4

«Если он» (Прудон) «хочет сохранить понятие заработной платы, если он хочет видеть в обществе учреждение, дающее нам работу и платящее нам за неё, то он тем менее вправе принимать время за меру вознаграждения, что несколько раньше он, следуя *Гуго Гроцию,* проводит ту мысль, что в отношении *значимости* предмета время безразлично».

Здесь перед нами единственный пункт, где критическая критика делает попытку разрешить свою задачу и доказать Прудону, что он, исходя из политико-экономической точки зрения, неправильно выступает против политической экономии. Но именно здесь критика и *осрамилась* поистине критическим образом.

Вместе с Гуго Гроцием Прудон развивает ту мысль, что *давность* не может служить основанием для превращения *владения* в *собственность,* одного *«правового принципа»* в другой, точно так же, как время не может превратить той истины, что сумма углов треугольника равняется двум прямым, в другую истину, что сумма эта равна трём прямым.

«Вам никогда не удастся добиться», — восклицает Прудон, — «чтобы время, которое само по себе ничего не создаёт, ничего не меняет, ничего не модифицирует, *превратило* человека, *пользующегося* какой-нибудь вещью, в *собственника* этой вещи».

Г-н Эдгар умозаключает: так как Прудон сказал, что время не может *превратить* один правовой принцип в другой, да и вообще не может само по себе изменить или модифицировать что бы то ни было, то он обнаруживает непоследовательность, делая *рабочее время* мерой политико-экономической *стоимости* продукта труда. Г-ну Эдгару помогло додуматься до этого критически-критического замечания то обстоятельство, что он перевёл слово «valeur»* словом «Geltung»** и таким образом получил возможность применять это слово в одном и том же смысле как там, где речь идёт о значимости правового принципа, так и там, где говорится о коммерческой стоимости продукта труда. Ему удалось это сделать благодаря отождествлению пустой продолжительности времени с заполненным рабочим временем. Если бы Прудон сказал, что время не может превратить муху в слона, то критическая критика могла бы с таким же правом вывести заключение: в таком случае он не вправе делать рабочее время мерой заработной платы.

Что *рабочее время,* которое нужно *затратить* на производство какого-нибудь предмета, принадлежит к *издержкам производства* этого предмета, что *издержки производства* какого-нибудь предмета и составляют то, чего он *стоит,* т. е. то, за что он может быть *продан,* если исключить влияние *конкуренции,* — это не может не понять даже критическая критика. Кроме рабочего времени и материала труда, к издержкам производства экономисты относят ещё ренту земельного собственника, а также проценты и прибыль капиталиста. Рента, проценты и прибыль отпадают у Прудона, потому что у него отпадает частная собственность. Стало быть, остаются только рабочее время и авансовые расходы. Делая рабочее время, непосредственное наличное бытие человеческой деятельности как таковой, мерой заработной платы и определения стоимости продукта, Прудон

* — «стоимость». *Ред.*
** — «значимость». Ред.

делает человеческий элемент решающим, в то время как в старой политической экономии решающим моментом была вещественная сила капитала и земельной собственности, т. е. Прудон восстанавливает человека в его правах, однако всё ещё в политико-экономической, а потому противоречивой форме. Насколько правильно он поступает с точки зрения политической экономии, можно судить по тому, что основатель новой политической экономии, *Адам Смит,* на первых же страницах своего сочинения «Исследование о природе и причинах богатства народов»[20] развивает ту мысль, что *до* установления частной собственности, следовательно при предположении *отсутствия частной собственности, рабочее время* было мерой *заработной платы* и не отличавшейся ещё от неё *стоимости продукта труда.*

Но пусть даже критическая критика предположит на минуту, что Прудон не исходил из предпосылки заработной платы. Неужели она думает, что *когда-нибудь время,* необходимое для производства какого-нибудь предмета, не будет существенным моментом *«значимости»* этого предмета; неужели она думает, что время потеряет свою *ценность?*

В области непосредственного материального производства решение вопроса о том, должен ли данный предмет быть произведён или нет, т. е. решение вопроса о *стоимости* предмета, будет существенно зависеть от рабочего времени, требующегося для его производства. Ибо от этого времени зависит, имеет ли общество время для подлинно человеческого развития.

И даже что касается *духовного* производства, то разве и там, если хочешь поступать разумно, не приходится при определении объёма, характера и плана духовного произведения принимать во внимание время, необходимое для его производства? В противном случае я рискую по меньшей мере тем, что мой, в идее существующий предмет никогда не превратится в предмет действительный, — следовательно, тем, что он может приобрести только стоимость воображаемого предмета, т. е. только *воображаемую стоимость.*

Критика политической экономии, остающаяся на точке зрения политической экономии, признаёт все существенные определения человеческой деятельности, но только в отчуждённой, отрешённой форме. Так, например, здесь она превращает значение времени для *человеческого труда* в значение времени для *заработной платы,* для наёмного труда.

Г-н Эдгар продолжает:

«Чтобы принудить талант принять указанное выше мерило, Прудон *злоупотребляет* понятием *свободной сделки,* и утверждает, что ведь об-

ществу и отдельным его членам принадлежит право отвергнуть произведения таланта».

У *фурьеристов* и *сен-симонистов* талант, продолжая стоять обеими ногами на политико-экономической почве, предъявляет непомерные *требования на гонорар* и свои фантазии насчёт собственной бесконечной ценности прилагает в качестве мерила для определения *меновой стоимости* своих произведений. На эти домогательства таланта Прудон отвечает тем же, чем политическая экономия отвечает на всякую претензию цены подняться значительно выше уровня так называемой естественной цены, т. е. издержек производства предлагаемого продукта: он отвечает указанием на свободу сделки. При этом Прудон не *злоупотребляет* этим отношением в смысле политической экономии: напротив, он предполагает как нечто действительное то, что у экономистов является лишь номинальным и иллюзорным, именно — *свободу* договаривающихся сторон.

ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЙ ПЕРЕВОД № 4

Критический Прудон реформирует в заключение *французское общество,* преображая в такой же мере французских пролетариев, как и французскую буржуазию.

Французским пролетариям он отказывает в *«силе»,* тогда как действительный Прудон упрекает их за недостаток *добродетели* (vertu). Их *ловкость* в работе он превращает в проблематичную ловкость— «вы, *может быть,* проворны в работе», —тогда как действительный Прудон безоговорочно признаёт их проворство в работе *(«prompts* au travail vous etes» etc.). Он превращает французских буржуа в *глупых* бюргеров, между тем как действительный Прудон противопоставляет неблагородных буржуа (bourgeois ignobles) «благородным» с запятнанной честью (nobles fletris). Он превращает буржуа из представителя мещанской «золотой середины» (bourgeois juste-milieu) в «наших *добрых* бюргеров», за что французская буржуазия может сказать ему спасибо. Где действительный Прудон говорит о том, что растёт *«злая* воля» французских буржуа («la malveillance de nos bourgeois»), там критический Прудон вполне последовательно говорит о росте *«беззаботности* наших бюргеров». Буржуа действительного Прудона настолько далёк от беззаботности, что, обращаясь к самому себе, восклицает: «не надо бояться! не надо бояться!» Так говорит только тот, кто хочет с помощью рассуждений отогнать от себя страх и заботу.

Создав критического Прудона посредством перевода действительного Прудона, критическая критика показала массе, что представляет собой критически завершённый перевод. Она

показала нам «перевод, каким он должен быть». Она поэтому с полным правом нападает на плохие, массовидные переводы:

«Немецкая публика хочет получать книжный товар за бесценок, издатель хочет поэтому иметь дешёвый перевод; переводчик не хочет умереть с голоду за своей работой; он даже не может выполнить свою работу со зрелой обдуманностью» (со всем спокойствием познавания), «потому что издатель должен опередить конкурентов быстрым выпуском в свет перевода. Мало того, даже переводчику, и тому приходится опасаться конкуренции: он должен бояться, что найдётся другой, который предложит выполнить работу скорее и по более низкой цене. И вот, переводчик с места в карьер диктует свою рукопись какому-нибудь бедному писцу, и диктует при этом как можно быстрее, чтобы не платить зря писцу, оплачиваемому по часам. Он счастлив, если может на следующий день удовлетворить наседающего на него наборщика. К тому же переводы, наводняющие наш книжный рынок, являются лишь выражением теперешней *импотенции* немецкой литературы» и т. д. («Allgemeine Literatur-Zeitung», выпуск VIII, стр. 54).

КРИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ № 5

«Доказательству невозможности собственности, которое Прудон выводит из того, что человечество особенно разрушает себя системой процентов и прибыли и непропорциональным отношением потребления к производству, — этому доказательству недостаёт дополняющей его противоположности, а именно доказательства, что частная собственность исторически возможна».

Счастливый инстинкт подсказывает критической критике решение не останавливаться на рассуждениях Прудона о системе процентов и прибыли и т. д., т. е. на самых важных рассуждениях Прудона. Дело в том, что в этом пункте критика Прудона, даже видимость критики, уже совершенно невозможна без весьма положительных знаний по вопросу о движении частной собственности. Критическая критика пытается компенсировать себя за своё бессилие замечанием, что Прудон не представил доказательства исторической возможности частной собственности. Почему критика, не дающая ничего кроме слов, требует, чтобы другие давали ей *всё?*

«Прудон доказывает невозможность собственности тем, что рабочий не может выкупить свой продукт на деньги, полученные в оплату своего труда. В обоснование этого положения Прудон, обращаясь к сущности капитала, не приводит исчерпывающего довода. Рабочий не может выкупить свой продукт потому, что последний всегда есть общественный продукт, сам же рабочий — не что иное, как отдельный оплачиваемый человек».

Чтобы быть ещё более исчерпывающим, г-н Эдгар, в противовес прудоновской дедукции, мог бы сказать, что рабочий не *может* выкупить свой продукт потому, что он вообще вынужден *выкупать* его. В определении купли уже содержится то, что рабочий относится к своему продукту как к ушедшему от него,

отчуждённому предмету. Исчерпывающий довод г-на Эдгара не исчерпывает, между прочим, того, почему капиталист, который, в свою очередь, — *не что иное,* как *отдельный* человек, и к тому же человек, *оплачиваемый* прибылью и процентами, может выкупить не только продукт труда, но и нечто большее, чем этот продукт. Чтобы это объяснить, г-н Эдгар должен будет объяснить взаимоотношение труда и капитала, т. е. обратиться к сущности капитала.

Приведённое место из критики показывает самым наглядным образом, как критическая критика пользуется тем, чему она только что научилась у какого-нибудь писателя, чтобы тотчас же, с добавлением какого-нибудь критического оборота, выставить это как мудрость собственного изобретения против того же писателя. Ведь именно у самого Прудона критическая критика почерпнула не приведённый якобы Прудоном и приводимый г-ном Эдгаром довод. Прудон говорит:

«Divide et impera...* Разъедините рабочих, и очень возможно, что подённая плата, выплачиваемая каждому в отдельности, превысит стоимость каждого индивидуального продукта; но дело не в этом... Оплатив все индивидуальные силы, вы тем самым ещё не оплатили коллективной силы».

Прудон *впервые* обратил внимание на то, что сумма заработных плат, выплачиваемых отдельным рабочим, даже в том случае, если бы каждый индивидуальный труд был оплачен полностью, не оплачивает ещё коллективной силы, овеществлённой в их продукте; что рабочий, следовательно, оплачивается не как *часть коллективной рабочей силы.* Г-н Эдгар придаёт этой мысли искажённую форму в виде утверждения, что рабочий есть не что иное, как отдельный оплачиваемый человек. Таким образом, критическая критика пользуется *общей* мыслью Прудона, чтобы противопоставить её дальнейшему *конкретному* развитию той же мысли у того же Прудона. Она овладевает этой мыслью на критический манер и в следующих выражениях раскрывает тайну *критического социализма:*

«Современный рабочий *думает* только о себе, т. е. он допускает, чтобы ему платили только как данному лицу. Не кто иной, как *сам рабочий* не учитывает той колоссальной и неизмеримой силы, которая возникает из его сотрудничества с другими силами».

По мнению критической критики всё зло только в *«мышлении»* рабочих. Правда, английские и французские рабочие образовали ассоциации, в которых предметом обмена мнениями между рабочими служат не только их непосредственные потребности *как рабочих,* но и их потребности как *людей.* Образованием этих

* — Разделяй и властвуй. *Ред.*

ассоциаций рабочие обнаруживают весьма основательное и широкое понимание той «колоссальной» и «неизмеримой» силы, которая возникает из их сотрудничества. Но эти *массовые* коммунистические рабочие, занятые, например, в мастерских Манчестера и Лиона, не думают, что можно *«чистым мышлением»,* при помощи одних только рассуждений, избавиться от своих хозяев и от своего собственного практического унижения. Они очень болезненно ощущают *различие* между *бытием* и *мышлением,* между *сознанием* и *жизнью.* Они знают, что собственность, капитал, деньги, наёмный труд и тому подобное представляют собой далеко не призраки воображения, а весьма практические, весьма конкретные продукты самоотчуждения рабочих и что поэтому они должны быть упразднены тоже практическим и конкретным образом для того, чтобы человек мог стать человеком не только в *мышлении,* в *сознании,* но и в массовом *бытии,* в жизни. Критическая же критика, напротив, учит рабочих, что они перестают быть в действительности наёмными рабочими, лишь только они в мысли упраздняют мысль о наёмном труде, лишь только они в мысли перестают считать себя наёмными рабочими и, сообразно с этим сумасбродным воображением, уже не допускают, чтобы их оплачивали как отдельных лиц. Как абсолютные идеалисты, как эфирные существа, они, естественно, могут затем жить эфиром чистого мышления. Критическая критика учит их, что они упраздняют действительный капитал, когда преодолевают в *мысли* категорию капитала, что они *действительно* изменяются и превращаются в действительных людей, когда изменяют в своём сознании своё *«абстрактное я»* и с презрением отвергают, как некритическую операцию, всякое *действительное* изменение своего действительного существования, действительных условий своего существования, т. е. своего *действительного* «я». *«Дух»,* усматривающий в реальной действительности одни только категории, сводит, конечно, всякую человеческую деятельность и практику к диалектическому мыслительному процессу критической критики. Именно это обстоятельство отличает *её* социализм от *массовидного* социализма и коммунизма.

После своих великих рассуждений г-н Эдгар, конечно, должен «отказать» критике Прудона в «сознательности».

«Но Прудон *и* хочет быть *практичным».* «Он думает, что познал». «И тем не менее»,—торжествуя восклицает спокойствие познавания,— «мы и теперь ещё должны отказать ему в *спокойствии познавания».* «Мы приводим несколько мест из его произведения, чтобы показать, насколько мало он продумал своё отношение к обществу».

В дальнейшем мы приведём ещё несколько мест из произведений критической критики (см. «Банк для бедных» и «Образцовое

хозяйство»), чтобы показать, насколько она ещё не успела ознакомиться даже с самыми элементарными экономическими отношениями и тем более не продумала их, а потому со свойственным ей критическим тактом и почувствовала себя призванной подвергнуть Прудона критическому разбору.

После того как критическая критика как спокойствие познавания *«расправилась»* со *всеми массовыми «противоположностями»,* после того как она овладела всей действительностью в форме категорий и всю человеческую деятельность растворила в спекулятивной диалектике, — после всего этого она снова творит мир из спекулятивной диалектики, как мы это увидим в дальнейшем. Само собой разумеется, что чудеса критически-спекулятивного сотворения мира, чтобы не подвергнуться «осквернению», могут быть сообщены непосвящённой массе только в форме *мистерий.* Поэтому критическая критика, воплощаясь в образе Вишну-Шелиги, выступает как *торговец тайнами*[21].

ГЛАВА ПЯТАЯ

КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА В ОБРАЗЕ ТОРГОВЦА ТАЙНАМИ, или КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА В ЛИЦЕ г-на ШЕЛИГИ

«Критическая критика» в воплощении *Шелиги-Вишну* создаёт апофеоз «Парижских тайн». Эжен Сю провозглашается «критическим критиком». Стоит ему только узнать про это, как он, подобно мещанину во дворянстве Мольера, воскликнет:

«Клянусь честью, более сорока лет я говорю прозой, сам того не подозревая, и я бесконечно признателен Вам за то, что Вы объяснили мне это»[22].

Г-н Шелига предпосылает своей критике *эстетический* пролог.

«Эстетический пролог» следующим образом разъясняет всеобщее значение «критического» эпоса и в особенности всеобщее значение «Парижских тайн»:

«Эпос рождает мысль, что настоящее само по себе — ничто, и даже не только» *(ничто,* и даже не только!) «вечный *рубеж* между *прошедшим* и *будущим,* но» (ничто, и даже не только, но!) *«подлежащая* постоянному *заполнению брешь,* отделяющая *бессмертие* от *бренности... В этом всеобщее значение* «Парижских тайн»».

«Эстетический пролог» утверждает далее, что *«критик,* если он того желает, может быть также и *поэтом».*

Вся критика г-на Шелиги докажет правильность этого утверждения. Во всех своих моментах она представляет собой *«поэтический вымысел».*

Она вместе с тем — продукт *«свободного* искусства» в том смысле, как оно определяется в «эстетическом прологе», т. е. «она изобретает *нечто совершенно новое, абсолютно никогда ещё не имевшее места».*

Наконец, она представляет собой даже *критический эпос,* ибо она есть «подлежащая постоянному заполнению брешь, отделяющая бессмертие» — критическую критику г-на Шелиги — от «бренности» — романа г-на Эжена Сю.

1) «ТАЙНА ОДИЧАНИЯ СРЕДИ ЦИВИЛИЗАЦИИ» И «ТАЙНА БЕСПРАВИЯ В ГОСУДАРСТВЕ»

Как известно, *Фейербах* рассматривает христианские представления о воплощении, триединстве, бессмертии и т. д. как тайну воплощения, тайну триединства, тайну бессмертия. Г-н Шелига рассматривает все нынешние житейские отношения как тайны. Но если *Фейербах* раскрыл *действительные тайны,* то г-н *Шелига,* наоборот, превращает действительные *тривиальности* в *тайны.* Его искусство заключается не в том, чтобы раскрыть скрытое, а в том, чтобы скрыть раскрытое.

Так, он объявляет одичание (наличие преступников) среди цивилизации, равно как бесправие и неравенство в государстве *тайнами.* Одно из двух: либо социалистическая литература, раскрывшая эти тайны, осталась тайной для г-на Шелиги, либо ему хочется превратить в частную тайну «критической критики» наиболее известные выводы этой литературы.

Нам поэтому нет надобности подробно останавливаться на рассуждениях г-на Шелиги об этих тайнах. Мы отметим только некоторые, самые блестящие, пункты.

«Перед лицом закона и судьи все *равны:* великие и малые, богатые и бедные. Положение это занимает первое место в символе веры *государствам.*

Государства? Символ веры большинства государств с самого начала, напротив, устанавливает *неравенство* перед лицом *закона* великих и малых, богатых и бедных.

«Гранильщик драгоценных камней Морель в своей наивной добропорядочности очень ясно определяет сущность тайны» (а именно, тайны противоположности между бедными и богатыми). «Он говорит: Если бы только богатые это знали! Если бы только богатые это знали! Несчастье в том и заключается, что они не знают, что такое бедность».

Г-н Шелига не знает, что Эжен Сю, из вежливости к французской буржуазии, допускает *анахронизм,* влагая в уста Мореля, рабочего времён «хартии-истины»[23], ходячую фразу бюргерства времён Людовика XIV: «Ах, если бы король это знал!» в модифицированной форме: «Ах, если бы богатый это знал!» По крайней мере в Англии и во Франции это *наивное* отношение между богатыми и бедными перестало существовать. Учёные представители богатства, экономисты, распространили здесь весьма

детализированное понимание того, что представляет собой бедность как физическая и моральная нищета. В виде утешения они доказывали, что эта нищета так и должна-де сохраниться, ибо должно сохраниться современное положение вещей. Мало того. Они даже заботливо вычислили, в каких именно *пропорциях* беднота для блага богатых и своего собственного блага должна сокращать свою численность посредством смертных случаев.

Когда Эжен Сю изображает кабаки, притоны и язык *преступников,* г-н Шелига открывает *тайну»,* что «автор» задавался целью — не изобразить этот язык и эти притоны, а

«изучить тайну пружин зла» и т. д. «Ведь именно в местах наиболее оживлённого движения... преступники чувствуют себя как *дома».*

Что сказал бы естествоиспытатель, если бы ему стали доказывать, что ячейка пчелиных сотов интересует его не как сотовая ячейка, что она не представляет тайны для того, кто не изучал её, потому что пчела «чувствует себя совершенно как дома» именно на свежем воздухе и на цветке? В притонах преступников и в их языке отражается характер преступника, они составляют неотъемлемую часть его повседневного бытия, их изображение необходимо входит в изображение преступника точно так же, как изображение petite maison* необходимо входит в изображение femme galante**.

Даже для парижской полиции, не говоря уже о парижанах вообще, притоны преступников составляют такую «тайну», что ещё и теперь в центре города прокладываются светлые и широкие улицы, чтобы сделать эти закоулки доступными для полиции.

Наконец, сам Эжен Сю заявляет, что при изображении всего вышеупомянутого он рассчитывал на «боязливое любопытство» читателей. Г-н Эжен Сю во всех своих романах рассчитывал на это боязливое любопытство читателей. Достаточно вспомнить такие романы, как «Атар Гюль», «Саламандра», «Плик и Плок».

2) ТАЙНА СПЕКУЛЯТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Тайна критического изображения «Парижских тайн» есть тайна *спекулятивной, гегелевской конструкции.* Объявив «одичание среди цивилизации» и «бесправие в государстве» тайнами, т. е. растворив их в категории *«тайны»,* г-н Шелига заставляет «тайну» начать свой *спекулятивный круговорот жизни.* Нескольких слов будет достаточно, чтобы дать *общую* характеристику спекулятивной конструкции. Трактовка «Парижских тайн» у г-на Шелиги покажет нам её применение в *деталях.*

* — домика для тайных свиданий. Ред.
** — женщины лёгких нравов. *Ред.*

Когда я из действительных яблок, груш, земляники, миндаля образую общее представление *«плод»;* когда я иду дальше и *воображаю,* что моё, выведенное из действительных плодов, абстрактное представление «плод» *[«die* Frucht»] есть вне меня существующая сущность, мало того—*истинная* сущность груши, яблока и т. д., то этим я, выражаясь *спекулятивным языком,* объявляю «плод» *«субстанцией»* груши, яблока, миндаля и т. д. Я говорю, следовательно, что для груши несущественно то, что она — груша, для яблока несущественно то, что оно — яблоко. Существенное в этих вещах, говорю я, есть не их действительное, чувственно созерцаемое наличное бытие, а абстрагированная мною от них и подсунутая под них сущность, сущность в моём представлении, «плод». Я объявляю тогда яблоко, грушу, миндаль и т. д. простыми формами существования, *модусами* «плода». Правда, мой конечный рассудок, находящий себе поддержку в чувствах, *отличает* яблоко от груши и грушу от миндаля, но мой спекулятивный разум объявляет это чувственное различие несущественным и безразличным. Спекулятивный разум видит в яблоке *то же,* что в груше, в груше то же, что в миндале, а именно—«плод». Различные по своим особенностям действительные плоды являются отныне лишь *иллюзорными* плодами, истинную сущность которых составляет «субстанция» «плод».

Этот путь не приводит к особому *богатству определений.* Минералог, вся наука которого ограничивалась бы установлением той истины, что все минералы в действительности суть «минерал вообще», был бы минералогом лишь в *собственном соображении.* При виде каждого минерала спекулятивный минералог говорил бы: это—«минерал», и его наука ограничивалась бы тем, что он повторял бы столько раз это слово, сколько существует действительных минералов.

Спекулятивное мышление, сделавшее из различных действительных плодов *один* «плод» абстракции — «плод вообще», вынуждено поэтому, чтобы прийти к видимости некоторого действительного содержания, попытаться тем или иным образом вернуться от «плода», от *субстанции,* к действительным, *разнообразным* обыденным плодам — к груше, яблоку, миндалю и т. д. Но насколько легко из действительных плодов создать абстрактное представление «плод», настолько же трудно из абстрактного представления «плод» создать действительные плоды. Больше того, перейти от абстракции к тому, что является *прямой противоположностью* абстракции, просто невозможно, если не *отказаться* от абстракции.

Спекулятивный философ отказывается поэтому от абстракции «плода», но он отказывается от неё на особый,

спекулятивный, мистический манер, — так именно, что сохраняется видимость, будто он *не* отказывается от абстракции. Поэтому он и действительно лишь по видимости выходит за пределы абстракции. Он рассуждает примерно следующим образом:

Если яблоко, груша, миндаль, земляника действительно не что иное, как «субстанция вообще», «плод вообще», то спрашивается, каким же образом «плод вообще» представляется мне то в виде яблока, то в виде груши, то в виде миндаля, —откуда эта *видимость многообразия,* столь осязательно противоречащая моему спекулятивному представлению о *единстве,* о «субстанции вообще», о «плоде вообще».

Это происходит от того, отвечает спекулятивный философ, что «плод вообще» — не мёртвая, лишённая различий, покоящаяся сущность, а сущность живая, себя в себе различающая, подвижная. Разнообразие обыденных плодов имеет значение не только для *моего* чувственного рассудка, но и для самого «плода вообще», для спекулятивного разума. Различные обыденные плоды суть различные проявления жизни *«единого* плода»; это— кристаллические образования, создаваемые самим «плодом вообще», так что, например, в яблоке «плод вообще» придаёт себе яблоковидное наличное бытие, в груше — грушевидное. Поэтому нельзя уже, повторяя точку зрения, исходившую из представления о субстанции, говорить здесь: груша—это «плод», яблоко—это «плод», миндаль—это «плод». В данном случае, напротив, нужно говорить: «плод» полагает себя как грушу, «плод» полагает себя как яблоко, «плод» полагает себя как миндаль. Различия, отделяющие друг от друга яблоко, грушу, миндаль, суть именно саморазличения «плода», они делают отдельные плоды именно различными звеньями в жизненном процессе «плода вообще». Таким образом, «плод» не есть больше бессодержательное, лишённое различий единство: он есть единство как *совокупность,* как *тотальностью* плодов, образующих *«органически расчлененный ряд звеньев».* В каждом следующем звене этого ряда «плод» придаёт себе всё более развитое, всё более выпукло выраженное наличное бытие, пока, наконец, в качестве «обобщения» всех плодов, он не становится в то же время тем живым *единством,* которое настолько же содержит растворённым внутри себя каждый плод в отдельности, насколько оно производит каждый плод из себя, подобно тому как, например, все части тела постоянно претворяются в кровь и постоянно воспроизводятся из крови.

Вы видите: если христианской религии известно только *одно* воплощение бога, то спекулятивная философия знает столько воплощений, сколько имеется вещей, как, например, в дан-

ном случае для неё каждый отдельный плод есть особое воплощение субстанции, абсолютного плода. Главный интерес спекулятивного философа заключается, таким образом, в том, чтобы произвести *существование* действительных, обыденных плодов и с таинственным видом затем сказать, что существуют яблоки, груши, миндаль и изюм. Но те яблоки, груши, миндаль и изюм, которые мы вновь обретаем в спекулятивном мире, суть уже всего лишь *иллюзорные* яблоки, груши, миндаль и изюм, ибо они представляют собой моменты жизни «плода вообще», этой абстрактной *сущности, созданной рассудком,* а потому и сами суть абстрактные *создания рассудка.* Что нас в этой спекулятивной операции должно радовать, так это то, что мы вновь обретаем все действительные плоды, но уже как плоды, имеющие более высокое, мистическое значение, — плоды, которые выросли не из материальной почвы, а из эфира нашего мозга и представляют собой воплощения «плода вообще», воплощения *абсолютного субъекта.* Когда мы, таким образом, возвращаемся от абстракции, от *сверхъестественной* рассудочной сущности «плод вообще» к действительным, *естественным* плодам, то естественным плодам мы, наоборот, придаём вместе с тем сверхъестественное значение и превращаем их в чистые абстракции. Наш главный интерес должен теперь заключаться в том именно, чтобы доказать *единство* «плода вообще» во всех его жизненных проявлениях — в яблоке, в груше, в миндале и т. д.,—доказать, стало быть, *мистическую взаимную связь* этих плодов и показать, как в каждом из них «плод вообще» осуществляет себя *по ступеням* и как он *необходимым образом* переходит от одной формы своего существования к другой, от изюма, например, к миндалю. Значение обыденных плодов поэтому и заключается теперь *уже не* в их *естественных* свойствах, *а* в их *спекулятивном* свойстве, отводящем каждому из них определённое место в жизненном процессе «абсолютного плода».

Обыкновенный человек не предполагает, что сказал что-то особенное, когда говорит, что существуют яблоки и груши. Философ же, выразив эти существующие вещи в спекулятивных терминах, сказал нечто *необыкновенное.* Он совершил *чудо:* из недействительной *рассудочной сущности* «плод вообще» он произвёл действительные *предметы природы—яблоко,* грушу и т. д., т. е. он из своего *собственного абстрактного рассудка,* который представляется ему каким-то абсолютным субъектом, вне его находящимся, в данном случае «плодом вообще», *создал* эти плоды. И всякий раз, когда спекулятивный философ заявляет о существовании тех или иных предметов, он совершает акт творения.

Само собой разумеется, что спекулятивный философ лишь потому способен проявлять такое беспрерывное творчество, что он общеизвестные, наблюдаемые в действительности свойства яблока, груши и т. д. выдаёт за *открытые* им определения, давая тому, что может быть создано исключительно абстрактным рассудком, а именно — абстрактным рассудочным формулам, *названия* действительных вещей и объявляя, наконец, свою *собственную* деятельность, проявляющуюся в том, что *он* сам *переходит* от представления яблока к представлению груши, *самодеятельностью* абсолютного субъекта, «плода вообще».

На спекулятивном языке операция эта обозначается словами: понимать *субстанцию* как *субъект,* как *внутренний процесс,* как *абсолютную личность.* Такой способ понимания составляет существенную особенность *гегелевского* метода. Необходимо было предпослать эти замечания, чтобы сделать г-на Шелигу понятным. Если до сих пор г-н Шелига возводил действительные отношения, как, например, право и цивилизацию, в категорию тайны и таким путём превращал «тайн у» в субстанцию, то теперь он впервые поднимается на истинно спекулятивную, *гегелевскую* высоту и превращает «тайн у» в самостоятельный субъект, который *воплощается* в действительных отношениях и лицах, так что графини, маркизы, гризетки, привратники, нотариусы, шарлатаны, любовные интриги, балы, деревянные двери и т. д. представляют собой проявления жизни этого субъекта. Произведя сначала из действительного мира категорию «тайн а», он теперь из этой категории производит действительный мир.

В изображении, даваемом г-ном Шелигой, тайны *спекулятивной конструкции* раскроются перед нами с тем *большей очевидностью,* что он неоспоримо имеет *двойное* преимущество перед *Гегелем.* Во-первых, Гегель путём искусной софистики умеет изобразить тот процесс, при помощи которого философ, пользуясь чувственным созерцанием и представлением, переходит от одного предмета к другому, как процесс, совершаемый самой воображаемой рассудочной сущностью, самим абсолютным субъектом. А во-вторых, Гегель очень часто внутри *спекулятивного* изложения даёт *действительное* изложение, захватывающее самый *предмет.* Это действительное развитие *внутри* спекулятивного развития понятий побуждает читателя принимать спекулятивное развитие за действительное, а действительное развитие за спекулятивное.

Оба эти затруднения отпадают у г-на Шелиги. Его диалектика свободна от всякого лицемерия и притворства. Он проделывает свои фокусы с похвальной честностью и самой простодуш-

ной прямотой. А затем он *нигде* не привносит *действительного содержания,* так что у него спекулятивная конструкция свободна от всяких мешающих добавлений и представляется нашим взорам без всяких двусмысленных покровов, во всей своей обнажённой красе. Кроме того г-н Шелига на собственном примере демонстрирует самым блестящим образом, как спекуляция, с одной стороны, по видимости свободно, из самой себя, творит a priori свой предмет и как, с другой стороны, желая отделаться софистикой от разумной и естественной зависимости от *предмета,* она попадает именно в самую неразумную и неестественную *рабскую подчинённость* предмету, самые случайные и самые индивидуальные определения которого она вынуждена конструировать как абсолютно необходимые и всеобщие.

3) «ТАЙНА ОБРАЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА»

Показав нам сначала низшие слои общества, заставив нас посетить кабаки преступников и т. д., Эжен Сю переносит нас затем в высший свет, на *бал* в квартале Сен-Жермен.

Г-н Шелига следующим образом конструирует этот *переход:*

> «Новым поворотом тайна пытается ускользнуть от расследования. До сих пор она противостояла истинному, реальному, положительному как нечто абсолютно загадочное, совершенно неуловимое, отрицательное; теперь же она проникает в это истинное, реальное, положительное как его *невидимое содержание.* Но тем самым она уничтожает безусловную невозможность быть познанной».

«Тайна», которая до сих пор противостояла «истинному», «реальному», «положительному», а именно праву и образованию, «проникает теперь в последнее», т. е. в сферу образования. Что один только высший свет представляет сферу образования, это тайна, если *не Парижа,* то *для* Парижа. Г-н Шелига не переходит от тайн мира преступников к тайнам аристократического общества; он делает другое: у него «тайна вообще» становится «невидимым содержанием» образованного общества, его *подлинной сущностью.* Это *не* является *«новым поворотом»* со стороны г-на Шелиги, для того чтобы открыть путь к дальнейшим расследованиям; это — «новый поворот» со стороны самой «тайны», для того чтобы *ей* можно было ускользнуть от расследования.

Прежде чем действительно последовать за Эженом Сю туда, куда влечёт его сердце, а именно на аристократический бал, г-н Шелига прибегает ещё к *лицемерным* оборотам *a priori* конструирующей спекуляции:

> «Разумеется, можно предвидеть, что тайна постарается укрыться в весьма твёрдой скорлупе. И в самом деле кажется, что перед нами непреодолимая непроницаемость... что можно поэтому ожидать, что вообще... Тем не менее новая попытка докопаться до ядра здесь неизбежна».

И что же? Г-н Шелига настолько успевает в этом деле, что

«*метафизический* субъект тайна выступает теперь легко, непринуждённо, кокетливо».

Чтобы превратить аристократическое общество в «тайну», г-н Шелига пытается при помощи некоторых соображений выяснить смысл *«образования».* Он заранее приписывает аристократическому обществу сплошь такие свойства, каких ни один человек в нём не ищет, чтобы после этого открыть «тайну», что общество этими свойствами не обладает. А затем он выдаёт это открытие за «тайну» образованного общества. Г-н Шелига задаёт себе, например, такие вопросы: Не служит ли *«всеобщий* разум» (уж не спекулятивная ли логика?) предметом *«светских разговоров»* в образованном обществе? *«Только* ли *ритм* и *размеры* любви к людям делают» это общество «гармоническим целым»? Есть ли то, «что мы называем *общим образованием,* форма *всеобщего, вечного, идеального»,* т. е. есть ли то, что мы называем образованием, плод метафизического воображения? В ответ на свои вопросы г-ну Шелиге нетрудно пророчествовать a priori:

«Впрочем, можно *ожидать...* что на все эти вопросы последует отрицательный ответ».

В романе Эжена Сю переход из мира простонародья в мир знати совершается обычным для романов путём. *Переодевания Рудольфа,* князя Герольштейнского, помогают ему проникнуть в низшие слои общества, точно так же как его звание открывает ему доступ в высшие сферы. По дороге на аристократический бал его занимают отнюдь не контрасты окружающей жизни: ему представляются *пикантными* лишь контрасты его *собственных* маскировок. Он сообщает своим послушнейшим спутникам, каким необычайно интересным он кажется самому себе в различных ситуациях.

«Я нахожу», — говорит он, — «эти контрасты достаточно пикантными: вчера я — живописец, расписывающий веера и устраивающийся в каморке на улице Фев; сегодня утром, в качестве приказчика, я угощаю наливкой из чёрной смородины г-жу Пипле, а вечером... я оказываюсь одним из привилегированных милостью божией, властвующих над этим миром».

Приведённая на бал, критическая критика поёт:

«В присутствии земных богов
Я ум и память потерять готов»[24].

Она изливается в следующих *дифирамбах:*

«Здесь чары волшебства залили ночь сиянием солнца, одели зиму в зелень весны и роскошь лета. Нас тотчас же охватывает такое настроение,

что мы готовы поварить в чудо пребывания бога в человеческой груди, особенно когда красота и грация окончательно убеждают нас в том, что мы находимся в непосредственной близости от идеалов». (!!!)

Неопытный, легковерный *критический сельский пастор!* Только твоё критическое простодушие может от элегантного парижского бального зала прийти в такой суеверный восторг, чтобы поверить в «чудо пребывания бога в человеческой груди», а в парижских львицах увидеть «непосредственные идеалы», воплощённых ангелов.

В своей *елейной* наивности критический пастор решается подслушать разговор двух «красивейших из красавиц», Клеманс д'Арвиль и графини Сары Мак-Грегор. Догадайтесь-ка, какие речи он хочет *«подслушать»* у этих двух красавиц:

«Как сделаться *благословением* для любимых детей, *всей полнотой* счастья для супруга»... «Мы слышим... мы изумляемся... мы не верим своим ушам».

Мы испытываем чувство тайного злорадства, когда видим разочарование подслушивающего пастора. Дамы не беседуют ни о «благословении», ни о «полноте счастья», ни о «всеобщем разуме»; напротив, «речь идёт о том, чтобы склонить г-жу д'Арвиль к измене своему супругу».

Относительно одной из этих дам, графини Мак-Грегор, мы получаем следующее наивное разъяснение:

Она была «*достаточно предприимчива*, чтобы в результате тайного брака стать *матерью*».

Неприятно поражённый этим *духом предприимчивости* графини, г-н Шелига читает ей строгую нотацию:

«На наш взгляд, все стремления графини направлены на получение индивидуальной, эгоистической выгоды».

Возможное достижение ею цели, выход замуж за князя Герольштейнского, не обещает, по мнению г-на Шелиги, ничего хорошего:

«Мы *нисколько* не ожидаем, что её замужество принесёт *счастье подданным* князя Герольштейнского».

В заключение своей укоризненной проповеди наш пуританин с «глубокомысленной серьёзностью» замечает:

«Сара» *(предприимчивая* дама), *«едва ли, впрочем,* является исключением среди людей этого блестящего круга, *хотя* она и образует одну из его *вершит.*

Едва ли, впрочем! Хотя! Ну, а «вершина» круга—разве это не исключение?

О характере двух других идеальных созданий, маркизы д'Арвиль и герцогини де Люсне, мы узнаём следующее:

Им «не хватает удовлетворенности сердца. В браке они не обрели предмета любви и потому ищут предмет любви вне брака. В браке любовь осталась для них *тайной,* и властное веление сердца побуждает их стремиться к разоблачению этой тайны. *Таким образом* они предаются *тайной любви.* Эти жертвы брака без любви помимо своей воли доходят до того, что низводят самоё любовь до чего-то внешнего, до так называемой связи, а романтический элемент, *тайну,* готовы принять за внутреннее, оживляющее, существенное в любви».

Мы тем выше должны оценить заслугу этой диалектической аргументации, чем более последняя применима ко всем случаям жизни.

Например, кто не смеет *пить* у себя дома и всё-таки чувствует потребность выпить, тот ищет «предмет» выпивки *«вне»* дома и «таким образом» предаётся *тайному пьянству.* Мало того, у него появится непреодолимое побуждение считать тайну существенным ингредиентом пьянства, хотя он и не станет низводить выпивку до уровня чего-то исключительно «внешнего», безразличного, чего не делают и вышеупомянутые дамы по отношению к любви. Ведь согласно объяснению самого г-на Шелиги, они низводят не любовь, а лишённый любви брак до того, чем он на самом деле является, — до чего-то внешнего, до так называемой связи.

«Что такое», — спрашивает дальше г-н Шелига, — *««тайна»* любви?»

Мы только что познакомились с конструкцией, делающей «тайну» *«сущностью»* этого сорта любви. Каким же образом получается, что нам приходится теперь искать тайну тайны, сущность сущности?

«Не тенистые аллеи рощи»,—декламирует пастор,— «не *естественный* полумрак лунной ночи и не искусственный полумрак под сенью дорогих гардин и занавесок, не мягкие и одурманивающие звуки арфы и органа, не притягательная сила запретного...»

Гардины *и* занавески! Мягкие *и* одурманивающие звуки! Да к тому же и *орган!* Г-н пастор, выбейте-ка себе из головы *церковь!* Кто это приносит с собой на любовное свидание орган?

«Всё это» (гардины и занавески и орган) — «только нечто *таинственное».*

Ну а разве не в этой *таинственности* заключается «тайна» тайной любви? Никоим образом:

«Тайна в любви — это то, что возбуждает, опьяняет, одурманивает, — это *власть чувственности».*

В «мягких и *одурманивающих»* звуках пастор уже обладает тем, что одурманивает. Если бы он ещё принёс с собой на любовное свидание черепаховый суп и шампанское вместо гардин и органа, то у него не было бы недостатка и в том, что *«возбуждает* и *опьяняет».*

«Правда, мы не хотим признать власть чувственности», — учит святой муж; — «но она только потому имеет столь огромную власть над нами, что мы изгоняем её из себя, что мы отказываемся признать в ней свою собственную природу, — собственную природу, с которой мы в случае её признания сумели бы справиться, как только она попыталась бы проявить себя за счёт разума, истинной любви и силы воли».

Согласно с духом спекулятивной теологии, пастор советует нам *признать* чувственность нашей *собственной* природой, чтобы быть в состоянии затем *справиться* с ней, т. е. взять обратно это признание. Он собирается, правда, справиться с чувственностью только в том случае, если она пожелает проявить себя за счёт разума (сила воли и любовь, *противопоставляемые* чувственности, относятся к сфере разума). Но ведь и неспекулятивный христианин признаёт *чувственность,* поскольку она не стремится проявить себя за счёт истинного разума, т. е. веры, за счёт истинной любви, т. е. любви к богу, и за счёт истинной силы воли, т. е. воли во Христе.

Пастор немедленно выдаёт нам своё настоящее мнение об этом предмете, продолжая следующим образом:

«Таким образом, как только любовь перестаёт быть сущностью брака, сущностью нравственности вообще, *чувственность* становится тайной любви, нравственности, образованного общества. Чувственность здесь надо понимать не только в её *узком* смысле, как *трепетание нервов,* как *могучий поток* в жилах, но и в более широком значении её, когда она возвышается до *видимости* духовной мощи, до властолюбия, честолюбия и жажды славы... Графиня Мак-Грегор является представительницей чувственности» в её последнем значении, — «чувственности как тайны образованного общества».

Пастор попадает в самую точку: чтобы победить *чувственность,* он прежде всего должен победить *нервные токи* и быстрое *кровообращение.* — Говоря о чувственности в «узком» смысле, г-н Шелига высказывает мнение, что большая телесная теплота происходит от кипения крови в жилах. Он не знает, что *теплокровные животные* потому именно и называются теплокровными, что температура их крови, если не принимать в расчёт незначительных изменений, постоянно держится на одной и той же высоте. — Как только прекращаются нервные токи и кровь в жилах перестаёт быть горячей, *грешное тело,* это седалище чувственных вожделений, становится *покойником,* и души могут беспрепятственно беседовать друг с другом о «всеобщем разуме»,

«истинной любви» и «чистой морали». Пастор настолько унижает чувственность, что упраздняет именно те моменты чувственной любви, которые одухотворяют её: быстрое кровообращение, которое доказывает, что человек любит не с бесчувственной флегмой; нервные токи, которые соединяют орган, являющийся главным седалищем чувственности, с мозгом. Он сводит истинную чувственную любовь к *механическому* secretio seminis и вместе с пресловутым немецким теологом шепелявит:

«Не ради чувственной любви, не ради плотских вожделений, а потому, что так велел господь, плодитесь и размножайтесь».

Сравним теперь спекулятивную конструкцию с романом Эжена Сю. Не *чувственность* выдаётся здесь за тайну любви, а таинственность, приключения, препятствия, страхи, опасности и, в особенности, притягательная сила запретного.

«Почему», — говорится здесь, — «многие женщины берут себе в любовники таких мужчин, которые не стоят их мужей? Потому что *величайшая прелесть любви* заключается в манящей привлекательности *запретного плода*... Согласитесь, что если устранить из такой любви опасения, тревоги, затруднения, тайны, опасности, то от неё не останется ничего или почти ничего, т. е. останется любовник... в своей первобытной простоте... Одним словом, это будет всегда что-то вроде случая с тем человеком, которому говорили: почему Вы не женитесь на этой вдове, Вашей любовнице? — Увы, я, конечно, думал об этом, — ответил он, — но в таком случае я не знал бы, где мне проводить вечера».

Если г-н Шелига подчёркивает, что тайна любви не в *притягательной силе запретного,* то Эжен Сю в такой же мере подчёркивает, что запретное составляет «величайшую прелесть любви» и основу всех любовных приключений вне домашних стен.

«Запреты и контрабанда неразлучны в любви, как и в торговле»[25].

Точно так же Эжен Сю, в противоположность своему спекулятивному толкователю, утверждает, что

«склонность к притворству и хитрости, вкус к тайнам и интригам составляют, существенную особенность, естественную склонность и властный инстинкт женской натуры».

Эжена Сю смущает лишь направленность этой склонности и этого вкуса против *брака.* Он хотел бы дать влечениям женской натуры более невинное, более полезное применение.

Между тем как г-н Шелига делает графиню Мак-Грегор представительницей той *чувственности,* которая «возвышается до видимости духовной мощи», та же графиня у Эжена Сю является просто *человеком абстрактного рассудка.* Её «честолюбие» и её «гордость», весьма далёкие от того, чтобы быть формами чувственности, представляют собой порождения абстрактного

рассудка, совершенно независимого от чувственности. Эжен Сю подчёркивает поэтому, что

«никогда ещё пламенные порывы любви не заставляли вздыматься её *холодную, как лёд,* грудь; *никакие* неожиданности, затрагивающие *сердце* или *чувства,* не могли нарушить жестоких расчётов этой лукавой, эгоистичной и честолюбивой женщины».

Эгоизм абстрактного, не поддающегося влиянию симпатических чувств, хладнокровного *рассудка* образует существенный характер этой женщины. Её душа изображается поэтому в романе как «сухая и чёрствая», её ум—как «утонченно-злой», её характер — как «коварный» и (что весьма характерно для человека абстрактного рассудка) «абсолютный», её притворство — как «глубокое». — Заметим мимоходом, что жизненный путь графини получает у Эжена Сю столь же глупую мотивировку, как и жизненный путь большинства характеров в его романе. Старая нянька вселяет в неё убеждение, что она будет «носить на голове своей корону». Проникнутая этим убеждением, она отправляется в путешествия, чтобы добыть себе корону посредством замужества. В конце концов она обнаруживает такую непоследовательность, что принимает мелкого немецкого «светлейшего князя» за «коронованную особу».

После своих излияний против *чувственности* наш критический святой считает себя обязанным ещё показать, почему Эжен Сю вводит нас в высший свет именно на балу, — способ, практикуемый почти всеми французскими романистами, между тем как *английские* романисты знакомят нас с высшим светом чаще всего на охоте или в деревенском замке.

«Для этого способа понимания вещей» (т. е. для точки зрения г-на Шелиги) «не может быть безразличным и в этой связи» (в конструкции Шелиги) «просто случайным, что Эжен Сю вводит нас в высший свет именно на балу».

Тут критик даёт поводья своему коню, и конь несётся быстрой рысью по .целой цепи доказательств необходимости сего в духе блаженной памяти старого Вольфа.

«Танец есть самое всеобщее проявление *чувственности как тайны.* Непосредственное *прикосновение,* объятия обоих полов» (?), «обусловленные образованием пары, дозволены в танцах, так как они, вопреки внешнему виду и действительно» (действительно ли, г-н пастор?) «испытываемому сладостному ощущению, всё-таки не рассматриваются как *чувственные»* (а, надо думать, как относящиеся ко всеобщему разуму?) «прикосновение и объятия».

И, наконец, следует заключительное положение, которое не столько танцует, сколько спотыкается:

«Ибо, если бы а самом деле танец рассматривался как чувственное соприкосновение и чувственные объятия, *то непонятно было бы, почему* общество так снисходительно относится только к танцу, *между тем как оно, наоборот,* преследует самым жестоким осуждением *все подобные проявления, если они с* той же свободой обнаруживаются *где-нибудь в другом месте,* и карает их, как самое непростительное нарушение нравственности и стыдливости, заклеймлением и беспощаднейшим изгнанием».

Г-н пастор говорит не о *канкане* и не о *польке;* он говорит о танце вообще, о той *категории* танца, которую танцуют разве только под его собственным критическим черепом. Пусть он когда-нибудь посмотрит на танец в парижской «Шомьер», и его христианско-германская душа возмутится этой дерзостью, этой откровенностью, этой грациозной резвостью, этой музыкой чувственнейшего движения. Его собственное «действительно испытываемое сладостное ощущение» дало бы ему возможность «ощутить», что «в самом деле нельзя понять, почему сами танцующие, в то время как они, наоборот», производят на зрителя бодрящее впечатление откровенной человеческой чувственности («что, если бы это в том же виде обнаружилось где-нибудь в другом месте» — а именно, в Германии, — «повлекло бы за собой, как непростительное нарушение» и т. д. и т. д.), — почему сами танцующие не должны и не смеют, — чтобы не сказать ещё больше, — быть и в своих собственных глазах откровенно чувственными людьми, когда они не только могут, но и со всей необходимостью должны быть таковыми!!

Из уважения к *сущности танца* критик приводит нас на *бал.* Однако он наталкивается на серьёзное затруднение. На этом балу хотя и танцуют, но только в воображении. Дело в том, что Эжен Сю никакого описания танцев не даёт. Он не смешивается с толпой танцующих. Он пользуется балом лишь как удобным случаем, чтобы свести вместе лиц, принадлежащих к высшему аристократическому кругу. В своём отчаянии «критика» спешит *дополнить* писателя, и её собственная «фантазия» с лёгкостью рисует картины бала и т. д. Если, согласно предписанию критики, Эжен Сю при изображении притонов и языка преступников никоим образом не был непосредственно заинтересован в изображении этих притонов и этого языка, то, наоборот, он необходимым образом бесконечно интересуется танцами, которые описывает, правда, не *он сам,* а его «богатый фантазией» критик.

Дальше!

«На деле тайна светского тона и такта — тайна этой крайней противоестественности— есть горячее стремление вернуться к природе. Поэтому-то явление, подобное *Сесили,* производит на образованное общество такое

электризующее впечатление и сопровождается таким необыкновенным успехом. Для неё, выросшей рабыней среди рабов, лишённой образования, предоставленной исключительно своей природе, эта природа была единственным источником жизни. Внезапно перенесённая в придворную обстановку с принудительностью её нравов и обычаев, она быстро проникает в тайну последних... В этой сфере, над которой она безусловно в силах властвовать, так как её мощь, мощь её природы, действует на окружающих как загадочное волшебство, — в этой сфере Сесили неизбежно должна сбиться с пути и потерять всякое чувство меры, между тем как прежде, когда она была ещё рабыней, эта самая природа учила её оказывать сопротивление всякому недостойному требованию своего господина и сохранять верность своей любви. *Сесили* — это *разоблачённая тайна образованного общества.* Подавленные чувства прорывают в конце концов плотину и проявляются с полнейшей необузданностью» и т. д.

Читатель г-на Шелиги, не знакомый с романом Сю, конечно, подумает, что Сесили — львица описываемого бала. В романе же Сесили сидит в немецкой тюрьме в то время, когда в Париже танцуют.

Сесили-рабыня сохраняет верность врачу-негру Давиду, потому что она его «страстно» любит и потому что её собственник, г-н Виллис, *«грубо»* добивается её ласк. Её переход к распутной жизни мотивируется в романе очень просто. Перенесённая в «мир европейцев», она «стыдится своего брака с негром». Едва она попадает в Германию, как её *«тотчас же»* развращает какой-то испорченный субъект. Сказывается «индейская кровь», текущая в её жилах. В угоду «милой морали» и «милой коммерции» лицемерный г-н Сю не может не охарактеризовать её поведение как «испорченность от природы».

Тайна Сесили состоит в том, что она—*метиска.* Тайна её чувственности — это *тропический зной.* Парни в своих прекрасных стихах к Элеоноре воспевал метиску. Насколько она опасна для французских матросов, можно прочесть в сотнях рассказов путешественников.

«Сесили», — читаем мы у Эжена Сю, — «была воплощением жгучей чувственности, воспламеняющейся лишь при тропическом зное... Все слышали об этих цветных девушках, так сказать смертельных для европейцев, об этих очаровательных вампирах, которые, опьяняя свои жертвы ужасными соблазнами, оставляют им, по энергичному местному выражению, лишь пить свои слёзы и глодать свой сердце».

Сесили вовсе не производила такого магического действия именно на аристократически-образованных, пресыщенных людей...

«Женщины типа Сесили», — пишет Эжен Сю, — «производят внезапное впечатление, оказывают неотразимое магическое действие на таких представителей *грубой чувственности,* как *Жак Ферран».*

А с каких это пор люди, подобные Жаку Феррану, представляют изысканное общество? Но критической критике понадобилось конструировать *Сесили* как момент в жизненном процессе абсолютной тайны.

4) «ТАЙНА ДОБРОПОРЯДОЧНОСТИ И БЛАГОЧЕСТИЯ»

«Тайна, как тайна образованного общества, укрывается, *правда,* из сферы *противоположности* во *внутреннюю* сферу. *Тем не менее* высший свет *опять-таки* обладает такими исключительно *своими* кругами, которым он вверяет хранение своей святыни. Высший свет— *как бы* часовня для этой величайшей святыни. *Но* для пребывающих в преддверии часовня сама составляет тайну. *Таким образом,* образованность в своём исключительном положении—то же для народа... что грубость нравов для образованных».

«Правда... тем не менее... опять-таки... как бы... но... таким образом» — вот те магические крючки, которые скрепляют друг с другом кольца *спекулятивной цепи рассуждений.* Выше мы видели, как г-н Шелига заставляет тайну покинуть мир преступников и укрыться в высшем свете. Теперь он должен конструировать ту тайну, что высший свет имеет свои *исключительные* круги и что тайны этих кругов суть тайны для народа. Кроме приведённых выше магических крючков, для этой конструкции требуется ещё превращение *круга* в *часовню* и превращение неаристократического мира в *преддверие* этой часовни. *Для* Парижа опять-таки является тайной, что все сферы буржуазного общества составляют только преддверие часовни высшего света.

Г-н Шелига преследует две цели. Во-первых, необходимо сделать тайну, воплотившуюся в замкнутом круге высшего света, *«общим достоянием всего мира».* Во-вторых, *нотариус Жак Ферран* должен быть сконструирован как живое звено тайны. Критик рассуждает следующим образом:

«Образованность ещё не может и не хочет втянуть в свой круг псе сословия и все различия. Только *христианство* и *мораль* в состоянии основать на земле универсальные царства».

Для г-на Шелиги образованность, цивилизация, равнозначна *аристократической* образованности. Он поэтому не способен видеть, что *промышленность* и *торговля* создают совершенно иного рода универсальные царства, чем христианство и мораль, семейное счастье и мещанское благополучие. Но как же мы приходим к *нотариусу Жаку Феррану?* В высшей степени просто!

Г-н Шелига превращает *христианство* в *индивидуальное* качество, в *«благочестие»,* а *мораль* в другое *индивидуальное*

качество, в *«добропорядочность»*. Он соединяет оба эти качества в *одном* индивидууме и нарекает этого индивидуума именем Жака *Феррана,* потому что Жак Ферран этими качествами не обладает, а только лицемерно разыгрывает их. Жак Ферран становится, таким образом, «тайной добропорядочности и благочестия». «Завещание» же Феррана, напротив, есть «тайна *кажущейся* добропорядочности и *кажущегося* благочестия», стало быть — уже не добропорядочности и благочестия самих по себе. Чтобы конструировать это завещание как тайну, критической критике следовало бы объявить кажущиеся добропорядочность и благочестие тайной означенного завещания, а не наоборот: завещание—тайной кажущихся добропорядочности и благочестия.

В то время как корпорация парижских нотариусов сочла Жака Феррана злым пасквилем на себя и через театральную цензуру настояла на удалении этого персонажа из поставленных на сцене «Парижских тайн», критическая критика в тот самый момент, когда она *«полемизирует с воздушным царством понятий»,* усматривает в парижском нотариусе не парижского нотариуса, а религию и мораль, добропорядочность и благочестие. Судебный процесс нотариуса Леона должен был бы просветить её на этот счёт. Положение, занимаемое *нотариусом* в романе Эжена Сю, тесно связано с его официальным положением.

«Нотариусы в светских делах то же, что священники в делах духовных: они —*хранители наших секретов»* (Монтей. «История французов различных сословий» и т. д., том IX, стр. 37[26]).

Нотариус — это светский духовник. Он — *пуританин* по профессии, а «честность», говорит Шекспир, «не пуританка»[27]. Он в то же время сводник для всевозможных целей, заправила гражданских интриг и козней.

С нотариусом Ферраном, вся тайна которого заключается в его лицемерии и нотариате, мы, кажется, не сделали ещё ни одного шага вперёд. Но погодите!

«Если для нотариуса лицемерие есть дело вполне сознательное, а для мадам Ролан — *нечто вроде* инстинкта, то между ними стоит масса тех, которые не могут проникнуть в тайну и всё-таки непроизвольно стремятся к тому, чтобы добиться этого. И не суеверие приводит великих и малых мира сего в мрачное жилище шарлатана Брадаманти (аббата Полидори). Нет, их приводит туда искание тайны, чтобы оправдать себя в глазах мира».

«Великие и малые» устремляются к Полидори не для того, чтобы обрести какую-нибудь определённую тайну, способную

оправдать их в глазах мира. Нет, «великие и малые» ищут у Полидори «тайну вообще», тайну как абсолютный субъект, *чтобы* оправдать себя в глазах мира. Это похоже на то, как если бы мы искали не топор, а «инструмент вообще», инструмент in abstracto*, для того, чтобы этой абстракцией колоть дрова.

Все тайны, которыми владеет Полидори, сводятся к средству для вытравления плода у беременных и к яду для убийств. — В спекулятивном экстазе г-н Шелига заставляет *«убийцу»* прибегать к яду Полидори «потому, что он хочет быть не убийцей, а уважаемым, любимым, почитаемым». Как будто при совершении убийства дело идёт об уважении, любви и чести, а не о *голове!* Но *критический* убийца хлопочет не о своей голове, а о «тайне как таковой». — Однако так как не все люди убивают и не все бывают беременны с нарушением установленных полицейских правил, то как же этому Полидори устроить так, чтобы *каждый* мог обладать желанной тайной? Г-н Шелига смешивает, вероятно, шарлатана Полидори с учёным *Полидором Вергилием,* который жил в XVI столетии и хотя и не открыл никаких тайн, но старался сделать «общим достоянием всего мира» историю открывателей тайн, т. е. *изобретателей* (см. Полидор Вергилий. «Книга об изобретателях вещей». Лион, 1706[28]).

Тайна как таковая, абсолютная тайна в том виде, в каком она в конце концов становится «общим достоянием всего мира», состоит, таким образом, в тайне аборта и отравления. Тайна как таковая вряд ли искуснее могла стать «общим достоянием всего мира», чем превратившись в тайны, ни для кого не являющиеся тайнами.

5) «ТАЙНА-НАСМЕШКА»

«*Теперь* тайна стала общим достоянием, тайной всего мира и каждого в отдельности. Либо это — моё искусство или мой инстинкт, либо я могу её купить как товар на рынке».

Какая тайна стала теперь общим достоянием всего мира? Тайна ли бесправия в государстве, тайна ли образованного общества, тайна ли фальсификации товаров, тайна ли изготовления одеколона или же тайна «критической критики»? Нет, речь идёт о тайне вообще, тайне in abstracto, о категория тайны!

---

* — в абстрактном виде. *Ред.*

Г-н Шелига вознамерился представить *домашних слуг* и *привратника Пипле с женой* — воплощением абсолютной тайны. Он хочет конструировать *слугу* и *привратника* «тайны»! Каким же образом он умудряется совершить этот головоломный прыжок вниз, от *чистой категории* до уровня *«слуги»,* который *«шпионит перед запертой дверью»,* от *тайны, как абсолютного субъекта,* восседающего на троне высоко над *крышей* в облаках абстракции, до подвального этажа, где помещается каморка привратника?

Прежде всего он заставляет категорию тайны проделать спекулятивный процесс. После того как тайна, при помощи средств для аборта и отравления, сделалась общим достоянием всего мира, она,

> *«стало быть, отнюдь не есть уже больше сама скрытность и недоступность*, а есть *то, что само себя скрывает*, или же, ещё лучше» (всё лучше да лучше!), «то, что я скрываю, *что я делаю недоступным*».

С этим превращением абсолютной тайны из *сущности* в *понятие,* из *объективной* стадии, где она есть сама скрытность, в *субъективную* стадию, где она сама себя скрывает, или, ещё лучше, где «я её» скрываю, — мы ещё не подвинулись ни на шаг вперёд. Наоборот, затруднение как будто даже выросло, ибо тайна в человеческой голове и в человеческой груди более недоступна и более сокровенна, чем на дне морском. Поэтому на помощь своему *спекулятивному* рассуждению г-н Шелига *немедленно* выдвигает *эмпирическое* рассуждение.

> «За *запертой дверью»* (слушайте, слушайте!) *«отныне»* (отныне!) «высиживается, стряпается и вершится тайна».

«Отныне» г-н Шелига превращает спекулятивное «я» тайны в некоторую весьма эмпирическую, весьма *деревянную* действительность, а именно — в *дверь.*

> *«Но тем самым»* (т. е. вместе с наличием запертой двери, а не с переходом от замкнутой сущности к понятию) «дана *также возможность* подслушать, уловить и выследить тайну».

Не *г-н Шелига* открыл ту «тайну», что можно подслушивать у запертых дверей. Массовая народная поговорка наделяет ушами даже стены. Напротив, вполне критически-спекулятивной тайной является то, что только *«отныне»,* т. е. после адского путешествия по притонам преступников, после нашего вознесения в небесные сферы образованного общества и после всех чудес Полидори, стало возможно, что тайны высиживаются *за* запертыми дверями и подслушиваются *у* запертых дверей. Столь же великую критическую тайну составляет и то, что

запертые двери представляют собой *категорическую необходимость* как для того, чтобы высиживать, стряпать и вершить тайны (сколько тайн высиживается, стряпается и вершится за кустами!), так и для того, чтобы выслеживать их.

Совершив этот блестящий диалектический подвиг, г-н Шелига переходит, естественно, от самого *выслеживания* к *побудительным причинам выслеживания.* Здесь он нам открывает тайну, что *злорадство* есть побудительная причина выслеживания. От злорадства он переходит далее к *причинам злорадства.*

«Каждый», — говорит он, — «хочет быть лучше другого, потому что он не только скрывает мотивы своих добрых дел, но и старается окружить совершенно непроницаемым туманом свои дурные дела».

Фраза эта должна была бы гласить наоборот: каждый не только скрывает мотивы своих добрых дел, но и старается окружить свои дурные дела совершенно непроницаемым туманом, потому что он хочет быть лучше других.

Мы, таким образом, добрались от тайны, которая сама себя скрывает, к «я», которое её скрывает, от этого «я» к запертым дверям, от запертых дверей к выслеживанию, от выслеживания к причине выслеживания, к злорадству, от злорадства к причине злорадства, к желанию быть лучше других. Скоро мы будем иметь удовольствие видеть слугу у запертых дверей. Всеобщее желание быть лучше других приводит нас прямо к тому, что «каждому свойственна склонность проникать в тайны других людей». К этим словам критик непринуждённо присоединяет следующее остроумное замечание:

«В этом отношении *благоприятнее всего* положение *домашних слуг*».

Если бы г-н Шелига читал мемуары из архивов парижской полиции, мемуары Видока, французскую «Чёрную книгу» и тому подобные вещи, он знал бы, что в этом отношении *полиция* поставлена в ещё более благоприятное положение, чем находящиеся в «наиболее благоприятном положении» домашние слуги, что полиция пользуется домашними слугами лишь для самых несложных поручений, что она не останавливается у дверей и не ограничивается присутствием при раздевании господ, а забирается даже под простыню, к их обнажённому телу, в образе femme galante или даже супруги. В самом романе Сю полицейский шпион «Красная рука» является одним из главных носителей развивающегося действия.

«Отныне» г-на Шелигу смущает в домашних слугах то обстоятельство, что они недостаточно *«свободны от личного интереса».* Это *критическое сомнение* прокладывает критику дорогу к *привратнику Пипле и его жене.*

«Напротив, положение привратника, обеспечивая последнему относительную независимость, даёт ему возможность сделать тайны дома предметом свободной, незаинтересованной, хотя и суровой и хлёсткой, насмешки».

Первое большое затруднение, на которое наталкивается эта спекулятивная конструкция привратника, заключается в том, что в очень многих парижских домах функции домашнего слуги и привратника, по крайней мере для части жильцов, соединены в одном и том же лице.

О критической фантазии насчёт относительно независимого и незаинтересованного положения привратника можно судить по следующим фактам. Парижский привратник является представителем и шпионом домовладельца. Жалованье он получает в большинстве случаев не от домовладельца, а от жильцов. Ввиду такой ненадёжности своего заработка он часто соединяет со своими официальными обязанностями занятие комиссионера. Во время господства террора, в период Империи и Реставрации привратники были главными агентами тайной полиции. Так, например, генерал Фуа находился под негласным надзором своего привратника, который передавал адресованные генералу письма для прочтения находившемуся вблизи полицейскому агенту (см. Фроман. «Разоблачённая полиция»[29]). Слова «portier»[*] и «epicier»[**] являются поэтому бранными словами, и сам «portier» желает, чтобы его называли «concierge»[***].

Эжен Сю настолько далёк от того, чтобы изображать мадам Пипле «незаинтересованной» и безвредной особой, что он заставляет её с самого начала надуть Рудольфа при размене денег; она же рекомендует Рудольфу бесчестную ростовщицу, живущую в том же доме, и она же обещает ему много приятного от знакомства с Риголеттой. Она подтрунивает над майором за то, что он мало платит, что он торгуется с ней (с досады она называет его «копеечным майором»: «Это научит тебя, как платить всего лишь двенадцать франков в месяц за обслуживание твоего домашнего хозяйства»), что у него хватает «мелочности» следить за своим топливом, и т. д. Она сама сообщает причину своего «независимого» поведения: майор платит всего лишь двенадцать франков в месяц.

У г-на Шелиги «Анастасия Пипле *некоторым образом* открывает партизанскую войну против тайны».

[*] — «привратник». *Ред.*
[**] — «лавочник». Ред.
[***] — «консьержем». *Ред.*

У Эжена Сю Анастасия Пипле представляет собой тип *парижской привратницы.* Он хочет «драматизировать привратницу, мастерски изображённую г-ном Анри Монье». А г-н Шелига считает нужным превратить одно из качеств мадам Пипле, её *«злоязычие»,* в особую сущность, чтобы вслед за тем сделать мадам Пипле представительницей этой сущности.

«Её муж», — продолжает г-н Шелига, — «привратник Альфред Пипле, подвизается рядом с ней на том же поприще, но с меньшим успехом».

Чтобы утешить его в этой неудаче, г-н Шелига превращает и его тоже в *аллегорию.* Он является представителем *«объективной»* стороны тайны, представителем *«тайны как насмешки».*

«Тайна, наносящая ему поражение, есть насмешка, шутка, которую над ним сыграли».

Мало того. В своём безграничном сострадании божественная диалектика делает «несчастного, впавшего в детство старика» *«сильным человеком»* в *метафизическом смысле,* отводя ему роль весьма достойного, весьма счастливого и весьма решительного момента в жизненном процессе абсолютной тайны. Победа над Пипле есть

«самое решительное поражение тайны». «Более ловкий и смелый не даст *шутке* ввести себя в обман».

6) ГОРЛИЦА (РИГОЛЕТТА)

«Остаётся сделать ещё один шаг. Тайна в *своём собственном последовательном развитии* неминуемо приходит к тому, что вынуждена, как мы видели на примере Пипле и Кабриона, унизиться до простого фарса. Требуется *ещё только,* чтобы индивидуум не соглашался больше разыгрывать эту глупую комедию. *Горлица* делает этот шаг самым что ни на есть простодушным образом».

Всякий может в течение двух минут постичь тайну этого спекулятивного фарса и научиться самостоятельно применять его. Мы дадим краткие указания на этот счёт.

Задача. Требуется построить конструкцию, показывающую, каким образом человек становится господином над зверями.

Спекулятивное решение. Предположим, что нам дано с полдюжины зверей: скажем, например, лев, акула, змея, бык, лошадь и мопс. Абстрагируем из этих шести зверей категорию «зверь вообще». Представим себе «зверя вообще» как самостоятельное существо. Будем рассматривать льва, акулу, змею и т. д. как своего рода переодевания или воплощения «зверя вообще». Подобно тому как мы превратили предмет нашего воображения, «зверя» нашей абстракции, в некое

действительное существо, превратим теперь действительных зверей в создания нашей абстракции, нашего воображения. Мы видим, что «зверь вообще», который в образе *льва* раздирает человека на части, в образе *акулы* проглатывает его, в образе *змеи* поражает его ядом, в образе *быка* вонзает в него рога, в образе *лошади* бьёт его копытами, — что этот самый «зверь вообще» в образе *мопса* только лает на человека и превращает борьбу с человеком в простую *видимость битвы.* «Зверь вообще» в своём *собственном последовательном развитии* приходит к тому, что вынужден, как мы видели на примере *мопса,* унизиться до разыгрывания *простого фарса.* Если теперь какой-нибудь ребёнок или впавший в детство человек удирает от мопса, то остаётся ещё добиться только того, чтобы индивидуум не соглашался больше разыгрывать эту глупую комедию. Индивидуум *x* делает этот шаг самым что ни на есть простодушным образом, пуская в ход против мопса свою бамбуковую палку. Отсюда вы можете видеть, каким образом «человек вообще», в лице индивидуума *x* и при посредстве мопса, стал господином над «зверем вообще», а стало быть и над действительными зверями, и каким образом этот человек, одолев *зверя в образе мопса,* тем самым одолел *льва в качестве зверя.*

Подобным же образом «Горлица» г-на Шелиги при посредстве Альфреда Пипле и Кабриона побеждает тайны существующего мирового порядка. Более того! Она сама есть не что иное, как реализация категории «тайна».

«Она сама ещё не сознаёт своей высокой нравственной ценности и поэтому она ещё для самой себя тайна».

Устами Мурфа Эжен Сю раскрывает нам тайну *не*спекулятивной Риголетты. Она — «очень хорошенькая *гризетка».* В её лице Эжен Сю изобразил приветливый, человечный характер парижской гризетки. Но опять-таки из благоговения перед буржуазией и в силу характерной для него страсти к преувеличениям он должен был *морально* идеализировать гризетку. Он должен был сгладить острые углы её жизненного положения и характера, а именно: её пренебрежительное отношение к официальной форме брака, её наивную связь со студентом или рабочим. Именно в рамках этой связи она образует истинно человеческий контраст по отношению к лицемерной, чёрствой и себялюбивой супруге буржуа и ко. всему кругу буржуазии, т. е. ко всему официальному обществу.

7) МИРОВОЙ ПОРЯДОК «ПАРИЖСКИХ ТАЙН»

«И вот, этот мир тайн есть тот всеобщий мировой порядок, в который перенесено индивидуальное действие «Парижских тайн»».

Прежде чем «однако... перейти к *философскому воспроизведению* эпического происшествия», г-н Шелига должен ещё «соединить в одну общую картину набросанные выше отдельные очерки».

Когда г-н Шелига говорит, что он хочет перейти к «философскому воспроизведению» эпического происшествия, то мы должны рассматривать это как действительное признание, как разоблачение его критической тайны. До сих пор он «философски воспроизводил» мировой порядок.

Развивая свои признания, г-н Шелига продолжает:

«Из нашего изложения следует, что отдельные рассмотренные выше тайны обладают ценностью не каждая сама по себе, обособленно друг от друга, что они не какие-нибудь великолепные сплетни. Ценность их состоит в том, что они образуют из себя *органическую последовательность звеньев, совокупность* которых есть тайна».

В припадке откровенности г-н Шелига заходит ещё дальше. Он сознаётся, что *«спекулятивная последовательность»* не есть *действительная* последовательность «Парижских тайн».

«Правда, в нашем эпосе тайны выступают не в виде этой о *самой себе знающей последовательности»* (по себестоимости?). *«Но* ведь мы имеем тут дело *не с логическим,* открытым для взоров всякого, *свободным организмом критики,* а с некоторым *таинственным растительным бытием».*

Мы оставляем без рассмотрения обобщающую картину г-на Шелиги и сразу же переходим к тому пункту, который образует «переход». На примере Пипле мы познакомились с «самоосмеянием тайны».

«Самоосмеянием тайна сама себе выносит приговор. Уничтожая самих себя в последнем итоге своего развития, тайны *тем самым* побуждают каждый сильный характер к самостоятельной проверке».

Рудольф, князь Герольштейнский, *муж «чистой критики»,* призван осуществить эту проверку и *«разоблачение тайн».*

Если мы займёмся Рудольфом и его подвигами лишь после того, как на некоторое время потеряем из виду г-на Шелигу, то можно уже наперёд сказать, а читатель может до известной степени подозревать и, если угодно, даже предугадывать, что мы превратим Рудольфа из *«таинственного растительного бытия»,* каковым он является в критической «Literatur-Zeitung», в *«логическое,* открытое для взоров всякого, *свободное* звено» в *«организме критической критики».*

ГЛАВА ШЕСТАЯ
АБСОЛЮТНАЯ КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА,
или
КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА В ЛИЦЕ г-на БРУНО

1) ПЕРВЫЙ ПОХОД АБСОЛЮТНОЙ КРИТИКИ

а) «ДУХ» И «МАССА»

До сих пор казалось, что критическая критика в большей или меньшей степени занята критической обработкой разное образных *массовых* предметов. Теперь мы находим её занятой абсолютно критическим предметом — *самой собой.* До сих пор она черпала свою относительную славу из критического унижения, отвержения и преображения *определённых* массовых предметов и лиц. Теперь она черпает свою *абсолютную* славу из критического унижения, отвержения и преображения массы в её всеобщности. На пути относительной критики стояли относительные границы. На пути абсолютной критики стоит абсолютная граница, граница в виде массы, масса как граница. Относительная критика, в своём противоположении определённым границам, сама по необходимости была *ограниченным* индивидуумом. Абсолютная критика, в своём противоположении *всеобщей* границе, границе как таковой, необходимо должна быть *абсолютным* индивидуумом. Подобно тому как в *нечистом* месиве *«массы»* слились воедино разнообразные массовые предметы и лица, точно так же и казавшаяся ещё предметной и личной критика преобразилась в *«чистую критику».* До сих пор казалось, что критика в большей или меньшей степени является *свойством* отдельных критических индивидуумов — Рейхардта, Эдгара, Фаухера и т. д. Теперь она—*субъект,* а г-н Бруно — её воплощение.

До сих пор *массовость* казалась, в большей или меньшей степени, свойством критикуемых предметов и лиц; теперь предметы и лица стали *«массой»,* а *«масса»* стала предметом и лицом. Все прежние критические отношения растворились теперь в

отношении абсолютной критической мудрости к абсолютной массовой глупости. Это *основное отношение* выступает как *смысл, тенденция, разгадка* прежних критических деяний и битв.

В соответствии со своим абсолютным характером «чистая» критика уже при первом своём выступлении скажет своё отличительное *«решающее слово»;* но, несмотря на это, она, как абсолютный дух, должна будет проделать некоторый диалектический процесс. Лишь в конце её небесного движения воплотится истинным образом в действительность её первоначальное понятие (см. Гегель. «Энциклопедия»[30]).

«Ещё несколько месяцев тому назад», — возвещает абсолютная критика, — «масса мнила себя гигантски сильной и предназначенной к мировому господству, приближение которого она готова была высчитывать по пальцам»[31].

Кто же, как не сам г-н *Бруно Бауэр* в «Правом деле свободы» (разумеется, в своём *«собственном»* деле), в «Еврейском вопросе»[32] и т. д., — кто, как не он сам, высчитывал по пальцам приближение мирового господства, хотя он и сознавался, что не может точно указать число? К реестру грехов массы он прибавляет массу своих собственных грехов.

«Масса воображала себя обладательницей множества истин, казавшихся ей само собой понятными». «Но *истиной обладают* целиком лишь тогда... когда последовали за ней через всю цепь *её* доказательств».

Истина для г-на Бауэра, как и для Гегеля, *автомат,* который сам себя доказывает. Человеку остаётся *следовать* за ней. Как и у Гегеля, результат действительного развития есть не что иное, как *доказанная,* т. е. доведённая до *сознания, истина.* Абсолютная критика может поэтому вместе с самым ограниченным теологом спрашивать:

«Для чего нужна была бы *история,* если бы её задача не заключалась в том, чтобы *доказывать* именно эти, самые простые из всех истин (как, например, движение земли вокруг солнца)?»

Как у прежних телеологов растения существовали для того, чтобы их пожирали животные, а животные для того, чтобы их пожирали люди, так и история существует для того, чтобы служить целям потребительского акта теоретического пожирания, *доказательства.* Человек существует для того, чтобы существовала история, история же для того, чтобы существовало *доказательство истин.* В этой *критически* тривиализированной форме повторяется та спекулятивная мудрость, которая утверждает, что человек и история существуют для того, чтобы *истина* пришла к *самосознанию.*

Подобно *истине, история* становится, таким образом, особой личностью, метафизическим субъектом, а действительные человеческие индивидуумы превращаются всего лишь в носителей этого метафизического субъекта. Поэтому абсолютная критика пользуется такими выражениями, как:

«история не позволяет насмехаться над собой... история употребила величайшие усилия для того, чтобы... история занялась... для чего же и нужна была история?.. история выразительно доказывает нам... история выдвигает истины» и т. д.

Если, как утверждает абсолютная критика, до сих пор историю занимали только такого рода *две-три* наипростейшие истины, которые в конце концов сами собой понятны, то эта скудость, приписываемая критикой всему прежнему человеческому опыту, прежде всего доказывает только *собственную* скудость абсолютной критики. С некритической точки зрения результат истории, напротив, тот, что самая сложная истина, квинтэссенция всякой истины—*люди*—начинают в конце концов сами собой понимать себя.

«Истины же»,—продолжает доказывать дальше абсолютная критика, — «истины же, которые *кажутся* массе столь очевидными, что они уже с *самого начала* сами собой понятны и не нуждаются, по мнению массы, в доказательствах, не стоят того, чтобы история представляла ещё нарочитые доказательства их значимости; они вообще не входят в круг той задачи, разрешением которой занимается история».

В пылу священного негодования против массы абсолютная критика говорит массе самые утонченные комплименты. В самом деле, если истина потому *очевидна,* что она *кажется* таковой массе, если история *определяет своё отношение* к истинам на основании *мнения* массы, то в таком случае суждение массы абсолютно, непогрешимо: оно имеет силу *закона* для истории, которая доказывает лишь то, что для массы *не* очевидно и потому кажется массе нуждающимся в доказательстве. Масса, таким образом, предписывает истории её «задачу» и её «занятие».

Абсолютная критика говорит об «истинах, которые с *самого начала* понятны сами собой». В своей критической наивности она изобретает абсолютное «с *самого начала»* и абстрактную, неизменную *«массу».* «С самого начала» для массы XVI столетия и «с самого начала» для массы XIX столетия—оба эти «с самого начала» в глазах абсолютной критики столь же мало отличаются друг от друга, как сами эти массы. Характерная особенность такой истины, которая понятна сама собой, которая достигла *осуществления* и *очевидности,* в том именно и заключается, что она «с *самого начала* понятна сама собой».

Полемика абсолютной критики против истин, которые с самого начала сами собой, понятны, есть полемика против истин, которые вообще «понятны сами собой».

Истина, которая понятна сама собой, потеряла для абсолютной критики, .как и для божественной *диалектики,* всю свою соль, весь свой смысл и всякую *ценность.* Она сделалась безвкусной, как застоявшаяся вода. Поэтому абсолютная критика, с одной стороны, *доказывает* всё, что понятно само собой, и, кроме того, много таких вещей, которые имеют счастье быть неудобопонятными и никогда поэтому не станут понятными сами собой. С другой же стороны, она объявляет понятным само собой всё то, что нуждается в выведении и доказательстве. Почему? Потому, что *действительные задачи,* как это *само собой* понятно, *не* являются чем-то понятным само собой.

Так как «истина», как и история, есть эфирный, оторванный от материальной массы субъект, то она адресуется не к эмпирическим людям, а к *«недрам души».* Чтобы быть *«поистине познанной»,* она воздействует не на *грубое тело* человека, проживающее где-нибудь в глубине английского подвала или же на чердаке французского многоэтажного дома, а «тянется» через весь его идеалистический кишечник. Абсолютная критика выдаёт, правда, «массе» свидетельство в том, что до сего времени последняя на свой манер, т. е. поверхностно, была затронута теми истинами, которые милостиво «выдвигала» история; но в то же время критика пророчествует, что

«отношение массы к историческому прогрессу коренным образом изменится».

Тайный смысл этого критического пророчества не преминет сделаться для нас «ясным, как день».

«Все великие дела прежней истории», — узнаём мы, — «потому именно были с *самого начала* неудачны и лишены действительного успеха, что масса была в них *заинтересована,* что они *вызывали энтузиазм* массы. Другими словами, дела эти должны были иметь жалкий конец потому, что идея, лежавшая в основе этих дел, была такого рода, что она должна была довольствоваться поверхностным пониманием себя, а следовательно и рассчитывать на одобрение массы».

Казалось бы, что понимание, которым довольствуется идея, т. е. которое соответствует идее, тем самым перестаёт быть поверхностным. Г-н Бруно только *для виду* приводит *отношение* между *идеей* и её *пониманием,* точно так же как он только *для виду* приводит *отношение* неудачного исторического *дела* к *массе.* Если поэтому абсолютная критика действительно что-

нибудь осуждает за «поверхностность», так это именно всю прежнюю историю вообще, дела и идеи которой были идеями и делами «масс». Она отвергает *массовую* историю и на её место намерена поставить *критическую* историю (см. статьи г-на Жюля Фаухера о злободневных вопросах английской жизни). Согласно прежней, *некритической* истории, т. е. истории, писанной не в том смысле, какой придаёт ей абсолютная критика, следует, далее, строго различать две вещи: насколько *масса* была *«заинтересована»* в тех или иных целях и насколько эти цели *«вызывали энтузиазм»* массы. *«Идея»* неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от *«интереса». С* другой стороны, нетрудно понять, что всякий массовый, добивающийся исторического признания *«интерес»,* когда он впервые появляется на мировой сцене, далеко выходит в *«идее»,* или *«представлении»,* за свои действительные границы и легко смешивает себя с *человеческим* интересом вообще. Эта *иллюзия* образует то, что *Фурье* называет *тоном* каждой исторической эпохи. *Интерес* буржуазии в революции 1789 г., далёкий от того, чтобы быть *«неудачным»,* всё *«выиграл»* и имел *«действительный успех»,* как бы впоследствии ни рассеялся дым *«пафоса»* и как бы ни увяли *«энтузиастические»* цветы, которыми он украсил свою колыбель. Этот *интерес* был так могущественен, что победоносно преодолел перо Марата, гильотину террористов, шпагу Наполеона, равно как и католицизм и чистокровность Бурбонов. «Неудачной» революция была только для той массы, для которой *политическая* «идея» не была идеей её действительного *«интереса»,* истинный жизненный принцип которой не совпадал поэтому с жизненным принципом революции, — для той массы, реальные условия освобождения которой существенно отличны от тех условий, в рамках которых буржуазия могла освободить себя и общество. Если, стало быть, революция, которая может служить представительницей всех великих исторических «дел», неудачна,—то она неудачна потому, что та масса, жизненными условиями которой по существу ограничилась революция, была массой *исключительной,* не охватывающей всей совокупности населения, *ограниченной* массой. Если, значит, революция неудачна, то не потому, что революция *«вызывала энтузиазм»* массы, не потому, что масса была *«заинтересована»* в ней, а потому, что для самой многочисленной части массы, части, отличной от буржуазии, принцип революции не был её *действительным* интересом, не был *её собственным* революционным принципом, а был *только «идеей»,* следовательно только предметом временного *энтузиазма* и только кажущегося *подъёма.*

Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объём массы, делом которой оно является. В критической истории, согласно которой в исторических делах речь идёт не о действующих массах, не об эмпирическом действии и не об эмпирическом *интересе* этого действия, а, напротив, только об *«идее»,* пребывающей «*в них»,* —в такой истории всё должно происходить, конечно, совершенно иначе.

«В массе»,—поучает нас критика,— «а *не в чём-либо другом,* как думают её прежние либеральные защитники, *следует искать истинного врага духа».*

Врагами прогресса, *вне* массы, являются как раз получившие самостоятельное существование, наделённые *собственной* жизнью *продукты самоунижения, самоотвержения и самоотчуждения массы.* Поэтому масса, восставая против самостоятельно существующих *продуктов* её *самоунижения,* восстаёт тем самым против своего *собственного* недостатка, подобно тому как человек, выступая против существования бога, тем самым выступает против своей *собственной религиозности.* Но так как эти *практические* результаты самоотчуждения массы существуют в действительном мире внешним образом, то масса вынуждена бороться с ними также и *внешним* образом. Она отнюдь не может считать эти продукты своего самоотчуждения только *идеальными* фантасмагориями, простыми *отчуждениями самосознания,* и не может желать уничтожить *материальное* отчуждение при помощи чисто *внутреннего спиритуалистического* действия. Уже газета Лустало 1789 г.[33] имела девизом:

«Великие кажутся нам великими лишь потому,
Что мы сами стоим на коленях.
Поднимемся!»

Но чтобы подняться, недостаточно сделать это *в мысли,* оставляя висеть над *действительной, чувственной* головой *действительное, чувственное* ярмо, которого не сбросишь с себя никакими идеями. А между тем *абсолютная критика* научилась из *«Феноменологии»* Гегеля, по крайней мере, одному искусству — превращать *реальные, объективные, вне меня* существующие цепи в *исключительно идеальные,* исключительно *субъективные,* исключительно *во мне* существующие цепи и поэтому все *внешние,* чувственные битвы превращать в битвы чистых идей.

Это критическое превращение обосновывает *предустановленную гармонию критической критики* и *цензуры.* С критической точки зрения борьба писателя с цензором не есть борьба

«человека с человеком». Цензор, напротив, есть не что иное, как *моё собственное,* руками заботливой полиции *персонифицированное* для меня *чувство такта,* моё собственное чувство такта, ведущее борьбу с моей бестактностью и некритичностью. Борьба писателя с цензором есть только по видимости, только в глазах дурной чувственности нечто другое, нежели *внутренняя* борьба писателя *с самим собой.* Цензор, *поскольку я* его принимаю за *действительно, индивидуально отличное* от меня существо, за *полицейского палача,* обезображивающего творение моего духа применением к нему внешнего, чуждого самой вещи масштаба, есть не более, как плод *массового* воображения, *некритичная химера.* Если фейербаховские «Тезисы к реформе философии»[34] были запрещены цензурой, то виной тому было не официальное варварство цензуры, а некультурность фейербаховских «Тезисов». Не загрязнённая всяческой массой и материей, *«чистая»* критика видит также и в цензоре чисто «эфирный», оторванный от всякой массовой действительности образ.

Абсолютная критика объявила *«массу» истинным врагом духа.* Развивая эту свою мысль, она говорит:

«Дух знает теперь, где ему *искать своего* единственного *противника,*— в самообманах и дряблости массы».

Абсолютная критика исходит из *догмы* абсолютной правомочности *«духа».* Она исходит, далее, из *догмы внемирового* существования духа, т. е. из существования духа вне массы человечества. Наконец, она превращает, с одной стороны, «дух», «прогресс», с другой — «массу» в *застывшие* сущности, в понятия, и противопоставляет их затем друг другу как данные неизменные крайности. Абсолютной критике не приходит в голову исследовать самый *«дух»,* исследовать, не служат ли его собственная спиритуалистическая природа, его воздушные претензии источником «фразы», «самообмана», «дряблости». Дух, напротив, *абсолютен,* но, к несчастью, он в то же время постоянно превращается в *духовную пустоту:* его расчёты всегда сделаны без хозяина. Он поэтому обязательно должен иметь *противника,* интригующего против него. Этим *противником* и оказывается масса.

Точно так же обстоит дело и с *«прогрессом».* Вопреки претензиям *«прогресса»,* постоянно наблюдаются случаи *регресса* и *кругового движения.* Не догадываясь, что категория *«прогресса»* лишена всякого содержания и абстрактна, абсолютная критика настолько глубокомысленна, что признаёт *«прогресс»* абсолютным для того, чтобы в целях объяснения регресса можно было подставить *«личного противника»* прогресса, *массу.* Так как

«.масса» — не более как *«противоположность духа»,* прогресса, «критики», то она и может быть определена только посредством этой мнимой своей противоположности. Отвлекаясь же от этой противоположности, критика может сказать о *смысле* и бытии массы лишь нечто совершенно неопределённое, а потому *бессмысленное:*

«Масса в *том смысле,* в каком это *«слово»* охватывает *также и так называемый* образованный мир».

Какое-нибудь «также» или «так называемый» вполне достаточны для критической дефиниции. «Масса» отличается, таким образом, от *действительных* масс и существует как *«масса»* только для *«критики».*

Все коммунистические и социалистические писатели исходили из наблюдения, что, с одной стороны, даже самым благоприятным образом обставленные блестящие деяния видимо остаются без блестящих результатов и вырождаются в тривиальности; с другой же стороны, что *всякий прогресс духа* был до сих пор *прогрессом в ущерб массе человечества,* которая попадала во всё более и более *бесчеловечное* положение. Они объявили поэтому *«прогресс»* (см. *Фурье)* неудовлетворительной абстрактной *фразой;* они догадывались (см., в числе других, *Оуэна)* о существовании основного порока цивилизованного мира; они подвергли поэтому *действительные* основы современного общества беспощадной *критике.* Этой коммунистической критике с самого же начала соответствовало на практике движение *широкой массы,* в ущерб которой происходило до сих пор историческое развитие. Нужно быть знакомым с тягой к науке, с жаждой знания, с нравственной энергией и неутомимым стремлением к саморазвитию у французских и английских рабочих, чтобы составить себе представление о *человеческом* благородстве этого движения.

Как же безгранично *остроумна* должна быть «абсолютная критика», чтобы перед лицом всех этих фактов из области духовной и практической жизни суметь усмотреть лишь *одну* сторону дела, постоянное крушение духа, и в досаде на это обстоятельство пуститься ещё в поиски *противника* «духа», которого она и находит в «массе»! В конце концов всё это великое критическое *открытие* сводится к *тавтологии.* По мнению критики дух до сих пор всегда наталкивался на преграду, на препятствие, — иными словами, всегда имел *противника.* Почему? *Потому, что* у него был *противник.* Кто же является противником *духа? Духовная пустота.* Ведь критика определяет массу только как «противоположность» духа, как

духовную пустоту, а если взять более детальные определения духовной пустоты,—как «леность мысли», «поверхностность», «самодовольство». Какое огромное преимущество перед коммунистическими писателями — избавить себя от исследования источников духовной пустоты, лености мысли, поверхностности и самодовольства и, *открыв* в этих качествах противоположность духа, прогресса, заняться их *моральным* посрамлением! Когда эти качества объявляются свойствами массы, как некоторого ещё отличного от них *субъекта,* то подобное различение — не что иное, как «критическая» *видимость* различения. Только *видимостью* является то, что абсолютная критика, кроме абстрактных свойств духовной пустоты, лености мысли и т. д., оперирует ещё и некоторым *определённым* конкретным субъектом, ибо *«масса»* в критическом понимании есть *не что* иное, как эти абстрактные свойства: *«масса»* — это только другое **их** *название,* их *фантастическая персонификация.*

Отношение «духа и массы» имеет, однако, ещё и другой, *скрытый* смысл, который вполне раскроется в дальнейшем ходе рассуждений. Мы здесь его только наметим. *Открытое* г-ном Бруно отношение «духа» и «массы» на самом деле есть не что иное, как *критически-карикатурное завершение гегелевского понимания истории,* которое, в свою очередь, есть не что иное, как *спекулятивное* выражение *христианско-германской* догмы о противоположности *духа* и *материи, бога* и *мира.* В пределах истории, в пределах самого человечества этой противоположности придаётся то выражение, что немногие избранные *индивидуумы,* в качестве *активного* духа, противостоят остальному человечеству как *неодухотворённой массе,* как *материи.*

Гегелевское понимание истории предполагает существование *абстрактного,* или *абсолютного, духа,* который развивается таким образом, что человечество представляет собой лишь *массу,* являющуюся бессознательной или сознательной носительницей этого духа. Внутри *эмпирической,* экзотерической истории Гегель заставляет поэтому разыгрываться *спекулятивную,* эзотерическую историю. История человечества превращается в историю *абстрактного* и потому для действительного человека *потустороннего духа* человечества.

Параллельно с этой гегелевской доктриной развивалось во Франции учение *доктринёров*[35]*,* которые провозглашали *суверенность разума* в противоположность *суверенности народа,* чтобы исключить массы и господствовать *одним.* Это было вполне последовательно. Если деятельность *действительного* человечества есть не что иное, как деятельность *массы* человеческих индивидуумов, то, наоборот, *абстрактная всеобщность* —

разум, дух—должна найти себе абстрактное выражение, исчерпывающееся в немногих индивидуумах. От положения и силы воображения каждого отдельного индивидуума зависит тогда, желает ли он выдавать себя за такого рода представителя «духа».

Уже у *Гегеля абсолютный дух* истории обладает в *массе* нужным ему материалом, соответственное же выражение он находит себе лишь в *философии.* Философ является, однако, лишь тем органом, в котором творящий историю абсолютный дух по завершении движения *ретроспективно* приходит к сознанию самого себя. Этим ретроспективным сознанием философа ограничивается его участие в истории, ибо действительное движение совершается абсолютным духом *бессознательно.* Таким образом, философ приходит post festum*.

Гегель виновен в двоякой половинчатости: во-первых, объявляя философию наличным бытием абсолютного духа, он в то же время отказывается объявить *действительного философского индивидуума абсолютным* духом; во-вторых, абсолютный дух, в качестве абсолютного духа, он только *по видимости* делает творцом истории. Так как абсолютный дух лишь *post festum,* в философе приходит к *сознанию* себя как творческого мирового духа, то его фабрикация истории существует лишь в сознании, в мнении, в представлении философа, лишь в спекулятивном воображении. Г-н Бруно устраняет эту половинчатость Гегеля,

Во-первых, он объявляет критику абсолютным духом, а *себя самого* критикой. Как элемент критики изгнан из массы, так и элемент массы изгнан из критики. Критика считает себя поэтому воплощённой не в какой-нибудь *массе,* а исключительно в небольшой *кучке* избранных людей, в г-не *Бауэре* и его учениках.

Г-н Бруно устраняет далее и другую половинчатость Гегеля: если гегелевский дух творит историю лишь post festum, в фантазии, то г-н Бауэр, в противоположность массе остального человечества, *сознательно* разыгрывает роль *мирового духа;* он уже в настоящем становится в *драматическое* отношение к этой массе, изобретает и осуществляет историю с определённым намерением и после зрелого размышления.

На одной стороне стоит масса как пассивный, неодухотворённый, неисторический, *материальный* элемент истории; на другой стороне — дух, критика, г-н Бруно и компания как элемент активный, от которого исходит всякое *историче-*

* — после праздника, т. е. после того, как событие уже произошло, с запозданием. *Ред*.

ское действие. Дело преобразования общества сводится к *мозговой деятельности* критической критики.

Мало того! Отношение критики,—значит, и воплощённой критики, г-на Бруно и компании, —к массе есть в действительности *единственное* историческое отношение нашего времени. Вся теперешняя история сводится к движению обеих этих сторон по отношению друг к другу. Все противоположности растворились в этой *критической* противоположности.

Так как критическая критика обретает для себя *предметность* только в своём противоположении массе, *глупости,* то она вынуждена постоянно *порождать* для себя эту свою противоположность, и гг. Фаухер, Эдгар и Шелига представили нам достаточно доказательств той виртуозности, которой она отличается в своей специальности — *массовом пропитывании глупостью* как лиц, так и вещей.

Последуем теперь за абсолютной критикой в её *походах* против *массы.*

Ь) ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС, № 1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ

В противоположность массе «дух» тотчас же показывает свою *критичность,* рассматривая своё собственное ограниченное произведение, *«Еврейский вопрос»* Бруно Бауэра, как абсолютное и лишь противников этого произведения — как грешников. В реплике № 1[36] на нападки, которым подверглось это произведение, он не обнаруживает ни малейшего представления о недостатках последнего; напротив, он всё ещё утверждает, что раскрыл «истинное» и *«всеобщее»* (!) значение еврейского вопроса. В своих позднейших репликах, как мы увидим, он вынужден признать свои *«промахи».*

«Приём, оказанный моей работе, есть *начало* доказательства того, что именно те, которые до сих пор ратовали за свободу и теперь ещё продолжают ратовать за неё, больше всех должны восставать против духа. Предпринимаемая мной теперь защита этой работы представит дальнейшие доказательства того, насколько бедны мыслью *защитники массы,* возомнившие себя бог весть сколь великими оттого, что они выступили сторонниками эмансипации и догмы о *травах человека»».*

Выход в свет произведения абсолютной критики необходимо должен был побудить «массу» *начать* доказывать своё враждебное отношение к духу, так как самое *существование* «массы» *обусловлено* ведь и *доказывается* наличностью противоположности между «массой» и абсолютной критикой.

Полемика некоторых либеральных и рационалистических евреев против «Еврейского вопроса» г-на Бруно имеет,

конечно, совершенно другой критический смысл, нежели массовидная полемика либералов против философии и рационалистов против Штрауса. О степени оригинальности вышеприведённого замечания можно, впрочем, судить по следующему месту из *Гегеля:*

«Можно при этом отметить особую форму нечистой совести, проявляющуюся в том виде красноречия, которым эта поверхностность» (поверхностность либералов) «важничает; она сказывается прежде всего в том, что там, где в этой поверхностности более всего *отсутствует дух,* она чаще всего говорит о *духе;* там, где она наиболее мертвенно-суха, она чаще всего употребляет слово *жизнь»* и т. д.[37]

Что касается *«прав человека»,* то г-ну Бруно было уже доказано («К еврейскому вопросу» в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»[38]), что не *защитники массы,* а, наоборот, *«он сам»* не понял сущности этих «прав» и догматически обошёлся с ними. В сравнении с его открытием, что права человека не *«прирождены»,* — открытием, которое в Англии за последние 40 с лишним лет открывалось бесконечное число раз, — в сравнении с этим открытием следует назвать гениальным утверждение Фурье, что рыбная ловля, охота и т. д. суть прирождённые права человека.

Мы приведём только несколько примеров из спора г-на Бруно с *Филипсоном, Хиршем* и т. д. Даже эти жалкие противники не окажутся побеждёнными абсолютной критикой. Вопреки уверению абсолютной критики, г-н *Филипсон* отнюдь не говорит какой-либо нелепости, когда бросает ей следующий упрёк:

«Бауэр мыслит себе особого рода государство... *философский идеал государствам.*

Г-н Бруно, смешавший государство с человечеством, права человека с самим человеком, политическую эмансипацию с эмансипацией человеческой, неизбежно должен был, если и не мыслить, то воображать себе государство особого рода, философский идеал государства.

«Декламатор» (г-н Хирш) «сделал бы лучше, если бы, вместо донельзя утомительного изложения своей мысли, он опроверг моё доказательство. что *христианское государство...* не может предоставить последователям какой-либо другой определённой религии полного равенства в правах с христианскими сословиями, так как его жизненным принципом является одна определённая религия».

Если бы декламатор *Хирш* действительно опроверг доказательство г-на Бруно и—как это сделано в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»—показал, что государство сословий и

исключительного христианства есть не только незавершённое государство вообще, но и незавершённое *христианское* государство, то г-н Бруно ответил бы так же, как он отвечает на приведённое в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» опровержение:

«Упрёки в этом деле лишены всякого значения».

В противовес утверждению г-на Бруно, что

«евреи своим давлением на пружины истории вызвали противодействующее давление»,

г-н Хирш вполне правильно замечает:

«В таком случае евреи должны были составлять нечто в деле формирования истории, и если сам Бауэр утверждает это, то он не вправе, с другой стороны, утверждать, что они ничего своего не внесли в дело формирования новейшей эпохи».

Г-н Бруно отвечает:

«Сучок в глазу тоже составляет нечто. Вносит ли он в силу этого что-либо в развитие моего чувства зрения?»

Сучок, который, подобно еврейству среди христианского мира, со дня рождения моего сидит у меня в глазу, остаётся там сидеть, вместе с глазом растёт и развивается, не есть какой-нибудь обыкновенный сучок: это какой-то диковинный, неотъемлемый от моего глаза сучок, который обязательно должен был бы обусловить собой в высшей степени оригинальное развитие моего чувства зрения. Таким образом, критический *«сучок»* не пронзает декламирующего *«Хирша»*[*]. К тому же, в вышеупомянутой критической статье г-ну Бруно было показано значение еврейства для *«формирования* новейшей эпохи».

Теологическая душа абсолютной критики почувствовала себя настолько оскорблённой замечанием одного *депутата рейнского ландтага,* будто «евреи *чудят* на свой, еврейский, а не на наш, так называемый христианский, лад», что она и теперь ещё не забывает «призвать депутата к *порядку* за употребление такого аргумента».

По поводу утверждения другого депутата, что *«гражданское* равноправие евреев возможно лишь там, где само иудейство уже не существует больше», г-н Бруно замечает:

«Правильно, и правильно именно в том случае, если вместе с тем принято во внимание проведённое в моей книжке другое соображение критики», т. е. соображение о том. что и христианство, в свою очередь, должно было бы перестать существовать.

[*] Игра слов: Hirsch — фамилия, «Hirsch» — «олень». *Ред.*

Отсюда видно, что абсолютная критика в № 1 своих реплик на нападки, которым подверглась книжка «Еврейский вопрос», всё ещё смотрит на упразднение религии, на атеизм, как на необходимое условие *гражданского* равенства. Таким образом, в своей первой стадии абсолютная критика *ещё* не сделала ни одного шага вперёд по пути к пониманию сущности государства и *«промаха»* в своём *«труде»*.

Абсолютная критика обижается, когда кто-нибудь доказывает, что *задуманное* ею «новейшее» научное открытие — не что иное, как повторение давно уже общераспространённого взгляда. Один рейнский депутат замечает:

«Никому ещё не приходило в голову утверждать, что Франция и Бельгия обнаружили особую ясность принципов при организации своих политических учреждений».

Абсолютная критика могла бы возразить, что это утверждение переносит настоящее в прошедшее, выдавая ставшее теперь тривиальным мнение о неудовлетворительности французских политических принципов за традиционное мнение. Это — возражение по существу дела, но такое возражение не могло бы устроить абсолютную критику. Она, наоборот, должна изобразить устаревшее мнение как мнение, господствующее в настоящее время, а господствующее теперь мнение превратить в критическую тайну, которую ей предстоит ещё раскрыть массе при помощи *своих* исследований. Она должна поэтому сказать:

«Это» (т. е. устаревший предрассудок) «утверждалось *весьма многими»* (т. е. массой); «ко *основательное исследование* истории *докажет,* что *даже* после больших работ, выполненных Францией, для познания принципов *ещё многого остаётся достигнуть»*.

Итак, основательное исследование истории само не *«достигнет»* познания принципов. Нет, благодаря своей основательности оно *докажет* лишь то, что *«ещё многого остаётся достигнуть»*. Великое достижение! Особенно великое после трудов социалистов. Однако для познания существующего теперь общественного строя г-н Бруно делает *уже многое* следующим своим замечанием:

«Господствующая в теперешнее время *определённость* есть *неопределённость»*.

Если Гегель говорит, что господствующая *китайская* определённость есть «Бытие», господствующая *индийская* определённость есть «Ничто» и т. д., то абсолютная критика «чистым» образом примыкает к Гегелю, сводя характер теперешнего времени к логической категории *«Неопределённости»*, — тем более

чистым образом, что наравне с «Бытием» и «Ничто» «Неопределённость» также входит в первую главу спекулятивной логики, в главу о *«Качестве».*

Мы не можем расстаться с № 1 *«Еврейского вопроса»,* не сделав одного общего замечания.

Одна из главных задач абсолютной критики состоит прежде всего в том, чтобы дать всем вопросам современности *правильную постановку.* А именно, она не отвечает на *действительные* вопросы, а подсовывает *совершенно другие* вопросы. Так как она делает всё, то и «вопросы современности» она должна предварительно *сделать,* т. е. должна сделать их *своими,* критически-критическими вопросами. Если бы речь шла о кодексе Наполеона, она бы доказала, что, *в сущности,* речь идёт о *«Пятикнижии».* Её *постановка* «вопросов современности» есть критическое *искажение* и *извращение* этих вопросов. Так, она извратила и «еврейский вопрос» в таком духе, что ей уже не было надобности заниматься исследованием *политической эмансипации,* составляющей содержание этого вопроса, и она могла, напротив, удовольствоваться критикой еврейской религии и описанием христианско-германского государства.

Подобно всем прочим оригинальным проявлениям абсолютной критики, и этот метод представляет собой повторение *спекулятивного* фокуса. *Спекулятивная* философия, особенно *гегелевская* философия, считала необходимым переводить все вопросы из формы здравого человеческого рассудка в форму спекулятивного разума и превращать действительный вопрос в *спекулятивный,* чтобы суметь ответить на него. Извратив *мои* вопросы и вложив мне в уста *свои* собственные вопросы, наподобие того как это делает катехизис, спекулятивная философия могла, конечно, как и катехизис, на каждый из моих вопросов иметь в запасе готовый ответ.

с) ХИНРИКС, № 1. ТАИНСТВЕННЫЕ НАМЁКИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЛИТИКИ, СОЦИАЛИЗМА И ФИЛОСОФИИ

«Политическое»! Абсолютную критику буквально приводит в негодование самое присутствие этого слова в лекциях профессора *Хинрикса*[39].

«Кто следил за общественным развитием новейшего времени и знаком с историей, тот должен знать *также,* что политические движения, происходящие в настоящее время, имеют *совершенно другое»* (!) «значение, а никак не *политическое:* в основе своей» (в основе!.. дальше следует основательная мудрость) «движения эти имеют *общественное»* (!) «значение, которое, как известно» (!), «такого рода» (!), «что перед ним *все* политические интересы оказываются *лишёнными значения»* (!).

За несколько месяцев до появления на свет критической «Literatur-Zeitung» появилось, *как известно* (!)*,* фантастическое политическое произведение г-на Бруно *«Государство, религия и партия»*[40].

Если *политические* движения *имеют общественное значение,* то каким же образом политические интересы могут оказаться *«лишёнными значения»* перед лицом своего собственного общественного значения?

«Г-н Хинрикс не является сведущим лицом ни у себя дома, ни где бы то ни было на свете... Он ни в чём не мог ориентироваться, *потому что... потому что* критика, которая в последние четыре года начала и делала свою *никоим образом не «политическую»,* а *общественную»* (!) «работу, осталась для него *совершенно»* (!) «неизвестной».

Критика, которая, по мнению массы, делала «никоим образом не *политическую»,* а *«всяческим* образом *теологическую»* работу, довольствуется и теперь ещё, — когда она впервые не только за все эти четыре года, а впервые со дня своего литературного рождения произносит слово *«общественный»,* — всего лишь этим *словом!*

С тех пор как социалистические сочинения распространили в Германии взгляд, что *все* человеческие стремления и дела, все без исключения, имеют *общественное* значение, с тех пор г-н Бруно может и свои теологические работы тоже называть *общественными.* Но что за *критическое* требование, чтобы профессор Хинрикс почерпал социализм из *знакомства* с сочинениями *Бауэра,* когда все писания Б. Бауэра, появившиеся до опубликования лекций Хинрикса, повсюду, где эти писания приходят к практическим выводам, приходят к выводам *политическим!* Говоря некритически, профессор Хинрикс никак не мог дополнить появившиеся уже писания г-на Бруно его ещё не появившимися писаниями. С критической точки зрения масса, конечно, обязана как «политические», так и все массовидные «движения» абсолютной критики истолковывать в духе будущего и в духе абсолютного прогресса. Но для того, чтобы г-н Хинрикс после своего ознакомления с «Literatur-Zeitung» никогда больше не забывал слова *«общественный»* и никогда не отказывался признавать *«общественный»* характер критики, она перед лицом всего мира в третий раз *налагает запрет* на слово *«политический»* и в третий раз торжественно повторяет слово *«общественный»:*

«О *политическом* значении *не может быть* больше *речи,* если принимать во внимание *истинную* тенденцию новейшей истории, *но...* но *общественное* значение» и т. д.

Будучи козлом отпущения за прежние «политические» движения абсолютной критики, профессор Хинрикс является также козлом отпущения за все её *«гегельянские»* движения и обороты речи, преднамеренно применявшиеся до появления «Literatur-Zeitung» и непреднамеренно применяемые в этой последней.

Один раз критика бросает Хинриксу в лицо кличку *«истый гегельянец»* и дважды—кличку *«философ-гегельянец».* Мало того! Г-н Бруно *«надеется»* даже, что «банальные обороты речи, совершившие такой утомительный кругооборот через все книги *гегелевской* школы» (в особенности через книги самого Бруно), *при том* большом *«изнеможении»,* которое они обнаруживают в лекциях профессора Хинрикса, в дальнейшем своём путешествии вскоре дойдут до своего конечного пункта. Г-н Бруно ожидает от *«изнеможения» профессора Хинрикса* разрушения *гегелевской философии* и *своего собственного освобождения* от неё.

Итак, в своём *первом походе* абсолютная критика низвергает собственных богов, которым она так долго поклонялась, *«политику»* и *«философию»,* объявляя их кумирами профессора Хинрикса.
Славный первый поход!

2) ВТОРОЙ ПОХОД АБСОЛЮТНОЙ КРИТИКИ

а) ХИНРИКС, № 2. «КРИТИКА» И «ФЕЙЕРБАХ». ОСУЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

В итоге первого похода *абсолютная критика* может считать *«философию»* уничтоженной и отнести её прямо-таки к сонму союзников *«массы».*

«Философы были предназначены к тому, чтобы исполнять сердечное желание *массы».* А именно, «масса *требует* простых понятий, чтобы не иметь никакого дела с самой вещью, — трафаретов, чтобы со всеми вопросами разделаться наперёд, — фраз, чтобы ими уничтожить критику».

И «философия» удовлетворяет это вожделение «массы»! Опьянённая своими победными деяниями, абсолютная критика разражается против философии с неистовством *пифии. Фейербаховская «Философия будущего»*[41] является тем скрытым паровым котлом*, пары которого приводят в бешеный экстаз упоённого победой главаря абсолютной критики. В марте она прочла произведение Фейербаха. Плодом этого чтения и в то же время критерием той серьёзности, с которой

---

* Игра слов: «Feuerbach» — «огненный поток», «Feuerkessel» — «паровой котёл» (буквально: «огненный котёл»). *Ред.*

производилось это чтение, является статья № 2 против профессора Хинрикса.

Абсолютная критика, которая никогда не переставала быть пленницей гегелевского образа мыслей, с бешенством ополчается здесь на железную решётку и стены своей тюрьмы. «Простое понятие», терминология, весь способ мышления философии, больше того—вся философия отвергаются здесь с отвращением. На её место становятся вдруг *«действительное богатство человеческих отношений», «необъятное содержание истории», «значение человека»* и т. д. *«Тайна системы»* объявляется *«открытой».*

Но кто же открыл тайну «системы»? *Фейербах.* Кто уничтожил диалектику понятий — эту войну богов, знакомую одним только философам? *Фейербах.* Кто поставил на место старой рухляди, в том числе и на место «бесконечного самосознания» — не *«значение человека»* (как будто человек имеет ещё какое-то другое значение, чем то, что он человек!), а самого *«человека»? Фейербах* и только *Фейербах.* Он сделал ещё больше. Он давно уничтожил те категории, которыми теперь швыряется «критика»: «действительное богатство человеческих отношений, необъятное содержание истории, борьба истории, борьба массы с духом» и т. д. и т. д.

После того как человек познан как сущность, как базис всей человеческой деятельности и всех человеческих отношений, одна только «критик а» способна изобретать *новые категории* и превращать самого *человека,* как она это и делает, снова в некую категорию и в принцип целого ряда категорий. Этим, правда, она вступает на единственный путь спасения, какой ещё оставался в распоряжении растревоженной и преследуемой *теологической* нечеловечности. *История* не делает *ничего,* она «не обладает *никаким* необъятным богатством», она «не сражается *ни в каких* битвах»! Не «история», а именно *человек,* действительный, живой человек — вот кто делает всё это, всем обладает и за всё борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения *своих* целей. История — *не что иное,* как деятельность преследующего свои цели человека. После гениальных открытий *Фейербаха абсолютная* критика позволяет себе ещё заниматься восстановлением для нас всего старого хлама в новом виде. И это она делает в тот самый момент, когда обрушивается с ругательствами на этот старый хлам как на *«массовый»* хлам, — на что она имеет тем меньше прав, что пальцем не пошевельнула для разрушения философии. Одного этого факта достаточно, чтобы разоблачить *«тай-*

ну» критики, чтобы оценить по достоинству критическую наивность, заставляющую её сказать по адресу профессора Хинрикса, *«изнеможение»* которого уже оказало ей такую огромную услугу, следующее:

> *«Ущерб* терпят те, которые не проделали никакого процесса развития, которые, следовательно, *не могут измениться, даже если бы захотела этого.* Если дело заходит далеко, они пытаются видоизменить *новый* принцип... Но нет! Новое *не может быть* превращено *в фразу, из него нельзя заимствовать отдельных оборотов мысли».*

Абсолютная критика похваляется перед профессором Хинриксом раскрытием *«тайны факультетских наук».* Уж не раскрыла ли она «тайну» философии, юриспруденции, политики, медицины, политической экономии и т. д.? Никоим образом. Она показала (обратите внимание!), она показала в «Правом деле свободы», что наука как источник дохода и свободная наука, свобода преподавания и факультетские статуты противоречат друг другу.

Если бы «абсолютная критика» была честна, она созналась бы, откуда взялось её воображаемое просветление насчёт «тайны философии», хотя всё же хорошо, что она не влагает в уста *Фейербаху,* как она это делала в отношении других людей, такого вздора, как те непонятые и искажённые ею положения, которые она позаимствовала у этого философа. Для *теологической* точки зрения «абсолютной критики» весьма характерно к тому же, что, в то время как немецкие филистеры начинают теперь понимать *Фейербаха* и усваивать его выводы, она, напротив, не в состоянии правильно понять и удачно использовать ни одного его положения.

Подвиги первого похода критики поистине бледнеют перед её новыми шагами на том же поприще. Теперь она «определяет» борьбу *«массы»* с *«духом»* как *«цель»* всей прежней истории; «массу» она объявляет *«чистым ничто»* «убожества», называет её прямо-таки *«материей»* и противопоставляет «материи» *«дух»* как истинное. Итак, разве абсолютная критика не является *воистину христианско-германской?* После того как старая противоположность спиритуализма и материализма во всех направлениях исчерпала себя в борьбе и раз навсегда преодолена *Фейербахом,* «критика» снова превращает её, и притом в самой отвратительной форме, в основную догму и доставляет победу *«христианско-германскому духу».*

Наконец, как на дальнейшее развитие её тайны, во время первого похода ещё скрытой, следует смотреть на то обстоятельство, что критика отождествляет теперь противоположность *духа* и *массы с* противоположностью *«критики»* и массы.

Впоследствии она сделает ещё. шаг вперёд и, отождествив *самоё себя* с «критикой вообще», объявит себя *«Духом»,* Абсолютом, Бесконечным, массу же, напротив,—конечной, грубой, неотёсанной, мёртвой и неорганической, ибо так «критика» понимает материю.

Как необъятно должно быть богатство истории, если оно исчерпывается отношением человечества к *г-ну Бауэру!*

b) ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС. № 2. КРИТИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СОЦИАЛИЗМА, ЮРИСПРУДЕНЦИИ И ПОЛИТИКИ (НАЦИОНАЛЬНОСТИ)

Массовым, материальным евреям проповедуется *христианское* учение о *духовной свободе, о свободе в сфере теории, о* той *спиритуалистической* свободе, которая *воображает себя* свободной даже в оковах, которая чувствует себя счастливой даже тогда, когда это счастье существует только «*в идее»,* и которую всякое массовое существование только стесняет.

«В той мере, в какой евреи продвинулись теперь в сфере *теории,* они действительно *эмансипированы;* в той мере, в какой они *хотят быть свободными,* они *свободны»*[42].

Это положение даёт возможность сразу же измерить ту критическую бездну, которая отделяет *массовый,* земной коммунизм и социализм от *абсолютного* социализма. Первое же положение земного социализма отвергает эмансипацию *исключительно в сфере теории* как иллюзию и требует для *действительной* свободы, кроме идеалистической *«воли»,* ещё весьма осязательных, весьма материальных условий. Как низко по сравнению со святой критикой стоит «масса»,—масса, которая считает материальные, практические перевороты необходимыми даже для того, чтобы завоевать время и средства, нужные хотя бы только для занятия *«теорией»!*

Оставим на минуту чисто духовный социализм и обратимся *к политике.*

Г-н *Риссер* указывает в противовес Б. Бауэру на то, что. *его* государство (т. е. *критическое* государство) с необходимостью должно исключать как «евреев», так и «христиан». Г-н Риссер совершенно прав. Так как г-н Бауэр смешивает *политическую* эмансипацию с *человеческой* и так как государство на противодействие враждебных ему элементов (а христианство и еврейство квалифицируются в «Еврейском вопросе» как изменнические элементы) умеет отвечать только насильственным исключением тех *лиц,* которые представляют эти элементы (как, например, террор стремился уничтожить скупку хлеба обез-

главливанием скупщиков),—то г-н Бауэр должен был бы в своём «критическом государстве» послать на виселицу и евреев и христиан. Смешивая политическую эмансипацию с человеческой, он, последовательности ради, должен был бы также смешать *политические средства* эмансипации с *человеческими средствами* эмансипации. Но как только кто-нибудь указывает абсолютной критике на *действительный* смысл её выводов, она отвечает совершенно то же самое, что некогда ответил *Шеллинг* всем тем своим противникам, которые на место его фраз поставили *действительные* мысли:

«Противники критики потому являются сё противниками, что они не только мерят критику своей *догматической* меркой, но даже считают её *догматической;* иначе говоря: они сражаются против критики по той причине, что она отказывается признать их догматические различения, дефиниции и уловки».

Догматическое отношение к абсолютной критике, как и к г-ну *Шеллингу,* действительно имеет место тогда, когда ей приписывают *определённый,* действительный смысл, мысли и взгляды. Из желания приспособляться и чтобы доказать г-ну Риссеру свою гуманность, «критика» решается, однако, прибегнуть к догматическим различениям, дефинициям и, в особенности, к *«уловкам».*

Так, например, мы читаем:

«Если бы я в той работе» (в «Еврейском вопросе») *«хотел* или *имел право* выйти *за пределы* критики, я *должен»* (!) «был бы *говорить»* (!) «не о *государстве,* а об *«обществе»,* которое никого не исключает, но из которого себя исключают только те, кто не желает принимать участия в его развитии».

Абсолютная критика проводит здесь *догматическое различение* между тем, что она должна была бы сделать, если бы она не сделала противоположного, и тем, что она действительно сделала. Она объясняет ограниченность своей книжки «Еврейский вопрос» *«догматическими уловками» хотения* и *правомочия,* которые запрещали ей выйти «за *пределы критики».* Как? Чтобы «критика» вышла *за пределы «критики»?* К этой целиком *массовидной* уловке абсолютная критика прибегает вследствие догматической необходимости, с одной стороны, утвердить абсолютность своего понимания еврейского вопроса, «критичность» этого понимания, с другой же стороны — признать возможность более широкого понимания.

Тайна её *«нехотения»* и *«неправомочия»* найдёт себе впоследствии объяснение в той критической *догме,* согласно которой все кажущиеся проявления ограниченности «критики» представляют

собой не что иное, как необходимые виды *приспособления* к способности понимания массы.

Она не *хотела!* Она не *имела права* выйти за пределы своего ограниченного понимания еврейского вопроса! Но если бы она *хотела* или *имела право,* что она тогда сделала бы? — Она дала бы *догматическую дефиницию.* Вместо того чтобы говорить о «государстве», она говорила бы об *«обществе»,—* стало быть, отнюдь не занималась бы исследованием *действительного* отношения еврейства к *современному гражданскому* обществу! В отличие от «государства» она *догматически определила бы* «общество» в том смысле, что, в то время как из государства исключает *государство,* из общества, напротив, *исключают* сами себя *те,* кто не желает принимать участия в его развитии!

Что касается исключения из своей среды, то общество поступает так же, как и государство, но только делает это в более вежливой форме: общество не выбрасывает вас за дверь, но создаёт для вашего существования в данном обществе такие невыносимые условия, что вы предпочитаете добровольно уйти из него.

В сущности, государство поступает не иначе, ибо и оно не исключает того, кто исполняет все *его* требования и предписания и не препятствует *его* развитию. В своей *завершённой* форме государство даже закрывает на многое глаза и объявляет *действительные* противоположности *неполитическими,* ничуть ему не мешающими противоположностями. Кроме того, абсолютная критика сама развивала ту мысль, что государство потому лишь и постольку исключает евреев, поскольку евреи исключают государство, т. е. *сами себя* исключают из государства. Если это взаимоотношение получает в *критическом* «обществе» более галантную, более лицемерную и более коварную форму, то это только свидетельствует о большем лицемерии и менее развитом строении *«критического» «общества».*

Последуем за абсолютной критикой в её дальнейших «догматических различениях», «дефинициях» и, в особенности, *«уловках».*

Так, например, г-н Риссер требует от критика, чтобы он *«отличал* то, что относится к области права», от того, «что лежит за пределами последнего».

Критик возмущается наглостью этого *юридического* требования.

«Однако до сих пор», — возражает он, — «чувство и совесть вторгались в право, всегда его дополняли и, ввиду характера права, обусловленного его *догматической формой»* (стало быть, не его догматической *сущностью?),* «всегда должны были дополнять».

Критик забывает только, что, с другой стороны, *само право* весьма определённо *отличает* себя от «чувства и совести»; что это различение находит своё объяснение в односторонней *сущности права,* равно как в его догматической *форме,* и составляет даже одну из *главных догм* права; что, наконец, практическое осуществление «того различения настолько же образует высшую ступень в *развитии права,* насколько отделение религии от всякого земного содержания делает религию *абстрактной, абсолютной* религией. Тот факт, что «чувство и совесть» вторгаются в право, служит для «критика» достаточным основанием для того, чтобы говорить о чувстве и совести там, где речь идёт о *праве,* и о *теологической* догматике там, где речь идёт о *юридической* догматике.

«Дефиниции и различения» абсолютной критики подготовляют нас в достаточной степени к восприятию её новейших *«открытий»* относительно *«общества»* и *«права».*

«Та мировая форма, которую *критика* подготовляет и *идею* которой она *даже впервые* начала подготовлять, не есть *просто правовая* форма, а» (читатель, соберись с духом!) *«общественная, о* которой *по меньшей мере* столько» (столь мало?) *«может* быть сказано, что кто не внёс ничего своего в дело её построения, кто не живёт в ней своею совестью и чувством, тот не может чувствовать себя в ней как дома и не может принимать участия в её истории».

Подготовляемая «критикой» мировая форма определяется как *не просто* правовая, *а* общественная. Это определение может быть истолковано двояким образом. Либо это положение должно быть истолковано в том смысле, что мировая форма есть *«не* правовая, *а* общественная» форма, либо — что она «не просто правовая, но *также и* общественная». Рассмотрим содержание этого положения в обоих толкованиях и начнём с первого. Абсолютная критика определила выше эту отличную от *«государства»* новую «мировую форму» как «общество». Теперь она определяет существительное *«общество»* прилагательным *«общественное».* Если г-н Хинрикс в противовес своему *«политическое»* получил от критики трижды *слово «общественное»,* то г-н Риссер в противовес своему *«правовое»* получает *«общественное общество».* Если по отношению к г-ну Хинриксу *критические* разъяснения свелись к формуле: «общественное» + «общественное» + «общественное» = 3 *а,* то в своём втором походе абсолютная критика переходит от *сложения* к *умножению,* и г-н Риссер отсылается к помноженному на само себя обществу, ко *второй* степени общественного, к общественному обществу = a^2. Чтобы завершить свои выводы об обществе, абсолютной критике остаётся только перейти к дробям, начать извлекать *квадратный корень* из общества и т. д.

А теперь возьмём второе толкование: *«не просто* правовая, *но также и* общественная» мировая форма. В таком случае эта двоякая мировая форма — не что иное, как *ныне* существующая *мировая форма,* мировая форма *нынешнего общества.* То обстоятельство, что «критик а» в своём домировом мышлении только ещё *подготовляет будущее* существование *ныне существующей* мировой формы, есть великое, достойное почитания *критическое чудо.* Но как бы ни обстояло дело с «не просто правовым, а общественным обществом», критика ничего пока не может сказать о нём, кроме своего «fabula docet»*, кроме своего *нравоучения.* В этом обществе «не будет себя *чувствовать* как дома тот», кто не живёт в нём своим чувством и совестью. В конечном итоге, в этом обществе не будет жить никто, кроме «чистого чувства» и «чистой совести», т. е. «духа», «критики» и сё *присных. Масса* тем или иным способом будет исключена из общества, так что в результате «массовое общество» будет пребывать вне «общественного общества».

Одним словом, это общество есть не что иное, как *критическое небо,* откуда изгнан, как *некритический ад,* действительный мир. Абсолютная критика в своём чистом мышлении подготовляет эту преображённую *мировую форму* противоположности *«массы»* и *«духа».*

Разъяснения, даваемые г-ну Риссеру по вопросу о судьбе *наций,* отличаются той же *критической* глубиной, как и разъяснения по вопросу об «обществе».

Стремление евреев к эмансипации и стремление христианских государств «занести евреев в определённые рубрики своей правительственной схемы» (как будто евреи давно уже не занесены в определённые рубрики христианской правительственной схемы!) дают абсолютной критике повод к пророчествам об *упадке национальностей.* Мы видим, каким сложным окольным путём абсолютная критика приходит к современному историческому движению, а именно — *окольным путём теологии.* О важности достигнутых таким путём результатов можно судить по следующему излучающему свет оракульскому изречению:

«Будущее всех национальностей... *очень... темно!»*

Но пусть, критики ради, будущее национальностей будет как угодно темно! Одно, и самое главное, *ясно: будущее—дело рук критики.*

«Судьба»,—восклицает она,— «может решать, как хочет; мы знаем теперь, что она — *дело наших рук».*

* — «басня учит». *Ред.*

Подобно богу, наделившему *своё* творение, человека, собственной волей, критика тоже наделяет *своё творение,* судьбу, *собственной волей.* Критика, творящая судьбу, *всемогуща,* как бог. Даже *«встречаемое»* ею внешнее «сопротивление» — тоже дело её рук. «Критика *создаёт* своих противников». *«Массовое возмущение»* против неё «угрожает» поэтому «опасностью» лишь самой «массе».

Но если критика *всемогуща,* как бог, то она также, подобно богу, и *всеведуща* и умеет соединять своё всемогущество со *свободой, волей* и *природными задатками* человеческих индивидуумов:

«Она не была бы *создающей эпоху* силой, если бы не производила того действия, что *каждый выходит* из её рук тем, чем он *хочет* быть, и что каждому неукоснительно предуказывается та точка зрения, которая *соответствует его природе* и *его воле».*

Сам *Лейбниц,* не мог бы с большим успехом установить предустановленную гармонию божественного всемогущества с человеческой свободой и природными задатками человека.

Если «критика», повидимому, впадает в противоречие с психологией, которая *различает волю* быть чем-нибудь от *способности* быть чем-нибудь, то нужно принять во внимание, что у неё имеются серьёзные основания объявить это *«различение» «догматическим».*

Соберёмся с силами для третьего похода! Вспомним ещё раз, что критика *«создаёт своего* противника»! Но как она могла бы создать своего противника — *«фразу»,* если бы она не занималась фразёрством?

3) ТРЕТИЙ ПОХОД АБСОЛЮТНОЙ КРИТИКИ

а) САМОАПОЛОГИЯ АБСОЛЮТНОЙ КРИТИКИ. ЕЁ «ПОЛИТИЧЕСКОЕ» ПРОШЛОЕ

Абсолютная критика начинает свой третий поход против *«массы»* вопросом:

«Что является теперь предметом критики?»[43]

В том же выпуске «Literatur-Zeitung» мы находим поучение:

«Критика не хочет *ничего* кроме познания *вещей».*

Согласно этому заявлению, все вещи должны были бы быть *предметом* критики. Вопрос о каком-то особом, специально для критики предназначенном предмете не имел бы смысла.

Противоречие это разрешается просто, если принять во внимание, что все вещи «сливаются» в критические вещи, а все критические вещи «сливаются» в *массу как «предмета абсолютной критики.*

Прежде всего г-н Бруно изображает своё *безграничное сострадание* к *«массе».* Он делает *«бездну,* отделяющую его от *толпы»,* предметом *«настойчивого изучения».* Он хочет *«познать значение этой бездны для будущего»* (в этом именно и заключается вышеупомянутое познание *«всех»* вещей) и в то же время *«упразднить её».* Стало быть, на самом деле ему уже известно *значение* этой бездны. Значение бездны состоит именно в том, чтобы быть им *упразднённой.*

Так как для каждого человека самым близким существом является он сам, то «критик а» прежде всего приступает к упразднению своей *собственной массовидности,* подобно христианским аскетам, которые поход духа против плоти начинали с умерщвления *собственной* плоти. *«Плотью»* абсолютной критики является её *действительно массовидное* (охватывающее от 20 до 30 томов) литературное *прошлое.* Г-н Бауэр должен поэтому освободить историю литературной жизни «критики», точнейшим образом совпадающую с историей его собственной литературной деятельности, от её *массовой видимости,* задним числом *улучшить* и *разъяснить* эту историю и с помощью этого *апологетического* комментария *«упрочить прежние работы критики».*

Он начинает с того, что объясняет ошибку *массы,* которая до гибели «Deutsche Jahrbucher»[44] и «Rheinische Zeitung»[45] принимала г-на Бауэра за одного из *своих,* двоякой причиной. Во-первых, масса была неправа, принимая литературное движение *не за «чисто литературное».* В то же время масса совершала противоположную ошибку, принимая литературное движение за «исключительно» или «чисто» *литературное.* Не подлежит ни малейшему сомнению, что во всяком случае «масса» была неправа уже потому, что она *одновременно* делала две взаимно исключающие ошибки.

По этому поводу абсолютная критика, обращаясь к тем, которые осмеивали «немецкую нацию» как *«литераторшу»,* восклицает:

> «Назовите мне хотя бы одну историческую эпоху, которая не была бы властно *предначертана «пером»* и не должна была бы предоставить перу решить вопрос о её ликвидации!»

В своей критической наивности г-н Бруно отделяет *«перо»* от *пишущего субъекта,* а пишущего субъекта, как «абстракт-

ного *писца»,* от живого *исторического человека,* который писал. Этим путём он приобретает возможность приходить в экстаз от *чудодейственной* силы *«пера».* Он с таким же правом мог бы требовать, чтобы ему указали такое историческое движение, которое не было бы предначертано «пернатыми» и «птичницей, ухаживающей за гусями».

После мы узнаем от того же г-на Бруно, что до сих пор не была ещё познана ни одна, решительно ни одна историческая эпоха. Каким же образом могло то самое *«перо»,* которое до сих пор не сумело, оглядываясь назад, *начертать «ни одной»* исторической эпохи, в то же время *предначертать все эпохи?*

И тем не менее г-н Бруно на *деле* доказывает правильность своего взгляда, *«предначертывая»* самому себе своё собственное «прошлое» *апологетическими «росчерками пера».*

Критика, которая во всех отношениях была вовлечена не только во *всеобщую* ограниченность мира и данной эпохи, но и в совершенно особые, личные ограниченности, которая тем не менее с незапамятных времён выдавала себя во всех своих произведениях за *«абсолютную, законченную, чистую»* критику, — эта критика, видите ли, только *приспособлялась* к *предрассудкам* и к *способности понимания* массы, подобно тому как это обыкновенно делает бог в своих откровениях людям.

«Это должно было привести», — вещает абсолютная критика, — «к разрыву между теорией и её *мнимым союзником».*

Но так как критика, — которая для разнообразия названа здесь *теорией,* — не приходит *ни к чему,* а напротив, от неё исходит всё; так как она развивается не внутри, а *вне* мира и в своём божественном, всегда себе равном сознании всё наперёд предопределила, — то и *разрыв* с её прежним союзником был с её стороны *«новым* поворотом» не в себе, не для неё самой, а только *по видимости,* только для других.

«Но этот поворот не был даже, *собственно говоря,* новым. Теория постоянно работала над *критикой самой себя»* (известно, сколько пришлось разделывать эту теорию, чтобы заставить её заняться критикой самой себя), «она никогда не льстила массе» (но зато тем более льстила самой себе), «она всегда *остерегалась* запутаться в предпосылках своего противника».

«Христианский теолог должен выступать *осторожно»* (Бруно Бауэр. «Раскрытое христианство»[46], стр. 99). Как же случилось, что «осторожная» критика всё-таки запуталась и не высказала уже тогда отчётливо и внятно своего «настоящего»

мнения? Почему она не говорила напрямик? Почему она не покончила с иллюзией о её братстве с массой?

«Почему ты поступил так со мной? — спросил фараон Авраама, возвращая ему жену его, Сарру. — Почему ты сказал мне, что она твоя сестра?» (Бруно Бауэр. «Раскрытое христианство», стр. 100.)

«Долой разум и язык!— говорит теолог: ведь в таком случае Авраам был бы лжецом. Откровению было бы нанесено смертельное оскорбление» (там же).

Долой разум и язык! —говорит критик: если бы г-н Бауэр *действительно,* а не для видимости только, смешался с массой, то тогда ведь абсолютная критика не была бы абсолютна в своих откровениях, а следовательно ей было бы нанесено смертельное оскорбление.

«Её старания» (т. е. старания абсолютной критики) *«просто не были замечены», —* продолжает абсолютная критика, — «и, *кроме того, существовала* такая стадия критики, когда последняя *вынуждена* была *искренне* считаться с предпосылками своего противника и на момент принять их всерьёз, короче—когда критика *ещё не вполне* обладала способностью отнять у массы убеждение, что у неё есть общее дело и общий интерес с критикой».

Старания «критик и» просто не были замечены; следовательно, вина лежала на массе. С другой же стороны, критика сознаётся, что её старания не *могли* быть замечены, потому что она сама ещё не обладала *«способностью» сделать их заметными.* Таким образом, вина лежит *как будто* на критике.

Боже сохрани! Критика была «вынуждена» (над ней произведено было насилие) «искренне считаться с предпосылками своего противника и на момент принять их всерьёз». Великолепная искренность, истинно теологическая искренность, которая в действительности несерьёзно относится it делу и только *та момент принимает его всерьёз»;* которая всегда, а значит и *в каждый данный момент,* остерегалась запутаться в предпосылках своего противника и, тем не менее, «на *один момент»* «искренне» считается с этими же предпосылками. «Искренность» принимает ещё большие размеры в заключительной части цитированной выше фразы. Критика «искренне стала считаться с предпосылками массы» в тот самый момент, когда «она ещё не вполне обладала *способностью»* разрушить иллюзию о единстве дела *критики* и дела *массы.* Она *ещё не* обладала *способностью,* но у неё уже имелись *желание* и *мысль.* Она не *могла* ещё порвать с массой *внешним образом,* но разрыв уже совершился *внутри её,* в её *душе,* совершился в тот самый момент, когда она *искренне* симпатизировала массе!

Критика, при всей своей причастности к предрассудкам массы, *в действительности* не была причастна к ним; напротив, она, *собственно говоря,* была свободна от собственной ограниченности и только *«ещё не вполне»* обладала «способностью» показать это массе. Вся ограниченность «критики» была поэтому чистой *видимостью,* — видимостью, которая без ограниченности массы была бы излишня и, следовательно, вовсе не существовала бы. Вина, стало быть, *опять-таки* ложится на массу.

Однако *поскольку* эта *видимость* поддерживалась «неспособностью», «бессилием» критики высказаться настоящим образом, постольку сама критика была *несовершенна.* Она признаётся в этом на свойственный ей, настолько же искренний, насколько апологетический, лад.

«Несмотря на то, что она» (критика) «сама подвергла либерализм уничтожающей критике, её можно было *ещё* считать особым видом этого самого либерализма, — *пожалуй,* крайним выражением его; *несмотря на то,* что её истинные и решающие выводы выходили уже за пределы политики, она должна была *ещё* сохранить в чужих глазах *видимость,* будто она занимается *политикой,* и эта *несовершенная видимость* дала ей возможность приобрести большую часть её вышеупомянутых друзей».

Критика приобрела себе друзей при помощи *несовершенной видимости,* будто она занимается политикой. Если бы эта *видимость* была *совершенна,* то критика непременно потеряла бы своих *политических* друзей. В своём *апологетическом трусливом стремлении* смыть с себя все грехи, она обвиняет *обманчивую видимость* в том, что последняя была *несовершенной обманчивой видимостью,* а не была *совершенной обманчивой видимостью.* При этой замене одной видимости другою «критика» может утешить себя тем, что если она обладала «совершенной видимостью» желания заниматься политикой, то она, напротив, не обладает даже и «несовершенной видимостью» того, чтобы она хоть где-нибудь и когда-нибудь уничтожила политику.

Абсолютная критика, не вполне удовлетворённая «несовершенной видимостью», спрашивает себя ещё раз:

«Как это случилось, что *критика* была тогда втянута в «массовые, политические» интересы, что *она... даже»* (!) ... *«.должна была»* (!) ... «замыкаться *политикой»* (!).

Теологу Бауэру кажется *вполне само собой* разумеющимся, что критика должна была бесконечно долго заниматься *спекулятивной теологией,* ибо *он,* олицетворённая «критика», является ведь теологом ex professo. Но *заниматься*

политикой? Это должно быть мотивировано совершенно особыми, политическими, личными обстоятельствами.

Почему же «критик а» должна была *заниматься даже политикой?* «Ей предъявлены были обвинения—*вот что служит ответом на вопрос».* По крайней мере, в этом разгадка «тайны» *«бауэровской политики»,* и, по крайней мере, нельзя будет назвать *неполитической* ту *видимость,* которая в *«Правом деле свободы и моём собственном деле»* Бруно Бауэра соединяет *массовое* «дело свободы» с его *«собственным* делом» посредством союза «*и*». Но если критика занималась не «собственным *делом»* в *интересах политики,* а *политикой* в *интересах собственного дела,* то следует признать, что не критика была обманута политикой, а, наоборот, политика — критикой.

Итак, Бруно Бауэр должен был быть удалён со своей теологической кафедры: он был *обвинён.* «Критика» принуждена была заниматься политикой, т. е. она должна была *вести «свой»* процесс, т. е. процесс Бруно Бауэра. Не г-н Бауэр вёл процесс критики, а «критика» вела процесс г-на Бауэра. Почему «критика» *должна была* вести свой процесс?

«Чтобы оправдать себя?» *Пожалуй, что и так.* Но «критика» далека от того, чтобы ограничиться таким личным, земным мотивом. Пусть так. Но *не только* поэтому, «а *главным образом* для того, чтобы выявить противоречия её противников», и—могла бы добавить критика—для того ещё, чтобы переплести в одну *книгу* старые статьи против различных теологов, как, например, свою многословную перебранку с *Планком,* эту семейную ссору между теологией «Бауэр» и теологией «Штраус».

Облегчив душу признанием, касающимся истинного интереса её *«политики»,* абсолютная критика, при воспоминании о своём *«процессе»,* снова пережёвывает старую *гегелевскую* жвачку (см. в «Феноменологии» борьбу Просвещения с верой, см. *всю* «Феноменологию»), на разные лады пережёванную уже в «Правом деле свободы», о том, что «старое, сопротивляющееся новому, на самом деле не есть ужо старое». Критическая критика—жвачное животное. Некоторые упавшие со стола гегелевские крохи, как, например, только что приведённое положение о «старом» и «новом» или же «развитие одной крайности из противоположной ей крайности» и т. п., постоянно вновь подогреваются критикой, без того чтобы она когда-нибудь почувствовала хотя бы только потребность разделаться со *«спекулятивной диалектикой»* каким-нибудь иным способом, нежели с помощью «изнеможения» профессора

Хинрикса. Но зато она беспрестанно «критически» преодолевает Гегеля тем, что повторяет его, как, например:

«Критика, выступая на сцену и придавая исследованию новую форму, т. е. такую форму, которая *уже* не поддаётся *превращению* во *внешнее ограничением* и т. д.

Когда я подвергаю нечто каким-нибудь *превращениям,* то я делаю это нечто существенно другим. Так как каждая форма есть в то же время и *«внешнее ограничение»,* то *никакая* форма не «поддаётся» *превращению* во «внешнее ограничение», так же как яблоко не поддаётся «превращению» в яблоко. Впрочем, форма, придаваемая «критикой» исследованию, по совершенно *другой* причине не поддаётся превращению во «внешнее ограничение»: выходя за пределы всякого «внешнего ограничения», она расплывается в пепельно-сером, сизом тумане бессмыслицы.

«Она» (борьба старого с новым) «была бы, *однако, и тогда»* (т. е. в тот момент, когда критика «придаёт» исследованию «новую форму») *«невозможна,* если бы старое исследовало вопрос о совместимости или несовместимости... *теоретически».*

Почему же старое не исследует этого вопроса теоретически? Потому, что «оно, *однако, менее всего* в состоянии сделать это с самого начала, *так как* в *момент неожиданности»,* т. е. в самом начале, оно «не знает ни себя, ни нового», т. е. не исследует *теоретически* ни себя, ни нового. Итак, борьба старого с новым была бы невозможна, если бы эта «невозможность», к сожалению, не была невозможна!

Когда «критик» теологического факультета «признаётся» далее, что он «согрешил *преднамеренно»,* что он «совершил свою ошибку по свободному выбору и после зрелого размышления» (всё, что переживает, испытывает или делает критика, *превращается* для неё в свободный, чистый продукт её рефлексии, преднамеренно ею созданный), то это признание критика имеет только «несовершенную видимость» истины. Так как *«Критика синоптиков»*[47] всецело стоит на *теологической* почве, так как она всецело *теологическая* критика, то г-н Бауэр, приват-доцент теологии, мог писать ее и учить ей, не совершая «ни греха, ни ошибки». Напротив, грех и ошибка имели место со стороны теологических факультетов, которые не поняли, до какой .степени строго г-н Бауэр выполнил своё обещание, данное им в предисловии к «Критике синоптиков», том I, стр. XXIII:

«Если *отрицание* и в этом первом томе может ещё показаться чересчур смелым и далеко заходящим, то мы напоминаем о том, что истинно *положительное* может родиться лишь тогда, когда ему предшествовало серьёзное

и всеобщее отрицание... *В конечном итоге* станет ясно, что только самая уничтожающая в мире критика позволит нам познать творческую *силу Иисуса* и его *принципа».*

Г-н Бауэр преднамеренно отделяет господа «Иисуса» от его «принципа», чтобы отнять у *положительного* смысла своего обещания всякую видимость двусмысленности. И г-н Бауэр, действительно, настолько осязательно изображал *«творческую»* силу господа Иисуса и его принципа, что в результате всего этого его *«бесконечное самосознание»* и *«дух»* оказались не чем иным, как христианскими *творениями.*

Пусть спор критической критики с теологическим факультетом в Бонне в достаточной мере объясняет тогдашнюю «политику» критики; но почему она, после завершения этого спора, продолжала заниматься политикой? А вот послушайте:

«Дойдя до этого пункта, критика *должна* была бы либо *остановиться,* либо тотчас же *двинуться вперёд,* исследовать сущность политики и представить её как своего противника, — если бы только возможно было, чтобы она могла остановиться среди тогдашней борьбы, и если бы только, с *другой* стороны, не существовало слишком строгого исторического закона, на основании которого принцип, впервые испытывающий свои силы в борьбе со своей противоположностью, неминуемо должен позволить последней подавлять себя...»

Прелестная апологетическая фраза! «Критика *должна* была бы остановиться», если бы только было возможно... «иметь возможность остановиться»! Кто *«должен»* остановиться? И кто должен был бы сделать то, что «невозможно было бы... мочь»? С другой стороны! Критика должна была бы двинуться вперёд, «если бы *только,* с другой стороны, *не* существовало *слишком* строгого исторического закона» и т. д. Исторические законы *«слишком строги»* и к абсолютной критике! Если бы только эти законы *не* стояли на *противной* стороне, как блестяще продвигалась бы вперёд критическая критика! Но a la guerre comme a la guerre![*] В истории критика должна позволить сделать из себя печальную «историю»!

«Если критика» (всё тот же г-н Бауэр) «должна была... то всё же нельзя не *признать вместе с тем,* что она всегда чувствовала себя *неуверенной,* когда она откликалась на требования этого» (т. е. политического) «рода, и что она, вследствие этих требований, становилась в противоречие со своими *истинными элементами,* — противоречие, которое нашло *уже* свое *разрешение* именно в этих самых *элементах».*

Слишком строгие законы истории заставили критику поддаться политическим слабостям; но,—умоляет она,—*нельзя же не признать вместе с тем,* что она, если не в действитель-

[*] — на войне как на войне! *Ред.*

ности, то всё же *в себе* была выше этих слабостей. Во-первых, она преодолела их *«в чувстве»,* ибо «она всегда чувствовала себя неуверенной по отношению к этим требованиям», она *плохо* себя чувствовала в политике, она сама не знала, что с ней. Более того! Она становилась в противоречие со своими *истинными элементами.* Наконец,—и это самый важный пункт,— то противоречие, в которое она становилась со своими истинными *элементами,* получало своё разрешение не в ходе её *развития,* а, наоборот, *«нашло уже»* разрешение в её истинных *элементах,* существующих независимо от противоречия! Эти критические элементы могут с гордостью сказать о себе: прежде чем родился Авраам, жили мы. Прежде чем развитие породило нашу противоположность, она, *нерождённая ещё,* покоилась уже в нашем хаотическом лоне, разрешённая, умершая, погибшая. А так как в истинных элементах критики противоречие между критикой и её истинными элементами *«уже* нашло своё разрешение» и так как *разрешённое* противоречие *не* есть противоречие, то критика, выражаясь точно, *вовсе не* находилась в противоречии со своими истинными элементами, в противоречии с самой собой, — и таким образом общая цель её самоапологии как будто достигнута.

Самоапология абсолютной критики имеет в своём распоряжении целый *апологетический* словарь:

«даже не собственно», «только не замечено», «кроме того, имелось», «ещё не вполне», «несмотря на это — тем не менее», «не только, но главным образом», «в такой же мере собственно лишь», «критика должна была бы, если бы только это было возможно и если бы, с другой стороны...», *«если...* то *всё же* нельзя не признать *вместе с тем»,* «разве это не было естественно, разве это не было неизбежно», «также и не»... и т. д.

Не так уж давно абсолютная критика по поводу аналогичных апологетических оборотов выразилась следующим образом:

««Хотя» и «тем не менее», «правда» и «но», небесное «нет» и земное «да»— вот основные устои новейшей теологии, ходули, на которых она шествует, фокус, которым ограничивается вся её мудрость, оборот, который повторяется во всех её оборотах, её альфа и омега» («Раскрытое христианство», стр. 102).

b) ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС, № 3

«Абсолютная критика» не удовлетворяется тем, чтобы доказать своей автобиографией свойственное ей всемогущество, которое *«в такой же мере собственно впервые создаёт старое,* как и *новое».* Она не довольствуется тем, чтобы *самолично* написать апологию своего прошлого. Она ставит теперь третьим лицам, всему прочему непосвящённому миру абсолютную

«задачу» — «задачу, которая *теперь* и является *главной»:* а именно, задачу *апологии* бауэровских деяний и «трудов».

Журнал «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» поместил критический разбор книжки г-на Бауэра *«Еврейский вопрос»*[48]. В статье этой была вскрыта основная ошибка Бауэра — смешение *«политической»* эмансипации с *«человеческой».* Правда, старому еврейскому вопросу там «сперва» не была дана *«правильная его постановка»;* но зато «еврейский вопрос» был рассмотрен и разрешён в той постановке, которую новейшее время даёт всем *старым вопросам* и благодаря которой они из «вопросов» прошлого превращаются в «вопросы» современности.

В своём *третьем* походе абсолютная критика, повидимому, сочла необходимым ответить журналу «Deutsch-Franzosische Jahrbucher». Прежде всего абсолютная критика делает здесь следующее *признание:*

«В «Еврейском вопросе» был сделан тот же *«промах» — политическая* сущность была отождествлена с *человеческой* сущностью».

Критика замечает, что

«было бы слишком поздно *упрекать* критику за ту позицию, которую она ещё отчасти занимала *два* года тому назад». *«Задача сводится, напротив, к тому,* чтобы дать *объяснение* того обстоятельства, что критика вынуждена была даже... заниматься политикой».

«Два года тому назад»? Давайте считать по *абсолютному* летосчислению, приняв за исходную точку *год рождения* критического спасителя мира — бауэровской «Literatur-Zeitung». Критический спаситель мира родился в 1843 году. В том же году увидело свет второе, дополненное издание «Еврейского вопроса». «Критическое» исследование «еврейского вопроса» в сборнике «Двадцать один лист из Швейцарии»[49] появилось ещё позже в том же 1843 г. по старому стилю. *После гибели* журнала «Deutsche Jahrbucher» и «Rheinische Zeitung» в том же замечательном 1843 г. старого стиля, или в первом году критического летосчисления, появилось в свет фантастически-политическое произведение г-на Бауэра *«Государство, религия и партия»,* которое повторяет слово в слово старые ошибки Бауэра в вопросе о *«политической* сущности». Апологет вынужден фальсифицировать *хронологию.*

«Объяснение» того обстоятельства, почему г-н Бауэр *«вынужден»* был *«даже»* заниматься политикой, представляет общий интерес только при известных условиях. А именно, если наперёд принять за *основную догму* непогрешимость, чистоту и абсолютность критической критики, то, конечно, все факты, противоречащие этой догме, должны превратиться в такие же труд-

ные, достопримечательные и таинственные загадки, какими для теолога представляются явным образом небожественные действия бога.

Напротив, если рассматривать *«критика»* как конечный индивидуум, если не отделять его от *границ,* его времени, то ответ на вопрос, *почему «критик»* вынужден был *даже* развиваться внутри границ мира, становится излишним, потому что уже сам *вопрос* перестаёт существовать.

Если же, тем не менее, абсолютная критика будет настаивать на своём требовании, то мы готовы написать схоластический трактатец, посвящённый следующим *«вопросам современности»:*

«Почему факт зачатия пресвятой девы Марии от святого духа должен был быть доказан именно г-ном Бруно Бауэром?» «Почему г-н Бауэр необходимо должен был доказать, что ангел, явившийся Аврааму, был *действительной* эманацией бога, — эманацией, которой, однако, недоставало ещё консистенции, необходимой для *переваривания пищи?»* «Почему г-н Бауэр должен был написать апологию прусского королевского дома и возвести прусское государство в ранг *абсолютного* государства?» «Почему г-н Бауэр в своей «Критике синоптиков» должен был поставить *«бесконечное самосознание»* на место *человека?»* «Почему г-н Бауэр в *«Раскрытом христианстве»* должен был повторить в *гегелевской* форме *христианскую теорию сотворения мира?»* «Почему г-н Бауэр должен был требовать от себя и других людей *«объяснения» того* чуда, что он должен был ошибаться?»

А пока что, до доказательства всех этих столь же «критических», сколь и «абсолютных» необходимостей, взглянем ещё на апологетические уловки «критики».

«Еврейский вопрос... должен был... сперва получить *правильную* постановку, как вопрос *религиозный* и *теологический* и как вопрос *политический».* «При рассмотрении и решении этих двух вопросов критика не стоит *ни на религиозной, ни* на *политической* точке зрения».

Дело в том, что в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» бауэровская трактовка «еврейского вопроса» была охарактеризована как *действительно*-теологическая и *фантастически-политическая.*

Прежде всего, на «упрёк» в *теологической* ограниченности «критика» отвечает:

«Еврейский вопрос — вопрос *религиозный. Просвещение* полагало, что разрешило еврейский вопрос, объявив *религиозный антагонизм* чем-то *безразличным* или даже вовсе отрицая его. *Критика,* напротив, должна была изобразить этот антагонизм во всей его чистоте».

Когда мы подойдём к *политической* стороне еврейского вопроса, мы увидим, что теолог, г-н Бауэр, даже в политике занят не политикой, а теологией.

А когда журнал «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» выступил против бауэровской трактовки еврейского вопроса как *«чисто религиозной»,* то речь шла специально о статье Бруно Бауэра в сборнике «Двадцать один лист из Швейцарии», озаглавленной:

«Способность современных евреев и христиан стать свободными».

Статья эта не имеет никакого отношения к старому «Просвещению». Она содержит в себе *положительный* взгляд г-на Бауэра на способность современных евреев к эмансипации, т. е. на возможность их эмансипации.

«Критика» говорит:

«Еврейский вопрос—вопрос *религиозный».*

Спрашивается, *что* такое *религиозный* вопрос и, в частности, *что* такое религиозный вопрос в настоящее время?

Теолог готов судить по *внешней видимости* и в *религиозном* вопросе усматривает *религиозный* вопрос. Но пусть «критика» вспомнит разъяснение, данное ею профессору *Хинриксу,* что *политические* интересы настоящего времени имеют *общественное* значение: о *политических интересах,*—говорила критика, — *«не может быть больше речи».*

С таким же правом журнал «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» говорил критике: *Религиозные* вопросы дня имеют теперь *общественное* значение. О *религиозных* интересах как *таковых* не может быть больше речи. Только *теолог* способен ещё полагать, что речь идёт о религии как религии. Правда, журнал «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» совершил при этом ту *«ошибку»,* что он не пожелал успокоиться на *слове «общественный»,* а представил характеристику *действительного* положения евреев в современном гражданском обществе. После того как еврейство было очищено от скрывавшей его сущность *религиозной* оболочки и вскрыто было его эмпирическое, земное, практическое ядро, оказалось возможным наметить ту практическую, *действительно общественную* форму, в которой теперь это ядро подлежит упразднению. Г-н же Бауэр успокаивается на том, что «религиозный вопрос» есть «вопрос религиозный».

Г-н Бауэр создаёт такую *видимость,* будто в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» отрицалось, что еврейский вопрос является также и *религиозным* вопросом. Отнюдь нет. Там было, напротив, показано, что г-н Бауэр понимает *лишь религиозную* сущность еврейства, но не *светскую, реальную основу* этой религиозной сущности. Он борется против *религиозного сознания* как против какого-то самостоятельного существа. Г-н Бауэр объясняет поэтому *действительного* еврея из *ев-*

рейской религии, вместо того чтобы объяснить тайну еврейской религии из *действительного еврея.* Г-н Бауэр понимает поэтому еврея лишь постольку, поскольку еврей составляет непосредственный предмет *теологии* или поскольку еврей является *теологом.*

Г-н Бауэр не подозревает вследствие этого, что действительное, *светское* еврейство, а потому *и религиозное* еврейство, постоянно порождается *теперешней гражданской жизнью* и находит своё высшее развитие в *денежной системе.* Он не мог подозревать этого, потому что знал еврейство не как звено действительного мира, а только как звено *его* мира—*теологии;* потому что он, как благочестивый, преданный богу человек, видел *действительного* еврея не в деятельном *еврее будней,* а в ханжеском *еврее субботы.* Для г-на Бауэра, как *христиански-верующего* теолога, *всемирно-историческое* значение еврейства должно было прекратиться в *час рождения* христианства. Он должен был поэтому повторить старый ортодоксальный взгляд, что еврейство сохранилось *наперекор* истории; а старый теологический предрассудок, будто еврейство существует лишь как *подтверждение* божеского проклятия, как *наглядное доказательство* христианского откровения, должен был возродиться у Бауэра в *критически-теологической* форме, согласно которой еврейство существует и существовало лишь как *грубое религиозное сомнение* в неземном происхождении христианства, т. е. как *наглядное доказательство* против христианского откровения.

В противоположность всему этому в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» доказывалось, что еврейство сохранилось и развилось *благодаря* истории, *в* истории и *вместе с* историей, но что это развитие можно увидеть не глазом теолога, а только глазом светского человека, не в *религиозной теории,* а только в *торговой* и *промышленной практике.* В «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» было объяснено, *почему* практическое еврейство достигает завершённости лишь в завершённом *христианском* мире; более того, там было показано, что оно—не что иное, как завершённая *практика самого христианского мира.* Жизнь *современного* еврея объяснена была не его религией (словно религия—особая, самодовлеющая сущность); наоборот, живучесть еврейской религии была объяснена практическими основами гражданского общества, находящими себе *фантастическое* отражение в еврейской религии. Эмансипирование еврея в человека, или человеческая эмансипация от еврейства, выставлено было поэтому не специальной задачей еврея, как это было сделано г-ном Бауэром, а общей практической задачей

современного мира, до мозга костей пропитанного *еврейством.* Доказано было, что задача преодоления еврейской сущности на самом деле есть задача упразднения *еврейского духа гражданского общества,* бесчеловечности современной жизненной практики, кульминационным пунктом которой является *денежная система.*

Г-н Бауэр, как *истый,* хотя и *критический, теолог,* или *теологический критик,* не мог подняться выше *религиозной противоположности.* В отношении евреев к христианскому миру он мог усмотреть *лишь* отношение *еврейской религии* к *христианской религии.* Он должен был даже *критически* восстановить религиозную противоположность между еврейской религией и христианской в виде *противоположности* между отношением еврея, с одной стороны, и отношением христианина, с другой, к *критической* религии—к *атеизму,* последней ступени *теизма, негативному* признанию бога. Он должен был, наконец, в своём *теологическом фанатизме ограничить* способность «современных евреев и христиан», т. е. современного мира, «стать свободными» их способностью постигнуть «критику» теологии и подвизаться на поприще этой «критики». Для ортодоксального теолога весь мир сводится к «религии и теологии». (С таким же успехом он мог бы свести мир к политике, политической экономии и т. д. и назвать *теологию,* например, небесной *политической экономией,* так как она есть учение о производстве, распределении, обмене и потреблении *«духовного богатства»* и небесных сокровищ!) Подобным же образом для радикального, критического теолога *способность* мира освободить себя сводится *единственно* к абстрактной способности критиковать «религию и теологию» как «религию и теологию». Единственно знакомая ему борьба—это борьба против *религиозной* ограниченности самосознания, критическая *«чистота»* и *«бесконечность»* которого в не меньшей степени представляют собой теологическую ограниченность.

Г-н Бауэр рассматривал, стало быть, *религиозный* и *теологический* вопрос *религиозным* и *теологическим* образом уже по одному тому, что он в «религиозном» вопросе современности видел *«чисто религиозный»* вопрос. Его *«правильная постановка* вопроса» заключалась только в том, что вопрос был поставлен в «правильное» положение по отношению к его *«собственной способности»*—отвечать!

Перейдём теперь к политической стороне *еврейского вопроса.*

Евреи (как и христиане) в некоторых государствах *политически* вполне *эмансипированы.* Евреи и христиане весьма далеки от того, чтобы быть эмансипированными в *человеческом*

смысле. Должна, стало быть, существовать *разница* между *политической* и *человеческой* эмансипацией. Необходимо поэтому исследовать сущность *политической* эмансипации, т. е. сущность развитого современного государства. Напротив, те государства, которые ещё не могут *политически* эмансипировать евреев, в свою очередь должны быть оценены на основании сравнения с завершённым политическим государством и должны быть отнесены к разряду неразвитых государств.

Вот та точка зрения, которая должна была бы лечь в основу исследования вопроса о *«политической* эмансипации» евреев и с которой вопрос этот рассматривался в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher».

Г-н Бауэр защищает «Еврейский вопрос» «критики» следующим образом:

«Евреям показывается, что они имели иллюзорное представление о том *порядке,* к которому они обращались с требованием свободы».

Г-н Бауэр в самом деле показал, что со стороны *немецких* евреев иллюзией было требовать участия в общественно-политической жизни в такой стране, где не существует никакой общественно-политической жизни, требовать *политических прав* там, где существуют только политические привилегии. По этому поводу г-ну Бауэру было показано, что и сам он, ничуть не менее евреев, проникнут «иллюзиями» насчёт «немецких политических порядков». А именно, он объяснял положение евреев в немецких государствах тем, что *«христианское государство»* не может политически эмансипировать евреев. Он искажал фактическое положение вещей, он конструировал государство *привилегий, христианско-германское* государство, в качестве абсолютного христианского государства. В противоположность этому ему было доказано, что политически завершённое, современное государство, не знающее никаких религиозных привилегий, есть также и завершённое *христианское* государство; что, стало быть, завершённое христианское государство не только *может* эмансипировать евреев, но и действительно эмансипировало их и по природе своей должно их эмансипировать.

«Евреям показывается... что они в сильнейшей степени проникнуты иллюзиями насчёт самих себя, когда они думают, что требуют *свободы* и признания *свободной человечности,* между тем как речь идёт и может идти только об особой *привилегии,* которой они добиваются для себя».

Свобода/ Признание свободной человечности! Особая привилегия! Поучительные слова. Как с их помощью не обойти, в целях апологии, определённых вопросов!

Свобода? Речь шла о *политической* свободе. Г-ну Бауэру было показано, что, когда еврей требует свободы и тем

не менее не хочет отказаться от своей религии, он *«занимается политикой»* и не ставит никаких условий, противоречащих *политической* свободе. Г-ну Бауэру было показано, что *распадение* человека на нерелигиозного *гражданина государства* и религиозное *частное лицо* отнюдь не противоречит политической эмансипации. Ему было показано, что, подобно тому как государство эмансипируется от религии, эмансипируясь от *государственной религии* и предоставляя религию самой себе в пределах гражданского общества, точно так же и отдельный человек *политически* эмансипируется от религии, относясь к ней уже не как к *публичному,* а как к своему *частному делу.* Наконец, было показано, что *террористическое* отношение французской *революции* к *религии* далеко не опровергает этого взгляда, а, напротив, подтверждает его.

Вместо того чтобы исследовать действительное отношение *современного* государства к религии, г-н Бауэр счёл нужным вообразить себе *критическое* государство — государство, которое есть не что иное, как *раздутый* в его фантазии *до размеров государства критик теологии.* Когда г-н Бауэр увязает в *политике,* он всегда снова отдаёт политику в плен своей вере, *критической* вере. В той мере, в какой он занимался государством, он всегда превращал его в *аргумент* против «противника», *некритической* религии и теологии. Государство служит у него исполнителем сердечных желаний *критической теологии.*

Когда г-н Бауэр впервые освободился от *ортодоксальной,* некритической *теологии, политический авторитет* занял у него место *религиозного авторитета.* Его вера в Иегову превратилась в веру в прусское государство. В книжке Бруно Бауэра *«Евангелическая церковь в Пруссии»*[50] были возведены в *абсолют* не только прусское государство, но, что было вполне последовательно, также и прусский королевский дом. Однако на самом деле государство это вызывало у г-на Бауэра не *политический* интерес: заслуга этого государства в глазах «критики» заключалась, напротив, в упразднении религиозных догм при посредстве церковной *унии* и в полицейском преследовании диссидентских сект.

Политическое движение, начавшееся в 1840 г., освободило г-на Бауэра от *его консервативной политики* и подняло его на один момент до *либеральной* политики. Но и тут политика была, собственно говоря, только *предлогом* для теологии. В произведении «Правое дело свободы и моё собственное дело» свободное государство является критиком теологического факультета в Бонне и аргументом против религии. В «Еврейском вопросе» главный интерес сосредоточивается на противополож-

ности между государством и религией, так что критика политической эмансипации превращается в критику еврейской религии. В последнем политическом произведении Бауэра «Государство, религия и партия» выступает, наконец, наружу самое сокровенное сердечное желание критика, раздувшегося до размеров государства. *Религия приносится в жертву государству,* или, вернее, государство есть только *средство* для того, чтобы покончить с противником «критики», с некритической религией и теологией. Наконец, после того как критика, благодаря распространившимся с 1843 г. в Германии социалистическим идеям, освободилась, хотя только по видимости, от всякой политики, подобно тому как она, благодаря политическому движению после 1840 г., освободилась от своей консервативной политики, — после этого она может, наконец, провозгласить свои писания против *некритической* теологии общественными и беспрепятственно заняться своей собственной *критической* теологией — противопоставлением духа массе, — равно как провозвещенном пришествия критического спасителя и искупителя мира.

Вернёмся к нашей теме!

Признание свободной человечности? «Свободная человечность», признания которой евреи действительно добивались, а не только думали, что добиваются, есть та самая «свободная человечность», которая нашла своё *классическое* признание в так называемых всеобщих *правах человека.* Сам г-н Бауэр рассматривал стремление евреев добиться признания своей свободной человечности именно как их стремление к получению всеобщих *прав человека.*

В «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» доказывалось г-ну Бауэру, что эта «свободная человечность» и её «признание» суть не что иное, как признание *эгоистического гражданского индивидуума* и *необузданного* движения духовных и материальных элементов, образующих содержание жизненного положения этого индивидуума, содержание *современной* гражданской жизни; что поэтому *права человека* не освобождают человека от религии, а только предоставляют ему *свободу религии;* что они не освобождают его от собственности, а предоставляют ему *свободу собственности,* не освобождают его от грязной погони за наживой, а только предоставляют ему *свободу промысла.*

Ему было показано, что *признание прав человека современным государством* имеет такой же смысл, как *признание рабства античным государством.* А именно, подобно тому как античное государство имело своей *естественной основой* рабство, точно так же *современное государство* имеет своей

естественной основой гражданское общество, равно как и *человека* гражданского общества, т. е. независимого человека, связанного с другим человеком только узами частного интереса и *бессознательной* естественной необходимости, *раба* своего промысла и своей собственной, а равно и чужой *своекорыстной* потребности. Современное государство признало эту свою естественную основу как таковую во *всеобщих правах человека.* Оно не создало её. Будучи продуктом гражданского общества, в силу собственного своего развития вынужденного вырваться из старых политических оков, современное государство, со своей стороны, признало путём *провозглашения прав человека* своё собственное материнское лоно и свою собственную основу. *Политическая* эмансипация евреев и предоставление им *трав человека»* — это, стало быть, такой акт, в котором обе стороны взаимно обусловливают друг друга. Г-н *Рассер* правильно толкует смысл стремления евреев добиться признания свободной человечности, когда он говорит, между прочим, о свободе хождения, жительства, передвижения, промысла и т. п. Все эти проявления *«свобод ной человечности»* весьма определённо признаны таковыми во французской Декларации прав человека. Еврей имеет тем большее право на признание своей «свободной человечности», что «свободное гражданское общество» носит насквозь коммерческий, еврейский характер и еврей наперёд уже является его необходимым членом. Далее, в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» было показано, почему член гражданского общества именуется «человеком» par excellence* и почему права человека называются «прирождёнными правами».

«Критика» не сумела сказать о правах человека ничего более критического, чем то, что права эти *не* прирождены, а возникли историческим путём, что было сказано уже *Гегелем.* Наконец, её утверждению, что евреи и христиане — для того чтобы предоставить другим и получить самим всеобщие права человека — *должны пожертвовать привилегией веры* (критический теолог толкует все вещи с точки зрения своей *единственной* навязчивой идеи), был специально противопоставлен тот факт, фигурирующий во всех некритических декларациях прав человека, что *право* верить во что угодно, право отправлять культ любой религии весьма определённо признано как *всеобщее право человека.* Кроме того «критика» должна была бы знать, что предлогом к разгрому партии Эбера послужило главным образом приписанное ей покушение на права человека ввиду её посягательства на *свободу*

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

религии и что при позднейшем восстановлении свободы культа точно таким же образом ссылались на права человека.

«Что касается *политической* сущности, то критика проследила ее противоречия вплоть до того пункта, где *противоречие между теорией и практикой* вот уже 50 лет как было разработано наиболее основательным образом, — вплоть до *французской представительной системы,* в которой свобода теории опровергается практикой, а свобода практической жизни тщетно ищет своего выражения в теории.

После того как была вскрыта ещё и основная иллюзия, необходимо было бы показать, что обнаруженное критикой *противоречие* в *дебатах французской палаты,* противоречие между *свободной теорией* и *практическим значением привилегий,* между законодательным освящением привилегий и таким *публичноправовым состоянием,* где *эгоизм чистого индивидуума* старается овладеть *привилегированной замкнутостью,* — что это противоречие есть *всеобщее противоречие* в этой области».

Противоречие, открытое критикой в дебатах французской палаты, было не чем иным, как противоречием *конституционализма.* Если бы критика поняла его как *всеобщее* противоречие, она поняла бы общее противоречие конституционализма. Если бы она пошла ещё дальше, чем она «должна была бы», по её мнению, пойти, а именно—если бы она дошла до мысли об *упразднении* этого всеобщего противоречия, то она пришла бы от конституционной *монархии* прямо к *демократическому представительному государству,* к завершённому современному государству. Будучи весьма далёкой от того, чтобы критически проанализировать сущность политической эмансипации и раскрыть её отношение к человеческой сущности, критика пришла бы только к *факту* политической эмансипации, к развитому современному государству, т. е. пришла бы только к тому пункту, где существование современного государства соответствует его сущности, где поэтому могут быть наблюдаемы и охарактеризованы не только относительные, но и абсолютные, образующие его сущность, *пороки.*

Цитированное выше «критическое» место тем более ценно, чем более оно со всей очевидностью доказывает, что в тот самый момент, когда критика считает себя решительно возвысившейся над *«политической сущностью»,* она, напротив, стоит гораздо ниже этой сущности, всё ещё продолжает искать в политической сущности разрешения *своих* противоречий и всё ещё упорствует в своём полном непонимании *современного государственного принципа.*

Критика противопоставляет «свободной теории» — «практическое значение привилегий» и «законодательному освящению привилегий» — «публичноправовое состояние».

Чтобы не истолковать ложно мнение критики, восстановим в памяти открытое ею противоречие в дебатах

французской палаты, то самое противоречие, которое «должно было бы быть понято» как *всеобщее* противоречие. Речь шла, между прочим, о том, чтобы установить один день в неделю, в который дети должны быть освобождены от работы. В качестве такого дня было предложено *воскресенье.* Один депутат в ответ на это внёс предложение опустить в законе упоминание о воскресном дне, рассматривая такое упоминание как неконституционное. Министр Мартен (дю Нор) увидел в этом предложении попытку провозгласить, что христианство прекратило своё существование. Г-н Кремьё от имени французских евреев заявил, что евреи, из уважения к религии громадного большинства французов, ничего не имеют против упоминания о воскресном дне. Итак, согласно свободной теории евреи и христиане равны, согласно же этой практике христиане обладают привилегией по сравнению с евреями, ибо иначе каким образом могло христианское воскресенье найти себе место в законе, предназначенном для всех французов? И разве еврейская суббота не имела такого же права и т. д.? Или же бывает и так, что в практической французской жизни еврей на деле не страдает от христианских привилегий, но закон не осмеливается открыто признать это практическое равенство. Таковы все противоречия политической сущности, приводимые г-ном Бауэром в «Еврейском вопросе», противоречия *конституционализма,* который вообще представляет собой противоречие между современным представительным государством и старым государством привилегий.

Г-н Бауэр делает весьма основательный промах, полагая, что пониманием и критикой этого противоречия, как «всеобщего» противоречия, он восходит от *политической* сущности к сущности *человеческой.* Такое понимание этого противоречия означало бы лишь восхождение от половинчатой политической эмансипации к полной политической эмансипации, от конституционной монархии к демократическому представительному государству.

Г-н Бауэр полагает, что, упраздняя *привилегию,* он упраздняет *предмет* привилегии. По поводу заявления г-на Мартена (дю Нора) он замечает:

> «*Нет вообще больше религии,* раз *нет никакой привилегированной религии.* Отнимите у религии её дух исключительности, — и религия перестанет существовать».

Промышленная деятельность не уничтожается уничтожением *привилегий ремёсел,* цехов и корпораций; напротив, только после уничтожения этих привилегий начинает развиваться настоящая *промышленность. Земельная собственность* не унич-

тожается уничтожением *привилегий* землевладения; напротив, только после уничтожения привилегий земельной собственности начинается её универсальное движение путём свободного парцеллирования и свободного отчуждения. *Торговля* не уничтожается уничтожением *торговых привилегий;* напротив, только в свободной торговле она получает своё истинное осуществление. Точно таким же образом и религия развёртывается во всей своей *практической* универсальности лишь там, где нет никакой *привилегированной* религии (вспомним о Североамериканских Штатах).

Основу современного *«публичноправового состояния»,* основу современного развитого государства составляет не такое общество, где господствуют привилегии, как думает критика, а такое общество, где *привилегии упразднены* и *уничтожены,* развитое *гражданское общество,* в котором находят себе свободный простор жизненные элементы, ещё скованные политически при господстве привилегий. *Никакая «привилегированная замкнутость»* не противостоит здесь ни другой замкнутости, ни публичноправовому состоянию. Свободная промышленность и свободная торговля упраздняют привилегированную замкнутость, а тем самым и борьбу привилегированных замкнутостей между собой; наоборот, на место привилегий, которые отделяют людей от общественного целого, но в то же время сплачивают их в какую-нибудь меньшую по размерам исключительную корпорацию, — они ставят человека, освобождённого от привилегий и уже не связанного с другим человеком хотя бы *видимостью* общих уз, и порождают всеобщую борьбу человека против человека, индивидуума против индивидуума. Таким же точно образом и всё *гражданское общество* есть эта война отделённых друг от друга уже только своей *индивидуальностью* индивидуумов друг против друга и всеобщее необузданное движение освобождённых от оков привилегий стихийных жизненных сил. Противоположность *демократического представительного государства* и *гражданского общества* есть завершение *классической* противоположности публичноправового *союза* и *рабства.* В современном мире каждый человек *одновременно* — член рабского строя и публичноправового союза. Именно *рабство гражданского общества* по своей *видимости* есть величайшая *свобода,* потому что оно кажется завершённой формой *независимости* индивидуума, который принимает необузданное, не связанное больше ни общими узами, ни человеком, движение своих отчуждённых жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религии и т. д., за свою *собственную* свободу, между тем как

оно, наоборот, представляет собой его завершённое рабство и полную противоположность человечности. На место *привилегии* здесь стало *право.*

Итак, только здесь, где не существует никакого противоречия между свободной теорией и практическим значением привилегий, где, наоборот, «свободной теории» соответствует практическое уничтожение привилегий, *свободная* промышленность, *свободная* торговля и т. д., где публичноправовому состоянию не противостоит *никакая* привилегированная замкнутость, где *упразднено* обнаруженное критикой противоречие, — только здесь *имеется налицо завершённое современное государство.*

Здесь царит закон, как раз *противоположный* тому, который г-н Бауэр, в полном согласии с г-ном Мартеном (дю Нором), провозглашает по поводу дебатов во французской палате:

«Точно так же как г-н Мартен (дю Нор) истолковал предложение опустить в *законе* упоминание о *воскресном дне* как предложение возвестить, что христианство прекратило своё существование, с таким же правом, — *а это право совершенно обосновано,* — декларация о том, что *закон о субботе* не имеет больше обязательной силы для евреев, была бы *провозглашением прекращения существования иудейства».*

В развитом современном государстве дело обстоит как раз *наоборот.* Государство провозглашает, что религия, как и прочие элементы гражданской жизни, *начинает* существовать в своём полном объёме лишь с того момента, когда оно объявляет их *неполитическими* и поэтому предоставляет их самим себе. Прекращению их *политического* бытия, как, например, прекращению политического бытия *собственности* путём уничтожения *избирательного ценза,* политическому упразднению *религии* путём упразднения *государственной церкви,* — именно этому провозглашению их политической смерти соответствует колоссальное развитие жизни этих элементов, которая отныне беспрепятственно подчиняется своим собственным законам и развёртывается во всю ширь.

Анархия есть закон гражданского общества, эмансипированного от расчленяющих общество *привилегий,* а *анархия гражданского общества* составляет основу современного *публичноправового состояния,* равно как публичноправовое состояние, со своей стороны, является гарантией этой анархии. Поскольку и в какой степени они противоположны друг другу, постольку и в той же степени они друг друга обусловливают.

Из всего этого можно видеть, насколько критика способна усвоить «новое». Если же мы решим не выходить за пределы «чистой критики», то у нас возникнет вопрос: почему же она, открыв вышеуказанное противоречие в дебатах французской па-

латы, не постаралась постигнуть его как *всеобщее* противоречие, что, по её собственному мнению, «*должно* было бы» случиться?

«Но шаг этот *был* тогда *невозможен, —* не только потому... не только потому... *но и потому, что* критика *была невозможна* без этого *последнего остатка* внутренней переплетённости со своей противоположностью, и потому, что без этого она *не могла бы прийти к тому пункту,* откуда оставалось ещё сделать *один* только *шаг».*

Было невозможно... потому что... было невозможно! Критика уверяет к тому же, что невозможен был роковой *«один шаг»,* необходимый для того, «чтобы можно было прийти к тому пункту, откуда оставалось ещё сделать *один* только *шаг».* Кто же станет оспаривать это? Чтобы прийти к пункту, откуда остаётся ещё только сделать *«один шаг»,* абсолютно невозможно сделать ещё тот *«один шаг»,* который должен вывести нас за пункт, позади которого остаётся ещё *«один шаг».*

Всё хорошо, что хорошо кончается! В заключение своего сражения с *массой,* враждебной «Еврейскому вопросу» г-на Бауэра, критика сознаётся, что *её* понимание *«прав человека», её* «оценка религии в эпоху французской революции», та «свободная политическая сущность, на которую *она* иногда указывала *в заключение своих* рассуждений», одним словом, вся «эпоха французской революции была для критики не более и не менее как символом, — стало быть, не эпохой революционных опытов французов в точном и прозаическом смысле,— символом, а значит и не больше как фантастическим выражением для тех образов, которые критика видела перед собой в конце». Мы не станем отнимать у критики утешения, что если она и грешила политически, то это всегда имело место только в «заключение» и в «конце» её работ. Один известный пьяница имел обыкновение утешать себя тем, что он никогда не бывал пьян раньше полуночи.

На территории «еврейского вопроса» критика бесспорно отвоёвывала у врага всё большее и большее пространство. В № 1 «еврейского вопроса» взятое г-ном Бауэром под свою защиту произведение критики было ещё абсолютным и раскрывало *«истинное»* и *«всеобщее»* значение «еврейского вопроса». В №2 критика «не *хотела* и не *имела права»* выйти за пределы критики. В № 3 она *должна* была бы сделать ещё *«один шаг»,* но он был «невозможен»... потому что... был «невозможен». Не её «хотение и правомочие», а то обстоятельство, что она запуталась в сетях своей «противоположности», помешало ей сделать этот *«один шаг».* Она весьма охотно перескочила бы через последний барьер, но, к несчастью, к её критическим сапогам-скороходам прилип *последний остаток массы.*

с) КРИТИЧЕСКОЕ СРАЖЕНИЕ С ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Ограниченность массы вынудила «дух», критику, г-на Бауэра принять *французскую революцию* не за эпоху революционных опытов французов в *«прозаическом* смысле», а *«только»* за *«символ* и *фантастическое выражение»* его собственных критических химер. Критика *кается* в своём *«промахе»,* подвергая *революцию новому исследованию.* Вместе с тем она наказывает соблазнителя своей невинности, «массу», сообщая последней результаты этого «нового исследования».

«Французская революция была экспериментом, который всецело ещё принадлежал к XVIII веку».

Что эксперимент XVIII века, каким была французская революция, есть всецело ещё эксперимент XVIII века, а не, скажем, эксперимент XIX века,—эта хронологическая истина, казалось бы, «всецело ещё» принадлежит к числу тех истин, которые «с самого начала сами собой понятны». Но на языке критики, чувствующей большое предубеждение против истин, «ясных, как день», такая хронологическая истина называется *«исследованием»* и, естественно, находит себе место в «новом исследовании революции».

«Идеи, порождённые французской революцией, не выводили, однако, за пределы того *порядка,* который она хотела насильственно ниспровергнуть».

Идеи никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще *ничего* не могут *осуществить.* Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу. Таким образом, в своём буквальном *смысле* приведённое критическое положение опять-таки представляет собой такую истину, которая сама собой понятна, т. е. опять-таки *«исследование».*

Не затронутая этим исследованием, французская революция породила идеи, выводящие за пределы *идей* всего старого мирового порядка. Революционное движение, которое началось в 1789 г. в *Cercle social*[51]*,* которое в середине своего пути имело своими главными представителями *Леклерка* и *Ру* и, наконец, потерпело на время поражение вместе с заговором *Бабёфа,* — движение это породило *коммунистическую* идею, которая после революции 1830 г. снова введена была во Франции другом *Бабёфа, Буонарроти.* Эта идея, при последовательной её разработке, есть *идея нового мирового порядка.*

«После того как революция упразднила поэтому» (!) «феодальные перегородки внутри народной жизни, она вынуждена была удовлетворить чистый эгоизм нации и даже разжечь его; с другой же стороны, она вынуждена была обуздать этот эгоизм при посредстве его необходимого дополнения, признания верховного существа, этого высшего подтверждения всеобщего государственного порядка, который должен сцеплять между собой отдельные эгоистические атомы».

Эгоизм нации есть стихийный эгоизм всеобщего государственного порядка в противоположность эгоизму феодальных сословий. Верховное существо представляет собой высшее подтверждение всеобщего государственного порядка, а стало быть—и нации. Верховное существо должно, тем не менее, *обуздывать* эгоизм нации, т. е. эгоизм всеобщего государственного порядка! Поистине критическая задача—обуздывать эгоизм путем его подтверждения и, вдобавок, *религиозного* подтверждения, т. е. путём признания его сверхчеловеческим и потому освобождённым от человеческой узды существом! Творцы верховного существа ничего не знали об этом своём критическом намерении.

Г-н *Бюше,* по мнению которого национальный фанатизм опирается на фанатизм религиозный, лучше понимает своего героя *Робеспьера.*

Национализм привёл к крушению Рим и Грецию. Критика не говорит, следовательно, ничего специфического о французской революции, когда она утверждает, что национализм привёл к крушению революции. Точно так же она ничего не говорит о нации, определяя эгоизм последней как *чистый* эгоизм. Этот чистый эгоизм оказывается, напротив, очень тёмным, отягощённым плотью и кровью, стихийно-грубым эгоизмом, если его сравнить, например, с чистым эгоизмом *фихтевского* «я». Если же его чистота только относительна, в противоположность эгоизму феодальных сословий, то не было надобности ни в каком «новом исследовании революции», чтобы обнаружить, что эгоизм, имеющий своим содержанием нацию, является более общим или более чистым, чем тот эгоизм, который имеет своим содержанием какое-нибудь особое сословие и какую-нибудь особую корпорацию.

Разъяснения критики относительно всеобщего государственного порядка не менее поучительны. Они ограничиваются утверждением, что всеобщий государственный порядок должен сцеплять между собой отдельные эгоистические атомы.

Выражаясь точно и прозаически, члены гражданского общества вовсе не *атомы. Характерное свойство* атома состоит в том, что он не обладает *никакими* свойствами и поэтому не связан никаким *необходимо* обусловленным его собственной

природой соотношением с другими, вне его находящимися существами. Атом *лишён потребностей,* он есть нечто *самодовлеющее;* мир вне его — абсолютная *пустота,* т. е. лишён всякого содержания, всякого смысла, всякого значения именно потому, что атом обладает внутри самого себя *всей полнотой существующего.* Пусть эгоистический индивидуум гражданского общества в своём нечувственном представлении и безжизненной абстракции воображает себя *атомом,* т. е. не стоящим в отношении к чему бы то ни было, самодовлеющим, лишённым потребностей, *абсолютно полным,* блаженным существом. Нечестивой *чувственной действительности* и дела нет до его воображения. Каждое из его чувств заставляет его верить в существование мира и других индивидуумов вне его, и даже его *грешный* желудок ежедневно напоминает ему о том, что мир *вне* его не *пуст,* а, напротив, есть то, что, собственно, его *наполняет.* Каждое деятельное проявление его существа, каждое его свойство, каждое его жизненное стремление становится *потребностью, нуждой,* которая делает его *себялюбие* любовью к другим вещам и другим людям, находящимся вне его. А так как потребность одного индивидуума не имеет для другого эгоистического индивидуума, обладающего средствами для удовлетворения этой потребности, никакого само собой разумеющегося смысла, т. е. не находится ни в какой непосредственной связи с удовлетворением потребности, то каждый индивидуум должен создать эту связь, становясь в свою очередь сводником между чужой потребностью и предметами этой потребности. Таким образом, *естественная необходимость, свойства человеческого существа,* в каком бы отчуждённом виде они ни выступали, *интерес,* — вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества. *Реальной* связью между ними является не *политическая,* а *гражданская* жизнь. Не *государство,* стало быть, сцепляет между собой *атомы* гражданского общества, а именно то обстоятельство, что они *атомы* только в *представлении,* на *небе* своего воображения, а в *действительности*— существа, сильнейшим образом отличающиеся от атомов, что они не *божественные эгоисты,* а *эгоистические люди.* Только *политическое суеверие* способно ещё воображать в наше время, что государство должно скреплять гражданскую жизнь, между тем как в действительности, наоборот, гражданская жизнь скрепляет государство.

«Величественная идея *Робеспьера* и *Сен-Жюста* создать *«свободный народ»,* который жил бы исключительно по правилам *справедливости* и *добродетели,* — см., например, доклад Сен-Жюста о преступлениях Дантона и другой его доклад об общей полиции, — могла держаться в течение неко-

торого времени исключительно благодаря террору и была *противоречием, на которое* низкие и себялюбивые элементы *народной сущности* реагировали в такой степени трусливо и коварно, как только и можно было ждать от них».

Насколько абсолютно пуста эта *абсолютно-критическая* фраза, характеризующая «свободный народ» как *«противоречие», на* которое должны реагировать элементы *«народной сущности»,* можно видеть из того, что, по мысли Робеспьера и Сен-Жюста, *свобода, справедливость, добродетель* могут быть, напротив, только жизненными проявлениями *«народа»* и только свойствами «народной сущности». Робеспьер и Сен-Жюст весьма определённо говорят об *античных,* присущих только *«народной сущности»,* «свободе, справедливости, добродетели». *Спартанцы, афиняне, римляне* в эпоху своего величия — «свободные, справедливые, добродетельные народы».

«Каков», — спрашивает Робеспьер в своей речи о принципах общественной морали (заседание Конвента от 5 февраля 1794 г.), — «каков *основной принцип* демократического, или народного, правления? *Добродетель.* Я говорю об *общественной* добродетели, которая совершила такие чудеса в *Греции* и *Риме* и которая совершит ещё более достойные изумления чудеса в республиканской Франции. Я говорю о добродетели, которая есть не что иное, как любовь к отечеству и его законам».

Вслед за тем Робеспьер специально называет *афинян* и *спартанцев* «свободными народами». Он беспрестанно воскрешает в памяти слушателей античную *«народную сущность»* и приводит имена как её героев, так и её губителей: Ликурга, Демосфена, Мильтиада, Аристида, Брута—и Катилины, Цезаря, Клодия, Пизона.

В своём докладе об аресте Дантона (на этот доклад ссылается критика) *Сен-Жюст* весьма определённо заявляет:

«Мир опустел после *римлян,* и только воспоминание о них наполняет его содержанием и пророчествует ещё о *свободе».*

Его обвинение на античный манер направлено против *Дантона* как против нового *Катилины.*

В другом докладе *Сен-Жюста* (об *общей полиции} республиканец* изображается совершенно в *античном* духе — *непреклонным, скромным, простым* и т. д. *Полиция,* по существу своему, должна стать учреждением, соответствующим римской *цензуре.* Он приводит имена Кодра, Ликурга, Цезаря, Катона, Катилины, Брута, Антония, Кассия. Под конец *Сен-Жюст* характеризует *«свободу,* справедливость, добродетель», которых он требует, *одним-единственным словом,* говоря:

«Революционеры должны стать *римлянами».*

Робеспьер, Сен-Жюст и их партия погибли потому, что они смешали античную реалистически-демократическую республику, основанную на действительном рабстве, с современным спиритуалистически-демократическим представительным государством, основанным на эмансипированном рабстве, на буржуазном обществе. Какое колоссальное заблуждение— быть вынужденными признать и санкционировать в правах человека современное буржуазное общество, общество промышленности, всеобщей конкуренции, свободно преследующих свои цели частных интересов, анархии, самоотчуждённой природной и духовной индивидуальности, — быть вынужденными признать и санкционировать всё это и вместе с тем желать аннулировать вслед за тем в лице отдельных индивидуумов жизненные проявления этого общества и в то же время желать построить по античному образцу политическую верхушку этого общества!

Заблуждение это представляется трагическим, когда Сен-Жюст, в день своей казни, указывая на висящую в зале Консьержери большую доску с *«Декларацией прав человека»,* с гордым чувством собственного достоинства произносит: «А всё-таки создал это я». Именно на этой доске провозглашались *права человека,* который в такой же мере не может быть человеком античной республики, в какой его *экономические* и *промышленные* отношения не являются *античными.*

Здесь не место исторически оправдывать заблуждение *террористов.*

«После падения Робеспьера *политическое просвещение* и *движение* стали быстро приближаться к тому пункту, где они сделались добычей *Наполеона,* который вскоре после 18 брюмера мог сказать: «С моими префектами, жандармами и попами я могу сделать с Францией всё, что хочу»».

Грешная история, напротив, сообщает: После падения Робеспьера впервые начинается *прозаическое* осуществление *политического* просвещения, которое раньше хотело *превзойти* само себя и ударялось в *фантастику.* Революция освободила буржуазное общество от феодальных оков и официально признала его, как ни старался *терроризм* принести это общество в жертву античнo-политическому строю жизни. При *Директории* стремительно вырывается наружу и бьёт ключом настоящая жизнь *буржуазного общества.* Буря и натиск по части создания торговых и промышленных предприятий, страсть к обогащению, сутолока новой буржуазной жизни, где на первых порах наслаждение этой жизнью принимает дерзкий, легкомысленный, фривольный и опьяняющий характер; *действитель-*

ное просвещение французской *земли,* феодальная структура которой была разбита молотом революции и которую многочисленные новые собственники, в первых порывах лихорадочной деятельности, подвергли теперь всесторонней обработке; первые движения освободившейся промышленности,— таковы некоторые из проявлений жизни только что народившегося буржуазного общества. *Буржуазное общество* находит своего *действительного* представителя в *буржуазии.* Буржуазия *начинает,* таким образом, своё господство. *Права человека* перестают существовать *исключительно только* в *теории.*

Не революционное движение вообще сделалось 18 брюмера добычей Наполеона, как думает критика, принимая на веру слова какого-нибудь г-на фон Роттека или Велькера; добычей Наполеона стала *либеральная буржуазия.* Стоит только почитать речи тогдашних законодателей, чтобы убедиться в этом. Читая эти речи, получаешь впечатление, словно ты перенесён из Национального конвента в какую-нибудь теперешнюю палату депутатов.

Наполеон был олицетворением последнего акта борьбы *революционного терроризма* против провозглашённого той же революцией *буржуазного общества* и его политики. Правда, Наполеон понимал уже истинную сущность *современного государства;* он уже понимал, что государство это имеет своей основой беспрепятственное развитие буржуазного общества, свободное движение частных интересов и т. д. Он решился признать эту основу и взять её под свою защиту. Он не был мечтательным террористом. Но в то же время Наполеон рассматривал ещё *государство* как *самоцель,* а гражданскую жизнь исключительно лишь как казначея и своего *подчинённого,* который не вправе иметь свою *собственную волю.* Он *завершил терроризм, поставив* на место *перманентной революции перманентную войну.* Он удовлетворил до полного насыщения эгоизм французской нации, но требовал также, чтобы дела буржуазии, наслаждения, богатство и т. д. приносились в жертву всякий раз, когда это диктовалось политической целью завоевания. Деспотически подавляя либерализм буржуазного общества — политический идеализм его повседневной практики, — он не щадил равным образом и его существеннейших *материальных* интересов, торговли и промышленности, как только они приходили в столкновение с его, Наполеона, политическими интересами. Его презрение к промышленным дельцам было дополнением к его презрению к *идеологам.* И в области внутренней политики он боролся против буржуазного общества как против

противника государства, олицетворённого в нём, Наполеоне, всё ещё в качестве абсолютной самоцели. Так, например, он заявил в государственном совете, что не потерпит, чтобы владельцы обширных земельных угодий по произволу возделывали или не возделывали их. Тот же смысл имел и его план — путём передачи в руки государства *гужевого транспорта* подчинить торговлю государству. Французские купцы подготовили то событие, которое впервые потрясло могущество Наполеона. Парижские биржевики путём искусственно созданного голода заставили Наполеона отложить русский поход почти на два месяца и таким образом перенести его на слишком позднее время года.

Если в лице Наполеона либеральная буржуазия ещё раз столкнулась с революционным терроризмом, то в лице Бурбонов, Реставрации, она ещё раз столкнулась с контрреволюцией. Наконец, в 1830 г. она осуществила свои желания 1789 г., с той только разницей, что её *политическое просвещение* теперь было *завершено,* что она не видела больше в конституционном представительном государстве идеала государства, не думала больше, что, добиваясь конституционного представительного государства, она стремится к спасению мира и к достижению общечеловеческих целей, а, напротив, рассматривала это государство как *официальное* выражение своей *исключительной* власти и как *политическое* признание своих *особых* интересов.

Жизненная история французской революции, ведущей своё летосчисление с 1789 г., не закончилась ещё 1830 годом, когда одержал победу один из её моментов, обогащённый теперь сознанием своего *социального* значения.

d) КРИТИЧЕСКОЕ СРАЖЕНИЕ С ФРАНЦУЗСКИМ МАТЕРИАЛИЗМОМ

«*Спинозизм* господствовал в XVIII веке как в своей позднейшей французской разновидности, сделавшей материю субстанцией, так и в деизме, давшем материи более духовное наименование... *Французская школа Спинозы* и сторонники деизма были лишь двумя сектами, которые вели между собой спор об истинном смысле *системы Спинозы...* Простая судьба обрекла это Просвещение на гибель — оно растворилось в *романтике,* после того как вынуждено было отдаться в плен реакции, начавшейся со времени французского движения».

Так говорит критика.

Мы противопоставим в кратких чертах критической истории французского материализма его земную массовидную исто-

рию, Мы почтительнейшим образом признаем бездну, отделяющую историю, как она происходила в действительности, от истории, как она происходит по декрету «абсолютной критики», в одинаковой мере созидающей как новое, так и старое. Наконец, повинуясь предписаниям критики, мы сделаем «предметом настойчивого исследования» вопросы: «почему?», «откуда?» и «куда?» критической истории.

«Выражаясь *точно* и *прозаически»*, французское Просвещение XVIII века и в особенности *французский материализм* были борьбой не только против существующих политических учреждений, а вместе с тем против существующей религии и теологии, но и *открытой, ясно выраженной* борьбой против *метафизики XVII века* и против *всякой метафизики,* особенно против метафизики *Декарта, Мальбранша, Спинозы* и *Лейбница. Философия* была противопоставлена *метафизике,* подобно тому как *Фейербах* при своём первом решительном выступлении против *Гегеля* противопоставил *трезвую философию пьяной спекуляции. Метафизика* XVII века, побитая французским Просвещением и в особенности *французским материализмом* XVIII века, пережила свою *победоносную и содержательную реставрацию* в *немецкой философии* и особенно в *спекулятивной немецкой философии* XIX века. После того как *Гегель* гениально соединил её со всей последующей метафизикой и немецким идеализмом и основал метафизическое универсальное царство, наступлению на теологию снова, как и в XVIII веке, соответствовало наступление на *спекулятивную метафизику* и на *всякую метафизику вообще.* Она будет навсегда побеждена *материализмом,* достигшим теперь благодаря работе самой *спекуляции* своего завершения и совпадающим с *гуманизмом.* А подобно тому как *Фейербах* явился выразителем *материализма,* совпадающего с *гуманизмом,* в *теоретической* области, французский и английский *социализм* и *коммунизм* явились выразителями этого материализма в *практической* области.

«Выражаясь *точно* и *прозаические,* существуют *два направления французского материализма:* одно ведёт своё происхождение от *Декарта,* другое — от *Локка.* Последнее направление материализма составляет, *по преимуществу, французский* образовательный элемент и ведёт прямо к *социализму.* Первый, *механистический* материализм вливается во французское *естествознание* в собственном смысле слова, В ходе развития оба направления перекрещиваются. Нам нет надобности входить в подробное рассмотрение французского материализма, ведущего своё происхождение непосредственно от *Декарта;* точно

так же нам незачем останавливаться на французской школе *Ньютона* и на развитии французского естествознания вообще.

Заметим поэтому лишь следующее:

В своей *физике Декарт* наделил *материю* самостоятельной творческой силой и *механическое* движение рассматривал как проявление жизни материи. Он совершенно отделил свою *физику* от своей *метафизики. В границах* его физики *материя* представляет собой единственную *субстанцию,* единственное основание бытия и познания.

Механистический французский материализм примкнул к *физике Декарта* в противоположность его метафизике. Его ученики были по профессии *антиметафизики,* а именно — *физики.*

Врач Леруа кладёт начало этой школе, в лице врача *Кабаниса* она достигает своего кульминационного пункта, врач *Ламетри* является её центром. Декарт был ещё жив, когда Леруа перенёс декартовскую конструкцию *животного* на человека (нечто подобное в XVIII веке сделал *Ламетри)* и объявил душу *модусом тела,* а *идеи—механическими движениями.* Леруа думал даже, что Декарт скрыл своё истинное мнение. Декарт протестовал. В конце XVIII века *Кабанис* завершил картезианский материализм в своей книге *«Соотношение физического и духовного в человеке»*[52].

Картезианский материализм существует ещё и поныне во Франции. Значительных успехов он достиг в *механистическом естествознании,* которое менее всего можно, «выражаясь *точно* и *прозаические,* упрекнуть в *романтике.*

Метафизика XVII века, главным представителем которой во Франции был *Декарт,* имела со дня своего рождения своим *антагонистом материализм.* Материализм выступил против Декарта в лице *Гассенди,* восстановившего *эпикурейский* материализм. Французский и английский материализм всегда сохранял тесную связь с *Демокритом* и *Эпикуром.* Другого противника картезианская метафизика встретила в лице *английского* материалиста *Гоббса.* Гассенди и Гоббс победили свою противницу спустя долгое время после своей смерти, в то самое время, когда она официально господствовала уже во всех французских школах.

Вольтер заметил, что равнодушие французов XVIII века к спорам иезуитов с янсенистами[53] вызвано было не столько философией, сколько финансовыми спекуляциями *Ло.* И в самом деле, низвержение метафизики XVII века может быть объяснено влиянием материалистической теории XVIII века лишь постольку, поскольку само это теоретическое движение находит

себе объяснение в практическом характере тогдашней французской жизни. Жизнь эта была направлена на непосредственную действительность, на мирское наслаждение и мирские интересы, на *земной* мир. Её антитеологической, антиметафизической, материалистической практике должны были соответствовать антитеологические, антиметафизические, материалистические теории. Метафизика *практически* потеряла всякое доверие. Нам необходимо здесь в кратких чертах отметить лишь *теоретический* ход этой эволюции.

Метафизика XVII века ещё заключала в себе *положительное,* земное содержание (вспомним Декарта, Лейбница и др.). Она делала открытия в математике, физике и других точных науках, которые казались неразрывно связанными с нею. Но уже в начале XVIII века эта мнимая связь была уничтожена. Положительные науки отделились от метафизики и отмежевали себе самостоятельные области. Всё богатство метафизики ограничивалось теперь только мысленными сущностями и божественными предметами, и это как раз в такое время, когда реальные сущности и земные вещи начали сосредоточивать на себе весь интерес. Метафизика стала плоской. В том самом году, когда скончались последние крупные французские метафизики XVII века, Мальбранш и Арно, родились *Гельвеций* и *Кондильяк.*

Человеком, *теоретически* подорвавшим *всякое доверие* к метафизике XVII века и ко всякой метафизике вообще, был *Пьер Бейль.* Его оружием был *скептицизм,* выкованный из волшебных формул самой метафизики. Он сам исходил на первых порах из картезианской метафизики. Подобно тому как *Фейербаха* борьба против спекулятивной теологии толкнула на борьбу против *спекулятивной философии* именно потому, что он увидел в спекуляции последнюю опору теологии и вынужден был заставить теологов вернуться обратно от мнимой науки к *грубой,* отталкивающей *вере,* точно так же религиозное сомнение привело Бейля к сомнению в метафизике, служившей опорой для этой веры. Он подверг поэтому критике всё историческое развитие метафизики. Он стал её историком, для того чтобы написать историю её смерти. Он опровергал главным образом *Спинозу* и *Лейбница.*

Пьер Бейль не только разрушил метафизику с помощью скептицизма, подготовив тем самым почву для усвоения материализма и философии здравого смысла во Франции. Он возвестил появление *атеистического общества,* которому вскоре суждено было начать существовать, посредством *доказательства* того, что *возможно* существование общества, состоящего

из одних только атеистов, что атеист *может* быть почтенным человеком, что человека унижает не атеизм, а суеверие и идолопоклонство.

По выражению одного французского писателя, *Пьер Бейль* был *«последним метафизиком в смысле XVII века и первым философом в смысле XVIII века».*

Кроме отрицательного опровержения теологии и метафизики XVII века необходима была ещё *положительная антиметафизическая* система. Чувствовалась необходимость в такой книге, которая привела бы в систему тогдашнюю жизненную практику и дала бы ей теоретическое обоснование. Сочинение *Локка о* происхождении человеческого разума[54] очень кстати явилось с того берега Ла-Манша. Оно встречено было с энтузиазмом, как давно и страстно ожидаемый гость.

Спрашивается: не был ли *Локк* учеником *Спинозы?* «Грешная» история может на это ответить:

Материализм — *прирождённый сын Великобритании*. Уже её схоластик *Дунс Скот* спрашивал себя: *«не способна ли материя мыслить?».*

Чтобы сделать возможным такое чудо, он прибегал к всемогуществу божьему, т. е. он заставлял самоё *теологию* проповедовать *материализм.* Кроме того он был *номиналистом.* Номинализм был одним из главных элементов у *английских* материалистов и вообще является *первым выражением* материализма.

Настоящий родоначальник *английского материализма* и всей *современной экспериментирующей* науки — это *Бэкон.* Естествознание является в его глазах истинной наукой, а *физика,* опирающаяся на чувственный опыт, — важнейшей частью естествознания. *Анаксагор с* его *гомеомериями* и *Демокрит* с его атомами часто приводятся им как авторитеты. Согласно его учению, *чувства* непогрешимы и составляют *источник* всякого знания. Наука есть *опытная наука* и состоит в применении *рационального метода* к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент суть главные условия рационального метода. Первым и самым важным из прирождённых свойств *материи* является *движение,* — не только как *механическое* и *математическое* движение, но ещё больше как *стремление, жизненный дух, напряжение,* или, употребляя выражение Якоба Бёме, *мука [Qual]* материи. Первичные формы материи суть живые, индивидуализирующие, внутренне присущие ей, создающие специфические различия *сущностные силы.*

У *Бэкона,* как первого своего творца, материализм таит ещё в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития.

Материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском всему человеку. Само же учение, изложенное в форме афоризмов, ещё кишит, напротив, теологическими непоследовательностями.

В своём дальнейшем развитии материализм становится *односторонним. Гоббс* является *систематиком бэконовского* материализма. Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность *геометра. Физическое* движение приносится в жертву *механическому* или *математическому* движению; *геометрия* провозглашается главной наукой. Материализм становится *враждебным человеку.* Чтобы преодолеть *враждебный человеку бесплотный* дух в его собственной области, материализму приходится самому умертвить свою плоть и сделаться *аскетом.* Он выступает как *рассудочное существо,* но зато с беспощадной последовательностью развивает все выводы рассудка.

Если наши чувства являются источником всех наших знаний,—рассуждает Гоббс, отправляясь от Бэкона,—то идея, мысль, представление и т. д.—всё это не что иное, как фантомы телесного мира, освобождённого в большей или меньшей степени от своей чувственной формы. Наука может только дать названия этим фантомам. Одно и то же название может быть применено ко многим фантомам. Могут даже существовать названия названий. Но было бы противоречием, с одной стороны, видеть в чувственном мире источник всех идей, с другой же стороны—утверждать, что слово есть нечто большее, чем только слово, что, кроме представляемых нами всегда единичных сущностей, имеются ещё какие-то всеобщие сущности. *Бестелесная субстанция* — это такое же противоречие, как *бестелесное тело. Тело, бытие, субстанция* — всё это одна и та же *реальная* идея. Нельзя отделить мышление от материи, *которая* мыслит. Материя является субъектом всех изменений. Слово *бесконечный — бессмысленно,* если оно не означает способности нашего духа без конца прибавлять к какой-нибудь данной величине. Так как только материальное воспринимаемо, познаваемо, то *ничего* не известно о существовании бога. Только моё собственное существование достоверно. Всякая человеческая страсть есть кончающееся или начинающееся механическое движение. Объекты стремлений—вот то, что мы называем благом. Человек подчинён тем же законам, что и природа. Могущество и свобода — тождественны.

Гоббс систематизировал Бэкона, но не дал более детального обоснования его основному принципу — происхождению знаний и идей из мира чувств.

Локк обосновывает принцип Бэкона и Гоббса в своём сочинении о происхождении человеческого разума.

Как Гоббс уничтожил *теистические* предрассудки бэконовского материализма, так Коллинз, Додуэлл, Кауард, Гартли, Пристли и т. д. уничтожили последние теологические границы локковского сенсуализма. Деизм—по крайней мере для материалиста—есть не более, как удобный и лёгкий способ отделаться от религии.

Мы уже упоминали о том, насколько кстати явилось для французов произведение Локка. Локк обосновал философию bon sens, здравого человеческого смысла, т. е. сказал косвенным образом, что не может быть философии, отличной от рассудка, опирающегося на показания здоровых человеческих чувств.

Непосредственный ученик и *французский* истолкователь Локка, *Кондильяк,* немедленно направил локковский сенсуализм против *метафизики* XVII века. Он доказал, что французы с полным правом отвергли эту метафизику как неудачный плод воображения и теологических предрассудков. Он опубликовал опровержение систем *Декарта, Спинозы, Лейбница* и *Мальбранша.*

В своём произведении «Опыт о происхождении человеческих знаний»[55] он развивал точку зрения Локка, доказывая, что не только душа, но и чувства, не только искусство создавать идеи, но и искусство чувственного восприятия являются делом *опыта* и *привычки.* От *воспитания* и *внешних обстоятельств* зависит поэтому всё развитие человека. Кондильяка вытеснила из французских школ только *эклектическая* философия.

Различие *французского* и *английского* материализма соответствует различию между этими нациями. Французы наделили английский материализм остроумием, плотью и кровью, красноречием. Они придали ему недостававшие ещё темперамент и грацию. Они *цивилизовали* его.

У *Гельвеция,* который тоже исходит из Локка, материализм получает собственно французский характер. Гельвеций тотчас же применяет его к общественной жизни (Гельвеций. «О человеке»[56]). Чувственные впечатления, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес составляют основу всей морали. Природное равенство человеческих умственных способностей, единство успехов разума с успехами промышленности, природная доброта человека, всемогущество воспитания — вот главные моменты его системы.

Произведения *Ламетри* представляют собой соединение картезианского и английского материализма. Ламетри поль-

зуется физикой Декарта вплоть до деталей. Его «Человек-машина»[57] построен по образцу животного-машины Декарта. В *«Системе природы»*[58] Гольбаха часть, посвящённая физике, также представляет собой соединение французского и английского материализма, теория же нравственности, по существу, опирается на мораль Гельвеция. *Робине* («О природе»[59]), тот французский материалист, который больше всех сохранил ещё связь с метафизикой и за это удостоился похвалы Гегеля, весьма определённо ссылается на *Лейбница.*

О Вольнее, Дюпюи, Дидро и других, а равно и о физиократах нам нет надобности говорить, после того как мы, с одной стороны, выяснили двойное происхождение французского материализма от физики Декарта и английского материализма, а с другой стороны — установили противоположность французского материализма *метафизике* XVII века, метафизике Декарта, Спинозы, Мальбранша и Лейбница. Немцы могли заметить эту противоположность только после того, как сами вступили в борьбу со *спекулятивной метафизикой.*

Как *картезианский* материализм вливается в *естествознание в собственном смысле слова,* так другое направление французского материализма вливается непосредственно в *социализм* и *коммунизм.*

Не требуется большой остроты ума, чтобы усмотреть необходимую связь между учением материализма о прирождённой склонности людей к добру и равенстве их умственных способностей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении промышленности, о правомерности наслаждения и т. д.—и коммунизмом и социализмом. Если человек черпает все свои знания, ощущения и пр. из чувственного мира и опыта, получаемого от этого мира, то надо, стало быть, так устроить окружающий мир, чтобы человек в нём познавал и усваивал истинно человеческое, чтобы он познавал себя как человека. Если правильно понятый интерес составляет принцип всей морали, то надо, стало быть, стремиться к тому, чтобы частный интерес отдельного человека совпадал с общечеловеческими интересами. Если человек несвободен в материалистическом смысле, т. е. если он свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность, то должно не наказывать преступления отдельных лиц, а уничтожить антисоциальные источники преступления и предоставить каждому необходимый общественный простор для его насущных жизненных проявлений. Если характер человека создаётся

обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человечными. Если человек по природе своей общественное существо, то он, стало быть, только в обществе может развить свою истинную природу, и о силе его природы надо судить не по силе отдельных индивидуумов, а по силе всего общества.

Эти и им подобные положения можно найти почти дословно даже у самых старых французских материалистов. Здесь не место входить в их оценку. Для социалистической тенденции материализма характерна *апология пороков* у *Мандевиля,* одного из ранних английских учеников Локка. Он доказывает, что в *современном* обществе пороки *необходимы* и *полезны.* Это отнюдь не было апологией современного общества.

Фурье исходит непосредственно из учения французских материалистов. *Бабувисты* были грубыми, неразвитыми материалистами, но и развитой коммунизм ведёт своё происхождение *непосредственно* от *французского материализма.* Материализм этот в той именно форме, какую ему придал *Гельвеций,* возвращается на свою родину, в *Англию.* Свою систему *правильно понятого интереса Бентам* основывает на морали Гельвеция, а *Оуэн,* исходя из системы *Бентама,* обосновывает английский коммунизм. Француз *Кабе,* изгнанный в Англию, испытывает на себе влияние тамошних коммунистических идей и, по возвращении во Францию, становится самым популярным, хотя и самым поверхностным представителем коммунизма. Более научные французские коммунисты, *Дезами, Гей* и другие, развивают, подобно Оуэну, учение *материализма* как учение *реального гуманизма* и как *логическую* основу *коммунизма.*

Где же г-н Бауэр, или критика, раздобыл себе материалы для критической истории французского материализма?

1) «История философии» *Гегеля*[60] изображает французский материализм как *реализацию* субстанции Спинозы, что, во всяком случае, несравненно вразумительнее, чем «французская школа Спинозы».

2) Г-н *Бауэр* когда-то вычитал из гегелевской «Истории философии», будто французский материализм есть *школа* Спинозы. Если он теперь в другом произведении Гегеля нашёл, что деизм и материализм представляют собой *две партии* в понимании *одного и того же* основного принципа, то у г-на Бауэра получилось, что у Спинозы было *две* школы, которые вели между собой спор о смысле его системы. Г-н Бауэр мог найти то разъяснение, которое мы имеем в виду, в «Феноменологии» Гегеля. Здесь сказано буквально следующее:

«В вопросе об абсолютной сущности *Просвещение* вступает в спор с самим собой... и распадается на *две партии...* Одна... называет лишённое

всяких предикатов абсолютное... *верховным абсолютным существом...* другая определяет его как *материю...* И то и другое есть *одно и то же* понятие, — различие лежит не в самом предмете, а исключительно только в различных исходных пунктах обеих конструкций» (Гегель. «Феноменология», стр. 420, 421, 422).

3) Наконец, г-н Бауэр мог опять-таки вычитать у Гегеля, что если субстанция в своём дальнейшем развитии не переходит в понятие и самосознание, то она делается достоянием «романтики». Нечто подобное утверждал в своё время журнал «Hallische Jahrbucher»[61].

Но, во всяком случае, *«дух»* должен был, во что бы то ни стало, предназначить своему «противнику», *материализму,* некую *«простоватую судьбу».*

Примечание. Связь французского материализма с Декартом и Локком и противоположность философии XVIII века метафизике XVII века обстоятельно освещены в большинстве новейших *французских* историй философии. В противовес критической критике нам пришлось здесь только повторить уже известные вещи. Напротив, связь материализма XVIII века с английским и французским *коммунизмом* XIX века нуждается ещё в обстоятельном освещении. Мы ограничимся здесь приведением некоторых особенно характерных мест из Гельвеция, Гольбаха и Бентама.

1) *Гельвеций.* «Люди не злы, но подчинены своим интересам. Нужно поэтому сетовать не на злонравие людей, а на невежество законодателей, которые всегда противопоставляли частный интерес общему интересу». — «Моралисты не имели до сих пор никакого успеха, потому что надо покопаться в законодательстве, чтобы вырвать корни, порождающие порок. В Новом Орлеане жёны имеют право отвергать своих мужей, как только последние надоели им. В таких странах не бывает неверных жён, потому что у них нет надобности обманывать своих мужей». — «Мораль — не больше, как пустая наука, если её не соединяют с политикой и законодательством». — «Лицемерных моралистов можно узнать, с одной стороны, по тому равнодушию, с которым они относятся к порокам, разрушающим государства, с другой же стороны—по той ярости, с которой они обрушиваются на пороки в частной жизни». — «Люди не рождаются ни добрыми, ни злыми, но они рождаются способными стать темп или другими, смотря по тому, соединяет или разъединяет их общий интерес».—«Если бы граждане не могли осуществлять свой частное благо, не осуществляя в то же время общего блага, то не было бы вовсе порочных людей, кроме разве безумцев» («Об уме», том I, Париж, 1822[62], стр. 117, 240, 241, 249, 251, 369 и 339).—Согласно Гельвецию, воспитание (под которым он — ср. цит. соч., стр. 390 — понимает не только воспитание в обычном смысле этого слова, но и совокупность всех условий жизни индивидуума) формирует человека; если, с одной стороны, нужно преобразование, упраздняющее противоречие между интересом отдельного человека и общим интересом, то, с другой стороны, для проведения такого преобразования требуется

коренное изменение сознания: «Великие преобразования могут быть осуществлены лишь тогда, когда ослаблено тупое уважение народов к старым законам и обычаям» (цит. соч., стр. 260), или, как он говорит в другом месте, когда уничтожается невежество.

2) *Гольбах.* «В предметах, любимых человеком, человек любит только самого себя; привязанность человека к другим существам человеческого рода основана лишь на любви к самому себе». «Ни на один момент своей жизни человек не может отделиться от самого себя: он не может упустить себя из виду». «Всегда и везде только наша польза, наш интерес... побуждает нас любить или ненавидеть те или иные предметы» («Социальная система», том I, Париж, 1822[63], стр. 80, 112). Но «человек в собственных интересах должен любить других людей, потому что они необходимы для его собственного благополучия... Мораль доказывает ему, что из всех существ *наиболее необходимым для человека является человек»* (стр. 76). «Истинная мораль, как и истинная политика, есть та, которая стремится так подойти к людям, чтобы они совместными усилиями работали для взаимного благополучия. Всякая мораль, отделяющая *наши интересы от интересов наших сотоварищей,* есть ложная, бессмысленная мораль, противная природе» (стр. 116). «Любить других... значит *сливать свои интересы, с интересами наших сотоварищей,* чтобы работать для *общей пользы... Добродетель* есть не что иное, как *польза людей, соединённых в общество»* (стр. 77). «Человек без страстей или без желаний перестал бы быть человеком... Полная оторванность от самого себя уничтожала бы всякие побудительные мотивы для привязанности к другим. Человек, равнодушный ко всему окружающему, лишённый страстей, довольствующийся самим собой, уже не был бы общественным существом... Добродетель есть не более, как *передача блага»* (стр. 118). «Религиозная мораль никогда не служила тому, чтобы сделать смертных более общественными» (стр. 36).

3) *Бвнтам.* Мы приведём из Бентама только одно место, где он оспаривает «всеобщий интерес в политическом смысле». «Интерес индивидуумов... должен уступать общественному интересу. Но... что это значит? Не составляет ли каждый индивидуум такую же часть общества, как и всякий другой? Этот общественный интерес, который вы персонифицируете, представляет собой только абстракцию: он является не чем иным, как совокупностью индивидуальных интересов... Если признать желательным жертвовать счастьем одного индивидуума для увеличения счастья других, то, стало быть, ещё более желательно жертвовать счастьем также и второго, третьего и так до бесконечности... Индивидуальные интересы— единственно реальные интересы» (Бентам. «Теория наказаний и наград» и т. д., том II, Париж, 1826, 3-е изд.[64], стр. 229, 230).

e) ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПОРАЖЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА

«Французы выставили целый ряд *систем* по вопросу о том, *как* следует *организовать массу;* но они вынуждены были *фантазировать,* потому что массу, какова она есть, они рассматривали как пригодный материал».

Французы и англичане, напротив, доказали, и весьма обстоятельно доказали, что современный общественный порядок организует «массу, *какова она есть»,* и, стало быть, представляет собой *организацию* массы. По примеру «Allgemeine Zeitung»[65], критика разделывается со всеми социалистическими

и коммунистическими системами при помощи *основательного* словечка *«фантазировать».*

Тем самым критика убила иностранный социализм и коммунизм. После этого она переносит свои военные действия в Германию:

«Когда *немецкие просветители* вдруг почувствовали себя обманутыми в своих надеждах 1842 г. и не знали в своем замешательстве, что *теперь предпринять,* до них во-время долетела *весть о* новейших *французских* системах. Они могли теперь говорить о необходимости поднять на более высокую ступень низшие классы народа, и этой ценой они думали избавить себя от вопроса, не принадлежат ли и они сами к массе, которую следует искать не только в низших слоях».

Как видно, критика в апологии литературного прошлого Бауэра до такой степени исчерпала весь свой запас доброжелательных мотивов, что теперь она не находит другого объяснения для немецкого социалистического движения, кроме «замешательства» просветителей в 1842 году. «К счастью, до них долетела весть о новейших *французских* системах». Почему же не об *английских?* По той решающей *критической* причине, что книга *Штейна* «Коммунизм и социализм современной Франции»[66] не принесла г-ну Бауэру вести о новейших английских системах. Этой же решающей причиной объясняется и тот факт, что во всех разглагольствованиях критики о социалистических системах фигурируют всегда одни лишь *французские системы.*

Немецкие просветители, просвещает нас дальше критика, совершили грех против святого духа. Они занялись существовавшими уже в 1842 г. «низшими классами народа», чтобы *избавить* себя от ещё *не* существовавшего тогда вопроса, какой ранг они призваны получить в *критическом мировом порядке,* который должен был быть основан в 1843 г.: ранг овец или козлищ, критического критика или нечистой массы, духа или материи. Но прежде всего им следовало серьёзно подумать о своём собственном критическом *спасении души,* ибо к чему мне весь мир, включая туда и низшие классы народа, если я гублю свою собственную душу?

«Но духовное существо не может быть поднято на более высокую ступень, если оно не изменится; а измениться оно не может до тех пор, пока не испытает самого решительного сопротивления».

Если бы критика была более знакома с движением низших классов народа, то ей было бы известно, что самое решительное сопротивление, которое низшие классы испытывают со стороны практической жизни, каждодневно подвергает их изменению. Новая прозаическая и поэтическая литература,

исходящая в Англии и Франции от низших классов народа, показала бы критике, что низшие классы народа умеют поднимать себя на более высокую ступень духовного развития и без непосредственного *осенения святым духом критической критики.*

«Те люди», — фантазирует дальше абсолютная критика, — *«всё достояние* которых заключается в слове *«организация массы»»* и т. д.

Об «организации труда» говорилось много, хотя и этот «лозунг» исходил не от самих социалистов, а от политически-радикальной партии во Франции, которая пыталась посредничать между политикой и социализмом. Об «организации массы», как о задаче, ещё только подлежащей решению, никто до критической критики не говорил. Было, напротив, показано, что само *буржуазное общество,* разложение старого *феодального* общества, и *есть* эта организация массы.

Критика заключает своё открытие в кавычки [Ganse-fusse*]. Гусь, прогоготавший г-ну Бауэру этот пароль для спасения Капитолия, есть не кто иной, как его *собственный гусь*** — *критическая критика.* Она заново организовала массу, сконструировав её в виде абсолютного противника духа. Противопоставление духа и массы и есть критическая «организация общества», где дух, или критика, представляет организующую *работу,* масса — *сырьё,* а история — *фабрикат.*

Каков же, спрашивается, после всех тех великих побед, которые абсолютная критика в своём третьем походе одержала над революцией, материализмом и социализмом, каков же *последний результат* этих геркулесовских подвигов? Результат только тот, что все эти движения безрезультатно *погибли* по той причине, что они ещё представляли собой *критику, осквернённую массой,* или *дух, осквернённый материей.* Даже в собственном литературном прошлом г-на Бауэра критика открыла многостороннее осквернение критики массой. Однако *здесь* вместо критики на сцену выступает апология; вместо отречения от прошлого, критика его *«упрочивает»;* вместо того чтобы в *проникновении плоти в дух* усматривать смерть также и для духа, она, наоборот, в *одухотворении плоти.* видит жизнь даже *бауэровской плоти.* Зато она становится тем более беспощадной и тем решительнее склоняется к *терроризму,* как только незавершённая, осквернённая ещё массой критика перестаёт быть *творением* г-на Бауэра, а выступает как творение целых народов и ряда нечестивых французов и англичан, как только незавершённая критика называется уже не «Ев-

* — буквально: «гусиные лапки». *Ред.*
** Игра слов; «Gans»—«гусь», в переносном смысле—олицетворение глупости. *Ред.*

рейский вопрос», «Правое дело свободы», «Государство, религия и партия», а—революция, материализм, социализм и коммунизм. Таким образом, критика уничтожила осквернение духа материей и критики массой, пощадив свою собственную плоть и предав распятию чужую плоть.

Тем или иным способом, но с пути абсолютной критики во всяком случае устранены «дух, осквернённый плотью», и «критика, осквернённая массой». Место этого некритического смешения заняло абсолютно критическое *разъединение* духа и плоти, критики и массы, их чистое противопоставление. Это противопоставление в его *всемирно-исторической* форме, в которой оно образует истинный исторический интерес современности, есть противопоставление г-на Бауэра и компании, или духа, всей остальной части человеческого рода как материи.

Революция, материализм и коммунизм выполнили, *таким образом,* свою историческую миссию. Своей *гибелью* они подготовили путь критическому *владыке.* Осанна!

f) СПЕКУЛЯТИВНЫЙ КРУГООБОРОТ АБСОЛЮТНОЙ КРИТИКИ И ФИЛОСОФИЯ САМОСОЗНАНИЯ

Критика, достигнув в *одной* области мнимой *завершённости* и чистоты, совершила, *следовательно,* только *промах,* «только» «непоследовательность»», когда она не обнаружила той же «завершённости» и «чистоты» во *всех других* областях. Эта «одна» критическая область есть не что иное, как область *теологии. Чистая* территория этой области простирается от *«Критики синоптиков»* Бруно Бауэра до «Раскрытого христианства» Бруно Бауэра как своей последней пограничной крепости.

«Новейшая критика», — читаем мы в «Allgemeine Literatur-Zeitung», — «покончила все счёты со спинозизмом. Поэтому с её стороны было непоследовательностью некритически предполагать в одной области *субстанцию,* хотя бы только по отношению к отдельным ложно истолкованным пунктам».

Если раньше признание причастности критики к *политическим* предрассудкам тотчас же смягчалось указанием на то, что эта причастность была «*в сущности столь слабой»,* то теперь признание в *непоследовательности* сглаживается оговоркой, что она имела место лишь по отношению к *отдельным ложно истолкованным пунктам.* Вина лежала, стало быть, не на г-не Бауэре, а на *ложных пунктах,* которые, словно строптивые кони, *унесли* с собой критику.

Две-три цитаты покажут, что, покончив со *спинозизмом,* критика стала на точку зрения *гегелевского идеализма,* что

от «субстанции» она пришла к другому метафизическому чудовищу — к «субъекту», к «субстанции как процессу», к «бесконечному самосознанию» — и что последним результатом «завершённой» и «чистой» критики является восстановление христианской теории сотворения мира в спекулятивной гегелевской форме. Заглянем, прежде всего, в «Критику синоптиков»:

«Штраус остаётся верным той точке зрения, для которой *субстанция* есть абсолютное. Религиозное предание в этой форме всеобщности, ещё не достигшей действительной и разумной определённости всеобщности, которая может быть достигнута лишь в *самосознании,* в его *единичности* и *бесконечности,* есть не что иное, как *субстанция,* покинувшая свою логическую простоту и принявшая определённую форму существования в виде *силы общины»* («Критика синоптиков», том I, Предисловие, стр. VI—VII).

Предоставим «всеобщность, достигающую определённости», «единичность и бесконечность» (гегелевское *Понятие)* их собственной участи. — Вместо того чтобы сказать, что то воззрение, которое проводится в *штраусовской* теории о «силе общины» и о «предании», имеет своё *абстрактное* выражение, свой логико-метафизический *иероглиф* в спинозовском представлении о *субстанции,* г-н Бауэр заставляет *«субстанцию покинуть* свою *логическую простоту* и принять определённую форму существования в виде силы общины». Он применяет *гегелевский* волшебный аппарат, который заставляет *«метафизические категории»,* эти отвлечённые от *действительности* абстракции, выскакивать из пределов *логики,* где они растворены в *«простом»* элементе чистой мысли, и принимать «определённую форму» природного или человеческого существования, т. е. заставляет их воплощаться. *Хинрикс,* помоги!

«Мистичен»,—продолжает критика, возражая Штраусу,—«мистичен этот взгляд потому, что каждый раз, когда он хочет объяснить и наглядно изобразить тот процесс, которому евангельская история обязана своим происхождением, он в состоянии дать лишь *видимость* некоего процесса. Положение, что «евангельская история имеет своим источником и началом предание», утверждает *дважды* одно и то же — «предание» и «евангельскую историю»; правда, здесь указывается также на их отношение друг к другу, но это не говорит нам, какому *внутреннему процессу субстанции* обязаны своим происхождением её развитие и истолкование».

По *Гегелю, субстанцию* следует понимать как *внутренний процесс.* С точки зрения субстанции *развитие* характеризуется у Гегеля следующим образом:

«При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что это *развёртывание* происходит не потому, что одно и то же принимает различные формы, — нет, оно есть бесформенное *повторение одного и того же* которое только... содержит в себе скучную *видимость* различия» *(«Феноменология»,* Предисловие, стр. 12).

Хинрикс, помоги! Г-н Бауэр продолжает:

«В силу этого критика должна обратиться против самой себя и искать разрешения *мистической субстанциальности*... там, куда нас толкает *развитие самой субстанции,* а оно толкает к всеобщности и определённости идеи и к её действительному существованию, к *бесконечному самосознанию»*.

Гегелевская критика субстанциальной точки зрения продолжает :

«Замкнутость субстанции должна быть уничтожена, и субстанция должна быть поднята до *самосознания»* («Феноменология», стр. 7).

Точно так же и у Бауэра *самосознание* есть *поднявшаяся* до самосознания *субстанция,* или *самосознание* как *субстанция;* таким образом, самосознание из *свойства человека* превратилось в *самостоятельный субъект.* Это есть *метафизически-теологическая* карикатура на человека в его *оторванности* от природы. *Сущностью* этого самосознания является поэтому не *человек,* а *идея, действительное существование* которой и есть самосознание. Самосознание есть *вочеловечившаяся* идея, и потому оно *бесконечно.* Все *человеческие* свойства превращаются таким *мистическим* образом в свойства воображаемого *«бесконечного самосознания».* Вот почему г-н Бауэр *весьма определённо* говорит об этом «бесконечном самосознании», что *всё* имеет в нём своё *начало* и находит в нём своё *объяснение,* т. е. *основание* для своего *существования. Хинрикс,* помоги!

Г-н Бауэр продолжает:

«Сила *отношения субстанциальности* заключается в его стремлении, которое ведёт нас к понятию, к идее и к самосознанию».

У *Гегеля* сказано:

«Таким образом, *понятие* есть *истина* субстанции». «Переход от *отношения субстанциальности* совершается в силу присущей ему внутренней необходимости и показывает только, что понятие есть истина субстанции». *«Идея* есть адекватное понятие». «Понятие... достигшее *свободного* существования... есть не что иное, как *Я,* или *чистое самосознание» («Логика»,* Сочинения Гегеля, том V, 2-е изд.[67], стр. 6, 9, 229, 13).

Хинрикс, помоги!

Получается в высшей степени забавно, когда г-н Бауэр в своей «Literatur-Zeitung» ещё говорит:

«Уже *Штраус,* который не сумел *завершить критику гегелевской системы,* хотя своей половинчатой критикой он как раз доказал необходимость завершения этой критики» и т. д.

В своей «Критике синоптиков» сам г-н Бауэр намеревался дать не *завершённую критику* гегелевской системы, а, в лучшем случае, *завершение гегелевской системы* — по крайней мере в её применении к теологии.

Он называет свою критику (Предисловие к «Критике синоптиков», стр. XXI) «последним деянием определённой системы», которая и есть именно *гегелевская* система.

Спор между *Штраусом* и *Бауэром* о *субстанции* и *самосознании* есть спор *в пределах гегелевской* спекуляции. В системе *Гегеля* существуют *три* элемента: *спинозовская субстанция, фихтевское самосознание* и *гегелевское* необходимо-противоречивое *единство* обоих элементов — *абсолютный дух.* Первый элемент есть метафизически переряженная *природа* в её *оторванности* от человека, второй — метафизически переряженный *дух* в его *оторванности* от природы, третий — метафизически переряженное *единство* обоих факторов, *действительный человек* и действительный *человеческий род.*

Штраус и, Бауэр оба вполне последовательно применили систему *Гегеля* к теологии. Первый взял за *точку отправления спинозизм,* второй — *фихтеанство.* Оба *критиковали* Гегеля, поскольку у Гегеля каждый из указанных двух элементов *искажён* вторжением другого, между тем как они довели каждый из этих элементов до его *одностороннего* и, стало быть, последовательного развития. В своей критике оба выходят поэтому *за пределы* философии Гегеля, но вместе с тем оба продолжают оставаться *в пределах* его спекуляции, и каждый из них оказывается представителем лишь *одной* стороны его системы. Только *Фейербах* завершает и критикует *Гегеля,* отправляясь от *гегелевской точки зрения.* Сведя метафизический *абсолютный* дух к *«действительному человеку на основе природы»,* Фейербах завершил *критику религии* и в то же время мастерски наметил *основные черты критики гегелевской спекуляции* и, тем самым, *всякой метафизики вообще.*

У г-на Бауэра хотя уже не *святой дух* диктует евангелисту текст евангелия, но эту роль исполняет *бесконечное самосознание:*

«Мы не должны скрывать, что правильное понимание евангельской истории имеет также свои *философские основы,* а *именно в философии самосознания» (Бруно Бауэр,* «Критика синоптиков», Предисловие, стр. XV).

Эту бауэровскую *философию самосознания,* равно как и *результаты,* добытые г-ном Бауэром из своей критики теологии, необходимо охарактеризовать с помощью нескольких выдержек из *«Раскрытого христианства»,* его *последнего* произведения по философии религии.

О французских материалистах там говорится:

«Когда *истина* материализма, *философия самосознания,* открыта и *самосознание* познано как *Всё,* как разрешение загадки *спинозовской суб-*

станции и как истинная *causa sui*[*]... то для чего существует дух? *Для чего самосознание?* Как будто *самосознание,* которое полагает *мир,* полагает *различие* и в том, что оно творит, творит *само себя,* так как оно снова уничтожает *различие своего творения от самого себя* и является самим собой только в акте творения и в движении, — как будто это самосознание не имеет своей пели в этом движении, которое есть оно само и в котором оно впервые обладает самим собою!» («Раскрытое христианство», стр. 113).

«Французские материалисты рассматривали, правда, движения самосознания как движения всеобщей сущности—материи; но они *ещё не* могли усмотреть того, что *движение вселенной* становится *действительно* движением для себя *лишь как движение самосознания,* достигая в последнем единства с самим собой» (там же, стр. 114—115).

Хинрикс, помоги!

Первое положение на обыкновенном языке означает: истиной *материализма* является *противоположность* материализма — *абсолютный,* т. е. исключительный, необузданный *идеализм.* Самосознание, *дух* есть *Всё.* Вне его *нет ничего.* «Самосознание», *«дух»* есть всемогущий творец мира, неба и земли. *Мир* представляет собой проявление жизни самосознания, вынужденного *отчуждать* себя и принимать *образ раба;* но различие между миром и самосознанием — только *кажущееся различие.* Самосознание не отличает от себя *ничего действительного.* Мир — не больше, как метафизическое *различение,* производимое самосознанием, призрак его эфирного мозга и плод его *воображения.* Поэтому самосознание снова уничтожает ту видимость существования чего-либо вне его, которую оно на мгновение соизволило допустить, и не признаёт в своём собственном «творении» реального предмета, т.е. такого предмета, который был бы реально отличен от самосознания. Посредством этого движения *самосознание* и производит себя впервые как абсолютное, ибо *абсолютный* идеалист, чтобы быть абсолютным идеалистом, вынужден постоянно проделывать этот *софистический процесс:* он начинает с того, что превращает *вне его* находящийся мир в *иллюзию,* в простой каприз *своего* мозга, а затем объявляет этот *фантом* тем, что он есть на самом деле, — чистой фантазией. И всё это делается для того, чтобы под конец провозгласить свое единственное, исключительное существование, не стесняемое теперь даже видимостью внешнего мира.

Второе положение на обыкновенном языке означает: Правда, французские материалисты рассматривали движения материи как одухотворённые движения, но они ещё не могли видеть того, что это — движения не *материальные,* а *идеальные,* что это — движения самосознания, т. е. чисто мысленные движения. Они •не могли ещё видеть, что действительное движение вселенной

[*] — причина самой себя. *Ред.*

стало истинным и действительным только лишь как свободное и освобождённое от *материи,* т. е. как свободное и освобождённое от *действительности, идеальное* движение самосознания; другими словами, что *материальное* движение, отличное от идеального, мысленного движения, существует лишь как *видимость. Хинрикс,* помоги!

Эту спекулятивную *теорию сотворения мира* можно найти почти дословно у *Гегеля;* её мы встречаем уже в *первом* его произведении — в «Феноменологии»:

«Отчуждение самосознания—вот что производит *предметность...* В этом отчуждении самосознание полагает себя как *предмет* или предмет как *само себя.* С другой стороны, этот процесс заключает в себе одновременно и другой момент, тот именно, что самосознание вместе с *тем снимает* это своё *отчуждение* и *предметность,* вбирая их обратно в себя... В этом и состоит *движение сознания»* (Гегель. «Феноменология», стр. 574—575).

«Самосознание имеет *содержание,* которое оно отличает *от себя...* Это содержание в самом своём *различии* есть *Я,* так как оно представляет собой *движение* самоупразднения... Это содержание, в его более точном определении, есть не что иное, как *сам процесс только что указанного движения.* Ибо оно есть *дух,* который совершает сам и *для себя* же, в качестве *духа,* свой собственный внутренний процесс» (там же, стр. 582—583).

По поводу этой гегелевской теории сотворения мира *Фейербах* замечает:

«Материя есть самоотчуждение духа. Тем самым сама материя получает дух и разум; но в то же время она снова полагается как *ничтожная, неистинная* сущность, ибо лишь восстанавливающая себя из этого отчуждения сущность, т. е. сущность, освобождающая себя от материи, от чувственности, объявляется сущностью завершённой, достигшей своей истинной формы. Природный, материальный, чувственный мир подвергается, стало быть, здесь такому же *отрицанию,* как в теологии *отравленная первородным грехом природа»* («Философия будущего», стр. 35).

Г-н Бауэр защищает, таким образом, материализм против *некритической теологии,* упрекая его в то же время в том, что он «ещё не стал» *критической теологией, теологией рассудка, гегелевской спекуляцией. Хинрикс! Хинрикс!*

Г-н Бауэр, проводя во *всех* областях *свою* противоположность *субстанции, свою философию самосознания,* или философию духа, должен поэтому во всех областях иметь дело только с *призраками* своего собственного *воображения.* Критика служит в его руках орудием, при помощи которого он превращает всё, что *вне бесконечного самосознания* претендует ещё на *конечное* материальное существование, в простую *видимость* и *чистые мысли.* Он оспаривает в субстанции не *метафизическую иллюзию,* а её *мирское* ядро — *природу,* он нападает на природу, существующую *вне* человека, и на природу самого человека.

Не предполагать ни в какой области *субстанцию* (он ещё выражается этим языком) значит, как это выходит у Бауэра, не признавать никакого отличного от мышления — *бытия,* никакой отличной от *самопроизвольности духа — энергии природы,* никакой отличной от *рассудка — человеческой сущностной силы,* никакого отличного от *деятельности — страдания,* никакого отличного от *собственного действия — воздействия на нас других людей,* никакого отличного от *знания — чувствования* и *хотения,* никакого отличного от *головы — сердца,* никакого отличного от *субъекта — объекта,* никакой отличной от *теории — практики,* никакого отличного от *критика — человека,* никакой отличной от *абстрактной всеобщности — действительной общности,* никакого отличного *от Я — Ты.* Вполне последовательным поэтому является то, что г-н Бауэр в дальнейшем отождествляет *себя самого с бесконечным самосознанием, с духом,* т. е. на место этих своих творений ставит их творца. Столь же последовательно он отбрасывает, как *строптивую массу* и *материю,* весь *остальной мир,* упорно настаивающий на том, что он составляет нечто *отличное* от того, что сотворено *им,* г-ном Бауэром. И вот он питает надежду:

«Ещё немного,
И царству тел навек придёт конец»[68].

Своё *собственное* недовольство тем, что он до сих пор не сумел одолеть «этот *неуклюжий* мир», он с той же последовательностью превращает в *недовольство мира самим собой,* а возмущение критической критики развитием человечества — в *массовидное* возмущение человечества *его* критикой, духом, г-ном Бруно Бауэром и компанией.

Г-н Бауэр был с самого начала *теологом,* но не обыкновенным теологом, а *критическим теологом,* или *теологическим критиком.* Ещё будучи самым крайним представителем *старогегельянской* ортодоксии, придававшим спекулятивное оформление всякой *религиозной* и *теологической бессмыслице,* он постоянно объявлял *критику* своей *частной собственностью.* Он уже тогда определял *штраусовскую* критику как *человеческую* критику и, в противоположность ей, *весьма определённо* отстаивал права *божественной* критики. Большое *самомнение,* или *самосознание,* составлявшее скрытое ядро этой божественности, он впоследствии вышелушил из религиозной скорлупы, наделил его самостоятельным существованием, превратив его в самостоятельное существо, и под фирмой *«Бесконечное самосознание»* возвёл в принцип критики. В своём *собственном* движении он проделал вслед за тем то движение, которое «философия самосознания» описывает как абсолютный жизненный акт. Он снова

упразднил «различие» между *бесконечным самосознанием,* как «продуктом творчества», и творящим субъектом, т. е. *им самим,* познав, что бесконечное самосознание в своём движении *«было лишь им самим»,* Бауэром, и что, стало быть, движение вселенной становится *истинным* и *действительным* лишь в его собственном идеальном самодвижении.

Божественная критика, *возвратившись в самое себя,* восстанавливается рациональным, сознательным, критическим путём: *бытие в себе* становится *бытием в себе и для себя,* и только в *самом конце* появляется исполненное, осуществлённое, раскрывшееся *начало. Божественная* критика, в *отличие* от *человеческой,* явилась миру как *критика,* как *чистая критика,* как *критическая критика.* Место апологии Ветхого и Нового завета заняла апология старых и новых произведений г-на Бауэра. *Теологическое* противопоставление бога и человека, духа и плоти, бесконечности и конечности превратилось в *критически-теологическое* противопоставление духа, критики, или г-на *Бауэра — материи, массе,* или земному миру. Теологическое противопоставление веры и разума превратилось в критически-теологическое противопоставление *здравого человеческого рассудка* и чисто критического мышления. Журнал «Zeitschrift fur spekulative Theologie»[69] превратился в критическую «Literatur-Zeitung». *Религиозный спаситель мира* реализовался, наконец, в виде *критического спасителя мира,* г-на *Бауэра.*

Последняя стадия г-на Бауэра не есть аномалия в его развитии: это — его *возвращение* в себя из его *отчуждения.* Понятно само собой, что тот момент, в который *божественная* критика *отчуждала* себя и выходила за свои пределы, совпадает с моментом, когда она отчасти изменяла себе, создавая кое-что *человеческое.*

Абсолютная критика, возвратившаяся к своей исходной точке, закончила *спекулятивный кругооборот,* а тем самым и весь свой *жизненный путь.* Её дальнейшее движение есть *чистое,* возвышающееся над всяким *массовым* интересом *кружение внутри самой себя* и поэтому лишено всякого интереса для массы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ КРИТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

1) КРИТИЧЕСКАЯ МАССА

Где лучше чувствуешь себя,
Чем в лоне своего семейства?[70]

Критическая критика в своём *абсолютном* наличном бытии, в лице г-на *Бруно,* объявила *массовое* человечество, всё то человечество, которое не есть критическая критика, своей *противоположностью,* своим *существенным предметом: существенным* потому, что масса существует ad majorem gloriam dei*, критики, духа; *предметом*— потому, что она есть всего лишь *материя* критической критики. Критическая критика провозгласила своё отношение к массе *всемирно-историческим отношением* современности.

Однако одним заявлением о своей противоположности всему миру нельзя ещё сделать эту противоположность *всемирно-исторической противоположностью.* Можно вообразить себя камнем всеобщего преткновения потому, что в силу своей собственной неловкости всюду спотыкаешься. Для всемирно-исторической противоположности недостаточно того, чтобы я объявил мир *моей* противоположностью: необходимо ещё, чтобы, с другой стороны, *мир* объявил меня своей существенной противоположностью, рассматривал и *признавал* меня как таковую. Это признание критическая критика добывает себе *корреспонденцией,* предназначенной для того, чтобы *засвидетельствовать* перед всем миром критическую работу искупления мира, равно как всеобщее *раздражение* мира, вызванное критическим евангелием. Критическая критика сама для себя есть предмет, как *предмет всего мира.* Корреспонденция имеет своей задачей *показать её в качестве такового,* в качестве *мирового интереса* современности.

* — для вящей славы бога. *Ред.*

Критическая критика считает себя *абсолютным субъектом.* Абсолютный субъект нуждается в культе. *Действительный* культ требует третьего элемента, верующих индивидуумов. Поэтому *святое семейство в Шарлоттенбурге* получает от своих корреспондентов подобающий ему культ. Корреспонденты говорят ему, *что* оно *есть* и что *не есть* его противница, масса.

Представляя таким способом мнение критики о самой себе как мнение окружающего мира и превращая своё *понятие* в *действительность,* критика, несомненно, впадает в непоследовательность. *Внутри её самой* обнаруживается *образование* своего рода *массы,* именно — образование критической массы, несложное призвание которой заключается в том, чтобы быть неутомимым эхом критических изречений. Ради последовательности эта непоследовательность простительна. Критическая критика, не чувствующая себя в грешном мире как дома, должна в своём собственном доме завести грешный мир.

Путь корреспондента критической критики, члена критической массы, не усеян розами. Его путь — трудный, тернистый, критический путь. Критическая критика — спиритуалистический властелин, чистая самопроизвольность, actus purus*, она нетерпима ко всякому воздействию *извне.* Корреспондент должен поэтому быть лишь *кажущимся субъектом,* обнаруживать только *кажущуюся самостоятельность* по отношению к критической критике, только *кажущееся* желание сообщать ей что-либо новое и самостоятельное. На *самом деле* это — её собственный *фабрикат,* выслушивание самой себя, которое лишь на один момент *объективируется* в виде самостоятельного существа.

Корреспонденты не упускают поэтому случая, чтобы беспрестанно уверять, что критическая критика сама *знает, видит, понимает, испытывает* то, что ей *для вида* в данный момент сообщают корреспонденты. Так, например, *Церледер* употребляет следующие обороты: «Вы понимаете это?»; «Вы знаете»; «Вы знаете» во второй, в третий раз; «Вы, конечно, уже достаточно слышали, чтобы самим всё понять».

А вот бреславльский корреспондент *Флейшхаммер:* «Но это... для Вас столь же мало будет загадкой, как и для меня». Или цюрихский корреспондент *Хирцель:* «Вы и сами, конечно, знаете». Критический корреспондент до такой степени почитает абсолютное понимание критической критики, что он ей приписывает понимание даже там, где вообще нечего понимать, как, например, *Флейшхаммер:*

* — чистая деятельность. *Ред.*

«Вы меня *вполне»* (!) *«поймёте»* (!), «если я сообщу Вам, что нельзя выйти на улицу, без того чтобы не встретить молодых католических священников в их длинных чёрных рясах и мантиях».

Мало того, в своём *страхе* корреспонденты *слышат,* как критическая критика *говорит, отвечает, восклицает, высмеивает!*

Так, например, *Церледер:* «Но... *говорите* Вы. Ну, хорошо, слушайте же!» Или *Флейшхаммер:* «Однако я уже слышу, что *Вы говорите; я тоже* хотел этим сказать *только* то, что...». Или *Хирцель:* «Эдельман, *воскликнете* Вы!» Или тюбингенский корреспондент: *«Не высмеивайте* меня!»

Корреспонденты употребляют поэтому и такого рода обороты: они-де сообщают критической критике *факты,* а от нее ждут *духовного истолкования;* они ей доставляют *посылки,* а ей предоставляют сделать *заключение.* Или даже *извиняются,* что пережёвывают давно ей известное.

Так, например, *Церледер:*

«Ваш корреспондент может дать Вам только, картину, описание фактов. *Дух,* оживляющий эти вещи, *Вам, конечно,* уже известен». Или же: «А теперь Вы *уже сама* сделаете *для себя вывод».*

Или Хирцель:

«Что каждое творение порождается своей диаметральной противоположностью, об этом спекулятивном положении я *не осмелюсь* беседовать с Вами».

Или же *наблюдения* корреспондентов оказываются не чем иным, как *исполнением и подтверждением* критических *пророчеств.*

Так, Флейшхаммер: «Ваше предсказание исполнилось». Или Церледер:

«Тенденции, о которых я Вам писал, что они всё более и более распространяются в Швейцарии, далёкие от того, чтобы быть гибельными, в действительности только *счастливые... только подтверждают* уже неоднократно высказанную *Вами мысль...»* и т. д.

Критическая критика чувствует иногда необходимость подчеркнуть проявляемое ею снисхождение, заключающееся в том, что она читает корреспонденции и отвечает на них, и она мотивирует это снисхождение тем, что корреспондент счастливо справился с каким-нибудь заданным ему *уроком.* Так, г-н Бруно пишет тюбингенскому корреспонденту:

«Действительно, непоследовательно с моей стороны отвечать на твоё письмо... С другой стороны... ты опять сделал такое *удачное замечание, что* я... *не могу отказать* тебе в просимом разъяснении».

Критическая критика заставляет писать ей *из провинции,* причём под провинцией надо понимать не провинцию в

политическом смысле, которой, как известно, нигде в Германии не существует, а *критическую провинцию,* по отношению к которой Берлин является столицей, — *Берлин,* как резиденция критических патриархов и святого критического семейства, — между тем как в провинции пребывает критическая масса. *Критические провинциалы* осмеливаются обращать на себя внимание *верховной критической инстанции* только с поклонами и извинениями.

Так, например, один анонимный корреспондент пишет г-ну *Эдгару,* который, в качестве члена святого семейства, также является важным господином:

«Милостивый государь! Пусть мне послужит *извинением* за моё обращение к Вам то обстоятельство, что молодёжь охотно сближается на почве общих стремлений *(разница в возрасте* между нами не превышает двух лет)».

Этот сверстник г-на Эдгара называет *себя,* между прочим, *существом новейшей философии.* Разве не в порядке вещей, что «критика» состоит в переписке с «существом» философии? Если сверстник г-на Эдгара уверяет, что он уже лишился своих *зубов,* то это — не больше, как намёк на его *аллегорическую* сущность. Это «существо новейшей философии» «научилось у *Фейербаха* вкладывать момент образования в объективное воззрение». Оно тотчас же даёт образчик своего *образования* и *воззрения,* уверяя г-на Эдгара, что оно усвоило себе *«целостное воззрение* на его новеллу», озаглавленную «Да здравствуют твёрдые принципы!»[71], и в то же время открыто признаётся, что мысль г-на Эдгара ему далеко не ясна, а в заключение парализует своё уверение в усвоении целостного воззрения вопросом: «Или же я Вас *целиком ложно понял?»* После этого образчика вполне в порядке вещей, что существо новейшей философии следующим образом высказывается о массе:

«Мы должны хоть один раз *снизойти* к тому, чтобы исследовать и развязать тот волшебный узел, который закрывает *обыденному человеческому рассудку* доступ в *безграничный океан мысли».*

Кто желает получить полное представление о критической массе, тот пусть прочтёт *корреспонденцию* г-на *Хирцеля* из Цюриха (выпуск V). Этот несчастный твердит критические изречения с истинно трогательным прилежанием, обнаруживая память, достойную похвалы. Здесь находят себе место излюбленные фразы г-на Бруно о битвах, в которых он сражался, о походах, которые он предпринимал и которыми руководил. В особенности же г-н *Хирцель* выполняет своё призвание члена критической массы тогда, когда он негодует на *нечестивую массу* и на её отношение к *критической критике.*

Он говорит о массе, которая мнит себя участником истории, о «чистой массе», о «чистой критике», о «чистоте этого противопоставления», — «противопоставления столь чистого, каким оно никогда ещё не давалось историей»,—о *«брюзгливости»,* «совершенной пустоте, дурном настроении, малодушии, бессердечии, робости, бешенстве, ожесточении массы против критики»; о «массе, которая только для того и существует, чтобы своим сопротивлением делать критику более острой и более бдительной». Он говорит о «сотворении из диаметральной противоположности», о том, что критика стоит выше *ненависти* и тому подобных земных аффектов. Этим богатством критических словечек и ограничивается всё содержание послания г-на *Хирцеля* в «Literatur-Zeitung». Укоряя *массу* за то, что она удовлетворяется одним лишь «умонастроением», «доброй волей», «фразой», «верой» и т. д., он сам, как член *критической массы,* довольствуется фразами, выражающими его «критическое умонастроение», его «критическую веру»., его «критическую добрую волю», и предоставляет господам Бруно и компании «действовать, работать, бороться» и «творить».

Несмотря на ужасающую картину всемирно-исторического раздора между нечестивым миром и «критической критикой», нарисованную членами «критической массы»,—для тех, по крайней мере, кто принадлежит к неверующим, ещё не констатирован даже самый факт, факт этого *всемирно-исторического* раздора. Услужливое и некритическое повторение критических «фантасмагорий» и «претензий» в устах корреспондентов доказывает только, что навязчивые идеи господина являются также и навязчивыми идеями слуги. Один из критических корреспондентов пытается, правда, доказывать на основании *фактов.*

«Вы видите», — пишет он святому семейству, — «что «Literatur-Zeitung» достигает своей цели, т. е. что она не находит *никакого отзвука.* Она могла бы найти отзвук лишь в том случае, если бы она была созвучна скудомыслию, если бы Вы гордо шествовали впереди со звоном фраз целого янычарского оркестра ходячих категорий».

Звон фраз целого янычарского оркестра ходячих категорий! Как видите, критический корреспондент старается гарцевать на «неходячих» фразах. Его толкование того факта, что «Literatur-Zeitung» не находит никакого отзвука, должно быть, однако, отвергнуто как чисто *апологетическое.* Факт этот можно было бы скорее истолковать в обратном смысле, а именно в том смысле, что критическая критика *созвучна* широкой *массе,* именно широкой массе писак, не находящих нигде *никакого* отзвука.

Недостаточно, стало быть, того, что *критические* корреспонденты обращаются к святому семейству с критическими фразами как с «молитвой» и в то же время как с «формулой проклятия» против массы. Необходимы *некритические, массовидные* корреспонденты, необходимы *действительные* посланцы *массы* к критической критике, чтобы доказать существование *действительного* раздора между массой и критикой.

Критическая критика уделяет поэтому место также и *некритической массе.* Она заставляет бесхитростных *представителей* последней *вести* с ней *корреспонденцию,* признать противоположность между массой и критикой важной и абсолютной и огласить мир *отчаянным воплем,* молящим о спасении от этой противоположности.

2) «НЕКРИТИЧЕСКАЯ МАССА» И «КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА»

а) «ЗАКОСНЕЛАЯ МАССА» И «НЕУДОВЛЕТВОРЁННАЯ МАССА»

Жестокосердие, закоснелость и слепое неверие «массы» имеют одного довольно решительного представителя. Этот представитель говорит об «исключительно гегельянском философском образовании берлинского кружка»[72].

«Истинный прогресс», — утверждает этот корреспондент, — «возможен лишь на почве познания действительности. Между тем от членов берлинского кружка мы узнаём, что наше познание было не познанием действительности, а познанием чего-то недействительного».

Корреспондент называет «естествознание» основой философии.

«Хороший естествоиспытатель стоит в таком же отношении к философу, как последний к теологу».

Далее он замечает о «берлинском кружке»:

«Я не думаю, чтобы я сказал что-нибудь лишнее об этих господах, пытаясь объяснить себе их состояние тем, что они, хотя и проделали процесс духовного линяния, но ещё не освободились от продуктов этого линяния, чтобы стать способными воспринять в себя элементы новообразования и омоложения». «Эти» (естественно-научные и промышленные) «знания должны быть нами ещё приобретены». «Знание мира и людей, которое нам необходимо прежде всего, не может быть приобретено исключительно остротой мысли; тут должны оказать содействие все чувства, и все способности человека должны быть использованы для этого как необходимое и важнейшее орудие; иначе созерцание и познавание всегда будут недостаточны... и приведут к *моральной смерти».*

Этот корреспондент старается, однако, позолотить пилюлю, которую он преподносит критической критике. Он «находит для *слов Бауэра* правильное применение», он «следит за *мыслями Бауэра»,* он говорит, что *«Бауэр сделал правильное замеча-*

ние», он, наконец, полемизирует по видимости не против самой критики, а против некоего отличного от неё «берлинского кружка».

Критическая критика, почувствовавшая себя уязвлённой и вообще чувствительная во всех *делах веры,* как старая дева, не даёт себя ввести в обман этими различениями и полупоклонами.

«Вы *ошибались»,* — отвечает она, — «если думали видеть *своего противника* в той партии, которую Вы изобразили в начале Вашего письма. *Признайтесь* лучше» (тут следует уничтожающая формула отлучения), «что *Вы — противник самой критики!»*

Несчастный! Массовидный человек! Противник *самой* критики! Что же касается содержания вышеприведённой *массовидной* полемики, то критическая критика провозглашает *почтение* к её критическому отношению к *естествознанию* и *промышленности.*

«Всяческое почтение исследованию природы! Всяческое почтение Джемсу Уатту и» — поистине возвышенный оборот мысли — «ровно никакого почтения к тем миллионам, которые Уатт доставил своим родственникам и родственницам».

Всяческое почтение к почтению критической критики! В том же самом ответном письме, где критическая критика упрекает представителей вышеупомянутого *берлинского кружка* в том, что они слишком легко разделываются с серьёзными и важными работами, не утруждая себя их изучением, что они считают свою задачу по отношению к оценке какого-нибудь труда *исчерпанной,* если заметили о нём, что он составляет эпоху и т. д., — в этом самом письме *сама* критика *исчерпывает* значение всего естествознания и *промышленности* одним только заявлением о своем к ним почтении. Оговорка, которой критическая критика сопровождает своё изъявление почтения к *естествознанию,* напоминает первые громовые стрелы блаженной памяти рыцаря *Круга* против натурфилософии:

«Природа не является единственной действительностью в силу того, **что** мы её едим и пьём в её отдельных продуктах».

Критическая критика знает об *отдельных продуктах* природы лишь то, что «мы их *едим и пьём».* Всяческое почтение перед естествознанием критической критики!

Критика вполне последовательно противопоставляет неудобному, навязчивому требованию заняться изучением «природы» и «промышленности» следующее неоспоримо-остроумное риторическое восклицание:

«Или» (!) «Вы думаете, что познание *исторической* действительности *уже закончено?* Или» (!) «Вам известен хоть один исторический период, который был бы *действительно* уже познан?»

Или критическая критика полагает, что она дошла хотя бы только до *начала* познания исторической действительности, исключив *из* исторического движения теоретическое и практическое отношение человека к природе, естествознание и промышленность? Или она думает, что действительно познала какой бы то ни было исторический период, не познав, например, промышленности этого периода, непосредственного способа производства самой жизни? Правда, спиритуалистическая, *теологическая* критическая критика знакома (знакома, по крайней мере, в своём воображении) лишь с политическими, литературными и теологическими громкими деяниями истории. Подобно тому как она отделяет мышление от чувств, душу от тела, себя самоё от мира, точно так же она отрывает историю от естествознания и промышленности, усматривая материнское лоно истории не в *грубо-материальном* производстве на земле, а в туманных облачных образованиях на небе.

Представитель «закоснелой» и «жестокосердной» массы, с его меткими упрёками и советами, выпроваживается критикой как *массовидный материалист.* Не лучше обходится она и с другим, менее злостным, менее массовидным корреспондентом, который, хотя и возлагает надежды на критическую критику, не находит, однако, что она оправдывает их. Представитель такой *«.неудовлетворенной»* массы пишет:

«Однако я должен сознаться, что первый номер Вашей газеты меня ещё *совсем не удовлетворил.* Ведь мы ожидали чего-то другого».

Критический патриарх самолично отвечает:

«Что газета не оправдает ожиданий, я знал наперёд, потому что я довольно легко мог представить себе эти ожидания. Люди так истомлены, что хотят получить *сразу всё.* Всё? Нет! По возможности всё и в то же время ничего. Такое всё, которое не требовало бы труда, такое всё, которое можно было бы воспринять, не проделав никакого процесса развития, — всё, которое можно было бы вместить в одно слово».

В своей досаде на непомерные претензии «массы», которая требует *чего-либо* или даже *всего* от *«ничего не дающей»,* из принципа и по природе своей, критики, критический патриарх рассказывает на стариковский манер следующий *анекдот:* недавно один берлинский *знакомый* горько жаловался на многословность и излишнюю обстоятельность его произведений (как известно, г-н Бруно из самой ничтожной мнимой мысли делает пухлый труд); г-н Бауэр утешил его обещанием — для большей лёгкости усвоения послать ему потребную для печатного оттиска книги типографскую краску в форме маленького шарика. Патриарх объясняет себе растянутость своих «трудов» плохим распределением типографской краски, точно так же

как он объясняет пустоту своей «Literatur-Zeitung» пустотой «нечестивой массы», которая, чтобы чем-нибудь наполнить себя, хотела бы проглотить сразу Всё, а также и Ничто.

Хотя мы отнюдь не отрицаем важности вышеприведённых сообщений, всё же трудно усмотреть *всемирно-историческую противоположность* в том, что один массовидный знакомый критической критики находит критику пустой, а она, наоборот, обвиняет его в некритичности; что другой знакомый считает «Literatur-Zeitung» не оправдавшей его ожиданий и что, наконец, *третий* знакомый и друг дома находит труды критики чересчур пространными. Тем не менее, знакомый № 2, проникнутый ожиданиями, и друг дома № 3, который, по крайней мере, желает ознакомиться с тайнами критической критики, образуют переход к *более содержательному* и более напряжённому отношению между критикой и «некритической массой». Насколько жестокой критика оказалась по отношению к массе с «закоснелым сердцем» и с «обыденным человеческим рассудком», настолько же она окажется снисходительной по отношению к массе, жалобно молящей об *избавлении* от противопоставления. Масса, приближающаяся к критике с разбитым сердцем, покаянным чувством и смиренным духом, в награду за своё честное стремление удостоится услышать от неё кое-какое *взвешенное, пророческое, солидное* слово.

b) «МЯГКОСЕРДЕЧНАЯ» И «ЖАЖДУЩАЯ СПАСЕНИЯ» МАССА

Представитель *сентиментальной, сердечной, жаждущей спасения массы,* виляя хвостом, молит о доброжелательном слове критической критики, молит с сердечными излияниями и поклонами, с возведением очей к небу.

«Почему», — спрашивает он, — «я Вам пишу это, почему я оправдываюсь перед Вами? Потому, что я Вас *уважаю* и вследствие этого *хочу снискать* Ваше *уважение;* потому, что я обязан Вам величайшей *благодарностью* за Ваше содействие моему развитию и вследствие этого *люблю* Вас. Вы высказали мне порицание, и *моё сердце* побуждает меня *оправдаться* перед Вами... Я *весьма далёк* от того, чтобы желать *навязываться* Вам; но я, судя *по своему собственному опыту,* думал, что Вам *самим приятна* будет видеть доказательство *симпатии* со стороны человека, Вам ещё мало известного. Я *нисколько не претендую* на то, чтобы Вы ответили на это письмо. Я не хочу *на* отнимать у Вас время, которое Вы можете употребить с большей пользой для себя, *ни* обременять Вас, *ни* подвергать себя неприятности видеть *несбывшимся* нечто такое, на что я надеялся. *Можете* истолковать моё обращение к Вам как *сентиментальность, назойливость* или *тщеславием* (!) «или как Вам будет угодно, можете отвечать мне или нет, — всё равно, я не в силах устоять против *влечения* отправить это письмо и желаю только, чтобы Вы убедились в той *благожелательности,* которая продиктовала мне его» (!!).

Подобно тому как божье милосердие испокон веков изливалось на *нищих духом,* так и на этот раз массовидный, но смиренный корреспондент, молящий со слезами на глазах о критическом милосердии, дождался *исполнения* своих желаний. Критическая критика благожелательно отвечает ему. Более того. Она даёт ему *глубочайшие* разъяснения о предметах его любознательности.

«Два года тому назад», — поучает критическая критика, — «было своевременно напомнить о французском Просвещении XVIII века, для того чтобы в разыгравшемся тогда сражении пустить в ход на одном участке также и эти *лёгкие отряды.* Теперь положение *совсем иное.* Истины меняются теперь с чрезвычайной быстротой. Что в тот момент *было уместным,* является теперь *промахом».*

Понятно, что и тогда было только *«промахом»,* но промахом *«уместным»,* то, что сама абсолютная критика высочайше соизволила назвать эти *лёгкие отряды «нашими святыми»,* нашими *«пророками», «патриархами»* и т. д. (см. «Anekdota», II, стр. 89)[73]. Кто станет называть *лёгкие отряды отрядами «патриархов»?* «Уместным» промахом было говорить с энтузиазмом о самоотверженности, нравственной энергии и воодушевлении этих *лёгких* отрядов, посвятивших «всю свою жизнь размышлению об истине, её разработке и изучению». «Промахом» было, когда критика в предисловии к «Раскрытому христианству» заявила, что эти *«лёгкие»* отряды «казались непобедимыми», что *«каждый сведущий человек* поручился бы наперёд, что они *перевернут весь мир»,* и что «казалось несомненным, что им действительно удастся придать *миру новую форму».* Удастся кому? *Этим лёгким отрядам?*

Далее критическая критика поучает любознательного представителя *«сердечной* массы»:

«Если французы и приобрели себе *новую* историческую заслугу своими попытками создать социальную теорию, то *теперь* они *всё-таки исчерпали себя;* их новая теория не была ещё *чиста,* их социальные фантазии, их *мирная демократия* далеко ещё не свободны от предпосылок старого порядка».

Критика здесь имеет в виду, если она вообще имеет что-нибудь в виду, *фурьеризм,* и в частности — фурьеризм газеты «Democratie pacifique»[74]. Последний же очень далёк от того, чтобы быть «социальной теорией» французов. У французов есть *социальные теории,* а не *одна* социальная теория. Тот разбавленный водой фурьеризм, который проповедуется в «Democratie pacifique», является не чем иным, как социальным учением части филантропической буржуазии. Народ настроен *коммунистически* и притом расколот на множество различных фракций. Подлинное движение, включающее переработку этих различных

социальных оттенков, не только не *исчерпало* себя, но оно только теперь настоящим образом *начинается.* Однако всё это движение найдёт себе завершение не в чистой, т. е. абстрактной, *теории,* как этого хотела бы критическая критика, а в весьма *практической практике,* которая никоим образом не станет беспокоиться о категорических категориях критики.

«Ни одна нация», — разглагольствует дальше критика, — «не достигла *до сих пор* каких-либо преимуществ перед другой...». «Если какая-нибудь нация достигнет когда-либо духовного перевеса над другими, то это будет лишь та, которая окажется в состоянии подвергнуть критике себя и других и познать причины всеобщего упадка».

Каждая нация имела *до сих пор те или иные преимущества* перед другой. Если же критическое пророчество справедливо, то ни одна нация никогда не *будет* обладать преимуществами перед другой, ибо все цивилизованные народы Европы—англичане, немцы, французы — *«подвергают критике»* теперь «себя и других» и «оказываются в состоянии познать причины всеобщего упадка». Наконец, утверждение, что «критикование», «познавание», т. е. *духовная* деятельность, даёт *духовный перевес,* есть, в сущности, пустая *тавтология;* и критика, которая с бесконечным самомнением ставит себя выше наций, ожидая, чтобы последние, ползая у её ног, молили её о прояснении их сознания, как раз этим своим карикатурным христианско-германским идеализмом показывает, что она по уши ещё торчит в грязи *немецкого национализма.*

У французов и англичан критика не есть какая-то абстрактная, потусторонняя личность, стоящая вне человечества; она— *действительная человеческая деятельность* индивидуумов, являющихся активными членами общества, которые, как люди, страдают, чувствуют, мыслят и действуют. Поэтому их критика в то же время проникнута практикой, их коммунизм есть такой социализм, в котором они указывают практические, осязательные мероприятия, в котором находит себе выражение не только их мышление, но ещё больше и их практическая деятельность; их критика является поэтому живой, действительной критикой существующего общества, познанием причин «упадка».

После разъяснений, данных любознательному члену массы, критическая критика с полным правом может сказать о своей «Literatur-Zeitung»:

«Здесь имеет место *чистая,* наглядная, схватывающая предмет, ничего от себя не добавляющая критика».

Здесь «не дают ничего самостоятельного», здесь вообще ничего не дают, кроме ничего не дающей критики, т. е. такой критики,

которая в своём завершении доходит до самой крайней некритичности. Критика печатает отмеченные подчёркиванием места и достигает своего расцвета в *выписываемых ею цитатах. Вольфганг Менцель* и *Бруно Бауэр* братски подают друг другу руки, и критическая критика оказывается стоящей на том месте, где в первые годы нашего столетия находилась *философия тождества,* когда *Шеллинг* протестовал против массовидного предположения, будто он стремится дать что-нибудь, — что бы то ни было, кроме *чистой, совершенно философской* философии.

с) ИЗЛИЯНИЕ БЛАГОДАТИ НА МАССУ

Мягкосердечный корреспондент, которого только что на наших глазах поучала критика, находился с критикой в *душевной* связи. Натянутость отношений между *массой* и *критикой* обнаруживается на нём лишь в идиллической форме. Обе стороны *всемирно-исторической* противоположности держали себя по отношению друг к другу *доброжелательно* и *вежливо,* а потому *экзотерически.*

Своё *опасное для здоровья,* душепотрясающее действие на массу критическая критика обнаруживает впервые на одном корреспонденте, который одной ногой уже стоит на почве критики, другой же всё ещё в земном мире. Он служит представителем «массы» в её *внутренней* борьбе с критикой.

В иные минуты ему кажется, что «г-н Бруно и его друзья не понимают *человечества»,* что они, «собственно говоря, ослеплены». Но он тотчас же спешит поправить сказанное:

> «Мне, конечно, *ясно, как день,* что Вы правы и что Ваши мысли истинны. Но, *простите,* ведь и народ *тоже не* неправ... Ах, да! Народ прав... Что Вы правы, я не могу оспаривать... Я, действительно, не знаю, чем всё это кончится. Вы скажете... ну, так оставайся дома... Ах, я не могу больше... Ах... в конце концов можно прямо с *ума сойти...* Надеюсь, Вы отнесётесь *доброжелательно...* Поверьте мне, от приобретённого познания иногда так *глупеешь,* точно у тебя в голове вертится мельничное колесо».

Другой корреспондент тоже пишет, что он *«порой* теряет *понимание».* Вы видите, на цитированного выше массовидного корреспондента *готова* уже *снизойти критическая благодать.* Бедняга! Грешная масса тянет его с одной стороны, критическая критика — с другой. Не приобретённое познание повергает наставляемого в вере ученика критической критики в это состояние отупения, а вопрос *веры* и *совести:* критический Христос или народ, бог или мир, Бруно Бауэр с друзьями или нечестивая масса! Но подобно тому как излиянию *божьей* благодати предшествует крайняя разорванность души грешника,

так и здесь удручающее *отупение* является предтечей *критической* благодати. Когда эта последняя изливается, наконец, на грешника, то избранник теряет, правда, не глупость свою, но зато *сознание своей глупости.*

3) НЕКРИТИЧНО-КРИТИЧЕСКАЯ МАССА, ИЛИ «КРИТИКА» И «БЕРЛИНСКИЙ КРУЖОК»

Критической критике не удалось изобразить себя *существенной противоположностью* и посему в то же время *существенным предметом* массового человечества. Кроме представителей *закоснелой* массы, указывающих на *беспредметность* критической критики и дающих ей в самой вежливой форме понять, что она ещё не прошла через процесс духовного *«линяния»* и что она должна прежде всего приобрести солидные познания, — мы познакомились ещё с двумя корреспондентами. Что касается *мягкосердечного* корреспондента, то, во-первых, он не является *противоположностью* критики, а во-вторых, истинная причина его стремления сблизиться с критикой — *чисто личного* свойства: как видно из дальнейших строк его письма, он хочет, собственно говоря, только примирить своё глубокое почтение к г-ну Арнольду Руге со своим глубоким почтением к г-ну *Бруно Бауэру.* Эта примирительная попытка делает честь его доброму сердцу. Но она никоим образом не представляет *массового интереса.* Наконец, последний из выступавших перед нами корреспондентов не был уже *действительным* членом массы, а был наставляемым в вере учеником критической критики.

Вообще, *масса* представляет собой *неопределённый* предмет, в силу чего она не способна ни выполнять какое-нибудь определённое действие, ни вступать в какое-нибудь определённое отношение к чему-нибудь. Масса, составляющая предмет критической критики, не имеет ничего общего с *действительными* массами, которые, в свою очередь, образуют внутри себя и между собой весьма массовые противоположности. *Та* масса, с которой имеет дело *критическая критика,* «создана» ею самою наподобие того, как если бы естествоиспытатель, вместо того чтобы говорить об определённых классах растений и животных, противопоставил самому себе «класс вообще».

Поэтому кроме этой *абстрактной* массы, этого продукта собственного воображения критики, *критическая критика* нуждается ещё в какой-нибудь *определённой,* эмпирически указуемой, а не только предполагаемой *массе,* для того чтобы иметь перед собой действительно массовидную противоположность. Эта масса должна видеть в критической критике в одно и то же

время свою *сущность* и *уничтожение своей сущности.* Она должна *стремиться* быть не-массой, т.е. критической критикой, не *будучи в состоянии* осуществить это стремление. Такой критически-некритичной массой и является вышеупомянутый *«берлинский кружок».* Некиим берлинским кружком и исчерпывается весь состав той *массы* человечества, которая всерьёз занята критической критикой.

«Берлинский кружок» *(«существенный предмет»* критической критики, которым она всегда занята в своих мыслях и который, по её мнению, всегда занят ею) состоит, насколько нам известно, из немногих ci-devant* *младогегельянцев,* в которых критическая критика, по её утверждению, вселяет отчасти horror vacui**, отчасти чувство *ничтожности.* Мы не станом заниматься исследованием фактического положения, мы полагаемся на высказывания критики.

Корреспонденция предназначена главным образом для того, чтобы *пространно* изложить публике это *всемирно-историческое* отношение критики к «берлинскому кружку», раскрыть глубокое значение этого отношения, доказать необходимость жестокого обращения критики с этой «массой» и, наконец, создать видимость, будто *весь мир с* замиранием сердца следит за этим антагонизмом, высказываясь то за линию поведения критики, то против неё. Так, например, *абсолютная* критика пишет одному корреспонденту, ставшему на сторону «берлинского кружка»:

«Мне *уже так часто* приходилось слышать такого рода вещи, что у меня сложилось решение совершенно не обращать больше внимания на это».

Мир и не подозревает, как часто ему приходилось иметь дело с *такого рода* критическими вещами.

Но послушаем, что сообщает о берлинском кружке один из членов *критической* массы:

««Если есть человек, признающий Бауэров»» (святое семейство всегда должно быть признаваемо pele-mele***),— «начал он**** свой ответ,— «то это именно *я.* Но «Literatur-Zeitung»! Справедливость прежде всего!»— Мне было интересно узнать, что думает о Вас один из этих радикалов, этих умников 42-го года...»

Затем корреспондент докладывает, что несчастный находил в «Literatur-Zeitung» всякого рода недостатки.

* — бывших. *Ред.*
** — боязнь пустоты. *Ред.*
*** — без разбора, вперемешку. *Ред.*
**** — собеседник корреспондента, выражающий взгляды берлинского кружка. *Ред.*

Новеллу г-на Эдгара «Три добряка» он называл недоработанной и утрированной. Он не понял того, что *цензура* есть больше внутренняя, чем внешняя борьба, чем борьба человека с человеком. Эти люди не дают себе труда заглянуть в свой внутренний мир и на место *неприемлемой для цензуры фразы* поставить *тонко* проведённую, всесторонне разработанную *критическую мысль.* Статью г-на Эдгара о Беро он нашёл неосновательной. Критический корреспондент считает её основательной. Он, правда, сам сознаётся: «Я *не* знаком с книгой Беро». Однако он *уверен,* что г-ну Эдгару *удалось* и т. д., а вера, как известно, делает блаженным. «Вообще»,—продолжает критический верующий,— «он» (человек из берлинского кружка) *«весьма недоволен* произведениями Эдгара». Он находит также, что и *«Пру дон* трактуется там без достаточной *основательности».* Тут корреспондент выдаёт г-ну Эдгару похвальное свидетельство:

«Я, правда» (!?), *«знаком* с Прудоном; я *знаю,* что в изложении Эдгара из Прудона взяты и наглядно сопоставлены *характерные* пункты».

По мнению корреспондента, единственная причина, почему данная г-ном Эдгаром *превосходная* критика Прудона не нравится этим господам, состоит в том, что г-н Эдгар *не мечет громы и молнии* против собственности. Мало того, —подумайте только!— противник считает статью г-на Эдгара о «Рабочем союзе» *не имеющей значения.* Корреспондент утешает г-на Эдгара:

«Конечно, в этой статье не даётся ничего *самостоятельного,* а эти господа действительно вернулись к точке зрения *Группе,* на которой они, правда, *всегда стояли.* Критика, думают они, должна давать, давать и *давать!»*

Как будто критика не дала нам совершенно новых лингвистических, исторических, философских, политико-экономических и юридических открытий! И она до того скромна, что позволяет говорить себе, будто она не даёт ничего *самостоятельного!* Даже наш критический корреспондент, и тот вносит в существующую механику нечто доселе неизвестное, заставляя людей *возвращаться* к *той* точке зрения, на которой они всегда *стояли.* Не совсем-то удобно вспоминать точку зрения *Группе.* Группе в своей, вообще говоря, весьма жалкой и не заслуживающей упоминания брошюре спрашивал г-на Бруно, что тот собирается дать критического о *спекулятивной логике.* Г-н Бруно отослал его к грядущим поколениям, и —

«дурак ожидает ответа»[75].

Подобно тому как бог наказал неверующего фараона тем, что ожесточил его сердце и *счёл* его *недостойным* просветления, так и корреспондент уверяет:

«Они поэтому *совершенно недостойны* того, чтобы видеть или распознавать содержание в Вашей «Literatur-Zeitung»».

И вместо того чтобы посоветовать своему другу Эдгару приобрести мысли и знания, он даёт ему следующий совет:

«Пусть Эдгар заведёт себе *мешок с фразами* и в будущем, создавая свои статьи, черпает из него с закрытыми глазами, чтобы приобрести стиль, соответствующий вкусу публики».

Кроме уверений в «некоторого рода бешенстве, злобности, бессодержательности, скудомыслии, блуждании вокруг предмета, которого они не могут постигнуть, чувстве ничтожности» (все эти эпитеты относятся, понятно, к берлинскому кружку), он рассыпает по адресу святого семейства ещё следующие восхваления :

«Пронизывающая предмет лёгкость трактовки, мастерское обращение с категориями, добытая изучением глубина уразумения, словом—*господство* над предметами. Он» (человек из берлинского кружка) «донельзя облегчает себе задачу, Вы же делаете лёгким самый предмет». Или ещё: «Вы осуществляете в «Literatur-Zeitung» чистую, наглядную, схватывающую предмет критику».

И в заключение:

«Обо всём этом я написал Вам так подробно потому, что я знаю, что сообщения о взглядах моего друга доставят Вам *удовольствие.* Вы можете отсюда видеть, что «Literatur-Zeitung» достигает своей цели».

Её цель заключается в противопоставлении себя берлинскому кружку. Если мы только что познакомились с *полемикой берлинского кружка* против критической критики и видели, как разделались с ним за эту полемику, то теперь мы увидим двоякое изображение стремления берлинского кружка добиться пощады у критической критики.

Один корреспондент пишет:

«Когда я в начале этого года посетил Берлин, я там слышал от знакомых, что Вы всех отталкиваете, держите всех на почтительном расстояния от себя, что Вы совершенно уединились, намеренно избегаете всякого сближения, всякого общения с другими. Я, конечно, не знаю, на чьей стороне вина».

Абсолютная критика отвечает:

«Критика *не* образует *партии,* она не стремится иметь свою особую партию, она *одинока,* — одинока тогда, когда она углубляется в *свой»* (!) «предмет, одинока и тогда, когда она противопоставляет себя этому предмету. Она *отделяет себя от всего».*

Подобно тому как критическая критика думает стать выше всех догматических противоположностей тем, что она на место действительных противоположностей ставит воображаемую

противоположность между *собой* и *миром,* между *святым духом* и *нечестивой массой,* точно так же она мнит себя возвысившейся *над партиями,* когда она скатывается *ниже партийной точки зрения,* противопоставляя себя, как *партию,* всему остальному человечеству и сосредоточивая весь интерес на личностях г-на Бруно и компании. Всё наше изложение доказывает истинность критического *признания* в том, что критика восседает на троне в свойственном *абстракции* одиночестве, что даже тогда, когда она как будто занимается каким-нибудь *предметом,* она на деле не выходит из состояния беспредметного одиночества и не вступает в истинно *общественное* отношение к тому или иному *действительному предмету,* потому что *её предмет* есть только предмет *её воображения,* только воображаемый предмет. Столь же правильно она определяет характер своей *абстракции,* как *абсолютной* абстракции, в том смысле, что «она *отделяет* себя *от всего»;* именно это *ничто,* отделённое *от всего,* от *всякого* мышления, созерцания и т. д., и есть *абсолютная бессмыслица.* Впрочем, это одиночество, достигаемое отделением, абстрагированием от *всего,* столь же мало свободно от предмета, от которого оно абстрагирует, сколь мало *Ориген* был свободен от своего *детородного члена,* который он *отделил* от себя.

Другой корреспондент начинает с того, что изображает одного из представителей «берлинского кружка», которого он видел и с которым он беседовал, «мрачно настроенным», «подавленным», «не способным более открыть рот» (между тем как раньше он всегда «имел готовую *дерзость* в запасе») и «приунывшим». Этот член «берлинского кружка» рассказывает корреспонденту, который, в свою очередь, докладывает критике:

«Он не может понять, как такие люди, как Вы оба, которые вообще всегда благосклонно относились к принципу гуманизма, могут держать себя столь замкнуто, столь недружелюбно, даже высокомерно». Он не знает, «почему находятся люди, которые, повидимому, намеренно вызывают раскол. Мы ведь все стоим на одной и той же точке зрения, мы все *поклоняемся* крайности, критике, все одинаково способны, если не создать крайнюю идею, то хотя бы понять и применить её». «Двигательным принципом этого раскола он считает не что иное, как эгоизм и высокомерие».

Далее корреспондент старается замолвить доброе словечко в пользу своих друзей:

«Разве, по крайней мере, некоторые из наших друзей не постигли критики или, может быть, *доброй воли критика*... ut desint vires, tamen est laudanda voluntas*».

* — пусть не хватает сил, но желание всё же заслуживает похвалы. *Ред.*

Критика отвечает посредством следующих *антитез* между собой и берлинским кружком:

«Существуют *различные* точки зрения на критику». Эти господа «думали, что критика—у них в кармане», критика же «знает и действительно применяет мощь критики», т. е. она не хранит её в кармане. Для первых критика—только форма, для неё же — *«самое содержательное,* вернее, единственно *содержательное».* Подобно тому как абсолютное мышление считает себя всей реальностью, *так* всей реальностью считает себя и критическая критика. Поэтому *вне себя* она не усматривает никакого содержания, поэтому она не является критикой *действительных* предметов, лежащих вне критического субъекта; она сама *создаёт* предмет, она — абсолютный *субъект-объект.* Далее: «Первый род критики фразами отделывается от всего, от всякого изучения вещей, второй род критики фразами отделяет себя *от всего».* Первая *«умна, ничего не зная»,* вторая — «всегда учится». Вторая, действительно, неумна и учится par ça, par là*, но только для вида, только для того, чтобы поверхностно заученное выдавать за свою собственную мудрость, пользуясь им, как «лозунгом», против той самой массы, у которой критика училась, и превращая его в критически-критический вздор.

Для первой такие слова, как «крайность», «идти дальше», «недостаточно далеко уйти», имеют большое значение и представляют собой самые высокочтимые категории. Вторая *исследует точки зрения* и не прилагает к ним *мерок* вышеназванных абстрактных категорий.

Восклицания критики № 2, что теперь не может быть речи о политике, что с философией покончено, её готовность разделаться с социальными системами и движениями посредством таких словечек, как «фантастический», «утопический» и т. д., — разве всё это не является лишь *критически-исправленным* изданием вышеназванных категорий «идти дальше», «недостаточно далеко уйти» и т. д.? А её «мерки», как например: «история», «критика», «обобщение предметов», «старое и новое», «критика и масса», «исследование точек зрения», словом, все её лозунги, — разве это не *сфабрикованные из категорий,* и притом из абстрактных категорий, *мерки!?*

«Первая—теологична, злостна, завистлива, мелочна, заносчива; вторая— *противоположность* всего этого».

Высыпав таким образом, не переводя дыхания, целую дюжину похвал по собственному адресу и приписав себе всё то, чего не хватает берлинскому кружку, подобно тому как бог *есть* всё

* — там и сям. *Ред.*

то, что *не есть человек,* критика выдаёт себе такого рода свидетельство:

«Она достигла той ясности, той жажды познания и того спокойствия, при которых она становится *неуязвимой* и *непреодолимой».*

Против такого противника, как берлинский кружок, ей не нужно поэтому «никакого иного оружия, кроме *олимпийского смеха».* И критика со свойственной ей основательностью распространяется насчёт свойств этого *смеха,* стараясь определить, что он есть и что он не есть. «Этот смех не есть высокомерие». Боже сохрани! Это—отрицание отрицания. Это—*«только тот процесс,* который *критик,* в добром настроении и с душевным спокойствием, *должен применять* против *ниже* его *стоящей точки зрения, мнящей себя равной* ему» (какое самомнение!). Итак, когда критик смеётся, он *применяет процесс.* И в своём «душевном спокойствии» он применяет *процесс смеха* не против *лиц,* а против *точки зрения.* Даже *смех* представляет собой *категорию,* которую он применяет и даже *должен* применять!

Внемировая критика не есть *проявление деятельности,* присущей *действительному,* т. е. живущему в *современном* обществе *человеческому субъекту,* принимающему участие в страданиях и радостях этого общества. *Действительный* индивидуум есть только *акциденция,* земной сосуд критической критики, в котором последняя являет себя как *вечная субстанция.* Не критика, осуществляемая человеческим индивидуумом, а *нечеловеческий индивидуум критики* есть субъект. Не критика есть *проявление человека,* а человек представляет собой *отчуждение критики,* — критик живёт поэтому совершенно вне общества.

«Может ли критик жить в том обществе, которое он подвергает критике?»

Следовало бы спросить наоборот: разве он не должен жить в этом обществе, разве не должен сам быть проявлением жизни этого общества? Почему критик *продаёт* свои духовные продукты, если он этой продажей превращает самый скверный закон нынешнего общества в свой собственный закон?

«Критик не должен даже пытаться *лично* смешиваться с обществом».

Поэтому он обзаводится *святым семейством,* подобно тому как одинокий бог стремится в святом семействе устранить свою тоскливую оторванность от всякого общества. Если критик *желает освободиться* от *дурного общества,* пусть он прежде всего освободится от *своего собственного общества.*

«Так критик лишается *всех радостей общества,* но и *страдания последнего* ему чужды. Он не знает ни *дружбы»* (за исключением критических друзей), «ни любви» (за исключением *любви к себе);* «но зато клевета бессильно отскакивает от него; ничто не может его оскорбить; его не затрагивает ни ненависть, ни зависть; раздражение и злоба—*незнакомые* ему *аффекты».*

Словом, критик свободен от всех *человеческих страстей,* он — *божественная особа,* он может о себе петь песнь монашенки:

«О любви не помышляю,
Кто мне нужен из мужчин?
Помышляю лишь о боге:
Мне опора — он один»[76].

Критике не удаётся высказать ни одного положения, не впадая в противоречие с самой собой. Так, она в заключение говорит нам:

«Филистерство, забрасывающее критика каменьями» (согласно библейской аналогии, критик должен подвергнуться избиению каменьями), «не желающее понять его и приписывающее ему *нечистые* мотивы» *(чистой* критике приписывать *нечистые* мотивы!), «чтобы сделать *его равным себе»* (порицавшееся выше самомнение равенства!),—«это филистерство *не высмеивается* критиком, ибо оно недостойно этого; критик лишь обнаруживает его истинную природу и с полным спокойствием ставит его на то место, которое соответствует его незначительному значению».

Выше мы видели, что критик *должен* был применять *процесс высмеивания* против «ниже его стоящей точки зрения, мнящей себя равной ему». Неясность представлений критической критики о её тактике по отношению к безбожной «массе» почти что свидетельствует о внутренней раздражённости критики, о жёлчности, для которой «аффекты» далеко не являются «незнакомцами».

Однако нельзя не признать, что после всей своей геркулесовой борьбы, в которой критика преследовала одну лишь цель,—*отделение себя* от некритической «нечестивой массы» и вообще от «всего», — она, наконец, счастливо добралась до своего *одинокого, божественного, самодовлеющего, абсолютного* существования. Если в первом выражении этой её «новой фазы» старый мир *греховных аффектов* имеет ещё, повидимому, некоторую власть над критикой, то теперь мы увидим её эстетически-успокоенной и *просветлённой* в некоем *«художественном образе»,* в котором она *искупает* свои грехи, чтобы под конец в качестве второго, торжествующего *Христа* свершить *критический страшный суд* и после победы над драконом спокойно вознестись на небо.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ХОЖДЕНИЕ В МИР
И ПРЕОБРАЖЕНИЕ КРИТИЧЕСКОЙ КРИТИКИ,
или
КРИТИЧЕСКАЯ КРИТИКА
В ЛИЦЕ РУДОЛЬФА, КНЯЗЯ ГЕРОЛЬШТЕЙНСКОГО

Рудольф, князь Герольштейнский, *искупает* в своём *хождении в мир двойное* преступление: своё *личное* преступление и преступление *критической критики.* В бурном споре со своим отцом он поднял на него свой меч; критическая же критика в бурном споре с массой подпала под власть греховных аффектов. Критическая критика не разоблачила *ни одной* тайны. Рудольф искупает этот грех и разоблачает *все* тайны.

Рудольф, по отзыву г-на Шелиги, — *первый* слуга *государства* человеческого рода *(«гуманитарное государство»* шваба *Эгидиуса.* См. «Konstitutionelle Jahrbucher» доктора Карла Вейля, 1844 г., том 2).

Для того чтобы *мир не погиб,* должны, согласно утверждению г-на Шелиги,

«выступить на сцену люди беспощадной критики... Рудольф как раз *такой* человек... Рудольф постиг мысль *чистой критики.* И эта мысль плодотворнее для него и для всего человечества, чем *весь* опыт, приобретённый человечеством в его *истории,* чем *все* знания, которые Рудольф, даже под руководством самого лучшего учителя, мог почерпнуть из истории... Беспристрастный суд, которым Рудольф увековечивает своё *хождение в мир, в действительности* — не что иное, как

разоблачение тайн общества».

Он сам — «*разоблачённая тайна всех тайн*».

Рудольф имеет в своём распоряжении бесконечно большее количество *внешних* средств, чем все остальные мужи критической критики. Но она утешает себя:

«Недостижимы для менее покровительствуемого судьбой достигнутые Рудольфом *результаты»* (!), «но достижима прекрасная цель» (!).

Критика предоставляет поэтому покровительствуемому судьбой Рудольфу *осуществлять* её собственные *мысли.* Она напевает ему:

> *«Ханеман,* иди впереди,
> У тебя большие непромокаемые сапоги!»[77]

Последуем за Рудольфом в его критическом хождении в мир, которое *«плодотворнее* для *человечества,* чем *весь опыт,* приобретённый человечеством в его истории, чем *все знания»* и т. д., — последуем за Рудольфом, который *дважды* спасает мир от *гибели.*

1) КРИТИЧЕСКОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ МЯСНИКА В СОБАКУ, ИЛИ РЕЗАКА

Резака по занятию своему был мясником. Различные перипетии делают из этого могучего сына природы убийцу. Рудольф случайно наталкивается на него в ту минуту, когда Резака обижает Флёр де Мари. Рудольф наносит ловкому забияке несколько мастерских, импонирующих ударов по голове. Тем самым Рудольф снискивает уважение Резаки. После, в кабачке преступников, обнаруживается добросердечный нрав Резаки. Рудольф говорит ему: «У тебя имеются ещё сердце и честь». Этими словами он вселяет в него уважение к самому себе. Резака исправляется, или, как выражается г-н Шелига, превращается в *«моральное* существо». Рудольф берёт его под своё покровительство. Проследим совершаемый под руководством Рудольфа процесс перевоспитания Резаки.

Первая стадия. Первый урок, преподанный Резаке, заключается в обучении его лицемерию, вероломству, коварству и *притворству.* Рудольф пользуется морализованным Резакой для таких же целей, для каких *Видок* пользовался своими морализованными преступниками, т. е. он делает его *шпионом* и *агентом-провокатором.* Он даёт ему совет *«притвориться»* перед *Мастаком,* будто он изменил своему «принципу не красть», предложить этому Мастаку воровское предприятие и таким путём завлечь последнего в устроенную Рудольфом ловушку. Резака чувствует, что им хотят воспользоваться для какого-то дурного «фарса». Он выражает протест против плана заставить его сыграть роль *шпиона* и *агента-провокатора.* При помощи *«чистой» казуистики* критической критики Рудольф без особого труда убеждает этого сына природы, что скверная проделка не есть скверная проделка, если она совершается по *«добрым, моральным»* мотивам. Резака в качестве агента-провокатора под видом дружбы и доверия завлекает своего прежнего прия-

теля в гибельную для последнего западню. В *первый раз* в своей жизни он совершает *низость.*

Вторая стадия. Тут мы встречаемся с Резакой в роли *сиделки* при больном Рудольфе, которого он спас от смертельной опасности.

Резака стал столь *благопристойным моральным* существом, что из боязни запачкать ковёр отклоняет предложение врача-негра Давида сесть на пол. Он даже настолько *робок,* что не решается сесть на стул. Сначала он ставит стул спинкой на пол, а затем садится на передние ножки стула. Он не забывает извиняться каждый раз, когда называет Рудольфа, которого он спас от смертельной опасности, своим «другом» или «мосьё» вместо «монсеньёр»*.

Изумительная дрессировка беспощадного сына природы! Резака раскрывает нам сокровеннейшую тайну своего критического превращения, сознаваясь Рудольфу, что он испытывает к последнему такую же привязанность, какую *бульдог* испытывает к своему господину: «Je me sens pour vous comme qui dirait *l'attachement* d'un *bouledogue* pour *son maître».* Прежний мясник превратился в собаку. Отныне все его добродетели будут добродетелями собаки, беззаветной *«преданностью»* собаки своему господину. Его самостоятельность, его индивидуальность совершенно исчезнут. Но подобно тому как плохим живописцам приходится делать надпись на своих картинах, чтобы объяснить их содержание, так и Эжен Сю вкладывает в уста *«бульдога»*-Резаки записочку, которую тот всё время торжественно повторяет: «Два слова—у тебя есть сердце и честь—сделали меня *человеком».* До последнего издыхания Резака будет искать мотивов своих действий не в своей человеческой индивидуальности, а в этой записочке. Для доказательства своего морального усовершенствования он часто будет размышлять о своём собственном превосходстве и о дурных качествах других индивидуумов, и во всех тех случаях, когда он станет сыпать нравоучительными фразами, Рудольф будет говорить ему: «Меня радуют такие *твои речи».* Резака стал не обыкновенным, а *моральным бульдогом.*

Третья стадия. Мы уже восхищались *мещанской благопристойностью* Резаки, пришедшей на смену его *грубой,* но *смелой* бесцеремонности. Теперь мы узнаём, что он, как и подобает *«моральному существу»,* усвоил себе также походку и манеры *обывателя:*

«По его походке его можно принять за самого безобидного в мире *обывателя».*

* — титулование князей и епископов. *Ред.*

Ещё печальнее этой внешней формы то содержание, которое Рудольф вложил в его критически-реформированную жизнь. Он посылает Резаку в Африку, чтобы «явить неверующему миру живой и спасительный пример покаяния». Отныне он должен демонстрировать не свою собственную человеческую природу, а христианскую догму.

Четвёртая стадия. Критически-моральное превращение сделало Резаку смирным, осторожным человеком, поведение которого регулируется страхом и житейской мудростью.

«Резака», — сообщает Мурф, нескромная простота которого всегда выносит сор из избы, — «не сказал ни слова о расправе над Мастаком из *боязни* скомпрометировать *себя».*

Резака знает, стало быть, что расправа эта была противозаконным действием. Он не болтает об этом из боязни скомпрометировать себя. *Мудрый* Резака!

Пятая стадия. Резака настолько далеко ушёл в своём моральном усовершенствовании, что он свою *собачью* преданность Рудольфу осознаёт в цивилизованной форме. Спасши *Жермена* от смертельной опасности. Резака обращается к нему со следующими словами:

«У меня есть покровитель, который для меня — то же, что *бог* для *священников;* мне хочется броситься перед ним на колени».

И в мыслях своих он становится на колени перед своим богом.

«Г-н Рудольф», — продолжает он, обращаясь к Жермену, — «защитит Вас. Я говорю *«господин»,* хотя я должен был бы сказать *«милостивый господин».* Однако я усвоил себе привычку называть его просто *господином* Рудольфом, и он позволяет мне это».

«Какое прекрасное пробуждение, какой расцвет!»—восклицает в критическом восхищении Шелига.

Шестая стадия. Подвизаясь на поприще чистой преданности, морального бульдожества, Резака достойно завершает свой жизненный путь тем, что даёт под конец заколоть себя для спасения своего милостивого господина. В ту минуту, когда Скелет готовится вонзить нож в князя, Резака схватывает руку убийцы. Скелет закалывает его. А умирающий Резака говорит Рудольфу:

«Я был прав, когда говорил, что такая *горсть праха»* (такой бульдог), «как я, может иногда быть полезной такому, как Вы, *великому милостивому господину».*

К этому собачьему заявлению, которое в сжатом виде характеризует весь критический жизненный путь Резаки, вложенная в его уста записочка присовокупляет:

«Мы квиты, г-н Рудольф. Вы мне сказали, что у меня есть сердце и честь».

Г-н Шелига кричит изо всех сил:

«Какую заслугу приобрёл себе Рудольф тем, что возвратил *человечеству»* (?) «этого Резаку!»

2) РАЗОБЛАЧЕНИЕ ТАЙНЫ КРИТИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ, ИЛИ ФЛЁР де МАРИ*

а) СПЕКУЛЯТИВНАЯ «МАРГАРИТКА»

Ещё одно слово о спекулятивной «Маргаритке» г-на Шелиги, прежде чем мы перейдём к Флёр де Мари Эжена Сю.

Спекулятивная «Маргаритка» есть, прежде всего, некоторого рода *исправление.* Дело в том, что г-н Шелига опасается, как бы из его построения читатель не сделал того вывода, будто Эжен Сю

«отделил изображение объективной основы» (изображение «мирового порядка») «от развития действующих индивидуальных сил, могущих быть понятыми лишь в связи с этой основой».

Кроме задачи исправить у читателя это ошибочное предположение, вызванное изложением г-на Шелиги, Маргаритка выполняет ещё и другую, метафизическую миссию в «нашем эпосе», т. е. в «эпосе» г-на Шелиги.

«Мировой порядок и эпическое происшествие *не были бы ещё* художественно соединены в одно подлинно-*единое* целое, если бы они только взаимно перекрещивались в пёстрой смеси и в быстрой смене представляли перед нами то какую-нибудь частицу мирового порядка, то какое-нибудь сценическое действие. Для образования *подлинного единства* необходимо, чтобы оба элемента — тайны этого запутавшегося *мира* и ясность, прямота и уверенность, с которыми *Рудольф* проникает в них и разоблачает их,—столкнулись друг с другом в *одном* индивидууме... Маргаритка и выполняет эту задачу».

Г-н Шелига конструирует Маргаритку по аналогии с *бауэровской* конструкцией *божьей матери.*

На одной стороне стоит *«божественное» (Рудольф),* которому приписывается «всяческое могущество и свобода», единственно *деятельный* принцип. На другой стороне стоит пассивный *«мировой порядок»* и принадлежащие к нему люди. Мировой порядок составляет «почву действительного». Чтобы эта почва не оказалась «совершенно покинутой» или чтобы «не был уничтожен последний остаток естественного состояния», чтобы

* — буквально: «цветок Марии» или «цветок Мария»; по-немецки же слово «Marienblume», которым Шелига называет Флёр де Мари, означает «маргаритка». *Ред.*

сам мир имел ещё некоторую долю участия в «принципе развития», который, в противоположность миру, сосредоточил в себе Рудольф; чтобы «человеческое не было изображено как безоговорочно несвободное и недеятельное», —для всего этого г-н Шелига должен впасть в «противоречие религиозного сознания». Хотя он отрывает друг от друга мировой порядок и его деятельность, создавая дуализм мёртвой массы и критики (Рудольфа), он всё-таки вынужден снова уступить мировому порядку и массе некоторые атрибуты божественности и в лице Маргаритки конструировать спекулятивное единство обоих, Рудольфа и мира (см. «Критику синоптиков», том I, стр. 39).

Кроме действительных отношений, существующих между *домовладельцем* (действующей «индивидуальной силой») и его *домом* («объективной основой»), мистическая спекуляция, а равно и спекулятивная эстетика нуждаются ещё в третьем элементе, в *конкретном спекулятивном единстве,* в *субъекте-объекте,* который соединял бы в *одном* лице дом и домовладельца. Так как спекуляция не любит естественных опосредствований в их широкой обстоятельности, то она не замечает, что та же «частица мирового порядка»,—например, дом,—которая для одного лица,—например, для домовладельца,—составляет «объективную основу», для другого, —например, для строителя этого дома,—есть «эпическое происшествие». Критическая критика, порицающая «романтическое искусство» за его «догму единства», стремится теперь получить «подлинно-единое целое», «действительное единство», и с этой целью ставит на место природной и человеческой связи между мировым порядком и мировым событием фантастическую связь, мистический субъект-объект, подобно тому как *Гегель* на место действительной связи между человеком и природой ставит абсолютный субъект-объект, представляющий собой зараз всю природу и всё человечество, — *абсолютный дух.*

В критической Маргаритке «всеобщая вина времени, вина тайны» становится *«тайной вины»,* подобно тому как всеобщая вина тайны в лице запутавшегося в долгах лавочника становится *тайной долгов.*

По конструкции божьей матери, Маргаритка должна была бы, *собственно говоря,* быть *матерью Рудольфа,* спасителя мира. Г-н Шелига так и заявляет:

«*Логическая последовательность* требует, чтобы Рудольф был *сыном* Маргаритки».

Но так как он не сын её, а отец, то г-н Шелига открывает в этом «новую тайну, заключающуюся в том, что часто настоя-

щее порождает из своего лона не будущее, а давно умершее прошедшее». Мало того, он открывает другую, ещё большую, прямо противоречащую массовидной статистике тайну, — ту именно тайну, что «дитя, если оно не становится, в свою очередь, отцом или матерью и сходит, девственное и невинное, в могилу... *по существу своему...* есть *дочь».*

Г-н Шелига мыслит в полном согласии с гегелевской спекуляцией, когда он, «в силу *логической* последовательности», считает дочь матерью её отца. В философии истории Гегеля, как и в его натурфилософии, сын порождает мать, дух — природу, христианская религия — язычество, результат — начало.

Доказав сначала, что Маргаритка «в силу *логической* последовательности» должна была бы быть матерью Рудольфа, г-н Шелига доказывает вслед за тем противоположное: что она, «ради полного соответствия той *идее,* которую она олицетворяет собой в *нашем* эпосе, *никогда не должна стать матерью».* Это показывает, по меньшей мере, что идея нашего эпоса и логическая последовательность г-на Шелиги взаимно противоречат друг другу.

Спекулятивная Маргаритка — не что иное, как *«олицетворение идеи».* Какой же идеи? «На ней всё-таки лежит задача изобразить *как бы* последнюю горестную слезу, роняемую прошедшим перед его окончательным исчезновением». Она есть изображение аллегорической слезы, и даже то малое, что она представляет собой, она *всё-таки* представляет собой только *«как бы».*

Мы не последуем за г-ном Шелигой в его дальнейшем изображении Маргаритки. Мы предоставляем ей самой удовольствие, согласно предписанию г-на Шелиги, «образовать *самую решительную* противоположность к *кому бы то ни было», —* противоположность столь же таинственную, как свойства бога.

Мы не станем также докапываться до *«подлинной тайны»,* которая «похоронена в груди человека *богом»* и на которую спекулятивная Маргаритка «всё-таки как бы» указывает. Мы переходим от Маргаритки г-на Шелиги к Флёр де Мари Эжена Сю и к тем критическим чудотворным деяниям, которые совершает над ней целитель Рудольф.

b) ФЛЁР де МАРИ

Мы встречаем Марию среди преступников в качестве проститутки, крепостной служанки у хозяйки кабачка, в котором собираются преступники. При всей унизительности своего

положения она сохраняет человеческое благородство души, человеческую непринуждённость и человеческую красоту. Эти качества импонируют её окружению, делают её поэтическим цветком круга преступников и утверждают за ней имя Флёр де Мари.

Необходимо внимательно наблюдать Флёр де Мари начиная с её первого выступления, чтобы иметь возможность сравнить её *первоначальный образ* с *критической переделкой* его.

При всей своей хрупкости Флёр де Мари сразу же обнаруживает жизненную бодрость, энергию, весёлость, гибкость характера — такие качества, которые одни только в состоянии объяснить её человеческое развитие в условиях её *бесчеловечного* положения.

Против Резаки, который набрасывается на неё с кулаками, она защищается своими ножницами. Это — первое положение, в котором мы её встречаем. В этой сцене она выступает перед нами не как беззащитное существо, отдающееся без сопротивления во власть грубой силы, а как девушка, умеющая защищать свои права и способная выдержать борьбу.

В кабачке преступников на улице Фев она рассказывает Резаке и Рудольфу историю своей жизни. Во время своего рассказа она отвечает *смехом* на остроты Резаки. Она обвиняет себя в том, что после выхода из тюрьмы истратила заработанные ею в тюрьме 300 франков на катанье и наряды, вместо того чтобы искать работы, «но у меня не было советчиков». Воспоминание о катастрофе её жизни — о продаже себя хозяйке кабачка преступников — приводит её в грустное настроение. В первый раз в жизни она вспоминает теперь про все эти события. «В самом деле, мне становится грустно оттого, что я оглядываюсь на прошлое... Должно быть, очень хорошо быть честной». На насмешку Резаки: «Пусть она сделается честной»,—она отвечает восклицанием: «Честной, о боже! да на какие же средства, по-твоему, могу я быть честной!». Она заявляет решительно, что «не строит из себя плаксы» («je ne suis pas pleurnicheuse»), но её жизненное положение печально — «это далеко не весело». Наконец, в противоположность христианскому *покаянию,* она высказывает относительно своего прошлого следующий *стоический* и в то же время *эпикурейский* человеческий принцип, принцип свободной и сильной личности:

«В конце концов, что сделано, то сделано».

Последуем за Флёр де Мари в её первой прогулке с Рудольфом.

«Сознание твоего ужасного положения тебя, вероятно, часто мучило», —говорит Рудольф, который уже ощущает зуд завести нравоучительную беседу.

«Да», — отвечает она, — «не один раз я всматривалась в Сену через парапет набережной, но затем я направляла свои взоры на цветы, на солнце и говорила себе: река всегда будет здесь, мне же нет ещё семнадцати лет. Кто знает? В эти минуты мне казалось, что моя судьба— незаслуженная, что во мне есть нечто хорошее. Я говорила себе: меня достаточно мучили, но, по крайней мере, я никому не причинила никакого зла».

Флёр де Мари рассматривает положение, в котором она находится, не как результат своего свободного творчества, не как выражение своей личности, а как судьбу, которую она не заслужила. Эта несчастная судьба может измениться. Она ещё молода.

Добро и *зло* в понимании Марии — не *моральные абстракции* добра и зла. Она *добра* потому, что никому не причинила *страдания,* она всегда была *человечна* по отношению к бесчеловечному окружению. Она *добра* потому, что солнце и цветы открывают ей её собственную солнечную и, как цветок, невинную натуру. Она *добра,* наконец, потому, что она ещё *молода,* полна надежд и жизненной бодрости. Её положение — *недоброе,* потому что оно налагает на неё неестественное принуждение, потому что оно не есть проявление её человеческих склонностей, не есть осуществление её человеческих желаний, потому что оно мучительно и безрадостно. Мерилом её жизненного положения ей служит не *идеал добра,* а её *собственная индивидуальность, природа* её *существа.*

На лоне *природы,* где падают цепи буржуазной жизни, где Флёр де Мари свободно может проявлять свою собственную натуру, она обнаруживает поэтому такую бьющую ключом радость жизни, такое богатство ощущений, такой человеческий восторг перед красотами природы, которые доказывают, что её положение в обществе затронуло только поверхность её существа, что это положение — не больше чем злая участь и что сама она ни добра, ни зла, а только *человечна.*

«Г-н Рудольф, какое счастье!.. трава, поля!.. Если бы Вы мне позволили сойти... Здесь так хорошо... Мне так хотелось бы побегать по этим лугам!»

Выйдя из коляски, она собирает цветы для Рудольфа, «едва может говорить от радости» и т. д. и т. д.

Рудольф сообщает ей, что он отвезёт её на *ферму мадам Жорж.* Там она увидит голубятни, скотный двор и т. д.; там есть молоко, масло, фрукты и т. д. Вот настоящая *благодать* для этого ребёнка. Она будет *развлекаться*— вот её главная

мысль. «Вы даже не можете себе представить, как мне хочется развлекаться». Она самым простодушным образом говорит Рудольфу о том, что она сама виновата в своей несчастной судьбе: «Всё произошло оттого, что я не умела бережно обращаться с деньгами». Она советует ему поэтому быть бережливым и помещать свои деньги в сберегательную кассу. Её воображение целиком поглощено теми воздушными замками, которые строит ей Рудольф. Она погружается в печаль только потому, что «забыла о *настоящем»,* и «контраст между этим настоящим и мечтой о радостном, светлом существовании напоминает ей весь ужас её положения».

До сих пор мы наблюдали Флёр де Мари в её первоначальном, некритическом образе. Эжен Сю поднялся здесь над горизонтом своего ограниченного мировоззрения. Он нанёс удар предрассудкам буржуазии. А теперь он передаст Флёр де Мари в руки героя Рудольфа, чтобы загладить свою дерзость, чтобы снискать одобрение всех стариков и старух, всей парижской полиции, ходячей религии и «критической критики».

Мадам Жорж, на попечение которой Рудольф отдаёт Флёр де Мари, — несчастная, страдающая ипохондрией, религиозная женщина. Она сразу же встречает молодую девушку елейными словами, что «бог благословляет тех, которые любят и боятся его, которые были несчастны и *покаялись».* Рудольф, муж «чистой критики», призывает жалкого, поседевшего в предрассудках попа *Лапорта.* Поп этот предназначен для того, чтобы осуществить критическую переделку характера Флёр де Мари.

Мария весело и простодушно встречает старого попа. Со свойственной ему христианской грубостью *Эжен Сю* заставляет «изумительный инстинкт» нашёптывать ей на ухо, что *«стыд* кончается там, где начинаются *раскаяние* и *покаяние»,* а именно—в лоне единоспасающей церкви. Он забывает о её весёлом простодушии на прогулке, о радостном настроении, вызванном красотами природы и дружелюбным участием Рудольфа и омрачённом лишь мыслью о необходимости вернуться к хозяйке кабачка преступников.

Поп Лапорт тотчас принимает *неземную* позу. Его первым словом было:

«Милосердие *бога* неистощимо, моё дорогое дитя! Он доказал тебе это, не покинув тебя в твоих горьких испытаниях... Великодушный человек, спасший тебя от гибели, исполнил *слово Писания»* (заметьте: не человеческую цель исполнил, а слово Писания), «гласящее: господь печётся о тех, которые призывают имя его; он осуществит желания тех, кто призывает его; он услышит их стоны и спасёт их... Господь завершит *своё* дело».

Мария ещё не понимает *злонамеренного* смысла поповской проповеди. Она отвечает:

«Я буду молиться за тех, которые оказали мне милосердие и возвратили меня к богу».

Её первая мысль — *не о* боге, а о её *человеческом* спасителе, и молиться она хочет о *нём,* а не об отпущении своих *собственных* грехов. Она ожидает от своей молитвы содействия спасению других. Мало того, она ещё настолько наивна, что считает себя *уже возвратившейся* к богу. Поп считает себя обязанным разрушить эту противную вере иллюзию.

«Скоро», — прерывает он её, — «скоро ты заслужишь отпущение, отпущение твоих великих грехов... ибо, как сказал пророк, господь поддерживает всех тех, которым грозит падение».

Обратите внимание на чуждые человечности обороты в речи священника. Скоро ты заслужишь отпущение грехов! *Ещё не прощены* тебе твои грехи.

Если Лапорт при встрече с девушкой старается возбудить в ней *сознание греховности,* то Рудольф, со своей стороны, преподносит ей при прощании золотой *крест,* символ предстоящего ей *христианского распятия.*

Мария живёт уже в течение некоторого времени на ферме мадам Жорж. Подслушаем прежде всего разговор старого попа Лапорта с мадам Жорж. «Замужество» он считает для Марии невозможным, «потому что ни один мужчина, несмотря на его, Лапорта, поручительство, не отважится пренебречь прошлым, которое загрязнило её молодость». Он добавляет, что она «должна искупить большие грехи» и что «нравственное чувство должно было бы предохранить её от падения». Он доказывает возможность нравственного самосохранения, как самый низкопробный буржуа: «В Париже есть много благодетельных людей». Лицемерный священник отлично знает, что эти благодетельный люди Парижа ежечасно проходят равнодушно мимо маленьких девочек 7—8 лет, которые до полуночи продают на самых оживлённых улицах спички и т. п., как это некогда делала Мария, и будущая участь которых почти без исключения—та же, что и участь Марии.

Поп поставил своей задачей *покаяние* Марии. В душе своей он *осудил* её. Последуем за Флёр де Мари в её вечерней прогулке с Лапортом, которого она провожает домой.

«Взгляни, дитя моё», — начинает он свою елейную речь, — «на беспредельный горизонт, границы которого стали теперь незаметны для глаза» (это было вечером). «Кажется мне, что тишина и беспредельность почти дают нам идею вечности... Я говорю тебе это, Мария, потому, что ты

восприимчива к красотам творения... Я часто бывал растроган, видя, какой религиозный восторг они вызывают в тебе, — в тебе, которая так долго лишена была религиозного чувства».

Попу уже удалось превратить непосредственно-наивное восхищение Марии красотами природы в *религиозный* восторг. *Природа* для неё уже до такой степени принижена, что воспринимается ею как богоугодная, *христианизированная* природа, как *творение.* Прозрачный воздушный океан развенчан и превращён в тусклый символ неподвижной *вечности.* Мария уже постигла, что все человеческие проявления её существа были *«греховны»,* что они лишены религии, истинной благодати, что они нечестивы, безбожны. Поп должен очернить её в её собственных глазах; он должен повергнуть в прах её природные и духовные силы и дарования, чтобы сделать её восприимчивой к сверхъестественному дару, который он обещает ей, — к *крещению.*

Когда Мария хочет в чём-то признаться попу и просит его о снисхождении, он отвечает:

«Господь доказал тебе, что он милосерден».

Мария не должна видеть в снисхождении, оказываемом ей, естественное, само собой разумеющееся отношение родственного человеческого существа к ней, такому же человеческому существу, а должна усмотреть в этом какое-то мистическое, сверхъестественное, сверхчеловеческое милосердие и снисхождение, в *человеческом снисхождении* должна видеть *божественное милосердие.* Она должна превратить все человеческие и естественные отношения в потусторонние *отношения к богу.* Ответ Флёр де Мари на поповскую болтовню о божественном милосердии показывает, насколько религиозная доктрина успела уже испортить её.

Она говорит, что как только она очутилась в своём новом, лучшем положении, она чувствовала лишь своё *новое счастье:*

«Каждую минуту я думала о г-не Рудольфе. Часто я устремляла свои взоры к небесам, но искала там не бога, а г-на Рудольфа, чтобы благодарить его. Да, *я обвиняю себя в атом,* отец мой; *я думала больше о* нём, чем о боге; ибо *он* сделал для меня то, что мог бы сделать один только бог... Я была *счастлива,* так счастлива, как человек, который навсегда избежал великой опасности».

Флёр де Мари уже считает предосудительным воспринимать новое, счастливое жизненное положение просто как то, чем оно *действительно* является, как новое счастье, т. е. относиться к нему естественно, а не сверхъестественно. Она уже обвиняет себя в том, что видела в человеке, который её спас, то, чем он

действительно был, — своего спасителя, и не подставляла на его место воображаемого спасителя — *бога.* Она уже охвачена религиозным лицемерием, которое отнимает у *другого человека* то, чем я ему обязан, чтобы передать это богу, и которое вообще рассматривает всё человеческое в человеке как чуждое ему, а всё нечеловеческое в нём — как его *подлинную* собственность.

Мария рассказывает нам, что *религиозным переворотом* в своих мыслях и чувствах, в своём отношении к жизни она обязана мадам Жорж и Лапорту:

«Когда Рудольф увозил меня из города, во мне уже шевелилось смутное сознание унизительности моего положения; но воспитание, советы, примеры, полученные мной от Вас и мадам Жорж, дали мне возможность постичь... что я была более виновна, чем несчастна... Вы и мадам Жорж помогли мне *понять бесконечную глубину моей греховности».*

Это значит, что она обязана священнику Лапорту и мадам Жорж тем, что взамен человеческого, и потому выносимого, сознания унизительности своего положения она прониклась христианским, и потому невыносимым, сознанием бесконечной греховности. Поп и ханжа мадам Жорж научили её судить о себе с *христианской точки зрения.*

Мария чувствует всю мучительность того душевного состояния, в которое её ввергли. Она говорит:

«Если сознание добра и зла должно было пробудиться у меня в таком страшном виде, то почему меня не предоставили моей несчастной участи?.. Если бы меня оставили в той пропасти, где я находилась, нищета и побои очень скоро прикончили бы меня, и я, по крайней мере, умерла бы в неведении о той чистоте, которую я всегда буду тщетно желать себе».

Бессердечный поп отвечает:

«Даже самая благородная натура, если бы она хоть один день провела в той грязи, из которой тебя вытащили, вышла бы оттуда с *несмываемым клеймом на челе.* Таков *незыблемый закон божеского правосудия».*

Флёр де Мари, глубоко уязвлённая этим медоточивым *поповским проклятием,* восклицает:

«Значит, Вы видите, что я осуждена на отчаяние».

Поседевший раб религии отвечает:

«Ты должна отказаться от всякой надежды на то, чтобы вырвать из своей жизни эту печальную страницу, но ты должна надеяться на *бесконечное милосердие бога.* Здесь, *на земле,* бедное дитя моё, на твою долю выпали слезы, раскаяние, покаяние; но настанет день, когда там, *там на небесах,* ты получишь прощение и обретёшь *вечное блаженство».*

Мария ещё не настолько потеряла рассудок, чтобы найти успокоение в вечном блаженстве и прощении на небесах.

«Сжалься надо мной», — восклицает она, — «сжалься надо мной, боже! Я ещё так молода... Какая я несчастная!»

И лицемерная софистика священника достигает своей высшей точки:

«Напротив, это—твоё счастье, Мария, твоё счастье! Господь посылает тебе угрызения совести, полные горечи, но благодетельные. Они *показывают религиозную* восприимчивость твоей души... Каждое твоё страдание будет тебе зачтено на небесах. Поверь мне, бог оставил тебя на миг на дурном пути, чтобы предоставить тебе потом *славу раскаяния* и вечную награду, подобающую *покаянию».*

С этого момента Мария становится *рабой сознания своей греховности.* Если прежде она в самой злополучной обстановке сумела развить в себе черты привлекательной человеческой индивидуальности и при внешнем крайнем унижении сознавала *свою человеческую* сущность как *свою истинную сущность,* то теперь эта грязь современного общества, задевшая её снаружи, становится в её глазах её внутреннейшей сущностью, а постоянное ипохондрическое самобичевание по этому поводу делается её обязанностью, предначертанной самим богом жизненной задачей, самоцелью её существования. Если прежде она хвалилась: «Я не плакса» и говорила: «Что сделано, то сделано», то теперь самоистязание становится для неё *благом,* а раскаяние —*славой.*

Впоследствии обнаруживается, что Флёр де Мари—дочь Рудольфа. Мы встречаемся с ней снова как с принцессой Герольштейнской. Мы подслушиваем её беседу с отцом:

«Тщетно я прошу бога освободить меня от этих наваждений, наполнить моё сердце исключительно только благочестивой любовью к нему, святыми надеждами, взять меня, наконец, всю целиком, потому что я хочу вся отдаться ему... Он не внемлет моим молитвам... без сомнения, потому, что мои *земные* заботы делают меня недостойной общения с ним».

После того как человек начал рассматривать свои заблуждения как *бесконечные* преступления против бога, он может быть уверен в своём *спасении* и *милосердии* бога лишь в том случае, если *совершенно* отдаст себя богу, *совершенно* умрёт для мира и мирских интересов. После того как Флёр де Мари постигла, что освобождение из её нечеловеческого положения есть *божеское* чудо, она должна *сама* стать *святой,* чтобы быть достойной этого *чуда.* Её человеческая любовь должна превратиться в религиозную любовь, стремление к счастью в стремление к вечному блаженству, мирское удовлетворение в святую надежду, общение с людьми в общение с богом. Бог должен взять её целиком. Она сама раскрывает нам тайну, почему он не берёт её целиком. Она ещё не вся *отдалась* ему, её сердце находится

ещё во власти земных интересов. Это—последняя вспышка её здоровой натуры. Она целиком отдаётся богу, отказываясь совершенно от мира и поступая в *монастырь.*

«Тот лишь к монастырской двери
Пусть идёт, кто в должной мере
Нагрузил себя грехом,
Чтобы ночью он и днём
Мог всечасно наслаждаться —
Покаянью предаваться».
(Гёте.)[78]

В монастыре Флёр де Мари, благодаря проискам Рудольфа, получает сан *игуменьи.* Она сначала отказывается принять этот пост, считая себя недостойной его. Старая игуменья уговаривает её:

«Скажу Вам больше, моя дорогая дочь, если бы до Вашего вступления в лоно церкви Ваше существование было настолько же полно заблуждений, насколько оно, наоборот, было чисто и похвально, то *евангельские добродетели,* примеры которых Вы показали здесь со времени Вашего пребывания с нами, загладили бы и искупили в глазах всевышнего любое прошлое, каким бы греховным оно ни было».

Мы видим из слов игуменьи, что мирские добродетели Флёр де Мари превратились в евангельские добродетели, или, вернее, её действительные добродетели должны принять евангельскую, карикатурную форму.

Мария отвечает на слова игуменьи:

«Святая мать, считаю теперь возможным согласиться».

Монастырская жизнь не соответствует индивидуальности Марии: она умирает. Христианство утешает её только в воображении, или её христианское утешение есть именно уничтожение её действительной жизни и её действительного существа — её смерть.

Итак, Рудольф сначала превратил Флёр де Мари в кающуюся грешницу, затем кающуюся грешницу в монахиню и, наконец, монахиню в труп. При её погребении, кроме католического священника, надгробную речь произносит ещё *критический* священник Шелига.

Её *«невинное»* существование он называет её *«бренным»* существованием и противопоставляет его — «вечной и незабываемой вине». Он хвалит её за то, что её *«последний вздох»* был «просьбой о милосердии и прощении». Но подобно протестантскому. священнику, который, изобразив сначала необходимость благодати господней, причастность покойника к всеобщему первородному греху и силу его сознания своей греховности,

обязательно переходит затем к *светскому* восхвалению добродетелей умершего, и г-н Шелига употребляет такой оборот речи:

«И всё-таки *лично* ей не за что просить прощения».

Наконец, он бросает на могилу Марии самый увядший цветок церковного красноречия:

«Отличаясь внутренней чистотой, какая редко бывает у человека, она навеки уснула для этого мира».

Аминь!

3) РАЗОБЛАЧЕНИЕ ТАЙН ПРАВА

а) МАСТАК, ИЛИ НОВАЯ ТЕОРИЯ НАКАЗАНИЯ. РАЗОБЛАЧЁННАЯ ТАЙНА СИСТЕМЫ ОДИНОЧНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. МЕДИЦИНСКИЕ ТАЙНЫ

Мастак — преступник геркулесовского сложения и большой духовной энергии. По воспитанию своему он образованный и знающий человек. Он, страстный атлет, приходит в столкновение с законами и привычками буржуазного общества, для которого общей меркой служит посредственность, хрупкая мораль и тихая торговля. Он становится убийцей и предаётся всем излишествам, на какие только способен сильный темперамент, нигде не находящий для себя соответствующей человеческой деятельности.

Рудольф захватил этого преступника. Он хочет критически переделать его, он хочет создать из него пример для *юридического* мира. Он спорит с юридическим миром не о самом *«наказании»,* а *о роде и способе* наказания. Он изобретает—по характерному выражению врача-негра Давида — такую теорию наказания, которая была бы достойна *«величайшего немецкого криминалиста»* и которая с тех пор удостоилась даже счастья найти себе по-немецки серьёзного и по-немецки основательного защитника в лице одного немецкого криминалиста. Рудольф даже не подозревает, что можно подняться *выше* криминалистов; его честолюбие направлено на то, чтобы стать *«величайшим криминалистом»,* primus inter pares*. Он приказывает врачу-негру Давиду *ослепить* Мастака.

Сначала Рудольф повторяет все тривиальные возражения против смертной казни: она-де не производит никакого действия на преступника, не производит никакого действия на народ, для которого она служит только развлекательным зрелищем.

* — первым среди равных. *Ред.*

Далее Рудольф устанавливает различие между Мастаком и *душой* Мастака. Он заботится не о спасении человека, *действительного* Мастака, а о *духовном спасении* его *души.*

«Спасение души», — поучает он, — «святое дело... Каждое преступление, сказал спаситель, может быть *искуплено,* но только тем, кто серьёзно стремится к раскаянию и *покаянию.* Переход от суда к эшафоту слишком короток... Ты» (Мастак) «преступным образом злоупотреблял своей *силой.* я *парализую* твою силу... Ты будешь дрожать перед самым слабым... твоё наказание будет равно твоему преступлению... но это страшное наказание оставит тебе, по крайней мере, безграничный горизонт *покаяния...* Я тебя отделю только от внешнего мира, чтобы ты, *наедине с* воспоминанием о твоих позорных деяниях, погрузился в непроницаемый мрак ночи... Ты вынужден будешь заглянуть в себя... Твоё сознание, тобой униженное, проснётся и приведёт тебя к покаянию»,

Так как Рудольф считает *душу святой, тело* же человека *нечестивым;* так как он, следовательно, только душу рассматривает как истинное существо, потому что она, согласно критическому описанию человечества у г-на Шелиги, принадлежит небу, — то тело Мастака, его сила не принадлежит человечеству; жизненное проявление этой силы не должно быть преобразовано в человеческом смысле, не должно быть возвращено человечеству; с ней не следует обращаться как с чем-то по существу человеческим. Мастак злоупотреблял своей силой, Рудольф парализует, калечит, уничтожает эту силу. Не существует более *критического* средства освободиться от извращённых проявлений какой-нибудь человеческой сущностной силы, чем уничтожение этой сущностной силы. Это и есть христианское средство, когда вырывают глаз, если глаз вводит в соблазн, отсекают руку, если рука вводит в соблазн, — одним словом, убивают тело, если тело вводит в соблазн, ибо глаз, рука, тело суть собственно только излишние, греховные придатки человека. Необходимо умертвить человеческую природу, чтобы излечить её болезни. Массовидная юриспруденция, не расходясь в данном случае с «критической», тоже считает *калечение,* парализование человеческих сил противоядием против разрушительных проявлений этих сил.

Рудольфа, мужа чистой критики, смущает в обыденной криминалистике лишь слишком быстрый переход от суда к эшафоту. Он хочет, напротив, соединить *месть* преступнику с *покаянием* его и *осознанием им своей греховности,* физическое наказание с духовным, чувственные муки с нечувственными муками раскаяния. Мирское наказание должно быть в то же время христиански-моральным воспитательным средством.

Эта теория наказания, соединяющая *юриспруденцию* с *теологией,* эта «разоблачённая тайна тайны» есть не что иное, как теория наказания *католической* церкви, как это пространно показал уже *Бентам* в своём труде «Теория наказаний и наград». В том же сочинении Бентам доказал также моральную неэффективность нынешних наказаний. Он называет предусмотренные законом наказания *«судебными пародиями».*

Наказание, которому Рудольф подвергает Мастака, —то же, которому подверг сам себя *Ориген.* Рудольф *оскопляет* Мастака, лишает его одного *производительного органа*—глаза. «.Глаз—это светоч тела». То, что Рудольф прибегает именно к *ослеплению,* делает честь его религиозному инстинкту. Это то самое наказание, которое было обычным во всецело христианской Византийской империи и которое процветало в полный сил юношеский период христианско-германских государств Англии и Франции. Отделение человека от чувственного внешнего мира, насильственное погружение его в его абстрактный внутренний мир с целью заставить его исправиться — ослепление — есть необходимый вывод из христианской доктрины, согласно которой полное осуществление этого отделения, чистое изолирование человека от мира и сосредоточение его на его спиритуалистическом «я» есть *само благо.* Если Рудольф не помещает Мастака в настоящий монастырь, как это делалось в Византии и во Франкском государстве, то он заточает его, по крайней мере, в идеальный монастырь, в монастырь непроницаемой ночи, не нарушаемой светом внешнего мира, — в монастырь бездеятельной совести и сознания своей греховности, населённый только призрачными воспоминаниями.

Некоторый спекулятивный стыд не позволяет г-ну Шелиге открыто признать теорию наказания своего героя Рудольфа, соединение мирского наказания с христианским раскаянием и покаянием. Вместо этого он подсовывает ему, — разумеется, тоже как впервые разоблачаемую перед миром тайну, — теорию, согласно которой наказание должно делать преступника *«судьёй»* над его *«собственным»* преступлением.

Тайна этой разоблачённой тайны есть *гегелевская* теория наказания. По Гегелю, наказание есть приговор, который преступник произносит над самим собой. *Ганс* пространнее развил эту теорию. У Гегеля эта теория является *спекулятивным покрывалом* древнего *jus talionis*[*]*,* которое *Кант* развил как *единственную правовую* теорию наказания. У Гегеля самоосуждение преступника остаётся только *«идеей»,* спекулятивным

[*] — права возмездия по принципу: око за око. *Ред.*

истолкованием *ходячих эмпирических уголовных наказаний.* Поэтому выбор формы наказания он предоставляет каждой данной ступени развития государства, т. е. он оставляет наказание таким, каким оно существует. Именно в этом он является большим критиком, чем его критический подголосок. Такая теория *наказания,* которая в преступнике признаёт в то же время *человека,* может это делать только в *абстракции,* в воображении, именно потому, что *наказание, принуждение* противоречат *человеческому* образу действий. Кроме того практическое осуществление такой теории оказалось бы невозможным. Место абстрактного закона занял бы чисто субъективный произвол, ибо от усмотрения официальных «почтенных и благопристойных» особ зависело бы, как в каждом отдельном случае сообразовать наказание с индивидуальностью преступника. Уже Платон понимал, что *закон* должен быть односторонним и должен *абстрагироваться* от индивидуальности. Напротив, при *человеческих* отношениях наказание *действительно* будет не более как приговором, который провинившийся произносит над самим собой. Никому не придёт в голову убеждать его в том, что *внешнее насилие,* произведённое над ним другими, есть насилие, произведённое им самим над собой. В *других* людях он, напротив, будет встречать естественных спасителей от того наказания, которое он сам наложил на себя, т. е. отношение будет прямо-таки противоположным.

Рудольф высказывает свою сокровенную мысль, —т. е. открывает цель ослепления,—говоря Мастаку:

«Каждое твоё слово будет молитвой».

Он хочет научить его *молиться.* Он хочет превратить разбойника-геркулеса в *монаха,* вся работа которого будет заключаться в молитвах. Как гуманна в сравнении с этой христианской жестокостью обычная теория наказания, которая просто обезглавливает человека, когда желает уничтожить его. Наконец, само собой разумеется, что всякий раз, когда действительное массовидное законодательство серьёзно ставило себе задачу исправления преступников, оно поступало несравненно разумнее и гуманнее, чем этот немецкий Харун-ар-Рашид. Четыре голландские земледельческие колонии, оствальдовская колония преступников в Эльзасе представляют собой истинно человеческие попытки по сравнению с ослеплением Мастака. Точно так же, как Рудольф убивает Флёр де Мари, отдавая её на растерзание попу и внушённому ей сознанию своей греховности, как он убивает Резаку, лишая его человеческой самостоятельности и отводя ему унизительную роль бульдога, — точно так

же он убивает Мастака, выкалывая ему глаза с целью научить его *«молиться».*

Впрочем, так выглядит всякая действительность после *«простой»* переработки её *«чистой критикой»,* а именно, как искажение действительности и как *бессмысленная абстракция* от действительности.

Согласно г-ну Шелиге, тотчас после ослепления Мастака совершается *моральное чудо:*

«Страшный Мастак», — сообщает нам Шелига, — *«внезапно* признаёт силу честности и прямодушия; он говорит Резаке: *Да, тебе я доверяю, ты никогда не воровал».*

К несчастью, у Эжена Сю сохранилось замечание Мастака о Резаке, которое содержит точно такое же признание, но никоим образом не может быть следствием ослепления, так как оно *предшествовало* последнему. Мастак, оставшись с глазу на глаз с Рудольфом, говорит ему о Резаке:

«Впрочем, он не способен продать друга. Нет, в нём есть что-то хорошее... у него всегда были какие-то странные идеи».

Этим сводится к нулю моральное чудо г-на Шелиги. Рассмотрим теперь *действительные* результаты *критических* деяний Рудольфа-целителя.

Прежде всего, мы видим Мастака совершающим вместе с Сычихой поездку в имение Букваль с целью учинить там пакость Флёр де Мари. Мысль, владеющая им, есть, конечно, мысль о *мести* Рудольфу, и он может мстить ему только метафизически, придумывая и разрабатывая в своём представлении, назло Рудольфу, одно лишь *«дурное».* «Он лишил меня зрения, но не лишил меня мысли о зле». Мастак рассказывает Сычихе, почему он велел разыскать её:

«Я *скучал,* будучи совершенно одиноким среди этих честных людей».

Если Эжен Сю в своём монашеском, своём скотском пристрастии к человеческому *самоунижению* доходит до того, что заставляет Мастака ползать на коленях перед старой ведьмой Сычихой и маленьким чертёнком Хромушкой, умоляя их не покидать его, то этот великий моралист забывает, что тем самым он доставляет Сычихе дьявольское самоудовлетворение. Подобно тому как Рудольф *насильственным ослеплением* преступника доказал последнему могущество *физического насилия,* в ничтожности которого он хотел его убедить, точно так же здесь Эжен Сю научает Мастака признавать надлежащим образом могущество *полной чувственности.* Он научает его понимать, что без этой последней человек *перестает быть муж-*

чиной и становится беззащитной мишенью для насмешек детей. Он убеждает его в том, что мир заслужил его преступления, потому что стоило ему только потерять зрение, чтобы подвергнуться истязаниям со стороны этого мира. Сю лишает Мастака последней человеческой иллюзии, ибо Мастак верил в привязанность к нему Сычихи. Он сказал однажды Рудольфу: «Она бросится за меня в огонь». Но зато Эжен Сю добивается того, что, к его полному удовлетворению, Мастак в порыве крайнего отчаяния восклицает:

«Боже мой, боже мой, боже мой!»

Он научился *«молиться»!* И г-н Сю видит «в этом *непроизвольном* обращении к божественному милосердию руку провидения».

Первым следствием рудольфовой критики является эта *непроизвольная молитва.* Непосредственно за ней следует *недобровольное покаяние* на ферме в Буквале, где Мастак видит во сне призраки убитых им людей.

Мы опустим подробнейшее описание этого сновидения и обратимся к сцене в погребе «Красной руки», где мы находим критически реформированного Мастака, закованного в цепи, полусъеденного крысами, полумёртвого от голода, рычащего, как зверь, готового сойти с ума от истязаний Сычихи и Хромушки. Хромушка отдал в его руки Сычиху. Посмотрим на Мастака в тот момент, когда он совершает свою операцию над Сычихой. Он не только внешним образом *копирует* героя *Рудольфа,* выцарапывая у Сычихи *глаза,* но и *морально* подражает ему, повторяя лицемерные речи Рудольфа и украшая своё жестокое действие ханжескими фразами. Как только Сычиха очутилась во власти Мастака, он выражает «ужасающую радость»; его голос дрожит от бешенства.

«Ты отлично понимаешь», — говорит он, — «что я не хочу покончить с тобой тотчас же... Пытка за пытку... Мне необходимо долго говорить с тобой, прежде чем убить тебя... Для тебя это будет ужасно. Прежде всего, видишь ли... с того времени, как мне приснился тот сон на ферме в Буквале, — сон, в котором перед моим взором предстали все наши преступления, сон, который чуть не свёл меня с ума... который сведёт меня с ума... с того времени во мне произошла странная перемена... Я ощутил ужас перед своей прежней жестокостью... Я не позволил тебе мучить Певунью*, но то были ещё пустяки... Ты заманила меня в этот погреб, ты обрекла меня здесь на холод и голод... Ты оставила меня одного с моими ужасными мыслями... О, ты не знаешь, что значит быть одиноким... Одиночество очистило мою душу. Я не считал бы это возможным... Доказательством того, что я, быть может, менее преступен, нежели раньше, является то, что я испытываю безграничную радость, держа тебя здесь...

* — т. е. Флёр де Мари. *Ред.*

тебя, чудовище... держа тебя не для того, чтобы мстить за себя, но... но чтобы отомстить за наши жертвы... Да, я исполню свой долг, наказав собственными руками свою сообщницу... Мне страшно теперь за мои прежние убийства, и тем не менее — не находишь ли ты это странным? — я без всякого страха, с полным спокойствием совершу над тобой ужасное убийство с ужасными утончённостями... Скажи же... скажи же... понимаешь ты это?»

В этих немногих словах Мастак пробегает всю гамму *моральной казуистики.*

Его первые слова являются *откровенным* выражением жажды мести. Он обещает пытку за пытку. Он хочет убить Сычиху, он хочет удлинить её предсмертные муки при помощи длинной проповеди, и—какая изумительная софистика!—речь, которой он её истязает, есть *моральная проповедь.* Он утверждает, что сон в Буквале исправил его. Вместе с тем он раскрывает перед нами подлинное действие этого сна, сознаваясь, что чуть не сошёл с ума, что сон этот ещё сведёт его с ума. В доказательство своего исправления он приводит тот факт, что он воспрепятствовал истязанию Флёр де Мари. У Эжена Сю действующие персонажи (Резака, Мастак) должны выдавать его собственное писательское намерение, побуждающее его заставить их действовать так, а не иначе, за результат *их собственного* размышления, за сознательный мотив их действия. Они должны постоянно твердить: вот в этом я исправился, в том ещё и в том и т. д. Так как они не живут действительно содержательной жизнью, то им ничего не остаётся, как усиленно подчёркивать в своих речах значение незначительных поступков, как в данном случае — защиты Флёр де Мари.

Оповестив нас о *благодетельном* действии сновидения в Буквале, Мастак должен ещё объяснить нам, почему Эжен Сю запер его в погребе. Он должен показать, что автор романа поступил разумно. Он должен сказать Сычихе: Тем, что ты меня заперла в погребе, тем, что ты отдала меня на съедение крысам, тем, что ты обрекла меня на голод и жажду, — всем этим ты завершила моё исправление. Одиночество *очистило мою* душу.

Звериное рычанье, неистовое бешенство, страшная жажда мести, которыми Мастак встречает Сычиху, являются злой насмешкой над этой моральной фразеологией. Они раскрывают перед нами характер тех размышлений, которым Мастак предавался в своей темнице.

Мастак и сам как будто чувствует это, но как *критический моралист* он умеет примирить эти противоречия.

Именно свою «безграничную радость» от того, что Сычиха очутилась в его власти, он провозглашает признаком своего исправления. Его жажда мести—не *естественная* жажда

мести, а *моральная.* Он хочет отомстить не за себя, а за общие *жертвы*— свои и Сычихи. Убивая её, он не совершает *убийства,* а исполняет *долг.* Он не *мстит* ей, а в качестве беспристрастного судьи *наказывает* свою сообщницу. Он испытывает чувство ужаса перед своими прошлыми убийствами, и тем не менее (он сам удивляется своей казуистике), и тем не менее он спрашивает Сычиху: Не находишь ли ты это странным, — я убью тебя без всякого страха, с полным спокойствием! По не указанным моральным причинам он в то же время наслаждается картиной убийства, которое он намерен совершить, «ужасного убийства», «убийства с ужасными утончённостями».

Тот факт, что Мастак убивает Сычиху, вполне отвечает его характеру, в особенности после того, как она проявила такую жестокость по отношению к нему. Но то, что убийство это он совершает по моральным мотивам, что он даёт моральное толкование своей варварской радости по поводу предстоящего «ужасного убийства» и его «ужасных утончённостей», что своё раскаяние в совершённых раньше убийствах он доказывает как раз совершением нового убийства, что он из простого убийцы превращается в *двусмысленного, морального убийцу,*— всё это является славным результатом критических деяний Рудольфа-целителя.

Сычиха пытается выскользнуть из рук Мастака. Он замечает это и держит её крепко.

«Постой-ка, Сычиха, я должен тебе рассказать до конца, каким образом я постепенно дошёл до того, что покаялся... Тебе будет пренеприятно это объяснение... и оно тебе докажет, что я должен быть безжалостен в той мести, которую я собираюсь совершить над тобой во имя наших жертв... Мне нужно поспешить... Радость от сознания, что я держу тебя в руках, волнует мою кровь... У меня хватит времени сделать для тебя ужасным приближение смерти, заставляя тебя слушать меня... Я слеп... и моя мысль принимает телесную форму, чтобы беспрестанно рисовать перед моим воображением видимым, почти осязаемым образом... черты моих жертв. Идеи почти материально запечатлеваются в моём мозгу. Когда к раскаянию присоединяется ужасающее по своей строгости искупление... искупление, которое превращает пашу жизнь в долгую бессонную ночь, наполненную мстительными галлюцинациями или размышлениями отчаявшегося ума... быть может, тогда вслед за угрызениями совести и покаянием приходит прощение людей».

Мастак продолжает свои лицемерные разглагольствования, которые каждую минуту выдают своё лицемерие. Сычиха должна выслушать, как он шаг за шагом дошёл до раскаяния. Этот рассказ ей будет пренеприятен, ибо он докажет, что его *долгом* является беспощадно отомстить ей не за себя самого, а во имя их общих жертв. Внезапно Мастак прерывает свою дидактическую лекцию. Ему необходимо, как он выражается, «поспешить» со своей лекцией, потому что его радость от сознания,

что он держит её в руках, слишком волнует кровь в его жилах: моральная причина для сокращения лекции. Затем он снова успокаивает свою кровь. Ведь то долгое время, в течение которого он читает ей мораль, не потеряно для его мести: оно «сделает для неё ужасным приближение смерти». Ещё одна моральная причина продолжать проповедь! И на основании этих моральных причин Мастак может преспокойно вернуться к тому месту своей проповеди, на котором он её на миг прервал.

Мастак правильно описывает состояние человека, изолированного от внешнего мира. Человек, для которого *чувственный мир* превратился в *голую идею,* превращает, обратно, голые идеи в *чувственные существа.* Призраки его воображения принимают телесную форму. В его представлении образуется мир осязаемых, ощущаемых призраков. В этом именно заключается тайна всех благочестивых видений, это есть в то же время общая форма безумия. Мастак, повторяющий фразы Рудольфа о «могуществе раскаяния и покаяния, соединённых со страшными муками», повторяет их поэтому уже как полупомешанный, наглядно доказывая на своём примере, что между христианским сознанием греховности и безумием существует действительная связь. Точно так же Мастак, рассматривая превращение *жизни* в полную призраков *ночь сновидений* как истинное следствие раскаяния и покаяния, раскрывает перед нами истинную тайну чистой критики и христианского исправления. Тайна эта заключается в том именно, что человек превращается в призрак, а жизнь его — в ряд *сновидений.*

Эжен Сю чувствует в этом месте, насколько поведение слепого разбойника по отношению к Сычихе компрометирует то *душеспасительные мысли,* которые Рудольф внушил Мастаку. Он влагает поэтому в уста Мастака следующие слова:

«Спасительное влияние этих мыслей таково, что бешенство мое утихает».

Мастак сознаётся, следовательно, что его *моральное негодование* было не чем иным, как *бешенством самого земного свойства.*

«У меня не хватает... мужества... силы... решимости убить тебя... нет, я не могу пролить твою кровь... это было бы... *убийством...»* (он называет вещь её настоящим именем) «... быть может, простительным убийством... но всё-таки это было бы убийством».

Воспользовавшись подходящим моментом, Сычиха ранит Мастака своим кинжалом. Теперь Эжен Сю может ему разрешить убить Сычиху без дальнейшей моральной казуистики.

«Он вскрикнул от боли... Это неожиданное нападение вмиг пробудило в нём и зажгло страшным огнём всю его затихшую было жажду

мести, весь его неистовый гнев, все его кровожадные инстинкты. В одном бурном порыве всё это с внезапной, страшной силой вырвалось наружу. Ум его, уже раньше потрясённый, окончательно помутился... О, змея!.. Я почувствовал твои зубы... Ты будешь так же, как я, *без глаз...»*

Он выцарапывает ей глаза.

В ту минуту, когда натура Мастака, лишь лицемерно и софистически приукрашенная, лишь аскетически подавленная усилиями Рудольфа-целителя, бурно прорывается наружу и производит *взрыв,* этот взрыв оказывается тем разрушительнее и ужаснее. Признание Эжена Сю, что разум Мастака был уже достаточно потрясён всеми событиями, подготовленными Рудольфом, заслуживает благодарности.

«Последний луч его разума погас в этом крике ужаса, в этом крике осуждённого...» (он видит призраки убитых им людей). «Мастак бушует и рычит, как *беснующийся вверь...* Он замучивает Сычиху до смерти».

Г-н Шелига бормочет себе под нос:

«С Мастаком не может произойти столь *быстрое»* (!) «и *счастливое»* (!) *«превращение»* (!), «как с *Резакой».*

Как Рудольф сделал Флёр де Мари обитательницей монастыря, так он делает Мастака обитателем дома умалишённых — *Бисэтра.* Рудольф парализовал не только его физическую, но и его *духовную* силу. И не без основания: ибо Мастак грешил не только своей физической силой, но и духовной, а по теории наказания Рудольфа *греховные силы* подлежат уничтожению.

Но и тут у г-на Эжена Сю ещё не завершены до конца «покаяние и раскаяние, связанные с ужасной местью». К Мастаку снова возвращается рассудок; но из боязни попасть в руки правосудия он остаётся в Бисэтре, *притворяясь* сумасшедшим. Г-н Сю забывает, что «каждое его слово должно было быть *молитвой»,* между тем как, в конце концов, его речи оказываются нечленораздельным завыванием и бредом сумасшедшего. Или, быть может, г-н Сю ироническим образом ставит подобное проявление жизни на *одну* доску с молитвой?

Та идея наказания, которая нашла себе применение в ослеплении Мастака по приказу Рудольфа, — это изолирование человека от внешнего мира и насильственное погружение его в глубокое душевное одиночество, соединение юридического наказания с теологическим мучительством, — в наиболее резкой форме осуществлена в *системе одиночного заключения.* Поэтому г-н Сю и воспевает систему одиночного заключения;

«Сколько столетий прошло, прежде чем люди поняли, что существует *только одно* средство побороть угрожающую социальному организму,

быстро распространяющуюся заразу» (а именно, испорченность нравов в тюрьмах); «это— изоляция преступника».

Г-н Сю разделяет мнение тех достопочтенных людей, которые объясняют распространение преступлений устройством тюрем. Чтобы избавить преступника от дурного общества, они оставляют его в обществе с самим собой.

Г-н Эжен Сю заявляет:

«Я счёл бы себя счастливым, если бы мой слабый голос услышан был среди голосов всех тех, которые со столь несомненным правом и с такой настойчивостью добиваются *полного* и *абсолютного* применения системы одиночного заключения».

Желание г-на Сю осуществилось лишь *частично.* На нынешней сессии палаты депутатов, при обсуждении вопроса о системе одиночного заключения, даже официальные защитники этой системы вынуждены были признать, что она рано или поздно приводит к умопомешательству заключённого. Поэтому все наказания, превышающие десятилетний срок тюремного заключения, пришлось заменить ссылкой.

Если бы г-н Токвиль и г-н Бомон основательно изучили роман Эжена Сю, они, без сомнения, добились бы полного и абсолютного применения системы одиночного заключения.

Если преступников, находящихся ещё в здравом уме, Эжен Сю лишает какого бы то ни было общества, чтобы сделать их сумасшедшими, то сумасшедшим он, наоборот, доставляет общество людей, чтобы возвратить им рассудок:

«Опыт показывает, что одиночество настолько же гибельно для сумасшедших, насколько оно спасительно для находящихся в тюремном заключении преступников».

Если г-н Сю и вместе с ним его критический герой Рудольф не сумели ни посредством *католической теории наказания,* ни посредством *методистской системы одиночного заключения* сделать *право* беднее хотя бы на одну тайну, то зато они обогатили медицину новыми тайнами, а ведь в конечном итоге *открытие новых* тайн является такой же заслугой, как и *разоблачение старых* тайн. В полном согласии с г-ном Сю критическая критика сообщает по поводу ослепления Мастака:

«Он даже не верит, когда ему говорят, что он лишён света своих очей».

Мастак не мог верить в потерю зрения, потому что он действительно ещё видел. Г-н Сю описывает новый вид катаракты, он сообщает такие вещи, которые действительно являются тайной для массовидной, некритической *офтальмологии.*

Зрачок после операции принимает *белую* окраску. Очевидно, мы имеем дело с *бельмом хрусталика.* До сих пор такого рода

бельмо можно было, правда, вызвать путём поражения хрусталиковой сумочки, и при этом почти без боли, хотя и не совсем безболезненно. Но так как медики достигают этого результата только *естественным,* а не *критическим* способом, то ничего другого не оставалось, как, причинив поранение, подождать воспаления с его пластическим выпотом, чтобы получить помутнение хрусталика.

Ещё большее *чудо* и ещё большая *тайна* приключаются с Мастаком в третьей главе третьего тома.

Ослепший вновь обретает зрение:

«Сычиха, Мастак и Хромушка *увидели* священника и Флёр де Мари».

Если мы не хотим, по примеру «Критики синоптиков», истолковать это явление как *сочинённое писателем чудо,* то мы должны будем допустить, что Мастак снова подверг операции своё бельмо. Впоследствии он снова оказывается слепым. Он, стало быть, слишком рано открыл свой глаз, световое раздражение вызвало воспаление, которое привело к поражению *сетчатой оболочки* и к неизлечимой *слепоте.* То, что здесь весь этот процесс занял всего *одну* секунду, составляет новую *тайну* для некритической офтальмологии.

b) НАГРАЖДЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ. ДВОЙНАЯ ЮСТИЦИЯ (с таблицей)

Герой Рудольф раскрывает нам новую теорию, ставящую себе целью поддержание общества путём *награждения добрых* и *наказания злых.* С некритической точки зрения теория эта — не что иное, как теория современного общества. Разве мало в нём наград для добрых и наказаний для злых? По сравнению с этой разоблачённой тайной — сколь некритичным является массовидный коммунист *Оуэн,* усматривающий в системе наград и наказаний освящение различных ступеней общественной иерархии и завершённое выражение рабской униженности.

Новым разоблачением может показаться то, что Эжен Сю отдаёт распределение наград в руки юстиции—особого дополнения к уголовной юстиции — и, не довольствуясь *одной* юрисдикцией, изобретает *двойную.* К сожалению, и эта разоблачённая тайна — не больше, как повторение старого учения, пространно изложенного в вышеназванной книге *Бентама.* Нельзя, однако, отказать г-ну Эжену Сю в чести несравненно более критической разработки и мотивировки своего предложения, нежели это сделано Бентамом. В то время как массовидный англичанин всецело остаётся на грешной земле,

дедукция г-на Сю возносится в критическую сферу небес. Г-н Сю рассуждает следующим образом:

«Чтобы устрашать злых, люди облекают в материальную форму предвосхищаемые ими проявления небесного гнева. Почему бы не облекать аналогичным образом в материальную форму божеское награждение добрых и не предвосхищать это вознаграждение на земле?»

Согласно *некритическому* воззрению, дело происходит как раз наоборот: в небесной теории криминалистики идеализирована лишь земная теория, подобно тому как в представлении о божеском вознаграждении идеализирована лишь человеческая наёмная служба. Если общество вознаграждает не всех добрых, то это так и должно быть, чтобы божеская справедливость могла всё же иметь некоторое преимущество перед человеческой справедливостью.

В своём изображении критически награждающей юстиции г-н Эжен Сю являет нам «пример того *женского»* (заклеймённого г-ном Эдгаром с полным «спокойствием познавания» в лице Флоры Тристан) *«догматизма,* который не может обойтись без формулы и образует её себе из категорий *существующего».* Г-н Эжен Сю присовокупляет к каждому пункту существующей *уголовной юстиции,* которую он целиком сохраняет, в точности скопированный с него соответствующий пункт *награждающей юстиции.* Для наглядности мы изобразим проектируемую им систему вместе с соответствующими пунктами уголовной юстиции в виде таблицы (см. следующую страницу).

Г-н Сю, взволнованный представившейся его воображению картиной, восклицает:

«Увы, это утопия! Но предположите, что какое-нибудь общество *организовано* таким именно образом!»

Это была бы, следовательно, *критическая организация общества,* Мы вынуждены взять под свою защиту такого рода организацию против упрёка Эжена Сю, будто она оставалась до сих пор всего лишь утопией. Сю совершенно забыл про *«премии за добродетель»,* которые ежегодно раздаются в Париже и о которых он сам упоминает. Премии эти организованы даже двояким образом: материальная премия, *премия Монтиона,* за благородные деяния мужчин и женщин, и премия rosiere* для девиц совершеннейшей нравственности. Здесь дело даже не обходится без требуемого Эженом Сю *венца* из роз.

Что касается шпионского наблюдения за добродетелью, равно как и надзора высшего морального милосердия, то всё

* — rosiere — непорочная девушка, награждаемая за добродетель венком из роз. *Ред.*

Таблица критически завершённой юстиции

Существующая юстиция	*Критически дополняющая юстиция*
Название: *Уголовная* юстиция.	Название: *Добродетельная* юстиция.
Приметы: держит в руке *меч,* чтобы делать злых на голову короче.	Приметы: держит в руке *венец,* чтобы делать добрых на голову выше.
Цель: Наказание злых, тюремное заключение, лишение чести, лишение жизни. Народ узнаёт о страшном наказании, уготованном для злых.	Цель: Награждение добрых, бесплатное питание, почести, поддержание жизни. Народ узнаёт о блестящем триумфе, уготованном для добрых.
Средства обнаружения злых: Полицейский шпионаж, сыщики, чтобы выслеживать злых.	Средства обнаружения добрых: Шпионское наблюдение за добродетелью, сыщики, чтобы выслеживать добродетельных.
Решение вопроса о том, принадлежит ли данное лицо к числу злых: Les assises du crime, суд присяжных для разбора преступлений. Министерство сигнализирует и доносит о преступлениях подсудимого, предавая их публичной мести.	Решение вопроса о том, принадлежит ли данное лицо к числу добрых: Assises de la vertu, суд присяжных для разбора добродетелей. Министерство сигнализирует и доносит о благородных поступках подсудимого, предавая их публичной признательности.
Состояние преступника после приговора: Он находится под надзором высшей полиции. Его кормят в тюрьме. Государство несёт расходы на него.	Состояние добродетельного после приговора: Он находится под надзором высшего морального милосердия. Его кормят в его собственном доме. Государство несёт расходы на него.
Исполнение приговора: Преступник стоит на *эшафоте.*	Исполнение приговора: Прямо против эшафота для преступников возвышается *пьедестал,* на который восходит великий муж добра, — *столп добродетели.*

это давно организовано иезуитами. Кроме того, газеты «Journal des Debats»[79], «Siecle»[80], «Petites affiches de Paris»[81] и др. по сходной цене ежедневно сигнализируют и доносят о добродетелях, благородных поступках и заслугах всех парижских биржевых спекулянтов, не говоря уже о том, что каждая партия имеет свой собственный орган для сигнализирования и донесения о политических благородных деяниях своих членов.

Ещё старый Фосс заметил, что Гомер лучше своих богов. Мы можем поэтому сделать ответственным за идеи Эжена Сю «разоблачённую тайну всех тайн» — Рудольфа.

Сверх того, г-н *Шелига* сообщает нам:

«В романе Эжена Сю встречаются кроме того частые отступления от главной нити рассказа, различные вставки и эпизоды,—и всё это представляет собой *критику»*.

c) УСТРАНЕНИЕ ОДИЧАНИЯ СРЕДИ ЦИВИЛИЗАЦИИ И БЕСПРАВИЯ В ГОСУДАРСТВЕ

Юридическое *предупредительное средство* для устранения преступлений и вместе с тем одичания среди цивилизации заключается в «охранительной опеке государства над детьми казнённых преступников и лиц, приговорённых к пожизненным наказаниям». Сю желает организовать распределение преступлений более либеральным способом. Отныне ни одна семья не должна обладать наследственной привилегией на преступление, свободная конкуренция преступлений должна взять верх над монополией.

«Бесправие в государстве» г-н Сю упраздняет путём реформы того раздела французского уголовного кодекса, который трактует о «злоупотреблении доверием», и особенно путём назначения *получающих постоянное жалованье адвокатов для бедных.* Поэтому г-н Сю считает бесправие упразднённым в Пьемонте, Голландии и других государствах, где уже существуют адвокаты для бедных. Французское законодательство, по мнению г-на Сю, имеет только тот недостаток, что оно не предусматривает постоянного жалованья для адвокатов, обслуживающих бедных, не обязывает их обслуживать только бедных и слишком суживает устанавливаемые законом рамки бедноты. Как будто бесправие не начинается как раз в самом судебном *процессе* и как будто во Франции не известно уже с давних пор, что *право* само по себе ничего не даёт, а только санкционирует существующие отношения. Ставшее уже тривиальным различение *права* и *факта* осталось, повидимому, «парижской тайной» для критического романиста.

Если к критическому разоблачению правовых тайн присовокупить ещё те великие реформы, которые Эжен Сю хочет произвести в отношении *судебных исполнителей,* то можно будет понять парижскую газету «Satan»[82], на столбцах которой обитатели одного из кварталов города обращаются к этому «великому реформатору-строчкогону» с жалобой на то, что на их улицах ещё нет газового освещения. Г-н Сю отвечает, что он поможет этой беде в шестом томе своего «Вечного жида». Другой квартал жалуется на недостатки начального обучения. Г-н Сю обещает осуществить реформу начального обучения для этого квартала в десятом томе своего «Вечного жида».

4) РАЗОБЛАЧЁННАЯ ТАЙНА «ТОЧКИ ЗРЕНИЯ»

«Рудольф не останавливается на своей возвышенной» (!) *«точке зрения...* Он не жалеет труда, чтобы по свободному выбору усваивать себе *точки зрения* справа и слева, наверху и внизу» *(Шелига).*

Одну из главных тайн критической критики составляет *«точка зрения»* и *суждение с точки зрения точки зрения.* Каждый человек, как и каждый духовный продукт, превращается в её глазах в точку зрения.

Нет ничего легче, как проникнуть в тайну точки зрения, если только вы однажды постигли общую тайну критической критики, заключающуюся в том, чтобы заново подогревать старую спекулятивную дребедень.

Пусть, прежде всего, сама критика устами патриарха, г-на *Бруно Бауэра,* выскажется о своей теории «точки зрения».

«Наука... *никогда не* имеет дела с *данным отдельным индивидуумом* или с *данной определённой точкой зрения...* Она, конечно, не преминет *упразднить пределы какой-нибудь точки зрения,* если только это заслуживает труда и пределы эти действительно имеют общечеловеческое значение; но она рассматривает их как *чистую категорию и определённость самосознания* и обращается, ввиду этого, только к тем, кто имеет смелость возвыситься до *всеобщности самосознания,* т. е. к тем, которые не хотят во что бы то ни стало оставаться в этих самых пределах» («Anekdota», том II, стр. 127).

Тайну этой бауэровской смелости составляет *гегелевская «Феноменология».* Так как Гегель в «Феноменологии» на место *человека* ставит *самосознание,* то *самая разнообразная* человеческая действительность выступает здесь только как *определённая* форма *самосознания,* как *определенность самосознания.* Но голая определённость самосознания есть *«чистая категория»,* голая «мысль», которую я поэтому могу упразднить в «чистом» мышлении и преодолеть путём чистого мышления. В «Феноменологии» Гегеля оставляются *незатронутыми материальные,*

чувственные, предметные основы различных отчуждённых форм человеческого самосознания, и вся разрушительная работа имела своим результатом *самую консервативную философию,* потому что подобная точка зрения воображает, что она преодолела *предметный,* чувственно-действительный *мир,* коль скоро она превратила его в «мыслительную вещь», в чистую *определённость самосознания* и теперь может ставшего *эфирным* противника растворить в *«эфире чистого мышления».* Поэтому «Феноменология» вполне последовательно кончает тем, что она на место всей человеческой действительности ставит *«абсолютное знание», —знание* потому, что это есть единственный способ существования самосознания, а самосознание рассматривается как единственный способ существования человека, — *абсолютное* же знание потому, что самосознание знает только *само себя* и не стеснено больше никаким предметным миром. Человека Гегель делает *человеком самосознания,* вместо того чтобы самосознание сделать *самосознанием человека,*—действительного человека, т. е. живущего в действительном, предметном мире и им обусловленного. Гегель ставит мир *на голову* и по этой причине и может преодолеть *в голове* все пределы, что, конечно, нисколько не мешает тому, что они продолжают существовать для *дурной чувственности,* для *действительного* человека. Кроме того для него неизбежно является пределом всё то, что свидетельствует об *ограниченности всеобщего самосознания,* — всякая чувственность, действительность, индивидуальность людей и их мира. Вся «Феноменология» имеет своей целью доказать, что *самосознание* есть *единственная* и *всеобъемлющая реальность.*

В последнее время г-н Бауэр окрестил абсолютное знание именем *критики,* а определённость самосознания более просто звучащим термином *точка зрения.* В «Anekdota» оба термина ещё стоят рядом, и точка зрения всё ещё комментируется при помощи определённости самосознания.

Так как *«религиозный мир как таковой»* существует только как мир *самосознания,* то критическому критику—теологу ex professo[*]—никак не может прийти в голову, что существует такой мир, в котором *сознание* и *бытие* отличаются друг от друга, — мир, который попрежнему продолжает существовать, когда я упраздняю только его мысленное существование, его существование в качестве категории или точки зрения, другими словами: когда я видоизменяю своё собственное субъективное сознание, не изменяя предметной действительности действительно предметным образом, т. е. не изменяя своей

[*] — по специальности. *Ред.*

собственной *предметной* действительности и предметной действительности других людей. Спекулятивное *мистическое тождество бытия* и *мышления* повторяется поэтому в критике в виде столь же мистического тождества *практики* и *теории.* Отсюда её раздражение против такой практики, которая хочет быть ещё чем-то отличным от теории, и против такой теории, которая хочет быть ещё чем-то отличным от растворения той или другой определённой *категории* в *«беспредельной всеобщности самосознания».* Её собственная теория ограничивается тем, что объявляет всё определённое—как, например, государство, частную собственность и т. д. — прямой противоположностью беспредельной всеобщности самосознания, а потому чем-то ничтожным. Между тем, необходимо, наоборот, показать, как государство, частная собственность и т. д. превращают людей в абстракции, или представляют собой продукты *абстрактного* человека, вместо того чтобы быть действительностью индивидуальных, конкретных людей.

Наконец, само собой понятно, что если «Феноменология» Гегеля, вопреки своему спекулятивному первородному греху, даёт по многим пунктам элементы действительной характеристики человеческих отношений, то г-н Бруно и компания, наоборот, дают лишь бессодержательную карикатуру, которая довольствуется тем, что выхватывает из какого-нибудь духовного продукта или же из реальных отношений и движений некоторую определённость, превращает эту определённость в мысленную определённость, в *категорию* и выдаёт эту категорию за *точку зрения* продукта, отношения или движения. И всё это делается для того, чтобы получить возможность со старческой мудростью и с торжествующим видом презрительно посматривать на эту определённость с высоты точки зрения абстракции, всеобщей категории, всеобщего самосознания.

Как для Рудольфа все люди стоят либо на точке зрения добра, либо на точке зрения зла и оцениваются сообразно этим неизменным категориям, так для г-на Бауэра и компании одни исходят из точки зрения *критики,* другие—из точки зрения *массы.* Но оба они превращают *действительных людей* в *абстрактные точки зрения.*

5) РАЗОБЛАЧЕНИЕ ТАЙНЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВЛЕЧЕНИЙ, ИЛИ КЛЕМАНС д'АРВИЛЬ

До сих пор Рудольф ограничивался тем, что по-своему вознаграждал добрых и по-своему наказывал злых. Теперь мы на одном примере увидим, как он извлекает пользу из *страстей*

и «даёт надлежащее развитие прекрасным природным задаткам Клеманс д'Арвиль».

«Рудольф»,—говорит г-н Шелига,—«указывает ей на развлекательную сторону *благотворительности,* — мысль, свидетельствующая о таком знании людей, которое свойственно *лишь* прошедшему через глубокие испытания уму Рудольфа».

Выражения, употребляемые Рудольфом в его беседе с Клеманс, как-то: «делать *привлекательным», «использовать природный вкус», «регулировать интригу», «использовать склонность к хитрости и притворству»,* «преобразить властные неискоренимые инстинкты в благородные качества» и т. д., — все эти выражения, равно как и сами *влечения,* которые здесь по преимуществу приписываются женской природе, *выдают* тайный источник мудрости Рудольфа — *Фурье.* К нему в руки попало популярное изложение учения Фурье.

Применение этого учения опять-таки в такой же мере является критической собственностью Рудольфа, как и его выше рассмотренное применение теории Бентама.

Не в самой благотворительности *как таковой* должна молодая маркиза искать удовлетворения своей человеческой сущности, не в благотворительности как таковой должна она находить человеческое содержание и цель деятельности, а потому и развлечение. Нет, благотворительность представляет, наоборот, лишь внешний повод, лишь *предлог,* лишь *материю* для такого развлечения, которое с таким же успехом могло бы сделать своим содержанием любую другую материю. Нищета сознательно эксплуатируется, чтобы доставить благодетелю «пикантное романическое удовольствие, удовлетворение любопытства, всякого рода приключения с переодеваниями, наслаждения своим собственным великолепием, нервные потрясения и т. п.».

Тем самым Рудольф бессознательно высказал давно открытую тайну, что сама человеческая нищета, бесконечная отверженность, вынужденная принимать милостыню, должна служить *забавой* для денежной аристократии и аристократии образования, должна существовать для удовлетворения их себялюбия, для щекотания их тщеславия, для развлечения.

Многочисленные благотворительные союзы в Германии, многочисленные благотворительные общества во Франции, многочисленные благотворительные донкихотские предприятия в Англии, концерты, балы, спектакли, обеды в пользу бедных, даже сбор пожертвований для потерпевших от несчастных случаев, — всё это не имеет никакого иного смысла. Отсюда следует, что и благотворительность давно уже *организована* как развлечение.

Внезапная, ничем не мотивированная метаморфоза маркизы при одном только звуке слова «amusant»* заставляет нас сомневаться в эффективности её излечения, или, вернее, эта метаморфоза только по видимости внезапна и не мотивирована, только по видимости вызвана изображением благотворительности как развлечения. Маркиза *любит* Рудольфа, и Рудольф затевает *с ней* разные переодевания, интригует вместе с ней, пускается с ней во всякие благотворительные приключения. Впоследствии, при благотворительном посещении маркизой тюрьмы Сен-Лазар, обнаруживается её ревность к Флёр де Мари, и из благотворительного отношения к своей ревности она замалчивает перед Рудольфом арест Марии. В лучшем же случае Рудольфу удалось научить одну несчастную женщину играть глупую комедию с несчастными существами. Тайну изобретённой Рудольфом *филантропии* выдал тот парижский фат, который поело танца, приглашая свою даму к ужину, сказал:

«Ах, мадам, недостаточно танцевать в пользу этих бедных поляков... будем филантропами до конца... пойдёмте теперь *ужинать* в *пользу бедных!»*

6) РАЗОБЛАЧЕНИЕ ТАЙНЫ ЖЕНСКОЙ ЭМАНСИПАЦИИ, ИЛИ ЛУИЗА МОРЕЛЬ

По случаю ареста *Луизы Морель* Рудольф пускается в рассуждения, которые можно резюмировать следующим образом:

«Господин часто губит служанку, пуская в ход запугивание, неожиданный натиск или пользуясь другими обстоятельствами, вытекающими из природы *отношений между прислугой и господином.* Он ввергает её в несчастье, обрекает на позор и преступление. *Закон не затрагивает* этих отношений... Преступник, фактически принудивший девушку к детоубийству, не подвергается *наказанию».*

Рассуждения Рудольфа не простираются даже настолько далеко, чтобы подвергнуть его светлейшей критике само *отношение между прислугой и господином.* В качестве *мелкого* властелина он — *большой* сторонник этого рода отношений. Ещё менее Рудольф возвышается до понимания бесчеловечности общего .положения женщины в современном обществе. Ему, всецело верному своей прежней теории, не хватает лишь *закона, наказывающего* соблазнителя и соединяющего раскаяние и покаяние со страшными карами.

Рудольфу следовало бы только присмотреться к существующему законодательству других стран. *Английское* законодательство исполняет все его желания. В своей деликатности, столь

* — забавный, развлекательный. *Ред.*

прославляемой *Блэкстоном,* оно доходит до того, что предъявляет обвинение в *вероломстве* даже тому, кто соблазнил проститутку.

Г-н Шелига играет *туш:*

«Так» (!) — *«мыслит»* (!) — *«Рудольф»* (!). «А теперь сравните *эти мысли* с вашими *фантазиями* о *женской эмансипации.* В этих мыслях вы *почти* руками осязаете дело эмансипации, между тем как вы с самого начала слишком практичны и поэтому так часто терпите крушение с вашими пустыми попытками».

Во всяком случае, мы обязаны благодарностью г-ну Шелиге за разоблачение тайны, что то или иное дело можно почти руками осязать в мыслях. Что касается его забавного сравнения Рудольфа с людьми, учившими об эмансипации женщины, то пусть читатель сравнит *мысли* Рудольфа хотя бы со следующими «фантазиями» *Фурье:*

«Нарушение супружеской верности, обольщение девушки приносят соблазнителю честь, считаются хорошим тоном... Но бедная девушка! Детоубийство, какое преступление! Если она дорожит своей честью, она должна уничтожить следы бесчестия, а если она жертвует своим ребёнком во имя предрассудков этого мира, то она подвергается ещё большему позору и делается жертвой предрассудков закона... Вот тот *порочный круг,* который механизм цивилизации повсюду описывает в своём движении».

«Разве молодая девушка не является товаром, предлагаемым первому встречному покупателю, желающему приобрести её в свою исключительную собственность?.. Точно так же, как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в *брачной сделке дев проституции составляют добродетель».*

«Развитие данной исторической эпохи всегда можно определить степенью продвижения женщин по пути к свободе, так как в отношениях между женщиной и мужчиной, между слабым и сильным полом, наиболее отчётливо выявляется победа человеческой природы над зверством. Степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации».

«Унижение женского пола есть существенная характерная черта как цивилизации, так и варварства, с тем только различием, что всякому пороку, который варварство практикует в простом виде, цивилизация придаёт сложную, двусмысленную, двуличную, лицемерную форму существования... За то, что женщина содержится в рабстве, никто не оказывается наказанным в большей степени, чем сам мужчина» *(Фурье)*[83].

Совершенно излишне противопоставлять рассуждениям Рудольфа мастерскую характеристику *брака,* данную Фурье, равно как и произведения материалистической фракции французского коммунизма.

Жалкие обрывки социалистической литературы, подобранные романистом, разоблачают всё ещё неизвестные критической критике «тайны».

7) РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТАЙН

a) ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТАЙН

Первое разоблачение: Богатство часто приводит к расточительности, расточительность — к разорению.

Второе разоблачение: Только что указанные последствия богатства проистекают из недостаточности воспитания богатой молодёжи.

Третье разоблачение: Наследование и частная собственность неприкосновенны и священны и таковыми должны быть.

Четвёртое разоблачение: Богатый *морально* обязан отдавать рабочим отчёт в употреблении своего состояния. Большое состояние есть наследственный вклад, *феодальный лен,* доверенный умным, твёрдым, ловким, великодушным рукам, которым вместе с тем поручено сделать это состояние плодотворным и пользоваться им таким образом, чтобы всё, на долю чего выпало *счастье* находиться в сфере блестящего и спасительного ореола большого состояния, испытало на себе оплодотворяющее, оживляющее, улучшающее влияние этого последнего.

Пятое разоблачение: Государство долито преподать неопытной богатой молодёжи *первоначальные основы индивидуальной экономии.* Оно должно морализовать богатство.

Шестое разоблачение: Наконец, государство должно заняться разрешением колоссальной проблемы *организации труда.* Оно должно показать спасительный пример *ассоциации капиталов и труда,* и притом такой ассоциации, которая была бы добропорядочна, разумна, справедлива, которая обеспечивала бы благосостояние *рабочего без* ущерба для *имущества богатых,* которая *связала* бы *оба* эти *класса узами* взаимного благоволения, признательности и тем самым *навсегда* обеспечила бы спокойствие государства.

Так как государство пока ещё не приемлет этой теории, то *Рудольф* сам даёт некоторые практические примеры. Примеры эти обнаруживают ту тайну, что для г-на Сю, для г-на Рудольфа и для критической критики наиболее известные *экономические отношения* остались «тайнами».

b) «БАНК ДЛЯ БЕДНЫХ»

Рудольф учреждает *банк для бедных.* Устав этого *критического* банка для бедных следующий:

Он имеет своей целью оказывать поддержку добропорядочным семейным рабочим во время безработицы. Он должен

заменить собой милостыню и ломбарды. Он располагает годовым доходом в 12000 франков и выдаёт беспроцентные ссуды-пособия в размере от 20 до 40 франков. Для начала он распространяет свою деятельность только на *седьмой* округ Парижа, где живёт большая часть рабочих. Рабочие или работницы, претендующие на помощь, должны иметь свидетельство от своего последнего хозяина, в котором заверяется добропорядочность их поведения и указывается причина и дата их увольнения. Эти ссуды подлежат погашению ежемесячными взносами в размере шестой или двенадцатой части всей ссуды, по желанию самого заёмщика и начиная с того дня, когда он вновь нашёл себе работу. Гарантией ссуды служит обязательство под честное слово. Двое других рабочих должны, кроме того, поручиться за честное слово получателя ссуды. Так как критическая цель банка для бедных заключается в том, чтобы облегчить одну из худших бед рабочей жизни, *перерыв в работе,* то помощь может быть оказана вообще только безработным. Г-н Жермен, заведующий этим учреждением, получает годовой оклад в 10000 франков.

Бросим теперь массовидный взгляд на практику критической политической экономии. Годовой доход банка равняется 12000 франков. Ссуды выдаются в размере от 20 до 40 франков на одно лицо, следовательно в среднем равняются 30 франкам. Число официально признанных «нуждающимися» рабочих седьмого округа равно, по меньшей мере, 4000. Таким образом, ежегодно может быть оказана помощь 400 рабочим, т. е. одной десятой части наиболее нуждающихся рабочих седьмого округа. В Париже *средняя продолжительность* безработицы значительно больше чем 4 месяца, т. е. 16 недель: цифра эта слишком низка. Если распределить 30 франков на 16 недель, то получится на неделю несколько меньше 37 су и 3 сантимов, т. е. меньше 27 сантимов в день. Ежедневный расход на *одного арестанта* во Франции составляет, в среднем, несколько больше 47 сантимов, из которых на одну только пищу уходит больше 30 сантимов. Но рабочий, которому помогает г-н Рудольф, имеет семью. Если считать, что кроме мужа и жены в семье имеется ещё, в среднем, хотя бы двое детей, то выходит, что 27 сантимов должны быть распределены между четырьмя лицами. Квартира обходится минимум в 15 сантимов в день, остаётся 12 сантимов. *Хлеб,* съедаемый, в среднем, *одним* арестантом, обходится приблизительно в 14 сантимов. Следовательно, на полученную из критического банка сумму денег рабочий со своей семьёй, отвлекаясь от всех других потребностей, сможет купить меньше чем четвёртую часть нужного ему хлеба и должен будет умереть с голоду, если он не прибегнет к тем средствам, которые и имел

в виду предотвратить этот банк для бедных, т. е. к ломбарду, к попрошайничеству, воровству и проституции.

Зато муж беспощадной критики блестяще устраивает заведующего банком. Доход, подлежащий заведыванию, равняется 12000 франков, жалованье заведующего — 10000 франков. Заведывание обходится, стало быть, в 45% от общей суммы, т. е. почти втрое больше, чем управление массовидными учреждениями для бедных в Париже, которое обходится приблизительно в 17% от всей суммы расходуемых средств.

Но допустим на минуту, что помощь, оказываемая банком для бедных, есть действительная, а не иллюзорная только помощь; всё же это учреждение, изобретённое разоблачённой тайной всех тайн, покоится на фантастическом представлении, что достаточно изменить *распределение* вознаграждения за труд для того, чтобы рабочий мог прожить в течение всего года.

Выражаясь прозаически, доход 7500000 французских рабочих составляет только 91 франк на человека, доход других 7500000 французских рабочих составляет только 120 франков на человека. Итак, уже 15000000 рабочих получают меньше, чем абсолютно необходимо для поддержания жизни.

Мысль критического банка для бедных, если держаться разумного толкования, сводится к тому, чтобы вычитать из заработка рабочего в тот период, когда у него есть работа, столько, сколько необходимо ему, чтобы прожить в период безработицы. Даю ли я ему во время безработицы определённую сумму денег с тем, чтобы он вернул мне её, когда начнёт работать, или же он мне в период работы даёт определённую сумму денег, а я ему возвращаю её в период безработицы, — это всё равно. В том и в другом случае он всегда даёт мне, когда у него есть работа, то, что он получает от меня во время безработицы.

Таким образом, «чистый» *банк для бедных* отличается от массовидных *сберегательных касс* лишь двумя очень оригинальными, очень критическими особенностями: во-первых, тем, что банк ссужает свои деньги *a fonds perdus*[*], в нелепом предположении, что рабочий сможет возвратить ссуду, когда захочет, и что он всегда захочет заплатить, когда сможет это сделать; во-вторых, тем ещё, что банк не платит никаких *процентов* за вложенные рабочим суммы. Потому только, что вложенная сумма принимает здесь форму аванса, банк считает уже великим делом одно то, что и сам он не берёт процентов с рабочего.

Критический банк для бедных отличается, стало быть, от массовидных сберегательных касс тем, что рабочий теряет свои проценты, а банк — свой капитал.

[*] — безнадёжному должнику. *Ред.*

c) ОБРАЗЦОВОЕ ХОЗЯЙСТВО В БУКВАЛЕ

Рудольф устраивает *образцовое хозяйство* в *Буквале.* Место это выбрано, тем более удачно, что оно хранит ещё следы феодальных времён, а именно — феодальный замок.

Каждый из шести рабочих-мужчин, занятых на этой ферме, получает 150 экю, или 450 франков, каждая работница 60 экю, или 180 франков, годовой заработной платы. Кроме того они имеют бесплатный стол и бесплатную квартиру. Обычная ежедневная пища буквальских рабочих состоит из «огромной» порции ветчины, из не менее огромной порции баранины и, наконец, из не менее массивного куска телятины, к чему в качестве дополнительных блюд присоединяется два вида зимнего салата, два больших сыра, картофель, сидр и т. д. Каждый из шести рабочих-мужчин работает *вдвое* больше, чем обыкновенный французский батрак.

Так как вся сумма годового дохода во Франции, при равном разделе, составляет в среднем только 93 франка на человека; так как число жителей, непосредственно занятых в сельском хозяйстве, равняется двум третям всего населения Франции, то отсюда можно заключить, какую революцию не только в распределении, но и в производстве национального богатства произвело бы всеобщее подражание образцовому хозяйству немецкого калифа.

Из вышеуказанного следует, что Рудольф добился такого огромного увеличения производства только тем, что он заставляет каждого рабочего работать вдвое больше прежнего и поглощать пищи в шесть раз больше прежнего.

Так как французский крестьянин очень прилежен, то рабочие, работающие *вдвое* больше, должны быть *сверхчеловеческими атлетами,* на что, повидимому, указывают и мясные блюда «огромных» размеров. Мы вправе, стало быть, предположить, что каждый из этих шести рабочих потребляет ежедневно по меньшей мере 1 фунт мяса.

Если бы всё производимое во Франции мясо было разделено поровну, то на одного человека пришлось бы менее $^1/_4$ фунта мяса в день. Отсюда видно, какую революцию произвёл бы также и в этом отношении пример Рудольфа. *Одно только* земледельческое население потребляло бы больше мяса, чем его производится во всей Франции, так что эта критическая реформа совершенно уничтожила бы скотоводство во Франции.

Пятая часть валового дохода, которую Рудольф, по отчёту управляющего буквальской фермой, отца Шателена, предоставляет рабочим кроме высокой заработной платы и роскошного

стола, есть не что иное, как его *земельная рента.* Ведь по среднему расчёту принимается обыкновенно, что в общем, после вычета всех издержек производства и прибыли на затраченный в производстве капитал, в пользу французского земельного собственника остаётся одна пятая часть валового дохода, или, другими словами, что доля, представляющая земельную ренту, равна одной пятой части валового дохода. Хотя Рудольф, бесспорно, несоразмерно уменьшает причитающуюся ему прибыль на затраченный капитал, несоразмерно увеличивая расходы на оплату рабочих (по Шапталю, «О народном хозяйстве Франции»[84], том I, стр. 239, средний размер годового дохода французского крестьянина, работающего по найму, равняется 120 франкам), и хотя он дарит всю свою земельную ренту рабочим, тем не менее отец Шателен сообщает, что монсеньёр увеличивает благодаря этой методе свой доход и этим путём побуждает других, некритических земельных собственников ввести у себя такое же хозяйство.

Образцовое хозяйство в Буквале — не более как фантастический призрак; его *скрытый фонд* заключается не в *естественном* богатстве буквальской почвы, а в сказочном кошельке Фортуната[85], которым наделяется Рудольф.

Критическая критика шумит по этому поводу:

«С *первого взгляда,* видно, что *весь* этот план — не *утопия».*

Только критическая критика способна при первом взгляде на *кошелёк Фортуната,* увидеть, что он — не утопия. Критический первый взгляд—это взгляд «дурного глаза».

8) РУДОЛЬФ, «РАЗОБЛАЧЁННАЯ ТАЙНА ВСЕХ ТАЙН»

Чудесное средство, при помощи которого Рудольф осуществляет все свои спасительные деяния и чудесные исцеления, заключается не в его красивых словах, а в его *наличных деньгах.* Таковы моралисты, говорит Фурье. Нужно быть миллионером, чтобы иметь возможность подражать их героям.

Мораль — это *«бессилие в действии»*[86]. Всякий раз, как только она вступает в борьбу с каким-нибудь пороком, она терпит поражение. А Рудольф даже не возвышается до точки зрения самостоятельной морали, которая, по крайней мере, покоится на сознании *человеческого достоинства.* Его мораль, напротив, покоится на сознании человеческой слабости. Он — представитель *теологической* морали. Мы рассмотрели во всех подробностях геройские подвиги, совершённые им при помощи его

христианских навязчивых идей, которые служат ему мерками для суждения о мире, — при помощи таких идей, как «благотворительность», «беззаветная преданность», «самоотречение», «раскаяние», «добрые и злые», «награда и наказание», «ужасные кары», «уединение», «спасение души» и т. д.,—и мы показали, что всё это не более как шутовство. Нам остаётся ещё только разобрать *личный* характер Рудольфа, этой «разоблачённой тайны всех тайн», или разоблачённой тайны *«чистой* критики».

Противоположность «добра» и «зла» предстала перед нашим критическим Геркулесом ещё в период его юности, олицетворённая в двух образах — *Мурфа* и *Полидори,* двух учителей Рудольфа. Первый из них воспитывает его для добра и фигурирует как *«добрый»;* второй воспитывает его для зла и фигурирует как *«злой».* Для того чтобы эта концепция не уступала в тривиальности аналогичным концепциям в других нравоучительных романах, *«добрый»* Мурф должен быть изображён не слишком «учёным», не «особенно выдающимся в интеллектуальном отношении». Но зато он *честен, прост, односложен* в своих речах, величественно третирует зло короткими аттестациями вроде: *позорно, подло* и испытывает чувство ужаса перед *низким.* Если употребить гегелевское выражение, о нём можно сказать, что он честно переводит мелодию добра и истины в равенство тонов, т. е. в *одну ноту.*

Напротив, *Полидори* — чудо ума, знаний и образования, но при этом человек «опаснейшей безнравственности» и преисполненный *«самого ужасного скептицизма»,* чего не мог забыть Эжен Сю, как представитель молодой благочестивой буржуазии Франции. О духовной энергии и образовании Эжена Сю и его героя можно судить по тому паническому ужасу, который в них вызывает *скептицизм.*

«Мурф», — говорит г-н Шелига, — «в одно и то же время и увековеченная вина 13 января и вечное искупление этой вины несравненной любовью к Рудольфу и самопожертвованием ради его особы».

Подобно тому как Рудольф есть deus ex machina* и искупитель всего мира, так Мурф, в свою очередь, есть личный deus ex machina и искупитель Рудольфа.

«Рудольф и спасение человечества, Рудольф и претворение в действительность совершенств человеческой сущности составляют для Мурфа единое, нераздельное целое, единое целое, которому он служит не с глупой собачьей преданностью раба, а с полным сознанием и самостоятельно».

* — буквально: «бог из машины» (в античном театре актёры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле — неожиданно появляющееся лицо, которое спасает положение. *Ред.*

Стало быть, Мурф — просвещённый, сознательный и самостоятельный раб. Как всякий княжеский слуга, он видит в своём господине олицетворение спасения человечества. *Граун* льстит Мурфу, называя его *«бесстрашным телохранителем».* Сам Рудольф называет его *образцом слуги,* и он действительно — *образцовый слуга.* Эжен Сю сообщает нам, что tete-a-tete* он неукоснительно называет Рудольфа «монсеньёр». В присутствии других он, ради сохранения инкогнито, губами произносит слово *«мосьё»,* сердцем же—«монсеньер».

«Мурф помогает сорвать покров с тайн, но только ради Рудольфа. Он принимает участие в работе по разрушению могущества тайн».

О непроницаемости покрова, скрывающего от Мурфа самые простые житейские отношения, можно составить себе представление по его беседе с посланником Грауном. Из законного права на самозащиту в случаях крайней необходимости Мурф делает вывод, что Рудольф вправе был в качестве *тайного уголовного судьи* ослепить крепко связанного и «беззащитного» Мастака. Его изображение того, как Рудольф станет рассказывать перед судом о своих «благородных» поступках, какими пышными фразами он будет щеголять и как он будет изливать своё великое сердце, достойно гимназиста, только что прочитавшего «Разбойников» Шиллера. Единственная тайна, которую Мурф предоставляет разрешить миру, это вопрос о том, чем он вымазал своё лицо, когда разыгрывал роль угольщика, — угольной ли пылью или же чёрной краской.

«Изыдут ангелы и отделят злых от праведных» (Евангелие от Матфея, 13, 49). «Скорбь и страх душам всех людей, творящих зло; слава, честь и мир всем творящим добро» (Послание Павла к римлянам, 2, 9—10).

Рудольф сам себя производит в такие *ангелы.* Он отправляется в мир, чтобы отделить злых от праведных, наказать злых и наградить добрых. Представление о добре и зле с такой силой запечатлелось в его слабом мозгу, что он верит в реального сатану и хочет захватить дьявола живьём, как некогда профессор *Зак* в Бонне. С другой стороны, он, наоборот, пытается копировать в миниатюре противоположность дьявола — *бога.* Он любит «играть до некоторой степени роль провидения». Как в *действительности все* различия всё более и более сливаются в различие между *бедными* и *богатыми,* так в *идее все* аристократические различия превращаются в противоположность между *добром* и *злом.* Это различение есть последняя форма, придаваемая аристократом своим предрассудкам. Себя Рудольф

* — наедине, с глазу на глаз. *Ред.*

относит к числу добрых, злые же существуют для того, чтобы он мог наслаждаться своим собственным совершенством. Приглядимся к этому «доброму» несколько ближе.

Г-н Рудольф проявляет благотворительность и мотовство наподобие багдадского калифа в «Тысяче и одной ночи». Он не может вести такой образ жизни, не высасывая, как вампир, все соки из своего маленького немецкого княжества. По сообщению самого г-на Сю, он принадлежал бы к числу медиатизированных немецких князей[87], если бы его не спасло от вынужденного отречения покровительство одного французского *маркиза.* О размерах его княжества позволяет судить этот? последний факт. Насколько *критически* Рудольф оценивает? *своё собственное положение,* можно видеть, далее, из того, что он, мелкий немецкий владетельный князь, считает необходимым сохранять в Париже полуинкогнито, чтобы не обращать на себя внимания. Он нарочито возит с собой *канцлера* с той критической целью, чтобы этот последний представлял для него «театральную и ребяческую сторону суверенной власти»; как будто мелкий владетельный князь нуждается ещё, кроме себя и своего зеркала, в каком-то третьем представителе театральной и ребяческой стороны суверенной власти. Рудольф сумел внушить своим людям столь же *критическое непонимание* своей роли: и значения. Так, например, слуга *Мурф* и посланник *Граун* не замечают, как насмехается над ними парижский поверенный г-н *Бадино,* делая вид, что он принимает их частные поручения за дела государственной важности, и саркастически болтая о

«неведомых отношениях, могущих существовать между самыми разнообразными интересами и *судьбами государств».* «Да», — сообщает посланник Рудольфа, — «у него хватает бесстыдства говорить иной раз мне: «Сколько неизвестных для народа осложнений в деле управления государством! Кто сказал бы, г-н барон, что представляемые мною Вам докладные записки имеют влияние на ход *европейских дел,* а между тем это, несомненно, так»».

Посланник и Мурф видят бесстыдство не в том, что им приписывают влияние на европейские дела, а в том, что Бадино до такой степени идеализирует свою низкую профессию.

Прежде всего вспомним одну сценку из домашней жизни *Рудольфа.* Рудольф рассказывает Мурфу, что он «переживает? теперь мгновения горделивого счастья и блаженства». Сейчас же вслед за этим он выходит из себя, потому что Мурф не хочет ответить ему на один вопрос. «Я приказываю Вам говорить», — обращается он к Мурфу. Мурф просит не приказывать. Рудольф говорит ему: «Я не терплю умалчиваний». Он забывается до того, что совершает низость, напоминая Мурфу, что

он *платит* ему за все его услуги. И он не успокаивается до тех пор, пока Мурф не напоминает ему о 13 января. После этого инцидента проявляется рабская натура Мурфа, который только на одно мгновение позволил себе забыться. Он рвёт на себе «волосы», которых, к счастью, у него нет; он приходит в отчаяние оттого, что несколько грубо обошёлся со своим высокопоставленным господином, который называет его «образцом слуги», «своим добрым, старым, верным Мурфом».

Не смущаясь этими проявлениями зла в нём самом, Рудольф вслед за тем повторяет свои навязчивые идеи о «добре» и «зле» и сообщает об успехах, которые он делает на поприще добра. Он называет милостыню и сострадание целомудренными и благочестивыми утешительницами *его* раненой души. Проституировать их перед отверженными, недостойными существами было бы, дескать, чем-то ужасным, нечестивым, *кощунственным.* Само собой разумеется: сострадание и милостыня — утешительницы *его* души; поэтому осквернить их было бы кощунством. Это значило бы «породить сомнения относительно бога; а тот, который даёт, должен внушать веру в бога». Подать милостыню отверженному — ведь это нечто немыслимое!

Каждому из движений своей души Рудольф приписывает бесконечную важность. Он поэтому постоянно наблюдает и оценивает их. Так, в вышеупомянутой сцене безумец утешает себя по поводу своей выходки против Мурфа тем, что Флёр де Мари тронула его своим положением. «Я был тронут до слёз, а меня ещё обвиняют в том, что я равнодушен, чёрств, непреклонен!» Доказав таким образом *свою собственную доброту,* он разражается негодованием против *«зла»,* против злодейского поведения неизвестной матери Марии, и со всей возможной торжественностью обращается к Мурфу: «Ты знаешь, некоторые акты мести мне очень дороги, некоторые страдания—очень ценны». При этом он строит такие дьявольские гримасы, что верный слуга в испуге восклицает: «Ах, монсеньёр!» Этот высокопоставленный господин походит на деятелей *«Молодой Англии»*[88]*,* которые тоже хотят реформировать мир, совершают благородные подвиги и подвержены подобным же истерическим припадкам.

Объяснение приключений и положений, в которые ставит себя Рудольф, мы находим прежде всего в его *жадной к приключениям натуре.* Он любит «романические пикантности, развлечения, приключения, переодевания»; его «любопытство» «ненасытно»; он чувствует «потребность в живительном, жгучем душевном возбуждении», он «жадно стремится к *сильным нервным потрясениям.*

Эти его природные наклонности находят себе поддержку в его страстном стремлении *играть роль провидения* и реформировать мир согласно своим навязчивым фантазиям.

Его отношение к другим людям определяется либо какой-нибудь абстрактной навязчивой идеей, либо совершенно личными, случайными мотивами.

Так, он освобождает врача-негра Давида и его возлюбленную не из непосредственного чувства человеческого участия, вызываемого судьбой этих людей, не ради *их* освобождения, а для того, чтобы по отношению к рабовладельцу Виллису сыграть роль *провидения* и наказать его за его *неверие в бога.* Так, Мастак является для него желанной находкой, чтобы *применить* к нему свою давно состряпанную теорию наказания. Беседа Мурфа с посланником Грауном даёт нам возможность, с другой стороны, глубже присмотреться к чисто личным мотивам, определяющим благородные деяния Рудольфа.

Интерес монсеньёра к Флёр де Мари проистекает, как говорит Мурф, — «если оставить в стороне» сострадание, вызываемое участью бедняжки, — из того, что дочь Рудольфа, потерю которой он так горько оплакивает, в это время была бы такого же самого возраста. Участие Рудольфа к маркизе д'Арвиль, — «если оставить в стороне» его человеколюбивые причуды, — объясняется той причиной личного характера, что без старого маркиза д'Арвиль и его дружбы с императором Александром отец Рудольфа был бы изъят из сонма немецких суверенов.

Его доброта к мадам Жорж и его интерес к её сыну Жермену объясняются той же причиной. Мадам Жорж принадлежит к семье д'Арвиль.

«Бедная мадам Жорж обязана за беспрестанные проявления милости его высочества не в меньшей степени своим несчастьям и своим добродетелям, чем *этому родству».*

Апологет Мурф старается затушевать двусмысленность мотивов Рудольфа такими оборотами речи, как «главным образом», «если оставить в стороне», «не в меньшей степени».

Весь характер Рудольфа целиком сказывается, наконец, в том *«чистом» лицемерии,* с которым он ухитряется изображать, перед самим собой и перед другими, *вспышки своих дурных страстей* как *вспышки гнева против страстей дурных людей.* Эта манера напоминает нам аналогичную манеру критической критики, которая *свои собственные глупости* выдаёт за *глупости массы,* свои злобные нападки на развитие мира вне её —за злобные нападки этого мира на развитие, наконец, свой эгоизм, мнящий, что он поглотил, вобрал в себя весь дух, — за эгоистическое сопротивление массы духу.

Мы покажем «чистое» лицемерие *Рудольфа* в его поведении по отношению к *Мастаку,* к графине *Саре Мак-Грегор* и к нотариусу *Жаку Феррану.*

Рудольф уговорил *Мастака* совершить воровское нападение на свою квартиру, чтобы заманить его в ловушку и овладеть им. При этом он руководствуется далеко не общечеловеческим, а чисто личным интересом. Дело в том, что Мастак обладает *портфелем графини Мак-Грегор,* а Рудольф очень заинтересован в том, чтобы получить *этот портфель* в свои руки. По поводу tete-a-tete Рудольфа с Мастаком в романе сказано буквально следующее:

«Рудольф испытывал мучительную тревогу. Если бы он *упустил этот удобный случай овладеть Мастаком,* то подобный случай, без сомнения, никогда больше не представился бы ему. Этот разбойник *унёс бы с собой все те тайны,* в обладании которыми Рудольф был так сильно заинтересован».

Овладевая *Мастаком,* Рудольф, стало быть, овладевает *портфелем* графини Мак-Грегор. Он *овладевает* Мастаком из личного интереса. Он *ослепляет* его, движимый личной страстью.

Когда Резака рассказывает Рудольфу про борьбу Мастака с Мурфом и объясняет упорное сопротивление Мастака тем, что он предугадывал свою участь, Рудольф отвечает: «Он не знал этого». И он произносит эти слова «с мрачным видом, с лицом, искажённым тем почти свирепым выражением, о котором мы говорили». Мысль о мести целиком овладевает им, он предвкушает то дикое наслаждение, которое ему доставит варварское наказание Мастака.

Так, при появлении врача-негра Давида, которому Рудольф предназначил роль орудия своей *мести,* он восклицает: *«Месть!..* Месть!..». Рудольф выкрикивает эти слова с *«холодным и сосредоточенным бешенством».*

Его охватило холодное и сосредоточенное бешенство. Затем он тихо шепчет на ухо врачу свой план, а когда последний вздрагивает от ужаса, он тотчас же ухитряется подставить, вместо чувства *личной мести,* «чистый» теоретический мотив. Речь идёт, говорит он, только о *«применении идеи»,* которая ужо часто мелькала в его возвышенном мозгу, и он не забывает присовокупить в елейном тоне: «Он будет ещё иметь перед собой безграничный горизонт раскаяния». Он подражает испанской инквизиции, которая, передавая осуждённых в руки светского правосудия для сожжения на костре, присовокупляла при этом лицемерную просьбу о милосердии к кающемуся грешнику.

Само собой разумеется, что когда происходит допрос Мастака и расправа над ним, его высочество сидит у себя в чрезвычайно комфортабельном кабинете, в длинном, чрезвычайно чёрном халате, с чрезвычайно интересной бледностью на лице и, чтобы вполне точно скопировать обстановку суда, имеет перед собой длинный стол с вещественными доказательствами. Теперь, конечно, должно исчезнуть с его лица выражение дикости и мести, выступавшее наружу, когда он сообщал Резаке и врачу о своём плане ослепления. Теперь он должен предстать перед нами «спокойным, печальным, сдержанным», с высококомическим торжественным видом всемирного судьи собственного изобретения.

Чтобы не оставить никаких сомнений насчёт «чистоты» мотива ослепления, простоватый *Мурф* признаётся посланнику Грауну:

«Жестокое наказание Мастака имело *главным образом* своей целью *отомстить* за меня *коварному убийце»*.

Оставшись наедине с Мурфом, Рудольф высказывается следующим образом:

«Моя ненависть к злодеям... стала более живой, моё отвращение к *Саре* растёт, без сомнения, вместе с печалью, которую причиняет мне смерть моей дочери».

Рудольф сообщает нам о большей живости, которую приобрела его ненависть к злодеям. Разумеется, его ненависть — критическая, чистая, моральная ненависть, ненависть к злым, *потому что* они злы. Вследствие этого он рассматривает эту ненависть как шаг вперёд, совершаемый им на поприще добра.

Но тут же обнаруживается, что этот рост моральной ненависти — не что иное, как *лицемерная санкция,* которой он стремится прикрасить нарастание своего *личного отвращения* к Саре. Неопределённая моральная химера—рост ненависти против злых — оказывается лишь прикрытием для определённого неморального факта — возрастания отвращения к Саре. Это отвращение вызывается весьма естественной, весьма индивидуальной причиной — его личной печалью. Эта печаль и есть мерило его отвращения. Конечно!

Ещё более отвратительное лицемерие сказывается при свидании Рудольфа с умирающей графиней Мак-Грегор.

После разоблачения той тайны, что Флёр де Мари—дочь Рудольфа и графини, Рудольф подходит к последней «с угрожающим, безжалостным видом». Она молит его о пощаде.

«Нет Вам пощады», — отвечает он. — «Проклятие Вам... Вам, моему злому духу и злому духу моего рода!»

Итак, он хочет отомстить за «род». Далее он рассказывает графине, как он, в искупление своего покушения на жизнь отца, возложил на себя крест хождения в мир, где он награждает добрых и наказывает злых. Рудольф терзает графиню, он отдаётся весь *чувству раздражения,* но в своих *собственных* глазах он выполняет только задачу, которую он поставил себе после 13 января—«преследовать зло».

Когда он направляется к выходу, Сара восклицает: «Сжальтесь надо мною, я умираю!»

««Умри, проклятая!»—говорит Рудольф, задыхаясь от бешенства».

Последние слова — «задыхаясь от *бешенства»* — открывают нам чистые, критические и моральные мотивы его поступков. Именно это бешенство заставило его поднять меч на его, как выражается г-н Шелига, *блаженной памяти высокого* родителя. Вместо того чтобы бороться с этим злом в себе самом, он, как чистый критик, старается побороть его в других.

В конце концов Рудольф сам упраздняет свою католическую теорию наказания. Он хотел отменить смертную казнь, превратить наказание в покаяние, однако только до тех пор, пока убийца убивает чужих людей и не трогает членов рудольфовой семьи. Рудольф приемлет смертную казнь, лишь только убийство поражает одного из его родных; ему нужно двоякое законодательство: одно для своей собственной особы, другое для простых смертных.

От Сары он узнаёт, что Жак Ферран виновен в смерти Флёр де Мари. Он говорит самому себе:

«Нет, этого мало... огнём горит во мне жажда мести!.. какая жажда крови!.. какое спокойное и продуманное бешенство!.. *Пока я не знал,* что *одной* из жертв этого чудовища было *моё дитя,* я говорил себе: смерть этого человека была бы бесплодна... Жизнь без денег, жизнь без удовлетворения его бешеной чувственности будет долгой и двойной пыткой... *Но это моя дочь!..* Я *убью* этого человека!»

И он стремительно мчится, чтобы убить Жака Феррана, но находит его в таком состоянии, которое делает убийство излишним.

«Добрый» Рудольф! Лихорадочный пыл его мстительности, его жажда крови, его спокойное и продуманное бешенство, его лицемерие, казуистически прикрашивающее всякое злонамеренное движение его души, — всё это как раз те *дурные* страсти, в наказание за которые он другим выкалывает глаза. Только счастливые случайности, деньги и ранг избавляют этого *«доброго»* от *каторги.*

«Могущество критики» делает этого Дон Кихота, в виде компенсации за его ничтожество во всех других отношениях, «добрым жильцом», «добрым соседом», «добрым другом», «добрым отцом», «добропорядочным буржуа», «добрым гражданином», «добрым принцем» и как там ещё гласит дальше эта гамма хвалебных песнопений г-на Шелиги. *Это больше, чем все результаты,* добытые *«человечеством* во *всей* его *истории».* Этого достаточно, чтобы *Рудольф* мог дважды *спасти «мир»* от *«гибели».*

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
КРИТИЧЕСКИЙ СТРАШНЫЙ СУД

Критическая критика дважды через *Рудольфа* спасла мир от гибели, но только для того, чтобы теперь *самой* провозгласить *гибель мира.*

И я слышал и видел, как вознёсся над Цюрихом могучий ангел по имени *Хирцель* и пустился вдаль, прорезывая небесную сферу. И в своих руках он держал раскрытую книжку, как будто выпуск V «Allgemeine Literatur-Zeitung». И поставил он правую ногу на массу, а левую ногу на Шарлоттенбург. И закричал он громким голосом, словно лев зарычал, и слова его поднялись подобно голубю — цирп! цирп! — в сферу пафоса и к громоподобным аспектам *критического страшного суда.*

«Когда, наконец, *всё* соединится против критики, — и срок этот, истинно, истинно говорю вам*, уже недалёк, — когда весь разрушающийся мир, — ему было предназначено судьбой бороться со святыми, — сгруппируется вокруг неё для последнего натиска, *тогда* мужество критики и её значение получат величайшее признание. Исход борьбы не должен нас тревожить. Всё закончится тем, что мы подведём счёты с отдельными группами, — и мы отделим одних от других, подобно тому как пастырь отделяет козлищ от овец, и мы поставим овец одесную, а козлищ ошуюю — и выдадим всеобщее свидетельство о бедности вражескому рыцарству, — это духи дьяволов, они обходят все страны мира и собирают их на борьбу к великому дню господа, всемогущего творца, — и изумлены будут живущие на земле»[89].

---

* В этом абзаце разрядкой даны иронические вставки Маркса. *Ред.*

И когда ангел это возглашал, гремели голоса семи громов;

«Dies irae, dies illa
Solvet saeclum in favilla.
Judex ergo cum sedebit,
Quidquid latet, adparebit,
Nil inultum remanebit.
Quid sum, miser, tune dicturus?» etc.*

Вы услышите гул битв и клики воинств. Всё это должно сперва, произойти. Ибо восстанут лжехристос и лжепророки, гг. *Бюше* и *Ру* из Парижа, гг. *Фридрих Ромер* и *Теодор Ромер* из Цюриха, и скажут: се есть Христос! Но тогда явится знамение братьев *Бауэров* в критике, и исполнится слово Писания о *творении Бауэров [Bauernwerk**]:*

«Когда волы идут попарно в ряд,
Тогда и *пахота* идёт на лад»[90].

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как мы после узнали, погиб не мир, а критическая «Literatur-Zeitung».

---

* — «День гнева, этот день разрушит мир, превратив его в пепел. Когда воссядет судия, то откроется всё сокровенное, и ничто не останется без возмездия. Что я скажу тогда, несчастный?» и т. д. (из католического гимна о страшном суде). *Ред.*

** Игра слов: «Bauernwerk» означает здесь «творение Бауэров», а также «крестьянская работа» и «грубая, топорная работа». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В АНГЛИИ

ПО СОБСТВЕННЫМ НАБЛЮДЕНИЯМ И ДОСТОВЕРНЫМ ИСТОЧНИКАМ[91]

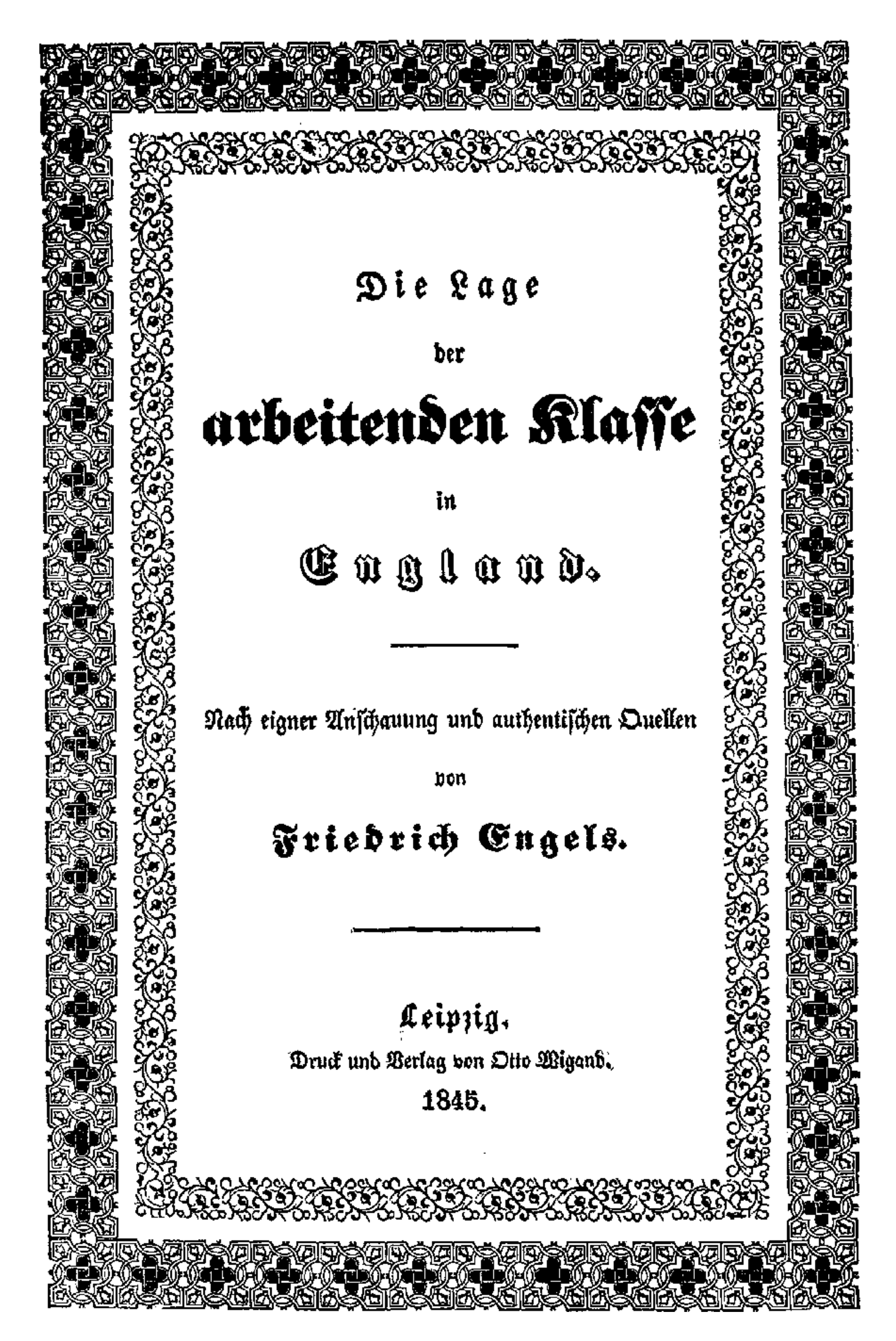
Написано Энгельсом
в сентябре 1844- марте 1845 г.

Напечатано в Лейпциге в 1845 г.

Подпись: Фридрих Энгельс

Печатается по тексту немецкого издания 1845 г., сверенному с текстом немецкого издания 1892 г.

Перевод с немецкого

Die Lage

der

arbeitenden Klasse

in

England.

Nach eigner Anschauung und authentischen Quellen

von

Friedrich Engels.

Leipzig,

Druck und Verlag von Otto Wigand.

1845.

Титульный лист первого издания
книги «Положение рабочего класса в Англии»

К РАБОЧЕМУ КЛАССУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ [92]

Рабочие!

Вам я посвящаю труд, в котором я попытался нарисовать перед своими немецкими соотечественниками верную картину вашего положения, ваших страданий и борьбы, ваших чаяний и стремлений. Я достаточно долго жил среди вас, чтобы ознакомиться с вашим положением. Я исследовал его с самым серьёзным вниманием, изучил различные официальные и неофициальные документы, поскольку мне удавалось раздобыть их, но всё это меня не удовлетворило. Я искал большего, чем одно *абстрактное* знание предмета, я хотел видеть вас в ваших жилищах, наблюдать вашу повседневную жизнь, беседовать с вами о вашем положении и ваших нуждах, быть свидетелем вашей борьбы против социальной и политической власти ваших угнетателей. Так я и сделал. Я оставил общество и званые обеды, портвейн и шампанское буржуазии и посвятил свои часы досуга почти исключительно общению с настоящими рабочими; я рад этому и горжусь этим. Рад потому, что получил таким образом возможность плодотворно провести в изучении действительной жизни немало часов, которые иначе были бы потрачены на салонную болтовню и соблюдение докучливого этикета; горжусь потому, что получил благодаря этому возможность воздать должное угнетённому и оклеветанному классу людей, которые, при всех своих недостатках и всех невыгодах своего положения, всё же вызывают к себе уважение в каждом, кроме разве английского торгаша; горжусь ещё и потому, что это дало мне возможность оградить английский народ от растущего презрения, которое возникло к нему на континенте

как неизбежное следствие грубо-своекорыстной политики и всего поведения вашей правящей буржуазии.

Имея в то же время широкую возможность наблюдать вашего противника, буржуазию, я очень скоро убедился в том, что вы правы, вполне правы, если не ожидаете от неё никакой поддержки. Её интересы диаметрально противоположны вашим, хотя она постоянно пытается доказать обратное и уверить вас в самом сердечном сочувствии к вашей судьбе. Её дела опровергают её слова. Я собрал, надеюсь, более чем достаточные доказательства того, что буржуазия — что бы она ни утверждала на словах — в действительности не имеет иной цели, как обогащаться за счёт вашего труда, пока может торговать его продуктом, чтобы затем обречь вас на голодную смерть, как только для неё исчезнет возможность извлекать прибыль из этой скрытой торговли человеком. Что она сделала, чтобы доказать на деле своё торжественно провозглашаемое расположение к вам? Обратила ли она когда-нибудь серьёзное внимание на ваши жалобы? Сделала ли она для вас что-нибудь, кроме оплаты полдюжины комиссий для различных обследований, объёмистые отчёты которых обречены навеки лежать среди груды ненужных бумаг на полках министерства внутренних дел? Попыталась ли она хотя бы составить из этих истлевающих Синих книг одну удобочитаемую книгу, в которой каждый мог бы легко найти сведения о положении громадного большинства «свободнорождённых британцев»? Нет, конечно, она этого не сделала; это всё — вещи, о которых она не любит говорить. Она предоставила иностранцу оповестить цивилизованный мир о том унизительном положении, в котором вам приходится жить.

Иностранец для *неё,* но, надеюсь, не для *вас.* Мой английский язык, быть может, небезупречен, но надеюсь, что для вас он будет *понятным* языком. Кстати сказать, ни один рабочий ни в Англии, ни во Франции никогда не относился ко мне как к иностранцу. Я с величайшим удовлетворением убедился в том, что вы свободны от национальных предрассудков и национального тщеславия, этих пагубных чувств, которые являются в конце концов лишь *эгоизмом в крупном масштабе [wholesale selfishness].* Я видел ваше сочувствие к каждому, — будь то англичанин или нет, — кто искренне отдаёт свои силы на служение прогрессу человечества, я видел ваше преклонение перед всем великим и добрым, независимо от того, возникло ли оно на вашей родной почве или нет. Я убедился в том, что вы больше чем просто *английские* люди, члены одной обособленной нации, вы — *люди,* члены одной великой общей семьи, сознающие, что ваши

интересы совпадают с интересами всего человечества. И видя в вас членов этой семьи «единого и неделимого» человечества, людей в самом возвышенном смысле этого слова, я, как и многие другие на континенте, всячески приветствую ваше движение и желаю вам скорейшего успеха.

Идите же вперёд, как шли до сих пор! Многое ещё надо преодолеть; будьте тверды, будьте бесстрашны,—успех ваш обеспечен, и ни один шаг, сделанный вами в этом движении вперёд, не будет потерян для нашего общего дела — дела всего человечества!

Бармен (Рейнская Пруссия),
15 марта 1845 г.

Фридрих Энгельс

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой книге рассматривается вопрос, которому я сначала хотел отвести лишь одну главу в более обширном труде по социальной истории Англии. Однако большое значение этого вопроса вскоре заставило меня посвятить ему самостоятельное исследование.

Положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех социальных движений современности, потому что оно представляет собой наиболее острое и обнажённое проявление наших современных социальных бедствий. Французский и немецкий рабочий коммунизм прямо, а фурьеризм и английский социализм, так же как и коммунизм немецкой образованной буржуазии, косвенно обязаны ему своим происхождением. Поэтому, для того чтобы дать прочное обоснование, с одной стороны, социалистическим теориям, с другой стороны, суждениям об их праве на существование и положить конец всяческим мечтаниям и выдумкам pro et contra*, совершенно необходимо изучить условия существования пролетариата. Но в своей завершённой *классической форме* условия существования пролетариата имеются только в Великобритании и именно в самой Англии, и к тому же только в Англии необходимый материал собран достаточно полно и подтверждён официальными расследованиями так, как это требуется для сколько-нибудь исчерпывающего изложения вопроса.

В течение 21 месяца я имел возможность непосредственно, по личным наблюдениям и в личном общении, изучить английский пролетариат, его стремления, его страдания и радости,

* — за и против. *Ред.*

одновременно дополняя свои наблюдения сведениями из необходимых достоверных источников. В настоящей книге изложено то, что я видел, слышал и читал. Я заранее готов к тому, что не только моя точка зрения, но и приведённые факты будут оспариваться, подвергаясь нападкам с разных сторон, в особенности, когда моя книга попадёт в руки англичан. Я также прекрасно знаю, что мне смогут указать там и тут на незначительные неточности, которых, при обширности предмета, требующего всестороннего обоснования, не избежал бы и англичанин, тем более, что даже в Англии нет ещё ни одного сочинения, в котором, как в моём, рассматривалось бы положение *всех* рабочих. Но я, ни на минуту не задумываясь, бросаю английской буржуазии вызов: пусть она мне укажет на основании таких же документальных данных, какие привёл я, хоть на один-единственный факт, неточность которого могла бы сколько-нибудь отразиться на изложенной точке зрения в целом.

Изображение той классической формы, которую приняли условия существования пролетариата в британском королевстве, имеет — в особенности для Германии и именно в настоящий момент — чрезвычайно большое значение. Немецкий социализм и коммунизм более чем всякий другой исходили из теоретических предпосылок: мы, немецкие теоретики, ещё слишком мало знали действительный мир, чтобы действительные отношения могли непосредственно пробудить в нас стремление к преобразованию этой «дурной действительности». Среди тех, кто сейчас является открытым поборником подобных преобразований, едва ли кто пришёл к коммунизму иначе, чем через фейербаховское преодоление гегелевской философии. Действительные условия жизни пролетариата так мало известны у нас, что даже благонамеренные «союзы для улучшения положения трудящихся классов», в которых наша буржуазия в настоящее время так нещадно извращает социальный вопрос, постоянно исходят из самых смешных и самых пошлых суждений о положении рабочих. В этом вопросе нам, немцам, больше чем кому-либо, недостаёт знания фактов. И если условия существования пролетариата в Германии не получили ещё такого классического выражения, как в Англии, то всё же в основе у нас — тот же социальный строй, и рано или поздно его проявления должны достигнуть той же степени остроты, что и по ту сторону Северного моря, если только к тому времени разум нации не примет таких мер, которые заложат новый базис для всей социальной системы. Те же коренные причины, которые привели в Англии к нищете и угнетению пролетариата, существуют и в Германии, и они должны с течением времени

привести к тем же результатам. Между тем, выявление *английских* бедствий даст нам толчок к выявлению наших *немецких* бедствий, даст также и масштаб для определения их размеров и той вскрытой волнениями в Силезии и Богемии[93] опасности, которая с этой стороны непосредственно угрожает спокойствию Германии.

В заключение мне остаётся сделать ещё два замечания. Во-первых, выражение *Mittelklasse* я постоянно употребляю в смысле английского middle-class (или как почти всегда говорят: middle-classes), что обозначает, так же как и французское bourgeoisie, имущий класс, и именно имущий класс, в отличие от так называемой аристократии, тот класс, который во Франции и Англии прямо, а в Германии косвенно, в лице «общественного мнения», обладает государственной властью[*]. Точно так же я постоянно употребляю, как равнозначащие, выражения: рабочие (working men) и пролетарии, рабочий класс, неимущий класс и пролетариат.—Во-вторых, приводя цитаты, я в большинстве случаев указываю на партию, к которой принадлежит автор, потому что либералы почти всегда пытаются подчеркнуть нищету в сельскохозяйственных округах и отрицать её в фабричных округах, а консерваторы, наоборот, признают нужду в фабричных округах, но не хотят признать её в сельских местностях. По этой же причине в тех случаях, когда у меня не хватало официальных документов, я предпочитал при описании положения промышленных рабочих всегда пользоваться свидетельствами *либералов,* стараясь бить либеральную буржуазию её же собственными свидетельствами; на консерваторов же или чартистов я ссылался вообще только в тех случаях, когда был знаком с настоящим положением дела по собственным наблюдениям или мог быть убеждён в искренности приводимых свидетельств на основании личной или литературной репутации цитируемых авторов.

Бармен, 15 марта 1845 г.

Ф. Энгельс

[*] В соответствии с этим разъяснением Энгельса выражение «Mittelklagse» («средний класс») переводится дальше в тексте словом «буржуазия». *Ред.*

TO THE WORKING CLASSES

OF

GREAT-BRITAIN.

Working Men!

To you I dedicate a work, in which I have tried to lay before my German Countrymen a faithful picture of your condition, of your sufferings and struggles, of your hopes and prospects. I have lived long enough amidst you to know something about your circumstances; I have devoted to their knowledge my most serious attention, I have studied the various official and non-official documents as far as I was able to get hold of them — I have not been satisfied with this, I wanted more than a mere *abstract* knowledge of my subject, I wanted to see you in your own homes, to observe you in your every-day life, to chat with you on your condition and grievances, to witness your struggles against the social and political power of your oppressors. I have done so: I forsook the company and the dinner-parties, the port-wine and champaign of the middle-classes, and devoted my leisure-hours almost exclusively to the intercourse with plain Working Men; I am both glad and proud of having done so. Glad, because thus I was induced to spend many a happy hour in obtaining a knowledge of the realities of life — many an hour,

Первая страница обращения Ф. Энгельса
«К рабочему классу Великобритании»

ВВЕДЕНИЕ

История рабочего класса в Англии начинается со второй половины XVIII века, с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка. Эти изобретения послужили, как известно, толчком к промышленной революции — революции, которая одновременно произвела полный переворот в гражданском обществе и всемирно-историческое значение которой начинают уяснять себе лишь в настоящее время. Англия — классическая страна этого переворота, тем более мощного, чем бесшумнее он совершался, и Англия поэтому является также классической страной развития его главного результата — пролетариата. Только в Англии пролетариат может быть изучен во всех своих отношениях и со всех сторон.

Мы не будем здесь касаться ни истории этой революции, ни её огромного значения для настоящего и будущего. Это будет предметом дальнейшего, более обширного труда. В данный момент мы ограничимся тем немногим, что необходимо для уяснения последующих фактов, для понимания современного положения английского пролетариата.

До введения машин превращение сырья в пряжу и затем в ткань совершалось на дому у рабочего. Жена и дочери пряли пряжу, которую отец семейства превращал в ткань; если он сам её не обрабатывал, пряжа продавалась. Эти семьи ткачей жили большей частью в деревне, близ городов, и могли неплохо существовать на свой заработок, так как местный рынок всё ещё был в смысле спроса на ткани решающим и даже почти единственным рынком, а всесилие конкуренции, проложившей себе дорогу впоследствии в связи с завоеванием иностранных рынков и расширением торговли, не оказывало ещё заметного действия на заработную плату. К этому присоединялось ещё постоянное увеличение спроса на местном рынке, которое шло в ногу с медленным ростом населения и обеспечивало работой всех рабочих; к тому же сильная конкуренция между ними была

невозможна вследствие разбросанности их жилищ в сельской местности. Таким образом, ткач большей частью был даже в состоянии кое-что откладывать и арендовать небольшой участок земли, который он обрабатывал в часы досуга, а их у него было сколько угодно, так как он мог ткать когда и сколько ему хотелось. Правда, земледелец он был плохой, его хозяйство велось небрежно и не приносило существенного дохода; но, по крайней мере, он не был пролетарием, он вбил, как выражаются англичане, столб в родную землю, он был оседлым человеком и в обществе стоял на одну ступень выше, чем теперешний английский рабочий.

Так рабочие вели растительное и уютное существование, жили честно и спокойно, в мире и почёте, и материальное их положение было значительно лучше положения их потомков; им не приходилось переутомляться, они работали ровно столько, сколько им хотелось, и всё же зарабатывали, что им было нужно; у них был досуг для здоровой работы в саду или в поле — работы, которая сама уже была для них отдыхом, — и кроме того они имели ещё возможность принимать участие в развлечениях и играх соседей; а все эти игры в кегли, в мяч и т. п. содействовали сохранению здоровья и укреплению тела. Это были большей частью люди сильные, крепкие, своим телосложением мало или даже вовсе не отличавшиеся от окрестных крестьян. Дети росли на здоровом деревенском воздухе, и если им и случалось помогать в работе своим родителям, то это всё же бывало лишь время от времени, и, конечно, о восьми- или двенадцатичасовом рабочем дне не было и речи.

Легко себе представить, каков был моральный и интеллектуальный уровень этого класса. Отрезанные от городов, где они никогда не бывали, так как пряжу и ткань они сдавали разъездным агентам, от которых получали заработную плату, — отрезанные до такой степени, что старики, проживавшие в непосредственном соседстве с городом, никогда не бывали там, пока, наконец, машины, отняв у них их заработок, не привели их туда в поисках работы, — они в моральном и интеллектуальном отношении стояли на уровне крестьян, с которыми они большей частью были и непосредственно связаны благодаря своему участку арендованной земли. В своём *сквайре* — наиболее значительном из местных землевладельцев — они видели своего «естественного повелителя», искали у него совета, делали его судьёй в своих мелких спорах и проявляли к нему ту почтительность, которая обусловливается такими патриархальными отношениями. Они были людьми «почтенными» и хорошими отцами семейств, вели нравственную жизнь, по-

скольку у них отсутствовали и поводы к безнравственной жизни — кабаков и притонов поблизости не было, а трактирщик, у которого они временами утоляли жажду, сам был человек почтенный и большей частью крупный арендатор, торговал хорошим пивом, любил строгий порядок и по вечерам рано закрывал своё заведение. Дети целый день проводили дома с родителями и воспитывались в повиновении к ним и в страхе божием. Патриархальные семейные отношения не нарушались до свадьбы детей. Молодые люди росли в идиллической простоте и доверии вместе со своими товарищами по играм до самой свадьбы, и хотя половые сношения до брака были почти обычным явлением, но происходило это только тогда, когда обе стороны признавали за собой моральное обязательство к вступлению в брак, и состоявшаяся свадьба снова приводила всё в порядок. Одним словом, тогдашние английские промышленные рабочие жили и мыслили так, как живут ещё и теперь кое-где в Германии, замкнуто и обособленно, без духовной деятельности и без резких колебаний в условиях своей жизни. Они редко умели читать и ещё реже писать, аккуратно посещали церковь, не занимались политикой, не устраивали заговоров, не размышляли, увлекались физическими упражнениями, с благочестием, привитым с детства, слушали чтение библии и в своём непритязательном смирении прекрасно уживались с более привилегированными классами общества. Но зато в духовном отношении они были мертвы, жили только своими мелкими частными интересами, своим ткацким станком и садиком, и не знали ничего о том мощном движении, которым за пределами их деревень было охвачено всё человечество. Они чувствовали себя хорошо в своей тихой растительной жизни и, не будь промышленной революции, они никогда не расстались бы с этим образом жизни, правда, весьма романтичным и уютным, но всё же недостойным человека. Они и не были людьми, а были лишь рабочими машинами на службе немногих аристократов, которые до того времени вершили историю. Промышленная революция лишь довела дело до конца, полностью превратив рабочих в простые машины и лишив их последнего остатка самостоятельной деятельности, но она тем самым заставила их думать, заставила их добиваться положения, достойного человека. Как во Франции политика, так в Англии промышленность и вообще движение гражданского общества вовлекли в поток истории последние классы, остававшиеся ещё равнодушными к общим интересам человечества.

Первым изобретением, вызвавшим решительное изменение в положении английского рабочего, была *дженни,* построенная

ткачом *Джемсом Харгривсом* из Стандхилла близ Блэкберна в Северном Ланкашире (1764). Эта машина была грубым прототипом позднейшей мюль-машины и приводилась в движение рукой, но вместо одного веретена, как в обыкновенной ручной прялке, она имела шестнадцать-восемнадцать веретён, приводимых в движение одним работником. Вследствие этого явилась возможность производить гораздо больше пряжи чем раньше; в то время как раньше, когда на одного ткача работали три прядильщицы, пряжи всегда не хватало и ткачу часто приходилось ждать её, теперь пряжи стало больше, чем могло быть использовано наличными рабочими-ткачами. Спрос на ткани, который и без того возрастал, ещё более усилился, когда цены на них понизились в результате вызванного новой машиной сокращения издержек производства пряжи. Понадобилось больше ткачей, и заработок их повысился. Теперь, поскольку ткач мог заработать больше, стоя у станка, он мало-помалу забросил свои земледельческие занятия и занялся исключительно ткацким делом. В те времена семья из четырёх взрослых и двух детей, которых использовали для наматывания пряжи, могла при десяти часах работы в день заработать 4 ф. ст. (28 прусских талеров) в неделю, а часто и больше, если дела шли хорошо и работы было достаточно; нередко бывало, что один ткач зарабатывал за своим станком 2 ф. ст. в неделю. Так постепенно класс ткачей-земледельцев совершенно исчез и превратился в новый класс ткачей, которые существовали только на заработную плату, не имели никакой собственности, даже мнимой собственности в виде арендуемого клочка земли, и становились, таким образом, *пролетариями* (working men). К тому же наступил конец и прежним отношениям прядильщика и ткача. Раньше выработка пряжи и превращение её в ткань совершались, насколько это было возможно, под одной крышей. Теперь, когда для дженни, в такой же мере как и для ткацкого станка, потребовались сильные руки, прядением начали заниматься и мужчины, и оно стало единственным источником существования для целых семей; между тем другие семьи, наоборот, отложили в сторону устаревшую, отжившую свой век ручную прялку и, если у них не было средств для покупки дженни, были вынуждены довольствоваться тем заработком, который давал отцу семейства его ткацкий станок. Так с ткачества и прядения началось столь бесконечно развившееся впоследствии в промышленности разделение труда.

Появление этой первой и весьма ещё несовершенной машины не только вызвало развитие *промышленного пролетариата,* но и дало также толчок к возникновению *сельскохозяйственного про-*

летариата. До этого времени имелось множество мелких землевладельцев, так называемых иоменов, которые вели такую же тихую, лишённую всяких умственных интересов растительную жизнь, как и жившие среди них ткачи-земледельцы. Они обрабатывали свой клочок земли, следуя во всём старым несовершенным способам своих отцов, и противились всякому новшеству с упорством, свойственным людям привычки, не знавшим перемен в течение целого ряда поколений. Среди них было также много мелких арендаторов, но не арендаторов в современном смысле этого слова, а людей, которые в силу договорной наследственной аренды или в силу старинного обычая унаследовали от отцов и дедов свои мелкие участки и сидели на них до этого так же крепко, как если бы эти участки были их собственностью. Теперь, после того как промышленные рабочие отказались от земледелия, освободилось много участков земли, и на них обосновался новый класс *крупных арендаторов,* снимавших по пятьдесят, сто, двести и больше акров, так называемых tenants-at-will (т. е. арендаторов, которым каждый год могли отказать в аренде), которые сумели повысить доходность земли лучшей обработкой и ведением более крупного хозяйства. Они имели возможность продавать свои продукты дешевле, чем мелкий йомен; последнему ничего больше не оставалось, как продать участок, который не мог уже его прокормить, и либо обзавестись дженни или ткацким станком, либо наняться к крупному арендатору в качестве подёнщика, сельского пролетария. Его прирождённая косность и неспособность преодолеть унаследованную от дедов небрежность в обработке участка не оставляли ему иного выхода, поскольку ему приходилось конкурировать с людьми, обрабатывающими свою землю на более разумных началах и со всеми преимуществами, которые дают крупное хозяйство и затрата капиталов на улучшение почвы.

Однако развитие промышленности на этом не остановилось. Некоторые капиталисты стали устанавливать дженни в больших зданиях и приводить их в движение *силой воды;* это позволило им сократить число рабочих и продавать свою пряжу дешевле, чем мог это сделать прядильщик-одиночка, приводивший машину в движение просто рукой. Так как в устройство дженни постоянно вносились усовершенствования, машины то и дело оказывались устаревшими, их приходилось переделывать или заменять новыми; и если капиталист, применяя силу воды, мог ещё продержаться даже при устаревших машинах, то для прядильщика-одиночки это со временем стало невозможным. Если тем самым было положено начало фабричной системе,

то дальнейшее распространение она получила с появлением *ватер-машины,* изобретённой в 1767 г. *Ричардом Аркрайтом,* цирюльником из *Престона,* в Северном Ланкашире. Эта машина, которую по-немецки называют обычно Kettenstuhl, является наряду с паровой машиной важнейшим изобретением XVIII века в области механики. Она с самого начала была рассчитана на *механический двигатель* и основывалась на совершенно новых принципах. Соединив особенности дженни и ватер-машины, *Самюэл Кромптон* из *Фёрвуда,* в Ланкашире, изобрёл в 1785 г. *мюль-машину,* а когда около того же времени Аркрайт изобрёл *чесальную* и *ровничную* машину, фабричный способ производства стал единственно господствующим в бумагопрядении. Постепенно эти машины в результате некоторых незначительных изменений стали применяться в прядении шерсти, а позже (в первом десятилетии XIX века) и в прядении льна, вытесняя таким образом и отсюда ручной труд. Но и на этом дело не остановилось: в последние годы XVIII века д-р *Картрайт,* сельский священник, изобрёл *механический ткацкий станок* и около 1804 г. так его усовершенствовал, что он с успехом мог конкурировать с ручными ткачами; значение этих машин удвоилось благодаря *паровой машине,* изобретённой *Джемсом Уаттом* в 1764 г. и приспособленной с 1785 г. к приведению в движение прядильных машин.

Благодаря этим изобретениям, которые в дальнейшем с каждым годом всё более совершенствовались, *машинный труд одержал победу над ручным трудом* в главных отраслях английской промышленности, и вся дальнейшая история этой последней повествует лишь о том, как ручной труд уступал машине одну позицию за другой. Результатом явились, с одной стороны, — быстрое падение цен на все фабричные товары, расцвет торговли и промышленности, завоевание почти всех не защищённых пошлинами заграничных рынков, быстрый рост капиталов и национального богатства, а с другой, —ещё более быстрый численный рост пролетариата, утрата рабочим классом всякой собственности, всякой уверенности в заработке, деморализация, политические волнения и все те столь неприятные для имущих классов Англии факты, которые нам предстоит здесь рассмотреть. Мы видели, какой переворот вызвала в общественном положении низших классов одна даже столь несовершенная машина, как дженни, поэтому нас уже не удивит действие, произведённое целой системой взаимно дополняющих друг друга тонко разработанных механизмов, получающих от нас сырьё и возвращающих нам готовую ткань.

Проследим, однако, развитие английской промышленности* немного подробнее и начнём с главной её отрасли — *хлопчатобумажной промышленности.* В 1771—1775 гг. в среднем ежегодно ввозилось в Англию менее 5 млн. фунтов хлопка-сырца; в 1841 г. было ввезено 528 млн., а в 1844 г. ввоз составит не менее 600 млн. фунтов. В 1834 г. Англия вывезла 556 млн. ярдов хлопчатобумажной ткани, $76^1/_2$ млн. фунтов хлопчатобумажной пряжи и на 1200 тыс. ф. ст. хлопчатобумажных вязаных изделий. В том же году в хлопчатобумажной промышленности использовалось свыше 8 млн. веретён, 110 тыс. механических и 250 тыс. ручных ткацких станков, не считая ватер-машин, и, по вычислениям *Мак-Куллоха,* во всём Соединённом королевстве этой отраслью промышленности кормилось прямо или косвенно почти полтора миллиона человек, из которых только на фабриках работало 220 тыс.; двигательной энергии на этих фабриках расходовалось: паровой — 33 тыс. лошадиных сил и водяной — 11 тысяч. Теперь все эти цифры далеко превзойдены, и можно смело принять, что в 1845 г. количество и мощность машин, равно как и число рабочих, будут в полтора раза больше, чем в 1834 году. Эта промышленность имеет своим центром *Ланкашир*—графство, которое было её колыбелью и которое она насквозь революционизировала, превратив его из глухого, плохо освоенного болота в оживлённую, полную кипучей деятельности местность; в течение восьмидесяти лет она удесятерила его население и, как бы по мановению волшебного жезла, создала такие гигантские города, как *Ливерпуль* и *Манчестер,* которые насчитывают вместе 700 тыс. жителей, и их пригороды: *Болтон* (60 тыс.), *Рочдейл* (75 тыс.), *Олдем* (50 тыс.), *Престон* (60 тыс.), *Аштон* и *Стейлибридж* (40 тыс.) и целый ряд других фабричных городов. История Южного Ланкашира была свидетельницей величайших чудес нового времени, хотя об этом не принято говорить, и все эти чудеса создала хлопчатобумажная промышленность. Кроме того *Глазго* в Шотландии образует центр для второго хлопчатобумажного района, охватывающего *Ланаркшир* и *Ренфрушир,* и здесь также население главного города возросло со времени введения этой промышленности с 30 тыс. до 300 тыс. человек. *Чулочно-вязальное производство Ноттингема* и *Дерби* также

* По книге: Porter. «Progress of the Nation». London, 1836 — I vol., 1838 — II vol., 1843 — III vol. [Портер. «Прогресс нации». Лондон, 1836 — I т., 1838 — II т., 1843 — III т.] (по официальным данным) и по другим, большей частью тоже официальным, источникам.

(1892 г.) Данный здесь исторический очерк промышленного переворота в некоторых подробностях не точен, но в 1843—1844 гг. лучших источников не было[94]. *(Добавление Энгельса к немецкому изданию 1892 г.)*

получило новый толчок благодаря понижению цен на пряжу и второй толчок благодаря улучшению вязальной машины, давшему возможность вязать сразу два чулка на одном станке. *Производство кружев* тоже стало важной отраслью промышленности с 1777 г., когда была изобретена *тюлевая машина;* вскоре после этого *Линдли* изобрёл *кружевную машину,* а затем *Хиткот* в 1809 г. — *бобинетовую машину.* Изготовление кружев было благодаря этому бесконечно упрощено, и спрос на них с их удешевлением настолько возрос, что теперь в этом производстве занято не менее 200 тыс. человек. Главными его центрами являются *Ноттингем, Лестер* и Западная Англия *(Уилтшир, Девоншир* и др.). Такое же распространение получили и отрасли труда, находящиеся в зависимости от хлопчатобумажной промышленности, — беление, окраска и набивка. Благодаря замене кислорода *хлором* в *белении,* благодаря быстрому развитию химии, оказавшей влияние на *крашение* и *набивку,* благодаря целому ряду самых блестящих изобретений в области механики, повлиявших на развитие ситцепечатания, эти отрасли получили толчок, который вместе с усилением спроса, обусловленным ростом хлопчатобумажной промышленности, привёл их к небывалому расцвету.

Такая же деятельность началась и в *обработке шерсти,* которая была раньше главной отраслью английской промышленности; но продукция прежних лет — ничто в сравнении с тем, что производится теперь. В 1782 г. весь сбор шерсти предыдущих трёх лет лежал необработанным за недостатком рабочих и так и пролежал бы, если бы на помощь не подоспели новоизобретённые машины, которые выпряли всю эту шерсть. Приспособление этих машин к прядению шерсти увенчалось полным успехом. С этого момента в округах, обрабатывающих шерсть, началось такое же быстрое развитие, как то, которое * мы видели в хлопчатобумажных районах. В 1738 г. в *Западном округе Йоркшира* было произведено 75 тыс. кусков шерстяных тканей, а в 1817 г. —490 тыс., и развитие шерстяной промышленности пошло таким быстрым темпом, что в 1834 г. было вывезено на 450 тыс. кусков ткани больше, чем в 1825 году. — В 1801 г. было переработано 101 млн. фунтов шерсти (из них 7 млн. привозной), а в 1835 г. было переработано 180 млн. фунтов (из них 42 млн. привозной). Главным центром этой промышленности является Западный округ Йоркшира, где, в частности в *Брадфорде,* длинная английская шерсть перерабатывается в шерсть для вязания и т. д., а в остальных городах, как *Лидс, Галифакс, Хаддерсфилд* и др., короткая шерсть перерабатывается в кручёную пряжу и затем в суконные изделия;

далее, граничащая с Йоркширом часть *Ланкашира,* окрестности *Рочдейла,* где наряду с выработкой хлопчатобумажных изделий производится много фланели, и, наконец, *Западная Англия,* где производятся самые тонкие сукна. Прирост населения здесь также заслуживает внимания:

	1801 г.		1831 г.	
В Брадфорде.	29000	жит.	77000	жит.
» Галифаксе	63000	»	110000	»
» Хаддерсфилде.	15000	»	34 000	»
» Лидсе.	53000	»	123000	»
а во всём Западном округе Йоркшира	564000	»	980000	»

С 1831 г. население это возросло по меньшей мере на 20—25%. В 1835 г. прядением шерсти по всему Соединённому королевству было занято 1313 фабрик с 71300 рабочих, причём в это число входит лишь небольшая часть той огромной массы людей, для которой обработка шерсти является прямым или косвенным источником существования, и почти вовсе не входят ткачи.

В *льняной промышленности* прогресс начался позже, ибо здесь естественные свойства сырья значительно затрудняли применение прядильных машин. Правда, уже в последние годы XVIII века в Шотландии были предприняты попытки подобного рода, но только в 1810 г. французу *Жирару* удалось практически осуществить машинное *прядение льна.* Однако и его машины получили подобающее им признание на британской почве лишь после усовершенствований, внесённых в них в Англии, и благодаря повсеместному применению, которое они нашли в *Лидсе, Данди* и *Белфасте.* И с этих пор началось быстрое развитие английской льняной промышленности. В 1814 г. в Данди было ввезено 3 тыс. тонн* льна, в 1833 г.—19 тыс. тонн льна и 3400 тонн пеньки. Ввоз ирландских полотен в Великобританию возрос с 32 млн. ярдов (1800 г.) до 53 млн. (1825 г.), из этого количества большая часть была снова вывезена; вывоз английских и шотландских льняных тканей возрос с 24 млн. ярдов (1820 г.) до 51 млн. (1833 г.). Число льнопрядилен доходило в 1835 г. до 347 с 33 тыс. рабочих; из них половина находилась в Южной Шотландии, свыше 60 — в Западном округе Йоркшира (Лидс и окрестности), 25 — в Белфасте, в Ирландии, а остальные —в Дорсетшире и Ланкашире. Льняные ткани производятся в Южной Шотландии, в некоторых местностях Англии, но в особенности в Ирландии.

* Английская тонна равняется 2240 английским фунтам, около 1000 килограммов.

С неменьшим успехом англичане занялись *обработкой шёлка.* Сырьё они получали из Южной Европы и Азии, уже в виде пряжи, и главная работа сводилась к кручению тонкой нити *(трамы).* До 1824 г. высокая пошлина на шёлк-сырец (4 шиллинга на фунт) сильно стесняла развитие английской шёлковой промышленности, для которой единственным рынком являлись, благодаря покровительственным пошлинам, Англия и её колонии. В дальнейшем ввозная пошлина была понижена до 1 пенса, и число фабрик тотчас же значительно возросло. В течение одного года число тростильных веретён возросло с 780 тыс. до 1180 тыс., и если торговый кризис 1825 г. на некоторое время и парализовал развитие этой отрасли промышленности, то тем не менее уже в 1827 г. в этой области производилось больше чем когда-либо, так как сноровка и опыт англичан в области техники обеспечивали их крутильным машинам превосходство над неуклюжими механизмами их конкурентов. В 1835 г. Великобритания насчитывала 263 шёлкокрутильные фабрики с 30 тыс. рабочих, сосредоточенные большей частью в *Чешире (Маклсфилд, Конглтон* и окрестности), в *Манчестере* и в *Сомерсетшире.* Кроме того есть ещё множество фабрик, занимающихся обработкой охлопков шёлкового кокона; из них изготовляют особую пряжу (spunsilk), которой англичане снабжают даже парижские и лионские ткацкие фабрики. Ткут таким способом обработанный шёлк главным образом в Шотландии (в *Пейсли* и др.) и Лондоне (в *Спиталфилдсе),* но также и в *Манчестере* и некоторых других местах.

Но гигантский подъём английской промышленности, начавшийся в 1760 г., не ограничился одним только производством тканей. Раз данный толчок распространился на все отрасли промышленной деятельности, и множество изобретений, не находившихся ни в какой связи с упомянутыми выше, приобрели, в силу того что их появление совпало с общим оживлением, гораздо большее значение. Далее, после того как было практически доказано огромное значение механической энергии в промышленности, всё было пущено в ход, чтобы всесторонне использовать эту энергию и извлечь из неё выгоду для отдельных изобретателей и фабрикантов; к тому же самый спрос на машины, топливо и сырьё непосредственно потребовал от массы рабочих и от отдельных отраслей промышленности удвоенной деятельности. С появлением паровой машины впервые приобрели значение обширные *угольные залежи* Англии; только теперь зародилось *производство машин,* а с ним усилился интерес к *железным рудникам,* поставлявшим сырьё для этого производства. Повышенное потребление шерсти подняло английское овце-

водство, а усилившийся ввоз шерсти, льна и шёлка вызвал рост английского торгового флота. Более всего усилилось *производство железа.* Богатые железом рудники Англии раньше мало разрабатывались; при плавлении железной руды всегда применяли древесный уголь, который, по мере развития земледелия и истребления лесов, производился всё в меньшем количестве и становился всё дороже. В прошлом столетии впервые стали применять пережжённый каменный уголь (кокс), а с 1780 г. был открыт новый способ, позволявший превращать расплавленное на коксе железо, из которого до тех пор получали только чугун, в ковкое железо. Этот способ, который заключается в извлечении углерода, примешивающегося к железу во время плавления, англичане называют пудлингованием; он открыл совершенно новое поле деятельности для английского железоделательного производства. Доменные печи стали строить в 50 раз больших размеров чем раньше, плавление руды упростилось благодаря горячему дутью, и производство железа так удешевилось, что оказалось возможным делать из железа массу вещей, которые раньше изготовлялись из дерева или камня. В 1788 г. *Томас Пэйн,* известный демократ, построил в Йоркшире первый железный мост, за которым последовало множество других, и в настоящее время почти все мосты, в особенности железнодорожные, делаются из чугуна, а в Лондоне из этого материала построен даже мост через Темзу (Саутворкский мост); железные столбы, железные станины для машин и т. д. стали обычным явлением, а с введением газового освещения и железных дорог английскому железоделательному производству открылись новые области сбыта. Постепенно при помощи машин стали изготовляться также винты и гвозди. *Хантсмен,* уроженец Шеффилда, открыл в 1760 г. способ литья стали, который упразднил много лишней работы и сделал возможным производство ранее неведомых дешёвых изделий. Благодаря более высокому качеству сырья, усовершенствованным инструментам, новому машинному оборудованию и большому разделению труда английское производство металлических изделий тогда впервые приобрело своё значение. Население *Бирмингема* возросло с 73 тыс. (1801 г.) до 200 тыс. (1844 г.), население *Шеффилда* возросло с 46 тыс. (1801 г.) до 110 тыс. (1844 г.), а потребление угля в одном этом последнем городе достигало в 1836 г. 515 тыс. тонн. В 1805 г. было вывезено 4300 тонн железных изделий и 4600 тонн чугуна, а в 1834 г. — 16200 тонн железных изделий и 107 тыс. тонн чугуна, и всё производство железа, не превышавшее в 1740 г. 17 тыс. тонн, в 1834 г. достигло почти 700 тыс. тонн. На одну только выплавку

чугуна тратится ежегодно свыше 3 млн. тонн угля, и даже трудно себе представить, какое огромное значение приобрели в течение последних шестидесяти лет *угольные копи.* В настоящее время все английские и шотландские угольные залежи разрабатываются, и одни только копи *Нортумберленда* и *Дургама* доставляют ежегодно свыше 5 млн. тонн для экспорта и занимают 40—50 тыс. рабочих. По сведениям газеты «Durham Chronicle»[95], в этих двух графствах разрабатывалось:

в 1753 г.	14 копей
1800 г.	40 »
1836 г.	76 »
и в 1843 г.	130 »

Притом все копи разрабатываются теперь гораздо энергичнее, чем раньше. То же самое имеет место в *оловянных, медных* и *свинцовых рудниках,* а наряду с развитием *производства стекла* зародилась новая отрасль промышленности — *гончарное производство,* получившее особое значение около 1763 г. благодаря *Джозайе Уэджвуду.* Последний положил начало изготовлению гончарных изделий на научных принципах, способствовал развитию художественного вкуса и создал *керамические заводы* (potteries) в *Северном Стаффордшире,* округе в 8х8 английских миль, который раньше был бесплодной пустыней, а теперь усеян фабриками и жилыми домами и даёт пропитание более чем 60 тыс. человек.

В этот общий поток было вовлечено решительно всё. Произошёл переворот и в *земледелии.* Не только владение землёй и её обработка перешли, как мы видели, в другие руки, — сельское хозяйство было затронуто и в другом отношении. Крупные арендаторы стали затрачивать капитал на улучшение почвы, сносить ненужные изгороди, осушать и удобрять, применять лучшие орудия и вводить систематическое плодосменное хозяйство (cropping by rotation). Им также помог прогресс науки: сэр *Г. Дэви* с успехом применил химию в земледелии, а развитие техники дало крупным арендаторам ряд преимуществ. К тому же спрос на земледельческие продукты вследствие роста населения так увеличился, что, хотя с 1760 по 1834 г. в пашню было превращено 6840540 акров невозделанной земли, Англия из страны, вывозившей хлеб, превратилась в страну, ввозящую его.

Такая же кипучая деятельность проявилась и в строительстве *путей сообщения.* С 1818 по 1829 г. в Англии и Уэльсе было проложено 1 тыс. английских миль шоссейных дорог установ-

вленной законом ширины в 60 футов и почти все старые шоссе были переделаны по системе *Мак-Адама.* В *Шотландии* ведомство общественных работ с 1803 г. соорудило девятьсот миль шоссейных дорог и построило свыше тысячи мостов, благодаря чему жители горной Шотландии сразу были приобщены к цивилизации. Раньше горцы занимались большей частью браконьерством и контрабандой; теперь они стали прилежными земледельцами и ремесленниками, и хотя для сохранения гэльского языка устроены специальные школы, гэлокельтские нравы и язык быстро уступают влиянию английской цивилизации. Точно так же было и в *Ирландии.* Между графствами *Корк, Лимерик* и *Керри* лежала до сих пор пустынная местность без каких-либо проезжих дорог, которая вследствие своей недоступности служила убежищем для всех нарушителей закона и являлась оплотом кельто-ирландской национальности в Южной Ирландии; эту местность прорезали дорогами и таким образом открыли доступ цивилизации и в эту глушь. Вся Великобритания, и в особенности Англия, имевшая лет шестьдесят тому назад такие же плохие дороги, как тогдашняя Германия и Франция, покрыта теперь сетью прекраснейших шоссе, и все они, как и почти всё в Англии, являются делом рук частных предпринимателей, так как государство ничего или почти ничего для этого не сделало.

До 1755 г. Англия почти не имела *каналов.* В 1755 г. в Ланкашире был проведён канал от *Санки-Брука* до *Сент-Хеленса,* а в 1759 г. *Джемс Бриндли* построил первый большой канал, канал *герцога Бриджуотера,* который идёт от *Манчестера* и окрестных каменноугольных копей к устью реки *Мерсей* и проведён недалеко от *Бартона* через реку *Эруэлл* при помощи акведука. С этого момента берёт своё начало английское строительство каналов, которому Бриндли первый придал значение. С тех пор было проложено множество каналов во всех направлениях и реки были сделаны судоходными. В одной *Англии* насчитывается 2200 миль каналов и 1800 миль судоходных рек; в *Шотландии* был построен *Каледонский канал,* пересекающий всю страну, и в *Ирландии* тоже прорыты различные каналы. И эти сооружения, подобно железным дорогам и шоссе, почти все являются делом рук частных лиц и компаний.

Железные дороги были проложены лишь в последнее время. Первая крупная железная дорога была проведена из *Ливерпуля* в *Манчестер* (открыта в 1830 г.); с тех пор все крупные города были соединены между собой железными дорогами. Лондон с Саутгемптоном, Брайтоном, Дувром, Колчестером, Кембриджем, Эксетером (через Бристоль) и Бирмингемом; Бирмингем

с Глостером, Ливерпулем, Ланкастером (через Ньютон и Уиган и через Манчестер и Болтон), далее с Лидсом (через Манчестер и Галифакс и через Лестер, Дерби и Шеффилд), а Лидс — с Гуллем и Ньюкаслом (через Йорк). Сюда надо добавить ещё множество мелких линий, строящихся и проектируемых, благодаря которым скоро сделается возможным совершить поездку из Эдинбурга в Лондон в один день.

Пар не только произвёл революцию в средствах сообщения на суше, он придал им новый облик и на воде. Первый пароход был спущен на воду в 1807 г. на реке Гудзон, в Северной Америке, а в Великобритании—в 1811 г. на реке Клайд. С тех пор в Англии было построено более 600 пароходов, и в 1836 г. в английских гаванях их насчитывалось свыше 500.

Такова в кратких чертах история английской промышленности за последние шестьдесят лет, история, которая не имеет ничего равного себе в летописях человечества. Шестьдесят-восемьдесят лет тому назад Англия была страной, похожей на всякую другую, с маленькими городами, с незначительной и мало развитой промышленностью, с редким, преимущественно земледельческим населением. Теперь это — страна, непохожая ни на какую другую, со столицей в $2^{1}/_{2}$ миллиона жителей, с огромными фабричными городами, с индустрией, снабжающей своими изделиями весь мир и производящей почти всё при помощи чрезвычайно сложных машин, с трудолюбивым, интеллигентным, густым населением, две трети которого заняты в промышленности* и которое состоит из совершенно других классов, мало того—составляет совершенно другую нацию с другими нравами и с другими потребностями, чем раньше. Промышленная революция имеет такое же значение для Англии, как политическая революция—для Франции, как философская революция—для Германии. И различие между Англией 1760 г. и Англией 1844 г. по меньшей мере так же велико, как между Францией при ancien regime** и Францией июльской революции. Но самым важным детищем этого промышленного переворота является английский пролетариат.

Мы уже видели, как введение машин вызвало к жизни пролетариат. Быстрое развитие промышленности создало потребность в рабочих руках; заработная плата повысилась, и вследствие этого толпы рабочих устремились из земледельческих

* В английских изданиях 1887 и 1892 гг. после слова «промышленности» стоят слова «и торговле». *Ред.*
** — старом порядке. *Ред.*

округов в города. Население росло с неимоверной быстротой, и почти весь прирост приходился на рабочий класс. К тому же Ирландия только в начале XVIII века была приведена в состояние спокойствия; и здесь население, которое уменьшилось больше чем на одну десятую в результате жестокостей англичан во время предшествовавших волнений, быстро стало увеличиваться, в особенности с тех пор как расцвет промышленности стал привлекать множество ирландцев в Англию. Так возникли большие фабричные и торговые города Великобритании, в которых по меньшей мере три четверти населения принадлежат к рабочему классу, а мелкая буржуазия состоит только из лавочников и очень, очень немногочисленных ремесленников. Но возникшая промышленность лишь потому так разрослась, что она заменила инструменты машинами, мастерские фабриками и тем самым превратила трудовые элементы среднего класса в рабочих пролетариев, а прежних крупных торговцев в фабрикантов; она вытеснила мелкую буржуазию и свела все различия населения к противоположности между рабочими и капиталистами. И за пределами промышленности в узком смысле слова, в области ремесла и даже торговли произошло то же самое. Вместо прежних мастеров с их подмастерьями появились, с одной стороны, крупные капиталисты, с другой — рабочие, не имеющие никакой надежды подняться над положением своего класса; ремесло превратилось в фабричное производство, стало строго проводиться разделение труда, и мелкие мастера, не имевшие возможности конкурировать с крупными предприятиями, были оттеснены в ряды пролетариата. Но в то же время с уничтожением прежнего ремесленного производства, с исчезновением мелкой буржуазии для рабочего пропала всякая возможность самому стать буржуа. Прежде у него всегда была надежда обзавестись своей мастерской и впоследствии, может быть, нанять подмастерьев; теперь же, когда сами мастера вытеснялись фабрикантами, когда для устройства самостоятельного дела появилась необходимость в больших капиталах, рабочий класс впервые действительно стал устойчивым классом населения, между тем как раньше положение рабочего нередко бывало лишь этапом на пути к положению буржуа. Теперь тот, кто родился рабочим, не имеет иных перспектив, как остаться им навсегда. Вот почему только теперь пролетариат в состояния создать своё самостоятельное движение.

Таким образом возникла эта громадная, заполняющая теперь всю Великобританию масса рабочих, социальное положение которых с каждым днём всё более и более привлекает внимание цивилизованного мира.

Положение рабочего класса — это положение огромного большинства английского народа. Вопрос о том, какова должна быть участь этих миллионов обездоленных, которые проедают сегодня то, что заработали вчера, которые своей изобретательностью и своим трудом создали величие Англии, которые с каждым днём всё более сознают свою силу и всё настоятельнее требуют своей доли в общественных благах, — этот вопрос со времени билля о реформе[96] стал вопросом общенациональным. Все мало-мальски важные парламентские дебаты можно свести к этому вопросу, и если английская буржуазия до настоящего времени этого признать не хочет, если она пытается замолчать этот великий вопрос и выставить свои собственные интересы как интересы истинно национальные, то ей это вовсе не удаётся сделать. С каждой парламентской сессией вопрос о рабочем классе приобретает всё большее значение, а интересы буржуазии отступают на задний план, и, хотя буржуазия и является главной и даже единственной силой в парламенте, всё же последняя сессия 1844 г. представляла собой сплошные прения по рабочему вопросу (билль о бедных, фабричный билль, билль об отношениях между господами и слугами)[97]. Томас Данкомб, представитель рабочего класса в палате общин, был центральной фигурой сессии, между тем как либеральная буржуазия, с её требованием отмены хлебных законов, и радикальная буржуазия, с её предложением об отказе платить налоги, играли очень жалкую роль. Даже прения об Ирландии были по существу лишь прениями о положении ирландского пролетариата и о том, как ему помочь. Да и давно уже пора английской буржуазии сделать уступки рабочим, которые не просят, а угрожают и требуют; ведь очень скоро, быть может, будет уже поздно.

Однако английская буржуазия и в особенности фабриканты, которые непосредственно наживаются на нужде рабочих, игнорируют эту нужду. Считая себя самым могущественным классом—классом, представляющим нацию, буржуазия стыдится раскрыть перед всем миром эту язву Англии; она не хочет признать бедственное положение рабочих, потому что именно *на неё,* на имущий класс промышленников, ложится моральная ответственность за это бедственное положение. Отсюда та насмешливая улыбка, с которой образованные англичане — а ведь только их, т. е. буржуазию, и знают на континенте — отвечают обычно на все разговоры о положении рабочих; отсюда характерное для всей буржуазии полное невежество во всём, что касается рабочих; отсюда смехотворные промахи, которые она делает в парламенте и вне его, когда заходит речь о положении

пролетариата; отсюда её весёлая беззаботность в то время как почва уходит у неё из-под ног и может каждый день провалиться — и эта скорая катастрофа так же неизбежна, как действие закона механики или математики; отсюда то поразительное обстоятельство, что англичане не имеют ещё ни одной полноценной книги, посвящённой положению их рабочих, несмотря на то, что они уже бог знает сколько лет «изучают» и «улучшают» это положение. Но отсюда также и то глубокое возмущение всего рабочего класса, от Глазго до Лондона, против богачей, которые систематически эксплуатируют рабочих, а затем безжалостно бросают их на произвол судьбы. Это возмущение через недолгий срок — этот срок можно почти вычислить — выльется в революцию, по сравнению с которой первая французская революция и 1794 год покажутся детской игрой.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ

Последовательность, в которой должны быть рассмотрены различные отряды пролетариата, вытекает сама собой из вышеизложенной истории его возникновения. Первые пролетарии появились в промышленности и были её прямым детищем; поэтому мы прежде всего обратимся к *промышленным рабочим,* т. е. тем, которые занимаются обработкой сырья. Добыча материала для промышленности, т. е. сырья и топлива, приобрела значение лишь вследствие промышленного переворота, и только тогда мог создаться новый вид пролетариата, а именно *рабочие угольных копей и рудников.* В третью очередь развитие промышленности повлияло на *сельское хозяйство* и в четвёртую — на *Ирландию,* чем и определяется последовательность, в которой мы будем изучать соответствующие категории пролетариата. Мы также увидим, что, за исключением разве ирландцев, уровень развития различных рабочих находится в прямой зависимости от их связи с промышленностью, что, следовательно, промышленные рабочие лучше всех сознают свои интересы, горнорабочие уже хуже, а сельскохозяйственные рабочие ещё почти совсем их не сознают. Мы обнаружим эту зависимость также и в рядах самого промышленного пролетариата: мы увидим, что фабричные рабочие—эти первенцы промышленной революции — с самого начала и до настоящего времени являлись ядром рабочего движения и что остальные рабочие примыкали к движению в той мере, в какой их ремесло захватывалось промышленным переворотом. Таким образом, на примере Англии, наблюдая это соответствие между рабочим движением и промышленным развитием, мы лучше поймём историческое значение промышленности.

Но так как в настоящий момент почти весь промышленный пролетариат уже охвачен движением и положение отдельных его отрядов, именно в силу того, что они все заняты в промышленности, имеет много общего, то мы сначала изложим эти общие черты, чтобы потом тем более подробно рассмотреть отдельные группы в их характерных особенностях.

———

Выше мы уже показали, каким образом промышленность централизует собственность в руках немногих. Она требует крупных капиталов, при помощи которых создаёт колоссальные предприятия, разоряя этим ремесленную мелкую буржуазию, и подчиняет себе силы природы, вытесняя с рынка ремесленника-одиночку. Разделение труда, использование силы воды и в особенности силы пара, применение машин — вот те три великих рычага, при помощи которых промышленность с середины XVIII века расшатывает устои старого мира. Мелкая промышленность создала буржуазию, крупная создала рабочий класс и возвела немногих избранных из рядов буржуазии на трон, но только затем, чтобы тем вернее когда-нибудь их низвергнуть. Пока же остаётся неоспоримым и легко объяснимым тот факт, что многочисленная мелкая буржуазия «доброго старого времени» была уничтожена промышленностью и выделила из своей среды богатых капиталистов, с одной стороны, и бедных рабочих—с другой[*].

Но централизующая тенденция промышленности этим не ограничивается. Население так же централизуется, как и капитал; и это вполне естественно, ведь в промышленности человек, рабочий, рассматривается лишь как своего рода капитал, который сам себя предоставляет в пользование фабриканту, за что тот платит ему проценты под названием заработное платы. Крупное промышленное предприятие требует совместного труда многих рабочих в одном помещении; эти рабочие должны жить поблизости: даже при небольшой фабрике они образуют целый посёлок. У них есть известные потребности, для удовлетворения которых нужны ещё люди: ремесленники, портные, сапожники, пекари, каменщики, столяры селятся тут же. Население посёлка, в особенности молодое поколение, приучается к работе на фабрике, свыкается с ней; когда первая фабрика уже не может, что вполне естественно, обеспечить работой всех желающих, заработная плата падает, и результатом является обоснование в данной местности новых фабрикантов. Так посёлок превращается в городок, а городок в большой город. Чем больше город, тем выгоднее в нём обосноваться: тут и железная дорога, и каналы, и шоссе; выбор обученных рабочих становится всё больше; благодаря конкуренции в строительном деле и в производстве машин организация новых предприятий тут, где всё под

[*] Ср. мои «Наброски к критике политической экономии» в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»»[98]. В этой работе речь идёт о «свободной конкуренции», но промышленность есть лишь практика свободной конкуренции, а эта последняя — лишь принцип промышленности.

рукой, обходится дешевле, чем в более отдалённых местностях, куда нужно предварительно доставить не только строительный материал и машины, но и строительных и фабричных рабочих; тут рынок, биржа, где встречаются покупатели; тут есть непосредственная связь с рынками сырья и сбыта готовых товаров. Этим обусловливается поразительно быстрый рост больших фабричных городов. — Правда, деревня, в свою очередь, имеет перед городом то преимущество, что там обычно можно дешевле нанять рабочих. Таким образом, конкуренция между деревней и фабричным городом не прекращается, и если сегодня преимущество на стороне города, то завтра заработная плата в деревне упадёт настолько низко, что станет более выгодным строить новые фабрики в деревне. Но централизующая тенденция промышленности остаётся при атом в полной силе, и каждая новая фабрика, построенная в деревне, носит в себе зародыш фабричного города. Если бы эта бешеная гонка промышленности могла так продолжаться ещё сотню лет, каждый из промышленных округов Англии превратился бы в один громадный фабричный город, и Манчестер и Ливерпуль встретились бы где-нибудь возле Уоррингтона или Ньютона. Эта централизация населения идёт тем же путём и в торговле, и потому несколько больших гаваней, как Ливерпуль, Бристоль, Гулль и Лондон, монополизируют почти всю морскую торговлю Великобритании.

Так как в этих больших городах промышленность и торговля наиболее развиты, то последствия этого развития по отношению к пролетариату здесь наиболее ясно выступают наружу. Здесь централизация собственности достигает своего апогея; здесь нравы и отношения доброго старого времени наиболее радикально уничтожены; здесь дело зашло так далеко, что слова «Old merry England»* уже никому ничего не говорят, потому что об «Old England» никто уже не знает даже по воспоминаниям и из рассказов стариков. Здесь имеется только класс богатых и класс бедных, ибо мелкая буржуазия с каждым днём всё более исчезает. Мелкая буржуазия, этот некогда наиболее устойчивый класс, стала теперь классом наиболее подвижным; она состоит ещё из немногих обломков прошлой эпохи и из людей, жаждущих обогатиться, в полном смысле слова рыцарей наживы и спекуляции, из которых один, быть может, и разбогатеет там, где девяносто девять обанкротились, причём из этих девяносто девяти более половины существует только банкротством.

Но огромное большинство населения в этих городах образуют пролетарии, и мы сейчас рассмотрим, какова их жизнь, какое влияние оказывают на них большие города.

* — «Добрая старая Англия». *Ред.*

БОЛЬШИЕ ГОРОДА

Такой город, как Лондон, по которому бродишь часами, не видя ему конца и не встречая ни малейшего признака того, что где-нибудь поблизости начинается открытое поле, — такой город представляет из себя нечто совсем особенное. Эта колоссальная централизация, это скопление двух с половиной миллионов людей в одном месте умножили силы этих двух с половиной миллионов людей в сотню раз; они превратили Лондон в торговую столицу мира, создали гигантские доки и собрали те тысячи кораблей, которые всегда покрывают Темзу. Я не знаю ничего более внушительного, чем вид Темзы, когда с моря подъезжаешь к Лондонскому мосту. Эти массы домов, верфи с обеих сторон и в особенности со стороны Вулиджа, бесчисленное множество судов вдоль обоих берегов, всё плотнее и плотнее смыкающихся и под конец оставляющих лишь узенькое пространство посередине реки, по которому постоянно снуют сотни пароходов,—всё это столь величественно, столь грандиозно, что не можешь опомниться и приходишь в изумление от величие Англии ещё до того, как вступишь на английскую землю*.

Но каких жертв всё это стоило, — это обнаруживаешь только впоследствии. Только потолкавшись несколько дней по главным улицам, с трудом пробиваясь сквозь толпы людей, бесконечные вереницы экипажей и повозок, только побывав в «трущобах» мирового города, начинаешь замечать, что лондонцам пришлось пожертвовать лучшими чертами своей человеческой природы, чтобы создать все те чудеса цивилизации, которыми полон их город, что заложенные в каждом из них сотни сил остались без применения и были подавлены для того, чтобы немногие из этих сил получили полное развитие и могли ещё умножиться посредством соединения с силами остальных. Уже в самой уличной толкотне есть что-то отвратительное, что-то

* (1892 г.) Это писалось почти 50 лет тому назад, в эпоху живописных парусных судов. В настоящее время такие суда, если они и появляются в Лондоне, остаются **в** доках, а Темза покрыта закоптелыми, уродливыми пароходами. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1892 г.)*

противное природе человека. Разве эти сотни тысяч, представители всех классов и всех сословий, толпящиеся на улицах, разве не все они — люди с одинаковыми свойствами и способностями и одинаковым стремлением к счастью? И разве для достижения этого счастья у них не одинаковые средства и пути? И тем не менее они пробегают один мимо другого, как будто между ними нет ничего общего, как будто им и дела нет друг до друга, и только в одном установилось безмолвное соглашение, что идущий по тротуару должен держаться правой стороны, чтобы встречные толпы не задерживались; и при этом никому и в голову не приходит удостоить остальных хотя бы взглядом. Это жестокое равнодушие, эта бесчувственная обособленность каждого человека, преследующего исключительно свои частные интересы, тем более отвратительны и оскорбительны, что все эти люди скопляются на небольшом пространстве. И хотя мы и знаем, что эта обособленность каждого, этот ограниченный эгоизм есть основной и всеобщий принцип нашего современного общества, всё же нигде эти черты не выступают так обнажённо и нагло, так самоуверенно, как именно здесь, в сутолоке большого города. Раздробление человечества на монады, из которых каждая имеет свой особый жизненный принцип, свою особую цель, этот мир атомов достигает здесь своего апогея.

Отсюда также вытекает, что социальная война, война всех против всех провозглашена здесь открыто. Подобно любезному Штирнеру, каждый смотрит на другого только ;как на объект для использования; каждый эксплуатирует другого, и при этом получается, что более сильный попирает более слабого и что кучка сильных, т. е. капиталистов, присваивает себе всё, а массе слабых, т. е. беднякам, едва-едва остаётся на жизнь.

Всё, что можно сказать о Лондоне, применимо также к Манчестеру, Бирмингему и Лидсу, ко всем большим городам. Везде варварское равнодушие, беспощадный эгоизм, с одной стороны, и неописуемая нищета — с другой, везде социальная война, дом каждого в осадном положении, везде взаимный грабёж под охраной закона, и всё это делается с такой бесстыдной откровенностью, что приходишь в ужас от последствий нашего общественного строя, которые выступают здесь столь обнажённо, и уже ничему не удивляешься, разве только тому, что в этом безумном круговороте всё до сих пор ещё не разлетелось прахом.

Так как оружием в этой социальной войне является капитал, т. е. прямое или косвенное обладание жизненными средствами и средствами производства, то ясно, что все невыгоды такого положения падают на бедняка. О нём не заботится никто;

брошенный в этот засасывающий водоворот, он должен пробираться как умеет. Если ему посчастливилось найти работу, т. е. если буржуазия милостиво согласилась на нём наживаться, его ждёт заработная плата, которой едва хватит, чтобы удержать душу в теле; если же он не нашёл работы, он может воровать, если не боится полиции, или умереть с голоду, а полиция уж позаботится о том, чтобы он умер тихо, не нарушая покоя буржуазии. За время моего пребывания в Англии умерло от голода в прямом смысле слова при самых возмутительных условиях по меньшей мере 20—30 человек, и редко можно было встретить присяжных, достаточно смелых, чтобы открыто признать это при осмотре трупа. Показания свидетелей могли быть ясны и недвусмысленны, но буржуа, из числа которых выбирались присяжные, всегда находили лазейку, чтобы уклониться от страшного вердикта: «Умер от голода». Буржуазия *не смеет* в таких случаях сказать правду: это означало бы для неё произнести свой собственный приговор. Но ещё гораздо больше людей умирает не в прямом смысле от голода, а от его последствий: постоянное недоедание вызывает смертельные болезни и умножает число жертв; оно настолько истощает организм, что случаи, которые при других условиях окончились бы вполне благополучно, неизбежно приводят к тяжёлым заболеваниям и смерти. Английские рабочие называют это социальным убийством и обвиняют в этом непрерывно совершаемом преступлении всё общество. Разве они не правы?

Конечно, умирают от голода всегда только единицы. Но кто даст рабочему гарантию, что завтра не наступит и его черёд? Кто обеспечит ему работу? Кто ему поручится, что, если завтра хозяин по какому-либо поводу или без всякого повода уволит его, он сможет просуществовать со своей семьёй до тех пор, пока другой хозяин не согласится «предоставить ему кусок хлеба»? Кто убедит рабочего в том, что одного желания работать достаточно, чтобы найти работу, что честность, трудолюбие, бережливость и все прочие добродетели, рекомендуемые ему мудрой буржуазией, действительно приведут его к счастью? Никто. Рабочий знает, чем он располагает сегодня, и знает также, что от него самого не зависит, будет ли у него что-нибудь завтра; он знает, что любой пустяк, любая прихоть работодателя, любая заминка в торговле могут снова столкнуть его в тот страшный водоворот, из которого он на время спасся и в котором трудно, часто невозможно, удержаться на поверхности. Он знает, что если у него сегодня и есть возможность просуществовать, то далеко нет уверенности в том, будет ли она у него завтра.

Перейдём, однако, к более подробному исследованию того положения, к которому социальная война приводит неимущий класс. Посмотрим, какое жилище, какую одежду и пищу общество даёт рабочим в уплату за их работу, какое существование оно обеспечивает тем, кто более всего способствует существованию общества. Начнём с жилища.

Каждый большой город имеет свои густо заселённые рабочим классом трущобы, расположенные в одном или нескольких районах. Правда, часто нищета ютится в тесных закоулках в непосредственной близости от дворцов богачей, но обычно ей отведён совершенно отдельный участок, в котором, вдали от глаз более счастливых классов, она должна сама перебиваться, как умеет. Эти трущобы во всех городах Англии в общем одинаковы; это самые отвратительные дома в самой скверной части города, чаще всего вереницы двухэтажных или одноэтажных кирпичных зданий, почти всегда расположенных в беспорядке, с жилыми подвалами во многих из них. Такие домики, состоящие из трёх-четырёх комнат и кухни, называются коттеджами и составляют во всей Англии, за исключением некоторых частей Лондона, обычное жилище рабочего. Улицы здесь обычно немощёные, грязные, с ухабами, покрыты растительными и животными отбросами, без водостоков и сточных канав, но зато со стоячими зловонными лужами. Неправильная, беспорядочная застройка таких частей города мешает вентиляции, а так как множество людей живёт здесь на небольшом пространстве, то легко можно представить себе, какой воздух стоит в этих рабочих районах. К тому же улицы в хорошую погоду служат ещё для сушки белья: от одного дома к другому, через улицу, протягиваются верёвки, увешанные мокрым тряпьём.

Изучим некоторые из этих трущоб. Начнём с *Лондона*[*], с его знаменитого «вороньего гнезда» (rookery) *Сент-Джайлс,* которое теперь, наконец, прорезано несколькими широкими улицами и таким образом обречено на уничтожение. Сент-Джайлс расположен в середине самой населённой части города, окружён блестящими, широкими улицами, по которым фланирует лондонский высший свет, совсем близко от Оксфорд-стрит и Риджент-стрит, от Трафалгар-сквера и Стрэнда. Это— беспорядочное нагромождение высоких трёх-четырёхэтажных домов, с узкими, кривыми и грязными улицами, не менее ожив-

[*] Когда это описание было уже составлено, мне попалась статья о рабочих кварталах Лондона в «Illuminated Magazine» (октябрь 1844), которая во многих местах почти дословно совпадает с моим описанием и по существу везде вполне с ним сходится. Заглавие статьи: «Жилища бедных. Из записной книжки врача».

ленными, чем главные улицы города, с той только разницей, что в Сент-Джайлсе можно увидеть почти исключительно представителей рабочего класса. Тут же на улице идёт торговля; корзины с овощами и фруктами — всё, разумеется, дурного качества и почти несъедобное — ещё более загромождают проход, и от всего этого, как и от мясных лавок, исходит отвратительный запах. Дома, от подвала до самой крыши битком набитые жильцами, настолько грязны снаружи и внутри, что ни один человек, казалось бы, не согласится в них жить. Но всё это ничто в сравнении с жилищами, расположенными в тесных дворах и переулках между улицами, куда можно попасть через крытые проходы между домами и где грязь и ветхость не поддаются описанию; здесь почти не увидишь окна с целыми стёклами, стены обваливаются, дверные косяки и оконные рамы сломаны и еле держатся, двери сколочены из старых досок или совершенно отсутствуют, ибо в этом воровском квартале они собственно не нужны, так как нечего красть. Повсюду кучи мусора и золы, а выливаемые у дверей помои застаиваются в зловонных лужах. Здесь живут беднейшие из бедных, наиболее низко оплачиваемые рабочие, вперемешку с ворами, мошенниками и жертвами проституции. Большинство из них — ирландцы или потомки ирландцев, и даже те, которых ещё не засосал водоворот морального разложения, окружающий их, с каждым днём всё более опускаются, с каждым днём всё более и более теряют силы противиться деморализующему влиянию нужды, грязи и ужасной среды.

Но лондонские трущобы не ограничиваются Сент-Джайлсом. В огромном лабиринте улиц есть сотни и тысячи скрытых переулков и закоулков, дома в которых слишком плохи для всех тех, кто имеет возможность хоть сколько-нибудь расходовать на более человеческое жильё, и такие пристанища жесточайшей нищеты можно найти часто в непосредственном соседстве с прекрасными домами богачей. Так, в связи с освидетельствованием одного трупа, местность у самого Портман-сквера, где проживает очень приличная публика, была недавно охарактеризована как обиталище «массы ирландцев, деморализованных грязью и нищетой». На таких улицах, как Лонг-Эйкр и другие, хотя и не аристократических, но всё же приличных, имеется множество подвалов, из которых вылезают на дневной свет болезненные детские фигурки и полуголодные женщины в лохмотьях. В непосредственной близости от театра Друри-Лейн, второго театра в Лондоне, расположены некоторые из худших улиц города: *Чарлз-стрит, Кинг-стрит* и *Паркер-стрит.* Дома там тоже от подвала до самой крыши заселены только

бедными семьями. В приходах *Сент-Джон* и *Сент-Маргарет* в Вестминстере, согласно данным журнала Статистического общества, в 1840 г. 5366 рабочих семейств занимали 5294 квартиры, если это можно назвать «квартирами»; мужчины, женщины и дети, всего 26830 человек, были скучены, невзирая на возраст и пол, и три четверти этих семейств имели лишь по одной комнате. В аристократическом приходе *Сент-Джордж* на Ганновер-сквере в тех же условиях проживало, согласно тому же источнику, 1465 рабочих семейств, всего до 6000 человек; и здесь свыше двух третей всего числа семейств имело каждое не более одной комнаты. И как нищета этих несчастных, у которых даже вор уже не надеется ничего найти, эксплуатируется имущими классами под прикрытием закона! В вышеупомянутых отвратительных домах у Друри-Лейн взимается следующая квартирная плата: две комнаты в подвале стоят 3 шилл. в неделю (1 талер), комната в первом этаже—4 шилл., во втором этаже—$4^1/_2$ шилл., в третьем этаже—4 шилл. и комната под крышей—3 шиллинга. Таким образом, одни только голодные обитатели Чарлз-стрит платят домовладельцам ежегодную дань в 2 тыс. ф. ст. (14 тыс. талеров), а вышеупомянутые 5366 семейств в Вестминстере выплачивают в год 40 тыс. ф. ст. (270 тыс. талеров) квартирной платы.

Но самый крупный рабочий район лежит к востоку от Тауэра в *Уайтчапеле* и *Бетнал-Грине,* где сконцентрирована главная масса лондонских рабочих. Послушаем, что говорит о состоянии своего прихода г-н *Г. Олстон,* пастор церкви Сент-Филиппс в Бетнал-Грине:

«Здесь имеется 1400 домов, в которых живёт 2795 семейств, около 12 тыс. человек. Пространство, на котором размещается это многочисленное население, имеет в общей сложности меньше 400 ярдов (1200 футов) в квадрате, и при такой тесноте нередко муж, жена, четверо-пятеро детей, а иногда и бабушка и дедушка ютятся в одной-единственной комнате в 10—12 футов в квадрате и здесь работают, едят и спят. Я думаю, что пока епископ Лондонский не обратил внимание общества на этот до крайности бедный приход, о нём здесь, в западной части города, знали не больше, чем о дикарях Австралии и Южной Океании. Стоит только увидеть собственными глазами страдания этих несчастных, посмотреть, как они скудно питаются, как они надломлены болезнью и безработицей, и перед нами раскроется такая бездна беспомощности и нужды, что нация, подобная нашей, должна была бы устыдиться одной её возможности. Я был пастором близ Хаддерсфилда в течение тех трёх лет, когда фабрики работали хуже всего, и тем не менее я никогда там не встречал такой безнадёжной нищеты, какую увидел в Бетнал-Грине. Во всей округе едва ли найдётся один отец семейства из десяти, у которого есть другая одежда, кроме рабочего платья, да и то состоит из одних лохмотьев; многим из них нечем покрыться ночью, кроме этих же лохмотьев, а постелью им служит лишь мешок с соломой или стружками»[99].

Уже из одного этого описания можно себе представить, как обычно выглядят эти жилища. Для более полной картины мы последуем ещё за некоторыми английскими чиновниками, которым приходится иногда посещать такие пролетарские жилища.

По случаю осмотра трупа 45-летней *Анны Голуэй* г-ном Картером, следователем из Суррея, 14 ноября 1843 г., в газетах было описано жилище умершей. Она занимала вместе со своим мужем и 19-летним сыном маленькую комнату в № 3 по Уайт-Лайон-корт, Бермондси-стрит, в Лондоне; там не было ни кровати, ни постельных принадлежностей, ни какой-либо мебели. Мёртвая лежала рядом со своим сыном на куче перьев, которые пристали к её почти голому телу, ибо не было ни одеяла, ни простыни. Перья так крепко облепили весь труп, что его нельзя было исследовать, пока его не очистили, и тогда врач нашёл его крайне истощённым и сплошь искусанным насекомыми. Часть пола в комнате была сорвана, и вся семья пользовалась этим отверстием в качестве отхожего места.

В понедельник 15 января 1844 г. два мальчика предстали перед полицейским судом на Уоршип-стрит, в Лондоне, по обвинению в том, что они, мучимые голодом, украли из лавки полусырую телячью ногу и тут же съели её. Судья почувствовал необходимость затребовать дальнейшего расследования и получил от полицейских следующие сведения. Мать этих мальчиков — вдова отставного солдата, впоследствии полицейского, после смерти мужа, оставшись с девятью детьми, очень бедствовала. Она жила в № 2 на Пулз-плейс, Квакер-стрит, в Спиталфилдсе, в крайней нищете. Когда полицейский явился к ней, он застал её вместе с шестью из её детей буквально втиснутыми в небольшой чулан без всякой мебели, кроме двух старых плетёных стульев без сидений, столика с двумя сломанными ножками, щербатой чашки и маленькой миски. В очаге ни следа огня, а в углу — кучка лохмотьев, которую можно было бы унести в женском переднике, но которая служила постелью для всей семьи. Укрывались они своей нищенской одеждой. Несчастная женщина рассказала судье, что в прошлом году ей пришлось продать свою кровать, чтобы достать пропитание; простыни свои она оставила в бакалейной лавке в виде залога за кое-какие съестные припасы, и вообще ей всё пришлось продать, чтобы только раздобыть хлеб **для** семьи. — Судья выдал этой женщине значительное пособие **из** кружки для бедных.

В феврале 1844 г. полицейскому судье на Марлборо-стрит указали на вдову Терезу Бишоп, 60 лет, с её 26-летней больной

дочерью, которые нуждались в пособии. Жили они в № 5 по Браун-стрит у Гросвенор-сквера в маленьком чулане, размером не больше шкафа, без всякой мебели. В углу лежали какие-то лохмотья, на которых обе женщины спали; ящик служил одновременно столом и стулом. Мать кое-что зарабатывала как уборщица. Как показал хозяин квартиры, они были в таком положении с мая 1843 г., постепенно продавали или закладывали всё, что у них ещё было, и тем не менее за квартиру ни разу не платили. — Судья выдал им 1 ф. ст. из кружки для бедных.

Я не хочу утверждать, что *все* лондонские рабочие живут в такой нищете, как эти три семейства. Я прекрасно знаю, что там, где общество совсем затоптало одного, десятерым живётся несколько лучше. Но я утверждаю, что тысячи трудолюбивых и честных семей, гораздо более честных, более достойных уважения, чем все лондонские богачи, вместе взятые, находятся в этом недостойном человека положении и что каждого пролетария — каждого без исключения — может постигнуть такая судьба без всякой вины с его стороны и вопреки всем его стараниям её избежать.

И всё же тот, кто имеет хоть какой-нибудь кров, счастливец по сравнению с бездомными. В Лондоне каждый день 50 тыс. человек, просыпаясь утром, не знают, где они проведут следующую ночь. Счастливейшие из них, которым удаётся приберечь до вечера пару пенсов, отправляются в один из так называемых ночлежных домов (lodging-house), которых множество во всех больших городах, и за свои деньги находят там приют. Но какой приют! Дом сверху донизу заставлен койками; в каждой комнате по четыре, пять, шесть коек — столько, сколько может вместиться. На каждой койке спят по четыре, по пять, по шесть человек, тоже столько, сколько может вместиться, — больные и здоровые, старые и молодые, мужчины и женщины, пьяные и трезвые, все вповалку, без разбора. Начинаются всевозможные споры, драки, избиения, а если товарищи по койке столкуются между собой, то получается ещё хуже; сговариваются о совместной краже или совершают поступки столь звериного свойства, что для них нет слов на нашем человеческом языке. А те, которые не могут заплатить и за такой ночлег? Те спят, где придётся — в пассажах, под арками или в каком-нибудь углу, где полиция или домохозяева не нарушат их покоя. Некоторым удаётся попасть в приюты, устроенные кое-где средствами частной благотворительности, другие спят на скамейках в парках, под самыми окнами королевы Виктории. Послушаем, что писала газета «Times»[100] в октябре 1843 года:

«Из помещённого вчера полицейского отчёта видно, что в среднем человек пятьдесят ночует каждую ночь в парках без всякой защиты от непогоды, кроме деревьев и нескольких углублений вдоль набережных. Это в большинстве случаев молодые девушки, соблазнённые солдатами, привезённые в столицу и брошенные в этом чужом городе на произвол судьбы, на голод и нужду, во всей беспечности и необузданности раннего порока.

«Это поистине ужасно. Бедняки будут всегда. Нужда везде найдёт себе дорогу и во всём своём отвратительном виде всегда сумеет поселиться в сердце большого и богатого города. В тысяче узеньких улиц и переулков многомиллионной столицы всегда будет, как нам кажется, много страданий, много такого, что оскорбляет глаз, или такого, что никогда не всплывает наружу.

«Но чтобы в районе, где сосредоточено богатство, веселье и блеск, рядом с королевской резиденцией Сент-Джемс, возле роскошного Бейсуотерского дворца, в районе, где встречаются старый и новый аристократические кварталы, где современное изысканное строительное искусство не оставило ни единой бедняцкой хижины, в местности, отведённой, казалось бы, исключительно для наслаждения богачей, — чтобы *здесь* поселились нужда и голод, болезни и всевозможные пороки со всеми их ужасами, со веем тем, что так разрушает и тело и душу, — это поистине чудовищно!

«Самые возвышенные наслаждения, которые могут доставить физическое здоровье, духовная деятельность, невинные удовольствия, и в непосредственном соприкосновении с этим — полнейшая нищета! Богатство, блестящие салоны, весёлый смех, беспечный, но-жестокий смех рядом с неведомыми богатому страданиями нужды! Веселье, бессознательно, но жестоко издевающееся над страданиями стонущих внизу! Здесь столкнулись, здесь борются все противоречия, кроме порока, вводящего во искушение, и порока, поддающегося искушению... Но пусть люди помнят одно: что в самом блестящем квартале богатейшего в мире города каждую ночь, зимой, из года в год можно найти женщин, молодых летами, но старых пороками и страданиями, отверженных обществом, сгнивающих заживо вследствие голода, грязи и болезней. Пусть люди это помнят и научатся действовать, а не рассуждать. Видит бог — арена для такой деятельности в настоящее время имеется очень широкая!»

Я говорил выше о ночлежных домах для бесприютных. Насколько они переполнены, покажут нам два примера. Во вновь устроенном «убежище для бесприютных» на Аппер-Оглстрит, которое может приютить на ночь 300 человек, провели по одной или по нескольку ночей со дня его открытия, 27 января, по 17 марта 1844 г. всего 2740 человек; и, хотя наступило более благоприятное время года, число желающих попасть туда и в приюты на Уайткросс-стрит и в Уоппинге сильно возрастало, и каждую ночь приходилось многим бесприютным отказывать в приёме за недостатком места. — В другом убежище, в центральном приюте на Плейхаус-Ярд за первые три месяца 1844 г. перебывало в среднем по 460 человек за ночь, всего 6681 человек, и было роздано 96141 порция хлеба. При всём том, согласно заявлению руководящего комитета, это заведение

сможет в некоторой степени удовлетворить желающих только в том случае, если и в восточной части города будет открыт приют для бездомных.

Оставим Лондон, чтобы посетить один за другим остальные большие города Соединённого королевства. Возьмём сначала *Дублин,* город, въезд в который со стороны моря настолько же очарователен, насколько въезд в Лондон величествен; Дублинский залив считается самым красивым на Британских островах, и ирландцы нередко сравнивают его с Неаполитанским заливом. Сам город тоже очень живописен, и аристократические кварталы распланированы там лучше и с большим вкусом, чем в любом другом английском городе. Но зато и бедные кварталы Дублина принадлежат к числу самых ужасных и отвратительных в мире. Правда, виноват здесь отчасти и характер ирландцев, которые чувствуют себя уютно именно в грязи. Но так как во всяком большом городе Англии и Шотландии мы находим тысячи ирландцев и так как всякое бедное население с неизбежностью постепенно погружается в такую же грязь, то нищета в Дублине не есть нечто специфическое, присущее только ирландскому городу, это — нечто общее всем большим городам мира.—Нищенские кварталы Дублина рассеяны по всему городу, и грязь и неблагоустройство домов, запущенность улиц не поддаётся описанию. О скученности бедняков в этих кварталах можно составить себе представление по докладу инспекторов работного дома*, которые сообщают, что на Баррак-стрит в 1817 г. в 52 домах с 390 комнатами жило 1318 человек, а на Чёрч-стрит и прилегающих улицах в 71 доме с 393 комнатами — 1997 человек.

«В этом и в прилегающем квартале имеется ряд зловонных (foul) уличек и внутренних дворов, многие подвалы получают свет только через двери и обитатели их нередко спят на голой земле, хотя в большинстве случаев всё же имеются кровати. Но зато, например, в Николсон-корт в 28 маленьких жалких комнатках живёт 151 человек в такой нужде, что во всём дворе удалось обнаружить только две кровати и два одеяла».

Бедность в Дублине столь велика, что одно благотворительное учреждение, принадлежащее «Обществу борьбы с нищенством», ежедневно открывает свои двери для 2500 человек, — т. е. для

* Цитируется в книге: Dr. W. P. Alison, F. R. S. E., fellow and late President of the Royal College of Physicians etc. etc. «Observations on the Management of the Poor in Scotland and its Effects on the Health of Great Towns». Edinburgh, 1840 [Д-р У. П. Алисон, член и бывший президент Королевского общества хирургов и пр. и пр.: «Замечания о попечительстве о бедных в Шотландии и его влиянии на санитарное состояние больших городов». Эдинбург, 1840]. Автор, религиозно настроенный тори, является братом историка Арчибалда Алисона.

одного процента всего населения, —которых кормит в течение дня и отпускает вечером.

Нечто подобное рассказывает нам доктор Алисон об *Эдинбурге.* Благодаря своему прекрасному местоположению этот город заслужил название современных Афин, но и здесь великолепный аристократический квартал в новой части города находится в вопиющем контрасте с грязью и нищетой бедноты, населяющей Старый город. По показаниям Алисона, эта значительная часть города не менее грязна и отвратительна, чем худшие кварталы Дублина, и «Общество борьбы с нищенством» нашло бы в Эдинбурге не меньшее количество нуждающихся в помощи, чем в столице Ирландии. Алисон даже утверждает, что в Шотландии, и в особенности в Эдинбурге и Глазго, беднякам живётся хуже, чем где-либо в Соединённом королевстве, и больше всех бедствуют не ирландцы, а шотландцы. Пастор старой церкви в Эдинбурге, доктор Ли, дал в 1836 г. следующее показание перед комиссией по религиозному воспитанию:

«Мне нигде раньше не случалось видеть такой нищеты, как в этом приходе. Люди не имеют ни мебели, ни какого-либо другого имущества, часто в одной комнате живут две супружеские четы. В течение одного дня я посетил семь домов, в которых не было кроватей, а в некоторых не было даже и соломы; 80-летние старики спят на дощатом полу, и почти все жильцы проводят ночь не раздеваясь. В одном подвале я нашёл две шотландские семьи, недавно приехавшие из деревни; двое детей умерло вскоре после их приезда в город, а третий ребёнок во время моего посещения был при смерти; для каждой семьи лежало в углу по куче грязной соломы; кроме того, в этом же подвале, где было так темно, что даже днём трудно было разглядеть человека, помещался ещё и осёл. — Каменное сердце и то бы не выдержало при виде подобной нищеты в такой стране, как Шотландия».

Такие же факты сообщает доктор Хеннен в «Edinburgh Medical and Surgical Journal». Из одного парламентского отчёта[*] видно, какая грязь царит в домах эдинбургской бедноты; впрочем этого и следовало ожидать при данных условиях. Куры располагаются на ночлег на спинках кроватей, собаки и даже лошади находятся ночью в одном помещении с людьми, так что в этих жилищах, естественно, стоит отвратительная грязь и вонь и разводится множество насекомых всякого

[*] «Report to the Home Secretary from the Poor-Law Commissioners, or an Inquiry into the Sanitary Condition of the Labouring Classes of Great Britain». With Appendices. Presented to both Houses of Parliament in July 1842. — 3 vols. in folio [«Отчёт, представленный министру внутренних дел комиссией по закону о бедных о результатах обследования санитарных условий жизни трудящихся классов Великобритании». С приложениями. Представлено обеим палатам парламента в июле 1842 г. — 3 тома ин-фолио]. — Материалы эти, состоящие из отчётов врачей, собраны и приведены в порядок Эдвином Чадуиком, секретарём комиссии по закону о бедных.

рода. — Расположение Эдинбурга как нельзя более благоприятствует такому отвратительному состоянию жилищ. Старый город расположен на обоих склонах небольшой возвышенности, по гребню которой проходит главная улица (high-street). От этой главной улицы отходит в обе стороны под гору множество узких кривых переулков, прозванных вследствие их извилистости, wynds*; они-то и образуют пролетарскую часть города. Дома в шотландских городах вообще строятся высокими, в пять, шесть этажей, как в Париже, и в противоположность Англии, где каждый по возможности стремится занимать отдельный домик, населены множеством семейств; крайняя скученность людей на небольшом пространстве от этого ещё усиливается.

«Эти улицы», — говорится в одном английском журнале, в статье о санитарных условиях жизни рабочих в городах**, — «эти улицы часто так узки, что можно из окна одного дома перешагнуть в окно дома напротив; и к тому же дома так высоки, так нагромождены этаж на этаж, что свет едва доходит до дворов и улиц. В этой части города нет ни канализации, ни каких-либо сточных ям или отхожих мест при домах и поэтому вся грязь, все отбросы и нечистоты, по меньшей мере от 50 тыс. человек, каждую ночь выбрасываются в канаву. Вследствие этого, как ни подметаются улицы, всё же остаётся масса высыхающей грязи, издающей страшную вонь, что не только неприятно для зрения и обоняния, но и в высшей степени вредно для здоровья обитателей. Что же удивительного, если в таких местах пренебрегают не только здоровьем и нравственностью, но и самыми общепринятыми правилами приличия? Более того, все, кому пришлось ближе познакомиться с обитателями этой местности, могут засвидетельствовать, какое распространение имеют здесь болезни, нищета и деморализация. Здесь общество опустилось до неописуемо низкого и жалкого уровня. — Жилища беднейшего класса в общем очень грязны и, повидимому, никогда не подвергаются никакой уборке. В большинство случаев они состоят из одной-единственной комнаты, которая, несмотря на очень плохую вентиляцию, всё же всегда бывает холодной из-за разбитых стёкол и плохо прилаженных рам; комната сырая, нередко расположенная ниже уровня земли, обстановка всегда жалкая или совсем отсутствует, так что охапка соломы часто служит постелью для целой семьи и на ней в возмутительной близости валяются мужчины и женщины, дети и старики. Воду можно достать только в общественной колонке; трудность её доставки, разумеется, во всех отношениях благоприятствует распространению грязи».

В других больших портовых городах дело обстоит не лучше. В *Ливерпуле,* при всей его торговле, роскоши и богатстве, рабочие живут в таких же варварских условиях. Добрая пятая часть всего населения, т. е. более 45 тыс. человек, живёт в тесных, тёмных, сырых и плохо вентилируемых подвалах, которых в городе насчитывается 7862. Сюда нужно прибавить

---

* — извилинами. *Ред.*
** «The Artizan» — ежемесячный журнал—октябрь 1843 года.

ещё 2270 внутренних дворов (courts), т. е. небольших пространств, застроенных со всех четырёх сторон, имеющих только один узкий, обычно крытый вход и потому не допускающих *совершенно никакой* вентиляции, большей частью очень грязных и населённых почти исключительно пролетариями. Подробнее об этих дворах мы поговорим, когда пойдёт речь о Манчестере. В *Бристоле* было однажды обследовано 2800 рабочих семейств и оказалось, что 46% из них имело только по одной комнате.

Совершенно такое же положение мы находим в фабричных городах. В *Ноттингеме* насчитывается всего 11 тыс. домов, из них 7—8 тыс. построены так, что задними стенами примыкают друг к другу, что исключает возможность сквозной вентиляции; к тому же в большинстве случаев имеется только одно отхожее место на несколько домов. Недавно произведённое обследование показало, что целые ряды домов построены над неглубокими сточными канавами, прикрытыми всего только дощатым полом. В Лестере, Дерби и Шеффилде — та же картина. О *Бирмингеме* вышеупомянутая статья «Artizan» говорит следующее:

«В старых частях города есть немало грязных и запущенных мест с обилием стоячих луж и куч мусора. Внутренних дворов в Бирмингеме очень много, более 2 тыс., и именно в них живёт большая часть рабочих. Они обычно тесны, грязны, плохо проветриваются, имеют скверные сточные канавы; вокруг каждого из них стоит от 8 до 20 домов, которые получают воздух только с одной стороны, так как задняя стена у них общая с другим домом, а в глубине двора обычно устроена общая мусорная яма или что-нибудь в этом роде, грязь которой не поддаётся описанию. Нужно, однако, заметить, что более новые дворы расположены разумнее и содержатся приличнее, и даже в старых дворах коттеджи менее скучены, чем в Манчестере и Ливерпуле, вследствие чего во время эпидемических заболеваний в Бирмингеме насчитывалось гораздо меньше смертных случаев, чем, например, в Вулвергемптоне, Дадли и Билстоне, отстоящих от него всего на несколько миль. В Бирмингеме также не знают жилых подвалов, хотя иногда подвальные помещения используются не по назначению и в них устраиваются мастерские. Ночлежных домов для пролетариев много (свыше 400); находятся они главным образом во внутренних дворах в центре города. Почти все они отвратительно грязны, с затхлым запахом; это убежище нищих, бродяг» (trampers, о точном значении этого слова — ниже), «воров и проституток, которые живут здесь, не считаясь ни с какими требованиями приличий или комфорта, едят, пьют, курят и спят в атмосфере, нестерпимой для кого-либо, кроме этих опустившихся людей».

Глазго во многих отношениях сходен с Эдинбургом: те же лабиринты переулков [wynds], те же высокие дома. Об этом городе в журнале «Artizan» говорится следующее:

«Рабочий класс составляет здесь около 78% всего населения» (насчитывающего около 300 тыс.) «и живёт в частях города, которые по нищете и отвратительной грязи превосходят ужаснейшие закоулки Сент-Джайлса и Уайтчапела, предместья Дублина и wynds Эдинбурга. Таких участков множество в центре города — на юг от Тронгета, на запад от Соляного рынка,

в Калтоне, за Верхней улицей и т. д.; это бесконечные лабиринты узеньких улиц и извилистых переулков, в которые почти на каждом шагу выходят дворы или тупики, образуемые старыми, плохо вентилируемыми, многоэтажными, полуразрушенными домами без водопровода. Дома эти буквально набиты жильцами. На каждом этаже живёт по три или четыре семейства, иногда до 20 человек, а иногда каждый этаж сплошь сдаётся под ночлежку, и в одной комнате, нельзя сказать, что размещается, а попросту набивается по 15, 20 человек. Эти кварталы служат убежищем беднейшей, наиболее деморализованной и опустившейся части населения, и их следует рассматривать как источник тех страшных опустошительных эпидемий лихорадки, которые отсюда распространяются по всему Глазго».

Послушаем, как описывает эти части города *Дж. К. Саймонс,* член правительственной комиссии по обследованию положения ручных ткачей*:

«Мне приходилось наблюдать нищету в худших её видах и в нашей стране и на континенте, но до посещения лабиринтов Глазго мне не верилось, чтобы в цивилизованной стране могло быть столько преступлений, нищеты и болезни. В ночлежках самого низкого сорта в одной комнате спят вперемежку на полу 10, 12, а то и 20 человек, мужчин и женщин всех возрастов, наполовину или совсем раздетых. Эти помещения как правило (generally) так грязны, сыры и ветхи, что никто бы не согласился поместить там свою лошадь».

В другом месте автор пишет:

«В этих трущобах Глазго живёт постоянно меняющееся население численностью от 15 тыс. до 30 тыс. человек. Вся эта часть города сплошь состоит из узеньких улиц и четырёхугольных дворов с обязательной кучей мусора на самой середине. Как ни отвратителен был внешний вид этих домов, всё же он недостаточно подготовил меня к царящей внутри грязи и нищете. В некоторых из этих ночлежек, которые мы посетили ночью» (старший инспектор полиции капитан Миллер и Саймонс), «пол был сплошь устлан человеческими телами; мужчины и женщины, одни одетые, другие полуголые, лежали вперемежку, иногда по 15, 20 человек в комнате. Постелью им служили кучи полусгнившей соломы и какие-то лохмотья. Мебели не было никакой или очень мало, и только огонь в камине придавал этим ямам несколько жилой вид. Воровство и проституция—вот главные источники средств существования этого населения. Никто, повидимому, и не думает о том, чтобы очистить эти авгиевы конюшни, уничтожить это адское логово, это гнездо преступности, грязи и заразы в самом сердце второго города королевства. Во время моих тщательных обследований беднейших кварталов других городов я ни разу не обнаруживал ничего подобного ни по части нравственного и физического упадка, ни по части скученности населения. — Местные власти признали ветхими и непригодными для жилья большинство домов в этих кварталах, но именно эти дома всего более заселены, потому что по закону в них запрещено взимать квартирную плату».

---

* «Arts and Artisans at Home and Abroad». By J. C. Symons. Edinburgh, 1839 (Дж. К. Саймонс. «Ремесла и ремесленники у нас и за границей». Эдинбург, 1839].— Автор сам, повидимому, шотландец, принадлежит к либеральной партии и, следовательно, с фанатическим предубеждением относится ко всякому самостоятельному рабочему движению. Цитированные выше места находятся на стр. 116 и сл.

Крупный промышленный округ в центре Англии, густо населённая область *Западного Йоркшира* и *Южного Ланкашира,* со своим множеством фабричных городов, ни в чём не уступает остальным большим городам. Район шерстяной промышленности в Западном округе Йоркшира представляет собой прелестную холмистую, покрытую зеленью местность, возвышенности которой к западу становятся всё круче, пока не достигают своей высшей точки на обрывистом гребне Блэкстон-Эдж, являющемся водоразделом между Ирландским и Немецким морями. Долина реки Эр, на берегах которой расположен Лидс, и долина реки Колдер, по которой проходит железная дорога, соединяющая Манчестер с Лидсом, принадлежат к самым красивым местам Англии и густо усеяны фабриками, деревнями и городами. Дома, построенные из серого дикого камня, выглядят так красиво и чисто в сравнении с почерневшими кирпичными зданиями Ланкашира, что на них приятно смотреть. Но когда попадаешь в самый город, то находишь мало приятного. Как сообщает в другом месте тот же журнал «Artizan»,—и я сам убедился в правильности этого описания, — *Лидс* расположен

«на отлогом склоне, спускающемся в долину реки Эр. Река эта, извиваясь, перерезает город на протяжении приблизительно полутора миль* и во время оттепели или сильных ливней широко разливается. Западные, более высокие части города, довольно чисты для такого большого города, но кварталы, расположенные в низинах вдоль реки и впадающих в неё ручьёв (becks), грязны, тесны и уже сами по себе способствуют сокращению жизни их обитателей, в особенности маленьких детей. Добавим к этому отвратительное состояние рабочих районов около Киркгейт, Марш-Лейн, Кросс-стрит и Ричмонд-род, в которых большинство улиц не имеют ни мостовой, ни сточных канав, беспорядочно застроены, со множеством дворов и тупиков и полностью лишены даже самых обычных средств для поддержания чистоты. Всё это вместе взятое является вполне достаточным для объяснения слишком высокой смертности в этих обездоленных очагах грязи и нищеты. — Во время разлива реки Эр» (которая, кстати сказать, подобно всем рекам, омывающим фабричные города, втекает в город чистой и прозрачной, а вытекает из пего на противоположном конце чёрной и вонючей, загрязнённой всевозможными нечистотами) «жилые дома и подвалы часто так заливает водой, что её приходится откачивать и выливать на улицу; в такое время даже там, где имеются клоаки для отвода нечистот, вода поднимается из этих клоак в подвалы**, образуя испарения, насыщенные сероводородом и полные миазмов, и оставляет отвратительный осадок, в высшей степени вредный для здоровья. Во время весеннего разлива 1839 г. последствия такого переполнения клоак были настолько гибельны, что, по отчёту регистратора гражданского состояния, в этой части города за данную четверть года

* Везде, где в тексте говорится о милях, имеются в виду английские мили; 69½ английских миль приходится на 1 градус экватора и, следовательно, примерно пять на одну немецкую милю.

** Надо помнить, что эти «подвалы» служат не кладовыми, а жилищем для людей.

приходилось два рождения на три случая смерти, между тем как в остальных частях города за ту же четверть года соотношение было обратное, т. е. три рождения приходилось на два случая смерти».

В других густо населённых частях города совсем нет сточных канав, или же есть настолько плохо устроенные, что они не приносят никакой пользы. На некоторых улицах подвалы в домах редко просыхают; в других кварталах многие улицы покрыты толстым слоем липкой грязи. Население тщетно пытается время от времени ремонтировать улицы, засыпая ямы золой; несмотря на это, везде высятся кучи мусора, а помои, выплёскиваемые из домов, застаиваются в лужах, пока их не высушат ветер и солнце (ср. отчёт городского совета в «Statistical Journal», том 2, стр. 404). — Обычный коттедж в Лидсе занимает площадь не более двадцати пяти квадратных ярдов и состоит обычно из подвала, жилой комнаты и спальни. Теснота в этих помещениях, днём и ночью наполненных людьми, является дополнительной угрозой не только для здоровья, но и для нравственности жителей. Насколько скучено население в этих коттеджах, видно из цитированного выше отчёта о санитарных условиях жизни рабочего класса:

«В Лидсе нам пришлось видеть комнаты, в которых братья, сёстры и посторонние жильцы обоего пола ночуют вместе с отцом и матерью семейства; отсюда возникают последствия, перед мыслью о которых душа человеческая содрогается».

То же самое в *Брадфорде,* расположенном лишь в семи милях от Лидса у скрещения нескольких ложбин на берегу чёрной как дёготь, вонючей речонки. В воскресный день, в хорошую погоду, — ибо в рабочие дни он окутан серым облаком дыма,—город представляет очень красивое зрелище с высоты окружающих холмов; но в нём царит та же грязь, там те же невозможные условия жизни, как и в Лидсе. Старые кварталы расположены на крутых склонах, и улицы их узкие и кривые. В переулках, тупиках и дворах кучи мусора и грязи; дома ветхие, грязные и мало пригодные для жилья, а в непосредственной близости реки и в глубине долины я встречал также дома, у которых нижний этаж, наполовину врытый в склон горы, был совершенно непригоден для жилья. Вообще местность в глубине долины, в той части, где рабочие жилища теснятся между высокими зданиями фабрик, представляет из себя самую грязную и скверно застроенную часть города. В более современных частях Брадфорда, как во всяком другом фабричном городе, коттеджи расположены аккуратнее, правильными рядами, но и в них наблюдается то же неблагоустройство, неразрывно свя-

занное с общепринятым способом обеспечивать рабочих жилищами, на котором мы остановимся подробнее, когда коснёмся Манчестера. — То же самое можно сказать и об остальных городах Западного округа Йоркшира, именно *Барнсли, Галифаксе* и *Хаддерсфилде.* Последний, хотя и является благодаря своему очаровательному местоположению и новейшей архитектуре наиболее красивым из всех фабричных городов Йоркшира и Ланкашира, всё же имеет и свои плохие кварталы. Избранный собранием горожан для обследования города комитет в своём отчёте от 5 августа 1844 г. пишет:

«Известно, что в Хаддерсфилде целые улицы и многие переулки и дворы не замощены и не имеют ни клоак, ни каких-либо других стоков; в этих местах скапливаются грязь, мусор и всякие отбросы, которые постепенно разлагаются и гниют; почти всюду стоят лужи грязной воды, вследствие чего находящиеся здесь жилища плохи и грязны и делаются очагами болезней, угрожающих потом всему городу»[101].

Если мы перейдём или переедем на поезде через Блэкстон-Эдж, то вступим на ту классическую почву, на которой английская промышленность создала своё совершеннейшее произведение и откуда берут начало все движения английских рабочих, — *Южный Ланкашир* с его центром *Манчестером.* Перед нами снова красивая холмистая местность, спускающаяся к западу от водораздела отлогими уступами к Ирландскому морю, с восхитительными, покрытыми зелёным ковром долинами рек Рибл, Эруэлл и Мерсей и их притоков; эта местность ещё лет сто тому назад представляла собой в значительной своей части сплошное болото с редким населением, а в настоящее время усеяна городами и деревнями и является наиболее густо населённой частью Англии. Ланкашир и в особенности Манчестер являются и местом зарождения английской промышленности, и её центром. Биржа Манчестера — это термометр всех колебаний промышленной жизни; в Манчестере современное производство достигло своего совершенства. В хлопчатобумажной промышленности Южного Ланкашира использование сил природы, вытеснение ручного труда машиной (главным образом в виде механического ткацкого станка и мюль-машины) и разделение труда достигли высшей степени развития и, если мы усмотрели в этих трёх моментах характерные признаки современной промышленности, то должны согласиться и с тем, что в этом отношении обработка хлопка шла с самого начала и идёт до сих пор впереди всех остальных отраслей промышленности. Но и последствия современной промышленности для рабочего класса должны были здесь развиться всего полнее и в наиболее чистом виде, и промышленный пролетариат должен был

появиться здесь в своей классической форме; и то униженное положение, в которое ввергает рабочего применение силы пара, машин и разделение труда, а также попытки пролетариата покончить с этим угнетением тоже должны были достигнуть здесь высшей степени напряжения и сознательности. И поскольку Манчестер представляет собой классический тип современного промышленного города, а также потому что я знаю его как свой родной город, и лучше, чем знают его большинство его жителей, —мы остановимся на нём несколько дольше.

Города, расположенные вокруг-Манчестера, в отношении рабочих кварталов мало чем отличаются от центрального города, — только рабочие в них составляют, пожалуй, ещё более значительную часть населения чем в последнем. Это чисто промышленные города, и все их торговые дела совершаются в Манчестере и через Манчестер; они во всех отношениях зависят от Манчестера и поэтому населены только рабочими, фабрикантами и мелкими торговцами, между тем как в Манчестере всё же имеется очень значительное торговое население, много комиссионных контор и больших розничных магазинов. Вот почему, хотя города *Болтон, Престон, Уиган, Бери, Рочдейл, Мидлтон, Хейвуд, Олдем, Агитон, Стейлибридж, Стокпорт* и другие и насчитывают по тридцать, пятьдесят, семьдесят и даже до девяноста тысяч жителей, почти все они представляют собой попросту большие рабочие посёлки, прерываемые лишь фабриками, несколькими главными улицами, вдоль которых тянутся магазины, и несколькими загородными дорогами, вдоль которых расположены—наподобие вилл—окружённые садами дома фабрикантов. Сами города плохо и неправильно застроены, с грязными дворами, улицами и закоулками, полны угольного дыма и производят особенно мрачное впечатление своими зданиями, сложенными из когда-то яркокрасного, но от времени почерневшего кирпича, который здесь является универсальным строительным материалом. Подвальные квартиры представляют здесь обычное явление; эти вырытые в земле норы устраиваются, где только возможно, и в них живёт очень значительная часть населения.

Самым худшим из этих городов, после Престона и Олдема, считается *Болтон,* расположенный в одиннадцати милях к северо-западу от Манчестера. Насколько я смог заметить во время своих неоднократных посещений города, в нём имеется только одна, притом довольно грязная, главная улица, Динсгейт, которая служит одновременно и рынком; она и в самую лучшую погоду представляет собой мрачную, отталкивающую дыру, хотя её обрамляют кроме фабрик только низенькие дома в один,

два этажа. Здесь, как и повсюду, более старая часть города особенно запущена и неприглядна. Через город протекает какая-то чёрная жижа, о которой трудно сказать, ручей это или сплошной ряд вонючих луж, и которая посильно способствует отравлению воздуха, и без того далеко не чистого.

Далее идёт *Стокпорт,* который, хотя и расположен на Чеширском берегу Мерсея, всё же принадлежит к промышленному округу Манчестера. Он зажат в узкой долине Мерсея так, что улицы, круто спускаясь вниз на одном берегу, образуют столь же крутой подъём на другом, а железнодорожная линия из Манчестера в Бирмингем проходит над городом и над всей долиной по высокому виадуку. Стокпорт славится во всём округе как одно из наиболее мрачных и закопчённых местечек и на самом деле производит чрезвычайно мрачное впечатление, в особенности если смотреть на него с виадука. Но ещё более мрачное впечатление производят расположенные длинными рядами по всему городу, от глубины долины и до гребня холмов, коттеджи и подвалы пролетариев. Я не помню, чтобы мне пришлось видеть в каком-нибудь городе этого округа такое относительно большое число заселённых подвалов.

В нескольких милях к северо-востоку от Стокпорта лежит *Аштон-андер-Лайн,* один из новейших фабричных центров этой местности. Расположен он по склону холма, у подножья которого протекают канал и река Тейм, и в общем построен по новой, более правильной системе. Пять или шесть длинных параллельных улиц тянутся вдоль холма, их перерезают под прямым углом другие улицы, спускающиеся в долину. При такой системе расположения улиц фабрики вытесняются из центра города, тем более, что ради близости к воде и речному сообщению они и без того сконцентрировались бы внизу в долине; здесь они все и скучились, выбрасывая из своих труб густой дым. Благодаря такому расположению Аштон производит гораздо более приветливое впечатление, чем большинство других фабричных городов: улицы шире и чище, яркокрасные коттеджи выглядят более свежо и уютно. Зато эта новая система постройки коттеджей для рабочих имеет свои дурные стороны, так как за каждой такой улицей скрывается гораздо более грязная задняя улица, в которую ведёт узенький боковой проход. Я не видел и в Аштоне ни одного здания, которому могло бы быть больше пятидесяти лет, если не считать нескольких домов на окраине, однако и здесь есть улицы, где стоят скверные, обветшалые коттеджи с расшатанными, вываливающимися кирпичами, с потрескавшимися стенами и обвалившейся внутри штукатуркой; эти улицы, грязные и чёрные от копоти, своим видом

ни в чём не уступают улицам остальных городов округа, разве только, что здесь они составляют не правило, а исключение.

Одной милей дальше на восток лежит *Стейлибридж,* тоже у реки Тейм. Если от Аштона подняться на гору, то на вершине её увидишь справа и слева большие красивые сады с роскошными особняками, похожими на виллы, большей частью построенными в елизаветинском стиле, который так же относится к готическому стилю, как протестантско-англиканская религия к апостолической римско-католической. Ещё сотня шагов— и перед глазами появляется в долине Стейлибридж. Но какой резкий контраст с роскошными виллами и даже со скромными коттеджами Аштона! Стейлибридж расположен в извилистой и ещё более узкой чем долина Стокпорта ложбине, оба склона которой покрыты коттеджами, домами и фабриками, разбросанными в полном беспорядке. Приближаясь к городу, замечаешь, что уже первые коттеджи тесны, закопчены, стары, ветхи, а каковы первые дома, таков и весь город. Лишь немногие улицы тянутся по дну узкой долины; большинство, переплетаясь, вьются вверх и вниз по её склонам, и, вследствие такого наклонного расположения улиц, нижний этаж почти во всех домах наполовину врыт в землю. Какая масса дворов, задних улиц и закоулков образуется при такой хаотической системе застройки видно с горы, откуда город раскрывается местами почти как с высоты птичьего полёта. Если к этому прибавить ещё ужасную грязь, то станет понятным, почему этот город, при всей красоте своих окрестностей, производит такое отвратительное впечатление.

Но довольно об этих менее значительных городах. Каждый из них имеет свои особенности, но в общем рабочие живут в них так же, как в Манчестере. Вот почему я обрисовал только особенности застройки каждого из них; прибавлю лишь, что все замечания общего характера о состоянии рабочих жилищ в Манчестере целиком применимы и к окружающим его городам. Перейдём же теперь к главному городу.

Манчестер лежит у подножья южного склона цепи холмов, которая тянется от Олдема между долинами реки Эруэлл и реки Медлок и заканчивается холмом *Керсолл-Мур,* являющимся одновременно ипподромом и «Священной горой» Манчестера[102]. Собственно Манчестер расположен на левом берегу Эруэлла, между этой рекой и её двумя притоками — Эрком и Медлоком, впадающими здесь в Эруэлл. На правом берегу Эруэлла, стиснутый в крутом изгибе этой реки, лежит *Солфорд,* а далее к западу — *Пендлтон;* к северу от Эруэлла находятся Верхний и Нижний *Бротон;* к северу от Эрка — *Читем-Хилл,* к югу от

Медлока лежит *Хьюлм,* далее к востоку — *Чорлтон-он-Медлок,* а ещё далее, немного на восток от Манчестера, — *Ардуик.* Всё это нагромождение домов в обиходе называется Манчестером и насчитывает население в 400 тыс. человек, никак не меньше, а скорее больше. Сам город расположен так своеобразно, что человек может прожить в нём много лет, выходить на улицу ежедневно и ни разу не побывать в рабочем квартале и даже не прийти в соприкосновение с рабочими, если вообще будет выходить только по своим делам или на прогулку. Объясняется это главным образом тем, что, вследствие неосознанного молчаливого соглашения, а также вполне определённого осознанного расчёта, рабочие районы самым строгим образом отделены от тех частей города, которые предоставлены буржуазии, и там, где этого нельзя сделать открыто, это делается под прикрытием милосердия. В центре Манчестера находится довольно обширный торговый район, охватывающий пространство в полмили в длину и столько же в ширину и почти весь состоящий из контор и товарных складов (warehouses). Почти весь этот район нежилой, ночью становится совершенно пустынным и безлюдным, и только дежурные полицейские проходят по узким и тёмным улицам со своими потайными фонарями. Местность эта прорезана несколькими главными улицами, на которых сосредоточено огромное движение и где нижние этажи домов заняты нарядными магазинами; на этих улицах верхние этажи кое-где заселены, и здесь уличная жизнь не прекращается до поздней ночи. За исключением этой торговой части весь Манчестер, в узком смысле, весь Солфорд и Хьюлм, значительная часть Пендлтона и Чорлтона, две трети Ардуика и отдельные участки в Читем-Хилле и Бротоне — всё это составляет один сплошной рабочий район, охватывающий торговую часть поясом шириной в среднем в полторы мили. За этим поясом живёт высшая и средняя буржуазия, средняя — на прямых улицах недалеко от рабочих кварталов, именно в Чорлтоне и в расположенных дальше частях Читем-Хилла, а высшая — ещё дальше, в загородных домах и виллах Чорлтона и Ардуика или на хорошо проветриваемых возвышенностях Читем-Хилла, Бротона и Пендлтона — на чистом, здоровом деревенском воздухе, в роскошных удобных жилищах, мимо которых каждые четверть или полчаса проходят идущие в город омнибусы. И самое интересное во всём этом то, что эта богатая денежная аристократия может проехать через все эти рабочие кварталы, чтобы кратчайшим путём попасть в свои конторы в центре города, даже не заметив, что вблизи, справа и слева, в грязи гнездится нищета. Дело в том, что главные улицы, расходящиеся от биржи по всем направлениям

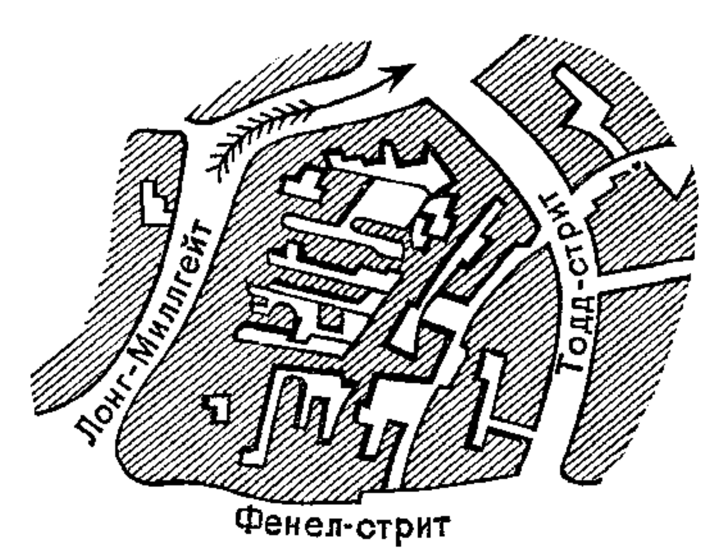
к окраинам города, состоят из двух почти непрерывных рядов магазинов и населены, следовательно, средней и мелкой буржуазией, которая уже ради своей собственной выгоды хочет и может заботиться о приличном и чистом их виде. Правда, эти магазины всегда имеют нечто родственное с теми районами, которые лежат позади них, и потому в торговых кварталах и вблизи тех районов, где живёт буржуазия, они более элегантны, чем там, где за ними скрываются грязные коттеджи рабочих. И всё же они достаточно чисты для того, чтобы скрыть от глаз богатых дам и господ со здоровыми желудками и слабыми нервами нищету и грязь, составляющие дополнение к их богатству и роскоши. Так, например, улица Динсгейт тянется от старой церкви прямо на юг, представляя собой сначала двойной ряд товарных складов и фабрик, которые затем сменяются магазинами второго ранга и несколькими пивными, а далее к югу, где торговый квартал кончается, более невзрачными магазинами, становящимися чем дальше, тем грязнее, и всё чаще уступающими место кабакам и трактирам, пока, наконец, на южном конце улицы самый вид лавочек не оставляет никакого сомнения в том, что их клиентами являются рабочие и только рабочие. Так же выглядит Маркет-стрит, которая тянется от биржи на юго-восток: сначала идут нарядные магазины первого ранга, а в верхних этажах — конторы и товарные склады; далее (на Пиккадилли) тянутся колоссальные отели и товарные склады; ещё дальше (на Лондон-род), возле реки Медлок, расположены фабрики, трактиры и магазины для низших слоев буржуазии и для рабочих; затем у Ардуик-Грина тянутся дома для высшей и средней буржуазии и за ними большие сады и виллы наиболее богатых фабрикантов и купцов. Таким образом, можно, зная Манчестер по главным улицам, *умозаключить о* состоянии прилегающих к ним кварталов, но очень редко удаётся отсюда разглядеть *подлинный* вид самих рабочих районов. — Я прекрасно знаю, что эта лицемерная система застройки более или менее свойственна всем большим городам; я знаю также, что розничный торговец уже по самому характеру своей торговли должен располагаться на главных улицах с большим движением; я знаю, что на таких улицах всегда бывает больше хороших домов, чем плохих, и что вблизи их стоимость земли выше, чем в более отдалённых местах. И всё же я нигде не видел, чтобы рабочий класс так систематически не допускался на главные улицы, чтобы всё то, что может оскорбить глаза и нервы буржуазии, так заботливо прикрывалось, как это делается здесь, в Манчестере. Между тем Манчестер менее чем какой-либо Другой город строился по полицейским предписаниям или опреде-

лённому плану, а в гораздо большей мере складывался случайно. Если при этом принять во внимание страстные заверения буржуазии о том, что рабочим прекрасно живётся, начинает казаться, что такая постыдная планировка города произошла не без участия либеральных фабрикантов, манчестерских «big wigs»*.

Добавлю ещё, что почти все фабричные здания расположены вдоль трёх рек и различных каналов, пересекающих город, и перехожу к описанию самих рабочих кварталов. Это прежде всего манчестерский Старый город, расположенный между северной границей торгового квартала и рекой Эрк. Здесь улицы, даже лучшие из них, как Тодд-стрит, Лонг-Миллгейт, Уити-Гров и Шед-Хилл, узкие и кривые, дома грязные, старые и ветхие, а постройки в переулках и совсем отвратительны. Если пойти от старой церкви вдоль улицы Лонг-Миллгейт, то справа сейчас же начинается ряд старомодных домов, в котором не сохранилось ни одного не покрившегося фасада, — это остатки старого Манчестера, Манчестера допромышленной эпохи, былые обитатели которого вместе со своими потомками переселились в лучше застроенные части города и предоставили эти дома, ставшие для них слишком неудобными, населению из рабочих, среди которых много ирландцев. Здесь нам представляется рабочий квартал в почти неприкрытом виде, ибо даже магазинам и трактирам на главной улице никто не пытается придать сколько-нибудь опрятный вид. Но это всё ещё ничто в сравнении с переулками и дворами, которые расположены во втором ряду и куда можно попасть только через узкие крытые проходы, в которых даже два человека не могут разминуться. Такого беспорядочного, наперекор всем правилам разумной архитектуры, нагромождения домов, такой тесноты, вследствие которой дома буквально прилеплены один к другому, просто нельзя себе представить. И дело здесь не только в постройках, сохранившихся со времён старого Манчестера. Беспорядок был доведён до апогея лишь в самое последнее время, когда повсюду, где способ застройки, свойственный более ранним эпохам, сохранил хотя бы вершок незастроенного пространства, стали достраивать и пристраивать, пока, наконец, между домами не осталось ни одного кусочка, на котором ещё можно было бы что-нибудь построить. Для подтверждения своих слов я даю здесь рисунок небольшой части плана Манчестера. Это — далеко не худший участок и он составляет менее десятой части всего Старого города.

* Игра слов: «big wigs» означает «важные особы», а также «великие виги». *Ред.*

Рисунок этот в достаточной мере даёт представление о неразумном способе застройки всего района, особенно вблизи реки Эрк. Берег реки здесь, на южной стороне, очень крут и достигает от 15 до 30 футов вышины; по этому крутому склону лепятся большей частью три ряда домов, причём нижний ряд поднимается из самой воды, тогда как фасад верхнего находится уже на уровне гребня холма и обращён на улицу Лонг-Миллгейт. Кроме того на берегу реки стоят ещё фабрики — одним словом, и здесь постройки расположены так же тесно и

беспорядочно, как и в нижней части улицы Лонг-Миллгейт. Справа и слева множество крытых проходов ведут с главной улицы в многочисленные внутренние дворы; когда заходишь туда, сталкиваешься с такой грязью, с такой отвратительной неопрятностью, с которой ничто не сравнится; особенно это относится к дворам, спускающимся к Эрку; здесь находятся, бесспорно, самые ужасные жилища, которые мне когда-либо приходилось видеть. В одном из этих дворов у самого входа, там где кончается крытый ход, находится отхожее место, лишённое дверей и столь грязное, что обитатели двора могут попасть домой или выйти на улицу только через стоячую лужу гниющей мочи и испражнений. Это первый двор у реки Эрк выше моста Дюси-бридж, — сообщаю это на случай, если кому-нибудь захочется убедиться в справедливости моих слов; ниже, у самой реки, находится несколько кожевенных предприятий, заполняющих всю окрестность запахом разлагающихся животных отбросов. Во дворы, находящиеся ниже моста, спускаются большей частью по узким, грязным лестницам, и попасть в дома можно только через кучи мусора и грязи. Первый двор ниже моста называется Алленс-корт; во время холеры он был в таком состоянии, что санитарная полиция приказала его очистить и окурить хлором; доктор Кей даёт в одной брошюре* вызывающее

* «The Moral and Physical Condition of the Working Classes, employed In the Cotton Manufacture in Manchester». By James Ph. Kay, Dr. Med. 2nd edit. 1832 [Дж. Ф. Кей, д-р медицины. «Моральное и физическое положение рабочих, занятых в хлопчато-бумажной промышленности в Манчестере», 2-е изд., 1832]. — Автор не делает различия между рабочим классом вообще и фабричными рабочими, но в остальном — это превосходная книга.

ужас описание тогдашнего состояния этого двора. С тех пор он, повидимому, был частично снесён и заново отстроен; по крайней мере, если смотреть с моста, то и сейчас можно увидеть остатки развалившихся стен и высокие кучи мусора рядом с несколькими домами более новой постройки. Открывающийся с этого моста ландшафт — каменная стена в человеческий рост заботливо скрывает его от взоров не очень высоких прохожих — вообще характерен для всего района. Глубоко внизу течёт или, вернее, застаивается Эрк, узкая, чёрная, вонючая речка, полная грязи и отбросов, которые она откладывает на правый, низменный, берег. В сухую погоду на этом берегу остаётся целый ряд отвратительнейших, зеленовато-чёрных, гниющих луж, из глубины которых постоянно поднимаются пузыри гнилостных газов, распространяя запах, невыносимый даже наверху, на мосту, на высоте 40 или 50 футов над уровнем реки. Сама река к тому же на каждом шагу перегорожена высокими запрудами, у которых ил и отбросы скапливаются толстым слоем и гниют. Выше моста расположены кожевенные заводы; далее, ещё выше, расположены красильни, костомольни и газовые заводы, жидкие и твёрдые отходы которых сплавляются в ту же речку Эрк, которая кроме того принимает содержимое всех окрестных клоак и отхожих мест. Легко себе представить, какого рода осадки оставляет эта река. Ниже, за мостом, открывается вид на мусорные кучи, нечистоты, грязь и развалины во дворах на левом, высоком, берегу; дома высятся один над другим и вследствие крутизны склона видно по кусочку от каждого из них; все они закопчённые, ветхие, старые, с разбитыми стёклами и расшатанными оконными рамами; на заднем плане стоят старые казарменного вида фабричные здания. — На правом, низком, берегу виден длинный ряд домов и фабрик. Второй дом с краю — развалина без крыши — заполнен мусором, а третий построен так низко, что нижний этаж необитаем и поэтому не имеет ни окон, ни дверей. На заднем плане здесь находятся кладбище для бедных, вокзалы Ливерпульской и Лидсской железных дорог, а позади них работный дом, манчестерская «бастилия для бедных», которая, подобно цитадели, грозно смотрит с холма из-за высоких зубчатых стен на расположенные на другом берегу рабочие кварталы.

Вверх по реке за Дюси-бридж левый берег становится более отлогим, а правый, наоборот, более крутым, но состояние жилищ на обоих берегах ничуть не лучше, а скорее хуже. Свернуть здесь с главной улицы, всё той же Лонг-Миллгейт, влево — значит заблудиться; попадаешь из одного двора в другой, идёшь какими-то закоулками, узкими, грязными переулками и

проходами, пока через несколько минут окончательно не запутаешься, уже не зная, куда повернуть. Везде наполовину или совсем разрушенные здания, в некоторых действительно никто уже не живёт, а здесь это очень много значит; в домах редко встретишь дощатый или каменный пол, но зато почти везде сломанные, плохо прилаженные окна и двери, и какая грязь! Везде кучи мусора, нечистот и отбросов, стоячие лужи вместо канав и запах, которого достаточно, чтобы сделать жизнь здесь невозможной для человека хоть сколько-нибудь культурного. Недавно, при продлении Лидсской железной дороги, пересекающей здесь Эрк, некоторые из этих дворов и переулков были снесены, но зато другие впервые открылись взору наблюдателя. Так, возле самого железнодорожного моста расположен двор, далеко превосходящий все другие своим грязным, отвратительным видом именно потому, что он раньше был так застроен со всех сторон, что с трудом можно было в него попасть; не будь бреши, пробитой постройкой железнодорожного моста, я сам никогда не нашёл бы этого двора, хотя мне и казалось, что я прекрасно знаю всю эту местность. По изрытому берегу, мимо кольев и протянутых на них верёвок для сушки белья, попадаешь в этот хаос маленьких одноэтажных домиков, большинство которых не имеет иного пола, кроме самой земли, и где одна-единственная комната является и кухней, и жилой комнатой, и спальней — решительно всем. В одной такой дыре, имевшей не более шести футов в длину и пяти в ширину, я видел две кровати—и что за кровати и постели!—которые, помещаясь между лестницей и очагом, как раз заполняли всю комнату. Во многих других лачугах я не увидел *ровно ничего,* хотя дверь была широко открыта и обитатели стояли у входа. У порога везде грязь и мусор; что под этой грязью есть нечто вроде мостовой, нельзя увидеть, она только ощущается то здесь, то там под ногами. Всё это нагромождение населённых людьми хлевов с двух сторон окружено домами и фабрикой, а с третьей — рекой. Кроме узкой тропинки вдоль берега оттуда ведёт наружу только один узкий крытый проход, выходящий в другой, почти так же скверно застроенный и такой же неопрятный лабиринт домов.

Но довольно! Так застроен весь берег реки Эрк. Это— нагромождённый без всякого плана хаос домов, более или менее близких к разрушению; запущенность внутри домов целиком соответствует окружающей грязи. Как могут живущие здесь люди быть чистоплотными? Ведь даже для удовлетворения самых естественных и повседневных потребностей нет необходимых условий. Отхожих мест здесь так мало, что они каж-

дый день переполняются; или же они расположены слишком далеко, чтобы большинство обитателей могло ими пользоваться. Как этим людям мыться, когда поблизости имеется только грязная вода реки Эрк, а водопровод и колонки есть лишь в «приличных» частях города! Поистине нельзя винить этих илотов современного общества, если их жилища не чище свинарников, расположенных кое-где между их хижинами! Не стыдно же домовладельцам сдавать в наём такие жилища, как шесть или семь подвалов на набережной ниже Скотланд-бридж, пол которых находится по меньшей мере на два фута ниже уровня воды— при низкой воде — реки Эрк, протекающей в каких-нибудь шести футах отсюда, или как верхний этаж в стоящем на противоположном берегу, немного выше моста, угловом доме, нижний этаж которого необитаем и не имеет ни окон, ни дверей! А ведь подобные случаи нередки во всех этих местах, причём нужно заметить, что этот открытый нижний этаж за неимением лучшего постоянно служит отхожим местом для всего околотка!

Оставим Эрк, чтобы снова проникнуть в гущу рабочих жилищ на другой стороне улицы Лонг-Миллгейт, и мы попадаем в более новый квартал, который тянется от церкви Сент-Майклс до Уити-Гров и Шед-Хилл. Здесь, по крайней мере, больше порядка. Вместо хаотической застройки мы находим здесь хоть длинные прямые улицы и тупики или построенные по определённому плану обычно четырёхугольные дворы. Но если там по произволу строился каждый дом, то здесь тот же произвол сказывается в застройке целых улиц и дворов, которые строятся без всякого учёта расположения остальных. Улица идёт то в одну, то в другую сторону, на каждом шагу попадаешь в тупик или в закоулок, который выводит тебя опять туда, откуда ты пришёл, и тот, кто не прожил некоторое время в этом лабиринте, никак в нём не разберётся. Эти улицы и дворы проветриваются, если вообще здесь применимо это слово, так же плохо, как и в районе реки Эрк, и если всё же этот район имеет перед тем какие-то преимущества, — здесь и дома новее, и на некоторых улицах имеются, хоть изредка, сточные канавы, — то зато здесь почти в каждом доме есть заселённый подвал, что на берегу реки Эрк встречается редко именно вследствие того, что там дома более старые и небрежно построенные. В остальном же грязь, кучи мусора и золы, стоячие лужи на улицах встречаются и тут и там, а в квартале, о котором мы говорим теперь, кроме того имеется ещё одно обстоятельство, очень вредно сказывающееся на опрятности населения, — это масса свиней, которые здесь повсюду бродят по улицам, роются в грязи

или сидят взаперти в устроенных во дворах маленьких хлевах. Здесь, как и в большинстве других рабочих кварталов Манчестера, колбасники снимают дворы и устраивают в них свинарники; почти в каждом дворе имеется один или несколько таких отгороженных углов, куда обитатели двора бросают все отбросы и нечистоты; свиньи от этого жиреют, а воздух, и без того спёртый в этих застроенных со всех сторон дворах, окончательно портится от гниющих растительных и животных веществ. Через этот квартал проложили широкую, довольно приличную улицу — Миллер-стрит — и таким образом задний план оказался более или менее успешно прикрытым, но стоит только любопытства ради войти в один из многочисленных проходов, ведущих во дворы, чтобы через каждые двадцать шагов наталкиваться на это, в буквальном смысле слова, свинство.

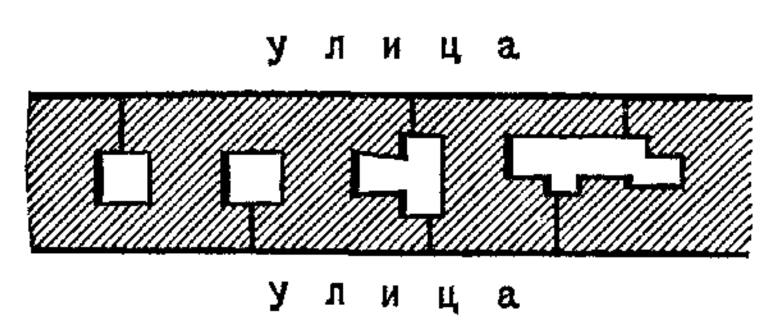
Таков манчестерский Старый город. Перечитывая своё описание, я должен признаться, что не только ничего не преувеличил, но, напротив, ещё недостаточно ярко показал грязь, ветхость, мрачность и противоречащий всем требованиям чистоты, вентиляции и гигиены характер застройки этого района, в котором проживают по меньшей мере двадцать или тридцать тысяч жителей. И такой квартал находится в центре второго города Англии, первого фабричного города мира! Для того чтобы узнать, каким малым пространством человек может довольствоваться для движения в случае необходимости, каким малым количеством воздуха—и какого воздуха!—для дыхания он в крайнем случае может обойтись, при каком минимуме благоустройства он может существовать, достаточно побывать в Манчестере. Правда, это *Старый* город,—и на это ссылаются местные жители, когда им говорят об отвратительном состоянии этого ада на земле,—но что же из этого? Ведь то, что более всего вызывает наше отвращение и негодование, всё это здесь — новейшего происхождения, порождение *промышленной эпохи.* Те несколько сот домов, которые принадлежали к старому Манчестеру, давным-давно оставлены своими первоначальными обитателями; только промышленность загнала в них те полчища рабочих, которые в них теперь ютятся, только промышленность застроила каждый закоулок между этими старыми домами, чтобы разместить массы, которые она привлекала из земледельческих областей и из Ирландии; только промышленность позволяет владельцам этих хлевов сдавать их людям в качестве жилья за высокую плату, эксплуатировать нищету рабочих, разрушать здоровье тысяч людей, чтобы лишь *самим* обогатиться; только промышленность сделала возможным, чтобы едва освобождённый от крепостной зависимости работник снова

стал рассматриваться как неодушевлённый предмет, как *вещь,* чтобы он загонялся в жилище, которое для всякого другого слишком плохо и которое предоставляется ему за его трудовые деньги до тех пор, пока оно окончательно не развалится; всё это сделала только промышленность, которая без этих рабочих, без их нищеты и рабства не могла бы существовать. Правда, первоначальная планировка этих кварталов была плохая, из них трудно было сделать что-нибудь хорошее. Но что предприняли землевладельцы, что предприняли местные власти, чтобы их улучшить при перестройке? Ничего; наоборот, где только был свободный уголок, они поставили дом, где был лишний выход, они его застроили. С развитием промышленности стоимость земли возросла, и чем больше она росла, тем неразумнее и беспорядочнее застраивался каждый клочок земли, без всякого внимания к здоровью и удобствам жителей, с одной только мыслью о возможно большей прибыли, ибо *как ни плоха лачуга, всегда найдётся бедняк, который не может заплатить за лучшую.* Но ведь это Старый город, и на этом буржуазия успокаивается; посмотрим же, как выглядит *Новый город* (the New town).

Новый город, называемый также Ирландским городом (the Irish town), расположен по ту сторону Старого города на глинистом холме между рекой Эрк и Сент-Джордж-род. Здесь всякий признак города исчезает. На голой глинистой почве, на которой не растёт даже трава, разбросаны в беспорядке отдельные ряды домов или лабиринты улиц наподобие маленьких деревень. Дома, или, вернее, коттеджи, в скверном состоянии, никогда не ремонтируются, грязны, с сырыми и неопрятными жилыми подвалами. Улицы немощёные, без сточных канав, но зато здесь имеются многочисленные колонии свиней, запертых в маленьких дворах и хлевах или свободно разгуливающих по склону холма. Грязи на улицах здесь так много, что только в очень сухую погоду можно надеяться пройти по ним, не увязнув по щиколотку. Возле Сент-Джордж-род отдельные застроенные места смыкаются плотнее, начинается сплошной ряд улиц, переулков, тупиков и дворов, становящихся всё теснее и беспорядочнее по мере того, как приближаешься к центру города. Правда, здесь чаще встречаются мостовые или, по крайней мере, мощёные тротуары с водосточными канавами, но грязь, скверное состояние домов и в особенности подвалов остаются те же.

Здесь будет уместно сделать несколько общих замечаний о принятой в Манчестере планировке рабочего квартала. Мы уже видели, что в Старом городе группировка домов зависит большей частью от чистой случайности. Каждый дом строится

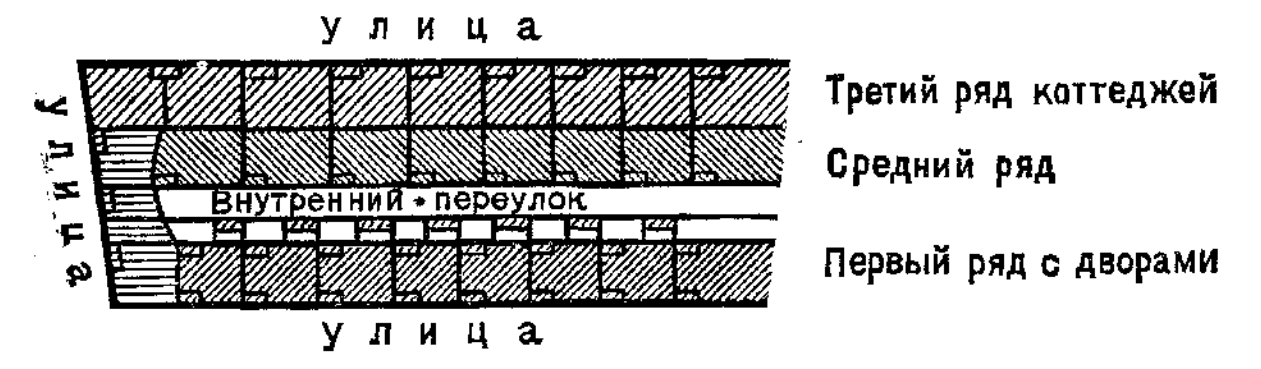
без учёта остальных, и пространство неправильной формы, ограниченное несколькими домами, называют, за отсутствием другого слова, двором (court). В некоторых более новых частях того же района и в других рабочих районах, возникших в первые годы расцвета промышленности, мы встречаем более планомерное расположение домов. Пространство между двумя улицами разделено на более правильные, большей частью четырёхугольные дворы, которые закладываются с самого начала приблизительно так, как это изображено на прилагаемом рисунке: в них ведут с улицы крытые проходы. Если совсем бесплановое расположение домов очень вредно отзывается на здоровье их обитателей, значительно затрудняя вентиляцию, то эта система, при которой рабочих запирают во дворы, окружённые со всех сторон зданиями, оказывается ещё во много раз более вредной. Никакого движения воздуха здесь быть не может: дымоходы самих домов во время топки печей являются единственными отверстиями, через которые вытягивается спёртый воздух двора*. К тому же в таких дворах дома большей частью построены в два ряда, так что задняя стена общая у двух домов, и этого уже достаточно, чтобы сделать всякую хорошую, сквозную вентиляцию невозможной. А так как полиция, осуществляющая надзор над улицами, совершенно не интересуется состоянием этих дворов, так как всё, что выбрасывается из домов, остаётся тут же, то не следует удивляться грязи и кучам золы и нечистот, которые здесь находишь. Мне приходилось посещать дворы, — они расположены вдоль Миллер-стрит, — которые находятся по меньшей мере на полфута ниже главной улицы и не имеют никакого стока для воды, скопляющейся в них в дождливую погоду!

Позже возникла другая система расположения домов, которая теперь общепринята. Теперь коттеджи для рабочих почти

* И тем не менее некий мудрый английский либерал утверждает, — в «Отчёте комиссии по обследованию детского труда», — что дворы эти являются образцом городского благоустройства, ибо, представляя собой как бы ряд маленьких открытых площадей, они якобы улучшают вентиляцию и содействуют движению воздуха! Оно, пожалуй, так и было бы, если бы каждый двор имел два или четыре широких, открытых сверху и расположенных друг против друга выхода, через которые воздух мог бы свободно циркулировать, но они *никогда* не имеют даже двух таких открытых сверху выходов, очень редко бывает один, а почти все имеют только узенькие крытые проходы.

никогда не строятся поодиночке, а всегда десятками и даже сотнями; один предприниматель сразу строит целую улицу или две-три улицы, которые планируются следующим образом: в первом ряду стоят коттеджи более высокого ранга, которые являются счастливыми обладателями чёрного хода и небольшого дворика и за которые взимается наиболее высокая квартирная плата. Дворы этих коттеджей выходят во внутренний переулок (back-street), застроенный с обоих концов, куда можно попасть с одной стороны по узкому лазу или крытому проходу. Коттеджи, которые выходят в этот переулок, стоят всего дешевле и вообще содержатся всего хуже. Задняя стена у них общая с третьим рядом коттеджей, двери которых выходят на другую улицу и которые стоят дешевле, чем коттеджи в первом ряду, но дороже, чем коттеджи во втором. Таким образом, расположение улиц выглядит приблизительно так, как на рисунке.

При таком расположении домов и улиц в первом ряду коттеджей получается довольно сносная вентиляция, а в третьем ряду вентиляция по меньшей мере не хуже, чем в подобных же коттеджах прежнего устройства; зато в среднем ряду вентиляция во всяком случае так же плоха, как в коттеджах, расположенных во дворах, а внутренний переулок не менее грязен и непригляден чем двор. Предприниматели предпочитают такой способ застройки потому, что он даёт экономию места и позволяет им посредством более высоких цен на коттеджи первого и третьего ряда успешнее обирать лучше оплачиваемых рабочих.

Эти три системы расположения коттеджей можно встретить во всём Манчестере, и даже во всём Ланкашире и Йоркшире, часто вперемежку, по большей частью достаточно обособленно, чтобы по одному этому признаку можно было определить относительный возраст той или другой части города. Третья система, система внутренних переулков, решительно преобладает в большом рабочем районе к востоку от Сент-Джордж-род, по обе стороны Олдем-род и Грейт-Анкотс-стрит и чаще всего встречается также и в остальных рабочих районах Манчестера и его предместий.

В вышеупомянутом обширном районе, известном под названием Анкотс, вдоль каналов, расположена большая часть наиболее крупных манчестерских фабрик, колоссальные шести-семиэтажные здания, высоко возвышающиеся своими стройными трубами над низенькими коттеджами рабочих. Население этого района состоит поэтому главным образом из фабричных рабочих, а на худших улицах — из ручных ткачей. Улицы, расположенные ближе к центру города, самые старые и потому самые плохие, но зато они замощены и снабжены сточными канавами; я отношу к их числу те улицы, которые лежат параллельно Олдем-род и Грейт-Анкотс-стрит и ближе всего к ним расположены. Дальше, к северо-востоку, можно встретить несколько недавно застроенных улиц; здесь коттеджи выглядят привлекательно и чисто, двери и окна новые, свежевыкрашенные, помещения внутри чисто выбелены; на улицах больше воздуха, и незастроенные участки между ними обширнее и встречаются чаще. Но всё это относится лишь к небольшому числу жилищ. К этому ещё следует прибавить, что почти в каждом коттедже имеется жилой подвал, что на многих улицах нет мостовых и водосточных канав и, главное, что эта парадная внешность — только видимость, видимость, от которой через десять лет уже ничего не останется. Дело в том, что кладка самих коттеджей не лучше, чем расположение улиц. На первый взгляд все эти коттеджи выглядят очень приятно и солидно, массивные кирпичные стены подкупают глаз, и если пройтись по *недавно отстроенным* рабочим кварталам, не заглядывая во внутренние переулки и не присматриваясь внимательно к кладке домов, то можно было бы согласиться с утверждением либеральных фабрикантов, что нигде рабочие не имеют таких хороших жилищ, как в Англии. Но если присмотреться поближе, то окажется, что стены этих коттеджей донельзя тонки. Наружные стены подвального этажа, которые выдерживают тяжесть основного этажа и крыши, в лучшем случае бывают сложены в один кирпич, т. е. в каждом горизонтальном ряду кирпичи примыкают друг к другу своей длинной стороной (| | | | | |); но мне приходилось видеть немало коттеджей такой же высоты — некоторые из них я видел ещё во время постройки, — в которых наружные стены были толщиной только в полкирпича, так как кирпичи в них клались не поперёк, а вдоль и примыкали друг к другу не длинной, а торцовой стороной (I I I I I). Делается это отчасти для экономии материала, но отчасти и потому, что предприниматель, строящий дом, никогда не является собственником участка, а, согласно английскому обычаю, лишь арендует его на

двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят или девяносто девять лет; по истечении этого срока участок со всеми постройками возвращается к первоначальному собственнику без всякого вознаграждения за произведённые затраты. Вот почему арендатор рассчитывает свои постройки так, чтобы они по истечении арендного срока были по возможности обесценены; а так как такие коттеджи часто строятся всего за двадцать или тридцать лет до истечения арендного срока, то ясно, что предприниматели-застройщики много на них тратить не желают. Кроме того эти предприниматели, большей частью владельцы строительных контор или фабриканты, мало или ничего не тратят на ремонт — отчасти из-за нежелания снизить свой доход, отчасти вследствие краткости срока аренды; во время торговых кризисов, когда множество рабочих лишается заработка, часто пустуют целые улицы, вследствие чего коттеджи очень быстро разрушаются и делаются негодными для жилья. Принято обыкновенно считать, что рабочие жилища в среднем служат лишь сорок лет. Это кажется довольно странным, когда смотришь на красивые массивные стены новых коттеджей, обещающие просуществовать несколько столетий, но тем не менее оно так: крохоборство при самой постройке коттеджа, отсутствие всякого ремонта, то обстоятельство, что дома часто пустуют и жильцы быстро сменяются; наконец, разрушения, которые квартиранты, большей частью ирландцы, производят в течение последних десяти лет до окончания срока аренды, нередко ломая деревянные части, чтобы топить ими печи, — всё это по истечении сорока лет превращает эти коттеджи в развалины. Этим объясняется тот факт, что район Анкотса, застроенный лишь со времени расцвета промышленности, главным образом уже в текущем столетии, всё же насчитывает множество старых, развалившихся зданий, а большая часть домов даже теперь находится уже в последней стадии пригодности для жилья. Я уж не говорю о том, сколько капитала здесь таким образом тратится понапрасну, как много лет весь этот квартал мог бы оставаться чистым, приличным и обитаемым при несколько больших затратах на постройку и дальнейший ремонт. Меня здесь интересует только состояние домов и условия жизни их обитателей, и в этом отношении я должен сказать, что нет более вредной, более деморализующей системы селить рабочих, чем именно эта. Рабочий вынужден жить в таком скверном коттедже потому, что он не может заплатить за лучший, или потому, что лучшего нет вблизи той фабрики, где он работает, а иногда и потому, что коттеджи принадлежат фабриканту, и последний лишь тогда даёт рабочему работу, когда тот снимает у него коттедж.

Разумеется, этот сорокалетний срок не безусловное правило; если дома расположены в оживлённой части города и даже при высокой арендной плате на землю всегда можно рассчитывать найти жильцов, то домовладельцы кое-что делают для того, чтобы хоть до некоторой степени сохранить пригодность домов для жилья и на более долгий срок; но делают они, конечно, лишь самое необходимое, и эти отремонтированные квартиры принадлежат к числу наихудших. Временами, при угрозе эпидемии, пробуждается обычно спящая крепким сном совесть санитарной полиции, которая совершает рейд в рабочие кварталы, объявляет негодными для жилья целые ряды подвалов и коттеджей, как это, например, имело место во многих переулках возле Олдем-род; но всё это ненадолго, квартиры, на которые наложен был запрет, скоро снова заселяются; домовладельцы, подыскивая новых жильцов, при этом даже выгадывают: ведь известно, что санитарная полиция не так скоро снова сюда явится!

Эта восточная и северо-восточная окраина Манчестера является единственной из окраин, где буржуазия не выстроила домов для себя. Объясняется это тем, что дующие здесь в течение 10—11 месяцев в году западные и юго-западные ветры всегда гонят в эту сторону дым из всех фабричных труб (а его ведь немало!). Вдыхать этот дым предоставляется одним рабочим!

К югу от Грейт-Анкотс-стрит лежит большой наполовину застроенный рабочий район — холмистый, голый участок земли с отдельными, беспорядочно расположенными рядами или прямоугольниками домов. Между ними пустыри, неровные, глинистые, без травы и в дождливую погоду едва проходимые. Все коттеджи здесь грязные и ветхие, часто бывают построены в глубоких ямах и вообще напоминают Новый город. Та часть, которую прорезывает Бирмингемская железная дорога, наиболее густо застроена и потому хуже остальных. Здесь река Медлок протекает бесчисленными извилинами по долине, которая местами не лучше долины реки Эрк. По обе стороны этой, тоже чёрной, застоявшейся и зловонной речонки, с того места, где она втекает в город, до её соединения с рекой Эруэлл, тянется широкая полоса фабрик и рабочих жилищ; последние находятся в самом скверном состоянии. Берег здесь большей частью крутой и застроен до самой воды, в точности как мы это видели на берегу реки Эрк; расположение домов и улиц одинаково скверно как со стороны Манчестера, так и со стороны Ардуика, Чорлтона и Хьюлма. Но самое ужасное место — если бы я хотел подробно описать каждое место в

отдельности, то этому не было бы конца — находится на манчестерской стороне к юго-западу от Оксфорд-род и называется Малой Ирландией (Little Ireland). В довольно глубокой котловине, опоясанной излучиной реки Медлок и окружённой со всех четырёх сторон высокими фабриками, высокими насыпями и застроенными берегами, скучены в две группы около 200 коттеджей, большей частью по два под одной крышей; здесь живёт в общей сложности около 4 тыс. человек, почти исключительно ирландцев. Коттеджи старые, грязные и самых маленьких размеров, улицы в рытвинах и ухабах, большей частью немощёные и без сточных канав. Кучи нечистот, отбросов и отвратительной грязи возвышаются между стоячими повсюду лужами и заражают отвратительными испарениями атмосферу, которая и без того темна и тяжела от дыма целой дюжины фабричных труб. Повсюду снуют дети и женщины, оборванные и такие же грязные, как свиньи, которые тут же валяются в кучах мусора и лужах. Одним словом, всё это место производит такое отвратительное, такое отталкивающее впечатление, какого не производят самые худшие дворы на берегу реки Эрк. Люди, которые живут в этих полуразрушенных коттеджах, за разбитыми окнами, затянутыми промасленным холстом, за растрескавшимися дверями с полу сгнившими косяками или в тёмных сырых подвалах, среди этой невообразимой грязи и вони, в этой как будто нарочно отравленной атмосфере, — эти люди действительно не могут не опуститься до низшей ступени человечества, — таково впечатление, таково заключение, к которому придёт всякий, кто познакомится даже с внешним видом этого района. Но что же он скажет, когда услышит, что в каждой из этих лачуг, состоящей самое большее из двух комнат и мансарды, а иногда и подвала, живёт в среднем человек по двадцать, что в этом районе примерно на 120 человек приходится одно отхожее место, которым почти никогда, разумеется, нельзя пользоваться, и что, несмотря на все проповеди врачей, несмотря на тревогу, которую забила санитарная полиция во время холеры по поводу состояния Малой Ирландии, теперь, в 1844 г., она всё в том же состоянии, как и в 1831 году? — Д-р Кей рассказывает[*], что не только подвалы, но даже нижние этажи во всех домах этого района сырые, что когда-то многие подвалы пришлось засыпать землёй, но теперь их постепенно снова разрыли и заселили ирландцами, что в одном подвале, пол которого находился ниже уровня реки, вода постоянно просачивалась из замазанного глиной отверстия,

[*] Д-р Кей, цитированное произведение.

и жилец, ручной ткач, должен был каждое утро вычерпывать эту воду и выплёскивать её на улицу!

Несколько ниже, на левой стороне реки Медлок, лежит Хьюлм, который представляет собой, собственно говоря, сплошной рабочий квартал и по состоянию своему почти ничем не отличается от Анкотса. В более густо застроенной части дома хуже и близки к разрушению, в менее населённой — постройки новее и лучше проветриваются, но большей частью утопают в грязи. И там и тут дома расположены в сырой местности, и там и тут — заселённые подвалы и внутренние переулки. — На противоположном берегу реки Медлок, в самом Манчестере, находится второй большой рабочий район, который тянется по обе стороны Динсгейт до торгового квартала и во многих местах ни в чём не уступает Старому городу. В частности в непосредственной близости от торгового квартала, между Бридж-стрит и Кей-стрит, Принцесс-стрит и Питер-стрит, скученность построек во многих местах превосходит самые тесные дворы Старого города. Здесь длинные узкие переулки и тесные, со множеством закоулков дворы и проходы, входы и выходы которых так беспорядочно расположены, что, если не знаешь хорошо каждого прохода и каждого двора в этом лабиринте, ежеминутно рискуешь попасть в тупик или выйти совсем не туда, куда предполагал. В этом тесном, запущенном и грязном районе проживает, по словам д-ра Кея, наиболее опустившаяся часть манчестерского населения, для которой воровство или проституция—профессия; похоже на то, что это утверждение остаётся справедливым и по сей день. В 1831 г., когда и в этот район явилась санитарная полиция, обнаружилось, что грязь здесь такая же, как на реке Эрк или в Малой Ирландии (могу засвидетельствовать, что и в настоящее время дело обстоит не многим лучше) и что, между прочим, в Парламент-стрит одно отхожее место приходится на 380 человек, а в Парламент-пэссидж—на 30 густо населённых домов.

Переправившись через реку Эруэлл, мы обнаруживаем на образованном этой рекой полуострове город Солфорд, в 80 тыс. жителей, который представляет собой в сущности сплошной рабочий район, прорезанный одной-единственной широкой улицей. Когда-то Солфорд имел большее значение чем Манчестер, являлся центром всей окружающей местности (Salford Hundred), которая и до сих пор носит это название. Поэтому и здесь имеется довольно старый и, следовательно, теперь весьма нездоровый, грязный и запущенный участок; он расположен против манчестерской старой церкви и находится в таком же скверном состоянии, как Старый город на другом

берегу реки Эруэлл. Дальше от реки находится участок более новый, но также существующий уже больше 40 лет и потому тоже достаточно разрушенный. Весь город состоит из дворов и тесных переулков, настолько узких, что они мне напомнили самые узкие улицы, когда-либо мною виданные, — тесные генуэзские улочки. В отношении способа застройки, так же как и в отношении чистоты, Солфорд в общем ещё значительно хуже Манчестера. Если в Манчестере полиция хоть изредка — раз в 6—10 лет — появляется в рабочих районах, опечатывает самые скверные жилища, заставляет почистить самые грязные места этих авгиевых конюшен, то в Солфорде она этого, повидимому, никогда не делает. Узенькие боковые переулки и дворы на Чапел-стрит, Грингейт и Гравел-Лейн, наверное, ни разу не чистились с самого момента их постройки. В настоящее время над этими улицами по высокому виадуку проходит Ливерпульская железная дорога и некоторые из наиболее грязных закоулков уничтожены, но стало ли от этого лучше? Когда проезжаешь по этому виадуку и смотришь оттуда вниз, всё ещё видишь достаточно грязи и нищеты, а если задать себе труд пройтись по этим переулкам, заглядывая через открытые окна и двери в дома и подвалы, то легко можно убедиться в том, что рабочие Солфорда живут в помещениях, где не может быть и речи о чистоте и удобствах. То же самое мы находим и в более отдалённых участках Солфорда, в Ислингтоне, на Риджент-род и за Болтонской железной дорогой. Рабочие жилища между Олдфилд-род и Кросс-Лейн, где по обеим сторонам Хоуп-стрит множество дворов и переулков находится в самом скверном состоянии, могут соперничать по грязи и скученности с манчестерским Старым городом. В этой местности я встретил человека, по виду лет шестидесяти, который жил в коровьем стойле; в этом четырёхугольном ящике без окон, без пола и даже не замощённом он устроил нечто вроде дымохода, поставил койку и жил в нём, хотя дождь свободно проникал через плохую полусгнившую крышу. Человек этот был слишком стар и слишком слаб для регулярной работы; он добывал себе пропитание перевозкой навоза и т. п. в своей тачке; у самого его стойла находилась навозная лужа.

Таковы различные рабочие районы Манчестера, которые я сам имел возможность наблюдать в течение 20 месяцев. Обобщая результаты наших странствований по этим местам, мы должны сказать, что почти все 350 тыс. рабочих Манчестера и его предместий живут в плохих, сырых и грязных коттеджах, а улицы, на которых расположены эти коттеджи, большей частью находятся в самом скверном, в самом запущенном

состоянии, построены без всякой заботы о вентиляции, с одной только заботой—о большей прибыли застройщику; короче говоря, в рабочих коттеджах Манчестера невозможно ни поддерживать чистоту, ни соблюдать удобства, а потому нет места и домашнему уюту; в этих жилищах могут чувствовать себя хорошо и уютно только люди вырождающиеся, физически опустившиеся, потерявшие человеческий облик, интеллектуально и морально дошедшие до состояния животного. И не я один это утверждаю: мы видели, что такое же описание даёт д-р Кей, а в дополнение я приведу ещё слова либерала, общепризнанного и высокочтимого авторитета фабрикантов и фанатического противника всякого самостоятельного рабочего движения — г-на Сениора*:

«Осматривая жилища фабричных рабочих в Ирландском городе, Анкотсе и Малой Ирландии, я только изумлялся тому, что можно сохранить сносное здоровье в таких жилищах. Эти города, ибо по площади, занимаемой ими, и числу жителей это настоящие города, были построены без всяких соображений о чём бы то ни было, кроме непосредственной выгоды спекулянта-застройщика. Владелец плотничьей и владелец строительной конторы объединяются, чтобы купить» (т. е. арендовать на известное число лет) «ряд земельных участков и покрыть их так называемыми домами. В одном месте мы видели целую улицу, построенную вдоль извилистого рва, который был использован для того, чтобы без лишних затрат на земляные работы получить более глубокие подвалы, причём подвалы предназначались не под кладовые и склады, а в качестве жилья для людей. *Холера не пощадила ни одного дома на этой улице.* Улицы в этих предместьях обычно немощёные, посредине навалены кучи навоза, стоят лужи, дома построены так, что два дома имеют одну общую заднюю стену, лишены вентиляции и дренажа, и целые семьи ютятся в углу какого-нибудь подвала или мансарды».

Я уже говорил выше о небывалой активности, проявленной санитарной полицией во время холеры в Манчестере. Когда эта эпидемия стала надвигаться, ужас охватил всю буржуазию города. Сразу вспомнили о нездоровых жилищах бедноты и задрожали при мысли, что каждая из этих трущоб станет очагом заразы, откуда болезнь может распространить своё опустошающее действие по всем направлениям, проникая в жилища имущего класса. Была тотчас же назначена санитарная комиссия для обследования этих районов и составления точного отчёта о их состоянии для городского совета. Д-р Кей, который сам был членом этой комиссии и специально обследовал каждый полицейский участок, кроме 11-го, приводит некоторые извлече-

* Nassau W. Senior. «Letters on the Factory Act to the Rt. Hon. the President of the Board of Trade (Chas. Poulett Thomson Esq.)». London, 1837, p. 24 [Нассау У. Сениор. «Письма о фабричном законе, адресованные министру торговли (Чарлзу Полетту Томсону, эсквайру)». Лондон, 1837, стр. 24].

ния из этого отчёта. Было осмотрено всего 6951 дом—и, конечно, только в *самом* Манчестере, без Солфорда и других предместий; в 2565 из них настоятельно требовалась внутренняя побелка, в 960 не был своевременно произведён необходимый ремонт (were out of repair), при 939 не было достаточно хороших сточных канав, 1435 были сырые, 452 — с плохой вентиляцией и 2221 — без отхожих мест. Из обследованных 687 улиц 248 были не замощены, 53—замощены частично, 112—плохо вентилировались, на 352 улицах были стоячие лужи, кучи нечистот, отбросов и т. п. — Разумеется, очистить такие авгиевы конюшни до появления холеры было просто невозможно. Поэтому удовлетворились чисткой нескольких наиболее запущенных закоулков и оставили другие по-старому, и само собой понятно, что в тех местах, где была произведена уборка, как, например, в Малой Ирландии, через один-два месяца появилась прежняя грязь. Что касается внутреннего состояния этих жилищ, то о них та же комиссия сообщает то же, что мы уже слышали о Лондоне, Эдинбурге и других городах:

«Нередко целая ирландская семья спит вповалку на одной кровати; нередко куча грязной соломы и покрывало из старой мешковины служат общим ложем для всей семьи, все члены которой одинаково деморализованы нищетой, отупением и распущенностью. Инспектора часто находили две семьи в доме, состоящем из двух комнат; в одной все спали, а вторая служила общей столовой и кухней; и часто даже несколько семейств занимали одну сырую подвальную комнату, в отравленной атмосфере которой теснилось 12—16 человек; к этим и прочим источникам заразы присоединялось ещё и то, что тут же держали свиней и иным образом разводили отвратительнейшую грязь»*.

Необходимо добавить, что многие семьи, занимающие лишь одну комнату, принимают ещё к себе за известную плату нахлебников и ночлежников, что такие жильцы обоего пола нередко даже спят вместе со всей семьёй на одной постели и что, например, «Отчёт о санитарных условиях жизни рабочего класса» констатировал в Манчестере не менее шести раз такие случаи, когда муж спал на одной постели со своей женой и взрослой свояченицей. Обычные ночлежные дома здесь тоже очень многочисленны. Д-р Кей насчитывал в 1831 г. 267 таких ночлежных домов в самом Манчестере, а с тех пор число их должно было значительно возрасти. В каждом из них находят себе убежище от 20 до 30 человек, так что всего в них размещается каждую ночь от 5 тыс. до 7 тыс. человек. Характер этих домов и их постоянных посетителей тот же, что и в других городах. В каждой комнате без всяких кроватей, прямо на земле

* Д-р Кей, цитированное произведение, стр. 32.

постлано от пяти до семи постелей и на них укладывается столько людей, сколько есть желающих, и все вповалку. Нет необходимости рассказывать, какая физическая и моральная атмосфера господствует в этих гнёздах порока. Каждый из этих домов является очагом преступности и ареной возмутительных деяний, которые без этой насильственной централизации порока никогда, может быть, не были бы совершены. — *Гаскелл*[*] только в самом Манчестере насчитывает до 20 тыс. человек, живущих в подвалах. Как сообщает журнал «Weekly Dispatch», в подвалах, «согласно официальным отчётам», живёт 12% всех рабочих, что в общем совпадает с числом, указанным Гаскеллом: при общем числе рабочих в 175 тыс. 12% составят 21 тысячу. В предместьях Манчестера населённых подвалов *по меньшей мере* столько же, так что всего лиц, живущих в подвалах, насчитывается во всём Манчестере с его предместьями от 40 тыс. до 50 тысяч. Таковы жилища рабочих в больших городах. То, как удовлетворяется потребность в жилье, может служить мерилом того, как удовлетворяются все остальные потребности рабочих. Что в этих грязных дырах может жить лишь оборванное и плохо питающееся население, легко можно предположить. И так оно и есть. Одежда у огромного большинства рабочих находится в самом скверном состоянии. Самый материал, из которого она делается, далеко не подходящий; полотно и шерсть почти совершенно исчезли из гардероба как женщин, так и мужчин, и их место заняли хлопчатобумажные ткани. Рубашки шьют из белёного или пёстрого ситца, женские платья большей частью также из набивного ситца, а шерстяные юбки редко можно увидеть на верёвках для сушки белья. Мужчины носят большей частью брюки из плиса или другой тяжёлой хлопчатобумажной ткани и такой же сюртук или куртку. Плис (fustian) стал даже сино-

[*] P. Gaslcell. «The Manufacturing Population of England, its Moral, Social and Physical Condition, and the Changes, which have arisen from the Use of Steam-Machinery. With an Examination of Infant Labour». «Fiat Justitia».—1833 [П. Гаскелл. «Промышленное население Англии, его моральное, социальное и физическое положение и изменения, обусловленные применением паровых машин; с обследованием детского труда». «Fiat Justitia». — 1833]. — В этой работе описывается главным образом положение рабочих в Ланкашире. Автор её — либерал, но писал в такое время, когда ещё не считалось обязательным для либерала превозносить «благополучие» рабочих. Он поэтому ещё беспристрастен и ясно видит недостатки теперешнего положения дел и в особенности фабричной системы. Но зато он и писал ещё *до* комиссии по обследованию фабрик и заимствовал из ненадёжных источников некоторые утверждения, впоследствии опровергнутые отчётом комиссии. По этой причине, а также потому, что автор, подобно Кею, смешивает рабочий класс вообще с фабричными рабочими в частности, работой этой, хотя она в целом хороша, всё же следует пользоваться с некоторой осторожностью там, где речь идёт об отдельных подробностях. — История развития пролетариата изложена нами во «Введении» главным образом на основании данных, взятых из этой работы.

нимом для обозначения одежды рабочего: рабочих называют и сами они себя называют fustian-jackets* в отличие от господ, щеголяющих в сукне (broad-cloth); последнее в свою очередь служит для обозначения буржуа. Когда Фергюс О'Коннор, вождь чартистов, прибыл во время восстания 1842 г. в Манчестер, он, к бурному восторгу рабочих, явился перед ними в плисовом костюме. — Шляпы являются в Англии обычной принадлежностью костюма и для рабочих; шляпы самых различных форм: круглые, конусообразные или цилиндрические, широкополые, с маленькими полями или совсем без полей, и только молодые люди в фабричных городах носят кепки. Кто не имеет шляпы, делает себе из бумаги невысокий четырёхугольный колпак. — Вся одежда рабочих —даже если допустить, что она в хорошем состоянии, —мало соответствует климату. Сырой климат Англии с его частыми переменами погоды более чем всякий другой вызывает простуды, что заставляет почти весь имущий класс носить фланелевое нижнее бельё; фланелевые нагрудники, фуфайки и набрюшники имеют широкое распространение. Рабочему не только недоступны эти меры предосторожности, но он вообще почти никогда не в состоянии сшить себе шерстяное платье. А тяжёлые бумажные ткани, хотя они толще, жёстче и тяжелее шерстяных, всё же гораздо меньше защищают от холода и сырости, а вследствие своей толщины и свойств самого материала дольше удерживают влагу и вообще по плотности уступают валяному шерстяному сукну. А если рабочий когда-нибудь может себе позволить покупку воскресного сюртука из шерсти, он вынужден приобрести его в «дешёвом магазине», где получит скверную ткань, так называемую «devil's dust»**, сделанную «только для продажи, но не для носки», которая через две недели разваливается или протирается до дыр; или же он должен купить у старьёвщика уже поношенный старый сюртук, лучшие времена которого давно прошли и который прослужит ему всего несколько недель. Но у большинства гардероб в плохом состоянии, к тому же время от времени приходится относить лучшую одежду в ломбард. Одежда очень, очень многих рабочих, в особенности ирландцев, представляет собой сплошные лохмотья, на которых часто даже негде поставить заплату, или же эта одежда состоит из одних заплат, так что уже совершенно нельзя узнать её первоначального цвета. Англичане или англо-ирландцы всё же умудряются чинить такую одежду и удивительно наловчились в этом

* — плисовые куртки. *Ред.*

** — буквально: «чёртова пыль»; ткань, изготовляемая из старых шерстяных тканей, переработанных трепальной машиной (по-английски — devil). *Ред.*

искусстве: для них ничего не значит посадить заплату из сукна или мешковины на плис или наоборот; но настоящие, недавно прибывшие ирландцы никогда почти не чинят своего платья, разве в самом крайнем случае, когда оно грозит развалиться на части. Обычно лохмотья рубашки свисают через дыры куртки или брюк. Ирландцы носят, как говорит Томас Карлейль*,

«наряд из лохмотьев, снять и надеть который является труднейшей операцией, предпринимаемой только по праздникам или в особо торжественных случаях».

Ирландцы также ввели ранее не известный в Англии обычай ходить босиком. В настоящее время можно встретить во всех фабричных городах множество людей, в особенности женщин и детей, которые ходят босиком, и мало-помалу это начинает распространяться также среди беднейших англичан.

С питанием обстоит так же, как и с одеждой: рабочим достаётся то, что слишком плохо для имущего класса. В больших городах Англии можно достать первосортные товары, но за большие деньги, а рабочий, весь бюджет которого исчисляется грошами, не может столько тратить. К тому же он чаще всего получает свою заработную плату лишь в субботу вечером; правда, кое-где её уже выплачивают по пятницам, но этот очень хороший порядок далеко ещё не стал общим явлением. Таким образом, рабочий является на базар только в субботу вечером, часа в четыре, в пять или в семь, а буржуазия ещё до полудня успела отобрать себе всё лучшее. С утра базар изобилует первосортными продуктами, но когда туда приходит рабочий, всё лучшее уже раскуплено, а если бы что хорошее и осталось, то он, вероятно, не смог бы этого купить. Картофель, который покупает рабочий, бывает большей частью плохого качества, зелень несвежая, сыр старый и низкого качества, сало прогорклое, мясо без жира, залежавшееся, жёсткое, от старых, часто от больных или околевших животных, нередко уже наполовину испорченное. Снабжают рабочих большей частью мелкие торговцы, которые скупают плохой товар и именно из-за его дурного качества могут сбывать его так дёшево. Беднейшие рабочие вынуждены ещё прибегать к особому приёму, чтобы за свои небольшие деньги приобрести необходимые продукты, даже плохого качества: так как в субботу в 12 часов ночи все магазины должны быть закрыты, а в воскресенье никакой торговли нет, то между десятью и двенадцатью

* Thomas Carlyle. «Chartism». London, 1840, p. 28 [Томас Карлейль. «Чартизм». Лондон, 1840, стр. 28]. — О Томасе Карлейле см. ниже.

часами идёт распродажа за баснословно дешёвую цену тех товаров, которые нельзя хранить до понедельника. Но из того, что осталось в десять часов вечера, девять десятых в воскресенье утром уже никуда не годится, и именно эти-то продукты украшают воскресный стол беднейшего класса. Мясо, которое достаётся рабочим, очень часто несъедобно, но раз уж его купили, его надо съесть. 6 января (если я не очень ошибаюсь) 1844 г. одиннадцать мясников в Манчестере предстали перед местным судом (court leet) и были оштрафованы за то, что продавали негодное для еды мясо. У одного из них обнаружили целую воловью тушу, у другого — свиную, у третьего — несколько бараньих, у четвёртого — фунтов 50 или 60 говядины; всё это было в совершенно негодном для еды состоянии и подверглось конфискации. У одного из этих мясников конфисковали 64 фаршированных рождественских гуся, которые не были во-время проданы в Ливерпуле и потому попали в Манчестер, где они поступили на рынок протухшими и распространявшими сильное зловоние. Вся эта история была тогда описана в газете «Manchester Guardian»[103] с упоминанием имён и размера штрафов. В течение шести недель, с 1 июля по 14 августа, в той же газете отмечены ещё три подобных случая: в номере от 3 июля сообщается, что в Хейвуде конфисковали свинью в 200 фунтов, которую мясник нашёл уже околевшей и даже протухшей, разделал на части и пустил в продажу; в номере от 31 июля сообщается, что два мясника в Уигане, из которых один не впервые совершал такой проступок, были приговорены к штрафу в 2 и 4 ф. ст. за то, что выставили для продажи негодное мясо; наконец, из номера от 10 августа видно, что у одного лавочника в Болтоне были конфискованы и публично сожжены 26 негодных окороков, а лавочник был приговорён к штрафу в 20 шиллингов. Но здесь приведены далеко не все имевшие место случаи, и эти случаи нельзя рассматривать как нечто среднее для периода в шесть недель, по которому можно было бы вычислить годовое среднее число. Бывают периоды, когда в каждом номере «Guardian», выходящем два раза в неделю, сообщается о подобных случаях, происшедших в Манчестере или в соседних фабричных городах. При этом надо помнить, что много случаев ускользает от внимания рыночных инспекторов при растянутости рынков, которые расположены вдоль всех главных улиц, и при небрежности надзора,—как же иначе объяснить наглость, с которой выносятся на продажу целые туши испорченного мяса? И если принять во внимание, как велико должно быть искушение для лавочников при непостижимо ничтожных штрафах, приведённых нами выше, если

представить себе, в каком состоянии должен уже быть кусок мяса, чтобы инспектор конфисковал его целиком как совершенно негодный, то вряд ли кто-нибудь поверит, что рабочие в среднем получают доброкачественное и питательное мясо. Но они ещё и в других отношениях страдают от алчности буржуазии. Торговцы и фабриканты фальсифицируют все съестные продукты самым бессовестным образом, совершенно не считаясь со здоровьем тех, кому придётся эти продукты потреблять. Выше мы приводили свидетельство газеты «Manchester Guardian», послушаем теперь другую буржуазную газету, — люблю приводить в свидетели своих противников, — послушаем «Liverpool Mercury».

«Солёное масло продают под видом свежего, для чего обмазывают куски солёного масла слоем свежего, или предлагают попробовать от фунта свежего масла, который лежит сверху, и после пробы отпускают солёное, или вымывают соль и продают масло как свежее. — К сахару подмешивают толчёный рис или другие дешёвые продукты и продают по цене чистого сахара. Отбросы производства, получаемые при мыловарении, также смешивают с другими веществами и продают под видом сахара. К молотому кофе прибавляют цикорий и другие дешёвые продукты; бывают примеси даже и к немолотому кофе, причём подделке придаётся форма кофейных зёрен. — В какао очень часто подмешивают мелко истолчённую бурую глину, которую растирают с бараньим салом, чтобы она лучше смешивалась с настоящим какао. — В чай часто подмешивают терновый лист и тому подобный сор, или же спитой чай высушивают, поджаривают на раскалённых медных листах, чтобы вернуть ему окраску, и продают как свежий. К перцу подмешивают стручковую пыль и т. п. Портвейн попросту фабрикуют (из красящих веществ, спирта и т. д.), потому что общеизвестно, что в одной Англии выпивается больше портвейна, чем могут дать все виноградники Португалии, а к табаку во всех формах, в которых он встречается в продаже, подмешивают разные тошнотворные вещества».

(К этому я могу ещё прибавить, что ввиду общераспространённой фальсификации табака, некоторые из наиболее видных табачных торговцев Манчестера прошлым летом открыто заявили, что без фальсификации их дело вестись не может и что ни одна сигара, стоящая менее 3 пенсов, не состоит из чистого табака.) Разумеется, дело не ограничивается одной фальсификацией съестных припасов, примеры которой я мог бы ещё привести дюжинами, в том числе и подлый обычай подмешивать к муке гипс или мел. Обман практикуется повсюду: фланель, чулки и т. п. растягивают, чтобы они казались длиннее, и после первой же стирки они опять садятся; сукно, которое на полтора или три дюйма уже чем полагается, продаётся под видом широкого; на посуде глазурь такая тонкая, что тотчас же лопается, и тысячи подобных мошенничеств.—Tout comme chez nous*.

* — Совсем как у нас. *Ред.*

Но кто более всего страдает от всех этих надувательств, как не рабочий? Богача не надувают: он может платить высокие цены в больших магазинах, владельцы которых дорожат своим добрым именем и больше всего повредили бы самим себе, если бы стали продавать скверные, фальсифицированные товары; кроме того богач более разборчив в пище и потому легче обнаруживает обман своим изощрённым вкусом. Но бедняк, рабочий, у которого каждый грош на счету, который должен получить за небольшие деньги много товара, который не может слишком присматриваться к качеству, да и не умеет этого делать, так как у него не было случая развить свой вкус, именно он получает все эти фальсифицированные, часто отравленные продукты; он вынужден покупать у мелкого лавочника, нередко даже в кредит, а лавочнику,—который при своём маленьком капитале и больших издержках на ведение дела не может, при равном качестве товаров, продавать их так же дёшево, как крупные розничные торговцы,—уже приходится, поскольку от него требуют низких цен и ввиду конкуренции других, умышленно или неумышленно поставлять фальсифицированные товары. Кроме того, если крупный розничный торговец, вложивший в дело большой капитал, когда обнаруживается обман, теряет свой кредит и терпит разорение, то что может потерять мелкий лавочник, снабжающий товарами одну какую-нибудь улицу, если он и будет уличён в обмане? Если ему перестали доверять в Анкотсе, он переезжает в Чорлтон или Хьюлм, где его ещё никто не знает и где он возобновляет? свои мошенничества. А преследуются законом лишь очень немногие фальсификации, за исключением разве того случая, когда они связаны с нарушением акцизных правил. —Но английских рабочих надувают не только на качестве, их надувают и на количестве товаров. У мелких торговцев большей частью неправильные меры и весы, и в полицейских отчётах можно ежедневно прочесть о невероятном количестве штрафов за такого рода нарушения. Насколько этот род надувательства повсеместно встречается в фабричных округах, будет видно из нескольких выдержек из газеты «Manchester Guardian»; они охватывают лишь короткий промежуток времени, да и за этот срок у меня не *все* номера под рукой.

«Guardian», 16 июня 1844 года. Сессия суда в *Рочдейле.* 4 лавочника приговорены к штрафу от 5 до 10 шилл. за употребление гирь уменьшенного веса. —Сессия суда в *Стокпорте.* Два лавочника приговорены к штрафу в 1 шилл.: у одного из них обнаружено семь гирь уменьшенного веса и неправильные весы; оба уже раньше получали предостережение.

«Guardian», 19 июня. Сессия суда в *Рочдейле.* Один лавочник оштрафован на 5 шилл. и два крестьянина—на 10 шиллингов.

«Guardian», 22 июня. *Манчестерский* мировой судья приговорил 19 лавочников к штрафам от $2^1/_2$ шилл. до 2 фунтов стерлингов.

«Guardian», 26 июня. Сессия суда в *Аштоне.* 14 лавочников и крестьян приговорены к штрафам от $2^1/_2$ шилл. до 1 фунта стерлингов.—Малая сессия суда в *Хайде.* 9 крестьян и лавочников приговорены к штрафу в 5 шилл. и уплате судебных издержек.

«Guardian», 9 июля. *Манчестер,* 16 лавочников приговорены к уплате судебных издержек и к штрафам до 10 шиллингов.

«Guardian», 13 июля. *Манчестер,* 9 лавочников приговорены к штрафам от $2^1/_2$ до 20 шиллингов.

«Guardian», 24 июля. *Рочдейл,* 4 лавочника оштрафованы в размере от 10 до 20 шиллингов.

«Guardian», 27 июля. *Болтон,* 12 лавочников и трактирщиков приговорены к уплате судебных издержек.

«Guardian», 3 августа. *Болтон,* 3 лавочника оштрафованы в размере от $2^1/_2$ до 5 шиллингов.

«Guardian», 10 августа. *Болтон,* один лавочник оштрафован на 5 шиллингов.

По тем же причинам, по которым на качестве продуктов обманывают главным образом рабочих, их обманывают также и на количестве.

Обычное питание каждого рабочего, разумеется, меняется в зависимости от заработной платы. Лучше оплачиваемые рабочие, в особенности те из фабричных рабочих, у которых каждый член семьи в состоянии что-нибудь заработать, питаются, пока у всех есть работа, хорошо; на столе ежедневно мясо, а вечером сало и сыр. Там, где заработок меньше, мясо едят только по воскресеньям, или два-три раза в неделю, зато едят больше хлеба и картофеля. Там, где заработок ещё меньше, мясная пища сводится к кусочку сала, нарезанному в картофель; дальше исчезает и сало, и остаются только сыр, хлеб, овсянка (porridge) и картофель, и, наконец, у рабочих, заработок которых всего ниже, у ирландцев, картофель является единственной пищей. При этом везде пьют жидкий чай, в который иногда кладут сахар или подливают немного молока или вина; чай считается в Англии и даже в Ирландии питьём, столь же существенным и необходимым, как у нас, в Германии, кофе, и чаю не пьют только там, где царит самая жестокая

нужда. — Но всё это бывает при условии, если рабочий имеет работу; когда же у него работы нет, всё зависит от случая, и он питается тем, что ему дали, что он выпросил или украл; если же ему ничего не досталось, то он попросту умирает с голоду, как это было показано выше. Само собой понятно, что качество, как и количество пищи, зависит от заработной платы и что низкооплачиваемые рабочие голодают даже тогда, когда у них есть работа, в особенности, если у них ещё большая семья; число же этих низкооплачиваемых рабочих очень велико. В частности в Лондоне, где конкуренция рабочих растёт в такой же мере, как и население, эта группа рабочих очень многочисленна, но их можно встретить и во всех других городах. Здесь изворачиваются как могут и за неимением другой пищи едят картофельную шелуху, овощные очистки, гнилые фрукты* и с жадностью набрасываются на всё, что содержит хоть самую малость питательного вещества. Если же недельный заработок израсходован до конца недели, нередко бывает, что семья последние дни недели вовсе не ест или ест ровно столько, сколько совершенно необходимо, чтобы совсем не умереть с голоду. Такой образ жизни, естественно, вызывает множество заболеваний, и лишь только они начинаются, в особенности если заболевает отец, — главный кормилец семьи, напряжённая деятельность которого требует всего больше пищи, вследствие чего он первый падает жертвой болезни, — то нужда становится особенно велика и особенно ярко вырисовывается жестокость, с которой общество бросает своих членов на произвол судьбы именно тогда, когда они всего более нуждаются в его поддержке.

Резюмируем в заключение в кратких словах факты, приведённые в этой главе. Большие города населены главным образом рабочими, ибо в лучшем случае приходится один буржуа на двух, часто же на трёх и кое-где на четырёх рабочих; эти рабочие не имеют решительно никакой собственности и живут только своей заработной платой, почти всегда еле достаточной для пропитания; общество, состоящее из разрозненных атомов, совершенно о них не заботится, предоставляет им самим обеспечивать пропитание себе и своей семье, но не предоставляет им средств для того, чтобы сделать это как следует и надолго; поэтому каждый, даже самый лучший рабочий, всегда может остаться без работы, а следовательно и без хлеба, что со многими и случается; жилища рабочих повсюду плохо распланированы, плохо построены, плохо содержатся, плохо вентилируются,

* «Weekly Dispatch», апрель или май 1844 г., по отчёту д-ра Саутвуда Смита о положении бедных в Лондоне.

они—сырые и нездоровые; обитатели их живут в страшной тесноте и в большинстве случаев в одной комнате спит по меньшей мере целая семья; обстановка соответствует различной степени нищеты, вплоть до полного отсутствия самой необходимой мебели; одежда рабочих тоже в среднем очень жалкая, а в очень многих случаях состоит из одних отрепьев; пища в общем плоха, часто почти несъедобна, во многих случаях, по крайней мере временами, имеется в недостаточном количестве, а в худших случаях дело доходит до голодной смерти. — Таким образом, положение рабочего класса в больших городах можно представить в виде ряда последовательных ступеней: в лучшем случае — временное сносное существование, хорошая заработная плата за напряжённую работу, хорошая квартира и в общем неплохая пища — все это хорошо и сносно, разумеется, с точки зрения рабочего; в худшем случае — жестокая нужда вплоть до положения бездомного бродяги и до голодной смерти; средняя же норма лежит гораздо ближе к худшему случаю, чем к лучшему. И эти различные ступени не являются чем-то твердо установленным для различных, строго определённых категорий рабочих, так, чтобы можно было сказать, что этой категории рабочих живётся хорошо, а той плохо, и что так оно было, есть ц будет. Нет, если кое-где дело так и обстоит, если в общем некоторые отрасли работы находятся в привилегированном положении сравнительно с другими, то всё же в каждой отрасли положение рабочих крайне неустойчиво и с каждым рабочим может случиться, что ему придётся пройти через весь этот ряд ступеней от относительного комфорта до самой крайней нужды и даже до голодной смерти, и почти каждый английский пролетарий может многое рассказать о пережитых им превратностях судьбы. Рассмотрим же подробнее причины этого явления.

КОНКУРЕНЦИЯ

Мы видели во «Введении», как конкуренция с самого начала промышленного развития создавала пролетариат, повышая, при увеличившемся спросе на ткани, заработную плату ткача и тем заставляя крестьян-ткачей забрасывать земледелие, чтобы больше заработать у ткацкого станка; мы видели, как конкуренция посредством системы крупного хозяйства вытесняла мелких крестьян, низводила их до степени пролетариев и затем частично гнала их в города; мы видели далее, как конкуренция разоряла значительную часть мелкой буржуазии, превращая её тоже в пролетариат, как она сосредоточивала капитал в руках немногих, а население — в крупных городах. Таковы были различные пути и средства, которыми конкуренция, достигшая в современной промышленности полного расцвета и свободного развития всех своих последствий, создавала пролетариат и увеличивала его численность. Нам предстоит рассмотреть то влияние, которое она оказывает на уже сложившийся пролетариат. И здесь мы должны прежде всего рассмотреть последствия, вытекающие из конкуренции отдельных рабочих между собой.

Конкуренция есть наиболее полное выражение господствующей в современном гражданском обществе войны всех против всех. Эта война, война за жизнь, за существование, за всё, а следовательно в случае необходимости и война на жизнь и на смерть, протекает не только между различными классами общества, но и между отдельными членами этих классов; один стоит у другого на пути, и поэтому каждый старается оттеснить остальных и занять их место. Рабочие конкурируют между собой, и буржуа конкурируют между собой. Ткач, работающий на механическом станке, конкурирует с ручным ткачом; безработный или низкооплачиваемый ручной ткач конкурирует с другим ткачом, имеющим работу или получающим большую плату, и стремится его вытеснить. Эта конкуренция рабочих между собой является для них наихудшей стороной современных отношений; это самое сильное оружие буржуазии против

пролетариата. Отсюда стремление рабочих уничтожить эту конкуренцию при помощи союзов, отсюда яростные нападки буржуазии на эти союзы и ее торжество при каждом нанесённом им ударе.

Пролетарий беспомощен; предоставленный самому себе, он не может просуществовать и одного дня. Буржуазия захватила в свои руки монополию на все средства к жизни в самом широком смысле этого слова. Всё, что требуется пролетарию, он может получить только от этой буржуазии, монополия которой охраняется государственной властью. Таким образом, пролетарий является юридически и фактически рабом буржуазии; она имеет власть над его жизнью и смертью. Она предлагает ему средства к жизни, но за «эквивалент» —за его труд; она даже оставляет ему иллюзию, будто он действует по доброй воле, будто он свободно, без всякого принуждения, как человек самостоятельный, заключает с ней договор. Хороша свобода, которая не оставляет пролетарию иного выбора, как только подписать условия, предлагаемые ему буржуазией, или же умереть от голода и холода, голым и босым искать приюта у лесных зверей! Хорош «эквивалент», размеры которого целиком зависят от доброй воли буржуазии!—А если пролетарий так глуп, что он предпочитает умереть с голоду, чем согласиться на «справедливые» условия буржуа, своего *«естественного повелителя»*[*]*,*—что же—легко найдётся другой: на свете немало пролетариев, и не все так глупы, чтобы жизни предпочесть смерть.

Такова конкуренция пролетариев между собой. Если бы только *все* пролетарии заявили о своей готовности скорее умереть, чем работать на буржуазию, последняя была бы вынуждена отказаться от своей монополии. Но этого нет и вообще это едва ли возможно, вот почему дела буржуазии всё ещё идут недурно. Эта конкуренция рабочих между собой имеет лишь один предел: ни один рабочий не станет работать за меньшую плату, чем та, которая необходима для его существования; если суждено умереть с голоду, то он лучше умрёт в бездействии, чем за работой. Конечно, предел этот относительный; одному необходимо для существования больше, другому меньше, один больше другого привык к удобствам; у англичанина, который пока ещё в известных отношениях более культурен, потребности больше, чем у ирландца, который ходит в отрепьях, питается картофелем и ночует в хлеву. Но это не мешает ирландцу конкурировать с англичанином и постепенно снижать заработную плату, — ас ней и степень культурности

[*] Таково излюбленное выражение английских фабрикатов.

английского рабочего, — до уровня ирландского. Для некоторых работ, в том числе почти для всех видов работы в промышленности, требуется известная степень культуры, поэтому заработная плата уже в интересах самой буржуазии должна быть здесь достаточно высокой, чтобы позволить рабочему удерживаться на соответствующем уровне. Недавно прибывший в Англию ирландец, который ютится в первом попавшемся хлеву, которого каждую неделю выселяют из мало-мальски сносной квартиры, потому что он всё пропивает и не может за неё заплатить, был бы плохим фабричным рабочим; поэтому фабричным рабочим приходится платить столько, сколько требуется для того, чтобы они были в состоянии, воспитывая своих детей, приучать их к регулярному труду; но отнюдь не больше, чтобы они не могли обходиться без заработка своих детей и не давали им стать чем-нибудь иным, кроме простых рабочих. И здесь предел, минимум заработной платы, нечто относительное: если все члены семьи работают, то каждый может получать соответственно меньше, и буржуазия широко использовала для снижения заработной платы представившуюся ей при машинном труде возможность с выгодой для себя занять в производстве женщин и детей. Конечно, бывает, что не все члены семьи работоспособны, и такой семье пришлось бы очень плохо, если бы она была вынуждена работать за минимум заработной платы, рассчитанной для семьи, состоящей из одних работоспособных членов; поэтому здесь устанавливается некоторая средняя заработная плата, при которой семье, состоящей только из работоспособных членов, живётся довольно хорошо, а семье, имеющей и неработоспособных членов, живётся довольно плохо. Но в наихудшем случае каждый рабочий готов отказаться от той ничтожной доли комфорта и культуры, к которой он привык, лишь бы кое-как просуществовать; он предпочтёт жить в хлеву, чем под открытым небом, носить лохмотья, чем ходить совсем без одежды, питаться картофелем, чем голодать. В надежде на лучшие времена рабочий предпочтёт довольствоваться половинной заработной платой, чем умереть с голоду на улице, подобно многим, лишившимся куска хлеба. И вот эта самая малость, это нечто немногим большее, чем ничто, и является минимумом заработной платы. А если рабочих оказывается больше, чем буржуазия считает нужным использовать, если поэтому в итоге конкурентной борьбы всё же остаётся некоторое число рабочих, для которых работы не нашлось, то они просто обрекаются на голодную смерть: ведь буржуа, конечно, не даст им работы, если продукт этой работы он не может продать с выгодой для себя.

Из всего сказанного видно, что такое минимум заработной платы. А максимум её определяется конкуренцией буржуа между собой, ибо мы видели, что и они конкурируют. Буржуа может увеличить свой капитал только посредством торговли или промышленности, и в обоих случаях он нуждается в рабочих. Он косвенно нуждается в них даже тогда, когда отдаёт свой капитал на проценты, ибо, если бы не было торговли и промышленности, никто не стал бы ему платить проценты, никто не смог бы использовать его капитал. Итак, буржуа всегда нуждается в пролетарии, но он нуждается в нём не непосредственно для жизни — ведь он может проедать свой капитал, — а так, как нуждаются в предмете торговли или во вьючном животном, для обогащения. Пролетарий вырабатывает для буржуа товары, которые тот продаёт с выгодой для себя. Поэтому, когда спрос на эти товары возрастает, так что все конкурирующие между собой рабочие оказываются заняты и их, быть может, даже не хватает, то конкуренция между рабочими прекращается и начинается конкуренция между буржуа. Ищущий рабочих капиталист прекрасно знает, что возросшие вследствие усиленного спроса цены доставят ему большую прибыль; поэтому он предпочитает немного увеличить заработную плату, чем упустить всю прибыль. Он отдаёт рабочему колбасу, чтобы выиграть окорок. Так один капиталист отбивает рабочих у другого, и заработная плата повышается. Но она повышается лишь настолько, насколько это допускает усилившийся спрос. Когда капиталист, который соглашается пожертвовать кое-чем из своей чрезвычайной прибыли, поставлен в необходимость жертвовать из своей обычной, т. е. средней, прибыли, то он уж заботится о том, чтобы не заплатить больше средней заработной платы.

Отсюда можно определить, что такое средняя заработная плата. При средних условиях, т. е. когда ни рабочие, ни капиталисты не имеют оснований особенно конкурировать между собой, когда имеется *как раз столько* рабочих, сколько может быть занято в производстве, чтобы изготовить требуемое количество товаров, заработная плата держится несколько выше минимума. Насколько она превышает этот минимум, зависит от средних потребностей и культурного уровня рабочих. Если рабочие привыкли несколько раз в неделю есть мясо, капиталисты волей-неволей должны платить достаточную заработную плату, чтобы рабочие могли позволить себе такое питание. Эта плата не будет меньше, потому что между рабочими нет конкуренции и у них, следовательно, нет оснований довольствоваться меньшим; эта плата не будет и больше, потому что при отсут-

ствии конкуренции между капиталистами у последних нет никаких оснований привлекать к себе рабочих особыми прибавками.

При многообразии условий в современной английской промышленности средний уровень потребностей и культурности рабочих является понятием очень неопределённым и к тому же, как мы видели, неодинаковым для различных категорий рабочих. Но для большинства видов работ в промышленности требуется известная сноровка и регулярность, и так как для этого необходим также и известный культурный уровень рабочего, то и средняя заработная плата должна здесь быть такой, чтобы побуждать рабочего приобрести эту сноровку и подчиняться этой регулярности в работе. Вот почему заработная плата промышленных рабочих в среднем выше заработной платы простых грузчиков, подёнщиков и т. д. и выше заработной платы сельских рабочих, причём в последнем случае сказывается ещё, конечно, дороговизна съестных припасов в городе.

Другими словами, рабочий юридически и фактически является рабом имущего класса, буржуазии; он раб в такой степени, что продаётся, как товар, и как товар повышается и падает в цене. Если спрос на рабочих растёт, цена на них повышается; если спрос падает, цена понижается; если спрос на рабочих упал настолько, что известное число из них не находит покупателя, «залёживается», то они так и остаются без дела, а поскольку без дела не проживёшь, они умирают с голоду. Ибо, говоря языком политической экономии, затраченные на поддержание их жизни суммы не «воспроизведут себя», окажутся выброшенными деньгами, а на это никто своего капитала не даст. В этом смысле г-н Мальтус со своей теорией народонаселения был совершенно прав. Вся разница между этим и старым откровенным рабством состоит только в том, что современный рабочий *кажется* свободным, потому что он продаётся не раз навсегда, а по частям, на день, на неделю, на год, и потому что не один собственник продаёт его другому, а он сам вынужден таким образом продавать себя, ибо он раб не одного человека, а всего имущего класса. Для него суть дела не меняется, и хотя эта кажущаяся свобода и должна, с одной стороны, давать ему некоторую *реальную* свободу, зато, с другой стороны, имеется та невыгода, что никто не гарантирует ему его пропитание; его хозяин — буржуазия — в любой момент может прогнать его и обречь на голодную смерть, если больше не заинтересован в его работе, в его существовании. — Между тем, для буржуазии современное положение несравненно выгоднее, чем старое рабство: она может когда угодно отказать своим рабочим, не теряя

при этом вложенного капитала, и вообще труд рабочих обходится ей гораздо дешевле, чем обошёлся бы труд рабов, как высчитал ей в утешение Адам Смит*.

Отсюда следует также, что Адам Смит совершенно прав, когда, в другом месте, утверждает следующее:

«Спрос на рабочих, как и спрос на всякий *другой товар,* регулирует производство рабочих, количество производимых людей; спрос ускоряет этот процесс, когда он идёт слишком медленно, задерживает его, когда он идёт слишком быстро».

Тут происходит совершенно то же, что и со всяким другим товаром: если рабочих не хватает, цена на них, т. е. их заработная плата, повышается; им живётся лучше, множатся браки, повышается рождаемость, больше детей остаётся в живых, пока не появится на свет достаточное количество рабочих; если рабочих слишком много, цены падают, начинается безработица, нищета, голод и вызванные всем этим болезни, которые устраняют «избыточное население». И Мальтус, развивший вышеприведённое положение Смита, тоже по-своему прав, когда он утверждает, что всегда имеется «избыточное население», что на свете всегда слишком много людей; он только неправ, когда утверждает, что на свете больше людей, чем могут прокормить имеющиеся налицо средства к жизни. «Избыточное население» возникает скорее в результате конкуренции рабочих между собой — конкуренции, заставляющей каждого отдельного рабочего работать в день столько, сколько позволяют ему его силы. Допустим, что фабрикант может ежедневно занять у себя десять рабочих в течение девяти часов; в таком случае, если рабочие будут ежедневно работать по десять часов, у него найдут работу лишь девять человек, а десятый останется без хлеба. И если фабрикант, улучив момент, когда спрос на рабочих не очень высок, может под угрозой увольнения заставить девять рабочих работать за ту же плату лишний час в день, т. е. в нашем примере десять часов, то он увольняет десятого рабочего, оставляя его заработную плату у себя в кармане.

* «Говорят, что расходы, вызываемые изнашиванием раба, лежат на его хозяине, а расходы, вызываемые изнашиванием свободного рабочего — на нём самом. На самом деле расходы, вызываемые изнашиванием свободного рабочего, также лежат на его хозяине. Заработная плата подёнщиков, слуг и т. д. должна быть настолько высокой, чтобы она позволяла им в такой мере продолжать породу подёнщиков и слуг, в какой этого требует возрастающий, стационарный или понижающийся спрос на них со стороны общества. Но если изнашивание свободного рабочего тоже происходит за счёт его хозяина, то всё же оно последнему стоит обыкновенно гораздо меньше, чем изнашивание раба. Фондом, назначение которого восстановить или возместить изнашивание раба, заведует обыкновенно нерадивый хозяин или невнимательный надсмотрщик» и т. д. (A. Smith. «Wealth of Nations» [А. Смит. «Богатство народов»], I, 8, стр. 134 в четырёхтомном издании Мак-Куллоха).

То, что происходит здесь в отдельном случае, повторяется в большом масштабе в целой нации. Производительность труда каждого отдельного рабочего, доведённая до своего максимума конкуренцией рабочих между собой, разделение труда, введение машин, использование сил природы — всё это оставляет без работы множество рабочих. Эти безработные перестают существовать для рынка; они уже ничего не могут покупать, и то количество товаров, которое им раньше требовалось, больше не находит спроса и поэтому его уже не надо производить; занятые ранее изготовлением этих товаров рабочие тоже остаются без работы, уже не существуют для рынка, и так дело идёт всё дальше, тем же круговоротом, или, вернее, так дело шло бы, если бы не было других привходящих обстоятельств. Введение в промышленность рассмотренных выше средств, увеличивающих продукцию, приводит с течением времени к снижению цен на произведённые товары и тем самым к росту их потребления, вследствие чего значительная часть безработных рабочих, разумеется после долгих страданий, находит себе, наконец, применение в новых отраслях труда. Если сюда присоединяется ещё, как это было в Англии в течение последних шестидесяти лет, завоевание чужих рынков, вследствие чего спрос на промышленные товары быстро и непрерывно растёт, то растёт и спрос на рабочих, а с ним в той же пропорции увеличивается и население. Таким образом, вместо того чтобы сократиться, население Великобритании поразительно быстро увеличилось и продолжает увеличиваться; и несмотря на непрестанное развитие промышленности, несмотря на растущий в общем и целом спрос на рабочие руки, в Англии, по признанию официальных партий (т. е. тори, вигов и радикалов), постоянно имеется избыточное, не находящее себе применения население, и конкуренция *между* рабочими в общем преобладает над конкуренцией *из-за* рабочих.

Чем же объясняется это противоречие? Самим характером промышленности и конкуренции и обусловленными им торговыми кризисами. При современной беспорядочной системе производства и распределения жизненных средств, целью которой является не непосредственное удовлетворение потребностей, а извлечение денежной прибыли, когда каждый работает и обогащается на свой собственный страх и риск, в любой момент может получиться застой. Англия, например, снабжает многие страны самыми разнообразными товарами. Даже если фабрикант знает, сколько потребляется ежегодно в каждой отдельной стране того или другого товара, то он всё же не знает, как велики там запасы этого товара в каждый данный момент и ещё

менее знает, сколько посылают туда его конкуренты. Только по постоянно колеблющимся ценам он может сделать ненадёжные выводы о наличных запасах и потребностях, и ему приходится отправлять свои товары наудачу; всё делается вслепую, на авось, более или менее в расчёте на случай. На основании первого благоприятного сообщения о каком-нибудь рынке каждый отправляет туда всё, что может; в скором времени этот рынок переполняется товарами, сбыт приостанавливается, обратный приток денег задерживается, цены падают, и английской промышленности нечем занять своих рабочих. В начале промышленного развития эти застои ограничивались отдельными отраслями промышленности или отдельными рынками; но централизующее воздействие конкуренции сказывается в том, что рабочие, лишившись работы в одной отрасли промышленности, устремляются в другую, работа в которой наиболее легко осваивается, а товары, не проданные на одном рынке, перебрасываются на другие; в результате отдельные мелкие кризисы всё более сливаются и из их постепенного слияния получается единый ряд периодически повторяющихся кризисов. Кризис такого рода обычно следует через каждые пять лет за коротким периодом процветания и общего благополучия; внутренний рынок и все заграничные рынки переполняются английскими фабрикатами и лишь постепенно их поглощают: промышленная жизнь приостанавливается почти во всех отраслях; мелкие фабриканты и торговцы, которые не в состоянии переждать, пока к ним вернутся их капиталы, объявляют себя банкротами, более крупные прекращают дела на время наибольшего обострения кризиса, останавливают свои машины или работают «неполное время», т. е., примерно, лишь полдня; заработная плата падает вследствие конкуренции безработных, сокращения рабочего дня и невозможности продать товары с прибылью; среди рабочих повсеместно распространяется нищета, и если у кого-нибудь и были сбережения, то они быстро расходуются; благотворительные учреждения осаждаются со всех сторон, налог в пользу бедных удваивается, утраивается и всё же оказывается недостаточным, число голодающих растёт, и вдруг обнаруживается ужасающее количество «избыточного населения». Так продолжается некоторое время: «излишние» кое-как перебиваются или, если им это не удаётся, погибают; благотворительность и законы о бедных помогают многим кое-как продлить своё существование; остальные прозябают, пристроившись в тех отраслях труда, где конкуренция меньше даёт себя чувствовать, где-нибудь подальше от крупной промышленности; много ли требуется человеку, чтобы как-нибудь продержаться некоторое время!—По-

степенно положение улучшается: скопившиеся запасы товаров потребляются, общее подавленное настроение купцов и промышленников мешает слишком быстрому пополнению этих запасов, пока, наконец, повысившиеся цены и благоприятные вести со всех сторон не призовут снова к усиленной деятельности. Но рынки находятся большей частью далеко; пока туда прибудут новые запасы товаров, спрос всё время растёт, а вместе с ним растут цены; первые транспорты товаров берутся нарасхват, первые сделки ещё больше оживляют рынок, дальнейший подвоз товаров сулит ещё более высокие цены; в ожидании этого дальнейшего повышения начинаются закупки со спекулятивной целью, и, таким образом, в самое нужное время из обращения изымаются товары, предназначенные для потребления; спекуляция ещё больше вздувает цены, так как вызывает у других желание покупать и выхватывает из обращения прибывающие товары; обо всём этом становится известно в Англии, и фабриканты снова начинают усиленно работать, строить новые фабрики, стараясь изо всех сил использовать благоприятный момент. Тогда и здесь начинается спекуляция с теми же последствиями, как и на заграничных рынках, цены растут, товары изымаются из обращения, то и другое доводит производство до высшего напряжения, затем появляются «несолидные» спекулянты, которые оперируют фиктивным капиталом, держатся благодаря кредиту и разоряются, если им не удаётся быстро перепродать закупленные товары. Они пускаются в эту всеобщую беспорядочную погоню за прибылью, ещё более усиливают беспорядок и суету своей неутомимой жадностью, которая заставляет их безрассудно вздувать цены и расширять производство. Начинается какая-то бешеная скачка, которая увлекает самых уравновешенных и опытных людей; начинают ковать, прясть, ткать в таком количестве, как будто понадобилось заново экипировать всё человечество, как будто где-то на луне обнаружен новый рынок в несколько миллиардов потребителей. В один прекрасный день несолидные спекулянты за границей, нуждаясь в деньгах, начинают продавать — ниже рыночных цен, разумеется, ибо дело не терпит; за первой сделкой следуют другие, цены начинают колебаться, испуганные спекулянты выбрасывают свои товары на рынок, рынок приходит в замешательство, кредит поколеблен, торговые дома один за другим приостанавливают платежи, банкротство следует за банкротством и выясняется, что товаров на месте и в пути втрое больше, чем нужно для потребления. Вести об этом доходят в Англию, где до этого момента производство продолжалось полным ходом; здесь тоже панический ужас охватывает умы,

банкротства за границей влекут за собой другие банкротства в Англии, застой в делах разоряет ещё множество торговых домов, и здесь тоже в тревоге выбрасывают на рынок все запасы, чем вызывают ещё большее смятение. Так начинается кризис, который затем протекает, примерно, так же, как и предшествовавший, и по истечении некоторого времени снова сменяется периодом процветания. Так дело продолжается непрерывно: за процветанием следует кризис, за кризисом процветание, затем новый кризис, и этот вечный круговорот, в котором находится английская промышленность, обычно возобновляется, как уже сказано, раз в пять или в шесть лет.

Отсюда ясно, что английская промышленность должна иметь со всякое время, за исключением кратких периодов высшего процветания, незанятую резервную армию рабочих, — для того, чтобы иметь возможность производить массы товаров, требуемых рынком в наиболее оживлённые месяцы. Эта резервная армия расширяется или суживается, смотря по состоянию рынка, дающего занятие большей или меньшей части её членов. И если в момент наибольшего оживления рынка земледельческие округа, Ирландия и отрасли промышленности, наименее затронутые общим процветанием, дают временно фабрикам известное количество рабочих, то таковых небольшое меньшинство, и они принадлежат точно так же к резервной армии, с тем единственным различием, что именно быстрое процветание требовалось для того, чтобы вскрыть их принадлежность к этой армии. При переходе этих рабочих в более оживлённые отрасли промышленности на местах их прежней работы обходятся без них; чтобы несколько восполнить образовавшийся пробел, удлиняют рабочий день, привлекают к работе женщин и подростков, и когда с наступлением кризиса этих рабочих увольняют и они приходят обратно, то обнаруживают, что их места уже заняты, а сами они, по крайней мере большая часть из них, стали «излишними». Вот эта резервная армия, в эпохи кризисов возрастающая неимоверно, а в периоды, которые можно принять за нечто среднее между процветанием и кризисом, насчитывающая также изрядное число людей, и составляет «избыточное население» Англии; эти люди нищенствуют и воруют, подметают улицы, собирают лошадиный навоз, перевозят кладь на ручных тележках и на ослах, торгуют с лотков и поддерживают своё жалкое существование всякими мелкими, случайными работами. Во всех больших городах встречаешь множество таких людей, которые мелкими случайными заработками, по выражению англичан, «не дают душе расстаться с телом». Просто изумительно, чем только не промышляет это «избыточное население»!

Лондонские подметальщики (crossing sweeps) всемирно известны; до сих пор безработные, нанятые для этого попечительством о бедных или городским управлением, подметали не только площади, по и центральные улицы во всех больших городах; теперь же для этого есть машина, которая ежедневно с грохотом проходит по улицам, лишая безработных куска хлеба. На больших дорогах, ведущих в города, там, где большое конное движение, можно видеть множество людей с маленькими тележками; ежеминутно рискуя погибнуть под колёсами катящих во всех направлениях карет и омнибусов, они собирают для продажи свежий лошадиный навоз. За это им часто ещё приходится платить несколько шиллингов в неделю управлению по очистке улиц, а во многих местах это занятие вообще запрещено, так как в противном случае собранный мусор, в котором оказывается слишком мало лошадиного навоза, не может быть продан в качестве удобрения. Счастливы те «излишние», которые могут обзавестись ручной тележкой для перевозки клади, ещё счастливее те, которым удаётся в дополнение к тележке достать ещё денег на осла; последний сам отыскивает себе пищу или получает немного отбросов и всё же приносит кое-какой доход.

Большинство «излишних» прибегает к мелкой торговле в разнос. В особенности в субботу вечером, когда всё рабочее население высыпает на улицу, видно, какое множество людей занимается этим промыслом. Бесчисленное количество мужчин, женщин и детей наперебой предлагает шнурки для ботинок, подтяжки, тесёмки, апельсины, печенье, всевозможные мелочи. Да и в остальное время встречаешь на каждом шагу таких разносчиков, предлагающих апельсины, печенье, джинджер-бир и нетл-бир*. Предметом торговли этих людей являются также спички и тому подобные вещи: сургуч, патентованные составы для разжигания огня и прочее. Другие, так называемые jobbers**, бродят по улицам в поисках какой-нибудь случайной мелкой работы; некоторым из них удаётся достать подённую работу, но такое счастье выпадает на долю немногих.

«У ворот всех лондонских доков», — рассказывает У. Чампнис, пастор в лондонском Ист-Энде, — «каждое утро зимой, ещё до рассвета, появляются сотни бедняков, которые поджидают открытия ворот, надеясь получить подённую работу, а когда самые сильные, самые молодые и наиболее знакомые администрации доков наняты, сотни остальных с обманутой надеждой уныло расходятся по своим бедным жилищам»[104].

* Два излюбленных прохладительных шипучих напитка у рабочих, особенно трезвенников. Первый изготовляется из воды и сахара с имбирём, второй — из воды, сахара и крапивы.

** — рабочие, не имеющие постоянной работы. *Ред.*

Что ещё остаётся этим людям, как не просить милостыню, если они не находят работы и не хотят восстать против общества? Не следует поэтому удивляться огромному количеству нищих, в большинстве случаев работоспособных людей, с которыми полиция постоянно воюет. Но нищенство этих людей носит особый характер. Обычно они ходят по улицам целыми семьями, останавливаясь то тут, то там, чтобы пропеть жалобную песню или обратиться к прохожим с речью, взывающей о сострадании. И поразительно то, что таких нищих можно встретить почти только в рабочих кварталах и что поддерживают они своё существование почти исключительно подаянием рабочих. Иногда вся семья молча стоит на какой-нибудь оживлённой улице, действуя на людей без слов, одним видом своей беспомощности. И здесь рассчитывают только на сочувствие рабочих, которые по собственному опыту знают, что такое голод, и в любой момент сами могут попасть в такое же положение; и, действительно, с этим немым, но таким выразительным призывом встречаешься почти только на тех улицах, где часто бывают рабочие, и в те часы, когда рабочие по ним проходят; чаще всего это бывает в субботу вечером, когда вообще «тайны» рабочих кварталов раскрываются на главных улицах, и когда буржуазия по возможности избегает этих осквернённых мест. А тот представитель «излишних», у кого достаточно смелости и озлобления, чтобы открыто сопротивляться обществу, чтобы на *скрытую* войну, которую ведёт против него буржуазия, ответить *открытой* войной против буржуазии, — тот пускается на воровство, грабежи, убийства.

Согласно отчётам членов комиссий по закону о бедных, таких «излишних» насчитывается в Англии и Уэльсе в среднем около полутора миллионов; в Шотландии, за отсутствием законодательства о бедных, число их не установлено, а об Ирландии у нас будет речь особо. Впрочем, в эти полтора миллиона вошли только те, которые действительно обращались в попечительства о бедных; не учтены те, которые кое-как перебиваются, не прибегая к этому крайнему и столь непопулярному выходу из положения; но зато значительная доля в этой цифре падает на земледельческие округа и потому не может быть принята здесь во внимание. Во время кризиса число это, естественно, значительно возрастает, и нужда доходит до высшего предела. Возьмём, например, кризис 1842 г., который, будучи последним, был и наиболее сильным: ведь интенсивность кризисов растёт с повторением их, и ближайший кризис, который, вероятно, наступит не позже 1847 г., судя по всем признакам, будет ещё сильнее и продолжительнее. Во время этого кризиса налог в

пользу бедных возрос во всех городах в небывалой ещё степени. В *Стокпорте,* например, с каждого фунта стерлингов, уплачиваемого за аренду помещения, взималось 8 шилл. в пользу бедных, так что один этот налог составлял 40% арендной платы по всему городу; к тому же пустовали целые улицы и в городе было по крайней мере на 20 тыс. жителей меньше обычного, а на дверях пустовавших домов встречались надписи: Stockport to let — Стокпорт сдаётся в наём. В Болтоне, где в обычные годы арендная плата, с которой взимают налог в пользу бедных, составляла в среднем 86 тыс. ф. ст., упала до 36 тыс. ф. ст.; зато число бедняков, нуждающихся в помощи, возросло до 14 тыс., т. е. составило свыше 20% всего населения. В Лидсе попечительство о бедных располагало резервным фондом в 10 тыс. ф. ст., который вместе с собранными по подписке 7 тыс. ф. ст. был целиком исчерпан ещё раньше, чем кризис достиг своего апогея. И так было повсюду. В отчёте о состоянии промышленных округов в 1842 г., составленном одним из комитетов Лиги против хлебных законов в январе 1843 г. на основе подробных показаний фабрикантов, говорится, что налог в пользу бедных был в среднем вдвое выше, чем в 1839 г., а число нуждающихся в помощи с тех пор увеличилось в три и даже в пять раз; что множество просителей принадлежало к категории людей, ранее никогда не обращавшихся за помощью и т. д.; что рабочий класс получил на две трети меньше средств питания, чем в 1834—1836 гг.; что потребление мяса значительно уменьшилось—в одних местах на 20%, а в других до 60%; что даже те категории ремесленников, которые в самые худшие периоды находили ещё достаточно работы, кузнецы, каменщики и т. п., тоже немало страдали от отсутствия работы н снижения заработной платы и что даже теперь, в январе 1843 г., заработная плата не перестаёт падать, И это всё сообщается в отчётах фабрикантов!

Голодные рабочие, хозяева которых позакрывали свои фабрики и не могли им дать работы, стояли на всех улицах, ожидая подаяния в одиночку или толпами, массами осаждали проезжие дороги, прося у прохожих помощи, но они не вымаливали её, как обыкновенные нищие, а требовали, пугая своею численностью, своим грозным видом и речами. Так было во всех промышленных округах от Лестера до Лидса и от Манчестера до Бирмингема. То тут, то там возникали беспорядки, как, например, в июле на гончарных заводах в Северном Стаффордшире; среди рабочих царило страшное возбуждение, пока оно, наконец, не прорвалось в августе в общем восстании в фабричных округах. Когда я в конце ноября 1842 г. прибыл в Манчестер,

то застал еще повсюду толпы безработных на перекрёстках, и многие фабрики ещё стояли; в следующие месяцы до середины 1843 г. стало меньше этих праздношатающихся поневоле, и фабрики опять заработали.

Не приходится говорить о том, сколько нужды и лишений терпят безработные во время такого кризиса. Налога, взимаемого в пользу бедных, не хватает, далеко не хватает; благотворительность богачей — это удар по воде, действие которого продолжается не дольше мгновения: где так много нищих, милостыня может помочь лишь немногим. Если бы в такое время мелкие лавочники, пока они в состоянии это делать, не продавали рабочим в кредит,— они, разумеется, потом изрядно вознаграждают себя за это при расчёте, — и если бы рабочие по мере сил не помогали друг другу, то каждый кризис уносил бы массу «излишних», умерших с голоду. Но так как самый острый период всё же продолжается недолго — год, самое большее два или два с половиной, — большинству всё-таки удаётся ценой тяжёлых лишений сохранить жизнь. Что каждый кризис косвенно, вследствие болезней и т. п., губит множество жизней, это мы увидим ниже. А тем временем мы обратимся к другой причине тяжёлого положения английских рабочих, причине, которая продолжает действовать и сейчас, вызывая постоянное снижение жизненного уровня всего этого класса.

ИРЛАНДСКАЯ ИММИГРАЦИЯ

Нам не раз уже приходилось упоминать по тому или иному поводу об ирландцах, переселившихся в Англию. В настоящей главе мы ближе рассмотрим причины и последствия этой иммиграции.

Английская промышленность не могла бы развиться так быстро, если бы Англия не нашла в многочисленном и бедном населении Ирландии резерва, готового к её услугам. Ирландцу на родине нечего было терять, в Англии же он мог приобрести много, и с тех пор как в Ирландии стало известно, что по ту сторону пролива св. Георга сильные руки наверняка могут найти работу за хорошую плату, каждый год толпы ирландцев отправляются в Англию. Полагают, что до настоящего времени таким образом переселилось более одного миллиона и ежегодно переселяется ещё до 50 тыс. ирландцев, которые почти все устремляются в промышленные районы, в особенности в большие города, и там образуют низший слой населения. Так, в Лондоне насчитывают 120 тыс. ирландцев-бедняков, в Манчестере — 40 тыс., в Ливерпуле—34 тыс., в Бристоле—24 тыс., в Глазго—40 тыс. и в Эдинбурге—29 тысяч[*]. Эти люди, выросшие почти вне всякой цивилизации, привыкшие с детства ко всевозможным лишениям, неотёсанные, склонные к пьянству, живущие сегодняшним днём, переселяются в Англию и вносят все свои грубые привычки в тот слой английского населения, у которого и без того мало склонности к образованию и к строгости нравов. Но предоставим слово самому Томасу Карлейлю[**].

«На всех больших дорогах и просёлках приветствуют вас дикие лица милезийцев[***], на которых написаны напускное простодушие, буйство, безрассудство, убожество и зубоскальство. Англичанин-кучер, проезжая мимо, бьёт милезийца кнутом; тот отпускает по его адресу проклятье на своём языке, снимает шляпу и попрошайничает. Это худшее зло, с которым

[*] Archibald Alison, High Sheriff of Lanarkshire. «The Principles of Population, and their connection with Human Happiness». 2 vols. 1840 [Арчибалд Алисон, старший шериф Ланаркшира. «Основы народонаселения и их связь с благоденствием человечества». 2 тома, 1840]. Автор — историк французской революции и, подобно брату своему, д-ру У. П. Алисону, религиозно настроенный тори.

[**] «Чартизм», стр. 28, 31 и сл.

[***] Милезий — имя древних кельтских королей Ирландии.

приходится бороться нашей стране. В своих отрепьях, жизнерадостный дикарь всегда готов на любую работу, требующую только сильных рук и крепкой спины, за плату, которая обеспечит его картофелем. В качестве приправы ему нужна только соль; в качестве ночлега он довольствуется первым попавшимся хлевом или конурой, располагается в сарае и носит наряд из лохмотьев, снять и надеть который является труднейшей операцией, предпринимаемой только по праздникам или в особо торжественных случаях. Англичанин, который не может работать на таких условиях, не находит работы. Малокультурный ирландец не своими сильными сторонами, а их противоположностью, вытесняет местного уроженца, англичанина, завладевает его местом. Он живёт в грязи и беспечности, со своими хитростями и пьяным бесчинством, являясь очагом деморализации и беспорядка. Человек, который ещё старается плыть, кое-как удерживаясь на поверхности, находит здесь пример того, как можно существовать, не держась на поверхности, а опускаясь на дно... Всем известно, что уровень жизни низших слоев английских рабочих всё более и более приближается к уровню жизни ирландских рабочих, конкурирующих с ними на всех рынках; что всякая работа, для которой достаточно только, физической силы, для которой особой сноровки не требуется, выполняется не за английскую заработную плату, а за плату, приближающуюся к ирландской, т. е. за плату, несколько большую, чем требуется для того, чтобы «наполовину утолять свой голод картофелем худшего сорта лишь в течение тридцати недель в году», — несколько большую, но с прибытием каждого нового парохода из Ирландии приближающуюся к этому уровню».

Если отбросить преувеличения и одностороннее осуждение национального характера ирландцев, то описание Карлейля здесь правдиво. Эти ирландские рабочие, которые переправляются в Англию за 4 пенса ($3^1/_3$ зильбергроша), скученные как скот на палубе корабля, ютятся где угодно. Самые плохие жилища кажутся им достаточно хорошими; об одежде они мало заботятся, пока она хоть кое-как держится на теле; обуви они не знают; пищу их составляет картофель и только картофель; всё, что они зарабатывают сверх того, они тотчас же пропивают. Нужна ли таким людям высокая заработная плата? Худшие кварталы во всех больших городах населены ирландцами; везде, где только какой-нибудь район особенно выделяется своей грязью и разрушением, там можно заранее быть уверенным, что встретишь преимущественно кельтские лица, которые с первого взгляда можно отличить от англосаксонских физиономий местных уроженцев, услышишь певучий, с придыханием ирландский говор, которого настоящий ирландец никогда не утрачивает. Мне случалось слышать ирландскую речь даже в самых густо населённых районах Манчестера. Большинство тех семейств, которые живут в подвалах, почти всюду оказываются ирландского происхождения. Одним словом, ирландцы открыли, как говорит д-р Кей, к чему сводится минимум жизненных потребностей, и теперь обучают этому английских рабочих. Грязь и пьянство они также привезли с собой. Эта неопрятность,

ставшая у ирландцев второй натурой, в деревне, где население менее скученно, не приносит такого вреда; но здесь, в больших городах, при столь большой скученности населения, она внушает ужас и чревата многими опасностями. Милезиец выбрасывает всевозможные отбросы и нечистоты у самых своих дверей, как он это делал у себя дома, заводит помойные ямы и мусорные кучи, загрязняя весь рабочий квартал и отравляя воздух. Как и в своей деревне, он пристраивает свиной хлев к самому дому, а если это ему не удаётся, он просто оставляет поросёнка у себя в комнате. Этот новый безобразный способ разведения скота в больших городах появился здесь только вместе с ирландцами. Ирландец так же привязан к своему поросёнку, как араб к своему коню, с той лишь разницей, что он продаёт его, когда тот становится достаточно жирным; а до тех пор он и ест, и спит с поросёнком, дети играют с ним, ездят на нём верхом и валяются с ним в грязи, как это тысячу раз можно увидеть во всех английских больших городах. А какая грязь, какое отсутствие всякого уюта царит в самих лачугах — трудно себе и представить. К мебели ирландец не привык; охапка соломы, несколько тряпок, совсем уже не годных для одежды,—вот его постель. Обрубок дерева, поломанный стул, старый ящик вместо стола — больше ему ничего не надо. Чайник, несколько горшков и черепков — этого достаточно, чтобы обставить его кухню, служащую также спальней и жилой комнатой. А если ему нечем затопить камин, он отправляет туда всё, что попадается под руку и что может гореть — стулья, дверные рамы, карнизы, полы, если только они имеются. И много ли места ему нужно? В Ирландии его глиняная хижина состояла из одной только комнаты, в которой помещалось всё; и в Англии для семьи требуется не больше одной комнаты. Таким образом, эта скученность многих в одной комнате, которая теперь стала столь общим явлением, тоже введена, главным образом ирландцами. И так как бедняк всё же должен получить какое-нибудь удовольствие, а все остальные удовольствия общество сделало для него недоступными, он отправляется в трактир. Спиртные налитки—вот единственное, что скрашивает жизнь ирландца, да ещё его беззаботный, весёлый характер, и потому он напивается до бесчувствия. Южный, легкомысленный характер ирландца, грубый нрав, ставящий его почти на одну доску с дикарём, его презрение ко всем человеческим наслаждениям, на которые он не способен вследствие именно своей дикости, его нечистоплотность и нищета, — всё это поощряет в нём склонность к пьянству; искушение слишком велико, он не может ему противостоять и, как только получает какие-нибудь деньги,

пропивает их. Да и может ли быть иначе? Если общество ставит его в такое положение, в котором он *почти неизбежно* должен стать пьяницей, если общество нисколько не заботится о нём и обрекает его на одичание, — как может это общество осуждать его, когда он на самом деле становится пьяницей?

Вот с каким конкурентом приходится бороться английскому рабочему, — с конкурентом, стоящим на самой низкой ступени развития, какая только возможна в цивилизованной стране, и готовым поэтому работать за более низкую заработную плату, чем кто-либо другой. Поэтому, как и утверждает Карлейль, во всех отраслях труда, в которых английскому рабочему приходится выдерживать конкуренцию с ирландским, заработная плата совершенно неизбежно падает всё ниже и ниже. А таких отраслей много. Все те отрасли, в которых почти или совсем не требуется сноровки, открыты для ирландца. Конечно, для тех отраслей труда, в которых необходимо долголетнее обучение или требуется постоянная регулярная деятельность, небрежный и неусидчивый пропойца-ирландец непригоден. Чтобы стать механиком (mechanic—так называется в Англии всякий рабочий, работающий по изготовлению машин), фабричным рабочим, он должен был бы воспринять сначала английскую культуру и английские нравы, т. е. в сущности стать англичанином. Но где дело идёт о простой, менее точной работе, где физическая сила нужнее, чем сноровка, там ирландец не уступает англичанину. Вот почему эти отрасли труда особенно осаждаются ирландцами; ручные ткачи, каменщики, носильщики, чернорабочие и пр. насчитывают в своей среде множество ирландцев, и это проникновение ирландцев значительно способствовало здесь снижению заработной платы и ухудшению положения рабочего класса. И если даже те ирландцы, которые проникли в другие отрасли труда, были вынуждены воспринять известную степень культуры, они всё же достаточно сохраняют от своих старых привычек, чтобы и здесь оказывать деградирующее действие на своих английских товарищей, которые вообще находятся под влиянием окружающей их ирландской среды. В самом деле, если принять во внимание, что почти в каждом большом городе одна пятая или одна четвёртая всех рабочих состоит из ирландцев или из выросших в ирландской грязи детей ирландцев, то становится понятным, почему жизнь всего рабочего класса, его нравы, интеллектуальное и моральное развитие, весь его характер восприняли значительную часть этих ирландских черт, становится понятным, почему вызванное современной промышленностью и её ближайшими последствиями возмутительное положение английских рабочих могло ещё более ухудшиться.

ВЫВОДЫ

Познакомившись довольно подробно с теми условиями, в которых живут английские городские рабочие, мы можем теперь сделать свои заключения из приведённых фактов и эти заключения, в свою очередь, сопоставить с действительным положением вещей. Посмотрим же, во что превратились сами рабочие, живя в этих условиях, что это за люди, каков их физический, интеллектуальный и моральный облик.

Если один человек наносит другому физический вред, и такой вред, который влечёт за собой смерть потерпевшего, мы называем это убийством; если убийца заранее знал, что вред этот будет смертельным, то мы называем его действие предумышленным убийством. Но если общество* ставит сотни пролетариев в такое положение, что они неизбежно обречены на преждевременную, неестественную смерть, на смерть насильственную в такой же мере, как смерть от меча или пули; если общество лишает тысячи своих членов необходимых условий жизни, ставит их в условия, в которых они жить *не могут;* если оно сильной рукой закона удерживает их в этих условиях, пока не наступит смерть, как неизбежное следствие; если оно знает,

* Когда я здесь, как и в других местах, говорю об обществе, как о некотором ответственном целом, имеющем свои права и обязанности, то я, разумеется, имею и виду ту часть *общества,* которая обладает *властью,* т. е. тот класс, которому принадлежит в данное время политическое и социальное господство и который поэтому несёт ответственность за положение тех, кого он не допускает к власти. Этим господствующим классом является в Англии, как и во всех других цивилизованных странах, буржуазия. Но то, что общество и в особенности буржуазия обязаны охранять по меньшей мере *жизнь* каждого члена общества, обязаны заботиться, например, о том, чтобы никто не умирал от голода, это положение мне нет надобности доказывать моим *немецким* читателям. Если бы я писал это для английской буржуазии, дело обстояло бы, конечно, иначе. *(Примечание Энгельса к изданию 1845 г.)*

А теперь и в Германии положение такое же. Наши немецкие капиталисты вполне достигли английского уровня, — по крайней мере в этом отношении, — в благословенном 1886 году. *(Добавление Энгельса к американскому изданию 1887 г.)*

(1892 г.) Как всё изменилось за эти пятьдесят лет! В настоящее время среди английских буржуа есть люди, которые признают обязанности общества по отношению к отдельным его членам; а среди немецких буржуа?!!? *(Добавление Энгельса к немецкому изданию 1892 г.)*

великолепно знает, что тысячи должны пасть жертвой таких условий, и всё же этих условий не устраняет, — это тоже убийство, в такой же мере как убийство, совершённое отдельным лицом, но только убийство скрытое, коварное, от которого никто не может себя оградить, которое не похоже на убийство, потому что никто не видит убийцу, потому что убийца — это все и никто, потому что смерть жертвы носит характер естественной смерти, потому что это не столько грех содеянный, сколько грех попустительства. Тем не менее это остаётся убийством. И я попытаюсь доказать, что английское общество ежедневно и ежечасно совершает нечто, с полным правом называемое на страницах английской рабочей печати социальным убийством; что английское общество поставило рабочих в положение, с котором они не могут ни сохранить здоровье, ни долго просуществовать; что оно, таким образом, неуклонно, постепенно подтачивает организм рабочих и преждевременно сводит их в могилу. Далее я докажу, что общество *знает,* как вредно отзывается такое положение на здоровье и жизни рабочих, и тем не менее ничего не предпринимает, чтобы улучшить это положение. Что общество *знает,* каковы последствия установленного им порядка, что, следовательно, его образ действий является не просто убийством, а убийством предумышленным, я это доказываю хотя бы тем, что для установления самого факта убийства использую официальные документы, правительственные и парламентские отчёты.

Классу людей, живущих в описанных выше условиях и так скудно обеспеченных самыми необходимыми средствами существования, не может быть свойственно крепкое здоровье и долголетие — это ясно само собой. Рассмотрим, тем не менее, ещё раз каждое из этих обстоятельств особо с точки зрения их влияния на состояние здоровья рабочих. Сама централизация населения в больших городах уже влечёт за собой крайне неблагоприятные последствия; лондонский воздух никогда не будет таким чистым и насыщенным кислородом, как воздух в какой-нибудь сельской местности; два с половиной миллиона человеческих лёгких и двести пятьдесят тысяч печей, сосредоточенных на трёх-четырёх квадратных географических милях, потребляют необъятное количество кислорода, которое возмещается лишь с большим трудом, так как городские постройки сами по себе затрудняют вентиляцию. Образующийся от дыхания и горения углекислый газ благодаря своему более высокому удельному весу задерживается между домами, а основной воздушный поток проносится над крышами. Жители этих домов не получают необходимого их лёгким количества кисло-

рода, и следствием этого является физическая и умственная вялость и пониженная жизнедеятельность. Поэтому, хотя жители больших городов гораздо менее, чем живущие на свежем, чистом воздухе обитатели деревень, подвержены острым заболеваниям и, в особенности, всяческим воспалениям, они зато в тем большей степени страдают от хронических болезней. Если жизнь в больших городах уже сама по себе плохо влияет на здоровье, то как велико должно быть это вредное влияние загрязнённой атмосферы в рабочих кварталах, где, как мы видели, всё как бы соединяется для того, чтобы сделать атмосферу ещё хуже. В деревне, где воздух свободно циркулирует по всем направлениям, может быть не так вредно, если у самого дома находится помойная яма; но посреди большого города, на улицах и дворах, со всех сторон застроенных и отрезанных от всякого притока свежего воздуха, дело обстоит совсем иначе. Гниение всевозможных растительных и животных отбросов выделяет газы, безусловно вредные для здоровья, и поскольку эти газы не имеют свободного выхода, они неизбежно заражают атмосферу. Таким образом, нечистоты и стоячие лужи в рабочих кварталах больших городов всегда влекут за собой самые скверные последствия для общественного здравия, так как именно они выделяют тлетворные газы; то же самое относится к испарениям загрязнённых рек. Но это далеко ещё не всё. Поистине возмутительное отношение проявляет современное общество к огромной массе бедняков. Их завлекают в большие города, где они дышат воздухом, худшим, чем в родной деревне. Их загоняют в части города, которые вследствие своей планировки хуже вентилируются, чем все остальные. Их лишают всех средств содержать себя в чистоте, их лишают воды, так как водопровод прокладывается только за деньги, а реки настолько загрязнены, что не могут быть использованы для гигиенических целей; их заставляют выкидывать тут же на улицу все отбросы и сор, выливать на улицу всю грязную воду, часто даже самые отвратительные нечистоты, так как их лишили всякой возможности избавиться от всего этого иначе; они вынуждены, таким образом, сами заражать кварталы, в которых живут. Но и этого ещё мало. На бедняков сваливаются всевозможные бедствия. Население городов вообще слишком скученно, но именно *их* заставляют жить в ещё большей тесноте. Мало того, что им приходится вдыхать на улице испорченный воздух, их дюжинами набивают в одну комнату, так что атмосфера, которой они дышат по ночам, становится совершенно удушливой. Им отводят сырые квартиры, подвалы, куда вода просачивается снизу, или мансарды, куда она протекает сверху. Для

них так строят дома, что испорченный воздух в них застаивается. Им дают плохую, дырявую или непрочную одежду, их кормят плохой, фальсифицированной и трудно перевариваемой пищей. В них возбуждают самые сильные и противоположные настроения, резкие смены страха и надежды, их травят, как диких зверей, им не дают успокоиться и зажить тихой жизнью. Их лишают всех наслаждений, кроме полового наслаждения и пьянства, и, выматывая из них ежедневно на работе все духовные и физические силы, тем самым постоянно толкают их на самые безудержные излишества в двух единственна доступных им областях. И если всего этого оказалось *мало,* чтобы их сломить, если они устояли против всего этого, — они оказываются жертвами безработицы во время кризиса, который отнимает у них то немногое, что у них ещё осталось.

Возможно ли, чтобы при таких условиях люди беднейшего класса обладали здоровьем и долголетием? Чего ещё ожидать при таких условиях, как не крайне высокой смертности, непрекращающихся эпидемий и неуклонно прогрессирующего физического истощения рабочего населения? Посмотрим, так ли всё обстоит в действительности.

Мы находим со всех сторон подтверждение того, что рабочие жилища, расположенные в худших частях города, в сочетании с общими условиями жизни рабочих, являются причиной множества болезней. Автор цитированной выше статьи в журнале «Artizan» с полным правом утверждает, что лёгочные заболевания являются неизбежным следствием таких жизненных условий и что они на самом деле наиболее часто наблюдаются среди рабочих. Что скверный воздух Лондона и в особенности его рабочих кварталов в высшей степени благоприятствует развитию чахотки, это доказывает истощённый вид очень значительного числа людей, встречающихся на улицах. Если пройтись по улицам рано утром, в то время, когда все спешат на работу, прямо изумляешься, как много встречаешь людей, которые производят впечатление чахоточных или близких к этому состоянию. Даже в Манчестере люди выглядят не так; эти бледные, тощие, узкогрудые привидения со впалыми глазами, которые встречаются на каждом шагу, эти бессильные, вялые, лишённые всякой энергии лица я видел в таком огромном количестве только в Лондоне, хотя в фабричных городах Северной Англии чахотка тоже ежегодно уносит немало жертв. С чахоткой соперничает, если не считать других лёгочных заболеваний и скарлатины, прежде всего тиф — болезнь, производящая самые страшные опустошения среди рабочих. Повсеместное распространение

этого бедствия приписывается в официальном отчёте о санитарных условиях жизни рабочего класса непосредственно плохому состоянию рабочих жилищ, их скверной вентиляции, их сырости и грязи. Этот отчёт — не следует забывать, что он составлен известнейшими английскими врачами на основании показаний других врачей, — утверждает, что одного двора с плохой вентиляцией, одного тупика без сточных канав, в особенности, если жители живут скученно и поблизости имеются гниющие органические вещества, —достаточно, чтобы вызвать появление горячки, и что почти всегда так и бывает. Эта горячка имеет почти везде один и тот же характер и почти во всех случаях переходит в ярко выраженный тиф. Она встречается в рабочих районах всех больших городов и даже на некоторых плохо застроенных и запущенных улицах менее крупных населённых пунктов. причём наибольшее распространение она получает в трущобах, хотя, конечно, находит отдельные жертвы и в лучших кварталах. В Лондоне она свирепствует уже довольно давно; необычайной силы вспышка в 1837 г. послужила поводом для упомянутого официального отчёта. Судя по годовому отчёту д-ра *Саутвуда Смита,* в лондонской больнице для горячечных перебывало в 1843 г. 1462 больных, на 418 больше, чем в любой из прежних годов. Эта болезнь особенно свирепствовала в сырых и грязных частях восточных, северных и южных районов .Лондона. Значительную часть больных составляли рабочие, которые недавно прибыли из деревни, претерпели в пути и уже в самом Лондоне жестокие лишения, валялись на улицах раздетые и голодные, не нашли работы и в конце концов стали жертвой горячки. Эти люди попадали в больницу в состоянии такой слабости, что для них требовалось необычное количество вина, коньяку, нашатырных препаратов и других возбуждающих средств. Из всех больных умерло 16,5%. Манчестер также знает эту злокачественную горячку; в худших рабочих кварталах Старого города, Анкотса, Малой Ирландии и других она почти никогда не исчезает окончательно, но всё же она здесь, как и вообще в *английских* городах, не достигает такого распространения, какого можно было бы ожидать. Зато в Шотландии и Ирландии тиф свирепствует с неслыханной жестокостью; в Эдинбурге и Глазго он особенно свирепствовал в 1817 г. во время дороговизны, в 1826 г. и в 1837 г. после торговых кризисов и каждый раз, продержавшись около трёх лет, на некоторое время несколько затихал. В Эдинбурге во время эпидемии 1817 г. переболело до 6 тыс. человек, во время эпидемии 1837 г.—до 10 тыс., и с каждым возвратом эпидемии росло не только число больных, но и сила самой болезни и процент

смертных случаев*. Но опустошения, произведённые болезнью во все предыдущие периоды, кажутся ничтожными в сравнении с тем, как она свирепствовала после кризиса 1842 г.: шестая часть всего нуждающегося населения Шотландии переболела, и зараза с поразительной быстротой перебрасывалась из одного места в другое, разносимая нищими бродягами, но не коснулась средних и высших классов общества. За два месяца переболело больше людей, чем за двенадцать лет до этого. В Глазго за 1843 г. переболело 12% населения, всего 32 тыс. человек, из которых 32% умерло, между тем как в Манчестере и Ливерпуле смертность обычно не превышает 8%. Кризис наступал на седьмой и на пятнадцатый день болезни; к этому времени у пациента обычно появлялась желтизна кожи; это обстоятельство наш автор считает доказательством того, что причину болезни следует искать также в душевных волнениях и тревоге**. —В Ирландии такого рода эпидемии тоже довольно частое явление. За 21 месяц 1817—1818 гг. через дублинскую больницу прошло 39 тыс. горячечных больных, а в один из последующих годов, по свидетельству шерифа Алисона (во втором томе «Основ народонаселения»), даже 60 тыс. больных. В Корке в больнице для горячечных во время эпидемии 1817—1818 гг. перебывала седьмая часть населения, в Лимерике тогда же переболела четвёртая часть, а в *трущобах* Уотерфорда — девятнадцать двадцатых всего населения***.

Если вспомнить условия, в которых живут рабочие, если иметь в виду, как тесны их квартиры, как набит людьми каждый угол, как в одной комнате на одной постели спят и больные и здоровые, можно только удивляться тому, что такая заразная болезнь, как эта горячка, не распространяется ещё больше. И если принять во внимание, что медицинская помощь заболевшим крайне недостаточна, что многие совершенно лишены медицинских советов и не знакомы с самыми обыкновенными предписаниями диэты, то смертность покажется ещё незначительной. Д-р Алисон, хорошо изучивший эту болезнь, так же, как и автор вышеприведённого отчёта, видит причину её в нужде и жалком положении бедняков: именно лишения и недостаточное удовлетворение жизненных потребностей делают, по его словам, организм восприимчивым к заразе и вообще делают эпидемию особенно опасной и способствуют её быстрому распространению. Он доказывает, что в Шотландии, как и в

* Д-р Алисон. «Попечительство о бедных в Шотландии».
** Д-р Алисон — в докладе, прочитанном на заседании Британской ассоциации для содействия развитию науки в Йорке, октябрь 1844 года.
*** Д-р Алисон. «Попечительство о бедных в Шотландии».

Ирландии, всякой эпидемии тифа предшествовал период лишений вследствие торгового кризиса или неурожая и что болезнь свирепствовала почти исключительно среди рабочего класса. Знаменательно ещё то, что, по его словам, большинство лиц, заболевших тифом, являлись отцами семейств, т. е. именно теми, кто особенно необходим своей семье; о том же свидетельствует большинство цитируемых им ирландских врачей.

Ряд других болезней имеет своей непосредственной причиной не столько жилищные условия, сколько питание рабочих. Пища рабочих, вообще очень трудно перевариваемая, для маленьких детей совсем не годится; и тем не менее у рабочего нет ни средств, ни времени, чтобы доставать своим детям более подходящую пищу. Кроме того следует упомянуть ещё об очень распространённом обычае давать детям вино или даже опий. Всё это вместе с другими условиями жизни, вредно действующими на физическое развитие детей, вызывает самые различные болезни пищеварительных органов, оставляющие свои следы на всю жизнь. Почти у всех рабочих более или менее плохое пищеварение, и тем не менее они вынуждены и дальше придерживаться той пищи, которая довела их до этого. Да откуда им знать, что это вредно? А если бы даже они это знали, разве могли бы они соблюдать более подходящую диэту, пока их условия жизни и навыки не изменились? — Но плохое пищеварение становится источником других болезней, развивающихся ужо в детском возрасте. Золотухой страдают почти все рабочие, золотушные родители имеют золотушных детей, в особенности, если первоначальная причина болезни продолжает своё воздействие и на детей, унаследовавших от родителей предрасположение к золотухе. Вторым последствием этого недостаточного питания тела во время роста ребёнка является рахит (английская болезнь, узловатые наросты на суставах), тоже очень часто встречающийся у детей рабочих. Отвердевание костей замедляется, развитие скелета вообще задерживается, и наряду с обычными явлениями рахита часто встречаются искривления ног и позвоночника. Мне нет надобности упоминать о том, как усиливаются эти болезни от превратностей жизни рабочего в периоды застоя в торговле, безработицы и падения заработной платы во время кризисов. Последствия плохого по качеству, но всё же получаемого в достаточном количестве питания ещё более усиливаются в периоды временного недоедания, которые почти каждому рабочему приходится пережить, по меньшей мере, раз в жизни. Дети, живущие впроголодь именно тогда, когда питание им наиболее необходимо,— а сколько бывает таких

детей во время каждого кризиса и даже в период расцвета промышленности, — не могут не быть крайне слабыми, золотушными и рахитичными. Что они именно такие, можно судить по их виду. Отсутствие ухода, на что обречена громадная масса детей рабочих, оставляет неизгладимые следы и ведёт к вырождению всего рабочего класса. Если сюда прибавить ещё неподходящую одежду рабочих и обусловленную ею невозможность защитить себя от простуды, необходимость работать до тех пор, пока болезнь окончательно не свалит с ног, жестокую нужду семьи во время болезни работника и обычное отсутствие всякой врачебной помощи, то можно будет приблизительно создать себе представление о состоянии здоровья английских рабочих. Причём я здесь ещё сознательно не касаюсь вредных последствий работы в отдельных отраслях труда при нынешних условиях.

Есть ещё и другие факторы, ослабляющие здоровье значительного числа рабочих. Прежде всего пьянство. Все соблазны, все возможные искушения соединяются для того, чтобы ввергнуть рабочего в пьянство. Спиртные напитки являются для него почти единственным источником радости, и всё как будто толкает его к этому источнику. Рабочий приходит с работы домой усталый и измученный; он попадает в неуютное, сырое, неприветливое и грязное жилище; ему настоятельно необходимо развлечься, ему нужно *что-нибудь,* ради чего стоило бы работать, что смягчало бы для него перспективу завтрашнего тяжёлого дня; его усталость, недовольное и мрачное настроение, вызванное уже отчасти болезненным состоянием, в особенности несварением желудка, усиливается до предела всеми остальными условиями его жизни: необеспеченностью существования, зависимостью от всяческих случайностей и невозможностью самому что-нибудь сделать для улучшения своего положения; тело его, ослабленное плохим воздухом и дурной пищей, настоятельно требует какого-нибудь стимула извне; его потребность в обществе может быть удовлетворена только в трактире, так как нет другого места, где он мог бы встретить своих друзей. Как же ему при всём этом не испытывать величайшей тяги к вину, как ему устоять против искушения? Напротив, при таких обстоятельствах большая часть рабочих в силу моральной и физической необходимости *не может* не предаваться пьянству. Но помимо этих скорее физических причин, толкающих рабочего к пьянству, оказывают своё действие и сотни других обстоятельств: пример большинства, недостаточное воспитание, невозможность оградить молодых людей от искушения, во многих случаях прямое влияние пьяниц-родителей, которые сами угощают детей вином,

уверенность, что под влиянием спиртных паров забудешь хоть на несколько часов нужду и гнёт жизни; всё это действует так сильно, что поистине нельзя обвинять рабочих за их пристрастие к крепким напиткам. Пьянство перестало здесь быть пороком, за который можно осуждать того, кто им заражён; оно становится необходимым явлением, неизбежным следствием определённых условий, которые воздействуют на объект,—в этом отношении во всяком случае,—утративший собственную волю. Пусть за это несут ответственность те, кто превратил рабочего в такой объект. Но с той же неизбежностью, с которой значительное большинство рабочих предаётся пьянству, само пьянство оказывает разрушающее действие на тело и душу своих жертв. Оно усиливает предрасположение к болезням, вызываемое условиями жизни рабочего, оно способствует развитию лёгочных и желудочных заболеваний и чрезвычайно благоприятствует возникновению и распространению тифа.

Другая причина физических страданий рабочего класса заключается в невозможности в случае болезни пользоваться помощью искусных врачей. Правда, множество благотворительных учреждений пытается помочь этому; так, например, манчестерская больница ежегодно обслуживает 22 тыс. больных, из которых некоторые помещаются в самой больнице, а другие получают врачебную помощь и лекарства. Но что это может значить для города, где, по вычислениям Гаскелла*, ежегодно нуждаются во врачебной помощи три четверти населения? Английские врачи требуют высоких гонораров, а рабочие не в состоянии их оплачивать. Они вынуждены поэтому совсем обходиться без помощи, или прибегать к помощи дешёвых лекарей-шарлатанов и шарлатанских снадобий, которые, в конце концов, приносят больше вреда, чем пользы. Во всех английских городах имеется множество таких шарлатанов, которые при помощи всевозможных афиш, объявлений и тому подобных уловок привлекают клиентов из среды беднейших классов. Кроме того в продаже имеется множество так называемых патентованных лечебных средств (patent medicines) против всех возможных и невозможных болезней: пилюли Моррисона, жизненные пилюли Парра, пилюли д-ра Мейнуэринга и тысячи других пилюль, эссенций, бальзамов и т. п., которые обладают той особенностью, что излечивают все болезни на свете. Эти средства, правда, редко содержат непосредственно вредные вещества, но когда их принимают часто и помногу, они всё же

* «Промышленное население Англии», гл. VIII.

приносят вред организму, а так как несведущим рабочим во всех объявлениях толкуют, что чем больше принимать таких лекарств, тем лучше, то не следует удивляться, если они поглощают их в больших количествах, не считаясь с тем, показано это или нет. Нередко случается, что фабрикант жизненных пилюль Парра в течение недели продаёт до 20—25 тыс. коробок этого чудодейственного средства, которое одни принимают от запора, другие от поноса, третьи против лихорадки, общей слабости и всевозможных недугов. Как наши немецкие крестьяне любят в определённое время года ставить себе банки или пускать кровь, так английские рабочие принимают свои патентованные средства, нанося себе этим вред, но зато наполняя карманы фабриканта этих лекарств. Одним из наиболее вредных патентованных средств является напиток, изготовляемый из опийных препаратов, главным образом лауданума, и известный в продаже под названием «укрепляющей микстуры Годфри». Женщины, работающие на дому и вынужденные няньчить собственных или чужих детей, поят их этим напитком, чтобы они лежали спокойно, или, как многие из них думают, чтобы укрепить их. Часто младенцам начинают давать этот напиток чуть ли не со дня их рождения, не подозревая, как вредно это «укрепляющее» средство, и пичкают им детей, пока те не умрут. Но мере того, как организм ребёнка становится менее восприимчивым к действию опия, увеличиваются дозы. Если перестаёт помогать этот напиток, ребёнку дают и чистый лауданум, часто по 15—20 капель на один приём. Ноттингемский следователь свидетельствовал перед правительственной комиссией*, что *один* аптекарь, по собственному признанию, в течение года израсходовал на приготовление «укрепляющей микстуры Годфри» 13 центнеров сиропа. Легко себе представить, каковы последствия такого лечения для младенцев. Они становятся бледными, вялыми и слабыми и большей частью умирают, не достигнув и двухлетнего возраста. Снадобье это находит очень широкое распространение во всех больших городах и промышленных округах Англии.

* «Report of Commission of Inquiry Into the Employment of Children and Young Persons in Mines and Collieries and In the Trades and Manufactures in which Numbers of them work together, not being Included under the Terms of the Factories Regulation Act». First and Second Reports [«Отчёт комиссия по обследованию использования детей и подростков в копях и рудниках, а также на тех производствах и фабриках, на которых многие из них работают, не попадая под действие закона об ограничении труда на фабриках». Первый и второй отчёт]. Доклад Грейнджера, во втором отчёте. Обычно цитируется под названием «Отчёт комиссии по обследованию детского труда». Это один из лучших официальных отчётов, содержащий множество ценнейших, но в то же самое время ужасающих фактов. Первый отчёт вышел в 1841 г., а второй два года спустя.

Следствием всего этого является общая физическая слабость рабочих. Редко встретишь среди них сильных, хорошо сложенных и здоровых людей, по крайней мере среди промышленных рабочих, работающих большей частью в закрытых помещениях, а здесь ведь речь идёт только о них. Почти все они слабы, угловатого, но не крепкого сложения, худы, бледны, со слабо развитыми мышцами, кроме разве тех мышц, которые особенно напрягаются при работе. Почти все болеют несварением желудка и вследствие этого более или менее страдают ипохондрией и вообще бывают мрачны и неприветливы. Их ослабевший организм не в состоянии оказывать сопротивление заболеванию, и поэтому они очень часто болеют. В связи с этим они рано стареют и умирают в молодых летах. Таблицы смертности доказывают это с неопровержимой очевидностью.

Согласно отчёту ведающего записями гражданского состояния Дж. Грехема, смертность во всей Англии и Уэльсе составляет ежегодно немногим менее $2^1/_4$%, т. е. ежегодно умирает 1 человек на 45 жителей*. Такова, по крайней мере, была средняя норма в 1839—1840 г.; в следующем году смертность несколько уменьшилась, и умирал уже только 1 из 46. Но в больших городах это соотношение представляется совсем иным. Передо мной лежат официальные таблицы смертности (опубликованные в газете «Manchester Guardian» от 31 июля 1844 г.), судя по которым смертность в некоторых больших городах выражается в следующих цифровых отношениях: в Манчестере, включая Солфорд и Чорлтон, 1 к 32,72, а без Солфорда и Чорлтона 1 к 30,75; в Ливерпуле, включая предместье Уэст-Дерби, 1 к 31,90, а без этого предместья 1 к 29,90; между тем, по сводным данным для Чешира, Ланкашира и Йоркшира, местности, насчитывающей много сельских или полусельских округов и множество маленьких городов, с общим населением в 2172506 человек, смертность выражается в отношении 1 к 39,80. Как неблагоприятны условия жизни рабочих в городах, показывает смертность в Прескоте (Ланкашир); это—округ, населённый углекопами, и так как работа в копях не очень-то хорошо влияет на здоровье, то в этом смысле он стоит ниже земледельческих округов. Но рабочие живут в деревне, и вот среди них смертность выражается в отношении 1 к 47,54, т. е. примерно на $2^1/_2$ ниже средней цифры для всей Англии. Все эти данные взяты из таблиц смертности за 1843 год. Ещё выше смертность в городах Шотландии: в Эдинбурге в 1838—1839 г. отношение

* «Fifth Annual Report of Reg. Gen. of Births, Deaths and Marriages» [«Пятый годовой отчёт управления по регистрации рождений, смертей и браков»].

было 1 к 29, а в 1831 г. в Старом городе даже 1 к 22; в Глазго, согласно данным д-ра Кауэна («Статистика рождаемости и смертности в Глазго»)[105], с 1830 г. отношение в среднем составляло 1 к 30, а в некоторые годы — 1 к 22 или 24. Что это чрезвычайное сокращение средней продолжительности жизни падает главным образом на рабочий класс, что средняя продолжительность жизни, взятая для всех классов, оказывается сравнительно более высокой из-за более низкой смертности высших и средних классов, об этом поступают свидетельства со всех сторон. Новейшие данные приводит манчестерский врач П. Г. Холленд, обследовавший по официальному поручению предместье Манчестера — Чорлтон-он-Медлок*. Он разбил дома и улицы на три категории и получил следующие соотношения смертности:

Первая	категория улиц,	дома	I категории,	смертность	1:51
»	» »	»	II »	»	l:45
»	» »	»	III »	»	l:36
Вторая	» »	»	I категории,	»	1:55
»	» »	»	II »	»	1:38
»	» »	»	III »	»	1:35
Третья	» »	»	I категории	отсутствуют	
»	» »	»	II »	смертность	1:35
»	» »	»	III »	»	1:25

Из многих других представленных Холлендом таблиц явствует, что смертность на *улицах* второй категории на 18% и на улицах третьей категории на 68% выше, чем на улицах первой категории; что смертность в *домах* второй категории на 31% и в домах третьей категории на 78% выше, чем в домах первой категории, что смертность на грязных улицах после очистки их уменьшилась на 25%. Заключает он свой доклад следующими словами, которые звучат в устах английского буржуа весьма откровенно:

«Коль скоро оказывается, что на некоторых улицах смертность в четыре раза больше чем на других, а в некоторых категориях улиц вдвое больше чем в других категориях; коль скоро оказывается, далее, что эта высокая смертность на улицах, находящихся в скверном состоянии, и низкая смертность на благоустроенных улицах остаётся всегда почти постоянной величиной, то нельзя не сделать вывода, что масса наших

* Ср. «Report of Commission of Inquiry into the State of large Towns and populous Districts», first Report, 1844. Appendix [«Отчёт комиссии по обследованию состояния больших городов и густо населённых районов», первый отчёт, 1844. Приложение].

собратьев, сотни наших ближайших соседей ежегодно подвергаются истреблению (destroyed) вследствие отсутствия самых обыкновенных мер предосторожности».

В отчёте о санитарных условиях жизни рабочего класса содержатся данные, подтверждающие тот же факт. В Ливерпуле средняя продолжительность жизни составляла в 1840 г. для высших классов (джентри, лица свободных профессий и т. д.) 35 лет, для торговцев и более обеспеченных ремесленников 22 года, а для рабочих, подёнщиков и вообще людей наёмного труда только 15 лет. В парламентских отчётах можно найти множество подобных фактов.

Высокие цифры смертности обусловливаются главным образом высокой смертностью детей младшего возраста в рабочей среде. Нежный организм ребёнка менее всего может противостоять неблагоприятному воздействию плохих условий жизни. Безнадзорность, на которую ребёнок часто бывает обречён, когда отец и мать оба работают, или же когда один из них умер, очень скоро даёт себя знать; поэтому неудивительно, если, например, в Манчестере, согласно только что упомянутому нами отчёту, свыше 57% детей рабочих умирает, не достигнув пяти лет, между тем как среди детей высших классов до пятилетнего возраста умирает только 20%, а в сельских округах средняя цифра детей всех классов, умирающих до пятилетнего возраста, составляет менее 32%*. В цитированной уже несколько раз статье из журнала «Artizan» мы находим по этому поводу более точные данные; сопоставляя цифры смертных случаев в городе и в деревне по отдельным детским болезням, автор доказывает, что эпидемии в Ливерпуле и Манчестере влекут за собой в общем в три раза большую смертность, чем в сельских округах, что в городах заболевания нервной системы случаются в пять раз чаще, а желудочные заболевания в два раза чаще, чем в деревне, между тем как число смертных случаев от лёгочных заболеваний в городах относится к числу таких же заболеваний в деревне, как $2^1/_2 : 1$. От оспы, кори, коклюша и скарлатины умирает в городах в четыре раза больше детей, чем в деревнях, от водянки мозга втрое больше, а от конвульсий — в десять раз больше. — Чтобы опереться ещё на один авторитетный источник, я приведу здесь таблицу, которую д-р Уэйд, в своей «Истории среднего и рабочего классов» (Лондон, 1835, 3-е издание) заимствует из отчёта парламентской фабричной комиссии 1832 года.

* «Отчёт фабричной комиссии», том 3, доклад д-ра Хокинса по Ланкаширу. — Здесь приводится свидетельство д-ра Робертона, «первого авторитета по статистике в Манчестере».

Смертность на 10000 человек	Моложе 5 лет	5-19	20-39	40-59	60-69	70-79	80-89	90-99	100 и более
В графстве Ратленд— здоровом земледельческом округе……..	2865	891	1275	1299	1189	1428	938	112	3
В графстве Эссекс — земледельческом округе с болотистой почвой......………………...........	3159	1110	1526	1413	963	1019	630	177	3
В городе Карлайле в 1779—1787 гг., до появления фабрик...	4408	911	1006	1201	940	826	533	153	22
В городе Карлайле, после появления фабрик..........……............	4738	930	1261	1134	677	727	452	80	1
В фабричном городе Престоне ....…………….….	4947	1136	1379	1114	553	532	298	38	3
В фабричном городе Лидсе ....……………......	5286	927	1228	1198	593	512	225	29	2

Помимо всех этих болезней, представляющих неизбежное следствие угнетения беднейших классов и пренебрежения к их интересам, есть ещё и другие причины, способствующие увеличению смертности среди детей младшего возраста. Во многих семьях жена работает вне дома, так же как и муж, вследствие чего дети совершенно заброшены и их запирают одних в доме или отдают кому-нибудь, кто за ними присматривает за плату. Что же удивительного, если сотни таких детей гибнут вследствие всевозможных несчастных случаев. Нигде столько детей не гибнет под колёсами экипажей и копытами лошадей, нигде столько детей не тонет и не сгорает, как в больших городах Англии. Особенно часто умирают дети, обожжённые или ошпаренные кипятком; в Манчестере в течение зимних месяцев бывает почти каждую неделю по одному случаю, в Лондоне не меньше, но об этом редко печатают в газетах; я располагаю лишь одним сообщением газеты «Weekly Dispatch» от 15 декабря 1844 г., судя по которому за неделю от 1 до 7 декабря было *шесть* подобных случаев. Эти несчастные дети, гибнущие столь ужасным образом, являются исключительно жертвами нашего общественного неустройства и заинтересованного в сохранении этого неустройства имущего класса. И при всём том трудно сказать, не является ли даже эта страшная, мучительная смерть

благодеянием для детей, поскольку она избавляет их от целой жизни, полной мучений и нищеты, богатой всевозможными страданиями и бедной наслаждениями. Вот до чего дошло дело в Англии, а буржуазия ежедневно читает обо всём этом в газетах и ей до этого и дела нет. Но зато она и не вправе протестовать, если, на основании всех приведённых мной официальных и неофициальных свидетельств, которые *не могут* не быть ей известны, я предъявлю ей обвинение в социальном убийстве. Пусть она позаботится о том, чтобы этому ужасному положению наступил конец, или — передаст управление общественными делами рабочему классу. Но она не имеет ни малейшего желания сделать второе, а первое, пока она остаётся буржуазией и не может освободиться от буржуазных предрассудков, она сделать не в состоянии. В самом деле, если она, наконец, теперь, после гибели сотен тысяч жертв, принимает некоторые мелкие меры предосторожности на будущее, издаёт специальный закон об упорядочении строительства в столице[106], хоть немного ограничивающий беспорядочную скученность жилищ, если она хвастает мероприятиями, которые не только не затрагивают корней зла, но даже не удовлетворяют самым обычным требованиям санитарной полиции, то не сможет же она этим снять с себя обвинение. Английской буржуазии остаётся только одно из двух: или удерживать в своих руках бразды правления, *невзирая* на неопровержимое обвинение в убийстве, которое на неё ложится, или отказаться от власти в пользу рабочего класса. До настоящего времени она предпочитала первое.

Перейдём от физических условий жизни рабочих к духовным. Если буржуазия заботится о существовании рабочих лишь постольку, поскольку это ей необходимо, то не приходится удивляться, если она и образование даёт им лишь в той мере, в какой это отвечает её интересам. А эта мера не очень-то велика. Просветительных учреждений в Англии непропорционально мало сравнительно с количеством населения. Немногочисленные дневные школы, доступные рабочему классу, могут посещаться только немногими, к тому же эти школы плохие, учителя в них—потерявшие трудоспособность рабочие или ещё какие-нибудь ни на что не пригодные люди, которые стали учителями ради заработка, сами большей частью не имеют даже самых необходимых элементарных знаний, лишены столь важных для учителя нравственных качеств и совсем не подвергаются публичному контролю. И здесь царит свободная конкуренция, и, как всегда, богачи на этом выгадывают, а бедняки, для которых конкуренция как раз не является свободной, которые не располагают соответствующими знаниями, чтобы

сделать правильный выбор, остаются в накладе. Обязательного школьного обучения нет нигде; на фабриках оно, как мы это увидим, существует лишь на словах, и когда в сессию 1843 г. правительство пыталось эту мнимую обязательность превратить в действительную, промышленная буржуазия всеми силами этому воспротивилась, хотя рабочие решительно высказались *за* обязательное посещение школы. Кроме того огромное число детей работает всю неделю на фабриках и на дому и не может поэтому посещать школу. А *вечерние школы,* предназначенные для тех, кто днём работает, почти вовсе не посещаются и не приносят никакой пользы. Было бы слишком уж много требовать от юных рабочих, изнурённых двенадцатичасовым трудом, чтобы они ещё отсиживали в школе с восьми до десяти часов вечера. А те, которые это делают, большей частью во время занятий засыпают, как это констатировано сотнями свидетельств в «Отчёте комиссии по обследованию детского труда». Правда, созданы также и воскресные школы, но они плохо обеспечены учителями и могут принести некоторую пользу лишь тем, кто уже кое-чему научился в дневной школе. Промежуток времени от одного воскресенья до другого слишком велик, чтобы совершенно неразвитый ребёнок мог удержать в памяти до следующего урока то, что он выучил на предыдущем, неделю тому назад. «Отчёт комиссии по обследованию детского труда» приводит об этом тысячи свидетельств, и сама комиссия решительно придерживается того мнения, что ни дневные, ни воскресные школы не отвечают даже в самой отдалённой степени нуждам нации. В этом отчёте приводятся примеры такого невежества среди рабочего класса Англии, какого трудно было бы ожидать даже в таких странах, как Испания или Италия. Но может ли быть иначе? Образование рабочих мало сулит хорошего для буржуазии, зато может внушить ей серьёзные опасения. Из своего огромного бюджета в 55 млн. ф. ст. правительство уделяет на народное просвещение жалкую сумму в 40 тыс. фунтов стерлингов. И если бы не фанатизм религиозных сект, причиняющий по крайней мере не меньший вред, чем польза, которую он кое-где приносит, расходы на образование были бы ещё более ничтожны. Но англиканская церковь устраивает свои National Schools*, а каждая секта—свои школы, исключительно для того, чтобы удержать в своём лоне детей своих единоверцев и, когда это возможно, отбить у другой секты какую-нибудь несчастную детскую душу. В результате религия, и именно самая бесплодная её область— опровержение учений инаковерующих — стала важнейшим предметом преподава-

* — народные школы. *Ред.*

ния, и память детей забивается непонятными догматами и различными теологическими тонкостями, сектантская нетерпимость и фанатичное ханжество развиваются с ранних лет, а умственное, духовное и нравственное развитие остаётся в позорном пренебрежении. Рабочие не раз уже требовали от парламента системы чисто светского народного образования, при которой забота о религиозном воспитании предоставлялась бы духовенству каждой секты, но до настоящего времени ни одно министерство не соглашалось на подобную меру. Вполне понятно: министр — послушный лакей буржуазии, буржуазия же делится на бесчисленное множество сект; а каждая секта лишь в том случае согласна предоставить рабочему столь опасное в других отношениях образование, если сможет вместе с тем преподнести ему и противоядие в виде своих специфических догматов. А так как эти секты до сих пор борются между собой за верховенство, то рабочий класс остаётся пока без образования. Правда, фабриканты хвастаются тем, что они обучили грамоте огромное большинство рабочих, но что это за грамотность можно узнать из «Отчёта комиссии по обследованию детского труда». Кто знает азбуку, тот говорит, что умеет читать, и фабриканты на этом успокаиваются. А если принять во внимание запутанную английскую орфографию, при которой чтение является истинным искусством и может быть постигнуто лишь после долгого изучения, то необразованность рабочего класса окажется весьма понятной. Писать бегло умеют лишь очень немногие, а правила орфографии не соблюдают даже многие «образованные» люди. В воскресных школах высокой англиканской церкви, квакеров и кое-каких других сект писать вообще не учат, «так как это слишком светское занятие для воскресенья». Как дело обстоит с другими видами образования, предлагаемыми рабочим, будет видно из нескольких примеров. Они заимствованы из «Отчёта комиссии по об, следованию детского труда», отчёта, к сожалению, не охватывающего собственно фабричную промышленность.

«В Бирмингеме», — говорит член комиссии Грейнджер,— «дети, которых я экзаменовал, в общем совершенно не имеют того, что хоть в самой отдалённой степени могло бы быть названо полезными знаниями. Хотя почти во всех школах даётся *исключительно* религиозное образование, в этой области, как правило, тоже обнаруживается полнейшая неосведомлённость».—«В Вулвергемптоне»,—рассказывает член комиссии Хорн,—«я видел, между прочим, следующие примеры. Девочка одиннадцати лет, побывавшая в дневной и воскресной школах, «никогда не слышала ни об ином мире, ни о рае, ни о загробной жизни». Юноша семнадцати лет не знал, сколько будет дважды два, и не смог сказать, сколько фартингов ($^1/_4$ пенни) в двух пенсах, даже когда ему дали эти деньги в руки. Некоторые мальчики никогда не слышали о Лондоне и даже об Уилленхолле, который находится всего в часе езды от Вулвергемптона и постоянно сообщается с

последним. Некоторые из них никогда не слыхали имени королевы или таких имён, как Нельсон, Веллингтон, Бонапарт. Но замечательно то, что те, которые никогда не слышали даже об апостоле Павле, Моисее и Соломоне, прекрасно были осведомлены о жизни, делах и личности разбойника Дика Тёрпина и, в особенности, прославленного своими побегами из тюрьмы вора Джека Шеппарда».—«Шестнадцатилетний юноша не знал, сколько будет дважды два или сколько составляют четыре фартинга; другой, семнадцати лет, утверждал, что десять фартингов составляют десять полупенсов, а третий, тоже семнадцати лет, на некоторые очень простые вопросы коротко отвечал, что «ничего не знает (he was no judge o'nothin')»» (Хорн. «Отчёт», приложения, часть II, Q 18, № 216, 217, 226, 233 и др.).

Эти подростки, которых в течение 4—5 лет пичкают религиозными догматами, под конец знают не больше, чем знали сначала.

Один подросток «в течение пяти лет регулярно посещал воскресную школу; он не знал, кто такой Иисус Христос, хотя имя это слышал; он никогда не слышал ни о двенадцати апостолах, ни о Самсоне, Моисее, Aароне и др.» (там же, документы, стр. *q* 39, I. 33). Другой подросток «в течение шести лет регулярно посещал воскресную школу, он знает, кто был Иисус Христос, что он умер на кресте, что он пролил свою кровь, «чтобы искупить нашего искупителя»; никогда не слыхал об апостолах Петре и Павле» (там же, стр. *q* 36, I. 46). Третий подросток «перебывал в течение семи лет в различных воскресных школах, умеет читать только в тоненьких книжках и только простые односложные слова, об апостолах слышал, но не знает, были ли Пётр и Иоанн в их числе; если да, то это, наверное, был святой Иоанн Уэсли» (основатель секты методистов) и т. д. (там же, стр. *q* 34, I. 58). На вопрос, кто был Иисус Христос, Хорн, между прочим, получал ещё такие ответы: «он был Адамом», «он был апостолом», «он был сыном господа спасителя (he was the Saviour's Lord's Son)», а один шестнадцатилетний юноша ответил: «он был королём в Лондоне много, много лет тому назад». — В Шеффилде член комиссии Саймонс заставил учеников воскресных школ читать; они не были в состоянии рассказать, что ими прочитано и что это за апостолы, о которых они только что прочитали. После того как он всех подряд спросил об апостолах, не получив ни одного правильного ответа, один смышлёный на вид малыш с большой уверенностью воскликнул: «Я знаю, мистер, это были прокажённые!» (Саймонс. «Отчёт», приложения, часть I, стр. E 22 и сл.).

То же наблюдается в округах гончарного производства и в Ланкашире.

Итак, мы видим, что сделали буржуазия и государство для воспитания и просвещения рабочего класса. К счастью, самые условия жизни этого класса таковы, что они дают ему своего рода практическое образование, которое не только заменяет весь школьный хлам, но и обезвреживает связанные с ним вздорные религиозные представления и даже ставит рабочих во главе общенационального движения Англии. Нужда учит молиться и — что гораздо важнее — мыслить и действовать. Английский рабочий, который почти не умеет читать и ещё меньше писать, всё же прекрасно знает, в чём

заключаются его собственные интересы и интересы всей нации; он знает также, в чём заключаются специальные интересы буржуазии и чего он может от этой буржуазии ожидать. Пусть он не умеет писать, зато он умеет говорить и говорить публично; пусть он не знает арифметики, зато он достаточно разбирается в политико-экономических понятиях, чтобы видеть насквозь ратующего за отмену хлебных пошлин буржуа и опровергнуть его; пусть для него остаются совершенно неясными, несмотря на все старания попов, вопросы царства небесного, зато тем яснее для него вопросы земные, политические и социальные. Нам придётся ещё к этому вернуться, а теперь перейдём к характеристике нравственного облика английского рабочего.

Совершенно ясно, что моральное воспитание, которое во всех школах Англии неразрывно связано с религиозным воспитанием, даёт результаты ничуть не лучшие, чем это последнее. Простейшие принципы, регулирующие для *человека* отношения человека к человеку, уже невероятно запутанные существующими социальными условиями, войной всех против всех, не могут не оставаться совершенно неясными и чуждыми необразованному рабочему, когда они ему преподносятся вперемешку с религиозными, непонятными догматами, в религиозной форме произвольного и ни на чём не основанного предписания. Как это признают все авторитеты, и в частности комиссия по обследованию детского труда, школы не оказывают почти никакого влияния на нравственность рабочего класса. Английская буржуазия так тупа, так недальновидна в своём эгоизме, что она даже не пытается привить рабочим современную мораль, ту мораль, которую буржуазия состряпала в своих же собственных интересах и для собственной своей защиты! Даже и эту заботу о своих собственных интересах одряхлевшая, ленивая буржуазия считает слишком дорогостоящей и излишней. Наступит, конечно, время, когда она раскается в этом, но будет уже поздно. Во всяком случае, пусть не жалуется на то, что рабочие ничего не знают об этой морали и не руководствуются ею.

Итак, рабочие не только в физическом и интеллектуальном, но и в моральном отношении отвергнуты господствующим классом и покинуты на произвол судьбы. Единственный аргумент, к которому буржуазия прибегает против рабочих, когда они слишком подступают к ней, это закон; как будто они неразумные животные, к ним применяют только одно воспитательное средство — кнут, грубую, не убеждающую, а устрашающую силу. Неудивительно поэтому, что рабочие, с которыми обращаются, как с животными, либо на самом деле уподобляются животным, либо черпают сознание и чувство своего человеческого достоинства только в самой пламенной ненависти,

в неугасимом внутреннем возмущении против власть имущей буржуазии. Они остаются людьми, лишь пока они исполнены гнева против господствующего класса; они становятся животными, когда безропотно подставляют шею под ярмо и пытаются только сделать более сносной свою подъяремную жизнь, не думая о том, чтобы от этого ярма избавиться.

Вот всё, что буржуазия сделала для просвещения рабочего класса, и если принять во внимание условия его существования в других отношениях, то мы никак не сможем осудить его за ту ненависть, которую он питает к господствующему классу. — Нравственное воспитание, которого рабочий не получает в школе, не прививается ему и прочими жизненными условиями, по крайней мере *то* нравственное воспитание, которое имеет какое-нибудь значение в глазах буржуазии. Всё положение рабочего, вся окружающая его обстановка способствуют развитию в нём безнравственности. Он беден, жизнь не имеет для него никакой прелести, почти все наслаждения ему недоступны, кары закона ему больше не страшны; почему же он должен стеснять себя в своих желаниях, почему он должен давать богачу наслаждаться своим богатством, вместо того чтобы присвоить себе часть его? Какие могут быть основания у пролетария, чтобы *не* красть? Очень красиво звучит и очень приятно для слуха буржуазии, когда говорят о «святости частной собственности». Но для того, кто не имеет никакой собственности, святость частной собственности исчезает сама собой. Деньги — вот бог на земле. Буржуа отнимает у пролетария деньги и тем самым превращает его на деле в безбожника. Что же удивительного, если пролетарий остаётся безбожником, не питает никакого почтения к святости и могуществу земного бога! И когда бедность пролетария возрастает до полной невозможности удовлетворить самые насущные жизненные потребности, до нищеты и голода, то склонность к пренебрежению всем общественным порядком возрастает в ещё большей мере. Знает это в большинстве случаев и сама буржуазия. *Саймонс* замечает[*], что бедность производит такое же разрушительное действие на душу, как пьянство на тело, а шериф *Алисон* очень обстоятельно излагает, обращаясь к имущему классу, каковы должны быть последствия социального гнёта для рабочих[**]. Нищета предоставляет рабочему на выбор: медленно умирать с голоду, сразу покончить с собой или брать то, что ему требуется, где только возможно, т. е., попросту говоря, красть. И тут мы не должны удивляться, если большинство предпочитает воров-

[*] «Ремёсла и ремесленники».
[**] «Основы народонаселения», том II, стр. 196, 197.

ство голодной смерти или самоубийству. Есть, конечно, и среди рабочих множество людей, достаточно нравственных, чтобы не украсть, даже когда они доведены до крайности; вот эти и умирают с голоду или убивают себя. Самоубийство, бывшее до недавнего времени завидной привилегией высших классов, вошло в Англии в моду и среди пролетариев, и множество бедных людей убивает себя, чтобы избавиться от нищеты, из которой они не видят иного выхода.

Но ещё более деморализующим образом, чем бедность, действует на английских рабочих необеспеченность их существования, необходимость проедать изо дня в день весь свой заработок, одним словом, именно то, что делает их *пролетариями.* И в Германии мелкие крестьяне большей частью бедны и часто терпят нужду, но они меньше зависят от случая, они хоть имеют, по крайней мере, что-то определённое. Но пролетарий, не имеющий решительно ничего, кроме своих рук, проедающий сегодня то, что он заработал вчера, зависящий от всевозможных случайностей, лишённый всякой гарантии, что он сможет добыть средства для удовлетворения своих самых насущных потребностей,— ибо всякий кризис, всякий каприз хозяина может лишить его куска хлеба, — этот пролетарий поставлен в самое возмутительное, самое нечеловеческое положение, которое только можно себе представить. Существование раба, по крайней мере, обеспечено личной выгодой его владельца; у крепостного всё же есть кусок земли, который его кормит; оба они гарантированы, по меньшей мере, от голодной смерти; а пролетарий предоставлен исключительно самому себе и в то же время ему не дают так применить свои силы, чтобы он мог на них целиком рассчитывать. Всё то, что пролетарий в состоянии сделать сам для улучшения своего положения, лишь капля в потоке тех случайностей, от которых он зависит и над которыми он ни малейшим образом не властен. Он — лишённый воли объект всевозможных комбинаций и стечений обстоятельств и может считать себя счастливым, если ему удаётся хотя бы некоторое время кое-как просуществовать. И само собой понятно, что его характер и образ жизни определяются этими обстоятельствами: либо он стремится удержаться на поверхности этого водоворота, спасти своё человеческое достоинство, — а это он может сделать, только выражая протест* против буржуазии, против того класса, который эксплуатирует его так беспощадно и затем бросает на произвол судьбы, который хочет удержать его в этом недостойном человека положении; либо он перестаёт бороться против положения,

* Мы увидим дальше, что протест пролетариата против буржуазии узаконен в Англии благодаря свободе союзов.

в которое поставлен, считая эту борьбу бесплодной, и лишь старается использовать насколько возможно отдельные благоприятные моменты. Копить ему незачем, так как того, что он может скопить, в лучшем случае хватит на несколько недель жизни, а если он останется без работы, то несколькими неделями дело не ограничится. Приобрести себе собственность надолго он не в состоянии, а если бы ему это удалось, он перестал бы быть рабочим, и другой стал бы на его место. Что же ему ещё делать, когда он получает хорошую плату, если не жить хорошо? Английский буржуа недоумевает и возмущается по поводу «широкой» жизни рабочего в период, когда заработная плата высока. А ведь не только вполне естественно, но даже разумно, чтобы люди наслаждались жизнью, пока возможно, вместо того чтобы собирать сокровища, которые им не принесут никакой пользы и в конце концов всё равно станут жертвой моли и ржавчины, т. е. буржуазии. Но подобный образ жизни деморализует больше, чем всякий другой. То, что Карлейль говорит о рабочих бумагопрядильной промышленности, применимо ко всем промышленным рабочим Англии:

«Сегодня у них дела блестящи, завтра плохи—постоянная азартная игра; они и живут, как игроки: сегодня в роскоши, а завтра в голоде. Мрачное, мятежное недовольство — самое тяжёлое чувство, какое только может жить в груди человека, — пожирает их. Английская торговля со своими конвульсивными колебаниями, распространяющимися на весь мир, со своим ни с чем не сравнимым Протеем-паром, сделала ненадёжными для них все пути и держит их как бы в заколдованном кругу; трезвость, твёрдость, прочное спокойствие, первые блага человека, им чужды... Этот мир для них не родной дом, а мрачная темница, полная бессмысленных и бесплодных мук, возмущения, злобы и ненависти против себя самих и всего человечества. Что же это—мир, утопающий в зелени и цветах, устроенный и управляемый богом, или это мрачно клокочущий, наполненный купоросными парами, хлопчатобумажной пылью, пьяными выкриками, яростью и мучительной работой ад, созданный и управляемый дьяволом?»*

И дальше, стр. 40:

«Если несправедливость, измена истине, действительности и мировому порядку является единственным подлинным злом на земле, если сознание, что с тобой поступают неправильно, несправедливо, является единственным нестерпимым чувством, то наш великий вопрос о положении рабочих сводится к следующему: справедливо ли всё это? И прежде всего: что они сами думают о справедливости такого положения дела? ...Их слова служат достаточным ответом, а их поступки тем более... Возмущение, злобное мстительное стремление восстать против высших классов всё более и более овладевает низшими классами; всё более падает у них уважение к светским властям и доверие к поучениям духовных пастырей. Настроение это можно порицать, можно за него наказывать, но нельзя отрицать его существования: все должны знать, что такое положение печально, и, если всё останется по-старому, оно может оказаться роковым».

* «Чартизм», стр. 34 и сл.

Что касается фактов, то Карлейль вполне прав; он не прав только, когда осуждает страстную ненависть рабочих к высшим классам. Эта ненависть, этот гнев служат скорее доказательством того, что рабочие чувствуют, насколько нечеловеческим является их положение, что они не хотят допустить, чтобы с ними обращались, как со скотом, и что придёт час, когда они освободят себя от ига буржуазии. Мы можем судить об этом по тем рабочим, которые этого гнева не разделяют: одни смиренно подчиняются своей судьбе, живут как честные обыватели, плывут по течению, не интересуются тем, что происходит на свете, помогают буржуазии ещё крепче заковывать рабочих в цепи; в духовном отношении они так же мертвы, как это было в доиндустриальный период; другие становятся игрушкой судьбы, теряют внутреннюю устойчивость, так же как уже потеряли внешнюю, живут сегодняшним днём, пьют водку и бегают за женщинами; в обоих случаях—это животные. Последние главным образом и содействуют «быстрому распространению порока», которым сентиментальная буржуазия так возмущается, после того как она сама создала обусловливающие его причины.

Другим источником деморализации является для рабочих принудительность их труда. Если добровольная производительная деятельность является высшим из известных нам наслаждений, то работа из-под палки — самое жестокое, самое унизительное мучение. Что может быть ужаснее необходимости каждый день с утра до вечера делать то, что тебе противно! И чем сильнее в рабочем человеческие чувства, тем больше он должен ненавидеть свою работу, так как ощущает принуждение и бесцельность этой работы для себя самого. Ради чего же он работает? Из любви к творческому труду? Из естественных побуждений? Никоим образом. Он работает ради денег, ради вещи, которая ничего общего не имеет с самой работой; он работает, потому что вынужден работать, к тому же он работает с утомительным однообразием столько часов подряд, что уже одного этого должно быть достаточно, чтобы сделать для него работу мучением уже с первых же недель, если в нём сохранились хоть какие-нибудь человеческие чувства. Разделение труда ещё во много раз усилило отупляющее действие принудительного труда. В большинстве отраслей труда деятельность рабочего ограничена мелкой, чисто механической манипуляцией, точно и неизменно повторяемой минута в минуту в течение долгих лет*. Тот, кто с самого детства ежедневно в течение

* Нужно ли и здесь приводить свидетельства буржуазных авторитетов? Беру только один пример, который всякий легко разыщет в книге Адама Смита «Богатство народов», том 3, книга 5, гл. 1, стр. 297 цитированного издания.

двенадцати часов и больше занимался изготовлением булавочных головок или опиливанием зубчатых колёс и притом в условиях жизни английского пролетария, тот едва ли мог сохранить человеческие чувства и способности до тридцатилетнего возраста. С применением машин и движущей силы пара дело не изменилось. Деятельность рабочего облегчается, мускулы напрягать не приходится, а сама работа становится незначительной, но зато в высшей степени однообразной. Она не даёт рабочему пищи для духовной деятельности и всё же требует от него столь напряжённого внимания, что он не должен думать ни о чём другом, если хочет её хорошо выполнить. Как же может такая принудительная работа, которая отнимает у рабочего всё его время, кроме самого необходимого для еды и сна, которая не оставляет ему досуга для того, чтобы подышать свежим воздухом и понаслаждаться природой, не говоря уже о духовной деятельности, — как же может она не низводить человека до состояния животного? И опять перед рабочим альтернатива: покориться судьбе, стать «хорошим рабочим», «верно» соблюдать интересы буржуа—и тогда он неизбежно превращается в бессмысленное животное—или же противиться, всеми силами защищать своё человеческое достоинство, а это он может сделать только в борьбе против буржуазии.

Все эти причины уже влекут за собой значительную деморализацию рабочего класса, но к ним присоединяется ещё одна причина, которая способствует дальнейшему распространению этой деморализации и доводит её до высшего предела; это — централизация населения. Буржуазные писатели Англии поднимают неистовый шум по поводу развращающего влияния больших городов; эти Иеремии наизнанку оплакивают не разрушения городов, а их расцвет. Шериф *Алисон* почти всё сваливает на эту причину, в ещё большей степени делает это д-р *Воген,* автор книги «Век больших городов». Вполне понятно. Остальные причины, действующие разрушающим образом на тело и душу рабочего, слишком тесно связаны с интересами имущего класса. Если бы эти авторы признали главной причиной бедность, неуверенность в завтрашнем дне, чрезмерный труд из-под палки, то все, и сами они в том числе, должны были бы сказать себе: в таком случае дадим беднякам собственность, обеспечим им средства существования, издадим законы против чрезмерной работы; но на это буржуазия согласиться не может. А большие города разрослись сами собой, люди туда переселялись совершенно добровольно; вывод, что большие города созданы только промышленностью и наживающейся на ней буржуазией, не сразу напрашивается, и господствующему

классу очень удобно сваливать все бедствия на эту, казалось бы, неустранимую причину. В действительности же большие города только создают условия для более быстрого и полного развития зла, которое существовало уже раньше, во всяком случае в зародыше. Алисон, по крайней мере, ещё настолько гуманен, что признаёт это зло: он не является завершённым типом промышленного буржуа-либерала, а ещё только наполовину развернувшимся буржуа-тори, и потому его глаза ещё иногда раскрываются на вещи, перед которыми истинный буржуа безнадёжно слеп. Предоставим же ему слово:

«Именно в больших городах искушения порока и разврата раскидывают свои сети; именно здесь преступность поощряется надеждой на безнаказанность, а праздность—обилием примеров. Сюда, в эти крупные центры человеческого разврата, стекаются все скверные и испорченные люди, спасаясь от простоты сельской жизни; здесь они находят жертвы для своей низости, и лёгкая нажива компенсирует те опасности, которым они подвергаются. Добродетель пребывает в тени и угнетении, порок пышно расцветает, оставаясь не раскрытым, а распущенность поощряется доступностью наслаждений. Тот, кто пройдёт ночью по кварталу Сент-Джайлс, по тесным, людным переулкам Дублина, по беднейшим кварталам Глазго, тот найдёт достаточные доказательства правильности этих слов и будет удивляться не тому, что так много преступлений на свете, а тому, что их так мало... Главная причина развращённости больших городов заключается в заразительности дурного примера, в том, как трудно бороться против соблазна порока, когда он так близко, и когда подрастающее поколение изо дня в день приходит с ним в соприкосновение. Богачи ео ipso* не лучше бедняков: и они в тех же условиях не могут противостоять искушению; особое несчастье бедняков заключается в том, что они *не могут. не наталкиваться* повсюду на приманки порока, на соблазн запретных наслаждений... Явная невозможность в больших городах уберечь подрастающее поколение неимущего класса от соблазна порока — вот причина деморализации».

После пространного описания нравов наш автор продолжает так:

«Всё это не является следствием какой-нибудь чрезмерной испорченности, а объясняется почти неодолимой силой искушения, которому подвергаются бедняки. Богачи, порицающие поведение бедняков, сами под влиянием тех же причин сдались бы не менее быстро. Есть такая степень нищеты, такая сила искушения, против которой добродетель редко бывает способна устоять и против которой тем более редко может устоять молодёжь. Распространение- порока при таких условиях почти так же неизбежно и происходит часто так же быстро, как распространение физической заразы».

В другом месте тот же автор пишет:

«Когда высшие классы для своей пользы сосредоточивают на небольшом пространстве большие массы рабочих, зараза преступления начинает распространяться чрезвычайно быстро и неизбежно. При том уровне религиозного и морального развития, на котором находятся представители

* — разумеется. *Ред.*

низших классов, они нередко так же мало заслуживают порицания за то, что поддались искушению, как за то, *что пали жертвой тифа»*[*].

Но довольно! Полубуржуа Алисон, при всей ограниченности своего подхода, раскрывает перед нами вредные последствия существования больших городов для нравственного развития рабочих. Другой автор, законченный буржуа в духе Лиги против хлебных законов, д-р Эндрью *Юр*[**], раскрывает перед нами другую сторону этих последствий. Он сообщает нам, что жизнь в больших городах облегчает возникновение заговоров среди рабочих и придаёт плебеям силу. По его мнению, если не воспитывать рабочих надлежащим образом (т. е. в повиновении буржуазии), они будут взирать на вещи односторонне, с точки зрения озлобленного эгоизма, и легко поддадутся увещаниям хитрых демагогов; они, пожалуй, даже способны смотреть завистливо и враждебно на своих *лучших благодетелей,* воздержанных и предприимчивых капиталистов; здесь может помочь только правильное воспитание, иначе последует национальное банкротство и прочие ужасы, так как революции рабочих нельзя будет избежать. И наш буржуа вполне прав в своих опасениях. Если централизация населения вызывает оживление и усиленное развитие имущих классов, то развитию рабочих она содействует ещё больше. Рабочие начинают чувствовать себя—в своей совокупности—как класс, до их сознания доходит, что, будучи слабыми в одиночку, они все вместе образуют силу; это способствует отделению от буржуазии и выработке самостоятельных, свойственных рабочим и их жизненным условиям понятий и идей, появляется сознание своего угнетения, и рабочие приобретают социальное и политическое значение. Большие города—очаги рабочего движения: в них рабочие впервые начали задумываться над своим положением и бороться за его изменение, в них впервые выявилась противоположность интересов пролетариата и буржуазии, в них зародились рабочие союзы, чартизм и социализм. Болезнь социального организма, которая носила в деревне хронический характер, получила в больших городах острую форму и тем самым раскрылись её истинная сущность и способ её излечения. Без больших городов, без того толчка, который они дают развитию общественного сознания, рабочие далеко не так продвинулись бы вперёд, как они это сделали. К тому же большие города положили конец последним следам патриархальных отношений между рабочим и работодателем, чему содей-

[*] «Основы народонаселения», том II, стр. 76 и сл., стр. 135.

[**] «Philosophy of Manufactures». London, 1835 [«Философия фабрики». Лондон, 1835]. Мы ещё вернёмся позже к этой пресловутой книге. Приведённые здесь места находятся на стр. 406 и сл.

ствовала также крупная промышленность путём увеличения числа рабочих, находящихся в зависимости от одного буржуа. Буржуазия об этом сожалеет, и с полным основанием: ведь при прежних отношениях она была почти застрахована от восстания рабочих. Буржуа эксплуатировал своих рабочих и властвовал над ними сколько ему было угодно и мог ещё вдобавок рассчитывать на повиновение, благодарность и любовь этих простаков, если, помимо платы, проявлял некоторую приветливость, которая ему ничего не стоила, или делал незначительный уступки, якобы исключительно по своей необычайной сердечной доброте, хотя всё это вместе не составляло и десятой доли того, что он обязан был сделать. Правда, как отдельное лицо, поставленное в условия, не им созданные, он, может быть, и выполнял, хотя бы отчасти, свои обязанности; но как член правящего класса, который уже в силу того, *что он является правящим,* несёт ответственность за положение всей нации и обязан заботиться об общих интересах, буржуа ничего не делал из того, к чему его обязывало это положение, а только ещё дополнительно эксплуатировал всю нацию в целом в своих собственных, частных интересах. При патриархальных отношениях, лицемерно прикрывавших рабство рабочих, рабочий не мог не оставаться простым обывателем, духовно мёртвым, не сознающим своих собственных интересов. Лишь когда наступило отчуждение между ним и его работодателем, когда стало очевидным, что последнего связывает с ним только личная заинтересованность, только погоня за прибылью, когда мнимые добросердечные отношения, не выдержав ничтожнейшего испытания, совершенно исчезли, лишь тогда рабочий начал понимать своё положение и свои интересы и развиваться самостоятельно, лишь тогда он перестал рабски следовать за буржуазией в своих идеях, чувствах и требованиях. И содействовали этому главным образом крупная промышленность и большие города.

Другим моментом, оказавшим значительное влияние на характер английских рабочих, была иммиграция ирландских рабочих, о значении которой в этом отношении мы уже говорили. С одной стороны, она, как мы уже видели, конечно, снизила уровень английских рабочих, оторвала их от культуры и ухудшила их положение, но зато, с другой стороны, она содействовала углублению пропасти между рабочим классом и буржуазией, а следовательно, ускорила приближение надвигающегося кризиса. Дело в том, что социальная болезнь, которой страдает Англия, так же имеет своё течение, как и болезни живого организма; она развивается согласно известным законам и имеет свои кризисы, из которых последний

и самый сильный решает судьбу больного. А так как английская нация не может погибнуть в этом последнем кризисе, а должна, наоборот, выйти из него обновлённой и возрождённой, то следует лишь радоваться всему, что обостряет течение болезни. Кроме того ирландская иммиграция содействует этому ещё тем, что приносит в Англию и прививает английскому рабочему классу страстный, живой темперамент ирландца. Между ирландцами и англичанами во многих отношениях такая же разница, как между французами и немцами; общение между более легкомысленным, легко возбудимым, горячим ирландцем и спокойным, выдержанным, рассудительным англичанином может в конечном счёте оказаться только полезным для обоих. Чёрствый эгоизм, присущий английской буржуазии, гораздо дольше сохранился бы и в рабочем классе, если бы не приметался к нему великодушный до самоотверженности, руководимый в первую очередь чувством, характер ирландца, и если бы чисто рассудочный, холодный английский характер не был смягчён, с одной стороны, примесью ирландской крови, а с другой стороны — постоянным общением с ирландцами.

После всего сказанного не приходится удивляться тому, что английский рабочий класс с течением времени стал совсем другим народом, чем английская буржуазия. Буржуазия имеет со всеми другими нациями земли больше родственного, чем с рабочими, живущими у неё под боком. Рабочие говорят на другом диалекте, имеют другие идеи и представления, другие нравы и нравственные принципы, другую религию и политику, чем буржуазия. Это два совершенно различных народа, которые так же отличаются друг от друга, как если бы они принадлежали к различным расам; из этих двух народов нам на континенте до настоящего времени знаком был только один — буржуазия. А между тем именно другой народ, состоящий из пролетариев, имеет гораздо большее значение для будущего Англии*.

Об общественном характере английских рабочих, поскольку он находит себе выражение в ассоциациях и политических взглядах, ещё будет речь впереди. Здесь же мы намерены рассмотреть только последствия изложенных выше причин, поскольку они воздействуют на личные качества рабочего.—Рабочий значительно более отзывчив в повседневной жизни, чем буржуа. Я уже говорил выше, что нищие обычно обращаются почти исключительно к рабочим и что рабочие вообще

* (1892 г.) Мысль, что крупная промышленность разделила англичан на две различные нации, была, как известно, почти одновременно со мной высказана Дизраэли в его романе «Sybil, or the Two Nations» [«Сибилла, или Две нации»]. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1892 г.)*

больше делают для поддержания бедняков, чем буржуазия. Этот факт, подтверждения которому можно встретить на каждом шагу, подтверждает также в числе прочих и манчестерский каноник Паркинсон. Он говорит следующее:

«Бедняки больше подают друг другу, чем богачи беднякам. В подтверждение своих слов я могу сослаться на свидетельство одного из наших старейших, опытнейших, наиболее наблюдательных и гуманных врачей, д-ра Бардсли. Последний публично заявил, что общая сумма, которую бедняки ежегодно дают друг другу, превосходит ту, которую богачи дают за то же время беднякам»*.

Гуманность рабочих проявляется весьма отрадным образом и в других формах. Не баловала их самих жестокая судьба, и потому они умеют сочувствовать тем, кому плохо живётся. Для них каждый человек — человек, между тем как для буржуа рабочий не вполне человек. Вот почему рабочие обходительнее, приветливее и, хотя они больше нуждаются в деньгах, чем имущий класс, всё же они менее до них падки; для них деньги имеют ценность только ради того, что на них можно купить, между тем как для буржуа они имеют особую присущую им ценность, ценность божества, и превращают буржуа в низкого, грязного «человека наживы». Рабочий, которому это чувство благоговения перед деньгами совершенно чуждо, не так жаден, как буржуа, который готов на всё, чтобы побольше нажить, и видит цель своей жизни в наполнении своего денежного мешка. Вот почему рабочий гораздо более независим в своих суждениях, более восприимчив к действительности, чем буржуа, и не смотрит на всё сквозь призму личных интересов. От религиозных предрассудков его предохраняет недостаточное воспитание; ничего не понимая в этих вопросах, он не ломает над ними голову, ему чужд фанатизм, которым одержима буржуазия, и если он и бывает религиозен, то только на словах, даже не в теории; на практике же рабочий живёт только земными интересами и стремится устроиться в этом мире получше. Все буржуазные писатели сходятся в одном, — что рабочие не религиозны и не посещают церкви. Исключение составляют разве только ирландцы, некоторые старики и полубуржуа — надсмотрщики, мастера и им подобные. А в массе почти везде наблюдается полное безразличие к религии; можно самое большее встретить некоторый намёк на деизм, настолько неопределённый, что он выражается лишь в словесных оборотах или в безотчётном страхе перед такими выражениями,

* «On the present Condition of the Labouring Poor in Manchester etc.». By the Rev. Rd. Parkinson, Canon of Manchester. 3rd. edit. London and Manchester, 1841. Pamphlet [«О современном положении трудящейся бедноты в Манчестере и т. д.». Брошюра манчестерского каноника, преподобного Паркинсона. 3-е издание, Лондон и Манчестер, 1841].

как infidel (неверующий) или атеист. Духовенство всех сект на очень плохом счету у рабочих, хотя оно лишь недавно потеряло своё влияние на них; но в настоящее время дело обстоит так, что простого возгласа: he is a parson! —это поп! часто бывает достаточно, чтобы прогнать священника с трибуны общественного собрания. Как самые условия жизни, так и недостаток религиозного и иного воспитания способствуют тому, чтобы сделать рабочих более объективными, более свободными от устаревших, установившихся принципов и предвзятых мнений, чем буржуа. Буржуа по уши погряз в своих классовых предрассудках, в принципах, привитых ему с детства, с ним ничего не поделаешь; он по существу консервативен, пусть даже и в либеральной форме; его интересы неразрывно связаны с существующим строем, и для всякого движения вперёд он человек мёртвый. Он перестаёт стоять во главе исторического развития, и на его место становятся рабочие—сперва только по праву, а затем и на деле.

Всё это, как и вытекающая отсюда общественная деятельность рабочих, которую мы рассмотрим ниже, составляет положительную сторону характера этого класса; отрицательную сторону также можно набросать в общих чертах, причём она не менее естественно вытекает из приведённых выше причин. Пьянство, распущенность в отношениях между полами, грубость и недостаток уважения к собственности — вот главные пункты обвинения, которые буржуа предъявляет рабочим. Что рабочие много пьют, это вполне естественно. Шериф *Алисон* утверждает, что в Глазго каждую субботу вечером напиваются допьяна не менее 30 тыс. рабочих, и это число, без сомнения, не преувеличено; в этом городе один кабак приходился в 1830 г. на двенадцать домов, а в 1840 г. —на десять домов; в Шотландии было уплачено акциза в 1823 г. с 2300 тыс. галлонов спиртных напитков, а в 1837 г.—с 6620 тыс. галлонов; в Англии в 1823 г. — с 1976 тыс. галлонов, а в 1837 г. — с 7875 тыс. галлонов*. Изданный в 1830 г. закон о пивных, облегчив устройство так называемых jerry-shops, в которых разрешается распивочная продажа пива, облегчил также распространение пьянства, поскольку чуть ли не у каждого дома оказалось по трактиру. Почти на каждой улице можно найти несколько таких пивных, а если где-нибудь за городом стоят рядом два-три дома, то наверное в одном из них есть jerry-shop. Кроме того имеются во множестве hush-shops, т. е. тайные шинки, торгующие без разрешения, и в самом центре больших городов в уединён-

* «Основы народонаселения», в разных местах.

ных, редко посещаемых полицией кварталах, немало тайных винокурен, в которых ведётся перегонка спирта в огромных количествах. Гаскелл в цитированном произведении полагает, что в одном Манчестере имеется больше ста таких винокурен и что их годовое производство достигает по меньшей мере 156 тыс. галлонов. В Манчестере имеется кроме того более тысячи трактиров, следовательно сравнительно с числом домов по меньшей мере столько же, сколько в Глазго. Во всех других больших городах дело обстоит точно так же. И если принять во внимание, что, не говоря уже об обычных последствиях пьянства, мужчины и женщины всякого возраста и даже дети, часто матери с детьми на руках, встречаются в этих заведениях с наиболее низко павшими жертвами буржуазного режима — ворами, мошенниками и проститутками, если вспомнить, что иная мать поит вином грудного ребёнка, которого держит на руках, то вряд ли кто-нибудь станет отрицать деморализующее действие этих заведений на их посетителей. Пьянство во всей его грубости можно наблюдать в особенности в субботу вечером, после получки, когда работа прекращается немного раньше обычного и весь рабочий класс высыпает из своих трущоб на главные улицы. Мне редко удавалось в такой вечер выйти из Манчестера, не натолкнувшись на большое число пьяных, которые едва держались на ногах или валялись в канавах. В воскресенье вечером обычно возобновляются те же сцены, но с меньшим шумом. А когда все деньги истрачены, пьяница отправляется в первый попавшийся ломбард, которых в каждом большом городе множество, — в Манчестере их свыше шестидесяти, а на одной из улиц Солфорда (Чапел-стрит) от десяти до двенадцати—и закладывает всё, что у него ещё есть. Мебель, праздничная одежда, если она имеется, посуда—всё это каждую субботу в огромном количестве выкупается из ломбардов, затем почти всегда снова перекочёвывает туда не позже среды, пока какая-нибудь случайность не помешает выкупу и одна вещь за другой не останется в руках ростовщика или пока последний не откажется давать что-либо за изношенную, никуда не годную вещь. Кто собственными глазами наблюдал распространение пьянства среди рабочих Англии, тот охотно поверит лорду Эшли*, что рабочие ежегодно тратят на спиртные напитки до 25 млн. фунтов стерлингов. Насколько пьянство ухудшает материальное положение рабочих, как разрушительно оно влияет на их физическое и нравственное здоровье, какой разлад вносит в семейные отношения — всё это легко себе

* Речь в палате общин 28 февраля 1843 года.

представить. Общества трезвости сделали, правда, немало, но что значат несколько тысяч «Teatotallers»[*] в сравнении с миллионами рабочих? Когда отец Матью, ирландский апостол трезвости, объезжает английские города, то нередко от тридцати до шестидесяти тысяч рабочих дают «pledge» (обет), но не проходит и месяца, как большая часть из них об этом забывает. Если, например, сосчитать, сколько человек в Манчестере дали за последние три-четыре года этот обет трезвости, то полученное число превысит общее число жителей города, а между тем не видно, чтобы пьянство заметно уменьшилось.

Другим крупным пороком многих английских рабочих, наряду с невоздержанностью в потреблении спиртных напитков, является распущенность в отношениях между полами. И этот порок вытекает с неизбежной, железной необходимостью из общего положения этого класса, предоставленного самому себе, но лишённого средств, необходимых для того, чтобы надлежащим образом использовать свою свободу. Буржуазия оставила ему только эти два наслаждения, возложив на него массу тяжкого труда и страданий. Чтобы хоть что-нибудь взять от жизни, рабочие набрасываются поэтому со всей страстью на эти два наслаждения, предаваясь им самым чрезмерным и беспорядочным образом. Когда людей ставят в условия, подобающие только животным, им ничего более не остаётся, как или восстать, или на самом деле превратиться в животных. А если кроме того сама буржуазия, даже добропорядочные её представители, прямо способствует росту проституции? Сколько из 40 тыс. проституток, заполняющих каждый вечер улицы Лондона[**], живут на счёт добродетельной буржуазии? Сколько из них должны благодарить своего первого соблазнителя, буржуа, за то, что вынуждены предлагать своё тело каждому встречному, чтобы не умереть с голоду? Разве не ясно, что буржуазия меньше всего имеет право упрекать рабочих в распущенности?

Все вообще упрёки по адресу рабочих сводятся к необузданности в наслаждениях, отсутствию предусмотрительности и недостаточной покорности существующему социальному порядку, вообще к неспособности пожертвовать наслаждениями данного момента ради более отдалённой выгоды. Но что же в этом удивительного? Разве класс людей, получающих в награду за свою тяжкую работу лишь самую малую долю и то только плотских наслаждений, может не набрасываться слепо и жадно на эти наслаждения? Если никто не заботится о просвещении этого класса, если судьба отдельных его членов зависит от самых

[*] — «трезвенников». *Ред.*
[**] Шериф Алисон. «Основы народонаселения», том II.

разнообразных случайностей, если они не могут быть уверены в завтрашнем дне, то какой смысл, какой интерес им быть предусмотрительными, вести «солидную» жизнь и жертвовать наслаждением данного момента ради наслаждения в будущем, наслаждения, которое именно для *них* с их всегда шатким, необеспеченным положением весьма ещё сомнительно? От класса, который получает в удел все невыгоды существующего социального порядка и не пользуется ни одним из его преимуществ, от класса, к которому этот социальный порядок обращается только враждебной стороной, требуют ещё, чтобы он уважал этот социальный порядок! Это уж поистине слишком! Но пока этот социальный порядок существует, рабочий класс не может от него уйти, и если отдельный рабочий восстаёт против него, то он сам от этого больше всего страдает. Так социальный порядок делает семейную жизнь рабочего почти невозможной. В неопрятном, грязном жилище, едва пригодном даже для ночлега, плохо обставленном, часто не защищённом от дождя и не отапливаемом, плохо проветриваемом и перенаселённом, нет места домашнему уюту. Муж работает целый день, жена и старшие дети нередко тоже, все в различных местах, они встречаются только утром и вечером, и к тому же это постоянное искушение выпить, — какая может быть при таких условиях семейная жизнь? Тем не менее, рабочему некуда уйти от семьи, он должен с ней оставаться, отсюда постоянные семейные раздоры и споры, действующие самым деморализующим образом не только на самих супругов, но в особенности на их детей. Пренебрежение всеми семейными обязанностями — в первую очередь обязанностями .по отношению к детям — слишком частое явление среди английских рабочих и обусловливается главным образом современным строем общества. И ещё хотят, чтобы дети, вырастающие без присмотра в деморализующей среде, к которой часто принадлежат сами родители, были впоследствии высоконравственными людьми! Поистине слишком наивные требования ставит рабочим самодовольный буржуа!

Неуважение к социальному порядку всего резче выражается в своём крайнем проявлении — в преступлении. Если причины, приводящие к деморализации рабочего, действуют сильнее, более концентрированным образом, чем обычно, то он так же неизбежно становится преступником, как вода переходит из жидкого состояния в газообразное при 80° по Реомюру. Под воздействием грубого и отупляющего обращения буржуазии рабочий превращается в такое же лишённое собственной воли вещество, как вода, и с такой же необходимостью подвергается действию законов природы: наступает момент, когда он

утрачивает всякую свободу действия. Поэтому число преступлений в Англии возросло вместе с численностью пролетариата, и британская нация стала самой богатой преступниками нацией в мире. Из публикуемых ежегодно «таблиц преступности» министерства внутренних дел видно, что число преступлений возрастает в Англии с невероятной быстротой. Число арестов за *уголовные* преступления составляло только в Англии и в Уэльсе:

в 1805 году	4605
» 1810 »	5146
» 1815 »	7898
» 1820 »	13710
» 1825 »	14437
» 1830 »	18107
» 1835 »	20731
» 1840 »	27187
» 1841 »	27760
» 1842 »	31309

Другими словами, за 37 лет число арестов возросло в семь раз. Из этого числа в 1842 г. на один Ланкашир приходится 4497 арестов, т. е. более 14%, а на округ Мидлсекс (включая Лондон)—4094, т. е. свыше 13%. Таким образом, мы видим, что только на два округа, включающих большие города с многочисленным пролетариатом, приходится свыше четвёртой части всех совершённых в стране преступлений, хотя население их далеко не составляет четвёртой части всего населения страны. Из тех же таблиц преступности ясно вытекает, что большая часть преступлений падает на пролетариат: в 1842 г. 32,35% преступников совсем не умели ни читать, ни писать, 58,32% были малограмотны, 6,77% читали и писали хорошо, 0,22% получили более высокое образование и для 2,34% степень образования осталась неустановленной. В Шотландии число преступлений возросло ещё быстрее. В 1819 г. здесь было произведено только 89 арестов за уголовные преступления, в 1837 г.—уже 3176, а в 1842 г. — даже 4189. В Ланаркшире, официальный отчёт о котором составлен самим шерифом Алисоном, население удвоилось за 30 лет, а число преступлений— за $5^1/_2$ лет, т. е. в шесть раз быстрее, чем население. — Что касается самих преступлений, то значительное большинство их составляют, как во всех цивилизованных странах, преступления против собственности, т. е. преступления, обусловленные в той или иной форме нуждой, ибо никто не крадёт того, что у него есть. Отношение преступлений против собственности к числу населения составляло в Голландии 1:7140, во Фран-

ции — 1:1804, а в Англии около того времени, когда Гаскелл писал свою книгу,—1:799; число преступлений против личности относилось к числу населения в Голландии, как 1:28904, во Франции, как 1:17573, а в Англии, как 1:23395; число всех вообще преступлений относилось к числу населения в сельскохозяйственных округах, как 1:1043, а в фабричных округах, как 1:840[*]; во всей Англии отношение это в настоящее время составляет *едва* 1:660[**], а с того времени, как появилась книга Гаскелла, прошло не более десяти лет!

Этих фактов поистине более чем достаточно, чтобы заставить каждого, даже буржуа, задуматься над последствиями такого положения дел. Если деморализация и преступность будут ещё в течение двадцати лет возрастать в той же пропорции, — если для английской промышленности эти двадцать лет будут менее блестящими чем предыдущие, число преступлений только увеличится, — то к чему всё это приведёт? Мы и теперь уже видим полное разложение общества, мы и теперь уже не можем взять газету в руки, чтобы не прочитать о самых разительных примерах ослабления всех социальных уз. Из кипы лежащих передо мной английских газет беру первую попавшуюся. Номер «Manchester Guardian» от 30 октября 1844 г. содержит известия за три дня. Газета уже не затрудняет себя подробными сообщениями о Манчестере, а выбирает лишь наиболее интересные случаи: на одной фабрике рабочие забастовали, чтобы добиться повышения заработной платы, но мировой судья заставил их снова приступить к работе; в Солфорде несколько мальчиков попались в краже, а обанкротившийся купец пытался надуть своих кредиторов. Сообщения из ближайших городов более подробны: в Аштоне были две простые кражи, одна кража со взломом, одно самоубийство; в Бери—кража; в Болтоне— две кражи и случай уклонения от уплаты акциза; в Ли — кража; в Олдеме—забастовка из-за заработной платы, кража, драка между ирландками; шляпник, не принадлежавший к рабочему союзу, был избит членами союза; мать избита сыном; в Рочдейле—ряд драк, нападение на полицию, ограбление церкви; в Стокпорте—недовольство рабочих своей заработной платой, кража, мошенничество, драка, муж избил жену; в Уоррингтоне — кража и драка; в Уигане — кража и ограбление церкви. Хроника лондонских газет ещё на много хуже. Здесь всевозможные виды надувательства, кражи, грабежи, семейные раздоры следуют один за другим. Беру наудачу «Times» от 12 сентября

[*] «Промышленное население Англии», глава 10.
[**] Число *пойманных* преступников (22733), делённое на число населения (около 15 миллионов).

1844 г. с сообщениями за один день. Здесь сообщается о краже, о нападении на полицию, о присуждении к уплате алиментов отца внебрачного ребёнка, о ребёнке, подкинутом родителями, об отравлении мужа женой. Об аналогичных происшествиях сообщают все английские газеты. В Англии социальная война находится в полном разгаре. Каждый стоит за себя и борется за себя против всех остальных, и вопрос о том, должен ли он причинять вред всем остальным, которые являются его заклятыми врагами, решается для него исключительно эгоистическим расчётом: что для него выгоднее. Никому уже в голову не приходит искать полюбовного соглашения со своими ближними, все разногласия решаются угрозами, самочинной расправой или судом. Одним словом, каждый видит в другом врага, которого он должен удалить со своего пути, или в лучшем случае средство, которое он может использовать для своих целей. И эта война, как показывают таблицы преступности, становится год от году всё яростнее, ожесточённее и непримиримее; враждующие стороны постепенно обособляются в два больших лагеря, борющихся друг против друга: здесь — буржуазия, там — пролетариат. Эта война всех против всех и буржуазии против пролетариата не должна нас удивлять, ибо она есть лишь последовательное осуществление принципа, заложенного уже в свободной конкуренции. Но удивительно то, что буржуазия, над которой с каждым днём всё более сгущаются грозовые тучи, остаётся совершенно безразличной и безучастной, что она, изо дня в день читая обо всех этих вещах в газетах, не испытывает, не скажу — возмущения существующим социальным строем, но даже просто страха перед его последствиями, страха перед общим взрывом того, что в отдельности проявляется в каждом преступлении. Но на то она и буржуазия; со своей точки зрения она не может понять даже фактов, не говоря уже о вытекающих из них выводах. Просто не верится, чтобы классовые предрассудки и закоренелые предвзятые мнения могли в такой высокой—я бы сказал: в такой безумно высокой — степени ослеплять целый класс. Но развитие нации идёт своим путём, независимо от того, видит ли буржуазия это или нет, и в один прекрасный день оно поразит имущий класс такими неожиданностями, о которых и не снилось его мудрецам.

ОТДЕЛЬНЫЕ ОТРАСЛИ ТРУДА

ФАБРИЧНЫЕ РАБОЧИЕ В УЗКОМ СМЫСЛЕ

Переходя теперь к более подробному изучению важнейших отрядов английского промышленного пролетариата, мы, согласно установленному выше принципу (стр. 260), должны начать с фабричных рабочих, т. е. с тех, на которых распространяется фабричный закон. Этот закон регулирует рабочее время на фабриках, на которых сила воды или пара применяется в прядении или в тканье шерсти, шёлка, хлопка или льна; его действие распространяется тем самым на главнейшие отрасли английской промышленности. Занятые на этих производствах рабочие образуют старейший, наиболее многочисленный, наиболее интеллигентный и энергичный, но зато и наиболее беспокойный и ненавистный буржуазии отряд английских рабочих. Эти-то рабочие, в первую очередь рабочие хлопчатобумажной промышленности, стоят во главе рабочего движения, подобно тому как их хозяева-фабриканты, в первую очередь фабриканты Ланкашира, возглавляют политическое движение буржуазии.

Мы уже видели во «Введении», каким образом именно работающее в этих отраслях производства население в первую очередь было вырвано из прежних условий жизни появлением новых машин. Нет поэтому ничего удивительного в том, что и дальнейшие изобретения в области техники в последующие годы тоже чаще и глубже всего затрагивали именно эту часть населения. История хлопчатобумажной промышленности, изложенная Юром*, Бейнсом** и др., на каждой странице повествует о всё новых и новых усовершенствованиях, большинство которых было введено и в остальных упомянутых отраслях текстильной промышленности. Ручной труд почти везде вытеснен машиной, почти все операции производятся силой воды

* «The Cotton Manufacture of Great Britain». By Dr. A. Ure. 1836 [Д-р Э. Юр. «Хлопчатобумажная промышленность Великобритании». 1836].

** «History of the Cotton Manufacture of Great Britain». By E. Baines, Esq. [Э. Бейнс. «История хлопчатобумажной промышленности Великобритании»].

или пара, и каждый год приносит всё новые усовершенствования.

При правильно организованном социальном строе все эти усовершенствования можно было бы только приветствовать; но там, где бушует война всех против всех, отдельные лица присваивают себе всю выгоду и тем самым отнимают средства существования у большинства. Каждое усовершенствование в машине отнимает у рабочих кусок хлеба, и чем значительнее это усовершенствование, тем более многочисленная категория рабочих остаётся без работы; каждое усовершенствование, следовательно, влечёт за собой для известного числа рабочих такие же последствия, как торговый кризис, т. е. нужду, нищету и преступления. Приведём несколько примеров. Так как уже первое изобретение — прялка дженни (см. выше), приводимая в движение одним рабочим, производила по меньшей мере в шесть раз больше, чем могла произвести обыкновенная прялка за то же время, то каждая новая дженни оставляла без работы пять прядильщиков. Ватермашина, производившая ещё значительно больше, чем дженни, и тоже требовавшая только одного рабочего, лишала заработка ещё больше людей. Мюль-машина, которая требовала ещё меньше рабочих, сравнительно с количеством продукции, ока-вывала такое же действие, и каждое её усовершенствование, т. е. каждое увеличение числа веретён, снова сокращало число необходимых рабочих рук. Это увеличение числа веретён на мюль-машине уже настолько значительно, что лишало работы множество рабочих: если раньше один прядильщик с несколькими детьми (присучальщиками) приводил в движение 600 веретён, то теперь он получил возможность наблюдать за двумя мюль-машинами, насчитывающими от 1400 до 2000 веретён, и два взрослых прядильщика и часть занятых при них подручных оказались без работы. А с тех пор как на значительном числе прядильных фабрик введены сельфакторы, роль прядильщика совершенно свелась на нет, и её выполняет машина. Передо мной книга, составленная признанным лидером чартистов в Манчестере Джемсом Личем*. Автор работал в течение многих лет в различных отраслях промышленности, на фабриках и в угольных копях и лично известен мне как человек честный, надёжный и дельный. Благодаря своему партийному положению он имел

* «Stubborn Facts from the Factories». By a Manchester Operative. Published and dedicated to the Working Classes by Wm. Rashleigh, M. P. London, Ollivier, 1844, p. 28 ff. [«Неопровержимые факты о фабриках, сообщаемые манчестерским рабочим». Издано и посвящено рабочему классу членом парламента У. Рашли. Лондон, Олливер, 1844, стр. 28 и сл.].

под рукой множество подробнейших сведений относительно различных фабрик,—сведений, собранных самими рабочими; он приводит таблицы, из которых видно, что в 1829 г. на 35 фабриках было занято на 1060 прядильщиков больше, чем в 1841 г., хотя число веретён на этих 35 фабриках увеличилось за это время на 99239. Он приводит далее пять фабрик, на которых нет более ни одного прядильщика, так как там используются только сельфакторы. В то время как число веретён увеличилось на 10%, число прядильщиков уменьшилось на 60% и больше. — А с 1841 г., —добавляет Лич, —было введено столько усовершенствований путём удвоения рядов веретён (double decking) и т. п., что на некоторых из указанных фабрик с 1841 г. снова половина прядильщиков была уволена; только на одной фабрике, где ещё очень недавно работало 80 прядильщиков, число их сократилось до 20, остальных уволили или заставляют выполнять работу детей за детскую заработную плату. Такие же сведения Лич сообщает относительно Стокпорта, где в 1835 г. было занято 800 прядильщиков, а в 1843 г. только 140, хотя промышленность в этом городе за эти 8—9 лет значительно развилась. В чесальных машинах были введены за последнее время такого же рода усовершенствования, и это лишило заработка половину рабочих. На одной фабрике установлены усовершенствованные тростильные машины, вследствие чего из восьми девушек четыре остались без работы, а остальным четырём фабрикант понизил плату с 8 до 7 шиллингов. То же произошло и в ткацкой промышленности. Механический ткацкий станок отвоевал у ручного станка одну за другой все области ткачества, а поскольку он производит гораздо больше, чем ручной станок, и один рабочий может наблюдать за работой двух механических станков, то и здесь множество рабочих осталось без работы. И во всех отраслях фабричного производства, в прядении льна и шерсти, в обработке шёлка, произошло то *же* самое; механический ткацкий станок начинает даже завоёвывать отдельные участки в производстве шерстяных и льняных тканей; в одном Рочдейле на выделке фланели и других шерстяных тканей занято больше механических ткацких станков, чем ручных.—Буржуазия на это обычно отвечает, что усовершенствование машин, уменьшая издержки производства, ведёт к снижению цен на готовые изделия, а снижение цен ведёт к такому росту потребления, что лишившиеся заработка рабочие скоро могут снова найти занятие на вновь возникших фабриках. Буржуазия, конечно, совершенно права в том, что при известных условиях, благоприятствующих общему промышленному развитию, каждое снижение цен на товары, изготовляемые из *дешёвого* сырья,

значительно увеличивает потребление и влечёт за собой создание новых фабрик; но в остальном в её утверждениях нет ни слова правды. Она вовсе не считается с тем, что должно пройти много лет, прежде чем скажутся последствия снижения цен и будут выстроены новые фабрики. Она умалчивает о том, что в результате всех усовершенствований машин действительная, требующая физического напряжения работа всё более и более переносится на машину и работа взрослых мужчин таким образом сводится к простому наблюдению, которое вполне могут осуществлять и слабосильная женщина и ребёнок, получающие за это в два или даже в три раза меньшую плату, что, следовательно, взрослые рабочие всё более и более вытесняются из промышленности и *не находят вновь* работы, несмотря на расширение производства; буржуазия умалчивает о том, что целые отрасли труда из-за этого либо совершенно исчезают, либо настолько преобразовываются, что рабочим приходится обучаться заново, причём она здесь старательно избегает упоминать о доводе, на который она при других обстоятельствах всякий раз ссылается, когда ставится вопрос о запрещении детского труда, а именно — что для приобретения необходимых навыков надо приучаться к фабричному труду с самых ранних лет, ещё до десятилетнего возраста (см., например, «Отчёт комиссии по обследованию фабричного труда», в различных местах). Наконец, буржуазия ничего не говорит о том, что процесс развития техники непрерывно продолжается и что, если рабочему действительно удаётся найти занятие в новой отрасли труда, усовершенствования машин вытесняют его и оттуда, лишая его окончательно уверенности в завтрашнем дне. Но буржуазия получает всю выгоду от усовершенствования машин; в первые годы, когда много устаревших машин ещё на ходу и усовершенствование не введено повсеместно, для буржуазии открываются прекраснейшие возможности обогащения, и требовать от неё, чтобы она видела отрицательные стороны развития машинного производства, означало бы требовать от неё слишком многого.

Что заработная плата падает с усовершенствованием машин, это буржуазия тоже яростно опровергает, между тем как рабочие не перестают это утверждать. Буржуазия уверяет нас в том, что, хотя с усовершенствованием производства *поштучная плата* понизилась, недельная плата, тем не менее, в общем скорее повысилась, чем понизилась, и положение рабочих скорее улучшилось, чем ухудшилось. Трудно ответить точно на этот вопрос, так как рабочие большей частью ссылаются на падение *поштучной платы;* при всём том несомненно, что в различных

отраслях труда и недельная плата понизилась с внедрением машин. Так называемые тонкопрядильщики, изготовляющие тонкую пряжу на мюль-машине, получают, правда, высокую заработную плату, от 30 до 40 шилл. в неделю, ибо они организованы в сильный союз для борьбы против снижения заработной платы и труд их требует долгого обучения. Зато обыкновенные прядильщики, которым приходится конкурировать с неприменяемыми при изготовлении тонкой пряжи автоматическими станками (сельфакторами) и союзу которых введение этих машин нанесло большой удар, получают очень низкую плату. Один из таких рабочих говорил мне, что он зарабатывает не более 14 шилл. в неделю, и это совпадает с данными Лича, что на различных фабриках обыкновенные прядильщики зарабатывают меньше $16^1/_2$ шилл. в неделю и что прядильщик, зарабатывавший три года тому назад 30 шилл. в неделю, теперь с трудом может заработать $12^1/_2$ шилл. и за последний год в среднем зарабатывал не больше. Заработная плата женщин и детей, правда, упала меньше, но только потому, что она с самого начала была невысокая. Я знаю многих женщин, вдов с детьми, которые с трудом зарабатывают в неделю от 8 до 9 шилл., а что на эти деньги нельзя прилично прожить с семьёй, признаёт каждый, кто знаком с ценами на предметы первой необходимости в Англии. Все рабочие *единодушно* утверждают, что с усовершенствованием машин заработная плата вообще понижается. И на каждом рабочем собрании в фабричных округах можно убедиться в том, что сами рабочие считают вопиющей ложью утверждение промышленной буржуазии, будто с введением машин положение рабочего класса улучшилось. Но *если бы* даже было верно, что упала только относительная заработная плата, именно поштучная плата, а абсолютная, т. е. вырабатываемая рабочим в неделю сумма, осталась без изменения, то что же из этого следует? Только то, что рабочие должны спокойно смотреть, как господа фабриканты набивают карманы, извлекая выгоды из каждого усовершенствования и не уделяя им, рабочим, и ничтожной доли. Буржуазия, когда она борется против рабочих, забывает даже самые элементарные основы своей собственной политической экономии. Эта буржуазия, которая в других случаях клянётся Мальтусом, в ужасе кричит рабочим: а где бы нашли работу те миллионы жителей, на которые увеличилось население Англии, если бы не было машин?[*] Какая нелепость! Как будто буржуазия сама не знает прекраснейшим образом, что если бы не машины и вызванный

[*] Так вопрошает, например, г-н Саймонс в книге «Ремёсла и ремесленники».

ими расцвет промышленности, эти «миллионы» вообще не появились бы на свет и не достигли бы зрелого возраста! Если машины и принесли какую-нибудь пользу рабочим, то только тем, что доказали им необходимость такого социального преобразования, которое заставит машины работать уже *не во вред,* а *на пользу* рабочим. Пусть мудрые господа буржуа спросят у подметальщиков улиц в Манчестере или ещё где-нибудь (теперь, правда, и это уже позади, так как и для этого изобретены и применяются машины), пусть спросят у тех, кто продаёт на улице соль, спички, апельсины, шнурки для ботинок и т. п. или вынужден просить милостыню, кем они были раньше, и многие из них ответят: фабричными рабочими, которых машины лишили работы. Усовершенствование машин при современных социальных условиях может иметь для рабочих только неблагоприятные и часто очень тяжёлые последствия; каждая новая машина приносит с собой безработицу, нужду и нищету, а в такой стране, как Англия, где и без того почти всегда имеется «избыточное население», увольнение с работы в большинстве случаев является худшим из того, что может постигнуть рабочего. Нечего говорить о том, какое деморализующее, обескураживающее действие оказывает эта неуверенность в завтрашнем дне, вытекающая из непрерывного развития техники и связанной с ним безработицы, на рабочего, положение которого и без того уже достаточно шатко! Чтобы не впасть в отчаяние, рабочему и здесь остаётся только два пути: внутренний и внешний протест против буржуазии, или пьянство и вообще беспутство. И английские рабочие прибегают и к первому, и ко второму. История английского пролетариата повествует о сотнях бунтов против машин и против буржуазии вообще, а о беспутстве мы уже говорили; оно является, конечно, лишь, своеобразной формой отчаяния.

Всего хуже приходится тем рабочим, которые вынуждены конкурировать со вновь внедряемой машиной. Цена изготовляемого ими товара определяется ценой того же товара, изготовленного машиной, а так как машинное производство обходится дешевле ручного, то конкурирующий с машиной рабочий получает самую низкую заработную плату. То же относится и к рабочему, работающему на старой машине, если ему приходится конкурировать с новейшими, усовершенствованными машинами. Конечно, кто же ещё должен нести убытки? Фабриканту жалко выбросить старую машину, но ему также не хочется терпеть убыток; с неодушевлённой машины нечего взять, и вот он набрасывается на живого рабочего, козла отпущения всего общества. Из этих рабочих, которые вынуждены

конкурировать с машинами, всего хуже живётся ручным ткачам, работающим в хлопчатобумажной промышленности. Они получают самую низкую заработную плату, и даже когда работы вдоволь, они не в состоянии заработать больше 10 шилл. в неделю. Механический ткацкий станок отбивает у них одну отрасль ткацкого дела за другой; кроме того ручной станок является последним убежищем всех рабочих, лишившихся работы в других отраслях труда, так что рабочие руки здесь всегда имеются в избытке. Вот почему ручной ткач в средние периоды считает себя счастливым, если может заработать в неделю 6—7 шилл., а чтобы заработать даже эту сумму, ему приходится сидеть за своим станком по 14—18 часов в сутки. К тому же для изготовления большинства тканей требуется сырое помещение, чтобы нить но рвалась ежеминутно, и вот отчасти из-за этого, отчасти вследствие бедности рабочих, которые за лучшую квартиру платить не могут, в мастерских ручных ткачей почти никогда нет ни дощатого, ни каменного пола. Мне пришлось посетить немало ручных ткачей; жилища их помещались в самых запущенных, самых грязных дворах и улицах, обычно в подвалах. Нередко пять-шесть таких ткачей, причём некоторые из них женатые, живут в домике, состоящем из одной или двух рабочих комнат и большой общей спальни. Пища их состоит почти исключительно из картофеля, иногда из небольшого количества овсяной каши, редко из молока и почти никогда они не видят мяса; очень многие из них ирландцы или ирландского происхождения. И эти несчастные ручные ткачи, которых прежде всего касается каждый кризис и которым дольше всех приходится страдать от его последствий, ещё должны служить буржуазии орудием для отражения нападок на фабричную систему! Посмотрите,— восклицает с торжеством буржуазия, — посмотрите, как плохо приходится этим бедным ткачам, между тем как фабричным рабочим живётся хорошо, и *тогда только* судите о фабричной системе!* Как будто не сама фабричная система с её машинами виновна в том, что положение ручных- ткачей так плохо, как будто буржуазия сама этого не знает так же хорошо, как и мы! По здесь затронуты интересы буржуазии, поэтому она не остановится перед тем, чтобы лишний раз солгать или прибегнуть к лицемерию.

Присмотримся поближе к тому факту, что развитие машинного производства всё более и более вытесняет работу взрослых мужчин. Работа при машинах, как прядильных, так и ткацких,

* См., например, д-р *Юр* в его «Философии фабрики».

сводится главным образом к связыванию разорванных нитей, а всё остальное делает машина; для этой работы не требуется никакой силы, зато требуется большая гибкость пальцев. Вот почему взрослые мужчины для этого не только не нужны, но даже, вследствие более сильного развития мышц и костей их рук, менее пригодны, чем женщины и дети, и потому из этой отрасли труда они почти совершенно вытеснены. Таким образом, по мере того как деятельность рук и мускульное напряжение заменяется, с введением машин, силой воды или пара, необходимость использовать взрослых мужчин отпадает, а так как женщины и дети не только получают более низкую плату, но, как уже сказано, более пригодны к этой работе, чем мужчины, то они и занимают их место. В прядильнях при ватер-машинах работают только женщины и девушки, при мюль-машинах— один взрослый мужчина-прядильщик (который с применением сельфакторов становится излишним) и несколько присучальщиков для связывания нитей, большей частью женщин и детей, порой молодых мужчин 18—20 лет, иногда старых, лишившихся работы прядильщиков*. У механических ткацких станков работают большей частью женщины от 15 до 20 лет и старше, иногда и мужчины, которые, однако, редко остаются при этом занятии после двадцати одного года. В прядильнях у ровничных машин тоже встречаются только женщины, в крайнем случае несколько мужчин бывают заняты точкой и чисткой чесальных машин. Кроме того на всех фабриках находят работу ещё известное число детей, занятых сниманием и насаживанием шпулек (doffers), несколько взрослых мужчин-надсмотрщиков в мастерской, один механик и один машинист для обслуживания паровой машины, а также плотники, сторожа и т. п. Но основная работа производится женщинами и детьми. Фабриканты отрицают также и это и даже обнародовали в прошлом году обстоятельные таблицы, которые должны были доказать, что машины вовсе не вытесняют взрослых мужчин. Из этих таблиц явствует, что женщины составляют более половины (52%) всех фабричных рабочих, мужчины около 48% и что более половины всех этих рабочих старше 18 лет. Всё это действительно так, но господа фабриканты предусмотрительно не сообщают нам, сколько же взрослых рабочих было

* «В некоторых отраслях хлопчатобумажной промышленности в Ланкашире положение вещей в отношении заработной платы .стало очень запутанным: сотни молодых мужчин от 20 до 30 лет выполняют работу присучальщиков или какую-нибудь другую, вырабатывая не более 8—9 шилл. в неделю, между тем как на той же фабрике дети 13 лет зарабатывают по 5 шилл., а молодые девушки от 16 до 20 лет по 10—12 шилл. в неделю». Отчёт фабричного инспектора Л. Хорнера, октябрь 1844 года.

мужского пола и сколько — женского, а в этом всё дело. Они и так явно внесли в таблицы механиков, плотников и вообще всех взрослых мужчин, находящихся в каком-нибудь соприкосновении с фабрикой, быть может, даже конторщиков и т.. п., и тем не менее у них не хватает смелости сказать всю правду. Таблицы эти вообще пестрят фальсифицированными, искажёнными, подтасованными данными и средними числами, импонирующими несведущему человеку и ничего не доказывающими человеку искушённому; они умалчивают о важнейших вопросах и доказывают только слепой эгоизм и недобросовестность авторов-фабрикантов. Из речи лорда Эшли в палате общин 15 марта 1844 г. в защиту законопроекта о десятичасовом рабочем дне мы заимствуем некоторые сведения о возрасте и поле рабочих, сведения, не опровергнутые данными фабрикантов, которые к тому же касаются только части английской фабричной промышленности. Из 419560 фабричных рабочих Великобритании (1839 г.) 192887 человек, т. е. почти половина, были моложе 18 лет; 242296 были женского пола, из них 112192 моложе 18 лет. Таким образом, получается, что из рабочих мужского пола 80695 были моложе 18 лет, а взрослых мужчин-рабочих насчитывалось всего 96569, или 23%, т. е. *меньше четверти* общего числа рабочих. На хлопчатобумажных фабриках женщины составляли 56^4%, на фабриках шерстяных изделий — 69$^{1}/_{2}$% на шёлковых фабриках —70$^{1}/_{2}$%, на льнопрядильных—70$^{1}/_{2}$%. Этих цифр, думается, достаточно, чтобы доказать вытеснение взрослых мужчин-рабочих; стоит, впрочем, зайти на первую попавшуюся фабрику, чтобы убедиться в *этом.* В результате неизбежно опрокидывается существующий общественный распорядок, и этот перелом, будучи насильно навязан рабочим, имеет для них самые гибельные последствия. Прежде всего, работа женщин совершенно разрушает семью; ведь если жена проводит на фабрике 12—13 часов в день, а муж работает не меньше там же или где-либо в другом месте, то какова может быть судьба их детей? Они растут совсем без надзора, как сорная трава, или же их оставляют на попечении посторонних лиц, получающих за это один или полтора шиллинга в неделю, а как те с ними обращаются, нетрудно себе представить. Вот почему в фабричных округах ужасающим образом растёт число несчастных случаев с малыми детьми, оставленными без надзора. По записям манчестерского следователя (согласно данным комиссии по обследованию фабричного труда, доклад д-ра Хокинса, стр. 3), за 9 месяцев погибло от ожогов 69 детей, утонуло — 56, разбилось насмерть — 23, погибло вследствие других несчастных случаев—77, т. е. всего было 225 несчастных

случаев*, между тем как в нефабричном Ливерпуле в течение 12 месяцев было всего 146 несчастных случаев со смертельным исходом. Несчастные случаи в угольных копях не входят в эти данные ни по тому, ни по другому городу, и нужно ещё иметь в виду, что власть манчестерского следователя не простирается на Солфорд, и поэтому население обоих рассматриваемых округов можно считать приблизительно одинаковым. — Газета «Manchester Guardian» почти в каждом номере сообщает об одном или нескольких случаях тяжёлых ожогов. Само собой понятно и вполне доказано фактами, что работа матерей является также одной из причин, которые увеличивают высокую смертность малых детей. Женщины возвращаются на фабрику часто уже через три-четыре дня после родов, оставив, конечно, грудного ребёнка дома; в свободные часы они торопятся домой, чтобы накормить ребёнка и самим кое-что перехватить. Что это за кормление — легко себе представить. Лорд Эшли приводит показания нескольких работниц.

«М. Г., двадцати лет, имеет двух детей, младший ещё грудного возраста и остаётся на попечении старшего; она уходит на фабрику утром, в начале шестого, и возвращается к восьми вечера; в течение дня молоко сочится у неё из груди так, что смачивает платье. — Г. В. имеет трёх детей, уходит из дому в пять часов утра в понедельник и возвращается лишь в субботу к семи часам вечера; по возвращении у неё так много возни с детьми, что она не ложится спать раньше трёх часов ночи. Часто она приходит вся вымокшая от дождя и должна работать в таком состоянии. «Груди у меня страшно болели, —говорит она, — и я бывала вся мокрая от проступавшего молока»».

Применение наркотических средств, для того чтобы дети лежали спокойно, только поощряется этой подлой системой, и оно действительно широко распространено в фабричных округах. По мнению д-ра Джонса, ведающего записью актов гражданского состояния Манчестерского округа, этот обычай является главной причиной частых смертных случаев от конвульсий. Работа женщин на фабрике неизбежно разрушает семью, и при современном состоянии общества, покоящемся на семье, обстоятельство это имеет самые деморализующие последствия как для супругов, так и для детей. Мать, у которой нет времени заботиться о своём ребёнке и дарить ему в первые годы жизни самую обыкновенную материнскую ласку, — мать, которой редко удаётся видеть своего ребёнка, не может быть ему матерью, она неизбежно относится к нему равнодушно, без любви,

* В 1843 г. в числе несчастных случаев, зарегистрированных в манчестерской больнице, было 189— сто восемьдесят девять! — случаев ожогов. Сколько из них имело смертельный исход, не указано.

без всякой заботливости, как к совершенно чужому ребёнку. И дети, выросшие в таких условиях, позже оказываются совершенно потерянными для семьи, никогда не почувствуют себя дома в той семье, которой впоследствии обзаведутся, потому что слишком привыкли к жизни в одиночку, и это неизбежно ещё больше способствует разрушению семьи в рабочей среде. Причиной развала семьи является также и детский труд. Как только дети способны заработать больше того, во что обходится родителям их содержание, они начинают платить родителям за стол и квартиру, а остальное тратят на себя. Происходит это нередко уже на четырнадцатом и пятнадцатом году жизни (Пауэр, доклад о городе Лидсе, в разных местах; Тафнелл, доклад о Манчестере, стр. 17 и др. в «Отчёте комиссии по обследованию фабричного труда»). Одним словом, дети становятся самостоятельными, смотрят на родительский дом как на пансион, который они часто меняют на другой, если им дома перестаёт нравиться.

Во многих случаях работа женщины на фабрике не разрушает семью полностью, но ставит её на голову. Жена зарабатывает на всю семью, а муж сидит дома, смотрит за детьми, убирает, стряпает. Таких случаев очень и очень много; в одном Манчестере можно насчитать много сотен таких мужей, обречённых на выполнение домашних работ. Нетрудно себе представить, какое справедливое возмущение вызывает у рабочих эта настоящая кастрация и к какому радикальному изменению всех семейных отношений она приводит в то время, когда все остальные общественные отношения остаются без перемен. Передо мной лежит письмо английского рабочего, Роберта Паундера, проживающего в Баронс-билдингс, Вудхаусмур-Сайд, в Лидсе (буржуазия может отыскать его там, для неё я и указываю точный адрес), адресованное Остлеру. Едва ли мне удастся и наполовину передать в переводе вею непосредственность этого письма; если орфографические ошибки и можно соответственно передать, то особенности йоркширского диалекта теряются совершенно. В этом письме автор рассказывает, как другой рабочий, его знакомый, в поисках работы попал в Сент-Хеленс в Ланкашире и там разыскал одного своего старого друга.

«И вот, сударь, он нашёл его, и когда он подошёл к его лачуге, как вы думаете, что он увидел? Сырой низенький подвал, а обстановка такая: два старых стула, круглый стол на трёх ножках, сундук, никакой кровати, а только охапка старой соломы в углу, покрытая парой грязных простынь, и два обрубка дерева у камина. Когда мой бедный Друг вошёл туда, бедняк Джек сидел на одном обрубке у огня и как вы думаете, что он делал? Он чинил чулки своей жены штопальной иглой, и как только он увидел своего друга на пороге, он хотел спрятать свою работу, но Джо —

так зовут моего знакомого — видел всё и сказал: «Чёрт возьми, Джек, что ты делаешь? где твоя жена? что это у тебя за работа?». Бедный Джек был смущён и сказал: «Я знаю, что эта работа не для меня, но моя бедная жена на фабрике; она отправляется туда с утра, в половине шестого, работает там до восьми вечера и так устаёт, что, возвратившись домой, ничего больше делать не может. Поэтому мне приходится за неё делать, что я могу. У меня нет работы и не было уже более трёх лет, и во всю жизнь я её не найду». Тут он горько заплакал и сказал: «Да, любезный Джо, есть достаточно работы для женщин и детей в этой местности, но нет работы для мужчин. Легче сто фунтов стерлингов найти на улице, чем найти работу. Но я никогда не поверил бы, чтобы ты или кто другой мог увидеть, как я штопаю чулки своей жене, потому что это нехорошая работа. Но жена моя почти не может уже стоять на ногах, и я боюсь, что она заболеет, и я тогда не знаю, что с нами станется, потому что она уже давно стала мужчиной в доме, а я женщиной. Нехорошая это работа, Джо. Не всегда было так»,—продолжал он, горько плача.—«Но скажи мне, Джек,— спросил Джо, — как же ты жил всё это время, не имея никакой работы?». — «Я скажу тебе, Джо, — ответил Джек, — я жил, как жилось, а жилось очень плохо. Когда я женился, я, как ты знаешь, имел достаточно работы, и лентяем, как ты знаешь, я никогда не был». — «Нет, лентяем ты никогда не был». — «Наш дом был хорошо обставлен, и Мэри не приходилось работать, я зарабатывал достаточно на двоих. Но теперь всё стало вверх ногами; Мэри должна работать, а я должен оставаться дома, присматривать за детьми, подметать, стирать, стряпать и штопать. Когда моя бедная жена возвращается вечером домой, она совсем разбита и ничего больше делать не может. Знаешь, Джо, это очень трудно для человека, который привык к другому». — «Да, — ответил Джо, — это нелегко». И Джек снова начал плакать; он говорил, что лучше бы он никогда не женился, никогда не родился на свет; но когда он женился на Мэри, ему и в голову не приходило, что так может случиться. «Я не раз плакал из-за этого», — сказал Джек. Ну, сударь, когда Джо всё это услышал, как он позже рассказывал мне, он проклял фабрики, фабрикантов и правительство всеми теми проклятиями, которым с детства научился на фабрике».

Можно ли себе представить более нелепое, более бессмысленное положение, чем то, которое описано в данном письме? А между тем положение, в котором мужчина перестаёт быть мужчиной, а женщина лишается своей женственности, но которое не может придать ни мужчине настоящей женственности, ни женщине настоящей мужественности, положение, которое самым позорным образом унижает оба пола и в каждом из них — человеческое достоинство, — это положение и есть конечное следствие нашей хвалёной цивилизации, последний результат всех тех усилий, которые были сделаны сотнями поколений для того, чтобы улучшить условия своего существования и существования своих потомков! Видя, как превращаются в насмешку результаты всех людских стараний и усилий, нам остаётся только или отчаяться в самом человечестве и его судьбах, или признать, что оно до сих пор искало своё счастье на ложных путях. Мы должны признать, что такое полное искажение отношений между полами могло произойти только потому,

что отношения эти с самого начала были построены на ложной основе. Если господство женщины над мужчиной, неизбежно вызываемое фабричной системой, недостойно человека, значит и первоначальное господство мужчины над женщиной следует также признать недостойным человека. Если женщина теперь основывает, как некогда делал это мужчина, своё господство на том, что именно она добывает большую часть или даже всю совокупность общего имущества семьи, значит общность имущества была не подлинная, не разумная, раз один из членов кичится тем, что внёс большую долю. Тот факт, что семья в современном обществе разваливается, только доказывает, что связующей нитью её была не семейная любовь, а личная заинтересованность, сохранившаяся несмотря на кажущуюся общность имущества*. Такие же взаимоотношения возникают, когда дети поддерживают своих безработных родителей, в том случае, если они не платят им попросту за харчи, как уже было сказано. Д-р Хокинс сообщает в докладе о фабричном труде, что такие отношения встречаются очень часто, и в Манчестере это явление общеизвестно. Как в иных случаях жена, так тут дети — хозяева в доме. Лорд Эшли приводит такой пример в своей речи (в палате общин 15 марта 1844 г.): один человек бранил своих двух дочерей за то, что они были в трактире, на что те заявили, что им надоело терпеть над собой команду: идите, мол, к чёрту, нам приходится вас содержать, надо же что-нибудь иметь за свою работу; они выехали из родительского дома, покинув отца и мать на произвол судьбы.

Незамужним женщинам, выросшим на фабрике, приходится не лучше, чем замужним. Само собой понятно, что девушка, с девяти лет работающая на фабрике, не могла обучиться домашним работам, и вследствие этого все фабричные работницы совершенно неопытны в этом отношении и не в состоянии вести домашнее хозяйство. Они не умеют ни шить, ни вязать, ни готовить, ни стирать, они незнакомы с самыми обычными домашними работами, а о том, как обходиться с маленькими детьми — они и понятия не имеют. «Отчёт комиссии по обследованию фабричного труда» приводит этому десятки примеров, а д-р Хокинс, автор доклада о Ланкашире, высказывает следующие взгляды (на стр. 4 «Отчёта»):

* Как много замужних женщин работает на фабриках, видно из данных самих фабрикантов: на 412 фабриках в Ланкашире работает 10721 замужняя женщина; из их мужей только 5314 человек работают тоже на фабриках, 3927 имеют другого рода занятия, 821 находятся без работы, а относительно 659 — сведений нет. Таким образом, на каждую фабрику приходится двое, если не трое мужчин, живущих за счёт труда своей жены.

«Девушки выходят замуж рано и необдуманно; у них нет ни возможности, ни времени, ни случая ознакомиться с самыми обычными обязанностями хозяйки, и если бы у них всё это и было, то после замужества у них не оказалось бы времени для выполнения этих обязанностей. Мать оторвана от своего ребёнка ежедневно в течение двенадцати часов: за ребёнком присматривает нанятая за особую плату девочка или старуха; к тому же жилищем фабричных рабочих слишком часто бывает не то, что называется домом (home), а подвал, в котором нет ни кухонной посуды, ни необходимых принадлежностей для стирки, шитья и штопки, где отсутствует всё, что могло бы сделать жизнь приятной и культурной, а семейный очаг привлекательным. По этим и по другим причинам, и в особенности ради сохранения жизни и здоровья детей, я могу лишь желать и надеяться, что наступит время, когда работа замужних женщин на фабриках будет запрещена».

Отдельные примеры и показания см. «Отчёт комиссии по обследованию фабричного труда», Кауэлл, документы, стр. 37, 38, 39, 72, 77, 50. Тафнелл, документы, стр. 9, 15, 45, 54 и др.

Но всё это, однако, ещё не самое большое зло. Моральные последствия работы женщин на фабриках значительно хуже. Совместное пребывание людей обоего пола и всех возрастов в одной мастерской, неизбежное сближение между ними, скопление людей, не получивших никакого интеллектуального и нравственного воспитания, в одном тесном пространстве—все это не может оказывать благоприятное влияние на развитие женского характера. Фабрикант, если даже он и следит за этим, может вмешаться только тогда, когда действительно происходит что-нибудь скандальное; о постоянном, но менее заметном влиянии более распущенных людей на более нравственных, и в особенности на молодых, он не может знать, а следовательно и предупредить тоже не может. А ведь именно это влияние самое вредное. Разговоры, которые ведутся на фабрике, многими были названы перед фабричной комиссией 1833 г. «неприличными», «скверными», «грязными» и т. д. (Кауэлл, документы, стр. 35, 37 и многие другие). Здесь в малом масштабе происходит то, что в крупном масштабе мы видели в больших городах. Централизация населения имеет одинаковые последствия для людей, независимо от того, происходит ли она в большом городе или на маленькой фабрике. Если фабрика меньше, то сближение больше и общение неизбежнее. Последствия не заставляют себя долго ждать. Один свидетель в Лестере говорил, что он охотнее послал бы свою дочь побираться, чем на фабрику, что фабрика — истинное преддверие ада и что большинство проституток города обязаны своей судьбой фабрике (Пауэр, документы, стр. 8). Другой свидетель из Манчестера «не колеблясь утверждает, что три четверти молодых фабричных работниц в возрасте от 14 до 20 лет уже потеряли невинность» (Кауэлл, документы, стр. 57). Член комиссии Кауэлл утверждает

вообще, что нравственность фабричных рабочих несколько ниже среднего уровня нравственности рабочего класса (стр. 82), а д-р Хокинс говорит («Отчёт», стр. 4):

«Нравственность нелегко определить в цифрах, но если верить моим собственным наблюдениям и мнению всех тех, с кем мне приходилось говорить об этом, а также общему впечатлению от всех полученных мной показаний, то складывается в высшей степени печальная картина влияния фабричной жизни на нравственность молодёжи женского пола».

Само собой понятно, что фабричное рабство в такой же мере, как и всякое другое, если не больше, даёт хозяину jus primae noctis*. И в этом отношении фабрикант является господином над телом и прелестями своих работниц. Увольнение есть достаточная угроза для того, чтобы в девяти случаях из десяти, если не во всех девяносто девяти из ста, сломить всякое сопротивление девушки, которая и без того не очень-то дорожит своим целомудрием. Если фабрикант в достаточной мере низок, — а отчёт комиссии сообщает о многих таких случаях, — то его фабрика является в то же время и его гаремом; и если не все фабриканты пользуются этим правом, то положение девушек по существу от этого не меняется. В начальную пору фабричной промышленности, когда фабриканты в своём большинстве были выскочками без образования и не считались с лицемерными нравами общества, они преспокойно пользовались своим «благоприобретенным» правом.

Чтобы правильно оценить последствия фабричного труда для физического состояния женщин, необходимо прежде всего познакомиться с трудом детей, а также с различными видами самого труда. Дети нашли применение на фабриках с самого возникновения современной промышленности: сначала вследствие небольших — позже увеличенных — размеров машин, на них работали почти исключительно дети, причём набирались они главным образом из приютов, и фабриканты нанимали их гуртом в качестве «учеников» на долгие годы. Дети получали общий стол, жильё и одежду и были, разумеется, полнейшими рабами своего хозяина, который обращался с ними с величайшей жестокостью и варварством. Уже в 1796 г. негодование, вызванное в общественном мнении этой возмутительной системой, было столь энергично выражено д-ром Персивалом и сэром Р. Пилем (хлопчатобумажным фабрикантом, отцом теперешнего министра), что парламент в 1802 г. принял закон об учениках, прекративший самые вопиющие злоупотребления[107]. С течением времени вступила в силу конкуренция свободных рабочих, которая вытеснила систему ученичества.

* — право первой ночи. *Ред.*

Постепенно фабрики начали всё чаще строить в городах, машины приобрели большие размеры, помещения стали лучше проветриваться и содержаться; вместе с тем постепенно появлялось всё больше работы для взрослых и для подростков, относительное число занятых на фабриках детей поэтому несколько уменьшилось, и возраст, когда они начинали работать, несколько повысился. Теперь реже стали брать на работу детей моложе 8—9 лет. Как мы увидим ниже, законодательной власти впоследствии не раз приходилось брать на себя защиту детей от алчности буржуазии.

Высокая смертность среди детей рабочих, и особенно фабричных рабочих, есть достаточное доказательство тех нездоровых условий, в которых они проводят свои ранние годы. Те же причины влияют и на детей, которые остаются в живых, хотя, конечно, не в такой сильной мере, как они действуют на тех, кого доводят до гибели. В самых благоприятных случаях эти причины влекут за собой только предрасположение к какому-нибудь заболеванию или задержку в развитии, а следовательно и меньшую физическую силу, чем у нормального ребёнка. Девятилетний ребёнок фабричного рабочего, который вырос в нужде и всевозможных лишениях, в сырости и холоде, всегда был недостаточно тепло одет и жил в скверном жилище, обладает далеко не той работоспособностью, какой обладает ребёнок, выросший в более здоровых условиях. С девяти лет его отправляют на фабрику, где он работает ежедневно $6^1/_2$ часов (прежде он работал 8, а ещё раньше 12—14 и даже 16 часов) до тринадцатилетнего возраста, а с этого времени до восемнадцати лет — 12 часов. Причины, неблагоприятно действующие на его организм, не прекращаются, а работы становится больше. Можно допустить, что девятилетний ребёнок, даже если это ребёнок рабочего, может выдержать ежедневную работу в $6^1/_2$ часов без того, чтобы вред от такой работы для его организма был *заметным* и ощутимым; но уж во всяком случае пребывание в удушливой, сырой, часто к тому же и жаркой фабричной атмосфере благоприятно влиять на здоровье не может. И при всех обстоятельствах непростительно, чтобы то время, которое должно было бы посвящаться исключительно физическому и духовному воспитанию детей, приносилось в жертву алчности бесчувственной буржуазии: детей лишают школы и чистого воздуха, чтобы выжимать из них прибыль для господ фабрикантов. Правда, буржуазия на это отвечает: если мы не будем занимать детей на фабриках, они всё равно останутся в условиях, неблагоприятных для их развития. В общем это верно, но что же это значит, если вдуматься

как следует? Это значит, что буржуазия сначала ставит детей рабочих в скверные условия, а затем ещё использует эти скверные условия для своей же выгоды! Она ссылается в своё оправдание на положение, которое в такой же мере является делом её рук, как и вся фабричная система; она оправдывает своё сегодняшнее преступление тем преступлением, которое совершила вчера. И если бы фабричное законодательство хоть до некоторой степени не связывало им рук, как бы отстаивали интересы рабочих эти «благожелательные», «гуманные» буржуа, которые и фабрики-то свои построили, мол, исключительно ради блага рабочих! Послушаем, что делалось на фабриках, когда фабричный инспектор ещё не стоял у фабрикантов над душой. Пусть изобличит их свидетельство, авторитет которого они сами признают, — отчёт фабричной комиссии 1833 года.

Отчёт центральной комиссии сообщает, что на фабриках дети изредка начинали работать с пятилетнего возраста, чаще — с шестилетнего, очень часто с семилетнего и большей частью с восьми-девятилетнего возраста, что рабочее время продолжалось часто 14—16 часов в день (не считая перерыва на еду), что фабриканты позволяли надзирателям бить детей и часто сами давали волю рукам. Приводится даже один случай, когда фабрикант, шотландец, поскакал верхом вдогонку за сбежавшим шестнадцатилетним рабочим и заставил его вернуться и бежать впереди лошади, подгоняя его всё время длинным бичом! (Стюарт, документы, стр. 35.) В больших городах, где рабочие оказывали более сильное противодействие, такие случаи встречались, конечно, реже. — Но даже и такой длинный рабочий день не удовлетворял алчность капиталистов. Они ставили себе целью всеми возможными средствами сделать более доходным капитал, вложенный в здания и машины, заставить его функционировать как можно больше. Для этого фабриканты ввели позорную систему ночного труда. Некоторые ввели две смены рабочих, причём каждая из них была достаточно многочисленна, чтобы полностью обеспечить работу фабрики, и одна смена постоянно работала двенадцать дневных часов, другая—двенадцать ночных. Нетрудно себе представить, какие последствия должно было иметь такое постоянное лишение ночного отдыха, которого никакой дневной сон заменить не может, для физического состояния не только детей и подростков, но и взрослых рабочих. Возбуждение всей нервной системы и связанное с ним общее ослабление всего организма, — вот неизбежный результат такого труда. Другим последствием его является усиленное пьянство и большая распущенность в отношениях между полами. Один фабрикант свидетельствует

(Тафнелл, документы, стр. 91), что за два года, когда на его фабрике работали ночью, число незаконнорождённых детей удвоилось, и моральный уровень упал до такой степени, что пришлось прекратить ночную работу. — Другие фабриканты поступали ещё более варварским образом: они заставляли многих рабочих работать 30—40 часов подряд, и это *по несколько раз в неделю,* ибо полной второй смены у них не было: смена служила лишь для того, чтобы частично подменять рабочих и дать им возможность поспать час-другой. Отчёты комиссии об этом варварстве и его последствиях превосходят всё, что мне когда-либо приходилось слышать о порядках такого рода. Таких чудовищных вещей, как те, о которых здесь рассказывается, не встретишь больше нигде, а между тем буржуазия, как мы увидим, постоянно ссылается на свидетельство комиссии, толкуя его в *свою пользу.* Последствия такой системы обнаружились» довольно скоро: докладчики комиссии сообщают о множество встреченных ими калек, которые обязаны своим уродством исключительно продолжительному рабочему времени. Более всего распространены искривления позвоночника и ног. Фрэнсис Шарп (член Королевского общества хирургов) в Лидсе описывает это следующим образом:

«До своего приезда в Лидс мне никогда не приходилось видеть такого своеобразного искривления нижней части бедренной кости. Сначала я думал, что это рахит, но большое число случаев, зарегистрированных в больнице, появление этого заболевания в таком возрасте (8—14 лет), когда дети обычно уже не подвержены рахиту, а также то обстоятельство, что заболевание стало известным только с тех пор, как дети начали работать на фабриках, заставили меня изменить свое мнение. Я видел до сих пор около ста подобных случаев и могу решительно утверждать, что они вызваны чрезмерным трудом; насколько я знаю, все больные принадлежат к числу фабричных детей, и сами они приписывают свою болезнь вышеприведённой причине». — «Число встретившихся мне случаев искривления позвоночника, явно вызванных слишком продолжительным стоянием на ногах, составляло не менее трёхсот» (д-р Лаудон, документы, стр. 12, 13).

Такие же показания даёт д-р Хей из Лидса, который был в течение 18 лет врачом в больнице:

«Искривление позвоночника наблюдается очень часто у фабричных рабочих; в некоторых случаях это просто следствие чрезмерного труда, в других — следствие влияния продолжительной работы на слабый от рождения или ослабленный плохим питанием организм... Уродства всякого рода здесь, повидимому, чаще встречаются, чем эти болезни: колени погнуты, связки суставов часто ослаблены и дряблы, а длинные кости ног искривлены; особенно бывала искривлена и увеличена головка этих костей; такие пациенты приходили с фабрик, на которых очень продолжительный рабочий день» (д-р Лаудон, документы, стр. 16).

То же подтверждают хирурги Бомонт и Шарп о Брадфорде. В докладах членов комиссии Дринкуотера, Пауэра и д-ра

Лаудона описано множество такого рода искривлений; Тафнелл и д-р сэр Давид Барри, которые обращали меньше внимания на это явление, также приводят отдельные примеры в своих докладах (в докладе Дринкуотера, документы, стр. 69 о двух братьях, стр. 72, 80, 146, 148, 150 о двух братьях, стр. 155 и многие другие; в докладе Пауэра, документы, стр. 63, 66, 67 дважды, на стр. 68 трижды и на стр. 69 дважды; в докладе о Лидсе на стр. 29, 31, 40, 43, 53 и сл.; в докладе д-ра Лаудона, документы, стр. 4, 7 четыре раза, на стр. 8 несколько раз и т. д.; у сэра Д. Барри, стр. 6, 8, 13, 21, 22, 44, на стр. 55 трижды и т. д.; у Тафнелла на стр. 5, 16 и др.). Члены комиссии, обследовавшие Ланкашир, — Кауэлл, Тафнелл и д-р Хокинс — совсем не обратили внимания на эти медицинские последствия фабричной системы, хотя Ланкашир в отношении числа калек вполне может поспорить с Йоркширом. Мне редко удавалось пройти по Манчестеру, чтобы не встретить трёх-четырёх калек, с совершенно такими же искривлениями позвоночника и ног, какие описаны выше, и я не раз обращал на них внимание и имел возможность их рассмотреть. Я сам знаком с одним калекой, вполне отвечающим описанию, данному д-ром Хеем; его состояние является следствием пребывания на фабрике г-на Дугласа в Пендлтоне, фабрике, которая до сих пор пользуется самой дурной славой среди рабочих из-за чрезмерной работы, ещё недавно продолжавшейся там целые ночи напролёт. Глядя на калек такого рода, сразу можно догадаться о причинах их уродства, которое у всех совершенно одинаково: колени вогнуты внутрь и немного назад, ноги искривлены внутрь, суставы изменены и утолщены, позвоночник часто искривлён вперёд или вбок. Наиболее жестокие условия были, повидимому, у человеколюбивых фабрикантов шёлковых изделий Маклсфилдского округа; это связано с тем, что на этих фабриках работали очень маленькие дети, — начиная с пяти-шести лет. В дополнительных данных, приведённых членом комиссии Тафнеллом, есть показания некоего фабричного надсмотрщика Райта (на стр. 26), две сестры которого были самым ужасным образом искалечены работой и который однажды подсчитал число калек на некоторых улицах Маклсфилда, включая и самые благоустроенные и нарядные улицы: на Таунлей-стрит он насчитал десять калек, на Джордж-стрит — пятерых, на Шарлотт-стрит—четырёх, на Уотеркотс—пятнадцать, на Банк-Топ — трёх, на Лорд-стрит — семерых, на Милл-Лейн—двенадцать, на Грейт-Джордж-стрит—двух, в работном доме — двух, на Парк-Грин — одного и на Пикфорд-стрит—двух. Семьи этих калек в один голос утверждали, что

их уродства являются следствием чрезмерного труда на шёлкопрядильных фабриках. На стр. 27 описан мальчик настолько искалеченный, что он не мог подняться по лестнице; там же упоминается о нескольких девочках с искривлением позвоночника и бедра.

Чрезмерный груд вызывает и другие уродства, в частности плоскоступие, которое часто встречали сэр Д. Барри (например, на стр. 21 он упоминает о двух случаях), а также врачи и хирурги Лидса (Лаудон, стр. 13, 16 и т. д.). И даже в тех случаях, когда более крепкий организм, лучшее питание и прочие условия позволили молодому рабочему устоять против последствий этой варварской эксплуатации, всё же появляются боли в пояснице, в спине, в ногах, опухшие суставы, расширение вен или большие, незаживающие язвы на бёдрах и икрах. Все эти недуги представляют почти общее явление среди рабочих. Стюарт, Макинтош и сэр Д. Барри в своих докладах приводят сотни примеров, им почти не приходилось встречать рабочих, которые не страдали бы хотя бы одним из этих недугов; в остальных докладах также появление этих последствий подтверждается многочисленными показаниями врачей. Бесчисленные примеры, приведённые в докладах о Шотландии, неопровержимо показывают, что работа по 13 часов в сутки, даже для 18—22-летних рабочих, как мужчин, так и женщин, влечёт за собой в лучшем случае *такого рода* последствия, и это относится в равной мере к льнопрядильням Данди и Данфермлина и к хлопчатобумажным фабрикам Глазго и Ланарка.

Все эти недуги легко объясняются самой природой фабричного труда, который действительно очень «лёгок», как говорят фабриканты, но именно вследствие этой лёгкости действует на организм более ослабляющим образом, чем всякий другой. Рабочим не так много приходится делать, но они должны все время *стоять на ногах,* не имея права присесть. Кто присядет на подоконник или на корзину, тот подвергается штрафу; это длительное пребывание на ногах, постоянное механическое давление верхней части тела на позвоночник, кости таза и ног не может не вызвать описанных выше последствий. Это постоянное стояние вовсе не необходимо для самой работы, как показывает пример Ноттингема, где по крайней мере в тростильных отделениях устроены сиденья (в результате—исчезновение вышеуказанных недугов, а следовательно и согласие работниц на удлинение рабочего дня). Но на фабрике, где рабочий работает только на буржуа и мало заинтересован в том, чтобы работа была сделана хорошо, он, вероятно, чаще пользовался бы

возможностью посидеть, чем это приятно и выгодно фабриканту, и вот для того, чтобы потери буржуазии на испорченном сырье были немного меньше, рабочие должны жертвовать своим здоровьем*. Между тем это продолжительное пребывание в стоячем положении в сочетании большей частью с плохим воздухом фабрики вызывает, кроме того, сильное ослабление всего организма, в свою очередь влекущее за собой всевозможные другие, уже не столько местные, сколько общие заболевания. Воздух на фабриках обычно бывает одновременно влажный и тёплый, часто теплее, чем следует; если только вентиляция не *очень* хорошая, то воздух там очень скверный, душный, содержит недостаточное количество кислорода, насыщен пылью и прогорклыми испарениями машинного масла, которое почти повсюду разлито по полу и впиталось в него. Рабочие уже вследствие жары одеты легко и потому неизбежно простуживаются при неравномерной температуре помещения; в этой жаре они боятся свежего воздуха; постепенное ослабление всех функций организма уменьшает животную теплоту, которая должна поддерживаться извне, и поэтому сам рабочий лучше всего себя чувствует, когда может оставаться в перегретой фабричной атмосфере при наглухо закрытых окнах. К тому же частые и резкие перемены температуры при выходе из жаркой фабричной атмосферы на морозный или промозглый воздух улицы, невозможность для рабочего достаточно предохранить себя от дождя или переодеться в сухое платье — всё это вместе взятое постоянно вызывает простуду. — Если вспомнить, что при всём этом почти ни одной мышце не приходится действительно напрягаться, выполнять настоящую работу, кроме разве мышц ног, что расслабляющему, отупляющему действию перечисленных причин ничто не противодействует, так как рабочий не имеет случая упражнять своё тело, развивать силу мускулов, упругость и крепость связок и с малолетства был лишён возможности проводить время на свежем воздухе, то никого не удивит почти единодушное утверждение врачей в фабричном отчёте, что они нашли у фабричных рабочих особенно слабую сопротивляемость организма ко всем болезням, вообще пониженную жизнедеятельность и постоянное ослабление всех духовных и физических сил. Послушаем сначала сэра Д. Барри:

«Неблагоприятное влияние фабричного труда на рабочих заключается в следующем: 1) в безусловной необходимости приноравливать свою физическую и духовную деятельность к движению машины, приводимой

* Были устроены сиденья также в прядильной мастерской одной из фабрик в Лидсе (Дринкуотер, документы, стр. 80).

в действие равномерной и постоянной силой; 2) в необходимости оставаться в стоячем положении в течение непомерно долгих и слишком быстро следующих один за другим промежутков времени; 3) в лишении сна (вследствие продолжительного рабочего времени, болей в ногах и общего недомогания всего организма). Сюда присоединяется ещё влияние низких, тесных, пыльных или сырых мастерских, засорённая, перегретая атмосфера и непрестанное потение. Поэтому в особенности мальчики, за очень немногими исключениями, очень быстро теряют свежий детский румянец и становятся более бледными и худыми, чем остальные мальчики. Даже ученик ручного ткача, стоящий босиком на глиняном полу мастерской, выглядит лучше потому, что он хоть изредка всё же попадает на свежий воздух. У ребёнка же, работающего на фабрике, не бывает ни одной свободной минуты, кроме как для еды, и он выходит на свежий воздух только тогда, когда идёт обедать. Все взрослые прядильщики-мужчины бледны и худы, страдают несварением желудка и капризным аппетитом; все они с малолетства работают на фабрике, и среди них мало или совсем нет рослых, хорошо сложенных мужчин, из чего не без основания можно сделать тот вывод, что занятие их очень неблагоприятно влияет на развитие мужского организма. Женщины гораздо легче переносят этот труд» (что вполне естественно, но и они, как мы увидим ниже, подвержены своим специальным заболеваниям). (Сэр Д. Барри. Общий доклад.)

То же пишет и Пауэр:

«Я могу прямо заявить, что фабричная система в Брадфорде создала множество калек... и что влияние долго продолжающегося труда на организм сказывается не только в явно выраженном уродстве, но ещё гораздо чаще в задержке роста, слабости мускулов и хрупком телосложении» (Пауэр, доклад, стр. 74).

Цитированный уже выше хирург* Ф. Шарп, из Лидса, пишет:

«Когда я переехал из Скарборо в Лидс, мне тотчас же бросилось в глаза, что дети вообще здесь гораздо бледнее и мускулатура у них гораздо менее развита, чем у детей в Скарборо и его окрестностях. Я нашёл также, что многие дети слишком малы для своего возраста... Мне попадалось бесчисленное множество случаев золотухи, лёгочных, желудочных и кишечных заболеваний, относительно которых у меня, как у врача, не оставалось ни малейших сомнений, что они вызваны работой на фабрике. Я держусь того мнения, что продолжительный труд ослабляет нервную энергию организма, подготовляя почву для многих болезней; не будь постоянного притока свежих сил из деревни, порода фабричных рабочих скоро совсем выродилась бы».

Брадфордский хирург Бомонт высказывает такое же мнение:

«На мой взгляд система труда, практикуемая на здешних фабриках, вызывает специфическое ослабление всего организма, делает детей в выс-

* Так называемые хирурги (surgeons) такие же образованные медики, как и дипломированные врачи (physicians), и потому занимаются не только хирургической, но и общеврачебной практикой. По многим причинам их даже предпочитают врачам.

шей степени восприимчивыми к эпидемиям, как и к случайным болезням... Я решительно рассматриваю отсутствие каких-либо обязательных предписаний относительно вентиляции и соблюдения чистоты на фабриках, как одну из главных причин той специфической склонности или восприимчивости к болезням, которые так часто встречались в моей практике».

Такие же показания даёт д-р Кей:

«1) Я имел случай наблюдать влияние фабричной системы на здоровье детей при самых благоприятных обстоятельствах» (на фабрике Ву да в Брадфорде, наиболее благоустроенной фабрике этого города, где д-р Кей был фабричным врачом); «2) это влияние не подлежит сомнению и даже при столь благоприятных условиях оно приносило значительный вред; 3) в течение 1842 г. мной была оказана медицинская помощь трём пятым всех занятых на фабрике Вуда детей; 4) губительные последствия этой системы сказываются не столько в большом количестве калек, сколько в преобладании слабых и болезненных организмов; 5) всё это значительно улучшилось с тех пор, как на фабрике Вуда рабочий день для детей был сокращён до десяти часов».

Сам член комиссии д-р Лаудон, который приводит все эти показания, говорит следующее:

«С достаточной ясностью доказано, мне кажется, что детей заставляли работать безрассудно и немилосердно долго и что даже взрослые вынуждены были выполнять такое количество работы, которое едва ли по силам человеку. В результате многие умерли преждевременно, другие наделены на всю жизнь уродливым телосложением, и опасение, что от оставшихся в живых получится слабое потомство, с физиологической точки зрения более чем обосновано».

И наконец д-р Хокинс заявляет, касаясь Манчестера:

«Я думаю, что большинству путешественников бросаются в глаза малый рост, хилость и бледность, так часто встречающиеся у жителей Манчестера и прежде всего среди фабричных рабочих. Ни в одном городе Великобритании пли Европы я не видел такого очевидного отклонения от среднего национального типа в смысле сложения и цвета лица. Замужние женщины в поразительной степени лишены всех характерных особенностей английской женщины... Я должен признать, что все мальчики и девочки, приведённые ко мне с манчестерских фабрик, имели подавленный вид и бледный цвет лица; в выражении лиц не было и следа обычной подвижности, живости и веселья, свойственных юности. Многие из них мне говорили, что в субботу вечером и в воскресенье они не испытывают ни малейшего желания порезвиться на свежем воздухе, а предпочитают спокойно сидеть дома».

Приведём ещё другое место из доклада Хокинса, которое, правда, только наполовину сюда относится, но с таким же успехом может быть приведено здесь, как и в другом месте:

«Неумеренность, всевозможные излишества и отсутствие заботы о будущем — вот главные недостатки фабричного населения, и эти недостатки

легко могут быть объяснены нравами, порождёнными современной системой, и *почти неизбежно из неё вытекают.* Всеми признано, что несварение желудка, ипохондрия и общая слабость—очень распространённые явления среди этой категории рабочих; после двенадцати часов однообразного труда вполне естественно желание прибегнуть к тому или иному возбуждающему средству, а когда в конце концов появляются вышеупомянутые болезни, рабочий всё чаще и чаще начинает искать забвения в спиртных напитках».

В отчёте приведены сотни примеров, подтверждающих все эти показания врачей и членов комиссии. Что рост юных рабочих задерживается трудом на фабрике — это подтверждено сотнями показаний. Так, Кауэлл, между прочим, приводит вес 46 семнадцатилетних юношей, учеников одной и той же воскресной школы: у 26 работавших на фабрике средний вес составлял 104,5 англ. фунтов, а у 20, тоже принадлежавших к рабочему классу, но работавших не на фабрике, средний вес был 117,7 англ. фунтов. Один из крупнейших манчестерских фабрикантов, вдохновитель борьбы фабрикантов против рабочих, если не ошибаюсь, Роберт Хайд Грег, сам однажды заявил, что, если так будет продолжаться, фабричные рабочие Ланкашира скоро превратятся в породу пигмеев[*]. Офицер, ведающий рекрутским набором (Тафнелл, стр. 59), заявляет, что фабричные рабочие мало пригодны для военной службы, что они худые и слабые и часто бракуются врачами. В Манчестере он с трудом находил мужчин ростом в 5 футов 8 дюймов, большинство имело только 5 футов 6—7 дюймов, между тем как в сельскохозяйственных округах большинство рекрутов имело 5 футов 8 дюймов (английский фут несколько меньше прусского, и эта разница составляет на 5 футов приблизительно 2 дюйма).

Под влиянием всех этих условий мужчины-рабочие очень быстро изнашиваются. Большинство к 40 годам уже неработоспособно, некоторые держатся до 45 лет и очень немногие — до 50. Помимо общей слабости организма неработоспособность вызывается ещё отчасти ослаблением зрения — вследствие работы у мюль-машины, при которой рабочему постоянно приходится следить за длинным рядом тонких параллельных нитей, сильно напрягая при этом зрение. Из 1600 рабочих, занятых на нескольких фабриках в городах Харпере и Ланарке, только 10 человек были старше 45 лет; из 22094 рабочих, занятых на различных фабриках в Стокпорте и Манчестере, только 143 человека были старше 45 лет. Из этих 143 человек 16 чело-

[*] Слова эти заимствованы не из фабричного отчёта.

век оставались на фабрике из особой милости, а один из них выполнял работу ребёнка. В одном списке прядильщиков из 131 человека только семерым было больше 45 лет, и тем не менее фабрикант, у которого они просили работы, отказал им всем по причине «преклонного возраста». Из 50 прядильщиков, забракованных в Болтоне, только двум было больше 50 лет, а средний возраст остальных был ниже 40 лет, и тем не менее они остались без работы из-за, якобы, преклонного возраста! Крупный фабрикант Ашуэрт в письме к лорду Эшли сам признаёт, что к 40 годам прядильщик уже не в состоянии выработать установленное количество пряжи и потому «иногда» получает расчёт; сорокалетних рабочих он называет «стариками»!* Такие же данные сообщает член комиссии Макинтош в отчёте 1833 г.:

«Хотя я и был уже в известной степени к этому подготовлен, зная, в каких условиях работают дети, всё же мне трудно было поверить, когда более пожилые рабочие сообщали мне свой возраст, настолько эти люди рано старятся».

Хирург Смелли из Глазго, пользующий главным образом фабричных рабочих, тоже утверждает, что 40 лет для них уже преклонный возраст (old age) (Стюарт, документы, стр. 101). О том же свидетельствуют Тафнелл, документы, стр. 3, 9, 15, и Хокинс, доклад, стр. 4, документы, стр. 14 и т. д. В Манчестере эта ранняя старость рабочих настолько обычное явление, что почти все сорокалетние мужчины выглядят на десять-пятнадцать лет старше, тогда как и мужчины и женщины из состоятельных классов сохраняются очень хорошо, если только они не слишком много пьют.

Влияние фабричного труда на женский организм тоже очень своеобразно. Нарушения организма, вызываемые у женщины длинным рабочим днём, ещё более серьёзны, чем у мужчины: изменения таза — отчасти вследствие неправильного положения и неправильного развития самих тазовых костей, отчасти вследствие искривления нижней части позвоночника, нередко вызываются этой причиной.

«Хотя аномалия таза и некоторые другие болезни мне лично ни разу не встречались», — сообщает д-р Лаудон в своём докладе, — «всё же это такие явления, которые каждый врач должен рассматривать как возможное последствие продолжительного рабочего дня у детей, что, к тому же, подтверждается высокоавторитетными врачами».

* Все эти факты заимствованы из речи лорда Эшли (на заседании палаты общин 15 марта 1844 г.).

О том, что фабричные работницы рожают труднее, чем другие женщины, равно как и о том, что у них чаще бывают выкидыши, свидетельствуют многие повивальные бабки и акушёры (см., например, д-р Хокинс, документы, стр. 11 и 13). Кроме того работницы страдают свойственной всем фабричным рабочим общей слабостью организма, а в случае беременности они работают на фабрике *до самого момента родов,* и вполне понятно: ведь если они оставят работу раньше, то могут опасаться, что их место займут другие, а их самих рассчитают, к тому же и заработка они за это время не получат. Очень часто бывает, что женщина, проработавшая до вечера, на другое утро уже родила, а нередко случается, что она рожает тут же на фабрике, среди машин. И если господа буржуа и не видят в этом ничего особенного, то их жёны, может быть, согласятся со мной, что ставить беременную женщину в необходимость до самого дня родов работать ежедневно 12—13 (а раньше было ещё больше) часов стоя и часто нагибаясь, — это жестокость и подлое варварство. Но это ещё не всё. Женщины довольны, если им позволяют не работать в течение двух недель после родов, и считают это большим сроком. Многие уже через неделю и даже через 3—4 дня возвращаются на фабрику, чтобы проработать *полный* рабочий день. Я слышал однажды, как фабрикант спросил надсмотрщика: Такая-то не пришла ещё? — Нет. — А давно она родила? — Неделю тому назад. — Так она могла давно уже вернуться. Такая-то остаётся в таких случаях дома не более трёх дней. — Всё это вполне понятно: боязнь увольнения, боязнь безработицы гонит работницу на фабрику, несмотря на слабость, несмотря на боль; интересы фабриканта не терпят, чтобы рабочие сидели дома по болезни; рабочие не должны болеть, работницы не могут себе позволить полежать после родов, иначе фабриканту придётся остановить машины или ломать свою сиятельную голову над тем, чтобы придумать временный выход из положения; во избежание этого он рассчитывает своих рабочих, если они позволяют себе хворать.

Вот послушайте (Кауэлл, документы, стр. 77):

«Девушка чувствует себя очень плохо и едва в состоянии работать. — Почему же ей не попросить разрешения уйти домой? — Ах, сударь, «хозяин» в этом отношении очень строг: за четверть дня отсутствия мы рискуем получить расчёт».

А вот ещё одно показание (сэр Д. Барри, документы, стр. 44): рабочего Томаса Мак-Дёрта немного лихорадит:

«он не смеет оставаться дома, а если остаётся, то во всяком случае не дольше четырёх дней, потому что иначе он может лишиться работы».

И так обстоит дело почти на всех фабриках. — Труд молодых девушек в период формирования их организма вызывает множество различных отклонений от нормального развития. У некоторых, в особенности у тех, кто хорошо питается, жаркая атмосфера фабрики ускоряет развитие, так что некоторые девушки в 12—14 лет вполне сформированы. Уже упомянутый выше, по словам фабричного отчёта, «выдающийся» манчестерский акушёр Робертон сообщает в «North of England Medical and Surgical Journal», что он встретил одиннадцатилетнюю девочку не только вполне развившуюся, но даже уже беременную, и что в Манчестере нередко можно встретить пятнадцатилетнюю роженицу. В этих случаях жара на фабриках действует подобно жаре тропического климата, и, как это бывает в таком климате, за это чрезвычайно раннее развитие человек расплачивается такой же ранней старостью и слабостью. — Часто, однако, встречается и задержка полового развития женщины: грудь развивается поздно или вовсе не развивается; такие примеры приводит Кауэлл на стр. 35; менструации часто начинаются лишь на семнадцатом или восемнадцатом, а иногда и на двадцатом году, а часто и вовсе не появляются (д-р Хокинс, документы, стр. 11; д-р Лаудон, стр. 14 и т. д.; сэр Д. Барри, стр. 5 и т. д.). Очень часто бывают неправильные менструации, сопровождающиеся сильными болями и недомоганием, очень часто встречается бледная немочь, о чём единогласно свидетельствуют все медицинские отчёты.

Рождённые такими женщинами дети не могут быть крепкими, в особенности, если эти женщины работают во время беременности. Напротив, судя по отчётам, особенно манчестерским, они очень слабые, и один только Барри утверждает, что они здоровые, но он же свидетельствует, что в Шотландии, где он производил осмотр, *почти ни одна из замужних женщин не работает;* к тому же там, за исключением фабрик в Глазго, большая часть фабрик расположена за городом, что немало способствует здоровью детей. Дети рабочих в ближайших окрестностях Манчестера почти все имеют цветущий и свежий вид, между тем как в самом городе они выглядят бледными и золотушными. Впрочем, на девятом году они все теряют румянец, потому что попадают на фабрику, и очень скоро их нельзя отличить от городских детей.

Кроме того существуют некоторые отрасли фабричного труда, которые особенно вредны для здоровья. Так, во многих помещениях бумаго- и льнопрядильных фабрик в воздухе носится густая волокнистая пыль, вызывающая, в особенности у рабочих чесальных и ворсовальных отделений, лёгочные

заболевания. Организм одних людей переносит эту пыль, других — нет. Но у рабочего нет выбора, и он должен поступать в то отделение, где он находит работу, как бы это ни влияло на его лёгкие. Самым обычным следствием вдыхания этой пыли является кровохарканье, затруднённое свистящее дыхание, боли в груди, кашель, бессонница, одним словом, все признаки астмы, кончающейся в наиболее тяжёлых случаях чахоткой (ср. Стюарт, стр. 13, 70, 101; Макинтош, стр. 24 и т. д.; доклад Пауэра о Ноттингеме и Лидсе; Кауэлл, стр. 33 и т. д.; Барри, стр. 12 — пять случаев на одной фабрике, — стр. 17, 44, 52, 60 и т. д., также в его отчёте; Лаудон, стр. 13, и т. д. и т. д.). Но особенно вредно прядение льна влажным способом, — работа, которой заняты молодые девушки и дети. Вода брызжет на них с веретён, так что их одежда бывает спереди совершенно мокрая, а на полу постоянно стоят лужи. То же самое, но в меньшей степени, наблюдается в тростильных отделениях бумагопрядильных фабрик, и последствием этого тоже являются постоянные простуды и лёгочные заболевания. Резкий, хриплый голос — отличительная черта всех фабричных рабочих, в особенности же прядильщиков влажным способом и тростильщиков. Стюарт, Макинтош и сэр Д. Барри в самых резких выражениях отзываются о вреде этой работы, равно как и о том, сколь мало заботится большинство фабрикантов о здоровье девушек, выполняющих эту работу. Другим последствием прядения льна является специфическая деформация плеча, а именно выпячивание правой лопатки, вызываемое самой природой трудового процесса. Прядение льна, так же как и прядение хлопка на ватер-машине, часто вызывает заболевание коленной чашечки, так как движение веретена приостанавливают коленом, когда надо присучить оборвавшуюся нитку. Необходимость часто нагибаться при этих работах, а также расположение машины невысоко над полом влекут за собой недостаточное развитие роста. В отделениях для ватер-машин хлопчатобумажной фабрики в Манчестере, на которой я служил, не было, насколько я припоминаю, ни одной высокой, стройной девушки; все они были малы ростом, плохо развиты, узкогруды, очень некрасивого телосложения. Помимо всех этих заболеваний и уродств рабочим наносятся также увечья другого рода. Работа возле машин сопровождается множеством несчастных случаев, более или менее серьёзных, в результате которых рабочий кроме всего ещё делается временно или окончательно нетрудоспособным. Чаще всего у рабочего бывает раздавлен сустав пальца, реже колесо захватывает и размалывает целый палец, кисть руки или всю руку и т. д. Очень частым следствием

этих повреждений, даже пустяковых, является столбняк, который влечёт за собой смерть. Наряду со множеством калек в Манчестере встречаешь также огромное число изувеченных: один лишился всей или половины руки, другой — ступни, у третьего нет половины ноги; так и кажется, что живёшь среди инвалидов, вернувшихся с войны. Но самые опасные места машин — это приводные ремни, передающие двигательную силу от вала к отдельным машинам, особенно, если на этих ремнях есть пряжки, что теперь, впрочем, встречается редко. Подхваченного этими ремнями человека мгновенно увлекает .вперёд и с такой силой ударяет о потолок или пол, что ни одна кость не остаётся целой и смерть наступает немедленно. С 12 июня по 3 августа 1843 г. газета «Manchester Guardian» сообщила о следующих *серьёзных* несчастных случаях (о более лёгких она даже не упоминает). 12 июня в Манчестере от столбняка умер мальчик, которому машина раздробила руку. — 16 июня в г. Садлуэрте подхваченный колесом подросток разбился насмерть. — 29 июня молодой человек, работавший на машиностроительном заводе в Гринейкерс-Муре близ Манчестера, попал под точильный камень, который сломал ему два ребра и сильно изуродовал его. — 24 июля в Олдеме погибла девушка, которую приводной ремень подхватил и перебросил пятьдесят раз, так что ни одна косточка не уцелела. — 27 июля в Манчестере девушка попала в трепальную машину (машина, производящая первичную обработку хлопка-сырца) и умерла от полученных ран. — 3 августа в Дакинфилде погиб подхваченный ремнём шпульный токарь: все рёбра оказались переломанными. — В манчестерской больнице перебывало за один только 1843 г. 962 человека, израненных и искалеченных машинами, между тем как других несчастных случаев больница зарегистрировала 2426, так что на пять несчастных случаев по другим причинам приходилось два несчастных случая, связанных с машинами. В это число не входят несчастные случаи, происшедшие в Солфорде, а также те, при которых помощь была оказана частными врачами.—При таких несчастных случаях, даже если они влекут за собой нетрудоспособность, фабриканты в лучшем случае оплачивают врачебную помощь и крайне редко выплачивают жалованье, пока длится лечение; куда денется рабочий, который уже не может работать, им до этого и дела нет.

Фабричный отчёт по этому поводу пишет, что во всех случаях ответственность следовало бы возлагать на фабриканта; ведь дети неспособны соблюдать меры предосторожности, а взрослые, разумеется, их соблюдают в своих же собственных

интересах. Но составляли отчёт буржуа, и потому они неизбежно сами себе противоречат и всячески разглагольствуют о «преступной неосторожности» (culpable temerity) рабочих. Это, конечно, ничего не меняет. Суть дела такова: раз дети не *могут* быть осторожными, значит, надо запретить труд детей; раз взрослые не *бывают* в достаточной степени осторожны, значит, либо они те же дети, т. е. стоят на такой ступени развития, которая не позволяет им понять всей грозящей им опасности, — а кто же виноват в этом, как не буржуазия, которая держит их в таком положении, что они не *могут* учиться и развиваться? — либо машины плохо устроены и их надо окружить барьерами и загородками, о чём, конечно, тоже должен был позаботиться буржуа, — либо рабочим руководят мотивы, более сильные, чем страх перед грозящей ему опасностью, — он должен работать быстро, чтобы заработать побольше денег, и у него нет времени быть осторожным и т. д., —и в этом случае тоже виноват буржуа. Многие несчастные случаи, например, происходят оттого, что рабочий начинает'чистить машину, когда она ещё на ходу. Почему же это? Потому, что буржуа заставляет рабочих чистить машины в нерабочее время, когда они стоят без движения, а рабочий, разумеется, вовсе не хочет, чтобы как-либо урезывали его свободное время. Каждый свободный час так дорог ему, что он предпочитает дважды в неделю подвергаться смертельной опасности, чем пожертвовать этот час буржуа. Заставьте фабриканта включить время, необходимое для чистки машин, в рабочее время, и ни одному рабочему уже в голову не придёт чистить машины на ходу. Одним словом, во всех несчастных случаях вина в конечном счёте падает на фабриканта, и самое меньшее, чего от него следовало бы требовать, это пожизненного обеспечения утратившего работоспособность рабочего, а в случае его смерти — обеспечения его семьи. На первых порах промышленного развития несчастные случаи бывали сравнительно гораздо чаще, чем теперь, потому что машины были хуже, меньше, размещались теснее и почти совсем не ограждались. Но, как показывают приведённые данные, число несчастных случаев всё ещё достаточно велико, чтобы заставить задуматься серьёзно над таким положением вещей, при котором, ради выгоды одного только класса, столько людей становятся калеками или увечными и столько трудолюбивых работников бывают осуждены на нужду и голод изза несчастного случая, постигшего их на службе буржуазии и по её вине.

Какую богатую коллекцию болезней создала эта отвратительная алчность буржуазии! Женщины, неспособные рожать,

дети-калеки, слабосильные мужчины, изуродованные члены, целые поколения, обречённые на гибель, изнурённые и хилые,—и всё это только для того, чтобы набивать карманы буржуазии! Когда же читаешь об отдельных случаях этой варварской жестокости, о том, как надсмотрщики вытаскивают раздетых детей из постели и побоями загоняют их на фабрику с одеждой в руках (например, Стюарт, стр. 39 и др.), как они кулаками разгоняют детский сон, как дети тем не менее засыпают за работой, как несчастный ребёнок, заснувший уже после остановки машины, при окрике надсмотрщика вскакивает и с закрытыми глазами проделывает обычные приёмы своей работы; когда читаешь о том, как дети, слишком утомлённые, чтобы уйти домой, забираются в сушильни и укладываются спать под шерстью, откуда их удаётся прогнать только ударами плётки; как сотни детей каждый вечер приходят домой настолько усталыми, что от сонливости и плохого аппетита уже не могут ужинать и родители находят их спящими на коленях у постелей, где они заснули во время молитвы; когда читаешь обо всём этом и о сотне других гнусностей и мерзостей, и читаешь об этом в отчёте, все показания которого даны под присягой и подтверждены многими свидетелями, пользующимися доверием самой комиссии, когда подумаешь, что сам этот отчёт — «либеральный», что это буржуазный отчёт, составленный для того, чтобы опровергнуть предшествовавшие отчёты тори и доказать чистосердечие фабрикантов, когда вспомнишь, что сами члены комиссии на стороне буржуазии и записывали все показания против собственной воли, то нельзя не возмущаться, нельзя не возненавидеть этот класс, который кичится своей гуманностью и самоотверженностью, между тем как его единственное стремление—любой ценой набить свой кошелёк. Послушаем, однако, что говорит сама буржуазия устами своего избранного прислужника д-ра Юра.

Этот господин пишет в своей «Философии фабрики» на стр. 277 и следующих, что рабочим наговорили, будто получаемое ими вознаграждение никак не соответствует тем жертвам, которые они приносят, и что это нарушило добрые отношения между хозяевами и рабочими. Лучше было бы, чтобы рабочие старались зарекомендовать себя прилежанием и добросовестным отношением к делу и радовались успехам своих хозяев, они тогда тоже могли бы стать надсмотрщиками, управляющими и, наконец, даже компаньонами благодаря чему (о, мудрость, ты воркуешь, как голубь!) «на рынке сразу увеличился бы спрос на рабочие руки»!! — «Если бы рабочие не были такими беспокойными, *развитие фабричной системы имело бы ещё более*

благотворные результаты». Затем следует длинная иеремиада о строптивости рабочих, а по поводу забастовки наиболее хорошо оплачиваемых рабочих — тонкопрядильщиков — высказывается следующая наивная сентенция:

«Да, именно высокая оплата их труда дала им возможность содержать на жаловании свой комитет и довела их до нервной гипертрофии вследствие слишком обильного и возбуждающего при такой работе питания!» (стр. 298).

Послушаем, как этот буржуа рисует детский труд:

«Я посетил много фабрик в Манчестере и его окрестностях и нигде не видел, чтобы с детьми дурно обращались или подвергали их телесным наказаниям; не видел я также детей угрюмых; все они казались *весёлыми* (cheerful), *оживлёнными, испытывающими удовлетворение* (taking pleasure) от лёгкого напряжения своих мышц и *наслаждающимися в полной мере* присущей их возрасту подвижностью. Зрелище производства далеко не возбуждало по мне печальных эмоций, а, напротив, всегда действовало на меня *ободряюще.* Было *наслаждением* (delightful) смотреть, с какой ловкостью они присучали порвавшиеся нити, когда каретка возвращалась, и наблюдать за ними в минуты их досуга, когда, поработав своими нежными пальчиками несколько секунд они *забавлялись,* принимая всевозможные положения, пока происходило вытягивание и наматывание ниток. Работа этих *проворных* (lively) *эльфов* казалась *забавой,* в которой они проявляли большую лёгкость благодаря навыку. Сознавая свою ловкость, они с удовольствием показывали её каждому посетителю. Усталости не было и следа: покинув фабрику, они на первой же площадке для игр начинают резвиться с живостью школьников, вырвавшихся из школы» (стр. 310).

(Ещё бы, как будто движение всех мышц не является непосредственной потребностью организма, онемевшего и ослабевшего за работой! Но автору следовало бы подождать, чтобы посмотреть, не исчезнет ли это кратковременное возбуждение уже через несколько минут. Кроме того автор ведь мог это видеть только в *обед,* после пяти- или шестичасового труда, а не *вечером!).*—Что касается здоровья рабочих, то, чтобы доказать его превосходное состояние, этот буржуа имеет беспредельную наглость ссылаться на отчёт 1833 г., который мы уже так много раз цитировали и приводили в выдержках. Отдельными, вырванными из контекста цитатами он пытается доказать, что среди рабочих не встречается и намёка на золотуху и — это совершенно верно — что фабричная система избавила их от всяких острых заболеваний (о том, что она зато наградила их всеми хроническими болезнями, автор, конечно, умалчивает). Чтобы понять бесстыдство, с которым почтенный Юр преподносит английской публике самую грубую ложь, надо знать, что отчёт состоит из трёх толстых фолиантов и откормленному английскому буржуа и в голову не придёт его штудировать. Послушаем ещё, что он говорит о фабричном законе

1833 г., изданном либеральной буржуазией и, как мы увидим ниже, налагающем на фабриканта лишь самые необходимые ограничения. Закон этот, и в частности обязательное школьное обучение, является, по его мнению, абсурдной и деспотической мерой, направленной против фабрикантов. Этот закон выбросил на улицу всех детей моложе 12 лет, и к чему это привело, спрашивает Юр? Отстранённые от своего лёгкого и полезного труда, дети не получают теперь никакого воспитания; *изгнанные из тёплого прядильного отделения в холодный мир,* они существуют только нищенством и воровством; по мнению Юра, эта жизнь представляет печальный контраст с их непрестанно улучшавшимся положением на фабрике и в воскресной школе! Под маской филантропии этот закон усугубляет страдания бедняков, сетует Юр, и будет крайне затруднять, если не остановит совсем, *добросовестного* фабриканта в его полезной деятельности (стр. 405, 406 и сл.).

Разрушительное влияние фабричной системы давно уже стало привлекать к себе всеобщее внимание. Закон об учениках 1802 г. уже упоминался здесь. Позднее, около 1817 г., фабрикант Роберт Оуэн из Нью-Ланарка (Шотландия), ставший впоследствии родоначальником английского социализма, начал посредством петиций и докладных записок доказывать правительству необходимость законодательной охраны здоровья рабочих и в особенности детей. К нему присоединились покойный сэр Р. Пиль и другие филантропы, и они последовательно добились фабричных законов 1819, 1825 и 1831 гг., из которых два первых совсем не соблюдались[108], а последний соблюдался лишь отчасти. Закон 1831 г., принятый на основе предложения сэра Дж. К. Хобхауза, запрещает использование на хлопчатобумажных фабриках рабочих моложе 21 года для работы ночью, т. е. между половиной восьмого вечера и половиной шестого утра; кроме того он устанавливает на всех фабриках для рабочих моложе 18 лет рабочее время не более 12 часов ежедневно и 9 часов по субботам. Но рабочие не могли давать показаний против своих хозяев, не подвергаясь опасности увольнения, и потому закон принёс мало пользы. В больших городах, где рабочие были менее покладистыми, наиболее крупные фабриканты приняли совместное решение подчиниться закону, но даже здесь оказалось немало таких, которые, по примеру фабрикантов в сельских местностях, вовсе с ним не считались. Между тем среди рабочих распространилось требование десятичасового билля, т. е. закона, запрещающего заставлять молодых людей моложе 18 лет работать на фабриках больше 10 часов в день. Рабочие союзы путём агитации превратили

это требование в общее требование всего фабричного населения, а филантропические элементы партии тори, возглавляемые в то время Майклом Садлером, подхватили этот план и внесли его на обсуждение в парламент. Садлер добился назначения парламентской комиссии для обследования фабричной системы, и эта комиссия представила свой отчёт в парламентскую сессию 1832 года. Это был определённо пристрастный отчёт, составленный в партийных интересах откровенными врагами фабричной системы. В своём благородном увлечении Садлер дошёл до самых необоснованных и неверных утверждений; самой манерой ставить вопрос он добивался у свидетелей ответов, которые если и не были ложными, то выражали истину в извращённом, подтасованном виде. Фабриканты, в ужасе от отчёта, который изображал их извергами, сами просили назначить официальное обследование; они понимали, что *теперь* правдивый отчёт мог принести им только пользу; они знали, что у кормила власти стоят благосклонно к ним настроенные виги, настоящие буржуа, принципы которых не допускали ограничения промышленности. И действительно они добились назначения комиссии из одних либеральных буржуа; отчёт этой комиссии и является тем самым отчётом, на который я здесь так часто ссылаюсь. Этот отчёт *несколько* более, чем отчёт комиссии Садлера, близок к истине, но он отклоняется от неё в противоположном направлении. На каждой его странице сквозит симпатия к фабрикантам, недоверие к отчёту Садлера, враждебность к самостоятельным выступлениям рабочих и к сторонникам десятичасового билля. Нигде не встретишь признания права рабочих на человеческое существование, на независимую деятельность и собственные суждения. Он *упрекает* рабочих в том, что, агитируя за десятичасовой билль, они думали не только о детях, но и о самих себе, называет рабочих агитаторов демагогами, злонамеренными, коварными людьми и т. п., одним словом, все симпатии его на стороне буржуазии. И тем не менее ему не удаётся обелить фабрикантов; по его же признанию, такое множество гнусных дел остаётся на совести фабрикантов, что даже после этого отчёта агитация в пользу десятичасового билля, гнев рабочих против фабрикантов и самые резкие выражения комиссии Садлера о последних должны быть признаны вполне справедливыми. Вся разница заключается в том, что отчёт Садлера обвинял фабрикантов в жестокости откровенной, неприкрашенной, а тут обнаружилось, что эта жестокость скрывается большей частью под маской цивилизации и человечности. Ведь д-р Хокинс, врач, обследовавший Ланкашир по поручению комиссии, сам решительно высказался за десятичасовой билль

в первых же строках своего доклада! А член комиссии Макинтош сам заявляет, что его доклад не раскрывает всей правды, так как очень трудно убедить рабочих давать показания против хозяев, а фабриканты, и без того вынужденные проявлять больше уступчивости вследствие возбуждённого состояния рабочих, часто готовились к посещению комиссии, производили уборку фабрики, сокращали скорость движения машин и т. п. В Ланкашире, в частности, они применяли такую уловку: они представляли комиссии, под видом «рабочих», своих надсмотрщиков, которые распространялись о гуманности фабрикантов, о благотворном влиянии труда на здоровье, о равнодушии и даже отвращении рабочих к десятичасовому биллю. Но эти надсмотрщики — уже не настоящие рабочие, это дезертиры своего класса, которые за более высокую заработную плату продали свои услуги буржуазии и борются против рабочих в интересах капиталистов. Их интересы совпадают с интересами буржуазии, и поэтому они чуть ли не более ненавистны рабочим, чем сами фабриканты. И при всём том отчёт вполне достаточно показывает возмутительное, бессердечное отношение промышленной буржуазии к рабочим, показывает всю подлую систему промышленной эксплуатации во всей её бесчеловечности. Что может вызвать большее возмущение, чем ярко выступающий на страницах этого отчёта контраст между длинным перечнем болезней и уродств, вызванных чрезмерной работой, и холодной, расчётливой политической экономией фабриканта, пытающегося доказать с цифрами в руках, что он, а вместе с ним и вся Англия, неизбежно разорится, если ему впредь не будет разрешено ежегодно превращать в калек столько-то детей! Большее возмущение могли вызвать разве только цитированные мной выше бесстыдные разглагольствования г-на Юра, если бы они не были так смехотворны.

Следствием этого отчёта явился фабричный закон 1833 г.; он запретил применять труд детей моложе 9 лет (за исключением шёлковых фабрик), установил рабочее время для детей от 9 до 13 лет в 48 часов в неделю или не более девяти часов в день, а рабочее время для подростков от 14 до 18 лет в 69 часов в неделю, или не более двенадцати часов в день, ввёл обязательные перерывы для еды общей продолжительностью не менее полутора часов в день и подтвердил запрещение ночного труда для всех рабочих и работниц моложе 18 лет. Одновременно вводилось обязательное посещение школы в течение двух часов в день для всех детей моложе 14 лет, причём фабриканту под угрозой штрафа запрещалось принимать на работу детей без справки от фабричного врача о возрасте

ребёнка и без справки от учителя о посещении им школы. За это фабрикант получал право еженедельно удерживать из заработной платы ребёнка 1 пенни на оплату учителя. Кроме того были назначены фабричные врачи и инспектора, которым предоставлялось право во всякое время являться на фабрику, брать у рабочих показания под присягой и вменялось в обязанность, в случае нарушения закона, возбуждать жалобу против фабриканта перед мировым судьёй. Вот закон, по поводу которого д-р Юр разразился такой безудержной бранью!

Результатом закона, и в частности назначения инспекторов, было сокращение рабочего дня в среднем до 12—13 часов и замена детей взрослыми по мере возможности. Тем самым были почти полностью устранены некоторые из наиболее вопиющих злоупотреблений. Уродства стали появляться лишь при крайне ослабленном организме, и последствия фабричного труда стали вообще обнаруживаться менее резко. При всём том можно найти в фабричном отчёте достаточные доказательства того, что менее серьёзные недомогания, как отёки ног, слабость и боли в ногах, в пояснице и в позвоночнике, расширение вен, язвы на конечностях, общая слабость, в особенности слабый желудок, склонность к рвоте, отсутствие аппетита, сменяющееся неестественным чувством голода, дурное пищеварение, ипохондрия, а также различные лёгочные заболевания, вызываемые пылью и дурным воздухом фабрик, и т. д. и т. д. встречались также и на тех фабриках и у тех рабочих, которые работали в соответствии с законом сэра Дж. К. Хобхауза, т. е. 12, самое большее 13 часов. Особенно показательны в этом отношении отчёты о фабриках в Глазго и Манчестере. Эти заболевания не исчезли и после введения в действие закона в 1834 г. и продолжают и до настоящего времени подрывать здоровье рабочего класса. Позаботились лишь о том, чтобы грубая жажда прибыли буржуазии приняла лицемерно-культурные формы, чтобы фабриканты, удерживаемые 'законом от слишком откровенных низостей, получили тем больше мнимых оснований самодовольно кичиться своей якобы гуманностью — вот и всё. Будь сегодня назначена новая комиссия для обследования фабрик, она нашла бы, что псе по большей части осталось постарому. Что же касается изданного без предварительной подготовки распоряжения об обязательном посещении школы, то оно не имело никакого действия, так как правительство не позаботилось одновременно о создании хороших школ. Фабриканты нанимали потерявших трудоспособность рабочих и посылали к ним детей ежедневно на два часа: буква закона была соблюдена, но дети ничему

не учились. — Даже отчёты фабричных инспекторов, хотя последние и ограничивались только прямым исполнением своих обязанностей, а именно контролем за соблюдением фабричного закона, дают достаточно данных, доказывающих, что дальнейшее существование всех упомянутых выше зол неизбежно. В своих отчётах за октябрь и декабрь 1843 г. инспектора Хорнер и Сандерс сообщают, что в тех отраслях, где можно обойтись без детского труда или заменить его трудом остававшихся иначе без работы взрослых, многие фабриканты заставляют работать 14—16 часов и более. Здесь работает особенно много молодых людей, едва вышедших из охраняемого законом возраста. Другие фабриканты прямо нарушают закон, сокращая перерывы, заставляя детей работать дольше, чем это разрешается; угроза судебного преследования их не останавливает, так как штраф, которому они могут подвергнуться, очень ничтожен по сравнению с теми выгодами, которые доставляет нарушение закона. Соблазн особенно велик теперь, когда дела идут так хорошо.

Среди рабочих агитация за десятичасовой билль, однако, не прекращалась. В 1839 г. она вновь разгорелась, и место покойного Садлера занял в палате общин лорд Эшли, а вне палаты Ричард Остлер — оба тори. Остлер, постоянно агитировавший в рабочих округах и известный там ещё во времена Садлера, был особенно любим рабочими. Они называли его не иначе, как своим «добрым старым королём», «королём фабричных детей»; во всех фабричных районах нет ни одного ребёнка, который бы не знал и не почитал бы его и не отправился бы вместе с толпой других встречать его, когда он приезжает в город. Остлер также энергично боролся против нового закона о бедных, за что был засажен в долговую тюрьму неким Торнхиллом, вигом, в имении которого он был управляющим и которому он задолжал некоторую сумму. Виги неоднократно предлагали ему уплатить его долги и вообще взять его под своё покровительство, если он прекратит свои нападки на закон о бедных. Тщетные усилия! Он оставался в тюрьме и оттуда рассылал свои еженедельные «Fleet papers»[109], направленные против фабричной системы и закона о бедных.

Пришедшее к власти в 1841 г. правительство тори снова обратило своё внимание на фабричные законы. Министр внутренних дел сэр Джемс Грехем в 1843 г. внёс билль, который предлагал ограничить рабочее время детей $6^1/_2$ часами и усилить требование обязательного посещения школы; но главным пунктом в этом билле было требование устройства лучших школ. Этот билль, однако, потерпел поражение из-за

религиозного фанатизма диссентеров—противников официальной церкви: хотя для детей диссентеров обязательное обучение не распространялось на религиозное обучение, школы всё же были поставлены под надзор официальной церкви, и так как библия являлась общепринятой книгой для чтения и религия тем самым делалась основой всего обучения, то диссентеры усмотрели для себя в этом опасность. Фабриканты и вообще либералы их поддержали, рабочие были разделены церковной распрей и потому остались безучастными, и хотя оппозиция против билля не нашла поддержки в больших фабричных городах, как, например, в Солфорде и Стокпорте, хотя она в других городах, например, в Манчестере, из боязни перед рабочими решалась нападать только на некоторые пункты билля, всё же она собрала под своей петицией около двух миллионов подписей, и это так напугало Грехема, что он взял свой билль обратно. На следующий год Грехом отказался от всех пунктов, касавшихся школ, и предложил, вместо прежних предписаний, ограничить рабочее время детей с *восьми* до тринадцати лет $6^1/_2$ часами в день, притом так, чтобы у них оставалось совершенно свободным или дообеденное или послеобеденное время; рабочее время подростков от 13 до 18 лет, а также всех женщин, он предложил ограничить 12 часами и кроме того ввести некоторые ограничения, которые сделали бы невозможным столь частый в то время обход закона. Едва только он выступил с этим предложением, как агитация за десятичасовой рабочий день возобновилась с новой силой. Остлер был освобождён из тюрьмы; благодаря некоторым его друзьям и подписке, проведённой среди рабочих, долги его были уплачены, и он целиком отдался движению. Число сторонников десятичасового билля в палате общин возросло, масса петиций, поступавших со всех сторон, доставляла ему новых сторонников, и 19 марта 1844 г. лорд Эшли большинством в 179 голосов против 170 добился постановления, чтобы слово «ночь» в фабричном билле понималось как время между шестью часами вечера и шестью часами утра; тем самым в силу запрещения ночной работы рабочий день, включая перерыв, не мог превышать двенадцати часов, а не считая перерыва — фактически ограничивался десятью часами. Но министерство на это не согласилось. Сэр Джеме Грехем стал грозить отставкой кабинета, и при следующем голосовании одного из параграфов билля палата незначительным большинством голосов отвергла как десяти-, так и двенадцатичасовой рабочий день! После этого Грехем и Пиль заявили, что они внесут новый билль, и если он не пройдёт, они выйдут в отставку. Новый билль был тем же старым

двенадцатичасовым биллем, только в изменённой форме, и та же палата, которая в марте отвергла его в главных пунктах, теперь, в мае, приняла его без всяких изменений! Произошло это потому, что большинство сторонников десятичасового билля были тори, которые предпочитали провал билля провалу министерства. Но каковы бы ни были причины этих противоречивых, взаимно исключающих друг друга голосований, палата общин только дискредитировала себя ими в глазах всех рабочих, и необходимость реформы этой палаты, которой добивались чартисты, получила блестящее подтверждение. Три члена палаты, ранее голосовавшие против министерства, теперь голосовали за министерство и тем спасли его. При всех голосованиях оппозиция в массе голосовала *за* министерство, а правительственная партия— *против*[*]. Таким образом, предложение Грехема о $6^1/_2$ и 12-часовом рабочем дне для двух категорий рабочих получило силу закона, и благодаря этому, а также благодаря ограничению отработки за простои (в случае поломки машины или недостаточной силы воды во время засухи или мороза) и некоторым другим, менее важным ограничениям, рабочий день, превышающий 12 часов, стал почти невозможным. Не подлежит, однако, сомнению, что в очень скором времени пройдёт и десятичасовой билль. Фабриканты, разумеется, почти все против него; вряд ли среди них найдётся десяток его сторонников; они употребили все честные и нечестные средства против этого ненавистного им билля, но это им не поможет, а только ещё больше увеличит ненависть к ним рабочих. Билль пройдёт, несмотря ни на что. Чего рабочие *захотят,* того они могут добиться, а минувшей весной они доказали, что действительно хотят десятичасового билля. Политико-экономические аргументы фабрикантов, что десятичасовой билль увеличит издержки производства, что тем самым английская промышленность станет неспособной бороться с иностранной конкуренцией, что заработная плата из-за этого непременно понизится и т. п., конечно, *наполовину верны,* но это лишь доказывает, что промышленная мощь Англии держится только на варварском обращении с рабочими, на разрушении здоровья, на пренебрежении к социальному, физическому и духовному развитию целых поколений. Разумеется, если бы дело не пошло дальше десятичасового билля, Англии грозило бы разорение; но поскольку он неизбежно влечёт за собой другие мероприятия,

---

[*] В ту же сессию палата общин, как известно, ещё раз оскандалилась при обсуждении вопроса о сахаре, высказавшись сначала против министерства, а потом, после применения «правительственного кнута», — за него.

которые должны направить Англию на совершенно иной путь, чем тот, по которому она до сих пор шла, этот билль означает шаг вперёд.

Обратимся теперь к другой стороне фабричной системы, последствия которой труднее устранить посредством законодательного вмешательства, чем обусловливаемые этой системой болезни. Мы уже говорили в общем о характере работы на фабрике и говорили достаточно исчерпывающе, чтобы из сказанного можно было сделать дальнейшие выводы. Наблюдать за машиной, связывать оборвавшуюся нить — это не такая деятельность, которая может занять ум рабочего, но в то же время она такого свойства, что мешает ему думать о другом. Мы видели также, что труд этот не требует напряжения мускулов, не даёт простора физической деятельности. Таким образом, это не настоящий труд, а сплошное однообразие — самое убийственное, самое утомительное, что только можно придумать. Фабричный рабочий осуждён губить в этом однообразии все свои физические и духовные силы; его призвание—с восьмилетнего возраста томиться от скуки целыми днями. К тому же ему нельзя отвлечься ни на одну минуту: паровая машина работает целый день, колёса, ремни и веретёна непрерывно гудят и стучат у него над ухом, и если он хочет хоть минуту передохнуть, у него за спиной немедленно появляется надсмотрщик со штрафной книгой. Неумолимая необходимость — заживо похоронить себя на фабрике, неотрывно следить за неутомимой машиной, является тягчайшей пыткой для рабочих. Она действует самым отупляющим и ослабляющим образом как на тело, так и на душу рабочего. Действительно, трудно придумать что-либо более отупляющее, чем фабричный труд, и если тем не менее фабричные рабочие не только сохранили рассудок, но даже развили его больше, чем остальные, они смогли это сделать, только восставая против своей судьбы и против буржуазии; это было единственное чувство, единственная мысль, которые не оставляли их и во время работы. Рабочие, у которых это негодование против буржуазии не становится преобладающим чувством, неизбежно обречены на пьянство и вообще на всё то, что обычно называют деморализацией. Одного упадка физических сил и вызываемых фабричной системой болезней достаточно, по мнению члена официальной комиссии Хокинса, для того чтобы сделать неизбежной деморализацию. Но тем более она должна быть неизбежной, если сюда присоединяются ещё упадок духовных сил и все те перечисленные выше обстоятельство, которые влияют деморализующим образом на *каждого* рабочего! Поэтому нет ничего удивительного и в том, что именно

в фабричных городах пьянство и разврат достигли размеров, описанных нами выше*.

Дальше. Цепи рабства, которыми буржуазия сковала пролетариат, нигде не выступают так ясно, как в фабричной системе. Здесь исчезает юридически и фактически всякая свобода. В половине шестого утра рабочий должен быть на фабрике. Если он опаздывает на несколько минут, его ждёт штраф, а если он опаздывает на десять минут, его уже не пропускают, пока не кончится перерыв на завтрак, и он теряет заработную плату за четверть дня (хотя он не работал только $2^1/_2$ часа из двенадцатичасового рабочего дня). Он должен есть, пить и спать по команде. Для удовлетворения самых насущных потребностей ему даётся лишь минимально необходимое время. Фабриканту нет дела до того, живёт ли рабочий на расстоянии получаса ходьбы от фабрики или целого часа. Деспотический колокол отрывает его от сна, от завтрака, от обеда.

А что делается на самой фабрике? Здесь фабрикант — абсолютный законодатель. Он издаёт фабричные правила, как ему заблагорассудится; он изменяет и дополняет свой кодекс, как ему вздумается; и хотя бы он внёс в этот кодекс полную бессмыслицу, суды говорят рабочему:

«Вы же сами себе хозяева, не надо было заключать такой договор, если вам это не нравилось; теперь же, поскольку вы добровольно его заключили, вы обязаны его выполнять».

Так рабочий ко всему ещё должен терпеть издевательства мирового судьи, который сам принадлежит к буржуазии, и издевательства закона, изданного той же буржуазией. Такие решения судей довольно частое явление. В октябре 1844 г. рабочие на фабрике Кенниди в Манчестере забастовали. Фабрикант подал на них жалобу, ссылаясь на вывешенное на фабрике правило, что более двух человек из одной мастерской не имеют

* Послушаем ещё, что пишет компетентный судья: «Если к дурному влиянию ирландцев прибавить непрерывный труд всей массы рабочих, занятых в хлопчатобумажной промышленности, то царящая среди них ужасная деморализация покажется нам гораздо менее удивительной. Постоянный изнурительный труд изо дня в день, из года в год не может содействовать развитию интеллектуальных и нравственных способностей человека. Унылое однообразие бесконечной муки труда (drudgery), при котором всё снова и снова совершается один и тот же механический процесс, похоже на муки Сизифа: тяжесть труда, подобно огромному камню, всё снова и снова падает на изнурённого рабочего. При постоянной работе одних и тех же мышц, ум не приобретает ни знаний, ни способности мыслить; сознание всё более и более притупляется, но зато пышно развивается грубая сторона человеческой природы. Обрекать человека на такой труд значит развивать в нём животные наклонности. Он становится равнодушным ко всему, отвергает свойственные его природе нравственные стремления. Он пренебрегает удобствами и более утончёнными радостями жизни, живёт в грязи и нищете, скудно питается и тратит последний свой заработок на разные излишества» (д-р Дж. Ф. Кей, там же).

права сразу отказаться от работы! Судья признал правоту фабриканта, а рабочим дал вышеприведённый ответ («Manchester Guardian», 30 октября). Каковы бывают фабричные правила—судите сами: 1) ворота фабрики закрываются через десять минут после начала работы, и до завтрака никто не впускается; отсутствовавший в это время платит по 3 пенса штрафа с каждого обслуживаемого им станка; 2) в остальное время ткач (при механическом станке), не оказавшийся на месте, пока машина была на ходу, платит 3 пенса штрафа за каждый час с каждого находящегося под его наблюдением станка; кто в рабочее время отлучился из мастерской без разрешения надсмотрщика, тоже платит штраф в 3 пенса; 3) ткач, не имеющий при себе ножниц, платит 1 пенни штрафа за день; 4) ткач платит за все сломанные челноки, щётки, маслёнки, колёса, за все разбитые окна и т. п.; 5) ткач не может бросить работы, не *предупредив об этом за неделю вперёд;* фабрикант может *без предупреждения* рассчитать любого рабочего за плохую работу или неподобающее поведение; 6) рабочий, уличённый в том, что он *разговаривал, пел* или *свистел,* платит 6 пенсов штрафа; кто во время работы отошёл от своего рабочего места, тоже платит 6 пенсов штрафа*.—У меня под рукой есть ещё другой образец фабричных правил, по которым с опоздавшего на три минуты удерживается плата за четверть часа, а с опоздавшего на двадцать минут — плата за четверть рабочего дня; кто отсутствовал до самого завтрака, платит по понедельникам 1 шиллинг, а в остальные дни по 6 пенсов штрафа и т. д. Таковы правила, принятые на предприятии Феникс на Джерси-стрит в Манчестере. — Мне возразят, что такого рода правила необходимы для обеспечения на крупной благоустроенной фабрике должной согласованности различных манипуляций, что такая строгая дисциплина здесь не менее необходима, чем в армии. Пусть так, отвечу я, но что же это за социальный строй, который без такой позорной тирании не может существовать? Одно из двух: или цель оправдывает средства, или низменность средств доказывает низменность цели. Кто был солдатом, тот знает, что значит хотя бы короткое время подчиняться военной дисциплине. А эти рабочие обречены на то, чтобы с девятилетнего возраста до самой смерти физически и духовно жить под палкой. Они в большей степени рабы, чем чернокожие в Америке, потому что они находятся под более строгим надзором. И при всём том от них ещё требуют, чтобы они жили, мыслили и чувствовали по-человечески! Воистину они могут прийти к этому

* «Неопровержимые факты», стр. 9 и сл.

только через самую жгучую ненависть к своим угнетателям и к тому порядку вещей, который низводит их до такого положения и превращает их в машины! Но, пожалуй, ещё более позорно то, что по *всеобщему* свидетельству рабочих многие фабриканты с самой бессердечной строгостью взыскивают с рабочих наложенные на них денежные штрафы, чтобы увеличить свою прибыль за счёт грошей, вырванных у неимущих пролетариев. По утверждению Лича, рабочие, приходя на фабрику утром, нередко обнаруживают, что фабричные часы передвинуты на четверть часа вперёд, вследствие чего двери оказываются закрытыми и конторщик со штрафной книгой уже обходит мастерские, записывая огромное число отсутствующих. Лич однажды сам насчитал 95 рабочих, стоявших перед запертыми воротами фабрики; на этой фабрике часы вечером *отставали* на четверть часа, а утром уходили на четверть часа *вперёд* по сравнению с городскими часами. Такие же случаи изложены и в фабричном отчёте. На одной фабрике часы во время работы передвигались назад, так что работа продолжалась дольше положенного времени, но рабочие ничего за это не получали. На другой фабрике просто работали лишние четверть часа. На третьей фабрике имелись обыкновенные часы и машинные часы, показывающие число оборотов главного вала; если вал вращался медленно, то работа велась по машинным часам и продолжалась до тех пор, пока не было сделано число оборотов, соответствующее по расчётам двенадцати часам. Если же работа шла бойко и рассчитанное число оборотов совершалось в меньший срок, рабочие всё равно должны были отработать полные двенадцать часов. Свидетель добавляет, что он знал некоторых девушек, которые имели хороший заработок и сверхурочные работы и всё же предпочли проституцию этой тирании (приведено Дринкуотером, документы, стр. 80).— Вернёмся, однако, к денежным штрафам. Лич рассказывает, что ему не раз случалось видеть, как женщины в последнем периоде беременности подвергались штрафу в 6 пенсов за то, что они на минуту присаживались во время работы. — Штрафы за плохую работу совсем произвольны. Товар осматривается на складе, и заведующий складом записывает штрафы, *даже не вызывая рабочего;* последний узнаёт о том, что его оштрафовали, лишь когда надсмотрщик уплачивает ему заработную плату, а товар, возможно, уже продан или во всяком случае убран. Лич ссылается на такой список штрафов, общей длиной в десять футов, итог которого составляет 35 ф. ст. 17 шилл. 10 пенсов. По словам Лича, на фабрике, где составлялся этот список, новый заведующий складом был уволен за то, что недостаточно штрафовал и этим еженедельно

уменьшал доход фабриканта на 5 ф. ст. (34 талера). («Неопровержимые факты», стр. 13—17.) Повторяю ещё раз, что я считаю Лича человеком вполне заслуживающим доверия и не способным на ложь.

Но и помимо этого рабочий — раб своего хозяина. Если жена или дочь рабочего понравилась богатому хозяину, ему стоит лишь распорядиться, лишь кивнуть, и она не может ему противиться. Если фабриканту нужно покрыть подписями петицию в защиту интересов буржуазии, ему достаточно послать её на свою фабрику. Если он хочет провести кого-нибудь в парламент, он посылает голосовать всех своих рабочих, имеющих право голоса, и — хотят они этого или нет — они должны голосовать за буржуа. Если он хочет добиться большинства в публичном собрании, он отпускает своих рабочих на полчаса раньше обычного, приготовив им заранее места возле самой трибуны, где он может хорошо следить за ними.

Есть ещё два приёма, особенно сильно способствующие порабощению рабочих фабрикантами, — *truck-system* и *cottage-system.* Словом truck рабочие обозначают оплату труда товарами, и этот способ оплаты был раньше общепринятым в Англии. «Для удобства рабочих и чтобы оградить их от высоких цен, назначаемых лавочниками», фабрикант держал лавку, в которой от его имени велась торговля всевозможными товарами, а для того, чтобы рабочий не шёл в другую лавку, где можно было бы купить дешевле, ибо цены в tommy-shop* обычно бывали на 25—30% выше, чем в других местах, ему вместо денег в счёт жалованья выдавали чек на фабричную лавку. Всеобщее негодование по поводу этой позорной системы побудило в 1831 г. издать Truck Act, по которому оплата товарами для большей части рабочих объявляется недействительной и незаконной и за неё налагается штраф. Однако этот закон, как и большинство английских законов, получил фактическую силу лишь в отдельных местах. В городах его, конечно, соблюдают довольно точно, но в сельских местностях старая система ещё в полной мере применяется прямо или косвенно. Очень распространена она также в городе Лестере. У меня перед глазами с десяток судебных приговоров, вынесенных по этому поводу за время с ноября 1843 г. по июнь 1844 г. и опубликованных частью в «Manchester Guardian», частью в «Northern Star»[110]. Само собой разумеется, в настоящее время эта система так открыто не применяется; рабочий получает большей частью свои деньги наличными, но у фабриканта всё же остаётся до-

* — фабричной лавке. *Ред.*

статочно средств, чтобы заставить его покупать товары в фабричной лавке, а не в другом месте. Вот почему теперь трудно изобличить такого фабриканта; он может обделывать свои преступные делишки под охраной закона, если только он выдал деньги рабочему на руки. В газете «Northern Star» от 27 апреля 1844 г. было напечатано письмо рабочего из Холмферта близ Хаддерсфилда в Йоркшире. В этом письме речь идёт о фабриканте Бауерсе.

«Прямо поражаешься, как эта проклятая оплата товарами может существовать в таких размерах, какие она приняла в Холмферте, и ни у кого не хватает смелости положить конец этим злоупотреблениям. Здесь страдает от этой проклятой системы огромное множество честных ручных ткачей. Вот образец деятельности великодушной фритредерской клики* — один из многих образцов. Здесь есть фабрикант, которого вся окрестность проклинает за его возмутительное обращение с бедными ткачами. За кусок, стоящий 34—36 шилл., он даёт только 20 шилл. деньгами, а в счёт остальных отпускает сукно или готовое платье, назначая цену за него на 40—50% выше чем у других купцов. А часто эти товары бывают ещё гнилыми. Но фритредерский «Mercury»** говорит: они не обязаны принимать товары, это вполне зависит от их воли. О да, но они должны их брать, если не хотят умереть с голоду. Если они хотят получить деньгами больше 20 шилл., им приходится ждать 8—14 дней, пока они получат основу; если же они берут 20 шилл. и товары, то основа всегда к их услугам. Такова свобода торговли. Лорд Брум говорит, что мы должны кое-что откладывать в молодые годы, дабы на старости лет не прибегать к помощи кассы для бедных. Не откладывать ли нам эти гнилые товары? Если бы этот совет исходил не от лорда, можно было бы подумать, что у этого человека мозг так же подгнил, как товары, которыми оплачивается наш труд. Когда стали незаконно появляться газеты, не уплачивавшие штемпельного сбора, нашлось множество людей, доносивших об этом полиции в Холмферте, были Блайты, Иствуды и другие, а где они теперь? Сейчас, конечно, дело другое: наш фабрикант принадлежит к числу благочестивых фритредеров: он два раза ходит в церковь по воскресеньям и с большим усердием повторяет за священником; «Мы не делали того, что должны были делать, и делали то, чего не следовало делать, и для нас нет спасения; но помилуй нас, всеблагий господи» (слова англиканской молитвы). «Да, помилуй нас до завтра, и мы снова заплатим нашим ткачам гнилыми товарами».

Система коттеджей на первый взгляд выглядит гораздо более безобидно и возникла она гораздо более безобидным образом, хотя и порабощает рабочего не менее, чем оплата товарами. В сельских местностях часто не оказывается жилищ для рабочих вблизи от фабрики. Фабриканту поэтому нередко приходится строить эти жилища, что он делает очень охотно, так **как** они приносят ему большую прибыль на затраченный капитал. Если вообще владелец рабочих квартир получает со своего

* — сторонников Лиги против хлебных законов.
** «Leeds Mercury» — буржуазно-радикальная газета.

капитала 6% ежегодно, то можно считать, что фабриканту они приносят вдвое больше; ведь пока его фабрика не остановилась, у него всегда есть жильцы, притом жильцы, платящие аккуратно. Он, таким образом, застрахован от двух главных потерь, которые могут постигнуть других домовладельцев: коттеджи его никогда не пустуют, он не рискует, что ему не заплатят. Но квартирная плата обыкновенно рассчитана так, чтобы покрыть эти возможные убытки, и поэтому, если фабрикант взимает ту же плату, что и остальные владельцы, он получает со вложенного капитала 12—14% и делает очень выгодное дело за счёт своих рабочих. Конечно, несправедливо, что фабрикант, сдавая в наём дома для рабочих, извлекает из этого большую, вдвое большую выгоду, чем его конкуренты, которых он к тому же лишает всякой возможности конкурировать с ним. Однако вдвойне несправедливо, что он извлекает эту выгоду из карманов неимущего класса, которому дорог каждый грош; но *для фабриканта* это дело привычное: ведь всё своё богатство он создал за счёт своих рабочих. Но эта несправедливость становится подлостью, когда фабрикант, как это нередко случается, заставляет рабочих, которые *вынуждены* жить в принадлежащих ему домах под страхом расчёта, платить за квартиру больше обычного или даже оплачивать квартиру, в которой они вовсе не живут! Либеральная газета «Sun»*, ссылаясь на газету «Halifax Guardian», утверждает, что в городах Аштон-андер-Лайн, Олдем, Рочдейл и других многие фабриканты заставляют сотни своих рабочих платить за коттеджи независимо от того, живут они в них или нет. Система коттеджей широко распространена на фабриках, расположенных в сельских местностях; она вызвала к жизни целые посёлки и в большинстве случаев, так как у фабриканта мало или вовсе нет конкурентов, ему вовсе не приходится сообразовывать квартирную плату, которую он берёт, с существующими ценами, и он может запрашивать сколько хочет. А какую власть даёт эта система фабриканту при столкновениях с рабочими! Как только рабочие начинают бастовать, фабрикант отказывает им от квартиры, а срок, в течение которого они обязаны выехать, — одна неделя. По истечении этого срока рабочие остаются не только без хлеба, но и без крова, превращаются в бродяг, которых по закону можно безжалостно отправить на месяц в тюрьму.

Такова фабричная система! Я стремился описать её настолько подробно, насколько мне позволяли размеры книги, и настолько

* «Sun» (лондонская ежедневная газета), конец ноября 1844 года.

беспристрастно, насколько возможно было это сделать, описывая геройские деяния буржуазии в её борьбе с беззащитными рабочими, — деяния, говоря о которых нельзя оставаться равнодушным, так как равнодушие было бы преступлением. Сравним же положение свободного англичанина в 1845 г. с положением крепостного сакса под игом норманского барона в 1145 году. Крепостной был glebae adscriptus, прикреплён к земле; свободный рабочий тоже к ней прикреплён—системой коттеджей. Крепостной обязан был предоставлять господину jus primae noctis, право первой ночи; свободный рабочий обязан предоставлять своему хозяину право не только первой, но и *каждой* ночи. Крепостной не имел права обзаводиться собственностью, и всё, что он имел, могло быть отнято у него помещиком; свободный рабочий тоже не имеет собственности и не может ею обзавестись вследствие конкуренции. Фабрикант позволяет себе делать то, чего не делал даже норманн; посредством системы оплаты товарами он ежедневно посягает на то, что предназначено непосредственно для поддержания жизни рабочего. Отношение крепостного к помещику регулировалось законами, которые соблюдались потому, что соответствовали обычаям, регулировалось также и самими обычаями; отношение свободного рабочего к его господину тоже регулируется законами, но такими, которые *не* соблюдаются, потому что не соответствуют ни обычаям, ни интересам хозяина. Помещик не мог оторвать крепостного от земли, не мог его продать без земли, а так как почти вся земля была неотчуждаемой и капитала не было, то помещик вообще не мог продать крепостного; современная буржуазия заставляет рабочего продавать самого себя. Крепостной был рабом участка земли, на которой он родился; рабочий — раб самых насущных жизненных потребностей и денег, при помощи которых он их может удовлетворить: оба они рабы *вещей.* Существование крепостного обеспечивалось феодальным общественным строем, в котором каждый имел своё определённое место; свободному рабочему не обеспечивается ничего, ибо он лишь тогда занимает определённое место в обществе, когда он нужен буржуазии, а в противном случае его игнорируют, как будто его и на свете нет. Крепостной отдаёт свою жизнь господину во время войны, фабричный рабочий — в мирное время. Хозяин крепостного был варваром и смотрел на крепостного, как на скотину; хозяин рабочего цивилизован и смотрит на рабочего, как на машину. Одним словом, положение и того и другого приблизительно одинаково и если кому-нибудь из двух и приходится хуже, то, разумеется, свободному рабочему. Рабы они оба, но только рабство первого — без

лицемерия, явное, откровенное, а рабство второго — лицемерно и хитро скрыто от него самого и от всех остальных, это теологическое рабство, которое хуже чем старое крепостничество. Тори-филантропы были правы, называя фабричных рабочих white slaves, белыми рабами. Но это лицемерно скрытое рабство признаёт, хотя бы на словах, право на свободу; оно склоняется перед свободолюбивым общественным мнением; и в этом заключается исторический прогресс по сравнению со старым рабством: признан, по крайней мере, *принцип* свободы, а угнетённые уже сами позаботятся о том, чтобы этот принцип был проведён в жизнь.

В заключение приведу несколько строф из стихотворения, выражающего взгляд самих рабочих на фабричную систему. Оно написано Эдуардом П. Мидом из Бирмингема и верно передаёт господствующее среди рабочих настроение[111].

Есть на свете король — не из сказки король,
Тот румян, добродушен и стар.
Этот зол и суров, губит белых рабов.
Беспощадный король этот — Пар.

Хоть рука у тирана всего лишь одна,
Но владеет он силой такой,
Что сметает народы, крушит племена
Раскалённой железной рукой.

Он, как Молох — его прародитель — царит,
Сеет горе и ужас окрест,
А внутри его пламя, бушуя, горит
И детей человеческих ест.

Шайка жадных жрецов, — как и он, голодна, —
Управляет железной рукой.
Золотые червонцы чеканит она
Из накопленной крови людской.

Человеческих прав все основы поправ,
Эти люди не знают стыда.
Им смешон матерей умирающих стон,
Им отцовские слезы — вода.

Точно музыка, вздохи ласкают им слух,
Скрежет голода тешит сердца.
Груды мёртвых костей стариков и детей
Наполняют подвалы дворца.

Сеет гибель бездушный властитель-злодей
В королевстве неправды и зла.
Убивает он души живые людей,
Изнуряя трудом их тела.

Ein König lebt, ein zorniger Fürst,
Nicht des Dichters geträumtes Königsbild,
Ein Tyrann, den der weiße Sklave kennt,
Und der Dampf ist der König wild.

Er hat einen Arm, einen eisernen Arm,
Und obgleich er nur Einen trägt;
In dem Arme schafft eine Zauberkraft,
Die Millionen schlägt.

Wie der Moloch grimm, sein Ahn, der einst
Im Thale Himmon saß,
Ist Feuersgluth sein Eingeweid',
Und Kinder sind sein Fraß.

Seine Priesterschaar, der Menschheit baar,
Voll Blutdurst, Stolz und Wuth,
Sie lenken — o Schand'! — seine Riesenhand
Und zaubern Gold aus Blut.

Sie treten in Staub das Menschenrecht
Für das schnöde Gold, ihren Gott,
Des Weibes Schmerz ist ihnen Scherz,
Des Mannes Thrän' ihr Spott.

Musik ist ihrem Ohr das Schrei'n
Des Armen im Todeskampf;
Skelette von Jungfrau'n und Knaben füll'n
Die Höllen des König Dampf.

Die Höll'n auf Erd'! sie verbreiten Tod,
Seit der Dampf herrscht, rings im Reich,
Denn des Menschen Leib und Seele wird
Gemordet d'rin zugleich.

Drum nieder den Dampf, den Moloch wild,
Arbeitende Tausende, all',
Bind't ihm die Hand, oder unser Land
Bringt er über Nacht zu Fall!

Und seine Vögte grimm, die Mill-Lords stolz
Goldstrotzend und blutigroth,
Stürzen muß sie des Volkes Zorn,
Wie das Scheusal, ihren Gott*)!

---

*) Ich habe weder Zeit noch Raum, mich weitläufig auf die Entgegnungen der

Страница из книги
«Положение рабочего класса в англии» (1845)
с текстом стихотворения Э. Мида «Король-пар»
в переводе Ф. Энгельса

Так долой короля, палача-короля!
Миллионы рабочих,—вперёд!
Свяжем руку его до того, как земля
Тёмной ночью поглотит народ.

Да проснётся ваш гнев и разверзнет свой зев.
Да покатится в пропасть на дно
Раззолоченный сброд тунеядцев-господ
И жестокий их бог заодно!*

---

* У меня нет ни времени, ни места, чтобы подробно останавливаться на возражениях фабрикантов против обвинений, которые предъявлялись им в течение последних двенадцати лет. Этих людей ничто не научит, ибо их ослепляет то, что они считают своими интересами. Так как на некоторые из их возражений я попутно уже ответил выше, то здесь мне остаётся ещё сказать немного.

Вы приезжаете в Манчестер и хотите изучить условия жизни в Англии. У вас есть, разумеется, хорошие рекомендации к «респектабельным» людям. Вы делаете несколько замечаний о положении рабочих. Вас знакомят с парой-другой крупнейших либеральных фабрикантов, как Роберт Хайд Грег, Эдмунд Ашуэрт, Томас Аштон и другие. Вы сообщаете им свои намерения. Фабрикант вас понимает, он знает, что ему делать. Он везёт вас на свою фабрику за город— г-н Грег в Куорри-Банк в Чешире, г-н Ашуэрт в Тёртон близ Болтона, г-н Аштон в Хайд. Он ведёт вас в прекрасно устроенное здание, может быть даже снабжённое вентиляторами, он обращает ваше внимание на высокие мастерские с массой воздуха, на прекрасные машины, на того или другого рабочего, имеющего цветущий вид. Он угощает вас прекрасным завтраком и предлагает вам посетить квартиры рабочих. Он ведёт вас в коттеджи, новые, чистые и уютные на вид, и сам с вами заходит в тот или другой. Ведёт он вас, конечно, только к надсмотрщикам, механикам и т. д., чтобы вы «видели семьи, живущие *исключительно* фабрикой». В других коттеджах вы могли бы узнать, что на фабрике работают только жена и дети, а муж штопает чулки. Присутствие фабриканта мешает вам задавать нескромные вопросы, и оказывается, что рабочие все получают хорошую плату, живут с удобствами и благодаря деревенскому воздуху имеют сравнительно здоровый вид. Вы начинаете отказываться от своих представлений о нужде и голоде, находите их преувеличенными. Но что система коттеджей превращает рабочих в рабов, что поблизости где-нибудь, может быть, находится фабричная лавка — об этом вы не узнаете ничего; рабочие не обнаружат перед вами свою ненависть к фабриканту, который находится тут же и даже построил школу, церковь, читальню и т. д. Что школа нужна ему для того, чтобы приучить детей к дисциплине, что в читальню допускаются только книги, защищающие интересы буржуазии, и что он увольняет тех рабочих, которые читают чартистские или социалистические газеты и книги, — всё это остаётся от вас скрытым. Вы видите уютные, патриархальные отношения, вы видите жизнь надсмотрщиков, вы видите то, что буржуазия *обещает* рабочим, если они согласятся и в духовном отношении стать сё рабами. «Сельская фабрика» с давних пор была излюбленным коньком фабрикантов, потому что здесь скверные стороны фабричной системы, в особенности санитарные условия, отчасти парализуются свежим воздухом и окружающей средой, а также потому, что рабство рабочих сохраняет здесь всего дольше свои *патриархальные* черты. Д-р Юр поёт ей дифирамбы. Но горе рабочим, если они вздумают самостоятельно мыслить и сделаться чартистами: отеческая любовь и заботливость фабриканта сразу исчезают. — Но если вы захотите отправиться-в рабочие кварталы Манчестера, познакомиться с влиянием фабричной системы в фабричном *городе,* то вам придётся долго ждать, пока вам окажут в этом содействие богатые буржуа! Эти господа не знают, чего хотят их рабочие, в каком положении они находятся. Они не хотят, не могут этого знать, потому что они рискуют узнать вещи, которые их встревожат, или даже заставят их действовать против своих интересов. Впрочем, это в высшей степени безразлично; чего рабочие хотят, того они добьются собственными силами.

ДРУГИЕ ОТРАСЛИ ТРУДА

Мы особенно долго задержались на описании фабричной системы потому, что она представляет собой совершенно новое явление, порождённое промышленной эпохой. Зато нам гораздо меньше придётся останавливаться на описании положения рабочих в остальных отраслях промышленности, ибо к ним может быть полностью или отчасти отнесено то, что было сказано о промышленном пролетариате вообще или о фабричной системе в частности. Нам остаётся, следовательно, лишь рассмотреть, в какой мере фабричная система проникла в отдельные отрасли труда и каковы особенности каждой из этих отраслей.

Четыре отрасли труда, на которые распространяется фабричный закон, заняты изготовлением тканей для одежды. Будет удобнее всего, если мы сейчас перейдём в первую очередь к тем рабочим, которые получают своё сырьё с фабрик, относящихся к этим четырём отраслям; в первую очередь рассмотрим *вязальщиков* Ноттингема, Дерби и Лестера. В «Отчёте комиссии по обследованию детского труда» об этих рабочих говорится, что продолжительный рабочий день (к которому вынуждает их низкая оплата труда) в сочетании с сидячим образом жизни и постоянным напряжением зрения, обусловленным характером самой работы, ослабляет весь их организм и главным образом сказывается на зрении. Без очень яркого освещения вечером работать нельзя, и для концентрации света рабочие обычно употребляют стеклянные шары, что очень вредно действует на глаза. К сорока годам почти все рабочие вынуждены носить очки. Дети, которые в этом производстве используются для наматывания шпулек и шитья (подрубливания), обычно болезненны и очень плохо сложены. С шести, семи или восьми лет они работают в маленьких душных комнатах по 10—12 часов в день. Многие от работы хиреют, настолько ослабевают, что не могут выполнять самой обыкновенной домашней работы и становятся такими близорукими, что уже в детские годы вынуждены носить очки. У многих детей члены комиссии обнаружили все симптомы

золотухи; фабриканты в большинстве случаев отказываются принимать к себе на фабрику девушек, которые были на такой работе, ссылаясь на их слабосилие. Отчёт называет положение этих детей «позором для христианской страны» и высказывает пожелание, чтобы их работа была поставлена под охрану закона (Грейнджер. «Отчёт», приложения, часть 1, стр. F 15, §§132— 142). Отчёт комиссии добавляет, что из всех рабочих Лестера вязальщики хуже всего оплачиваются; они зарабатывают 6 шилл., а при очень большом напряжении 7 шилл. в неделю, при ежедневной работе в 16—18 часов. Когда-то они зарабатывали 20—21 шилл., но введение станков увеличенных размеров снизило их заработок; огромное большинство работает ещё на старых, простых станках и с большим трудом конкурирует с усовершенствованными машинами. Таким образом, и здесь каждый шаг вперёд, сделанный в развитии техники, является шагом назад в положении рабочих! Но несмотря на всё это, —рассказывает член комиссии Пауэр, — вязальщики гордятся тем, что они *свободны,* что они *не зависят от фабричного колокола,* диктующего им, когда они должны есть, спать или работать. В отношении заработной платы положение этих рабочих и в настоящее время не лучше, чем оно было в 1833 г., когда фабричная комиссия составляла свой отчёт; обусловливается это конкуренцией саксонских вязальщиков, которые сами живут впроголодь. Конкуренция эта побивает англичан не только на всех внешних рынках, но — по части низших сортов товара — и на английском рынке. Какое удовлетворение для немецкого вязальщика-патриота, если он, голодая, смог лишить куска хлеба английских вязальщиков! Разве не будет он и впредь гордо и радостно голодать во славу германской промышленности, если честь Германии требует, чтобы его желудок всегда оставался наполовину пустым? О, конкуренция и «соперничество наций» — прекрасная вещь! В «Morning Chronicle»—тоже либеральная газета, газета буржуазии par excellence* — в декабре 1843 г. появилось несколько писем одного вязальщика из Хинкли, в которых он описывает положение своих товарищей. Сообщает он, между прочим, о 50 семьях, состоящих в общей сложности из 321 человека и работающих на 109 станках; с каждого станка получалось в среднем в неделю $5^1/_6$ шилл., и одна семья в среднем зарабатывала 11 шилл. и 4 пенса в неделю. Из этого заработка расходовалось на квартиру, прокат вязальной машины, уголь, освещение, мыло, иголки—всего 5 шилл. 10 пенсов, так что на питание оставалось по $1^1/_2$ пенса

* — по преимуществу, в истинном значении слова. *Ред.*

(15 прусских пфеннигов) в день на человека, на одежду же не оставалось ничего.

«Никто никогда не видел», — пишет вязальщик, — «никто не слышал ничего подобного, ни одно сердце не в силах постичь и половины тех страданий, которые приходится переносить этим бедным людям».

Постелей нет совсем или их хватает только для половины людей; дети бегают оборванные и босые. Мужчины чуть не плача говорят, что давным-давно уже не ели мяса и почти забыли его вкус. В конце концов некоторые стали работать и по воскресеньям, хотя общественное мнение никогда им этого не простит и громкий стук ткацкого станка раздаётся на всю округу.

«Взгляните на моих детей», — сказал один из них, — «вы псе поймёте. Бедность вынуждает меня к этому; я больше не в силах вечно слышать голодные крики моих детей, не испытав последнего средства честным путем заработать на хлеб. В прошлый понедельник я встал в два часа утра и проработал почти до полуночи, в остальные дни я работал с 6 часов утра до 11—12 часов ночи; но мне это не под силу, я не желаю вогнать себя в гроб. Поэтому я работаю каждый вечер до 10 часов, а потерянное время навёрстываю по воскресеньям».

Ни в Лестере, ни в Дерби, ни в Ноттингеме заработная плата не повышалась с 1833 г., и что хуже всего — в Лестере, как уже было сказано, господствует система оплаты товарами. Поэтому не приходится удивляться, если вязальщики в этой местности принимают самое деятельное участие во всех рабочих волнениях; это участие тем более активное и энергичное, что у самих станков большей частью работают *мужчины.*

Местность, в которой живут вязальщики, является также главным центром *кружевного* производства. В упомянутых трёх графствах работает в общем 2 760 кружевных машин, а во всей остальной Англии — только 786. Вследствие строгого разделения труда кружевное производство очень осложнилось, разбившись на множество отдельных отраслей. Сначала нитки наматываются на шпульки—работа, которую выполняют девушки 14 лет и старше (winders); затем шпульки вставляются в машину, нитки продеваются через мелкие отверстия, которых на каждой машине бывает в среднем около 1800, и им даётся дальнейшее направление — эту работу выполняют мальчики 8 лет и старше (threaders); затем рабочий изготовляет кружево, которое выходит из машины в виде широкой полосы; совсем маленькие дети разделяют полосу на отдельные части, выдёргивая соединяющие их нити; этот процесс называется running или drawing lace, а сами дети называются lace-runners. — После этого кружево окончательно приготовляется к продаже. —

Как мотальщицы, так и вдевальщики не имеют определенного рабочего времени — они бывают нужны, когда нитки в машине подходят к концу; а так как работа продолжается и ночью, то их могут во всякое время вызвать на фабрику или в мастерскую кружевника. Нерегулярность занятий, частая ночная работа и вытекающий отсюда неправильный образ жизни, — всё это влечёт за собой множество зол, физических и моральных, в особенности же, как указывают все, беспорядочные и ранние половые сношения. Самый труд очень вреден для глаз; общих хронических заболеваний у вдевальщиков не обнаруживается, но среди них распространено воспаление глаз, а само вдевание ниток вызывает боль в глазах, слезотечение, временную затуманенность зрения и т. п. Что же касается мотальщиц, то установлено, что труд их приносит серьёзный вред зрению, вызывая частые воспаления роговой оболочки, а нередко и катаракту. — Работа самих кружевников очень тяжела; машины изготовляются всё более широкими, и в настоящее время в ходу бывают почти исключительно такие машины, на которых должны работать три работника; рабочие сменяют друг друга через каждые четыре часа в течение круглых суток, и каждый из них работает 8 часов из 24. Отсюда понятно, почему мотальщицам и вдевальщикам так часто приходится работать ночью, чтобы машина слишком долго не простаивала. Ведь чтобы продеть нитки в 1 800 отверстий, требуется работа троих детей в течение двух часов. Некоторые машины уже приводятся в движение силой пара, которая вытесняет труд мужчин. В «Отчёте комиссии по обследованию детского труда» всюду говорится о том, что детей вызывают на «кружевную фабрику»; из этого очевидно следует, что в настоящее время либо кружевники работают в больших фабричных помещениях, либо применение силы пара к изготовлению кружев получило общее распространение. И в том и в другом случае перед нами дальнейшее распространение фабричной системы. —Самым нездоровым следует признать труд детей, выдёргивающих нитки из готовых кружев; это большей частью дети семи, даже пяти или четырёх лет. Комиссар Грейнджер застал даже за этой работой ребёнка *двух лет.* Постоянное высматривание в сложном кружевном узоре одной и той же нитки, которую надо выдёргивать при помощи иголки, очень вредно сказывается на глазах, в особенности если работа, как это обычно бывает, продолжается в течение 14 или 16 часов. В лучшем случае развивается очень сильная близорукость, а в худшем, который встречается довольно часто, неизлечимая слепота как следствие катаракты. Кроме того дети, работая постоянно в согнутом положении,

вырастают слабыми, узкогрудыми и — вследствие дурного пищеварения—золотушными; нарушение функций женских органов составляет почти общее явление у девочек, равно как и искривление позвоночника, так что «этих детей всегда можно узнать по их походке». Такие же последствия, как для глаз, так и для всего организма, имеет *вышивание* кружев. Все медицинские эксперты единогласно свидетельствуют, что здоровье детей, занятых в кружевном производстве, сильно страдает от их работы, что все они бледны, слабы, хилы, слишком малы для своего возраста и обладают гораздо меньшей сопротивляемостью болезням, чем другие дети. Они обычно страдают общей слабостью, частыми обмороками, головными болями, болями в боку, в спине и в пояснице, сердцебиениями, тошнотой, рвотой и отсутствием аппетита, искривлением позвоночника, золотухой и чахоткой. Особенно глубоко этот вид работы всегда подрывает женский организм: везде жалуются на бледную немочь, трудные роды и выкидыши (Грейнджер, «Отчёт»—во многих местах). Тот же младший чиновник докладывал комиссии по обследованию детского труда, что дети очень часто плохо одеты и оборваны, плохо питаются, большей частью одним хлебом и чаем, и часто целыми месяцами не видят мяса. — Что же касается их нравственности, то он говорит об этом следующее:

«Все обитатели Ноттингема — полиция, духовенство, фабриканты, рабочие и сами родители этих детей — в один голос утверждают, что современная система труда является в высшей степени благоприятной почвой для безнравственности. Вдевальщики, большей частью мальчики, и мотальщицы, большей частью девочки, одновременно вызываются на фабрику, часто среди ночи, а так как родители их не могут знать, сколько времени они там будут заняты, то они имеют полную возможность заводить дурные знакомства и шататься вместе по окончании работы. Это немало содействовало развитию безнравственности, принявшей в Ноттингеме, по всеобщему признанию, ужасающие размеры. Мы не говорим уже о том, что это в высшей степени неестественное положение вещей совершенно нарушает покой и домашний распорядок семей, к которым принадлежат эти дети и молодые люди».

Другая отрасль производства кружев, плетение их на коклюшках, распространена в сельскохозяйственных районах— Нортгемптоншире, Оксфордшире, Бедфордшире и Бакингемшире. Заняты в этом производстве большей частью дети и подростки, которые все жалуются на плохое питание и на то, что редко получают мясо. Самый труд их крайне вреден для здоровья. Дети работают в небольших, плохо проветриваемых, душных комнатах, всегда в сидячем положении, согнувшись над коклюшками. Чтобы как-нибудь поддержать тело в этом неудобном положении, девушки носят корсеты с деревянными

планками, а так как большинство девушек начинает работать в раннем возрасте, когда кости ещё очень мягкие, корсеты эти вызывают полное смещение грудной клетки и рёбер и вообще узкогрудость. Поэтому большинство из этих девушек, промучившись от жестоких (severest) последствий дурного пищеварения, вызванного сидячим образом жизни и плохим воздухом, умирают от чахотки. Они не получают почти никакого воспитания, и меньше всего нравственного воспитания, — любят наряды, и вследствие этого их моральный уровень самый жалкий, а проституция среди них носит почти эпидемический характер. («Отчёт комиссии по обследованию детского труда», доклад Бёрнса.)

Такова цена, которую общество платит за то, чтобы нарядные буржуазные дамы имели удовольствие носить кружева! Разве это не очень дешёвая цена? Всего лишь несколько тысяч слепых рабочих, лишь некоторое количество чахоточных дочерей пролетариата, лишь одно хилое поколение плебейской массы, которое передаёт эту хилость своим таким же плебейским детям и внукам, — какое это имеет значение? Никакого, решительно никакого! Наша английская буржуазия равнодушно отложит в сторону отчёт правительственной комиссии и попрежнему будет наряжать своих жён и дочерей в кружева. — Душевное равновесие английского буржуа замечательная вещь!

Большое число рабочих в Ланкашире, Дербишире и на западе Шотландии занято на ситценабивных фабриках. Ни в одной отрасли английской промышленности развитие техники не увенчалось такими блестящими результатами, как в этой, но и ни в одной оно не привело к такому ухудшению положения рабочих. Применение гравированных цилиндров, приводимых в движение паром, а также изобретение способа одновременного печатания в четыре и шесть красок при помощи таких цилиндров совершенно вытеснили ручной труд, подобно тому как применение машин вытеснило его из хлопчатобумажной прядильной и. ткацкой промышленности. Но на ситценабивных фабриках новые изобретения вытеснили ещё гораздо большее число рабочих, чем там. Здесь один взрослый человек вместе с ребёнком-подручным выполняет при помощи машины ту же работу, которую раньше, при ручном способе, выполняли 200 рабочих. Одна машина даёт в минуту 28 ярдов (80 футов) печатного ситца. Вследствие этого положение набойщиков очень скверное. Ланкашир, Дербишир и Чешир изготовили (гласит петиция набойщиков в палату общин) в 1842 г. 11 млн. кусков печатного ситца; из них 100 тыс. было изготовлено только ручным способом, 900 тыс. — частично машинным, частично ручным способом и

10 млн. —только машинами. Так как машины большей частью введены недавно и к тому же постоянно совершенствуются, то число ручных набойщиков бывает всегда больше, чем требуется для производства; само собой разумеется, что многие из них— в петиции сказано: одна четверть общего их числа—совсем не имеют работы, а остальные бывают в среднем заняты один или два, самое большее три дня в неделю и получают самую низкую плату. Лич утверждает, что на одной ситценабивной фабрике (Дипли-Дейл, близ Бери в Ланкашире) ручные набойщики зарабатывали в среднем не более 5 шилл. («Неопровержимые факты», стр. 47), а между тем, как ему хорошо известно, работающие при машинах довольно прилично оплачиваются. Таким образом, ситцепечатни вполне приобщились к фабричной системе, не подпадая под те ограничения, которым законодательство подвергает последнюю. Они производят модный товар, и потому у них нет установленного рабочего времени. Когда у них мало заказов, они работают половину времени, а если какой-нибудь рисунок имеет успех и дела идут хорошо, фабрика работает до 10, 12 часов ночи, а иногда и всю ночь напролёт. Вблизи моей квартиры в Манчестере была ситценабивная фабрика. Возвращаясь домой поздно ночью, я неоднократно заставал её ярко освещённой, и, как мне часто говорили, детям там нередко приходилось работать так долго, что они искали возможности отдохнуть и поспать хоть минутку где-нибудь на каменной лестнице или в углу прихожей. У меня нет *документального* подтверждения этого, иначе я бы назвал фирму. В «Отчёте комиссии по обследованию детского труда» лишь бегло упоминается о положении рабочих в этой отрасли промышленности. Здесь сообщается лишь, что, по крайней мере в собственно Англии, эти дети большей частью довольно хорошо одеты и неплохо питаются (относительно, конечно, в зависимости от того, много ли зарабатывают их родители), что они не получают никакого образования и в моральном отношении оставляют желать многого. Для нас достаточно указать на то, что дети эти находятся во власти фабричной системы, и, сославшись на сказанное об этой системе выше, мы можем перейти к дальнейшему.

Об остальных рабочих, занятых в производстве тканей, нам остаётся сказать немного. Работа *белильщиков* очень вредна, так как им приходится постоянно вдыхать хлор—вещество, самым разрушительным образом действующее на лёгкие. Работа *красильщиков* уже менее вредна, во многих случаях она даже идёт на пользу рабочему, потому что требует напряжения всех мышц тела. О том, какова оплата этих категорий рабочих, имеется мало сведений, и это доказывает, что она не ниже сред-

ней, ибо иначе раздавались бы жалобы. *Стригальщики бархата,* число которых при большом сбыте плиса довольно велико и доходит до 3—4 тыс., косвенно очень сильно пострадали от фабричной системы. Товар, который раньше изготовлялся на ручных ткацких станках, бывал сработан не совсем равномерно, так что для срезывания отдельных рядов ниток требовалась умелая рука. С тех пор как ткань изготовляется на механических ткацких станках, ряды ниток стали получаться совершенно ровные, каждая нитка идёт параллельно предыдущей, так что для стрижки уже не требуется большого искусства. На эту сравнительно лёгкую работу набрасываются рабочие, которых машины лишили их постоянного заработка, и своей конкуренцией они снижают заработную плату. Фабриканты обнаружили, что эту работу вполне можно поручить женщинам и детям, и заработная плата упала до уровня заработной платы женщин и детей, а сотни мужчин оказались совсем вытесненными. Далее, фабриканты обнаружили, что они могут гораздо дешевле оплачивать работу, которая производится у них на фабрике, чем ту, которая производится в мастерской рабочего, поскольку платить за эту мастерскую косвенно приходилось им же. С тех пор мансарды многих коттеджей, служившие раньше мастерскими для стрижки бархата, опустели или сдаются под квартиры, а стригальщик бархата лишился права свободно распоряжаться своим временем и попал в зависимость от фабричного колокола. Один стригальщик, которому на вид было не более 45 лет, говорил мне, что помнит то время, когда работа, за которую он теперь получает по 1 пенни за ярд, приносила ему по 8 пенсов; правда, он может теперь быстрее стричь более ровный товар, но он может настричь его за час отнюдь не вдвое больше, чем прежде; таким образом, заработная плата его уменьшилась более чем на три четверти. Лич даёт («Неопровержимые факты», стр.35) сравнительную таблицу заработной платы за различные ткани в 1827 и 1843 году. Из неё явствует, что за те ткани, за которые в 1827 г. стригальщик получал по 4 п., $2^1/_4$ п., $2^3/_4$ п., 1 п. с ярда, в 1843 г. он получал только $1^1/_2$ п., $^3/_4$ п., 1 п. и $^3/_8$ п. с ярда. Средний заработок в неделю составлял, по Личу, в 1827 г. 1 ф. ст. 6 шилл. 6 п., 1 ф. ст. 2 шилл. 6 п., 1 ф. ст., 1 ф. ст. 6 шилл. 6 п., а в 1843 г. за те же товары—10 шилл. 6 п., 7 шилл. 6 п., 6 шилл. 8 п., 10 шилл., причём есть сотни рабочих, которые не получают и этих ставок.—О *ручных ткачах,* занятых в хлопчатобумажной промышленности, мы уже говорили. Остальные ткани изготовляются почти исключительно ручными ткачами, которые, как и стригальщики бархата, пострадали от конкуренции рабочих,

вытесненных машинами из других отраслей промышленности, и, кроме того, подобно фабричным рабочим, беспощадно штрафуются за плохую работу. Возьмём *ткачей тёлка.* Фабрикант шёлковых материй Броклхёрст, один из крупнейших во всей Англии, представил парламентской комиссии таблицы из своих книг, из которых видно, что за те работы, за которые он в 1821 г. платил 30 шилл., 14 шилл., $3^1/_2$ шилл., $^3/_4$ шилл., $1^1/_2$ шилл., 10 шилл., он в 1831 г. платит только 9 шилл., $7^1/_2$ шилл., $2^1/_4$ шилл., $^1/_3$ шилл., $^1/_2$ шилл., $6^1/_4$ шилл., хотя в *этой отрасли* промышленности никаких усовершенствований в машинах сделано не было. Но то, что сделал у себя на фабрике г-н Броклхёрст, вполне можно принять за норму для всей Англии. Из тех же таблиц можно усмотреть, что средний заработок ткача на этой фабрике за всеми вычетами составлял в 1821 г. $16^1/_2$ шилл., а в 1831 г. только 6 шилл. в неделю. С тех пор заработная плата ещё более понизилась: за те ткани (так называемые single sarsnets—ординарная тафта), за которые в 1831 г. платили по $^1/_3$ шилл., или 4 п., с ярда, в 1843 г. платят только $2^1/_2$ п., а многие ткачи, живущие в деревне, могут найти работу, только если соглашаются на плату в $1^1/_2$—2 п. с ярда. К этому присоединяются ещё произвольные вычеты из заработной платы. Каждый ткач, берущий основу, получает одновременно и карточку, на которой обычно указано, что готовая работа принимается в такие-то часы, что ткач, который не может работать по болезни, должен об этом известить контору в течение трёх дней, иначе болезнь не может ему служить оправданием; что не может также служить достаточным оправданием ссылка ткача на то, что ему пришлось ждать уточной пряжи; что за определённые дефекты в работе (если, например, на известную длину ткани употреблено больше уточных нитей, чем предписано и т. д.) высчитывается *не менее* половины заработной платы, а если работа не сдана в указанный срок, вычитается по одному пенни с каждого ярда. — Все эти вычеты, взимаемые в соответствии с карточкой, настолько сокращают заработную плату, что, например, приёмщик, приезжающий два раза в неделю в Ли, в Ланкашире, за готовой тканью, каждый раз привозит своему фабриканту не менее 15 ф. ст. (100 прусских талеров) штрафных денег. Об этом он сам свидетельствует, а между тем он считается одним из самых снисходительных приёмщиков. В былые времена такие вопросы решались третейским судом, но так как рабочие, настаивавшие на таком суде, большей частью получали расчёт, обычай этот мало-помалу исчез, и фабрикант теперь поступает совершенно произвольно: он и обвинитель, и свидетель, и судья, и законодатель, и исполнитель — всё в одном

лице. Когда же рабочий обращается к мировому судье, он получает в ответ: взяв карточку, вы заключили контракт и теперь должны его выполнять. Точь-в-точь как с фабричным рабочим. Кроме того фабрикант каждый раз заставляет рабочего подписывать бумагу, в которой сказано, что он, мол, «согласен с произведёнными вычетами». Если же он вздумает сопротивляться, то все фабриканты города тотчас же узнают, что он человек, который, говоря словами Лича,

«не желает подчиняться установленному карточками порядку и законности и имеет дерзость сомневаться в мудрости тех, кто, как это должно быть ему известно, стоит выше него по положению в общество» («Неопровержимые факты», стр. 37—40).

Ткачи, разумеется, *совершенно* свободны, фабрикант их ничуть не принуждает брать у него основу и карточки, он только говорит им, как это коротко и ясно сказано у Лича:

«Не хотите жариться на моей сковородке, можете отправляться прямо в огонь (If you don't like to be frizzled in my frying-pan, you can take a walk into the fire)».

Ткачи шёлковых тканей в Лондоне, в частности в Спиталфилдсе, уже с давних пор периодически впадают в величайшую нужду, и тот факт, что они принимают самое деятельное участие во всех рабочих выступлениях в Англии, и в особенности в Лондоне, доказывает, что и в настоящее время они не имеют основания быть довольными своим положением. Царившая среди них нужда привела к эпидемии горячки, разразившейся в восточной части Лондона и повлекшей за собой назначение комиссии для обследования санитарных условий жизни рабочего класса. Впрочем, из последнего отчёта лондонской больницы для горячечных видно, что эта горячка продолжает свирепствовать попрежнему.

После текстильного производства второй важной отраслью английской промышленности является производство *металлических изделий.* Центром этого производства является *Бирмингем,* где выделываются всевозможные тонкие металлические изделия, *Шеффилд,* центр производства ножей, и *Стаффордшир,* в особенности Вулвергемптон, где производится более простои товар: замки, гвозди и т. п. Начнём описание положения рабочих, занятых в этой отрасли промышленности, с Бирмингема. — Организация производства в *Бирмингеме,* как и в большинстве мест, где изготовляются металлические изделия, сохранила некоторые черты старого ремесла. Сохранились мелкие мастера, работающие со своими учениками либо на дому, в собственной мастерской, либо — в тех случаях, когда нужен паровой

двигатель,— в больших фабричных зданиях, разделённых на маленькие мастерские, сдающиеся отдельным мастерам; в каждую мастерскую проведён передаточный ремень от парового двигателя, которым и приводятся в движение машины. Леон Фоше (автор ряда статей о положении английских рабочих в журнале «Revue des deux Mondes»[112], статей, которые показывают, что автор по крайней мере изучал вопрос, и которые во всяком случае более ценны, чем всё то, что по этому поводу было до сих пор написано как англичанами, так и немцами) называет такую организацию, в противоположность крупному производству Ланкашира и Йоркшира, démocratie industrielle[*]. Он при этом замечает, что она не особенно благоприятно отражается на положении мастеров и подмастерьев. Замечание это совершенно правильно: регулируемая конкуренцией прибыль, которая при других условиях попадает в руки одного крупного фабриканта, делится здесь между многими мелкими мастерами, дела которых поэтому идут неважно. Централизующая тенденция капитала постоянно действует на них; там, где один разбогатеет, десять человек разоряются и сотне других, под давлением конкуренции одного разбогатевшего, который может продавать дешевле, чем они, живётся хуже, чем раньше. Само собой разумеется, что в тех случаях, когда мелким мастерам приходится конкурировать с крупными капиталистами, они лишь с трудом сводят концы с концами. Ученикам, как мы увидим ниже, живётся у мелких мастеров по меньшей мере так же плохо, как и у фабрикантов, с той только разницей, что они со временем сами становятся мастерами, благодаря чему приобретают некоторую независимость; другими словами, они тоже эксплуатируются буржуазией, но не так непосредственно, как на фабриках. Таким образом, эти мелкие мастера — не настоящие пролетарии, ибо они отчасти живут трудом учеников и продают не труд, а готовый продукт, но и не настоящие буржуа, потому что они главным образом живут всё-таки своим собственным трудом. Этим своеобразным промежуточным положением рабочих Бирмингема объясняется то, что они очень редко целиком и открыто примыкали к английскому рабочему движению. В политическом отношении Бирмингем радикальный город, но он не принадлежит к числу решительных сторонников чартизма.—Правда, в Бирмингеме имеется также множество более крупных фабрик, принадлежащих капиталистам, и в них фабричная система полностью утвердилась: разделение труда, проведённое здесь до мельчайших деталей (как, например, в

[*] — промышленной демократией. *Ред.*

изготовлении иголок), и применение силы пара позволяют использовать на работе множество женщин и детей. Поэтому здесь наблюдаются (по данным «Отчёта комиссии по обследованию детского труда») те же отличительные особенности, которые нам уже знакомы из фабричного отчёта: работа беременных женщин до самых родов, неумение вести домашнее хозяйство, запущенный очаг и безнадзорные дети, равнодушие и даже отвращение к семейной жизни и падение морального уровня; далее, вытеснение мужчин из этой отрасли труда, непрерывное усовершенствование машин, ранняя самостоятельность детей, мужчины, находящиеся на иждивении жён и детей, и т. д. и т. д. — Дети, по словам отчёта, полуголодный оборваны. *Половина их не знает, что такое быть сытым,* многие за весь день съедают на одно пенни (10 прусских пфеннигов) хлеба или вовсе ничего не едят до обеда; встречаются даже дети, которые не получают никакой еды с восьми часов утра до семи вечера. Одежда сплошь да рядом едва прикрывает их наготу; многие босы даже зимой. Поэтому все дети малы ростом и слабы для своего возраста и редко достигают нормального развития. Если принять во внимание, что к столь скудным средствам восстановления физических сил присоединяется ещё тяжёлый и продолжительный труд в душных помещениях, то не приходится удивляться, что в Бирмингеме оказывается так мало мужчин, годных для военной службы.

«Рабочие», — говорит врач, осматривавший рекрутов, — «малы ростом, худы и очень слабосильны; у многих кроме того наблюдается искривление грудной клетки или позвоночника».

По свидетельству унтер-офицера, проводившего набор рекрутов, мужчины в Бирмингеме меньше ростом, чем где бы то ни было: они большей частью имеют не более 5 футов 4—5 дюймов роста, и из 613 навербованных рекрутов только 238 оказались годными. Что касается просвещения, то я отсылаю читателя к приведённым выше (стр. 345) отдельным высказываниям и примерам из жизни металлообрабатывающих округов; впрочем в Бирмингеме, как это видно из «Отчёта комиссии по обследованию детского труда», более половины детей от 5 до 15 лет вообще не посещает школы; состав детей, посещающих школу, постоянно меняется, так что более или менее основательное обучение их невозможно, и все дети очень рано покидают школу и поступают на работу. Из того же отчёта видно, какого рода учителя там преподают. Одна учительница на вопрос, преподаёт ли она и мораль, ответила: «Нет, за три пенса в неделю этого нельзя требовать». Некоторые учительницы

даже не поняли вопроса, а иные полагали, что моральное воспитание детей вовсе не входит в их обязанности. Одна учительница ответила, что морали она не преподаёт, но старается внушить детям хорошие принципы, и при этом употребила совершенно неправильный оборот речи. В самих школах, по словам члена комиссии, постоянный шум и беспорядок. Вследствие всего этого нравственный уровень самих детей весьма неудовлетворительный; половина всех преступников моложе 15 лет; в течение одного только года осуждено 90 десятилетних преступников, из коих 44 за уголовные преступления. Беспорядочные половые сношения, повидимому, составляют, по мнению членов комиссии, почти общее явление, и притом уже в очень раннем возрасте. — (Грейнджер. «Отчёт» и документы.)

В железоделательном округе *Стаффордшира* положение ещё хуже. Изготовляются здесь простые железные изделия, и в этой отрасли производства невозможны ни особенно большое разделение труда (за некоторыми исключениями), ни применение силы пара и машин. Поэтому здесь—в Вулвергемптоне, Уилленхолле, Билстоне, Седжли, Уэнсфилде, Дарластоне, Дадли, Уолсолле, Уэнсбери и других—фабрик не много, но очень много небольших кузниц, в которых работает мелкий мастер с одним или несколькими учениками, обязанными прослужить у него до возраста в 21 год. Положение мелких мастеров приблизительно то же, что и в Бирмингеме, но ученикам живётся большей частью гораздо хуже. Кормят их почти исключительно мясом больных, павших животных или тухлым мясом, тухлой рыбой, мясом мертворождённых телят или задохшихся в железнодорожных вагонах свиней. И так делают не только мелкие мастера, но и более крупные фабриканты, у которых работают по 30, 40 учеников. В Вулвергемптоне это составляет, повидимому, общее явление. Естественным следствием такого питания являются частые желудочные и другие заболевания. К тому же дети редко наедаются досыта, редко имеют какую-нибудь одежду кроме рабочей, так что уж по одной этой причине они не могут посещать воскресную школу. Жилища часто до такой степени плохие и грязные, что становятся очагами болезней, поэтому, несмотря на то, что труд сам по себе по большей части не вреден для здоровья, дети малы ростом, плохо сложены, слабы и во многих случаях страшно изуродованы работой. В городе Уилленхолле, например, в результате постоянной работы у станка для нарезки винтов у многих появляется горб и искривление *одной* ноги в колене — так называемая «вывернутая нога», hind-leg, — при котором ноги принимают форму буквы К; кроме того здесь по меньшей ме-

ре треть рабочих страдает грыжей. Как и в Вулвергемптоне, здесь очень часты случаи запоздания половой зрелости и у девушек,— ибо девушки также работают в кузницах! — и у юношей, иногда до 19-летнего возраста. — В городе Седжли и его окрестностях, где изготовляются почти исключительно гвозди, люди живут и работают в жалких хижинах, похожих на хлевы и грязных до невероятности. Девочки и мальчики берутся за молот с десяти-двенадцатилетнего возраста и только тогда считаются настоящими рабочими, когда научатся изготовлять по 1 тыс. гвоздей в день. За 1 200 гвоздей они получают $5^{3}/_{4}$ пенса, или неполных 5 зильбергрошей. Каждый гвоздь требует 12 ударов молота, а так как молот весит $1^{1}/_{4}$ фунта, то рабочему, чтобы заработать эту жалкую плату, приходится поднять 18 тыс. фунтов. При таком тяжёлом труде и недостаточном питании дети не могут не быть малорослыми и слабыми, что и подтверждается данными комиссии. О состоянии просвещения в этом округе мы уже дали некоторые сведения выше. Оно здесь действительно находится на невероятно низком уровне: половина всех детей не посещает даже воскресных школ, остальные посещают их крайне неаккуратно; сравнительно с другими округами очень мало детей умеет читать, а с письмом дело обстоит ещё хуже. И в этом нет ничего удивительного: между седьмым и десятым годом, т. е. *как раз* в ту пору, когда дети могли бы с пользой посещать школу, их уже определяют на работу, а учителя воскресных школ — из кузнецов или рудокопов — часто сами едва умеют читать и не могут даже подписать свою фамилию. Нравственный уровень вполне соответствует этим воспитательным средствам. В городе Уилленхолле,—утверждает член комиссии Хорн, приводя в подтверждение множество примеров, — рабочие совершенно лишены чувства нравственности. Вообще Хорн обнаружил, что дети не сознавали своих обязанностей по отношению к родителям и совершенно не испытывали к ним привязанности. Они были так мало способны продумать свои ответы, так забиты и безнадёжно ограниченны, что нередко утверждали, будто обращение с ними хорошее и живётся им превосходно, в то время как они работали по 12—14 часов в сутки, ходили в лохмотьях, не наедались досыта и получали побои, последствия которых бывали ощутимы ещё через несколько дней. Они не знали другого образа жизни, кроме работы с утра до самого вечера, до сигнала об окончании работы; им был непонятен вопрос: не устали ли они?—их никогда об этом никто не спрашивал (Хорн, «Отчёт» и документы).

В *Шеффилде* вознаграждение лучше, а потому лучше и внешнее положение рабочих. Но зато здесь следует отметить

некоторые отрасли труда, чрезвычайно вредно влияющие на здоровье рабочих. При некоторых операциях постоянно приходится прижимать инструмент к груди, что часто вызывает чахотку; другие операции, как, например, изготовление напильников, задерживают общее развитие организма и вызывают желудочные заболевания; вырезывание костяных ручек (для ножей) вызывает головные боли, разлитие желчи, а у девушек, большое число которых занято на этой работе, бледную немочь. Но самым вредным для здоровья трудом является оттачивание ножей и вилок, неминуемо влекущее за собой раннюю смерть, в особенности, если работа производится на сухом камне. Вред, приносимый этой работой, определяется отчасти тем, что приходится работать в согнутом положении, при котором грудь и желудок подвергаются постоянному давлению; но главным образом этот вред определяется массой мельчайших металлических острых частиц, которые отделяются от металла при оттачивании, насыщают атмосферу и неизбежно попадают в лёгкие. Точильщики на сухом камне в среднем едва доживают до 35 лет, а точильщики на влажном камне редко живут дольше 45 лет. Д-р Найт в данных о Шеффилде говорит:

«Чтобы хоть до некоторой степени ясно охарактеризовать вред, приносимый этой работой, я должен сказать, что горчайшие пьяницы среди точильщиков— самые долговечные из них, потому что они меньше времени проводят за работой. Всего в Шеффилде насчитывается около 2 500 точильщиков. Около 150 из них (80 взрослых мужчин и 70 мальчиков) оттачивают вилки: они умирают, как правило, в возрасте от 28 до 32 лет. Точильщики бритв, как на сухом, так и на влажном камне, умирают между 40 и 45 годами, а точильщики столовых ножей, работающие на влажном камне, умирают между 40 и 50 годами».

Тот же врач следующим образом описывает течение их болезни, так называемой астмы точильщиков:

«Начинают они работать обыкновенно на четырнадцатом году и, если организм у них вполне здоров, они до двадцати лет особых недомоганий не ощущают; затем начинают обнаруживаться симптомы этой своеобразной болезни: при малейшем напряжении, при подъёме на лестницу или на гору, они задыхаются; чтобы облегчить постоянную, всё усиливающуюся одышку, они высоко поднимают плечи, всегда наклоняются вперёд и вообще чувствуют себя, повидимому, всего лучше в том наклонном положении, в каком им приходится работать; цвет лица их становится грязно-жёлтым, черты лица выражают тоску, они жалуются на стеснение в груди, голос становится глухим и хриплым, они громко кашляют, и кашель их звучит, как из бочки; они то и дело отхаркивают большие количества пыли, либо перемешанной с мокротой, либо в виде цилиндрических или шарообразных масс, покрытых тонким слоем мокроты. Вскоре затем появляется кровохаркание, невозможность оставаться в лежачем положении, ночной пот, понос с коликами, необычайное исхудание всего тела со всеми обычными симптомами чахотка, и, промучившись многие месяцы и часто

годы, неспособные заработать ни на себя, ни на семью, они, наконец, умирают. Мне остаётся прибавить, что все предпринятые до сих пор попытки предупредить и излечить астму точильщиков потерпели полную неудачу».

Так писал Найт десять лет тому назад. С тех пор число точильщиков, как и распространение болезни, значительно возросло, но были также предприняты попытки предупредить болезнь устройством закрытых точильных камней и удалением пыли при помощи тяги. Попытки эти удались, по крайней мере, отчасти, но сами точильщики не желают применять этих приспособлений и в некоторых местах даже разбивают их: они боятся, чтобы это не привлекло больше рабочих к их профессии и не понизило их заработной платы; они предпочитают «короткую, но весёлую жизнь». Д-р Найт часто говорил точильщикам, являвшимся к нему с первыми симптомами астмы: вы ускорите свою смерть, если вернётесь к точильному камню. Но его никогда не слушали: кто раз был точильщиком, тот становится совсем отчаянным, как будто продал душу дьяволу. — Образование стоит в Шеффилде на очень низкой ступени. Один священник, долго занимавшийся статистикой образования, считал, что из 16500 детей рабочего класса, которые имели возможность посещать школу, читать умеют не более 6500 человек. Объясняется это тем, что детей уже на седьмом — и самое позднее на двенадцатом — году забирают из школы и что учителя никуда не годятся (среди них был вор, пойманный с поличным, который по выходе из тюрьмы не нашёл иного источника существования, кроме учительства!). Безнравственность молодёжи в Шеффилде больше, кажется, чем где бы то ни было (впрочем, трудно сказать, какой город заслуживает пальму первенства в этом отношении; когда читаешь отчёт, то про каждый город думаешь, что именно он и достоин её). Молодые люди весь воскресный день проводят на улице, играя в орлянку или стравливая собак; они усердно посещают трактиры, где проводят время со своими возлюбленными до поздней ночи, после чего отправляются попарно на уединённые прогулки. В одном трактире член комиссии застал человек 40—50 молодёжи обоего пола; почти все оказались моложе 17 лет, каждый парень был со своем девушкой. Некоторые играли в карты, другие пели и танцевали, и все пили. Тут же сидели профессиональные проститутки. Нет поэтому ничего удивительного, если, согласно показаниям всех свидетелей, ранние беспорядочные половые сношения и проституция, которой занимаются часто уже подростки 14—15 лет, составляют в Шеффилде чрезвычайно частое явление.—Преступления, притом преступления крайне дикого, отчаянного характера, вполне обычны. За год до прибытия

члена комиссии была арестована компания большей частью молодых людей, намеревавшихся поджечь город; они соответственно запаслись горючими веществами и пиками. Ниже мы увидим, что рабочее движение носит в Шеффилде тот же необузданный характер (Саймонс. «Отчёт» и документы).

Вне этих главных центров металлической промышленности имеются ещё фабрики булавок в Уоррингтоне (Ланкашир), — где среди рабочих и в особенности среди детей тоже царит чрезмерная нищета, безнравственность и невежество, —и несколько гвоздильных заводов в окрестностях Уигана (Ланкашир) и в восточной части Шотландии. Отчёты об этих округах почти совершенно совпадают с отчётами о Стаффордшире.

Нам осталось ещё рассмотреть только одну отрасль металлической промышленности — *производство машин.* Оно распространено главным образом в фабричных округах и в особенности в Ланкашире. Особенность этой отрасли производства заключается в том, что машины изготовляются машинами же, таким образом снова разрушается последнее убежище рабочих, вытесненных из других отраслей, — работа по изготовлению тех самых машин, которые отняли у них хлеб. Строгальные и сверлильные машины, машины для изготовления винтов, колёс, гаек и т. д., механические токарные станки и здесь вытеснили массу рабочих, имевших раньше хороший и постоянный заработок, а теперь оставшихся без работы; таких безработных можно видеть в Манчестере в большом количестве.

Обратимся теперь к промышленному округу, расположенному к северу от железоделательного района Стаффордшира. Здесь развито *гончарное производство* (potteries); центром его является городская община (borough) Сток, включающая Хенли, Бёрслем, Лейн-Энд, Лейн-Делф, Этрурию, Колридж, Лангпорт, Танстолл и Голден-Хилл, с населением в 60 тыс. человек в общей сложности. «Отчёт комиссии по обследованию детского труда» сообщает нам следующее. В некоторых отраслях гончарного производства дети заняты лёгкой работой в тёплых просторных помещениях, между тем как в других отраслях они выполняют тяжёлую, напряжённую работу, не получая ни достаточной пищи, ни хорошей одежды. Многие дети жалуются: «Мне не хватает еды, большей частью дают только картофель с солью, а мяса и хлеба—никогда; в школу не хожу, другой одежды у меня нет». — «Сегодня ничего не имел на обед, дома никогда у нас не обедают, большей частью ем только картошку с солью, изредка—хлеб». «Одежда, которая на мне одета,—всё, что у меня есть; праздничной одежды у меня нет». К числу детей, занятых на особо вредной работе, принадлежат mould-runners,

т. е. те дети, которые относят готовые изделия вместе с формой в сушильню и затем, когда вещи достаточно подсохли, приносят пустую форму обратно в мастерскую. Так они целые дни ходят вверх и вниз по лестнице с ношей, слишком тяжёлой для их возраста, а высокая температура, в которой им приходится работать, делает работу ещё более изнурительной. Дети эти почти все без исключения худы, бледны, слабы, малорослы и плохо сложены; почти все они страдают болезнями желудка, частыми рвотами, отсутствием аппетита, и многие умирают от истощения. Почти так же слабы мальчики, которым приходится вращать колесо (jigger), отчего они носят название jiggers. Но вреднее всего работа тех, которые погружают готовые изделия в жидкость, содержащую большое количество свинца, а часто и много мышьяка, а также работа тех, которым приходится брать в руки только что вынутые из этой жидкости изделия. Руки и одежда этих рабочих, взрослых мужчин и детей, всегда пропитаны этой жидкостью, кожа становится рыхлой и легко сходит от постоянного соприкосновения с шероховатой поверхностью предметов, так что пальцы часто бывают изранены до крови, что чрезвычайно способствует всасыванию вредных веществ. В результате— сильные боли и серьёзные болезни желудка и кишечника, постоянные запоры, колики, иногда чахотка, а у детей *чаще всего эпилепсия.* У взрослых мужчин обычно наступает частичный паралич мышц руки, colica pictorum* и полный паралич конечностей. Один свидетель рассказывает, что два мальчика, работавшие вместе с ним, умерли в судорогах во время работы; другой свидетель, будучи ещё мальчиком, проработал два года в качестве подручного у глазировочного чана; он рассказывает, что сначала у него были сильные боли в животе, затем с ним случился приступ судорог, уложивший его в постель на два месяца, потом судороги стали появляться всё чаще, а теперь они бывают каждый день, *и часто у него бывает от десяти до двадцати эпилептических припадков в день.* Правая сторона его тела парализована, и врачи говорят, что он никогда уже не будет владеть ни рукой, ни ногой. На одной фабрике работало в глазировочном отделении четверо мужчин — все эпилептики и страдавшие упорными коликами—и одиннадцать мальчиков, из которых некоторые тоже уже были эпилептиками. Одним словом, эта страшная болезнь наступает как вполне обычное последствие этого рода занятий и, конечно, приносит большие прибыли буржуазии! —В мастерских, где гончарные изделия полируются, воздух наполнен мелкой минеральной пылью, вдыхание которой

* — профессиональное заболевание красильщиков. *Ред.*

не менее вредно, чем вдыхание стальной пыли у шеффилдских точильщиков. Рабочие страдают одышкой, они не могут спокойно лежать, в горле у них образуются язвы, они сильно кашляют и настолько теряют голос, что их едва слышно. Они тоже все умирают от чахотки. — В гончарном округе сравнительно много школ, так что дети могли бы учиться, если бы они не поступали на фабрику в таком раннем возрасте и не имели такого продолжительного рабочего дня (большей частью двенадцать часов, а нередко и больше). Вследствие этого они не могут воспользоваться школами; три четверти детей, опрошенных членом комиссии, не умели ни читать, ни писать, и во всём округе царило глубочайшее невежество. Дети, годами посещавшие воскресную школу, не умели отличить одну букву от другой. Не только интеллектуальное, но и нравственное и религиозное воспитание стоит во всём округе на очень низкой ступени (Скривен. «Отчёт» и документы).

И в *производстве стеклянных изделий* есть работы для взрослых мужчин как будто не очень вредные, но которых дети выдержать не могут. Тяжёлый труд, отсутствие установленного рабочего времени, частая ночная работа и в особенности высокая температура в мастерских (100°—130° по Фаренгейту)— всё это вызывает у детей общую слабость и болезненность, плохой рост и в особенности болезни глаз, желудка, бронхит и ревматизм. Многие дети бледны, с красными глазами, нередко теряют зрение на целые недели, страдают сильной тошнотой, рвотой, кашлем, частыми простудами и ревматизмом. Когда вынимают готовые изделия из печей, детям часто приходится работать при такой высокой температуре, что доски, на которых они стоят, загораются у них под ногами. Стеклодувы большей частью умирают в раннем возрасте от истощения и чахотки. (Лифчайлд. «Отчёт», приложения, ч. II, стр. L 2, §§ 11, 12; Франке. «Отчёт», приложения, ч. II, стр. К 7, § 48; Танкред. Документы, приложения, ч. II, стр. I 76 и т. д.; всё в «Отчёте комиссии по обследованию детского труда».)

В общем отчёт отмечает постепенное, но неуклонное проникновение фабричной системы во все отрасли промышленности, что особенно выражается в привлечении к работе женщин и детей. Я не счёл нужным проследить повсюду прогресс техники и процесс вытеснения взрослых мужчин. Кто хоть до некоторой степени знаком с промышленностью, сам без труда дополнит всё мной не досказанное; мне же рамки моей работы не позволяют проследить в деталях эту сторону современного способа производства, результатов которой я уже коснулся в связи с фабричной системой. Повсюду вводятся машины, уничтожая этим

последние следы независимости рабочего. Повсюду семья разрушается, вследствие работы жены и детей на фабрике, или же ставится на голову, когда муж сидит дома без работы. Повсюду необходимость введения машин передаёт в руки крупных капиталистов предприятия, а вместе с ними и рабочих. Централизация собственности неудержимо растёт, разделение общества на крупных капиталистов и неимущих рабочих с каждым днём становится всё резче, и всё промышленное развитие нации гигантскими шагами движется к неизбежному кризису.

Я упоминал уже выше, что в области *ремесла* могущество капитала и в некоторых случаях разделение труда привели к тем же результатам, вытеснили мелкую буржуазию, поставив на её место крупных капиталистов и неимущих рабочих. Об этих ремесленниках остаётся сказать, в сущности, очень мало, так как всё, что их касается, мной уже было изложено, когда речь шла о промышленном пролетариате вообще; к тому же здесь, со времени начала промышленного переворота, произошло очень мало перемен как в способе работы, так и в её влиянии на здоровье рабочих. Но соприкосновение с настоящими промышленными рабочими, гнёт крупных капиталистов, дающий себя чувствовать гораздо сильнее, чем гнёт мелких мастеров, с которыми подмастерье находился в личных отношениях, влияние большого города и снижение заработной платы — всё это сделало почти всех ремесленников деятельными участниками рабочего движения. Об этом у нас будет речь впереди, а пока нам остаётся ещё заняться одной категорией рабочего населения Лондона, заслуживающей особого внимания ввиду необычайной жестокости, с которой она эксплуатируется алчной буржуазией. Я имею здесь в виду модисток и швей.

Как это ни удивительно, изготовление именно тех предметов, которые служат для украшения *буржуазных дам,* сопровождается самыми печальными последствиями для здоровья занятых этим рабочих. Мы уже столкнулись с этим, когда говорили о производстве кружев, а здесь мы докажем это на примере лондонских модных лавок. В этих заведениях занято множество молодых девушек, в общей сложности около 15 тыс., которые большей частью приехали из деревни, живут и столуются у хозяев и, таким образом, находятся у них в полном рабстве. Во время фешенебельного сезона, который продолжается приблизительно четыре месяца в году, число рабочих часов даже в лучших предприятиях доходит до 15 в день, а в случае срочных заказов — до 18. Но в большинстве мастерских в этот период работают без какого-либо ограничения времени, так что девушки никогда не имеют на отдых и сон более шести часов, а

часто всего только три или четыре, а иногда и два часа в сутки. Таким образом они работают от 19 до 22 часов в сутки, если— что бывает довольно часто — не работают всю ночь напролёт! Единственным пределом продолжительности их работы является полнейшая физическая невозможность дольше держать иголку в руках. Случается, что эти беспомощные существа по девять дней подряд не раздеваются и спят только урывками на матраце; пищу им дают мелко нарезанную, чтобы они как можно скорее могли проглотить её. Одним словом, при помощи морального кнута, удерживающего их в рабстве,—угрозы расчёта,— этих несчастных девушек принуждают к такой продолжительной и непрерывной работе, какой не мог бы выдержать и крепкий мужчина, а тем более не выдерживает хрупкая девушка в возрасте от 14 до 20 лет. К тому же духота в мастерских и спальных помещениях, согнутое положение, часто скверная, трудно перевариваемая пища, но главным образом продолжительный труд и отсутствие свежего воздуха — всё это оказывает самое губительное влияние на здоровье девушек. Очень скоро появляются утомление, истощение, слабость, потеря аппетита, боли в плечах, спине и пояснице и прежде всего головные боли; затем наблюдается искривление позвоночника, высокие сутулые плечи, худоба, припухшие, слезящиеся и вообще больные глаза, близорукость, кашель, узкогрудость и одышка, равно как и всевозможные женские болезни. Во многих случаях глаза так портятся, что наступает неизлечимая слепота, полное нарушение зрения, а если зрение ещё достаточно сохранилось, чтобы можно было продолжать работу, чахотка обычно кладёт конец короткой и печальной жизни этих изготовительниц нарядов. Даже у тех, которые достаточно рано оставляют эту работу, здоровье бывает настолько подорвано, что никогда не восстанавливается вполне; они постоянно хворают, особенно после брака, и производят на свет хилых детей. Все врачи, опрошенные комиссией по обследованию детского труда, единогласно утверждали, что трудно себе представить образ жизни, который так разрушал бы здоровье и приводил бы к столь ранней смерти, как жизнь модисток.

С не меньшей жестокостью, но только менее непосредственно, эксплуатируются в Лондоне *швеи* вообще. Труд девушек, занятых изготовлением корсетов, тяжёл, утомителен и вреден для глаз. Какую же заработную плату они получают? Этого я не знаю, но мне известно, что предприниматель, ручающийся за выданный ему материал и распределяющий работу между швеями, получает по $1^1/_2$ пенса—15 прусских пфеннигов— со штуки. Отсюда он ещё оставляет себе известный процент,

по меньшей мере $^1/_2$ пенни, так что бедной девушке на руки достаётся не больше 1 пенни. Девушки, изготовляющие галстуки, вынуждены работать 16 часов и получают в неделю по $4^1/_2$ шилл., т. е. $1^1/_2$ талера на прусские деньги, но на эту сумму они могут купить не больше, чем на 20 зильбергрошей в самом дорогом городе Германии[*]. Но хуже всего живётся тем, которые шьют рубашки. За обыкновенную рубашку они получают $1^1/_2$ пенса. Раньше они получали от 2 до 3 пенсов, но с тех пор как работный дом в Сент-Панкрасе, руководимый *буржуазно-радикальной* администрацией, стал брать работу по $1^1/_2$ пенса, бедные женщины вынуждены были согласиться на эту плату. За тонкую рубашку с вышивкой, которая может быть изготовлена в один день при восемнадцати часах работы, платят 6 пенсов, т. е. 5 зильбергрошей. Таким образом, по многочисленным показаниям работниц и предпринимателей, заработная плата этих швей составляет при очень напряжённой и продолжающейся до глубокой ночи работе $2^1/_2$—3 шилл. в неделю! Но венцом этого позорного варварства является то, что швей заставляют вносить в виде залога часть стоимости выданного им материала, для чего им, конечно, приходится—о чём прекрасно знают и собственники — этот материал частично закладывать и затем либо выкупать его с некоторой потерей для себя, либо, если они этого сделать *не в состоянии,* отвечать перед мировым судьёй, как это случилось с одной швеей в ноябре 1843 года. Одна несчастная девушка, оказавшись в таком положении и не зная, что предпринять, утопилась в канале в августе 1844 года. Швеи обычно живут по нищенски в маленьких мансардах, причём в каждой из них их набивается столько, сколько только может вместиться, и зимой единственным средством для обогревания большей частью служит естественная теплота организмов живущих здесь людей. Здесь они гнут спину над работой, шьют с 4—5 часов утра до полуночи, в несколько лет разрушают своё здоровье и готовят себе раннюю могилу, не имея возможности удовлетворить даже своих самых насущных потребностей[**], между тем как внизу по улице проносятся блестящие экипажи крупной буржуазии и,

---

[*] Ср. «Weekly Dispatch», 16 марта 1844 года.

[**] Томас Гуд, самый талантливый из всех современных английских юмористов и, подобно всем юмористам, человек с очень чуткой душой, но без всякой духовной энергии, опубликовал в начале 1844 г., когда описание несчастного положения швей заполнило все газеты, прекрасное стихотворение: «The Song of the Shirt» («Песня о рубашке») Оно вызвало немало жалостливых, но бесполезных слёз у буржуазных девиц. За недостатком места я не могу воспроизвести здесь это стихотворение. Первоначально оно было помещено в «Punch», а потом обошло все газеты. Положение швей обсуждалось тогда во всех газетах, и потому приводить специальные цитаты не стоит.

быть может, тут же поблизости какой-нибудь ничтожный дэнди проигрывает в один вечер в фараон больше денег, чем они могут заработать в течение целого года.

———

Таково положение промышленного пролетариата в Англии. Повсюду, куда бы мы ни бросили взгляд, мы видим нужду, как постоянное или временное явление, болезни, вызванные условиями жизни или характером самого труда, деморализацию; везде мы видим медленное, но неуклонное разрушение физических и духовных сил человека. Разве такое положение может долго продолжаться?

Нет, это положение не может и не будет продолжаться долго. Рабочие, огромное большинство народа, этого не хотят. Посмотрим же, что *они сами* говорят об этом положении.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Даже если бы я привёл меньшее количество примеров, каждый должен был бы со мной согласиться, что английские рабочие не могут чувствовать себя счастливыми в том положении, в которое они поставлены, что в таком положении ни отдельный человек, ни целый класс не может жить, чувствовать и мыслить по-человечески. Ясно, что рабочие должны стремиться выйти из положения, превращающего их в животных, и добиваться лучшего, более соответствующего человеческому достоинству положения. Они не могут делать это, не ведя борьбу против интересов буржуазии как таковой, интересов, заключающихся именно в эксплуатации рабочих. Но буржуазия защищает свои интересы всеми средствами, какие только предоставляют ей её собственность и находящаяся в её распоряжении государственная власть. Как только рабочий обнаруживает стремление освободиться от существующего положения вещей, буржуа становится его открытым врагом.

Кроме того рабочий на каждом шагу видит, что буржуазия обращается с ним, как с вещью, как со своей собственностью, и уже по одному этому он становится её врагом. Я уже показал на сотне примеров и мог бы привести их ещё столько же, что при современных отношениях рабочий может спасти своё человеческое достоинство только в ненависти к буржуазии и в возмущении против неё. А тем, что он *способен* так страстно протестовать против тирании имущих, английский рабочий класс обязан своему воспитанию или, вернее, отсутствию воспитания, равно как и значительной примеси горячей ирландской крови.

Английский рабочий — это уже не англичанин в обычном смысле, не расчётливый коммерсант, как его имущий соотечественник; чувства в нём развиты полнее, природная холодность северянина уравновешивается у него страстностью, которая, не встречая препятствий в своём развитии, смогла взять над ним верх. Рассудочность, которая так сильно содействовала

развитию эгоистических задатков у английского буржуа, которая все его страсти подчинила себялюбию и сосредоточила всю силу его чувств на одной только погоне за деньгами, у рабочего отсутствует, благодаря чему страсти у него сильные и неукротимые, как у иностранца. Английские национальные черты у рабочего уничтожены.

Если, как мы видели, рабочему не предоставлено никакого иного поприща для проявления своих человеческих чувств, кроме протеста против своего положения, то вполне естественно, что именно в этом протесте рабочий должен обнаружить свои самые привлекательные, самые благородные, самые человечные черты. Мы увидим, что вся сила, вся деятельность рабочих устремляется именно в этом направлении и что даже все их усилия приобщиться к человеческой культуре находятся с этим в непосредственной связи. Нам придётся, правда, сообщить об отдельных случаях насилия и даже грубости, но при этом никогда не надо забывать, что в Англии происходит открытая социальная война; если буржуазия заинтересована в том, чтобы лицемерно вести эту войну под покровом мира и даже филантропии, то рабочим может принести пользу только разоблачение истинного положения вещей, уничтожение этого лицемерия; следовательно, даже самые насильственные враждебные действия рабочих против буржуазии и её слуг являются лишь откровенным, неприкрытым проявлением того, что сама буржуазия совершает по отношению к рабочим скрыто и исподтишка.

Возмущение рабочих против буржуазии стало проявляться вскоре после начала промышленного развития и прошло через различные фазы. Здесь не место подробно останавливаться на историческом значении этих фаз для развития английского народа; это составит предмет другой работы, а здесь я ограничусь лишь изложением фактов в той мере, в какой они могут понадобиться для характеристики положения английского пролетариата.

Первой, наиболее грубой и самой бесплодной формой этого возмущения было преступление. Рабочий жил в нужде и нищете и видел, что другим людям живётся лучше, чем ему. Ему было непонятно, почему именно он, делающий для общества больше, чем богатый бездельник, должен терпеть такие лишения. Нужда к тому же побеждала его традиционное уважение к собственности—он воровал. Мы видели, что с развитием промышленности растёт и преступность и что годовое число арестов находится в постоянном отношении к числу кип обрабатываемого хлопка.

Но рабочие скоро обнаружили, что таким путём ничего не добьёшься. Своим воровством преступники могли протестовать против существующего общественного строя лишь в одиночку, как отдельные лица; вся власть общества обрушивалась на каждого в отдельности и подавляла его чрезмерным превосходством своих сил. К тому же кража была самой примитивной, самой несознательной формой протеста и уже по одному этому не могла стать всеобщим выражением общественного мнения рабочих, хотя бы они в душе и одобряли её. Рабочий *класс* впервые выступил против буржуазии тогда, когда он силой воспротивился введению машин, что произошло в самом начале промышленного переворота. Так подверглись насилию первые изобретатели, Аркрайт и другие, а машины их были разбиты; позже последовало множество восстаний, вызванных введением машин, которые протекали почти в точности так, как волнения ситцепечатников в Богемии в июне 1844 г.: рабочие ломали машины и разрушали фабрики.

Но и эта форма протеста носила изолированный характер, ограничивалась отдельными местностями и была направлена лишь против одной стороны современных отношений. Едва рабочим удавалось достичь мимолётного успеха, как общественная власть всей своей тяжестью обрушивалась на вновь ставших беззащитными преступников, подвергая их всевозможным карам, а машины всё же вводились. Надо было найти новую форму протеста.

В это время подоспел закон, изданный старым дореформенным, олигархическим парламентом тори, закон, который позже, после того как билль о реформе узаконил антагонизм между буржуазией и пролетариатом и сделал буржуазию правящим классом, никогда не прошёл бы через палату общин. Закон этот был принят в 1824 г.; он отменил все акты, ранее воспрещавшие объединение рабочих для защиты своих интересов. Рабочие получили *право ассоциации* — право, принадлежавшее до тех пор только аристократии и буржуазии. Тайные союзы, правда, и раньше постоянно существовали среди рабочих, но значительных результатов они никогда не могли дать. Так, например, в Шотландии, по словам Саймонса («Ремёсла и ремесленники», стр. 137 и сл.), уже в 1812 г. произошла общая стачка ткачей в Глазго, подготовленная тайной ассоциацией. В 1822 г. стачка повторилась, и двум рабочим, которые не пожелали примкнуть к союзу и были поэтому объявлены изменниками своему классу, плеснули в лицо серной кислотой, в результате чего они оба ослепли. Ассоциация шотландских горняков в 1818 г. также была уже настолько сильна, что ей удалось провести всеобщую

забастовку. Каждый член такой ассоциации давал обет верности и соблюдения тайны; имелись списки членов, кассы, отчётность и местные отделения. Но тайный характер всей деятельности задерживал развитие этих ассоциаций. Когда же рабочие в 1824 г. получили право свободно объединяться, союзы эти очень быстро распространились по всей Англии и получили большое значение. Во всех отраслях труда образовались такие союзы (trades-unions), открыто стремившиеся оградить отдельных рабочих от тирании и бездушного отношения буржуазии. Они ставили себе целью: устанавливать заработную плату, вести переговоры с работодателями коллективно, как *сила,* регулировать заработную плату сообразно с прибылью работодателя, повышать заработную плату при удобном случае и удерживать её для каждой профессии повсюду на одинаковом уровне. Поэтому эти союзы обычно добивались от капиталистов установления ставок заработной платы, обязательных для всех, а если кто отказывался принять эти ставки, они объявляли у него стачку. Далее, путём ограничения приёма учеников союзы старались поддержать спрос на рабочих и тем удержать заработную плату на известной высоте, старались по мере возможности противодействовать мошенническим попыткам фабрикантов снизить заработную плату посредством введения новых машин, инструментов и т. д., и, наконец, они поддерживали денежной помощью безработных рабочих. Это делалось либо непосредственно из кассы союза, либо посредством карточки, удостоверявшей личность рабочего, с которой он переходил с места на место, получая от товарищей по профессии поддержку и указания, где легче будет найти работу. Такого рода странствия называются у рабочих the tramp, а бродячий рабочий называется tramper. Для осуществления всех этих целей союз назначает председателя и секретаря на жаловании, — так как можно ожидать, что ни один фабрикант таким людям работы не даст, — а также комитет, который собирает еженедельные взносы и наблюдает за расходованием средств в интересах союза. Когда это было возможно и оказывалось выгодным, союзы отдельных округов объединялись в федеративные союзы и устраивали через определённые промежутки времени собрания делегатов. В отдельных случаях были сделаны попытки объединить всех рабочих одной профессии в один большой союз, охватывающий всю Англию, и неоднократно — впервые в 1830 г. — пытались создать общее объединение рабочих союзов всей Англии, с тем чтобы каждая профессия сохранила свою собственную организацию. Такого рода объединения, однако, были недолговечны и даже редко когда вообще осуществлялись;

только необычайный общий подъём может вызвать к жизни такое объединение и сделать его дееспособным.

Средства, которые эти союзы обычно применяют для достижения своих целей, состоят в следующем. Если один или несколько предпринимателей отказываются признать установленную союзом заработную плату, к ним отправляют депутацию или им подаётся петиция (рабочие, как видите, умеют считаться с властью абсолютного, самодержца-фабриканта в его маленьком государстве). Если это не помогает, союз отдаёт приказ прекратить работу, и все рабочие расходятся по домам. Эта забастовка (turn-out или strike) может быть частичной, если один или несколько фабрикантов отказываются считаться с установленной союзом заработной платой, или всеобщей, если отказываются все фабриканты в данной отрасли труда. Таковы законные средства союза — законные лишь в том случае, если забастовка объявлена после предупреждения, что бывает не всегда. Но и эти законные средства очень слабо действуют, пока есть рабочие, которые не состоят в союзе или готовы выйти из него ради минутных выгод, предложенных фабрикантами. Особенно при частичных забастовках фабриканту легко набрать рабочих из числа этих паршивых овец (так называемых knobsticks*) и сделать, таким образом, бесплодными усилия объединённых рабочих. Члены союза обычно пытаются воздействовать на этих knobsticks угрозами, руганью, побоями и другими средствами, короче, всячески стараются так или иначе их запугать. Те подают жалобу в суд, а так как поклонница законности, буржуазия, пока ещё держит в своих руках власть, первое же противозаконное действие, первая судебная жалоба против одного из членов организации почти каждый раз подрывает силу союза.

История этих союзов представляет собой длинный ряд поражений рабочих, прерываемый лишь немногими отдельными победами. Само собой понятно, что все усилия союзов не в состоянии изменить того экономического закона, согласно которому заработная плата определяется соотношением спроса и предложения на рынке труда. Поэтому союзы бессильны устранить *важнейшие* причины, влияющие на это соотношение. Во время торгового кризиса союзы вынуждены сами снижать ставки заработной платы, либо вовсе прекращать своё существование, а в случае значительного спроса на труд **им** не удаётся поднять заработную плату выше того уровня, на котором она сама собой установилась бы в результате конкуренции капиталистов. Но зато союзы могут воздействовать на менее

* — штрейкбрехеров. *Ред.*

важные причины, носящие частный или местный характер. Если бы фабрикант не имел перед собой концентрированной массы рабочих, готовых к отпору, он в погоне за наживой постепенно всё более и более понижал бы заработную плату; более того, конкурентная борьба, которую ему приходится вести с другими фабрикантами, заставляла бы его это делать, и заработная плата скоро упала бы до минимума. Такого рода конкуренция фабрикантов *между собой* может быть *при нормальных условиях* ограничена сопротивлением рабочих. Каждый фабрикант знает, что любое снижение заработной платы, не продиктованное общими для него и его конкурентов условиями, вызовет стачку, которая несомненно нанесёт ему ущерб, так как, во время стачки, вложенный в его дело капитал будет лежать без движения, а его машины покроются ржавчиной. Между тем, в подобном случае ещё неизвестно, добьётся ли он снижения заработной платы, но зато хорошо известно, что если это ему удастся, конкуренты последуют его примеру, цены на вырабатываемый ими фабрикат упадут и прибыль, на которую он надеялся, опять ускользнёт из его рук. Далее, союзы, конечно, могут добиться, по окончании кризиса, более быстрого повышения заработной платы, чем это было бы без их вмешательства. Фабрикант заинтересован в том, чтобы не повышать заработной платы до тех пор, пока конкуренция других предпринимателей его к этому не принудит; между тем, при наличии союза, как только положение дел на рынке улучшается, рабочие сами требуют повышения заработной платы и, пользуясь большим спросом на рабочие руки, могут нередко заставить фабриканта согласиться на это повышение посредством стачки. Но, как я уже говорил, перед лицом более значительных причин, влияющих на рынок труда, союзы бессильны. В таких случаях голод постепенно заставляет рабочих возобновить работу на любых условиях, и если это сделало хоть несколько человек, то сила союза оказывается сломленной, ибо эти несколько knobsticks, при наличии на рынке известных запасов товара, дают возможность буржуазии устранить наиболее тяжёлые последствия перерыва в производстве. Фонды союза быстро истощаются из-за большого числа нуждающихся в поддержке; лавочники в конце концов отказывают в кредите, который они предоставляли за высокие проценты, и нужда заставляет рабочих снова подчиниться игу буржуазии. Но фабриканты в своих собственных интересах, — разумеется, это стало их интересом только в силу сопротивления рабочих, — должны избегать всякого ненужного снижения заработной платы, тогда как сами рабочие воспринимают каждое снижение, даже вызванное состоянием рынка,

как ухудшение своего положения, от которого они хотят по мере возможности оградить себя; поэтому-то большинство стачек кончается неблагоприятно для рабочих. Возникает вопрос, почему же рабочие объявляют стачку в таких случаях, когда бесполезность этой меры ясна для каждого? Да просто потому, что рабочий *обязан* протестовать против снижения заработной платы, даже против самой необходимости этого снижения, потому что он обязан заявить, что он, человек, должен не применяться к обстоятельствам, а, наоборот, приспособлять обстоятельства к *себе,* к человеку, потому что молчание рабочего означало бы примирение с этими обстоятельствами, признание за буржуазией права в периоды процветания торговли эксплуатировать рабочего, а во время застоя обрекать его на голодную смерть. Рабочие не могут не протестовать против этого, пока они ещё сохраняют хоть каплю человеческого достоинства, а протестуют они именно *так,* а не иначе потому, что они — англичане, люди практики, которые выражают свой протест *действием,* а не отправляются, подобно немецким теоретикам, мирно почивать, как только их протест занесён в протокол и приложен ad acta*, где он будет так же мирно покоиться, как и сами протестующие. Активный протест англичанина, напротив, не остаётся без влияния: он ставит известные границы алчности буржуазии и не даёт заглохнуть возмущению рабочих против общественного и политического всемогущества имущего класса. И в то же время этот протест доказывает рабочим необходимость чего-то большего, чем только рабочие союзы и стачки, для того чтобы сломить могущество буржуазии. Но значение этих союзов и организуемых ими стачек в первую очередь состоит в том, что они представляют собой первую попытку рабочих *уничтожить конкуренцию.* Наличие их предполагает уже понимание того, что господство буржуазии основывается только на конкуренции рабочих между собой, т. е. на отсутствии сплочённости пролетариата, на противопоставлении одних рабочих другим. И именно потому, что, при всей их односторонности и ограниченности, усилия союзов направлены против конкуренции, против жизненного нерва современного социального строя, именно поэтому союзы представляют для этого строя такую опасность. Рабочий не мог бы найти более уязвимого места для нападения на буржуазию, а вместе с ней и на весь современный общественный строй. Когда конкуренция рабочих между собой прекратится, когда все рабочие примут решение не давать себя больше эксплуатировать буржуазии,

* — к делу. *Ред.*

царству собственности наступит конец. Заработная плата ведь только потому зависит от условий спроса и предложения, от случайного состояния рынка труда, что рабочие до сих пор позволяли обращаться с собой, как с вещью, которую можно купить и продать. Когда рабочие примут решение не терпеть дальше, чтобы их покупали и продавали, когда при определении, какова же собственно должна быть стоимость труда, рабочий будет выступать не как вещь, а как *человек,* обладающий не только рабочей силой, но и волей, тогда всей теперешней политической экономии и законам заработной платы наступит конец. Конечно, законы заработной платы в конечном счёте снова дали бы себя почувствовать, если бы рабочие, добившись уничтожения конкуренции между собой, на этом остановились. Но рабочие не могут на этом остановиться, не отказавшись от всего своего предшествующего движения и не восстановив опять этой самой конкуренции рабочих между собой, другими словами, они вообще этого не могут допустить. Необходимость заставит их уничтожить не *часть* конкуренции, а конкуренцию вообще, и они это сделают. Рабочие уже и теперь с каждым днём всё более и более начинают понимать, какой вред наносит им конкуренция, они лучше, чем буржуазия, понимают, что конкуренция имущих между собой тоже оказывает своё действие на рабочего, вызывая торговые кризисы, и что её тоже нужно устранить. А скоро они поймут, *как* им нужно это сделать.

Не приходится доказывать, что союзы в значительной мере содействуют усилению ненависти и озлоблению рабочих против имущего класса. Поэтому в периоды особенного возбуждения от этих союзов исходят — с ведома или без ведома руководителей — отдельные действия, которые можно объяснить только ненавистью, доведённой до отчаяния, дикой страстью, переходящей всякие границы. К такого рода действиям относятся упомянутые выше случаи ожогов серной кислотой, а также ряд других, из числа которых я здесь приведу несколько. Однажды вечером, во время сильных волнений среди рабочих в 1831 г., в поле был застрелен молодой Аштон, фабрикант из Хайда близ Манчестера; убийца остался необнаруженным. Нет никакого сомнения в том, что это являлось актом мести со стороны рабочих. — Поджоги и попытки произвести взрывы случаются очень часто. В пятницу, 29 сентября 1843 г., была сделана попытка взорвать мастерскую пил фабриканта Паджина на Говард-стрит в *Шеффилде.* Воспользовались для этого железной трубкой, набитой порохом и наглухо закрытой; убытки были довольно значительны. На следующий день, 30 сентября, имела место такая же попытка на фабрике ножей и напильников

Иббетсона в *Шейлс-Муре* близ *Шеффилда.* Г-н Иббетсон возбудил ненависть рабочих деятельным участием в буржуазных организациях, низкой заработной платой, использованием на работе исключительно knobsticks, а также спекуляцией на законе о бедных (во время кризиса 1842 г. он заставил рабочих согласиться на низкую заработную плату, сообщив попечительству о бедных имена тех, кто отказывался, и выдавая их за людей, которые могут получить работу, но не хотят и потому не заслуживают поддержки). Взрыв причинил довольно значительный ущерб, и все рабочие, приходившие на место происшествия, сожалели только о том, «что не удалось взорвать всё предприятие». —В пятницу, 6 октября 1843 г., в *Болтоне* была сделана неудачная попытка поджечь фабрику Эйнсуэрта и Кромптона. Это была уже третья или четвёртая попытка на этой фабрике за очень короткий срок. — На заседании городского совета в *Шеффилде* в среду, 10 января 1844 г., полицейский комиссар демонстрировал специально изготовленный для взрыва снаряд из чугуна, содержащий четыре фунта пороху, с обгорелым, но потухшим фитилём, который был обнаружен на фабрике г-на Китчена на Эрл-стрит в *Шеффилде.* — В воскресенье, 20 января 1844 г., на лесопильном заводе Бентли и Уайта в *Бери,* в Ланкашире, произошёл взрыв, вызванный заброшенным внутрь фабрики свёртком с порохом; взрыв причинил значительные повреждения. — В четверг, 1 февраля 1844 г., был подожжён и сгорел дотла колёсный завод Сохо в *Шеффилде.* — Итого шесть случаев за четыре месяца, и все они были вызваны только озлоблением рабочих против работодателей. Что из себя представляет социальный строй, при котором такие вещи *возможны,* говорить не приходится. Факты эти с достаточной ясностью показывают, что в Англии социальная война объявлена и действия ведутся даже в такие благоприятные для дел периоды, как конец 1843 года. И всё же английская буржуазия никак не образумится! Но самым красноречивым фактом является процесс так называемых *тугов*[*] *в Глазго,* разбиравшийся в суде присяжных этого города с 3 по 11 января 1838 года. Из разбора дела выяснилось, что союз бумагопрядильщиков, существовавший там с 1816 г., обладал редкой сплочённостью и силой. Члены его обязывались клятвой подчиняться решению большинства. Во время каждой стачки действовал тайный комитет, неизвестный огромному большинству членов союза и без каких-либо ограничений распоряжавшийся его денежными средствами.

[*] Тугами [thugs] этих рабочих прозвали по имени известной ост-индской секты, промышлявшей коварным убийством всех попадавших в её руки посторонних.

Комитет назначал премии за убийство knobsticks и ненавистных фабрикантов, а также за поджоги фабрик. Так была подожжена фабрика, на которую вместо мужчин-прядильщиков были наняты работницы, не состоявшие в союзе; мать одной из этих девушек, по имени Мак-Фёрсон, была убита, и двое убийц были переправлены в Америку на средства союза. —Уже в 1820 г. один knobstick, Мак-Куорри, был ранен выстрелом, за что стрелявший получил от союза 15 фунтов стерлингов. Позже был также ранен выстрелом некий Грехем; стрелявший получил 20 ф. ст., но был пойман и приговорён к пожизненной ссылке. Наконец, в мае 1837 г. вследствие стачки произошли беспорядки на фабриках в Отбанке и Майл-Энде, причём человек десять knobsticks подверглись насилиям; в июле того же года беспорядки ещё не затихли, и один knobstick, некий Смит, был так избит, что умер от побоев. Тогда комитет был арестован и началось следствие. Председатель и виднейшие члены комитета, обвиняемые в участии в незаконных союзах, в насилии над knobsticks и в поджоге фабрики Джемса и Фрэнсиса Ву да, были признаны виновными и приговорены к ссылке на семь лет. Что скажут на это наши добрые немцы?*

Имущий класс, и в особенности промышленная часть его, непосредственно соприкасающаяся с рабочими, с величайшей страстностью ратует против этих союзов и постоянно пытается доказать рабочим их бесполезность, опираясь на доводы, которые с точки зрения буржуазной политической экономии совершенно правильны, но именно поэтому в определённом отношении являются ошибочными и никак не могут повлиять на **ум** рабочего. У же само усердие, проявляемое буржуазией, свидетельствует о том, что в этом деле затронуты её интересы; ведь не говоря о непосредственных убытках от стачки, положение вещей таково, что всё то, что идёт в карман фабриканта, непременно должно быть извлечено из кармана рабочего. Если бы рабочие и не знали так хорошо, что союзы ограничивают в известных пределах стремление конкурирующих между собой работодателей понизить заработную плату, она уже по одному тому не отказались бы от сою-

* «Какое своеобразное чувство «первобытного правосудия» (wild-justice) должно было владеть этими людьми, когда, собравшись на конклав, они с холодной рассудительностью объявляли своего товарища-рабочего дезертиром своего сословия и изменником своему делу, приговаривали его к смерти как изменника и дезертира и казнили рукой тайного палача, потому что государственные судьи и палач этого не делают. Всё это напоминает старинный «суд Фемы» и тайные судилища времён рыцарства, как будто вдруг воскресшие и вновь представшие перед изумлённым взором людей,— судилища, члены которых одеты не в панцыри, а в плисовые куртки, и собираются не в вестфальских лесах, а на благоустроенной улице Галлоугейт в Глазго! — Такое чувство должно быть широко распространено и очень сильно в *массе,* хотя в столь острой форме оно может проявиться только у *меньшинства!»* — Карлейль. «Чартизм», стр. 40.

зов, что, сохраняя их, они наносят вред своим врагам—фабрикантам. На войне урон, нанесённый одной стороне, идёт на пользу другой, а так как рабочие находятся с фабрикантами в состоянии войны, то они в данном случае делают то же самое, что делают августейшие монархи, когда вцепятся друг другу в волосы. — Из всех буржуа самым ярым противником рабочих союзов является уже знакомый нам д-р Юр. Захлёбываясь от возмущения, говорит он о «тайных судилищах» бумагопрядильщиков, самого мощного отряда рабочих, о судилищах, которые заявляют, что могут парализовать всякого непокорного фабриканта «и таким образом разорить человека, который в течение многих лет кормил их». Юр говорит о времени, «когда изобретательная голова и всеоживляющее сердце промышленности окажутся в рабстве у беспокойных низших членов», —о ты, новоявленный Менений Агриппа![113] Как жаль, что английских рабочих не так легко успокоить басней, как римских плебеев! В заключение Юр рассказывает следующую милую историю. Прядильщики, выделывающие грубую пряжу на мюль-машине, тоже некогда безобразным образом злоупотребляли своей силой. Высокая заработная плата, вместо того чтобы вызвать чувство благодарности к фабриканту и стремление к умственному развитию (в науках безобидных или даже полезных для буржуазии, разумеется), часто порождала в них гордость и давала им средства для поддержания строптивого духа в стачках, которые возникали одна за другой на различных фабриках совершенно без всякой причины. Во время такого злосчастного происшествия в Хайде, Дакинфилде и окрестностях местные фабриканты, опасаясь конкуренции французов, бельгийцев и американцев, обратились к машиностроительному заводу Шарп, Робертс и К° с просьбой направить изобретательский талант г-на Шарпа на конструкцию автоматической мюль-машины, дабы «спасти производство от горького рабства и грозящей ему гибели».

«Через несколько месяцев была создана машина, обладающая как будто разумом, чувством и пальцами опытного рабочего. Так *железный человек*— как рабочие прозвали эту машину — *вышел по повелению Минервы из рук современного Прометея.* Это было создание, призванное восстановить порядок среди промышленных классов и обеспечить за англичанами господство в промышленности. Весть об этом новом геркулесовском подвиге распространила ужас в рабочих союзах, и *прежде чем это чудеснов создание вышло, так сказать, из своей колыбели, оно уже задушило гидру анархии».*

Далее Юр доказывает, что изобретение машины, позволяющей печатать одновременно четырьмя и пятью красками, было следствием беспорядков среди рабочих ситцепечатников, что

строптивость рабочих, шлихтующих основу на ткацких фабриках, вызвала к жизни новую усовершенствованную машину для шлихтовки и приводит ещё несколько подобных случаев*. Тот же Юр несколько раньше выбивался из сил, доказывая на многих страницах, что введение машин выгодно для рабочих! — Впрочем, Юр не одинок; в фабричном отчёте фабрикант Ашуэрт и многие другие не упускают случая излить своё негодование на союзы рабочих. Подобно некоторым правительствам, эти премудрые буржуа приписывают все движения, которые им непонятны, влиянию зловредных агитаторов, злоумышленников, демагогов, крикунов и молодёжи. Они утверждают, что агенты этих союзов, получая жалованье от последних, заинтересованы в агитации; как будто не сама буржуазия делает необходимым для союзов оплату этих агентов, раз она таких людей лишает работы!

Участившиеся в невероятной степени стачки всего лучше доказывают, как далеко зашла в Англии социальная война. Не проходит недели, почти даже дня, чтобы там или тут не возникла стачка, то вследствие сокращения заработной платы, то вследствие отказа повысить её, то из-за приёма на фабрику knobsticks, то из-за отказа устранить злоупотребления или плохие порядки, то из-за введения новых машин или из-за бесчисленного множества других причин. Конечно, эти стачки — только авангардные схватки, превращающиеся иногда и в более серьёзные битвы: они ещё ничего не решают, но они с несомненной ясностью доказывают, что решительный бой между пролетариатом и буржуазией уже близится. Стачки являются военной школой, в которой рабочие подготовляются к великой борьбе, ставшей уже неизбежной; они являются манифестацией отдельных отрядов рабочего класса, возвещающих о своём присоединении к великому рабочему движению. И если просмотреть годовой комплект газеты «Northern Star», единственной газеты, сообщающей о всех движениях пролетариата, то можно убедиться, что все рабочие городов и сельских промышленных округов объединились в союзы и от времени до времени заявляют свой протест против господства буржуазия посредством всеобщей стачки. А как школа борьбы стачки незаменимы. В них проявляется своеобразное мужество англичанина. На континенте считают, что англичане, в особенности рабочие, трусливы, что они якобы неспособны совершить революцию; мнение это основано на том, что они не готовы бунтовать каждую минуту, подобно французам, чти они как будто

* Юр. «Философия фабрики», стр. 366 и сл.

спокойно мирятся с буржуазным режимом. Но это мнение совершенно ошибочно. Английские рабочие не уступают никакой нации в мужестве, они не менее беспокойны, чем французы, но борются они иначе. Французы насквозь политичны, они борются и против социального зла на политической арене. Англичане же, считая, что политика служит лишь корыстным интересам буржуазного общества, борются не против правительства, а непосредственно против буржуазии, а эта борьба может пока что вестись с успехом лишь мирным путём. Застой в промышленности и вызванная им нищета повлекли за собой в 1834 г. в Лионе восстание во имя республики, а в 1842 г. в Манчестере всеобщую стачку с требованием Народной хартии и повышения заработной платы. А что для стачки тоже требуется мужество и даже большее, часто гораздо большее мужество, гораздо более смелая и твёрдая решимость, чем для восстания, — это ясно. В самом деле, для рабочего, знающего по опыту, что такое нищета, вовсе не пустяк смело идти навстречу нужде, обречь на неё жену и детей, месяцами терпеть голод и лишения, оставаясь твёрдым и непоколебимым. Сравните смерть или галеры, угрожающие французскому революционеру, с тем, что английский рабочий терпит, чтобы не подчиниться игу имущего класса, с медленной смертью от голода, с необходимостью изо дня в день смотреть на голодающую семью, с сознанием, что буржуазия когда-нибудь да отомстит тебе! Мы увидим дальше пример такого упорного, неодолимого мужества английского рабочего, уступающего силе лишь тогда, когда всякое сопротивление бесполезно и уже не имеет смысла. И именно в этой спокойной выдержке, в этой непоколебимой решимости, ежедневно выдерживающей сотни испытаний, именно в них английский рабочий обнаруживает наиболее достойную уважения черту своего характера. Люди, которые терпят такие бедствия, чтобы сломить сопротивление одного-единственного буржуа, сумеют сломить и силу всей буржуазии. Но и помимо этого английский рабочий не раз обнаруживал достаточно мужества. Если стачка 1842 г. не имела дальнейших последствий, то это произошло отчасти потому, что буржуазия толкнула рабочих на выступление, отчасти потому, что сами рабочие не понимали ясно цели стачки и не были между собой солидарны. В других же случаях, когда дело шло об определённых *социальных* целях, английские рабочие не раз доказали своё мужество. Не говоря уже о восстании 1839 г. в Уэльсе, во время моего пребывания в Манчестере (в мае 1843 г.) там произошло настоящее сражение. На одном кирпичном заводе (Полинга и Хенфри) увеличили форму для кирпичей, не повысив заработной платы, хотя кирпичи

больших размеров продавались, конечно, дороже. Рабочие, которым отказали в повышении заработной платы, оставили работу, а союз объявил фирме бойкот. С большими усилиями фирме удалось, однако, набрать рабочих в окрестных местностях и из числа knobsticks. Сначала союз попытался их запугать. Для охраны завода фирма наняла двенадцать человек отставных солдат и полицейских и вооружила их ружьями. Так как попытки запугивания не помогли, однажды, часов около десяти вечера, отряд рабочих-кирпичников в боевом порядке с авангардом, вооружённым ружьями, напал на завод, расположенный всего шагах в 400 от казарм, в которых стояла пехотная часть*. Проникнув на территорию завода и обнаружив охрану, рабочие стали стрелять, растоптали выложенные для сушки кирпичи, разбросали сложенный в кучи уже подсохший кирпич, разрушили всё, что им попалось под руку, и, проникнув в одно из зданий, поломали всю мебель и избили жену жившего там надсмотрщика. Тем временем охрана расположилась за изгородью, под прикрытием которой можно было беспрепятственно стрелять. Нападающие были ярко освещены пылающей обжигательной печью, перед которой стояли, являясь прекрасной мишенью для своих противников, в то время как сами они стреляли наугад. Тем не менее перестрелка продолжалась более получаса, пока не были истрачены все заряды и не была достигнута цель нападения, т. е. не было разрушено на заводе всё, что можно было разрушить. Тогда появились войска, и рабочие отступили к Эклсу (в трёх милях от Манчестера). Неподалёку от Эклса они сделали перекличку, причём каждый вызывался по номеру, под которым он был записан в своей секции, и потом рассеялись, правда, лишь для того, чтобы попасть в руки надвигавшейся со всех сторон полиции. Раненых, очевидно, было очень много, но стало известным лишь число тех, кто попал в руки полиции. Один рабочий был ранен тремя пулями: в бедро, в голень и в плечо, и тем не менее прошёл более четырёх миль. — Эти люди достаточно показали, что они тоже обладают революционной отвагой и не боятся пуль. Если же невооружённая масса, сама не знающая, чего она собственно хочет, запертая на рыночной площади, может быть усмирена несколькими драгунами и полицейскими, занявшими все выходы, как это случилось в 1842 г., то это далеко не доказывает ещё отсутствия у неё мужества; эта масса ничего не предприняла бы и в том случае, если бы этих слуг государственной, т. е. буржуазной, власти тут не было. Там же, где народ имеет

* На углу улиц Кросс-Лейн и Риджент-род — см. план Манчестера.

1. die Börse.
2. die alte Kirche.
3. das Arbeitshaus.
4. der Armenkirchhof
Zwischen Beiden der Liverpooler & Leedser E.B. Hof.
5. St. Michael's Kirche.
6. Scotland Bridge über d. Irk
Die Strasse von 2 nach 6 heisst Long Millgate.
7. Ducie Bridge über d. Irk.
8. Little Ireland.

Das commerzielle Viertel ist zur Unterscheidung von der linken zur rechten Hand abwärts schattirt

План города Манчестера

перед собой определённую цель, он обнаруживает достаточно мужества, что доказывает, например, нападение на фабрику Бёрли, которую пришлось затем отстаивать при помощи артиллерии.

Кстати несколько слов о том, как свято почитается в Аглии закон. Конечно, для буржуа закон свят: ведь он является его собственным творением, издан с его согласия для защиты его личности и его интересов. Буржуа знает, что если один какой-нибудь закон и причиняет ему неудобства, то всё законодательство в целом направлено к защите его интересов, а главное, что святость закона, неприкосновенность порядка, установленного активным волеизъявлением одной части общества пассивным — другой, является самой надёжной опорой его социального положения. Английский буржуа находит в законе, как и в своём боге, самого себя и потому закон для него свят, потому и дубинка полицейского, которая в сущности является его дубинкой, обладает такой поразительно умиротворяющей силой в его глазах. Но, конечно, не в глазах рабочего. Рабочий слишком хорошо знает, он слишком часто испытал на опыте, что закон для него — кнут, сплетённый буржуазией, и потому он прибегает к закону только в том случае, когда его к этому вынуждают. Смешно утверждать, будто английский рабочий боится полиции, когда в Манчестере каждую неделю происходят избиения полицейских, а в прошлом году была даже сделана попытка взять штурмом полицейский участок, защищённый железной дверью и толстыми ставнями. Сила полиции во время стачки 1842 г. основывалась, как уже сказано, лишь на нерешительности самих рабочих.

Поскольку рабочие не почитают закона, а лишь подчиняются ему, когда они не в силах изменить его, то вполне естественно, что они хотят, по крайней мере, внести предложения об изменении закона, что они стремятся поставить на место буржуазного закона закон пролетарский. Таким законом, предложенным пролетариатом, и является *Народная хартия* (people's charter), документ, по форме чисто политический и требующий реорганизации палаты общин на демократических началах.

Чартизм есть концентрированная форма оппозиции против буржуазии. В деятельности союзов и в забастовках эта оппозиция всегда оставалась разобщённой; отдельные рабочие или группы рабочих боролись с отдельными буржуа. Если борьба принимала иногда общий характер, то большей частью независимо от намерения рабочих; в тех случаях, когда это делалось сознательно, в основе этого сознания лежал чартизм. В чартизме же против буржуазии поднимается весь рабочий класс,

нападая прежде всего на её политическую власть, на ту стену законов, которой она себя окружила. Чартизм ведёт своё происхождение от *демократической* партии, которая развилась в 80-х годах XVIII века *одновременно с пролетариатом и внутри его,* приобрела силу во время французской революции и выступила после заключения мира как *«радикальная»* партия. Главным её центром были тогда Бирмингем и Манчестер, а раньше — Лондон. В союзе с либеральной буржуазией она вырвала у олигархов старого парламента билль о реформе и с тех пор стала всё более и более укрепляться как партия рабочая, противостоящая буржуазии. В 1835 г. комитет всеобщей Лондонской ассоциации рабочих (Working Men's Association) с Уильямом Ловеттом во главе составил проект Народной хартии, заключавший в себе следующие «шесть пунктов»: 1) всеобщее избирательное право для всех совершеннолетних мужчин, находящихся в здравом уме и не совершивших никакого преступления; 2) ежегодно переизбираемый парламент; 3) вознаграждение членов парламента, чтобы и неимущий мог принять депутатские полномочия; 4) выборы путём тайной баллотировки для устранения подкупа и запугиваний со стороны буржуазии; 5) равные избирательные округа, чтобы обеспечить равномерное представительство, и 6) отмена и без того чисто формального земельного ценза в 300 ф. ст. для депутатов, чтобы каждый избиратель имел также право быть избранным. — Этих шести пунктов, которые все касаются только конституирования палаты общин, как они ни невинны на первый взгляд, достаточно всё же для того, чтобы смести с лица земли английскую конституцию вместе с королевой и палатой лордов. Так называемые монархический и аристократический элементы в конституции могут существовать до сих пор лишь потому, что буржуазия заинтересована в сохранении их *для видимости;* ведь и тот и другой элемент существуют в настоящее время только для видимости. Но когда палата общин будет иметь за собой общественное мнение всей страны, когда она будет уже выражать волю не одной только буржуазии, а всей нации, тогда она настолько завладеет всей полнотой власти, что монарх и аристократия потеряют последние следы своего ореола святости. Английский рабочий не питает уважения ни к лордам, ни к королеве, между тем как буржуазия, хотя она на деле и мало считается с их мнениями, воздаёт каждому в отдельности божеские почести. Английский чартист в политическом смысле республиканец, хотя никогда или, по крайней мере, почти никогда не употребляет этого слова; он симпатизирует республиканским партиям всех стран, но охотнее называет себя демократом. Он больше чем просто

республиканец; его демократизм не ограничивается областью чистой политики.

С самого своего возникновения в 1835 г. чартизм был распространён, конечно, главным образом среди рабочих, но он тогда ещё резко не отделялся от радикальной мелкой буржуазии. Радикализм рабочих шёл рука об руку с радикализмом буржуазии. Хартия была их общим лозунгом, они совместно устраивали свои ежегодные «национальные конвенты» и составляли, казалось, одну партию. Мелкая буржуазия, разочарованная результатами билля о реформе и застоем в делах в 1837—1839 гг., была в то время настроена очень воинственно и кровожадно, и потому пламенная агитация чартистов была ей очень по душе. Об энергичном характере этой агитации не имеют в Германии никакого представления. К народу обращались с призывом вооружиться и даже восстать. Изготовлялись пики, как некогда во времена французской революции. В 1838 г. в движении принимал участие, между прочим, некий проповедник из секты методистов, Стефенс, который произнёс перед населением Манчестера такую речь:

> «Не бойтесь силы правительства, не бойтесь солдат, штыков и пушек, которые имеются у ваших угнетателей, — в ваших руках средство гораздо более мощное, чем всё это, — оружие, против которого ни штыки, ни пушки ничего поделать не могут. И этим оружием может овладеть десятилетний ребёнок. Достаточно взять несколько спичек и пучок соломы, облитой смолой! Хотел бы я посмотреть, что сделает правительство со своими сотнями тысяч солдат против этого оружия, если только его смело пустить в ход!»*

Но в то же время обнаружился уже тогда своеобразный *социальный* характер чартизма рабочих. Тот же Стефенс на собрании 200 тыс. человек на Керсолл-Муре, упомянутой уже нами «Священной горе» Манчестера, сказал следующее:

> «Чартизм, друзья мои, не вопрос политический, в котором дело идёт о завоевании для вас избирательного права и пр.; чартизм— это *вопрос ножа и вилки;* Хартия — это значит хорошее жилище, хорошая еда и питьё, хорошая заработная плата и короткий рабочий день».

Поэтому движение против нового закона о бедных и за десятичасовой билль находилось уже и тогда в самой тесной связи с чартизмом. На всех митингах того времени выступал *тори* Остлер, и наряду с национальной петицией о Народной хартии, принятой в Бирмингеме, выдвигались сотни петиций об улучшении социального положения рабочих. В 1839 г. агитация продолжалась не менее оживлённо, и, когда она к концу года стала

* Мы видели, как эти слова подействовали на рабочих.

несколько ослабевать, Басси, Тейлор и Фрост поспешили организовать восстание одновременно в Северной Англии, в Йоркшире и Уэльсе. Фросту пришлось начать восстание слишком рано, так как его планы были предательски раскрыты, и потому он потерпел неудачу. Организаторы восстания на Севере успели узнать о неудачном исходе попытки Фроста и вовремя отступили, Два месяца спустя, в январе 1840 г., в Йоркшире произошло несколько так называемых полицейских мятежей (spy-outbreaks)[114] — как, например, в Шеффилде и Брадфорде, — и затем возбуждение мало-помалу улеглось. Между тем буржуазия направила свои силы на более практичные и более выгодные для неё проекты, именно на борьбу с хлебными законами. В Манчестере образовалась ассоциация для борьбы против хлебных законов, и следствием её возникновения явилось ослабление связи между радикальной буржуазией и пролетариатом. Рабочие скоро поняли, что отмена хлебных законов принесёт *им* мало пользы, между тем как для буржуазии она очень выгодна, а потому буржуазии не удалось добиться от них поддержки проекта. Начался кризис 1842 года. Возобновилась такая же оживлённая агитация, как в 1839 году. На этот раз в ней принимала участие и богатая промышленная буржуазия, очень сильно страдавшая от этого кризиса. Лига против хлебных законов, как стала называться организованная манчестерскими фабрикантами ассоциация, приняла весьма радикальный, боевой характер. Её печать и агитаторы заговорили неприкрытым революционным языком, что объяснялось между прочим и тем, что с 1841 г. у власти стояла консервативная партия. Как раньше чартисты, так теперь Лига стала открыто призывать к восстанию, а рабочие, больше всех страдавшие от кризиса, тоже не оставались бездеятельными, как это показывает национальная петиция этого года, под которой стояло $3^1/_2$ миллиона подписей. Одним словом, если между обеими радикальными партиями раньше было некоторое отчуждение, то теперь они вновь заключили союз. 15 февраля 1842 г. на совместном собрании либералов и чартистов в Манчестере был составлен проект петиции с требованием как отмены хлебных законов, так и принятия Хартии; эта петиция была на следующий день одобрена обеими партиями. Весна и лето прошли под знаком бурной агитации, в обстановке растущей нищеты. Буржуазия имела твёрдое намерение воспользоваться кризисом и вызванными им нуждой и общим возбуждением, чтобы покончить с хлебными законами. Так как на этот раз у власти были тори, то буржуазия почти отказалась от дорогой её сердцу законности; она хотела революции, но руками рабочих.

Она хотела заставить рабочих таскать для неё каштаны из огня и ради неё обжигать себе пальцы. Повсюду стали опять поговаривать о выдвинутом чартистами ещё в 1839 г. лозунге *«священного месяца»—о* всеобщей забастовке рабочих; но на этот раз не рабочие хотели бастовать, а фабриканты хотели закрыть свои фабрики, распустить рабочих по деревням и натравить их на поместья аристократии, чтобы заставить таким образом парламент и правительство тори отменить хлебные пошлины. Это, разумеется, привело бы к восстанию, но буржуазия оставалась бы в тени и могла бы спокойно ожидать результатов, не компрометируя себя в случае неудачи. В конце июля в делах наступило некоторое улучшение; дальше откладывать было нельзя, и, чтобы не упустить момента, три фирмы в Стейлибридже *при улучшающейся конъюнктуре* (ср. торговые отчёты Манчестера и Лидса за конец июля и начало августа) вдруг снизили заработную плату; было ли это сделано по собственному побуждению или по соглашению с остальными фабрикантами, и в частности с Лигой, я решать не берусь. Две фирмы, однако, скоро отступили, а третья, фирма Уильям Бейли с братьями, осталась непреклонна; рабочим в ответ на их жалобы было заявлено, что, если это им не нравится, будет, пожалуй, лучше для них некоторое время погулять. На этот издевательский вызов рабочие ответили возгласами возмущения, покинули фабрику и прошли по городу, призывая всех рабочих к стачке. Через несколько часов все фабрики остановились, и рабочие двинулись процессией в Моттрам-Мур, чтобы там провести митинг. Это было 5 августа. А 8 августа они в числе 5 тыс. человек отправились в Аштон и Хайд, остановили все фабрики и угольные шахты и повсюду устраивали митинги, на которых говорилось, однако, не об отмене хлебных законов, как надеялась буржуазия, а «о справедливой заработной плате за справедливый рабочий день (a fair day's wages for a fair day's work)». 9 августа они двинулись на Манчестер, вошли в город, *не встречая препятствий со стороны представителей власти,* которые все принадлежали к либеральной партии, и остановили там все фабрики. 11 августа они пришли в Стокпорт, и здесь впервые им было оказано сопротивление, когда они штурмовали излюбленное детище буржуазии — работный дом. В тот же день в Болтоне начались всеобщая забастовка и волнения, которым власти также не препятствовали; скоро восстание распространилось на все промышленные округа, и все работы, за исключением уборки хлеба и заготовки съестных припасов, были прекращены. Но и восставшие рабочие оставались спокойными. Они были втянуты в это восстание помимо своей воли:

фабриканты, за исключением одного — *тори* Бёрли в Манчестере, — *против своего обыкновения* не противились забастовке. Дело началось, но рабочие не имели перед собой определённой цели. Правда, все они были согласны в том, что им незачем идти под пули ради своих фабрикантов, добивающихся отмены хлебных законов, но в остальном одни хотели проведения Народной хартии, другие, считая это преждевременным, требовали лишь восстановления заработной платы 1840 года. По этим причинам всё восстание потерпело неудачу. Будь оно с самого начала целеустремлённым, сознательным рабочим восстанием, оно несомненно увенчалось бы успехом. Но массы, выгнанные на улицу хозяевами помимо своего желания, не имея перед собой никакой определённой цели, ничего не могли сделать. Между тем буржуазия, которая и пальцем не пошевельнула для того, чтобы выполнить соглашение от 15 февраля, очень быстро поняла, что рабочие не хотят служить орудием в её руках и что непоследовательность, которую она проявила, уклонившись от «законного» пути, угрожает опасностью ей самой; поняв это, она вернулась на почву законности и перешла на сторону правительства против рабочих, которых она сама сначала подстрекала, а затем принудила к восстанию. Вместе со своими прислужниками буржуазия вступила в ряды специальных констеблей—в Манчестере в их числе были и немецкие коммерсанты, без всякой нужды парадировавшие по улицам города с дубинкой в руках и сигарой во рту; в Престоне она приказала стрелять в народ, и таким образом стихийное народное восстание вдруг оказалось перед лицом не только военной силы правительства, но и всего имущего класса. Рабочие, и без того не имевшие никакой ясной цели, постепенно разошлись, и восстание окончилось без тяжёлых последствий. После этого буржуазия совершила ещё множество других подлостей; она пыталась обелить себя, высказывая отвращение к насильственным выступлениям народа, что плохо согласовывалось с революционными речами, которые она произносила весной, сваливала всю вину на чартистских «подстрекателей» и т. п., хотя сама сделала гораздо больше их, чтобы вызвать восстание; с неслыханным бесстыдством она снова стала на свою прежнюю позицию признания святости закона. Чартисты, которые почти совсем не принимали участия в подготовке восстания, которые лишь сделали то, что собиралась сделать сама буржуазия, т. е. воспользовались сложившейся обстановкой, — чартисты были привлечены к судебной ответственности и осуждены, между тем как буржуазия нисколько не пострадала и даже во время прекращения работы с выгодой смогла продать свои запасы товаров.

Результатом этого восстания было самое решительное отделение пролетариата от буржуазии. Чартисты и раньше вовсе не скрывали, что они готовы добиваться своей Хартии всеми средствами, даже путём революции. А буржуазия, которая теперь вдруг поняла, какую опасность представляет для нес всякий насильственный переворот, и слышать больше не хотела о «физической силе», желая осуществить свои цели одной лишь «моральной силой» —как будто эта последняя является чем-либо иным, кроме прямой или косвенной угрозы применения физической силы. Это был один из спорных пунктов, который, однако, впоследствии был устранён утверждением чартистов, — в такой же степени достойных доверия, как и либеральная буржуазия,—что они тоже не призывали к физической силе. Вторым и важнейшим спорным пунктом, который как раз ц .способствовал оформлению чартизма в его чистом виде, был вопрос о хлебных законах. В отмене этих законов была заинтересована радикальная буржуазия, но не пролетариат. Прежняя чартистская партия раскололась поэтому на две партии, политические принципы которых на словах были совершенно сходны, на деле же—совершенно различны и несовместимы. На Бирмингемской национальной конференции в январе 1843 г. представитель радикальной буржуазии, *Стёрдж,* предложил исключить из устава чартистской ассоциации самое *название* Хартии, мотивируя своё предложение тем, что название это после восстания связано с воспоминаниями о насильственных революционных действиях; связь эта, впрочем, существовала уже несколько лет и г-н Стёрдж раньше не находил нужным против неё возражать. Рабочие не пожелали отказаться от этого названия и, когда при голосовании вопроса Стёрдж потерпел неудачу, этот квакер, ставший вдруг верноподданным, покинул зал заседания в сопровождении меньшинства и организовал из радикальной буржуазии некую «Ассоциацию борьбы за полное избирательное право». Этому буржуа, недавнему якобинцу, воспоминания вдруг стали так неприятны, что даже название всеобщего избирательного права (universal suffrage) он заменил смехотворным названием: полное избирательное право (complete suffrage)! Рабочие осмеяли его и спокойно пошли дальше своим путём.

С этого момента чартизм стал чисто рабочим движением, освободившимся от всяких буржуазных элементов. Органы печати, требовавшие «полного» избирательного права,— «Weekly Dispatch», «Weekly Chronicle», «Examiner» и др. — мало-помалу впали в тот же бесцветный тон, что и остальные либеральные газеты, защищали свободу торговли, нападали на десятичасовой билль и на все специально рабочие требования

и вообще обнаруживали мало радикализма. Во всех конфликтах радикальная буржуазия становилась на сторону либералов против чартистов и вообще в центре своего внимания ставила вопрос о хлебных законах, который для англичан является не чем иным, как вопросом о свободной конкуренции. Благодаря этому радикальная буржуазия совершенно подпала под влияние либеральной буржуазии и играет сейчас в высшей степени жалкую роль.

Зато чартисты-рабочие с удвоенной энергией приняли участие во всех битвах пролетариата против буржуазии. Свободная конкуренция причинила рабочим столько страданий, что стала им ненавистной; её сторонники, буржуа, являются заклятыми врагами рабочих. Полная свобода конкуренции может причинить рабочим только вред. Все требования, которые они выставляли до сих пор — десятичасовой билль, защита рабочего от капиталиста, хорошая заработная плата, обеспеченное положение, отмена нового закона о бедных, — все эти требования, которые являются по меньшей мере такой же неотъемлемой частью чартизма, как и «шесть пунктов», направлены прямо против свободной конкуренции и свободы торговли. Поэтому нет ничего удивительного в том, — вся английская буржуазия никак не может понять этого, — что рабочие ничего не хотят знать о свободной конкуренции, свободе торговли и отмене хлебных законов, что они относятся к этому последнему требованию по меньшей мере весьма равнодушно и крайне озлоблены против его защитников. Именно по этому вопросу пролетариат расходится с буржуазией, а чартизм — с радикализмом, и буржуазный рассудок не может этого понять, потому что он не может понять пролетариата.

Но в этом заключается также отличие чартистской демократии от всей прежней, политической буржуазной демократии. *По существу своему чартизм есть явление социального характера.* «Шесть пунктов», которые для радикального буржуа представляют всё и которые лишь в крайнем случае могли бы повлечь за собой ещё некоторые конституционные реформы, для пролетария являются только средством. «Политическая власть—наше средство, социальное благоденствие — наша цель» — таков теперь ясно выраженный лозунг чартистов. Слова о «вопросе ножа и вилки», сказанные проповедником Стефенсом, были в 1838 г. истиной лишь для некоторых чартистов; в 1845 г. они стали истиной для всех. Нет больше чистых политиков среди чартистов. Правда, социализм их находится ещё в зачаточном состоянии, они ещё до сих пор видят главное средство против нищеты в разделе земли на мелкие участки (allotment-system), что уже изжило себя вследствие

развития промышленности (см. «Введение»), и вообще большинство их практических предложений (охранительные мероприятия в интересах рабочих и т. д.) носит по внешности реакционный характер. Но, с одной стороны, сами предлагаемые ими мероприятия таковы, что либо они не выдержат ударов конкуренции — и тогда возобновится прежнее положение, — либо они должны привести к упразднению самой конкуренции; а с другой стороны, именно нынешнее неопределившееся положение чартизма, его отделение от чисто политической партии неизбежно должны привести к дальнейшему развитию *отличительных признаков* чартизма, обусловленных его социальной сущностью. Сближение его с социализмом неизбежно, в особенности, когда наступит очередной кризис, который должен последовать за теперешним оживлением в промышленности и торговле не позже 1847 г.*, по вероятно уже в будущем году, —кризис, который по силе и остроте далеко превзойдёт все предшествовавшие и наставит рабочих всё больше искать выхода из нужды в социальной, а не в политической области. Рабочие добьются своей Хартии—это само собой разумеется, но до тех пор они ещё многое уяснят себе из того, чего им можно будет добиться посредством Хартии и о чём они пока имеют ещё очень смутное представление.

Тем временем и социалистическая агитация продолжает развиваться. Об английском *социализме* здесь может быть речь лишь постольку, поскольку он влияет на рабочий класс. Английские социалисты требуют постепенного введения общности имущества путём создания «колоний внутри страны» на 2—3 тыс. человек, которые занимались бы промышленностью и земледелием, обладали бы равными правами и получали бы одинаковое образование; английские социалисты требуют облегчения развода и учреждения разумного правительства при полной свободе мнений, а также отмены наказаний, которые должны быть заменены разумным обращением с преступниками. Таковы их *практические* предложения; теоретические их принципы нас здесь не интересуют. — Родоначальником английского социализма был фабрикант *Оуэн.* Поэтому его социализм, который но существу ставит себя выше противоположности между буржуазией и пролетариатом, по форме всё же относится с большой терпимостью к буржуазии и очень во многом несправедливо к пролетариату. Социалисты вполне смирны и миролюбивы; они признают существующий порядок, как он ни плох, поскольку

* (1892 г.) Предсказание сбылось в точности. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1892 г.)*

они отрицают всякий иной путь к его изменению, кроме завоевания общественного мнения. В то же время принципы их настолько абстрактны, что в теперешней своей форме они никогда не смогут завоевать это общественное мнение. При этом социалисты постоянно жалуются на деморализацию низших классов, не замечают в этом разложении общественного порядка элементов прогресса и упускают из виду, что деморализация имущих классов, лицемерных и преследующих лишь свои частные интересы, во много раз хуже. Они не признают исторического развития и поэтому хотят перевести страну в коммунистическое состояние тотчас же, немедленно, а не путём дальнейшего развёртывания политической борьбы до её завершения, при котором она сама себя упразднит [sich selbst auflost]*. Они, правда, понимают, почему рабочий озлоблен против буржуа, но это озлобление, которое единственно и может вести рабочих вперёд, они считают бесплодным и проповедуют ещё более бесплодные в современной английской действительности филантропию и всеобщую любовь. Они признают только психологическое развитие, развитие абстрактного человека, стоящего вне всякой связи с прошлым, между тем как весь мир, а вместе с ним и каждый отдельный человек, вырос из этого прошлого. Поэтому они слишком учёны, слишком метафизичны и большого успеха не имеют. Они вербуются отчасти из среды рабочего класса, где к ним тяготеют очень немногочисленные элементы, хотя, правда, наиболее образованные и наиболее стойкие. В теперешней своей форме социализм никогда не сможет стать общим достоянием рабочего класса; для этого ему необходимо спуститься со своих высот и на некоторое время вернуться к чартистской точке зрения. Но социализм, прошедший через горнило чартизма, очищенный от своих буржуазных элементов, подлинно пролетарский социализм, который уже и теперь формируется у многих социалистов и многих чартистских вождей, являющихся почти сплошь социалистами**, этот социализм сыграет, и очень скоро, выдающуюся роль в историческом развитии английского народа. Английский социализм, который имеет гораздо более широкую базу, чем французский коммунизм, но отстаёт от последнего в своём развитии***, должен временно вернуться к французской точке зрения, чтобы затем пойти

* В английских изданиях 1887 и 1892 гг. вторая часть фразы изменена следующим образом: «а не в результате её дальнейшего закономерного политического развития вплоть до момента, когда этот переход станет и возможным и необходимым». *Ред.*

** (1892 г.) Социалистами в общем смысле слова, разумеется, а не в узко оуэнистском смысле. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1892 г.)*

*** В английских изданиях 1887 и 1892 гг. перед словом «развитии» вставлено слово «теоретическом». *Ред.*

дальше неё. Правда, к тому времени продвинутся дальше в своём развитии и французы. Социализм является в то же время самым решительным выражением господствующего среди рабочих отрицательного отношения к религии и притом выражением столь резким, что рабочие, у которых это отношение *бессознательное,* чисто практическое, часто пугаются этой резкости. Но и здесь нужда заставит рабочих отказаться от веры, которая — в чём они всё более и более убеждаются — служит лишь для того, чтобы сделать их слабыми и покорными своей судьбе, послушными и преданными имущему классу, высасывающему из них все соки.

Итак, мы видим, что рабочее движение распадается на два направления: на чартистов и социалистов. Чартисты больше отстали, они менее развиты, но зато они настоящие, подлинные пролетарии, представители пролетариата. Социалисты смотрят гораздо шире, предлагают практические средства против нужды, но они по своему происхождению выходцы из буржуазии и потому не в состоянии слиться с рабочим классом. Слияние социализма с чартизмом, воспроизведение французского коммунизма применительно к английским условиям — вот что должно произойти в ближайшем будущем и частью уже началось. Лишь тогда, когда это осуществится, рабочий класс действительно станет властелином Англии; политическое и социальное развитие тем временем тоже подвинется вперёд и будет благоприятствовать этой новой зарождающейся партии, этому дальнейшему развитию чартизма.

Эти различные группы рабочих, которые то сливаются в один поток, то идут врозь, — члены союзов, чартисты и социалисты — создали на свои средства множество школ и читален для повышения интеллектуального уровня рабочих. Такие учреждения имеются при каждой социалистической, почти при каждой чартистской организации, а также при многих отдельных профессиональных союзах. Здесь дети получают чисто пролетарское воспитание, свободное от всяких влияний буржуазии, а в читальнях имеется исключительно, или почти исключительно, пролетарская пресса и книги. Эти учреждения очень опасны для буржуазии, и ей удалось уже в некоторых из них, а именно в «Mechanics' Institutions»[115], устранить пролетарское влияние и превратить их в органы для распространения среди рабочих полезных для буржуазии знаний. Здесь преподаются естественные науки, изучение которых отвлекает рабочих от борьбы против буржуазии и может кое-кого из них натолкнуть на изобретения, которые увеличат доходы буржуазии. Между тем для самого рабочего изучение природы *в настоящее*

время совершенно бесполезно, потому что в большом городе, где он живёт, и при большой продолжительности рабочего дня он природы-то никогда и не видит. Здесь проповедуется политическая экономия, кумиром которой является свободная конкуренция; из этой науки рабочий может сделать лишь тот единственный вывод, что самое разумное для него — в тихом смирении умереть с голоду. Здесь всё учит смирению, податливости и приспособлению к господствующей политике и религии, так что рабочий слышит только проповедь повиновения, пассивности и покорности своей судьбе. Естественно, что рабочая масса знать не хочет этих школ; она идёт в пролетарские читальни, занимается обсуждением вопросов, непосредственно затрагивающих её собственные интересы. И тогда самодовольная буржуазия изрекает своё Dixi et salvavi* и с презрением отворачивается от класса, который «предпочитает солидному образованию неистовые выкрики злостных демагогов». Впрочем, рабочие ценят также и «солидное образование», когда оно им преподносится без примеси корыстной мудрости буржуазии; это доказывает множество лекций на естественно-научные, художественные и политико-экономические темы, которые постоянно читаются во всех пролетарских учреждениях, в особенности социалистических, и очень хорошо посещаются. Мне нередко случалось встречать рабочих в изношенных плисовых куртках, которые обнаруживали больше знаний по геологии, астрономии и другим предметам, чем иной образованный буржуа в Германии. Каких успехов английскому пролетариату удалось достигнуть в деле приобретения самостоятельного образования, показывает особенно тот факт, что наиболее выдающиеся произведения новейшей философии, политической литературы и поэзии читаются почти исключительно рабочими. Буржуа — раб существующего социального строя и связанных с ним предрассудков; он пугливо отмахивается и открещивается от всего того, что действительно знаменует собой прогресс; пролетарий же смотрит на всё это открытыми глазами и изучает с наслаждением и успешно. В этом отношении социалисты очень много сделали для просвещения пролетариата; они перевели французских материалистов, *Гельвеция, Гольбаха, Дидро* и т. д., и распространили их в дешёвых изданиях вместе с лучшими произведениями английских авторов. «Жизнь Иисуса» *Штрауса* и «Собственность» *Прудона* тоже имеют хождение только среди пролетариев[116]. Шелли, гениальный пророк *Шелли,* и *Байрон* со своей страстностью и горькой сатирой

* — Dixi et salvavi animam meara — и сказал и спас свою душу. *Ред.*

на современное общество имеют больше всего читателей среди рабочих; буржуа держит у себя только так называемые «семейные издания», выхолощенные и приспособленные к современной лицемерной морали. — Произведения двух крупнейших практических философов новейшего времени, *Бентама* и *Годвина,* особенно последнего, также являются почти исключительно достоянием пролетариата. Если среди радикальной буржуазии и существуют последователи *Бентама,* то ведь только пролетариату и социалистам удалось, отталкиваясь от него, шагнуть вперёд. На этих основах пролетариат создал свою собственную литературу, состоящую большей частью из периодических изданий и брошюр и по содержанию своему далеко превосходящую всю литературу буржуазии. Но к этому мы вернёмся в другой раз.

Необходимо сделать ещё одно замечание. Ядро рабочего движения составляют фабричные рабочие и среди них главным образом рабочие хлопчатобумажных фабрик. Ланкашир, в особенности Манчестер, является местонахождением сильнейших рабочих союзов, центром чартизма, пунктом, где насчитывается больше всего социалистов. Чем глубже фабричная система проникает в какую-нибудь отрасль труда, тем больше рабочие этой отрасли вовлекаются в движение. Чем больше обостряется антагонизм между рабочими и капиталистами, тем больше развивается, тем больше проясняется в рабочем пролетарское сознание. Мелкие мастера Бирмингема, хотя тоже страдают от кризисов, всё же занимают злосчастное промежуточное положение между пролетарским чартизмом и радикализмом лавочников. В общем же все промышленные рабочие вовлечены в ту или иную форму борьбы против капитала и буржуазии. Все они сходятся на том, что они «working men»* — звание, которым они гордятся и которое служит обычным обращением на собраниях чартистов,—что они составляют самостоятельный класс с собственными интересами и принципами, с собственным мировоззрением, класс, противоположный всем имущим классам, и в то же время класс, на котором зиждется вся сила нации и её способность к дальнейшему развитию.

* — «рабочие». *Ред.*

ГОРНОПРОМЫШЛЕННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ

Добыча сырья и топлива для такой колоссальной промышленности, как английская, занимает тоже значительное число рабочих. Из всех необходимых для промышленности видов сырья в самой Англии добываются, кроме шерсти, доставляемой сельскохозяйственными округами, только минералы—металлы и каменный уголь. В Корнуэлле есть богатые медные, оловянные, цинковые и свинцовые рудники, в Стаффордшире, Северном Уэльсе и других округах добывается много железа, а почти вся Северная и Западная Англия, центральная часть Шотландии и некоторые округа Ирландии дают в избытке каменный уголь*.

В *Корнуэлле* в горном промысле занято около 19 тыс. мужчин и 11 тыс. женщин и детей, работающих частью под землёй, частью на поверхности. В самих рудниках работают почти

* Согласно переписи 1841 г., число занятых в горных промыслах Великобритании (кроме Ирландии) рабочих составляло:

	Мужчин		Женщин		Всего
	старше 20 лет	моложе 20 лет	старше 20 лет	моложе 20 лет	
в каменноугольных копях	83408	32475	1185	1165	118233
» медных рудниках.	9866	3428	913	1200	15407
» свинцовых »	9427	1932	40	20	11419
» железных »	7773	2679	424	73	10949
» оловянных »	4602	1349	68	82	6101
в различных других копях и рудниках, в том числе и тех, в отношении которых добываемый минерал не указан	24162	6591	472	491	31716
Итого	139238	48454	3102	3031	193825

Так как в угольных копях и железных рудниках работают большей частью одни и те же рабочие, то часть рабочих, числящихся за каменноугольными копями, должна быть отнесена к железным рудникам. Сюда же надо отнести значительную часть рабочих, числящихся в последней рубрике.

исключительно мужчины и мальчики старше 12 лет.—Судя по «Отчёту комиссии по обследованию детского труда», материальное положение этих рабочих, повидимому, довольно сносное, и англичане часто хвастают своими сильными и смелыми корнуэллскими рудокопами, разрабатывающими рудные жилы даже под морским дном. Впрочем, отчёт оценивает силу этих людей несколько иначе. Во вдумчивом отчёте д-ра *Барема* показано, что вдыхание того воздуха, который бывает в глубине рудников,—воздуха, бедного кислородом и смешанного с пылью и дымом от применяемого для подрывов пороха, — очень вредно отражается на лёгких, нарушает деятельность сердца и ослабляет органы пищеварения; что напряжённая работа и в особенности передвижение вверх и вниз по лестницам, отнимающее в иных копях даже у молодых, сильных мужчин ежедневно свыше часа до работы и после неё, тоже значительно содействуют усилению упомянутых выше заболеваний, так что мужчины, с раннего возраста спускающиеся в копи, далеко не обладают той физической силой, какая наблюдается у женщин, работающих на поверхности земли; что многие умирают в молодые годы от скоротечной чахотки, а большинство — в самом цветущем возрасте от медленной чахотки; что рабочие рано старятся и между 35 и 45 годами теряют работоспособность; что очень многие, сильно вспотев во время трудного подъёма по лестнице, при внезапном переходе из тёплого воздуха шахты в холодную атмосферу на поверхности земли получают острые воспаления и без того болезненных дыхательных органов, очень часто приводящие к смерти. — Работа на поверхности земли, дробление и сортировка руды, производится девушками и детьми и считается очень полезной для здоровья, так как она протекает на свежем воздухе.

На севере Англии, на границе Нортумберленда и Дургама находятся богатые свинцовые рудники Олстон-Мура. Данные об этой местности — отчёт, составленный членом комиссии Митчеллом в «Отчёте комиссии по обследованию детского труда», — почти полностью совпадают с данными о Корнуэлле. И здесь указывается на недостаток кислорода, на насыщенность воздуха штолен пылью, пороховым дымом, углекислотой и сернистыми газами. Вследствие этого рудокопы здесь, как и в Корнуэлле, низкорослы и начиная с 30 лет почти все страдают лёгочными болезнями, которые в конце концов, в особенности если больной, как это почти всегда и бывает, продолжает работать, переходят в настоящую чахотку, значительно снижая среднюю продолжительность жизни этих людей. Если рудокопы этой местности живут несколько дольше рудокопов корнуэллских, то

это объясняется тем, что они начинают работать в шахтах лишь с 19 лет, тогда как в Корнуэлле, как мы видели, работать начинают уже с 12 лет. Но и здесь, по показаниям врачей, большинство умирает между 40 и 50 годами. Из 79 рудокопов, смерть которых была занесена в официальные регистры округа, 37 человек умерло от чахотки и 6 от астмы, причём средняя продолжительность жизни у них исчислялась в 45 лет. В окрестных населённых пунктах: Аллендейле, Станхопе и Мидлтоне средняя продолжительность жизни исчислялась в 49, 48 и 47 лет, а смертность от лёгочных болезней составляла соответственно 48, 54 и 56 процентов общей смертности. Необходимо при этом иметь в виду, что все эти показания относятся только к рудокопам, впервые спустившимся в шахты *не раньше девятнадцатилетнего возраста.* Сравним с этим так называемые шведские таблицы — подробные таблицы смертности, относящиеся ко всему населению Швеции, — которые в Англии признаются самым правильным по сей день масштабом средней продолжительности жизни британского рабочего класса. Согласно этим таблицам, средняя продолжительность жизни мужчины, если он дожил до девятнадцатилетнего возраста, составляет $57^1/_2$ лет, следовательно труд рудокопов в Северной Англии сокращает их жизнь в среднем на десять лет. Но не надо забывать, что шведские таблицы считаются масштабом средней продолжительности жизни *рабочих,* т. е. жизни в неблагоприятных условиях существования пролетариата, следовательно в них дана продолжительность жизни ниже нормальной. — В этой местности мы находим те же ночлежные дома и углы, с которыми мы уже познакомились в больших городах, и здесь они не менее грязны, отвратительны и тесны. Митчелл посетил комнату в 18 футов длины и 15 футов ширины, в которой ютились 42 взрослых мужчины и 14 мальчиков, всего 56 человек, на 14 койках, расположенных одна *над* другой в два ряда, как на корабле. Не было никаких отверстий для проветривания; хотя последние три ночи в этой комнате никто не ночевал, запах и духота были такие, что Митчелл не смог оставаться в ней ни одной минуты. Каково же должно быть, когда туда в жаркую летнюю ночь набивается 56 человек! И это не трюм американского невольничьего корабля, а жилище «свободнорождённых британцев»!

Перейдём теперь к важнейшим отраслям английской горной промышленности — к железным рудникам и каменноугольным коням, которые «Отчёт комиссии по обследованию детского труда» рассматривает вместе и притом очень подробно, как этого и требует важность предмета. Почти вся первая часть

этого отчёта касается положения рабочих, занятых в этих двух отраслях. Подробное описание положения промышленных рабочих, данное мной выше, позволяет мне быть здесь настолько кратким, насколько этого требуют размеры настоящей книги.

В каменноугольных копях и железных рудниках, которые разрабатываются примерно одинаковым образом, применяется труд детей 4, 5, 7 лет, но большей частью старше 8 лет. Они используются для перетаскивания добытой руды или угля с места добычи к конной дороге или в главную шахту, а также для того, чтобы открывать и закрывать ведущие из одной части шахты в другую двери, пропуская рабочих и груз. Для наблюдения за этими дверями используются большей частью самые маленькие дети, которые таким образом вынуждены одиноко просиживать 12 часов в день в темноте, в тесном, большей частью сыром проходе, не имея даже достаточно работы, чтобы спастись от отупляющей скуки ничегонеделания. Зато перетаскивание угля и железной руды — очень тяжёлый труд, потому что довольно большие ящики без колёс, наполненные породой, приходится тащить волоком по неровному полу штолен, часто по сырой глине или по воде, по крутым подъёмам и проходам, иногда столь тесным, что рабочим приходится пробираться по ним ползком. Поэтому для этой тяжёлой работы используются дети постарше и девочки-подростки. Смотря по обстоятельствам, на каждый ящик для руды приходится один взрослый рабочий или двое детей, из которых один тащит, а другой сзади подталкивает. Зарубка руды, которой занимаются взрослые мужчины и более крепкие юноши 16 лет и старше, является тоже очень утомительной работой. — Обычно рабочее время длится 11—12 часов, часто работают дольше, а в Шотландии работают и по 14 часов. Очень часто работают двойное время, так что все рабочие проводят под землёй 24, а нередко и 36 рабочих часов подряд. Определённых перерывов для еды по большей части нет, так что рабочие едят, когда проголодаются и смогут урвать свободную минуту.

С внешней стороны положение рудокопов в общем изображается как довольно благополучное, а заработная плата их считается даже высокой по сравнению с заработной платой окружающих сельскохозяйственных рабочих (которые просто голодают). Исключение составляют некоторые части Шотландии и каменноугольный район Ирландии, где царит большая нужда. Нам ещё представится случай вернуться к этой оценке положения рудокопов, данной, впрочем, лишь сравнительно с положением беднейшего класса всей Англии. Теперь же мы

рассмотрим вредные последствия, вытекающие из современного способа эксплуатации копей и рудников, и предоставим судить читателю, может ли какая бы то ни было денежная компенсация вознаградить рабочего за такие страдания.

Дети и подростки, занятые перетаскиванием угля и железной руды, все жалуются на большую усталость. Даже в тех промышленных заведениях, где царит самая бессовестная эксплуатация, мы не встречаем такого всеобщего и такого крайнего истощения. Многочисленные примеры этого приведены на каждой странице отчёта. Очень часто случается, что дети, вернувшись домой, падают на каменный пол у очага и тотчас же засыпают, что они даже не в состоянии что-нибудь съесть, и родители должны их сонных умывать и укладывать в постель. Часто дети от усталости падают и засыпают по дороге, и родителям приходится разыскивать их глубокой ночью и сонных приводить домой. Обычным, повидимому, является то, что по воскресеньям эти дети значительную часть дня проводят в постели, чтобы хоть несколько отдохнуть от работы за неделю; церковь и школу посещают лишь немногие дети, да и на тех учителя жалуются, что, при всём своём желании учиться, они всё время находятся в сонливом состоянии и очень тупы. Так же обстоит дело с девушками и женщинами. Их самым жестоким образом заставляют работать через силу. — Эта усталость, почти всегда доведённая до крайне болезненного состояния, не остаётся без влияния на организм рабочих. Первым следствием такого чрезмерного труда является неравномерное развитие мышц, а именно бывают чересчур развиты мышцы рук и ног, спины, плеч и груди, которые главным образом напрягаются при волочении и подталкивании грузов, между тем как остальные части тела вследствие недостатка питания плохо развиты. Прежде всего задерживается и рано прекращается рост: почти все рудокопы малорослые, за исключением рудокопов Уорикшира и Лестершира, которые работают в особых, более благоприятных условиях. Затем очень задерживается, как у мальчиков, так и у девочек, наступление половой зрелости; у первых она часто задерживается до 18 лет. Член комиссии Саймонс встретил даже одного 19-летнего юношу, который, за исключением зубов, был в общем физически развит не более, чем мальчик 11—12 лет. Это удлинение периода детства есть в сущности не что иное, как результат задержанного развития, которое неминуемо сказывается впоследствии. При таких условиях и при таком ослаблении организма искривление ног, вогнутые колени, вывернутые ступни, искривление позвоночника и другие уродства являются наиболее распространённым последствием

неестественного положения, почти всегда принимаемого телом во время работы; эти уродства составляют столь частое явление,что в Йоркшире и Ланкашире,как и в Нортумберленде и Дургаме, многие, в том числе и врачи, утверждают, что рудокопа всегда можно у знать среди сотни других рабочих по его сложению. Женщины, повидимому, особенно страдают от этой работы; сложение их редко бывает вполне нормальным, вернее — почти никогда не бывает таким. В отчёте приведены также многие доказательства того, что работа в рудниках и копях вызывает у женщин ненормальности в строении таза, влекущие за собой тяжёлые роды, часто даже кончающиеся смертью. Кроме уродств такого рода, углекопы страдают от целого ряда специальных заболеваний, которым подвержены и другие горнорабочие и которые легко объясняются особенностями их труда. В первую очередь они страдают от болезней желудка: аппетит исчезает, в большинстве случаев появляются боли в животе, тошнота и рвота, а также сильная жажда, которую приходится утолять грязной, часто тепловатой водой рудника. Деятельность пищеварительных органов нарушается, что способствует и другим заболеваниям. По свидетельству многих, углекопы часто страдают также такими болезнями сердца, как гипертрофия, воспалительное состояние сердца и сердечной сумки, сокращение входа в желудочки сердца и в аорту, что легко объясняется чрезмерным трудом. Грыжа тоже почти общее явление и представляет собой прямое последствие чрезмерного напряжения мышц. Отчасти по той же причине, отчасти вследствие дурного, насыщенного пылью, углекислотой и рудничным газом воздуха — чего здесь легко было бы избежать — в шахтах возникает множество мучительных и опасных лёгочных болезней, в особенности астма, которая появляется у большинства углекопов в некоторых округах на сороковом году жизни, а в других округах даже на тридцатом году и очень быстро приводит к потере работоспособности. У тех, кто работает в сырых штольнях, удушье начинается, конечно, гораздо раньше; в некоторых местностях Шотландии оно появляется у рабочих между 20 и 30 годами, в возрасте, когда больные лёгкие особенно восприимчивы ко всем воспалительным и лихорадочным процессам. Очень своеобразной болезнью этих рабочих является так называемая чёрная мокрота (black spittle), вызываемая проникновением мелкой угольной пыли во все части лёгкого; эта болезнь выражается в общей слабости, в головных болях, в удушье и выделении чёрной, густой мокроты. В некоторых местностях эта болезнь протекает легко, в других, в особенности в Шотландии, она совершенно неизлечима; здесь кроме

упомянутых симптомов этой болезни, проявляющихся в усиленной форме, наблюдается ещё короткое свистящее дыхание, частый пульс (свыше 100 ударов в минуту) и прерывистый кашель; больной всё больше худеет и слабеет и скоро теряет трудоспособность. В Шотландии эта болезнь всегда бывает смертельной. Д-р Мак-Келар в Пенкейтленде, Ист-Лотиан, свидетельствует, что во всех копях с хорошей вентиляцией болезнь эта вовсе не встречается, между тем как рабочие, переходящие из хорошо вентилируемых копей в копи с плохой вентиляцией, очень часто заболевают ею. Таким образом, вина за то, что эта болезнь вообще существует, падает на жадных до прибыли шахтовладельцев, пренебрегающих устройством хорошей вентиляции. Ревматизм является тоже болезнью всех углекопов, за исключением углекопов Уорикшира и Лестершира, и большей частью вызван пребыванием в сырых шахтах. — В результате всех этих заболеваний углекопы во всех *без исключения* округах рано стареют и уже после 40 лет— в одних округах несколько раньше, в других несколько позже— становятся неработоспособными. Весьма редко случается, чтобы углекоп мог продолжать заниматься своим делом в 45-или 50-летнем возрасте. По всеобщему свидетельству к 40 годам для рабочего этой отрасли труда наступает старость. Это относится к тем, кто откалывает уголь; грузчики, которым постоянно приходится поднимать тяжёлые глыбы угля при загрузке бадьи, старятся уже в 28—30 лет, так что в каменноугольных округах существует даже поговорка: грузчик делается стариком, не успев стать молодым человеком. Само собой понятно, что такая ранняя старость углекопов влечёт за собой и раннюю смерть, и потому 60-летние старики встречаются среди них крайне редко; даже в Южном Стаффордшире, где копи сравнительно гораздо более благоустроены, лишь немногие доживают до шестого десятка.—При такой преждевременной старости рабочих вполне естественно, что и здесь, как на фабриках, безработные родители очень часто находятся на иждивении своих детей, иногда ещё очень юных. — Подводя ещё раз в кратких словах итог тем последствиям, которые влечёт за собой работа в каменноугольных копях, можно присоединиться к словам одного из членов комиссии, д-ра Саутвуда Смита: вследствие удлинения периода детства, с одной стороны, и раннего наступления старости—с другой, значительно сокращается тот период жизни, в котором человек находится в полном расцвете своих сил, и вообще продолжительность жизни сокращается в результате ранней смерти. Всё это тоже надо поставить в счёт буржуазии!

Все приведённые выше данные являются лишь средними для английских копей. По есть немало таких копей, где условия работы гораздо хуже, в том числе те копи, в которых разрабатываются топкие пласты угля. Уголь обходился бы слишком дорого, если бы вместе с ним извлекали часть прилегающих пластов песка и глины; владельцы поэтому заставляют выкапывать только уголь, оставляя песок и глину на месте, а ходы, которые обыкновенно бывают в 4, 5 и более футов вышиной, здесь так низки, что стоять в них невозможно. Рабочий отбивает своим кайлом уголь, лёжа на боку и опираясь на локоть. Такое положение вызывает воспаление локтевого сустава, а в тех случаях, когда рабочему приходится работать, стоя на коленях, такого же рода воспаление коленного сустава. Женщины и дети, которые должны оттаскивать уголь, запрягаются в ящики для руды при помощи сбруи и цепи, проходящей иногда между ног, и ползут на четвереньках по низким штольням, а сзади другой подталкивает головой и руками. Подталкивание головой вызывает местное раздражение, болезненные опухоли и нарывы. Во многих случаях штольни к тому же бывают сырыми, так что рабочим приходится ползти по грязной или солёной воде в несколько дюймов глубиной, что также вызывает раздражение кожи. Нетрудно представить себе, в какой мере способствует развитию болезней, и без того свойственных углекопам, такой ужасный, невольничий труд.

Но этим ещё не исчерпывается список зол, выпадающих на долю углекопа. Во всём британском королевстве нет отрасли труда, в которой жизнь рабочего так часто подвергалась бы опасности, как именно здесь. Каменноугольные копи являются ареной множества самых ужасных несчастных случаев, и все их следует непосредственно отнести на счёт алчности буржуазии. Рудничный газ, часто образующийся в копях, при смешении с атмосферным воздухом превращается в гремучий газ, который при соприкосновении с огнём воспламеняется и убивает всякого, кто находится поблизости. Такие взрывы случаются то здесь, то там чуть ли не ежедневно. В Хасуэллских копях, в Дургаме, 28 сентября 1844 г. произошёл такого рода взрыв, в результате которого погибло 96 человек. Углекислый газ, также образующийся в копях в большом количестве, скопляется в более низких местах, заполняя их часто выше человеческого роста, и всякий, кто туда попадает, задыхается. Двери, отделяющие друг от друга отдельные части копей, должны мешать распространению взрывов и движению газов, но так как они находятся под наблюдением маленьких детей, которые часто засыпают или вообще небрежно относятся к своим обязанностям,

то это лишь мнимая предосторожность. Хорошая вентиляция копей посредством вентиляционных колодцев полностью устранила бы вредное действие и того и другого газа, но на это буржуа своих денег не даёт. Он предпочитает требовать от рабочих, чтобы они пользовались только лампочкой Дэви; но эта лампа своим слабым светом часто не приносит рабочему никакой пользы, и поэтому он охотно заменяет её простой свечой. Если же происходит взрыв, то приписывается он, конечно, небрежности рабочего, между тем как буржуа посредством хорошей вентиляции мог бы вообще сделать взрыв почти невозможным. Далее, то и дело происходит обвал штольни или части штольни, засыпая рабочих или нанося им увечья; буржуа заинтересован в том, чтобы по возможности выбирать дочиста уголь из горизонтальных пластов, и в этом причина обвалов. Далее, канаты, по которым рабочие опускаются в шахту, часто бывают плохого качества и обрываются, а несчастные рабочие летят на дно шахты и разбиваются. Все эти несчастные случаи—за недостатком места я не останавливаюсь на отдельных примерах—уносят ежегодно, по подсчёту «Mining Journal»[117], около 1400 человеческих жизней. Газета «Manchester Guardian» сообщает каждую неделю по меньшей мере о двух или трёх случаях, происшедших в одном только Ланкашире. Почти во всех округах присяжные для освидетельствования умерших находятся в зависимости от владельцев копей, а там, где этого нет, уже в силу косности выносится вердикт: *«смерть от несчастного случая»*. Кроме того присяжные мало задумываются над состоянием копей, так как ничего в этом не понимают. Но зато «Отчёт комиссии по обследованию детского труда» без всяких колебаний возлагает на владельцев копей ответственность за огромное большинство этих несчастных случаев.

Что касается умственного развития и нравственности рабочих горных промыслов, то, согласно «Отчёту комиссии по обследованию детского труда», и с тем и с другим дело обстоит в Корнуэлле сносно, а в Олстон-Муре даже превосходно; зато в угольных районах и умственный и нравственный уровень в общем очень невысокий. Рабочие живут в деревне, в глухих местах, и, коль скоро они выполняют свою тяжёлую работу, никто кроме полиции ими не интересуется. Вследствие этого, а также и потому, что дети начинают работать в очень юном возрасте, духовное развитие их находится на очень низком уровне. Обычные школы им недоступны, вечерние и воскресные школы ничего не дают — учителя никуда не годятся. Поэтому лишь немногие умеют читать и ещё меньше — писать. Единственное, что они, по свидетельству членов комиссии, понимают,

это то, что за свой тяжёлый и опасный труд они получают слишком ничтожную заработную плату. —Церкви они не посещают никогда или почти никогда; все священники жалуются на невиданное отсутствие религиозного чувства. И действительно, эти люди обнаруживают такое неведение в религиозных и мирских вопросах, перед которым бледнеют приведённые нами выше примеры, касающиеся промышленных рабочих. Религиозные понятия им знакомы только по ругательствам, а нравственность их разрушается самими условиями их труда. Ясно само собой, что переутомление всех углекопов не может не способствовать пьянству. Что касается нравственности в отношениях между полами, то достаточно сказать, что вследствие высокой температуры в копях мужчины, женщины и дети работают. нередко совсем голые, а в большинстве случаев едва прикрытые. К каким это ведёт последствиям в тёмных и уединённых коридорах копей, каждый может себе представить. Несоразмерно большое число внебрачных детей достаточно ясно показывает, что происходит там среди этих наполовину одичавших людей; но оно доказывает также, что внебрачные половые сношения здесь не дошли ещё, как в городах, до проституции. Труд женщины имеет здесь такие же последствия, как м на фабриках: он разрушает семью и совершенно лишает женщину возможности выполнять свои материнские и домашние обязанности.

Когда «Отчёт комиссии по обследованию детского труда» был представлен в парламент, лорд *Эшли* поспешил внести законопроект, без всяких оговорок запрещавший в рудниках и копях труд женщин и очень ограничивавший труд детей. Закон прошёл[118], но в большинстве местностей он остался мёртвой буквой, потому что даже не назначили горных инспекторов, которые следили бы за его исполнением. К тому же в сельских округах, где находятся горные промыслы, обойти закон и без того очень легко. Поэтому не приходится удивляться, если в прошлом году союз углекопов официально уведомил министра внутренних дел, что в копях герцога Гамильтона в Шотландии работает свыше 60 женщин, и если при опубликовании газетой «Manchester Guardian» сообщения о том, что, если не ошибаюсь, вблизи Уигана во время взрыва копи погибла девушка, никто и внимания не обратил на то, что этим был обнаружен факт нарушения закона. В некоторых отдельных случаях закон, может быть, и соблюдается, но в общем всё осталось по-старому.

Но и этим ещё не ограничиваются страдания, которые выпадают на долю углекопов. Буржуазия, не довольствуясь тем, что

она разрушает здоровье этих людей, ежечасно подвергает их смертельной опасности и лишает всякой возможности получить какое-нибудь образование, ещё эксплуатирует их самым наглым образом. Система оплаты товарами здесь не исключение, а правило, и практикуется самым откровенным, неприкрытым образом. Система коттеджей, которая здесь общепринята и большей частью вызывается необходимостью, тоже используется для более интенсивной эксплуатации рабочих. Кроме того рабочих надувают ещё и иным образом: в то время как уголь продаётся на вес, рабочему платят большей частью за объём, и, если его корзина не совсем полна, он не получает *никакой заработной платы,* за излишек же ему ничего не доплачивают. Если в корзине оказывается больше известного количества гравия, что зависит ведь не столько от рабочего, сколько от качества угольного пласта, то с него не только удерживают всю заработную плату, но ещё взимают штраф. Вообще система штрафов в копях достигает такого совершенства, что порой какой-нибудь бедняга, проработав целую неделю и придя за получкой, узнаёт от надсмотрщика, — который штрафует по собственному своему усмотрению, не предупреждая рабочего, — что он не только ничего не получит, но даже должен доплатить столько-то в виде штрафа! Надсмотрщик вообще самовластно распоряжается заработной платой; он отмечает сданную работу и может как ему вздумается оплачивать рабочего, который обязан верить ему на слово. В некоторых копях, где оплата производится на вес, употребляют неверные десятичные весы, причём проверка гирь властями не производится; в одной копи существовало даже правило, что рабочий, намеревающийся жаловаться на неправильные весы, *должен об этом предупредить надсмотрщика за три недели вперёд!* Во многих местностях, особенно в Северной Англии, существует обычай нанимать рабочих на целый год: они обязуются в течение этого времени не работать ни на кого, кроме своего хозяина, но тот вовсе не обязуется давать им работу. Таким образом, они могут целыми месяцами сидеть без работы, и, если они вздумают искать работу в другом месте, их за самовольное оставление службы посылают на шесть недель в тюрьму. В других договорах им гарантируют заработок в 26 шиллингов за каждые две недели, но обещанного не исполняют. В некоторых округах шахтовладельцы дают рабочим взаймы небольшие суммы, с тем чтобы они их потом отработали, и таким образом закрепляют их за собой. На Севере вошло в обычай всегда задерживать расчёт по заработной плате на одну неделю, чтобы таким образом привязать углекопов к шахте. Окончательно низводит этих прикреплённых

рабочих до положения рабов тот факт, что почти все мировые судьи каменноугольных округов либо сами принадлежат к числу владельцев копей, либо являются родственниками и друзьями последних и пользуются почти неограниченной властью в этих бедных, отсталых местностях, где мало газет, — да и те находятся на службе у господствующего класса, — а политическая агитация слабо развита. Трудно даже представить себе, какой эксплуатации и тирании подвергают несчастных углекопов эти мировые судьи, которые вершат правосудие в свою пользу.

Так обстояло дело в течение долгого времени. Горнорабочим и в голову не приходило, что может быть иначе, что они вообще живут на свете не только для того, чтобы с них драли шкуру. Но мало-помалу и среди них, и в первую очередь в фабричных округах, где соприкосновение с более развитыми фабричными рабочими не могло не сказаться, появился дух протеста против позорного гнёта *«угольных королей».* Углекопы стали объединяться в союзы и от времени до времени устраивать забастовки. В более культурных местностях они даже всей душой присоединились к чартистам. Но крупный каменноугольный округ на севере Англии, стоящий совершенно в стороне от промышленной жизни, не поддавался новым веяниям, и только в 1843 г., после многих усилий и трудов как чартистов, так и более сознательных углекопов, проснулся и в этом округе общий дух сопротивления. Движение настолько захватило рабочих Нортумберленда и Дургама, что они стали во главе всеобщего союза углекопов всей Великобритании и назначили своим «генеральным поверенным» чартиста, адвоката *У. П. Робертса* из Бристоля, выдвинувшегося уже в прежних процессах чартистов. Этот союз быстро распространился на большинство округов; всюду были назначены агенты, созывавшие собрания и вербовавшие членов. Ко времени первой конференции делегатов в Манчестере в январе 1844 г. союз насчитывал свыше 60 тыс, членов, ко времени второй конференции в Глазго, полгода спустя, уже свыше 100 тыс. членов. На этих конференциях обсуждались все дела углекопов и принимались решения относительно более крупных забастовок. Было создано несколько новых периодических изданий для защиты прав углекопов, в частности ежемесячник «The Miner's Advocate» в Ньюкасле-на-Тайне.

31 марта 1844 г. кончился срок договора о найме у всех углекопов Нортумберленда и Дургама. Они поручили Робертсу составить новый договор, предъявляя следующие требования: 1) оплата по весу, а не по объёму; 2) взвешивание при помощи обыкновенных весов и гирь, проверенных правительственными

инспекторами; 3) полугодовой срок найма; 4) отмена системы штрафов и оплата всей выполненной работы; 5) обязательство со стороны владельцев копей предоставлять рабочим, находящимся исключительно у них на службе, работу в течение не менее четырёх дней в неделю или гарантировать им заработную плату за четыре дня в неделю. Договор послали угольным королям и избрали депутацию для переговоров. Шахтовладельцы ответили, что союз углекопов для них не существует, что они имеют дело с отдельными рабочими и союза никогда не признают. Со своей стороны, они также предложили проект договора, в котором, однако, не было и намёка на вышеприведённые пункты и который рабочие, конечно, отвергли. Война тем самым была объявлена. 31 марта 1844 г. 40 тыс. углекопов побросали свои кайлы, и все копи в обоих графствах опустели. Средства союза были так значительны, что каждой семье в течение нескольких месяцев было обеспечено еженедельное пособие в $2^1/_2$ шиллинга. В то время как рабочие испытывали таким образом терпение своих хозяев, Робертс с неутомимой энергией организовывал стачку и агитацию; он созывал собрания, объездил Англию вдоль и поперёк, собирал пожертвования для стачечников, призывал к спокойствию и соблюдению законности и в то же время открыл небывалый ещё в Англии поход против произвола мировых судей и предпринимателей, практикующих систему оплаты товарами. Открыл он этот поход ещё в начале года. Как только какой-нибудь мировой судья осуждал углекопа, Роберте немедленно раздобывал в суде королевской скамьи[119] предписание Habeas Corpus[120], привозил своего клиента в суд в Лондон и всегда добивался его оправдания. Так, например, судья Уильяме в суде королевской скамьи оправдал 13 января трёх углекопов, осуждённых мировым судьёй в Билстоне (Южный Стаффордшир); преступление этих углекопов состояло в том, что они отказались работать в таком месте, которое грозило обвалом и действительно обвалилось, как только они удалились оттуда! Ещё раньше судья Паттесон оправдал шесть рабочих, так что мало-помалу Робертс стал грозой мировых судей-шахтовладельцев. В Престоне тоже четыре клиента Робертса были заключены в тюрьму; в начале февраля Робертс отправился туда, чтобы на месте ознакомиться с делом, но когда он прибыл, обнаружилось, что осуждённые уже освобождены *до* истечения срока наказания. В Манчестере находилось в заключении семь человек; Робертс выхлопотал предписание Habeas Corpus и добился от судьи Уайтмена полного оправдания подсудимых. В Прескоте сидели в тюрьме девять углекопов, ожидавших приговора за приписываемое им

нарушение спокойствия в Сент-Хеленсе (Южный Ланкашир); как только приехал Роберте, они были освобождены. Всё это произошло в течение первой половины февраля. В апреле Роберте таким же образом освободил из тюрьмы одного углекопа в Дерби, четырёх—в Уэйкфилде (Йоркшир) и четырёх—в Лестере. Так дело продолжалось некоторое время, пока эти «Dogberries» — как называли мировых судей по имени известного персонажа из пьесы Шекспира «Много шума из ничего» — немного не присмирели. Точно так же Робертс воевал с системой оплаты товарами. Он таскал в суд этих бесчестных владельцев копей одного за другим и заставлял мировых судей против своей воли выносить приговоры против них. Шахтовладельцев обуял такой страх перед этим быстрым как молния и всюду поспевавшим генеральным поверенным, что, например, в местности Белпер, близ Дерби, одна фирма, практиковавшая систему оплаты товарами, как только приехал Робертс, вывесила следующее объявление:

«Извещение. Пентрикские каменноугольные копи.

«Гг. Хазлем считают необходимым объявить, во избежание всяких недоразумений, что все работающие на их предприятии углекопы будут получать заработную плату сполна деньгами и могут расходовать её, где и как им будет угодно. Если они будут покупать нужные им товары в лавке гг. Хазлем, они будут получать их, как и раньше, по оптовым ценам, Но вовсе не требуется, чтобы они покупали именно там, и работа и заработная плата им будут даваться попрежнему независимо от того, покупают ли они в этой лавке или в любой другой».

Эти успехи вызвали бурный восторг среди всего английского рабочего класса и привлекли к союзу массу новых членов. Тем временем забастовка на Севере продолжалась. Никто ие работал, и в Ньюкасле, главном порту по вывозу угля, был такой угольный голод, что туда приходилось доставлять уголь из Шотландии, хотя у англичан поговорка to carry coal to Newcastle* означает то же, что у греков означало «носить сов в Афины», а именно: делать нечто совершенно излишнее. Сначала, пока не истощились средства союза, всё шло хорошо, но к лету рабочим стало очень тяжело вести борьбу; в их рядах царила величайшая нужда; у них не было денег, так как взносы рабочих всех отраслей промышленности в Англии составляли всё же слишком ничтожную сумму в сравнении с числом бастующих; им приходилось обращаться к лавочникам за кредитом на очень невыгодных условиях; вся пресса, за исключением немногих пролетарских органов, была против них; буржуазия, и даже те немногие из её представителей, у которых хватило бы чувства справедливости для того, чтобы поддержать бастующих,

* — возить уголь в Ньюкасл. *Ред.*

черпала из продажных либеральных и консервативных газет лишь лживые сообщения о ходе стачки; депутация из двенадцати углекопов, отправленная в Лондон, собрала среди лондонского пролетариата некоторую сумму, которая тоже мало помогла вследствие большого числа нуждающихся в поддержке. Несмотря на все это, углекопы оставались непреклонными и. что ещё более важно, при всех враждебных выходках и провокациях шахтовладельцев и их прислужников, сохраняли спокойствие и выдержку. Не было совершено ни одного акта мести, ни один перебежчик не был избит, не произошло ни одной кражи. Забастовка продолжалась так четыре месяца, и у шахтовладельцев всё ещё не было ни малейшей надежды на победу. Перед ними открывался один путь. Они вспомнили про систему коттеджей; они вспомнили, что жилища строптивых рабочих принадлежат их *хозяевам.* В июле рабочим предложили очистить занимаемые ими квартиры, и через неделю все 40 тыс. человек оказались выброшенными на улицу. Выселение производилось с возмутительной жестокостью. Больных и слабых, стариков и младенцев, даже рожениц безжалостно вытаскивали из постелей и сталкивали в канавы вдоль шоссе. Один агент доставил себе удовольствие собственноручно вытащить за волосы из постели женщину, находившуюся в последнем периоде беременности, и выкинуть её на улицу. Тут же стояли во множестве войска и полиция, готовые при первой попытке сопротивления и по первому намёку мировых судей, руководивших всей этой жестокой процедурой, выступить с оружием. Рабочие стерпели и это, не оказав никакого сопротивления. Шахтовладельцы надеялись, что рабочие прибегнут к насилию, и старались всеми средствами вызвать их на сопротивление, чтобы иметь повод положить конец забастовке при содействии армии; но выброшенные на улицу углекопы помнили увещания своего поверенного, воздерживались от всяких действий, безропотно вытаскивали свою мебель на болотистые луга или сжатые поля и продолжали терпеливо ждать. Некоторые из них за неимением лучшего расположились табором в канавах вдоль шоссе; другие, устроившиеся на чужих участках, подверглись судебным преследованиям за то, что «нанесли ущерб 13 размере полупенни» и были приговорены к оплате судебных издержек в размере 1 ф. ст., а так как этой суммы они, конечно, заплатить не могли, их засадили в тюрьму. Так эти люди провели со своими семьями более восьми недель дождливого прошлогоднего (1844 г.) лета под открытым небом, без иного крова для себя и для своих малюток, кроме ситцевых пологов своих кроватей, без иной помощи, кроме скудного пособия союза и

всё сокращавшегося кредита лавочников. Тогда лорд Лондондерри, владеющий в Дургаме значительными копями, потребовал, чтобы лавочники *«его города»* Сиема под угрозой его сиятельного гнева перестали отпускать в кредит *«его»* строптивым рабочим. Этот «благородный» лорд во всё время стачки служил всеобщим посмешищем из-за комично напыщенных и нескладных «указов», которые он от времени до времени издавал для рабочих, не достигая этим ничего, кроме увеселения всей нации*. Видя, что ничто не помогает, хозяева с большими затратами привезли для работы на своих копях рабочих из Ирландии и отдалённых местностей Уэльса, где ещё не зародилось рабочее движение; когда таким образом была опять восстановлена конкуренция рабочих между собой, сила стачечников оказалась сломленной. Шахтовладельцы заставили их отказаться от союза, отступиться от Робертса и принять продиктованные ими условия. Так кончилась в начале сентября великая пятимесячная борьба углекопов с их хозяевами, — борьба, которая велась эксплуатируемыми с выдержкой, мужеством, сознательностью и рассудительностью, вызывающими у нас величайшее восхищение. Какой высокий уровень подлинно человеческой культуры, воодушевления и стойкости духа предполагает такая борьба у массы в 40 тыс. человек, которых ещё в 1840 г. «Отчёт комиссии по обследованию детского труда» изображал, как мы видели, сплошь грубыми и безнравственными! Но как же тяжёл был тот гнёт, который заставил эти 40 тыс. подняться, как один человек, подобно армии, не только дисциплинированной, но и воодушевлённой одним стремлением, одной волей, и вести борьбу с величайшим хладнокровием и спокойствием до того момента, когда дальнейшее сопротивление потеряло всякий смысл! И какую борьбу — борьбу не против зримого врага, которого можно разить, а против голода и нужды, нищеты и бесприютности, против собственных страстей, доведённых жестокостью богачей до крайних пределов безумия. Если бы рабочие пустили в ход насилие, то их, безоружных, расстреляли бы, и через несколько дней победа шахтовладельцев была бы обеспечена. Соблюдение законности у них диктовалось не страхом перед дубинкой полицейского, а заранее обдуманным решением, оно было лучшим доказательством сознательности и самообладания рабочих.

Таким образом, рабочие и на этот раз, несмотря на свою беспримерную стойкость, были побеждены капиталистами. Но

* (1892 г.) Ничто не ново под луной, по крайней мере в Германии. Наши «короли Штуммы» тоже лишь сколки с английских образцов, давно забытых на своей родине и ставших там невозможными. *(Примечание Энгельса к нвмецкому изданию 1892 г.)*

борьба не осталась бесплодной. Прежде всего эта стачка, продолжавшаяся 19 недель, навсегда вывела углекопов Северной Англии из состояния духовной спячки, в котором они пребывали до сих пор. Они очнулись, осознали свои интересы и приобщились к движению цивилизации и, прежде всего, к рабочему движению. Стачка, которая выявила всю жестокость шахтовладельцев по отношению к рабочим, окончательно пробудила дух протеста среди этих рабочих и по меньшей мере три четверти из них сделала чартистами, а 30 тыс. таких энергичных и выдержанных людей представляют для чартистов ценное пополнение. Далее, столь продолжительная стачка, протекавшая в рамках законности, и деятельная агитация, сопровождавшая её, всё же привлекли внимание общественного мнения к положению углекопов. Воспользовавшись прениями но поводу вывозных пошлин на уголь, Томас Данкомб, единственный депутат — решительный сторонник чартизма, поднял в парламенте вопрос о положении углекопов, добился оглашения их петиции с трибуны палаты и, выступив с речью, вынудил и буржуазную прессу дать, по крайней мере в парламентских отчётах, верное изображение всего дела. Вскоре после этой стачки случился взрыв в Хасуэлле. Робертс приехал в Лондон, потребовал аудиенции у Пиля и в качестве представителя рабочих углекопов настаивал на тщательном расследовании всех обстоятельств взрыва. Он добился того, что профессорам Лайелю и Фарадею, первым в Англии авторитетам по геологии и химии, было поручено произвести обследование на месте катастрофы. Так как вскоре после этого произошло ещё несколько взрывов и Роберте снова доставил составленные о них акты премьер-министру, то последний обещал в ближайшую парламентскую сессию (т. е. в нынешнюю, 1845 г.) внести в парламент, если это будет возможно, проект мер, необходимых для охраны рабочих. Всего этого не было бы, если бы углекопы не проявили себя во время стачки свободолюбивыми и достойными уважения людьми и если бы они не поручили Робертсу ведения своих дел.

Как только стало известно, что углекопы Севера вынуждены распустить свой союз и отказаться от услуг Робертса, углекопы Ланкашира организовали союз, объединивший около 10 тыс. рабочих, и гарантировали своему генеральному поверенному содержание в 1200 ф. ст. в год. Осенью прошлого года в союз поступало в месяц свыше 700 ф. ст., из которых около 200 ф. ст. уходило на жалованье, судебные издержки и т. д., а остальное тратилось большей частью на пособие рабочим, оказавшимся безработными, или бастующим вследствие столкновений с хозяевами. Так рабочие с каждым днём всё больше сознают, что,

объединившись, они образуют достаточно внушительную силу и, когда в этом будет крайняя необходимость, смогут помериться силами с буржуазией. Вот это сознание, которое является важным результатом всех рабочих движений, возникло у английских углекопов благодаря образованию союза и стачке 1844 года. Пройдёт ещё немного времени, и углекопы, уступавшие до сих пор промышленным рабочим в сознательности и энергии, сравняются с ними и смогут во всех отношениях идти с ними плечом к плечу. Так всё более и более расшатывается почва под ногами буржуазии, и в конце концов всё её государственное и общественное здание рухнет вместе с базисом, на котором оно стоит.

Но буржуазия не считается с предостережениями. Протест углекопов только ещё больше её ожесточил; она увидела в нём не шаг вперёд рабочего движения в целом, шаг, который должен был бы заставить её образумиться, а только повод излить свой гнев на класс людей, настолько неразумных, чтобы не соглашаться дольше терпеть прежнее обращение с ними. В справедливых требованиях неимущих буржуазия увидела лишь дерзкое недовольство, сумасбродное возмущение против «установленного богом и людьми порядка» или, в лучшем случае, успех «злонамеренных демагогов, живущих агитацией и слишком ленивых для того, чтобы работать», — успех, который необходимо подавить всеми средствами. Буржуазия пыталась, разумеется безуспешно, изобразить перед рабочими таких людей, как Роберте и агенты союза, которые, вполне естественно, существовали на средства союза, ловкими мошенниками, выманивающими *у них,* бедных рабочих, последний грош. — Когда видишь это безумие имущего класса, когда видишь, насколько ослеплён он своими временными выгодами, насколько не замечает он самых красноречивых знамений времени, действительно теряешь всякую надежду на мирное разрешение социального вопроса для Англии. Единственным возможным выходом остаётся насильственная революция, и она, несомненно, не заставит себя долго ждать.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ

Мы уже видели во «Введении», как одновременно с мелкой буржуазией и с жившими раньше в скромном достатке рабочими подверглось разорению и мелкое крестьянство, поскольку существовавшее раньше соединение промышленного и сельскохозяйственного труда оказалось уничтоженным, опустевшие мелкие участки сосредоточились в руках крупных арендаторов, а мелкие крестьяне были вытеснены подавляющей конкуренцией крупных хозяйств. Вместо того чтобы оставаться попрежнему земельными собственниками или арендаторами, мелкие крестьяне были вынуждены, забрасывая собственное хозяйство, пойти в батраки к крупным фермерам-арендаторам и к лендлордам. В течение известного времени их новое положение было хотя и хуже прежнего, но всё же сносное. Развитие промышленности шло в ногу с приростом населения, но в дальнейшем это развитие несколько замедлилось, а непрерывное усовершенствование машин уже не позволяло промышленности поглощать весь избыток рабочего населения, притекавшего из сельскохозяйственных районов. С этого момента нищета, наблюдавшаяся раньше, и то только временами, в фабричных округах, появилась также и в сельскохозяйственных районах. К этому ещё прибавилось, что приблизительно в это же время окончилась двадцатипятилетняя война с Францией. Во время войны сокращение производства на местах военных действий, прекращение подвоза и необходимость снабжать продовольствием британские войска в Испании вызывали искусственный подъём английского сельского хозяйства и кроме того масса рабочих рук была оторвана от мирного труда. Теперь же задержка в подвозе, необходимость экспорта и нехватка рабочих рук одновременно прекратились, и неизбежным следствием всего этого явилось то, что англичане называют agricultural distress, бедственным положением сельского хозяйства. Фермеры вынуждены были дёшево продавать свой хлеб и могли поэтому платить только низкую заработную плату. Чтобы поднять цены на

хлеб, парламент в 1815 г. принял закон о хлебных пошлинах, запрещавший ввоз хлеба, пока цена на пшеницу оставалась ниже 80 шилл. за кварту. Впоследствии этот закон, который не оказал, разумеется, никакого действия, много раз подвергался изменениям, но это не облегчило бедственного положения сельскохозяйственных округов. Единственным результатом было то, что болезнь, которая при свободной иностранной конкуренции носила бы острый характер и имела бы свои кризисы, стала хронической и равномерно, но ещё более пагубно, влияла на положение сельскохозяйственных рабочих.

В первое время после появления сельскохозяйственного пролетариата здесь установились патриархальные отношения, подобные тем, которые только что были разрушены в промышленности, — те отношения между хозяином и его батраками, которые в наши дни ещё встречаются почти повсеместно в Германии. Пока существовали эти отношения, нужда среди рабочих была менее острой и не имела такого распространения; батраки разделяли участь своего хозяина-фермера, который увольнял их лишь в самом крайнем случае. Теперь всё это изменилось. Работники почти все стали подёнщиками: фермер нанимает их тогда, когда в них нуждается, и потому они целыми неделями, в особенности зимой, остаются совсем без работы. При патриархальных отношениях, когда батраки вместе со своими семьями жили на дворе у фермера, когда дети их вырастали тут же, причём хозяин, конечно, старался найти у себя какое-нибудь занятие для подрастающего поколения, когда подёнщики составляли не правило, а исключение, тогда в каждом хозяйстве насчитывалось больше рабочих, чем было, строго говоря, необходимо. Поэтому фермеры были заинтересованы в том, чтобы разрушить эти патриархальные отношения, изгнать батраков со своего двора и превратить их в подёнщиков. Так и произошло почти повсеместно к концу двадцатых годов нашего столетия. В результате «избыток» населения, находившийся прежде, выражаясь языком физики, в скрытом состоянии, теперь высвободился, заработная плата упала, и налог в пользу бедных чрезвычайно возрос. С этого времени сельскохозяйственные округа стали очагами *хронического пауперизма,* а фабричные округа — очагами *периодического пауперизма,* и реформа законодательства о бедных была первой предпринятой правительством мерой против растущего с каждым днём обнищания сельских общин. Кроме того, вследствие применения молотилок и других машин, вызванного непрестанным развитием системы крупного хозяйства, а также вследствие использования на полевых работах женского и детского труда, который в

настоящее время настолько распространён, что его последствия недавно стали даже предметом обследования особой официальной комиссии, и в этой отрасли появилось большое число безработных. Итак, мы видим, что и сюда проникла система промышленного производства, создавая крупные хозяйства, разрушая патриархальные отношения, — которые именно здесь имели большое значение, — вводя применение машин, паровых двигателей, женского и детского труда и вовлекая и эту, остававшуюся ещё нетронутой, наиболее инертную часть трудящегося человечества в революционное движение. Но чем продолжительнее был застой в земледелии, тем тяжелее оказался удар, обрушившийся теперь на рабочих, тем сильнее сказалась здесь дезорганизация старого социального уклада. «Избыточное население» сразу выступило на свет божий и не могло быть поглощено расширением производства, как в промышленных округах. Всегда можно создать новую фабрику, если только есть покупатель для её продукции, но новую землю создать нельзя, а обработка пустующих общинных земель была рискованным вложением средств и, после окончания войны, привлекала мало капиталов. Неизбежным следствием происшедшей перемены явилось то, что конкуренция рабочих между собой достигла высшей точки, а заработная плата упала до минимума. Пока существовал старый закон о бедных, рабочие получали из кассы для бедных кое-какую поддержку; само собой разумеется, что заработная плата от этого только ещё больше падала, так как фермеры старались возможно большую часть расходов переложить на кассу для бедных. Это ещё больше увеличило размер и без того очень возросшего с появлением избыточного населения налога в пользу бедных и обусловило появление нового закона о бедных, о котором будет речь дальше. Но от этого закона положение не улучшилось. Заработная плата не повысилась, «излишнее» население не исчезло, а суровость нового закона лишь до крайности озлобила народ. Даже размер взимаемого налога, сначала сократившийся, вернулся по истечении нескольких лет к исходной точке. Единственным результатом нового закона было то, что если раньше насчитывалось 3—4 миллиона полунищих, то теперь обнаружился 1 миллион нищих в полном смысле слова, а остальные остались полунищими, но уже лишились всякой поддержки. Нужда в сельскохозяйственных округах с каждым годом возрастает. Люди живут в величайшей нищете, целые семьи должны существовать на 6, 7 или 8 шилл. в неделю, а по временам и этого не имеют. Послушаем, как изображал положение этого населения уже в 1830 г. один либеральный член парламента:

«Английский крестьянин» (т. е. сельскохозяйственный подёнщик) «и английский паупер, эти два слова — синонимы. Отец *его* был паупером, и молоко матери не имело питательной силы; с детских лет он плохо питался, никогда не наедался досыта и теперь ещё он почти всегда испытывает муки неудовлетворённого голода, если только не спит. Он полуодет, топлива у него еле хватает для приготовления скудной пищи, так что холод и сырость его постоянные гости, появляющиеся вместе с непогодой и исчезающие только вместе с ней. Он женат, но радости отца и мужа ему незнакомы. Его жена и дети голодные, почти всегда озябшие, часто больные и беспомощные, вечно такие же озабоченные и унылые, как он сам, разумеется, жадны, эгоистичны и надоедливы. Поэтому ему, выражаясь его собственными словами, ненавистен самый вид их (hales the sight of them) и он возвращается в свою лачугу только потому, что она всё же является лучшей защитой от дождя и непогоды, чем забор. Он должен содержать семью, а сделать этого не может; это приводит к нищенству, неблаговидным проделкам всякого рода и кончается откровенным жульничеством. Даже при желании у него не хватило бы смелости сделаться, подобно другим, более энергичным людям его класса, настоящим браконьером или контрабандистом; по он ворует при случае и учит своих детей лгать и воровать. Его подобострастное, раболепное отношение к более богатым соседям показывает, что они обращаются с ним грубо и подозрительно; поэтому он боится и ненавидит их, но никогда не решится совершить над ними насилие. Он испорчен до мозга костей и слишком унижен, чтобы найти в себе даже энергию отчаяния. Его несчастная жизнь коротка. ревматизм и астма приводят его в работный дом, где он закончит свои дни без единого приятного воспоминания о прошлом и очистит место для другого несчастного, который так же прожил и так же умрёт, как и он».

Автор наш прибавляет, что кроме этой категории подённых сельскохозяйственных рабочих есть ещё и другая категория людей, более энергичных и лучше развитых в физическом, умственном и нравственном отношениях; эти люди, правда, живут. в такой же нищете, но они не родились в этих условиях. Они лучше относятся к своей семье, но это контрабандисты и браконьеры, которые часто вступают в кровавые стычки с лесной и береговой охраной, ещё более ожесточаются против общества из-за частых пребываний в тюрьме и в своей ненависти к имущим не уступают первой категории.

«И из вежливости (by courtesy)»,—кончает наш автор,—«вся эта категория называется, по Шекспиру, «гордым английским крестьянством» (bold peasantry of England)»*.

Это описание может быть признано и в настоящее время верным для большей части подёнщиков в сельскохозяйственных округах Англии. В июне 1844 г. газета «Times» послала в эти

* E. G. Wakefield, M. P. «Swing unmasked, or the Cause of Rural Incendiarism». London, 1831 [Э. г. Уэйкфилд, член парламента. «Разоблачённый Суинг, или причины поджогов в деревне». Лондон, 1831]. — Памфлет. Приведённые выше места находятся на стр. 9—13; в переводе мы опустили те места оригинала, которые относятся к ещё существовавшему тогда старому закону о бедных.

местности корреспондента для обследования положения этой категории людей, и представленный им отчёт вполне совпадает с этим описанием. В некоторых местностях заработная плата не превышала 6 шилл. в неделю, т. е. была не выше, чем во многих местностях Германии, в то время как цены на съестные припасы в Англии по меньшей мере вдвое выше, чем в Германии. Не трудно представить себе, какую жизнь ведут эти люди. Пища их плохая и скудная, одежда в лохмотьях, жилище тесное и убогое — жалкая лачуга без всяких удобств; молодёжь живёт в ночлежных домах, где мужчины и женщины почти не отделены друг от друга, что приводит к беспорядочным сожительствам. Достаточно нескольких дней безработицы в месяц, чтобы довести этих людей до крайней нищеты. К тому же они не могут объединяться в союзы для борьбы за повышение заработной платы, потому что живут изолированно; если кто-нибудь и откажется работать за низкую плату, на его место найдутся десятки безработных и выходцев из работного дома, которые рады получить даже самый ничтожный заработок, а отказавшийся от работы, заклеймённый как лентяй и бездельник, уже не получит от попечительства никакой помощи, кроме отсылки в тот же ненавистный работный дом. Ведь в попечительстве о бедных заседают те же фермеры, и только у них или у их соседей и знакомых он и может получить работу. И это не случайные сведения о том или другом из сельскохозяйственных округов Англии; нет, нужда одинаково велика на юге, на востоке, на севере и на западе. Положение рабочих в Суффолке и Норфолке ничем не отличается от положения рабочих в Девоншире, Гэмпшире и Суссексе; заработная плата в Дорсетшире и Оксфордшире так же низка, как в Кенте и Суррее, в Бакингемшире и Кембриджшире.

Особо жестокой мерой, направленной против сельскохозяйственного пролетариата, являются законы об охоте, которые в Англии строже, чем где бы то ни было, хотя дичи там сколько угодно. В обычаи и традиции английского крестьянина издавна входило браконьерство как вполне естественное благородное проявление мужества и отваги, а контраст между нищетой крестьянина и самодурством лорда, разводящего в парках для собственного развлечения множество зайцев и пернатой дичи, ещё более толкает крестьянина на этот путь. Он ставит силки, иногда подстрелит какую-нибудь дичь, что в сущности не приносит лорду никакого ущерба, так как дичь в избытке, а крестьянин раздобыл жаркое для своей голодной семьи. Если его поймают, он попадает в тюрьму, а при повторном случае отправляется в ссылку не менее чем на семь лет. Такая строгость наказания

влечёт за собой частые кровавые стычки с лесным сторожем, в результате которых ежегодно совершается ряд убийств. Должность лесного сторожа поэтому не только опасна, но и считается бесславной и презренной. В прошлом году два сторожа предпочли пустить себе пулю в лоб, чем продолжать заниматься своей профессией. Вот та «дешёвая» цена, которой оплачивается благородная забава земельной аристократии—охота! Но какое дело до этого благородным «lords of the soil»*? Разве не всё равно, что избыточного населения будет на несколько человек больше или меньше! А если даже половина этого «излишнего» населения погибнет вследствие законов об охоте, то оставшейся половине станет только лучше — таковы филантропические рассуждения английского имущего класса.

Но хотя условия деревенской жизни — разбросанность жилищ, косность среды и занятий, а следовательно и идей — очень мало благоприятствуют всякому развитию, бедность и нужда всё же и здесь приносят свои плоды. Рабочие фабричной и горной промышленности быстро прошли первую стадию протеста против общественных порядков, стадию непосредственного протеста отдельных лиц, выражающегося в правонарушениях; крестьяне же до сих пор застряли на этой стадии. Их излюбленным приёмом социальной войны является поджог. Зимой 1830—1831 г., последовавшей за июльской революцией, поджоги впервые получили всеобщее распространение, после того как уже в начале октября в Суссексе и примыкающих к нему графствах из-за усиления береговой охраны (затруднившей контрабанду и разорившей, как выразился один фермер, всё побережье), из-за нового законодательства о бедных, низкой заработной платы и введения машин возникли беспорядки и распространились на весь район. В течение зимы горели скирды хлеба и стога сена на полях фермеров и даже риги и хлева возле самых их домов. Почти каждую ночь полыхало несколько таких пожаров, сея ужас среди фермеров и землевладельцев. Поймать преступников почти никогда не удавалось, и народ стал приписывать поджоги мифической личности, которую он называл *«Суинг» [«Swing»]*. Ломали себе головы над тем, кто такой «Суинг» и что породило этот мятежный дух среди сельской бедноты; о великой движущей силе — *нужде,* об угнетении мало кто подумал, а в самих сельскохозяйственных районах, наверно, никто. С тех пор поджоги повторялись каждый год с наступлением зимы, времени года, когда для подёнщиков начинается безработица. Зимой 1843—1844 г. они повторялись

* — «лордам земли». *Ред.*

необычайно часто. Передо мной ряд номеров газеты «Northern Star» за этот период, и в каждом из них, с указанием источника, приводится множество случаев поджогов. Некоторых номеров этой еженедельной газеты, не упомянутых в приведённом ниже списке, у меня нет под рукой, но и в них, наверно, было немало сообщений о поджогах. К тому же такая газета не может, разумеется, описывать все подобные случаи. «Northern Star» от 25 ноября 1843 г. приводит два случая и ссылки на многие другие, о которых было сообщено ранее. — «Northern Star» от 16 декабря: в Бедфордшире в течение двух недель царит всеобщее возбуждение вследствие частых поджогов, случающихся каждую ночь. За последние дни сгорели *две* большие фермы. В Кембриджшире сгорели *четыре* большие фермы, в Хартфордшире—*одна;* кроме того было ещё *пятнадцать* поджогов в различных местах. — 30 декабря в Норфолке был *один* поджог, в Суффолке — *два,* в Эссексе — *два,* и Хартфордшире — *три,* в Чешире — *один,* в Ланкашире — *один,* в Дерби, Линкольне и на юге — *двенадцать.* — 6 января 1844 г. в общем десять поджогов, 13 января—семь и 20 января—четыре. Далее газета еженедельно отмечает в среднем три-четыре пожара, и это продолжается не до весны, как бывало в прежние годы, а до июля и августа. Из полученных мной английских газет и из сообщений в немецкой прессе видно, что с наступлением зимы 1844—1845 г. этот вид преступлений получил ещё большее распространение.

Что скажут мои читатели о таком положении в идиллически-мирных сельских округах Англии? Разве это не социальная война? Разве такое положение естественно и может долго продолжаться? И тем не менее фермеры и земельные собственники здесь такие же тупые и косные, такие же слепые ко всему, что не приносит им звонкой монеты, какими являются в промышленных округах фабриканты и вообще буржуа. Последние прочат своим рабочим все блага от *отмены* хлебных законов, а земельные собственники и значительная часть фермеров обещают своим рабочим рай на земле при *сохранении* этих законов. Но имущим в обоих случаях не удаётся соблазнить рабочих своим всеисцеляющим средством. Как фабричные, так и сельскохозяйственные рабочие относятся совершенно равнодушно к отмене или сохранению хлебных законов. Между тем вопрос этот для тех и для других очень важен. С отменой хлебных законов свободная конкуренция, современный строй общественного хозяйства доводится до своего крайнего развития; после этой отмены всякая возможность дальнейшего развития в пределах существующих отношений отпадает и единственным возможным шагом вперёд

становится радикальный переворот в социальном порядке. Для сельскохозяйственных рабочих вопрос этот важен ещё и по следующим соображениям. Свободный ввоз хлеба обусловливает собой—по причинам, на которых я *здесь* останавливаться не могу,—эмансипацию фермера от землевладельца, другими словами, превращение фермера-тори в фермера-либерала. Над этим Лига против хлебных законов уже немало поработала, и это её единственная заслуга. Но если фермеры превратятся в либералов, т. е. сознательных буржуа, то их рабочие станут чартистами и социалистами, т. е. сознательными пролетариями. Одно влечёт за собой другое. И теперь уже среди сельскохозяйственных пролетариев намечается новое движение; это доказывает собрание, которое *либеральный* землевладелец граф *Раднор* созвал в октябре 1844 г. возле *Хайуэрта,* где расположены его владения, для принятия резолюции против хлебных законов; рабочие отнеслись к этим законам с полнейшим безразличием, но выставили совсем другие требования, в частности потребовали сдачи в аренду мелких участков за дешёвую плату и вообще наговорили графу Раднору немало горьких истин. —Так движение рабочего класса проникает в глухие, закоснелые, погружённые в духовную спячку сельскохозяйственные округа и, при царящей в этих местах нужде, оно скоро здесь укрепится и разовьётся так же, как в фабричных округах.

Что касается религиозных чувств сельскохозяйственных рабочих, то у них они, конечно, сильнее, чем у промышленных рабочих, но всё же и они находятся в очень натянутых отношениях с церковью, так как в этих округах почти всё население принадлежит к англиканской церкви. Корреспондент «Morning Chronicle», за подписью: *«Один из тех, кто сам ходил за плугом»*[*], сообщает о своей поездке по сельскохозяйственным округам и передаёт, между прочим, такой разговор с подёнщиками у выхода из церкви:

«Я спросил одного из них, является ли сегодняшний проповедник их постоянным священником. Да, ну его к чёрту (Yes, blast him), — да, это наш собственный поп; вечно он попрошайничает, и с тех пор, как я его знаю всегда попрошайничал (проповедник призывал к сбору средств на обращение язычников). — И с тех пор, как я его знаю, — прибавил другой, — я ещё не встречал попа, который бы не попрошайничал то на одно, то на другое. — Да, — сказала женщина, только что вышедшая из церкви, — плата рабочим всё падает, а посмотрите на этих богатых бездельников, с которыми попы едят, пьют и ездят на охоту. Ей-богу, мы скорее пойдём в работный дом или подохнем с голоду, чем согласимся выложить деньги для попов, которые отправляются к язычникам. — А почему, — сказала другая, — они не посылают туда тех попов, которые хнычут каждый день в

[*] — Псевдоним Александера Сомервилла. *Ред.*

соборе в Солсбери, где никто, кроме камней, их не слушает? Почему *эти* не отправляются к язычникам?—*Эти* туда не пойдут,—сказал тот старик, с которым я начал разговор, — они богатые, они имеют больше земли, чем им нужно, а они хотят собрать деньги, чтобы избавиться от бедных попов; я прекрасно знаю, чего они хотят; я их слишком давно знаю. — Что же это, друзья мои, — спросил я, — неужели вы всегда выходите из церкви с таким горьким чувством к священнику? Зачем же вы вообще ходите в церковь? — Зачем мы ходим? — ответила женщина. — Мы вынуждены ходить, если не хотим потерять всё, — работу и всё; конечно, мы вынуждены. — Впоследствии я убедился в том, *что если они ходят в церковь,* то получают некоторые мелкие преимущества в снабжении топливом и небольшой участок земли под картофель, за который им, впрочем, приходится платить».

Описав далее их нищету и невежество, наш корреспондент заканчивает следующими словами:

«И я смело утверждаю, что положение этих людей, их бедность, их ненависть к церкви, их внешняя покорность и внутреннее озлобление против церковных сановников *составляют правило во всех сельских общинах Англии,* а противоположное является лишь исключением».

Если в Англии в собственном смысле слова крестьянство показывает нам, какие последствия влечёт за собой в сельских округах наличие многочисленного сельскохозяйственного пролетариата при крупной земельной собственности, то в *Уэльсе* мы наблюдаем разорение мелких арендаторов. Если в сельских общинах Англии воспроизводится антагонизм между пролетариями и крупными капиталистами, то участь уэльсских крестьян соответствует неуклонному разорению мелкой буржуазии в городах. В Уэльсе имеются большей частью только мелкие арендаторы, которые не в состоянии продавать свои сельскохозяйственные продукты так же выгодно и так же дёшево, как находящиеся в лучших условиях крупные английские фермеры, с которыми им приходится конкурировать на одном рынке. Следует также принять во внимание, что почва во многих местах пригодна только для животноводства, которое мало доходно, и что уэльсские крестьяне уже из-за обособленности своей национальности, к которой они горячо привязаны, ещё гораздо более косны, чем английские фермеры. Но в первую очередь именно конкуренция в собственной среде и с соседями-англичанами и вызванное этой конкуренцией повышение арендной платы разорили уэльсских крестьян настолько, что они еле сводят концы с концами и, не видя истинной причины своего тяжёлого положения, ищут её во всевозможных мелочах, вроде высоких дорожных пошлин и т. п. Последние, разумеется, тормозят развитие сельского хозяйства и торговли, но поскольку они принимаются в расчёт как постоянные рас-

ходы каждым, кто берёт землю в аренду, то в конечном счёте они ложатся на землевладельца. И новый закон о бедных здесь крайне ненавистен также и арендаторам, потому что они сами постоянно рискуют попасть под его действие. В феврале 1843 г. накопившееся недовольство уэльсских крестьян прорвалось в известном «бунте Ревекки». Мужчины, переодетые в женские платья, с вымазанными сажей лицами, большими вооружёнными отрядами нападали на ворота, заменяющие в Англии шлагбаумы у застав, разбивали их при громких криках восторга и выстрелах, разрушали также домики сборщиков дорожных пошлин, писали угрожающие письма от имени мифической «Ревекки» и однажды даже штурмовали работный дом в Кармартене. Позже, когда были присланы войска и усилена полиция, крестьяне необыкновенно ловко пускали их по ложному следу, разрушали ворота в одном месте, в то время как войска, которым со всех холмов подавались сигналы рожками, двигались в противоположную сторону. Когда же войск стало слишком много, начались поджоги и даже покушения на жизнь отдельных лиц. Как всегда, этими более значительными нарушениями закона ознаменовался конец движения. Одни отошли от него, будучи не согласны с приёмами борьбы, другие — из страха, и спокойствие восстановилось само собой. Правительство послало комиссию для расследования событий и их причин, и тем дело кончилось. Но нужда среди крестьян ие прекратилась, и так как при существующих общественных отношениях она может только расти, а не уменьшаться, то она когда-нибудь приведёт к более серьёзным событиям, чем этот юмористический маскарад Ревекки.

Если в Англия мы видели результаты системы крупного хозяйства, а в Уэльсе результаты мелкой аренды, то в *Ирландии* перед нами последствия дробления земли. Огромная масса населения Ирландии состоит из мелких арендаторов, которые снимают жалкую глинобитную лачугу, состоящую из одной только комнаты, и участок земли под картофель, едва достаточный для того, чтобы обеспечить на зиму самое необходимое пропитание. При сильной конкуренции, существующей между этими мелкими арендаторами, арендная плата достигла неслыханной высоты; она вдвое, втрое и вчетверо выше чем в Англии, так как каждый подённый сельскохозяйственный рабочий хочет стать арендатором, и хотя дробление земли и без того уже зашло очень далеко, всё ещё остаётся множество рабочих, добивающихся участка земли в аренду. Хотя в Великобритании обрабатывается 32 млн. акров земли, а в Ирландии только 14 млн., хотя Великобритания производит ежегодно земледельческих

продуктов на 150 млн. ф. ст., а Ирландия только на 36 млн., тем не менее в Ирландии сельскохозяйственных рабочих на 75 тыс. *больше,* чем в Великобритании*. Это чрезвычайное несоответствие достаточно ясно показывает, как велика должна быть в Ирландии конкуренция из-за земли, особенно если принять во внимание, что и в Англии сельскохозяйственные рабочие живут в самой крайней нужде. Следствием этой конкуренции, естественно, является такой высокий уровень арендной платы, что арендаторам живётся немногим лучше, чем подёнщикам. Таким образом, ирландский народ находится в тисках гнетущей нищеты, из которой он при современных социальных отношениях вырваться не может. Ирландцы живут в жалких глиняных лачугах, едва пригодных даже для скота, и зимой еле сводят концы с концами; как сказано в приведённом выше отчёте, у них хватает картофеля только на то, чтобы в течение тридцати недель в году жить впроголодь, а на остальные двадцать две недели не остаётся ничего. С наступлением весны, когда запас картофеля приходит к концу или вследствие прорастания становится несъедобным, жена забирает детей и с чайником в руках идёт нищенствовать, в то время как отец семейства, после того как он посадил картофель, отправляется на заработки куда-нибудь поблизости или в Англию, с тем чтобы снова встретиться с семьёй ко времени уборки урожая. Так существуют девять десятых всего сельского населения Ирландии. Эти люди бедны, как церковные крысы, одеты в жалкие отрепья и стоят на самой низкой ступени развития, какая только возможна в полу цивилизованной стране. Согласно уже цитированному отчёту, из населения в $8^1/_2$ млн. человек 585 тыс. отцов семейств живут в полнейшей бедности (destitution), а согласно другим источникам, приведённым шерифом Алисоном**, в Ирландии насчитывается 2300 тыс. человек, которые не могут просуществовать без общественной или частной помощи; другими словами, 27% населения — пауперы!

Причина этой нищеты заключается в современных социальных отношениях, в частности в конкуренции, которая только принимает здесь иную форму, форму дробления земли. Пытались найти и другие причины. Утверждали, что причиной являются своеобразные отношения между арендатором и землевладельцем, который сдаёт свою землю большими участками крупным арендаторам, сдающим её более мелкими участками другим

* Отчёт об Ирландии, представленный комиссией по закону о бедных. Парламентская сессия 1837 года.
** «Основы народонаселения», том II.

арендаторам, которые в свою очередь сдают её ещё третьим и т. д., так что между землевладельцем и тем, кто действительно обрабатывает землю, стоит иногда до десятка посредников. Высказывали предположение, что причиной нищеты является действительно позорный закон, по которому землевладелец в случае неуплаты денег лицом, непосредственно арендующим у него землю, имеет право прогнать с земли фактического землепашца, хотя бы последний и уплатил арендные деньги тому посреднику, с которым он заключил сделку. Но ведь всё это обусловливает только *форму,* в которой проявляется нищета. Допустим, что мелкие арендаторы сами станут землевладельцами; что из этого последует? Большинство не сможет прокормиться на своём участке, даже если не придётся платить аренду, а если положение и изменится к лучшему, то непрестанный и быстрый прирост населения в течение нескольких лет приведёт всё к прежнему уровню. У тех, которые попадут в лучшие условия, останутся в живых дети, которые теперь вследствие нужды и лишений умирают в раннем возрасте. Говорили также, что виной этой нищеты является позорное угнетение ирландского народа англичанами. Однако этот гнёт мог *ускорить* наступление такой нищеты, но он не был причиной того, что она вообще наступила. Указывали ещё, как на причину нищеты, на протестантскую государственную церковь, навязанную католической нации; но разделите между ирландцами всё то, что государственная церковь берёт от них, и на каждого не придётся и двух талеров; кроме того десятина является налогом на *земельную собственность,* а не на арендаторов, хотя уплачивали её последние. Теперь, после акта о коммутации 1838 г., десятину платит сам землевладелец; правда, он соответственно повышает арендную плату, и положение арендатора не улучшилось. И так приводятся ещё сотни других объяснений, столь же мало доказательных. Нищета является необходимым следствием современного социального строя, и вне этого можно искать лишь причины той или иной формы, в которой она проявляется, но не причины самой нищеты. Причина же того, что в Ирландии нищета проявляется в данной, а не в какой-либо иной форме, заключается в национальном характере народа и в его историческом развитии. Ирландцы по всему своему национальному характеру сродни романским народам, французам и, в особенности, итальянцам. Отрицательные черты этой национальности мы охарактеризовали уже словами Карлейля. Послушаем теперь ирландца, который всё же более близок к истине, чем Карлейль, питающий особое пристрастие к германским чертам характера.

«Они беспокойны и тем не менее ленивы (indolent), смышлёны и несдержаны, вспыльчивы, нетерпеливы и непредусмотрительны; они храбры от природы, необдуманно великодушны; по первому же побуждению мстят за обиды или прощают их, заключают дружбу и порывают её; они щедро одарены талантами, но скупо—рассудительностью»[*].

У ирландцев чувства и страсти безусловно берут верх над разумом. Чувственный, легко возбудимый характер ирландцев не даёт развиться рассудительности и мешает равномерной, настойчивой деятельности. Такие люди совсем не пригодны для промышленного труда в том виде, в каком он применяется в наши дни. Вот почему ирландцы продолжают заниматься земледелием и притом на самом низком уровне. При небольших участках земли, существовавших здесь искони, не так, как во Франции и на Рейне, где они были созданы искусственно путём раздробления крупных поместий[**], нечего было и думать об улучшении почвы путём затраты капитала. По вычислениям Алисона, нужно было бы вложить 120 млн. ф. ст., для того чтобы довести почву в Ирландии до того— не столь уже высокого — уровня производительности, который она имеет в Англии. Английские переселенцы, которые имели полную возможность поднять культурный уровень ирландского народа, ограничились самой жестокой эксплуатацией его, в то время как ирландские переселенцы принесли английской нации элемент брожения, который со временем даст свои плоды; Ирландии не за что благодарить английских переселенцев.

Попытки ирландского народа найти выход из существующего отчаянного положения проявляются, с одной стороны, в террористических актах, которые здесь стали теперь повседневным явлением в сельских местностях, в особенности на юге и западе Ирландии: это большей частью убийства непосредственных врагов — агентов и верных слуг землевладельцев, протестантских переселенцев, крупных арендаторов, владения которых составились из картофельных участков сотен согнанных с земли семейств и т. д.; с другой стороны, эти попытки выражаются в агитации за отмену унии с Великобританией[121]. После всего сказанного ясно, что непросвещённые ирландцы не могут не видеть в англичанах своих непосредственных врагов и что для них первым шагом вперёд является завоевание националь-

[*] «The State of Ireland». London, 1807, 2nd edition, 1821 [«Положение Ирландии», Лондон, 1807, 2-е изд., 1821]. Памфлет.

[**] (1892 г.) Это ошибка. Мелкое хозяйство оставалось с средних веков господствующей формой хозяйства в земледелии. Мелкие крестьянские хозяйства, следовательно, существовали ещё до революции. Последняя изменила только *собственность* на них: она отняла её у феодалов и, прямо или косвенно, передала сё в руки крестьян. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1892 г.)*

ной независимости. Но не менее ясно, что никакая отмена унии не сможет уничтожить нищету, а лишь сможет показать, что причину этой нищеты надо искать не вне Ирландии, как это кажется теперь, а внутри страны. Я, впрочем, не стану разбирать здесь вопрос о том, потребуется ли действительное осуществление отделения Ирландии, чтобы привести ирландцев к пониманию этого факта. До сих пор ни чартизм, ни социализм не пользовались в Ирландии особым успехом.

На этом я закончу свои замечания об Ирландии, тем более, что в результате агитации за отмену унии в 1843 г. и процесса О'Коннела бедственное положение Ирландии становится всё более известным в Германии.

Итак, мы рассмотрели положение пролетариата Британских островов во всех отраслях его деятельности и повсюду нашли нищету, нужду и совершенно несоответствующие человеческому достоинству условия жизни. Мы видели, как вместе с ростом самого пролетариата зародилось и росло недовольство, как оно ширилось и приняло организованные формы; мы видели открытую, кровавую и бескровную, борьбу пролетариата против буржуазии. Мы исследовали принципы, определяющие судьбу, надежды и опасения пролетариев, и нашли, что нет никаких перспектив на улучшение их положения. Мы имели возможность наблюдать на ряде примеров поведение буржуазии по отношению к пролетариату и убедились в том, что она заботится только о себе, только о своей собственной выгоде. Но чтобы не быть несправедливыми по отношению к ней, мы должны поближе рассмотреть её образ действий.

ОТНОШЕНИЕ БУРЖУАЗИИ К ПРОЛЕТАРИАТУ

Говоря в этой главе о буржуазии, я включаю сюда и так называемую аристократию, ибо она является аристократией, обладает привилегиями только в отношении буржуазии, но не в отношении пролетариата. Пролетарий видит в обеих только имущий класс, т. е. буржуа. Перед привилегией собственности все другие привилегии — ничто. Различие заключается лишь в том, что буржуа в узком смысле слова сталкивается с фабричным и отчасти с горнопромышленным пролетарием, а в качестве *фермера* — с сельскохозяйственным рабочим, в то время как так называемый аристократ приходит в соприкосновение лишь с частью горнопромышленного пролетариата и с сельскохозяйственным пролетариатом.

Мне никогда не приходилось наблюдать класса более глубоко деморализованного, более безнадёжно испорченного своекорыстием, более разложившегося внутренне и менее способного к какому бы то ни было прогрессу, чем английская буржуазия,—здесь в первую очередь я имею в виду буржуазию в узком смысле слова, в особенности либеральную буржуазию, противницу хлебных законов. Она не видит во всём мире ничего, что не существовало бы ради денег, и сама она не составляет исключения: она живёт только для наживы, она не знает иного блаженства, кроме быстрого обогащения, не знает иных страданий, кроме денежных потерь[*].

При такой алчности, при такой жадности к деньгам ни одно движение души человеческой не может оставаться незапятнанным. Конечно, эти английские буржуа — прекрасные супруги и отцы, обладают всевозможными другими, так называемыми личными, добродетелями и в повседневном общении представляются

---

[*] В своей книге «Past and Present», London, 1843 [«Прошлое и настоящее», Лондон, 1843] Карлейль превосходно рисует английскую буржуазию и её отвратительную алчность; часть этой книги я перевёл для «Deutsch-Franzosische Jahrbucher», куда и отсылаю читателя[122].

не менее респектабельными и приличными людьми, чем все остальные буржуа; в деловых отношениях они даже лучше, чем немцы, они не торгуются, не проявляют такой мелочности, как наши торгаши, — но что же из этого? В конечном итоге единственным решающим моментом остаётся всё же личный интерес и в особенности жажда наживы. Я шёл однажды с таким буржуа по манчестерской улице и говорил с ним о скверной, антисанитарной системе застройки рабочих кварталов, об их ужасающем неблагоустройстве и заявил, что мне ещё не приходилось видеть города, застроенного хуже, чем Манчестер. Он всё это спокойно выслушал и, прощаясь со мной на углу, сказал: and yet, there is a great deal of money made here — и всё же здесь зарабатывают очень много денег. До свидания, сударь!— Английскому буржуа совершенно безразлично, голодают ли его рабочие или нет, лишь бы он сам наживался. Все жизненные отношения оцениваются по их доходности, и всё, что не приносит денег, — чепуха, непрактичность, идеализм. Вот почему и политическая экономия, наука о способах наживать деньги, является излюбленной наукой этих торгашей. Каждый из них — политико-эконом. Отношение фабриканта к рабочему— не человеческое, а чисто экономическое. Фабрикант есть «капитал», а рабочий — «труд». И когда рабочий не даёт втиснуть себя в эту абстракцию, когда он утверждает, что он не «труд», а человек, который, правда, обладает в числе прочих черт также способностью трудиться, когда рабочий позволяет себе думать, что его вовсе нельзя покупать и продавать на рынке как «труд», как товар, буржуа становится в тупик. Он не может понять того, что кроме отношений купли и продажи между ним и рабочими существуют ещё какие-то другие отношения; он видит в них не людей, а только *«руки»* (hands), как он постоянно называет своих рабочих в лицо; он не признаёт, как выражается Карлейль, никакой иной связи между людьми, кроме *чистогана.* Даже связь между ним и его женой в девяносто девяти случаях из ста находит своё выражение в том же «чистогане». Позорное рабство, в котором деньги держат буржуазию, наложило вследствие господства буржуа свой отпечаток даже на язык. Деньги определяют ценность человека: этот человек стоит 10 тыс. ф. ст. — he is worth ten thousand pounds, т. е. он обладает такой суммой. У кого есть деньги, тот «респектабелен», принадлежит к «лучшему сорту людей» (the better sort of people), «пользуется влиянием» (influential) и во всём задаёт тон в своём кругу. Дух торгашества пропитал весь язык, все отношения выражаются в торговых терминах, в экономических понятиях. Спрос и предложение, supply and demand, — такова

формула, в которую логика англичанина укладывает всю человеческую жизнь. Отсюда свобода конкуренции во всех областях жизни, отсюда режим laissez faire, laissez aller[123] в управлении, в медицине, в воспитании и, пожалуй, в скором времени и в религии, ибо господство государственной церкви всё более и более идёт на убыль. Свободная конкуренция не терпит никаких ограничений, никакого государственного контроля, всё государство ей в тягость, для неё всего лучше было бы отсутствие всякой государственности — положение, при котором каждый мог бы эксплуатировать другого, сколько ему вздумается, как, например, в «союзе», проповедуемом милейшим Штирнером. Но так как буржуазия не может обойтись без государства, хотя бы для того, чтобы обуздывать столь необходимых ей пролетариев, то она обращает государство против них, по возможности стараясь держать его от себя подальше.

Не подумайте, однако, что «образованный» англичанин открыто признаётся в этом эгоизме. Напротив, он скрывает его под маской самого постыдного лицемерия. — Как, английские богачи не заботятся о бедных? Эти люди, создавшие такие благотворительные учреждения, каких нет ни в одной другой стране?—О да, благотворительные учреждения! Как будто пролетарию легче оттого, что, высосав из него последние соки, вы упражняетесь потом на нём в благотворительности, приятно щекочущей вашу самодовольную фарисейскую душу, и выдаёте себя за благодетелей рода человеческого, если возвращаете эксплуатируемым сотую часть того, что им следует по праву! Благотворительность, которая деморализует дающего ещё больше чем берущего; благотворительность, которая ещё больше унижает и без того униженного, которая требует, чтобы утративший облик человеческий, изгнанный обществом парий отказался от последнего, что ему осталось, — от звания человека; благотворительность, которую несчастный должен *униженно просить,* пока она милостиво согласится своим подаянием заклеймить его печатью отверженного! К чему всё это? Но предоставим слово самой английской буржуазии. Менее года тому назад я прочёл в газете «Manchester Guardian» следующее письмо в редакцию, которое напечатали без всяких комментариев, как вполне естественную и разумную вещь:

«Господин редактор!

«С некоторых пор на главных улицах нашего города появилась масса нищих, пытающихся часто самым бесстыдным и назойливым образом обратить на себя внимание и возбудить сострадание прохожих то своими лохмотьями и болезненным видом, то отвратительными выставленными напоказ ранами и увечьями. Мне думается, что человек, уплативший не только налог в пользу бедных, но и вносящий немало в кассу благотво-

рительных обществ, сделал, с своей стороны, достаточно для того, чтобы с полным правом оградить себя от такой неприятной и бесстыдной назойливости. Зачем же мы платим такой высокий налог на содержание городской полиции, если она не может даже обеспечить нам спокойное передвижение по городу? — Надеюсь, что опубликование этих строк в вашей широко распространённой газете побудит власти принять меры к устранению этого непорядка (nuisance).

Остаюсь преданная вам

Одна дама».

Вот видите! Английская буржуазия занимается благотворительностью в собственных интересах; она ничего не дарит, а смотрит на свои подаяния, как на торговую операцию. Она заключает с бедняками *сделку,* говоря им: затрачивая столько-то и столько-то на благотворительные цели, *я тем самым покупаю себе право* не подвергаться больше вашим домогательствам, а вы тем самым обязуетесь оставаться в своих тёмных конурах и не раздражать моих чувствительных нервов видом своей нищеты! Вы можете приходить в отчаяние, но делайте это незаметно. Это я ставлю условием, это я оплачиваю своим пожертвованием в 20 фунтов на больницу! О, как она отвратительна, эта благотворительность христианина-буржуа! — И так пишет *«Одна дама»!* О да, именно дама! Она хорошо сделала, что подписалась таким образом. У неё, к счастью, не хватило смелости назвать себя *женщиной!* И если таковы «дамы», то каковы же должны быть «господа»? — Мне скажут, что письмо это — единичный случай. Нет, оно именно выражает взгляды огромного большинства английской буржуазии, ибо иначе и редакция не напечатала бы его, иначе на него последовало бы какое-нибудь возражение, которого я тщетно искал в следующих номерах газеты. А что касается результатов этой благотворительности, то ведь сам каноник *Паркинсон* говорит, что бедняки получают больше поддержки от своих братьев бедняков, чем от буржуазии. К тому же поддержка честного пролетария, который сам прекрасно знает, что такое голод, который, делясь своим скудным обедом, приносит жертву, но делает это с радостью, — такая поддержка имеет совершенно иное значение, чем подачка, которую бросает утопающий в роскоши буржуа.

И в других отношениях буржуазия надевает на себя личину беспредельной гуманности,— но только тогда, когда этого требуют её собственные интересы. Так она поступает в области политики и политической экономии. Уже пятый год буржуазия выбивается из сил, чтобы доказать рабочим, что она хочет отмены хлебных законов только в интересах пролетариата.

В действительности же дело обстоит так: хлебные законы, удерживающие цены на хлеб в Англии на более высоком уровне, чем в других странах, тем самым повышают заработную плату и затрудняют фабрикантам конкуренцию с фабрикантами других стран, в которых цены на хлеб, а соответственно и заработная плата, ниже. Если же хлебные законы будут отменены, то цены на хлеб упадут и заработная плата приблизится к заработной плате остальных цивилизованных стран Европы. Всё это ясно вытекает из изложенных выше принципов, регулирующих заработную плату. Фабриканту будет легче выдерживать конкуренцию, спрос на английские товары возрастёт, а вместе с ним возрастёт и спрос на рабочие руки. Вследствие этого усиления спроса заработная плата, правда, снова немного повысится, и безработные рабочие найдут себе занятие: но надолго ли? «Избыточного населения» в Англии и в особенности в Ирландии достаточно, чтобы удовлетворить потребность английской промышленности в рабочих, даже если её размеры удвоятся; пройдёт несколько лет, и ничтожные преимущества от отмены хлебных законов снова исчезнут, наступит новый кризис, и мы вернёмся к исходному положению, ибо первый толчок, данный промышленности, ускорит также прирост населения. Всё это пролетарии прекрасно понимают и много раз прямо высказывали буржуазии. Тем не менее фабриканты видят только ту *непосредственную* выгоду, которую принесёт им отмена хлебных законов; в своей ограниченности они даже не понимают, что и для них выгода от этой меры будет *непродолжительна,* так как конкуренция фабрикантов между собой быстро доведёт прибыль каждого в отдельности до прежнего уровня; они не перестают громко заверять рабочих в том, что всё это делается только ради них, что только ради голодающих миллионов людей богачи-либералы вносят сотни и тысячи фунтов в кассу Лиги против хлебных законов. А между тем, кто же не знает, что они жертвуют малым, чтобы выгадать большее, что они рассчитывают вернуть свои пожертвования сторицей в первые же годы после отмены хлебных законов. Но рабочие не поддаются больше на удочку буржуазии, в особенности после восстания 1842 года. От каждого, кто объявляет себя их благожелателем, они требуют, чтобы он в доказательство искренности своих намерений высказался за Народную хартию. Тем самым они протестуют против всякой посторонней помощи, ибо в Хартии они требуют только предоставления им *власти,* чтобы они могли помочь *себе сами.* Тому, кто на это не соглашается, они с полным основанием объявляют войну, кто бы он ни был, откровенный враг или лицемерный друг. — Впрочем, Лига против

хлебных законов прибегала к самой низкой лжи, к самым презренным уловкам, чтобы привлечь рабочих на свою сторону. Она пыталась внушить им, что цена на труд обратно пропорциональна цене на хлеб, что заработная плата высока, когда цена на хлеб стоит низко, и наоборот. Это утверждение она пыталась доказать самыми нелепыми аргументами; да и само по себе, это самое нелепое утверждение, когда-либо высказанное каким-либо экономистом. Когда это не помогло, рабочим обещали величайшие блага, которые якобы должны были явиться результатом возросшего спроса на рабочие руки. Не постыдились даже носить по улицам два каравая хлеба — один большой с надписью: *американский восьмипенсовый хлеб, заработная плата — четыре шиллинга в день,* и второй — значительно меньший с надписью: *английский восьмипенсовый хлеб, заработная плата — два шиллинга в день.* Но рабочие не попались на удочку: они слишком хорошо знают своих хозяев.

Чтобы вполне убедиться в лживости этих прекрасных обещаний, достаточно обратиться к практической жизни. Мы уже видели выше, как буржуазия всевозможными средствами эксплуатирует пролетариат в свою пользу. Но мы видели только, как отдельные буржуа, каждый на свой страх и риск, эксплуатируют рабочих. Перейдём теперь к рассмотрению тех случаев, когда буржуазия выступает против пролетариата как партия или даже как государственная власть. — Что всё законодательство имеет прежде всего целью защиту имущих от неимущих, это вполне очевидно. Только потому, что есть неимущие, нужны законы; и хотя в прямой форме это нашло своё выражение только в немногих законах, — например, законы против бродяг и бездомных, объявляющие пролетариат как таковой вне закона,—тем не менее враждебное отношение к пролетариату является столь незыблемой основой закона, что судьи, в особенности мировые судьи, которые сами принадлежат к буржуазии и с которыми пролетариат больше всего приходит в соприкосновение, не задумываясь обнаруживают этот смысл в самом законе. Когда богача вызывают, или, вернее, приглашают, в суд, то судья выражает глубокое сожаление по поводу причинённого беспокойства и всячески старается повернуть дело в пользу богача; если же всё-таки приходится его осудить, то судья опять-таки об этом очень сожалеет и т. д., и в результате назначается ничтожный денежный штраф, который буржуа пренебрежительно бросает на стол и удаляется. Но когда бедняку надо предстать перед мировым судьёй, он почти всегда должен предварительно провести ночь под арестом с множеством других таких же, как он; с самого начала на него

смотрят как на виновного, покрикивают на него и на его попытки оправдаться отвечают презрительно: «О, мы знаем эти отговорки!» Дело кончается штрафом, которого он уплатить не может и за который ему приходится расплачиваться одним или несколькими месяцами тюрьмы. Если даже ему нельзя приписать никакого преступления, его всё же отправляют в тюрьму как мошенника и бродягу (a rogue and a vagabond— эти выражения почти всегда употребляются рядом). Пристрастность мировых судей, особенно в сельских местностях, действительно превосходит всякое представление и является столь повседневным явлением, что обо всех случаях, не выходящих из ряда вон, газеты сообщают совершенно спокойно, без всяких комментариев. Впрочем, ничего другого и ожидать нельзя. С одной стороны, эти «Dogberries» просто толкуют закон в том смысле, в каком он составлен, а с другой стороны, сами они— буржуа и главную основу всякого истинного порядка видят прежде всего в интересах своего класса. Каковы мировые судьи, такова и полиция. Что бы буржуа ни делал, полицейский всегда с ним вежлив и строго придерживается закона, с пролетарием же обращаются грубо и жестоко; сама бедность уже навлекает на него *подозрение* во всевозможных преступлениях, лишая его в то же время законных средств для защиты от произвола власть имущих. Поэтому охранительные формы закона не существуют для пролетария: полиция не стесняясь врывается в его дом, подвергает его аресту и расправляется с ним, как хочет. И только когда рабочий союз нанимает защитника, подобно тому как углекопы наняли Робертса, только тогда становится очевидным, в какой ничтожной степени распространяется на пролетария охранительная сторона закона, как часто ему приходится нести на своих плечах всё бремя закона, не ощущая его преимуществ.

Добиваясь всё большего порабощения пролетариата, имущий класс и в настоящее время не прекращает в парламенте борьбу против лучших чувств тех его членов, которые еще не полностью находятся во власти эгоизма. Участки общинных земель один за другим изымаются и пускаются под пашню, что, конечно, способствует поднятию культуры, но приносит большой ущерб пролетариату. Там, где имелись общинные земли, бедняк мог выпустить своего осла, свинью или несколько гусей, там детвора и молодёжь играли и резвились на воле. Теперь всему этому приходит конец, заработок бедняка сокращается, а молодое поколение, лишённое места для прогулок, отправляется в кабак. Каждая сессия парламента утверждает множество актов, разрешающих распашку общинных земель. —

Когда на сессии 1844 г. правительство решило заставить железнодорожные компании, монополизировавшие все средства передвижения, сделать путешествия по железным дорогам доступными и для рабочих, понизив соответственно проездную плату (до 1 пенса за милю, примерно 5 зильбергрошей за немецкую милю), и для этого предложило пускать ежедневно на всех железных дорогах по одному удешевлённому поезду третьего класса, то «почтенный отец во господе» епископ Лондонский предложил сделать исключение для воскресного дня, — единственного дня, когда рабочий, если он не безработный, вообще *может* ездить,—т. е. предложил сделать так, чтобы по воскресеньям разрешалось ездить только богачам, но не беднякам. Это предложение было, однако, слишком откровенно и бесцеремонно, чтобы его можно было принять, и его отвергли.—Скрытые посягательства на права пролетариата настолько многочисленны, что у меня нет возможности перечислить даже те из них, которые имели место в течение одной только сессии. Приведу ещё лишь один случай, относящийся к той же сессии 1844 года. Совершенно безызвестный член парламента, некий г-н Майлс, внёс билль для урегулирования отношений между господами и слугами, казалось, довольно невинного характера. Правительство одобрило билль, и он был передан на рассмотрение комиссии. Тем временем произошла стачка углекопов в Северной Англии, и Роберте совершал свои триумфальные поездки по Англии в сопровождении рабочих, для которых он добился оправдательного приговора. Когда же билль был возвращён комиссией, то оказалось, что в него внесли несколько в высшей степени деспотических пунктов; в частности, согласно одному из них, хозяин, заключивший с рабочим устное или письменное соглашение на какую-нибудь работу или даже на случайную услугу, получал право в случае отказа от работы или *вообще дурного поведения* (misbehaviour) рабочего привлечь его к ответственности перед любым (any) мировым судьёй; судья же на основании показаний, данных под присягой работодателем или его агентами и надсмотрщиками, — т. е. на основании показания истца, — мог присудить рабочего к тюрьме или принудительным работам сроком до двух месяцев. Этот билль возбудил среди рабочих сильнейшее негодование, тем более, что как раз в это время в парламенте обсуждался десятичасовой билль и по этому поводу велась сильнейшая агитация. Состоялись сотни собраний, рабочие отправили сотни петиций в Лондон защитнику пролетариата в парламенте, Томасу *Данкомбу.* Если не считать представителя «Молодой Англии» Ферранда, Данкомб был единственным членом парламента, который

энергично выступил против билля; когда же остальные радикалы увидели, что народ высказался против билля, они начали один за другим потихоньку присоединяться к Данкомбу, а так как и либеральная буржуазия ввиду возбуждения рабочих не осмеливалась отстаивать билль, да и вообще никто не был особенно заинтересован в том, чтобы отстаивать его перед лицом народного недовольства, то он с треском провалился.

Но самым откровенным провозглашением войны буржуазии против пролетариата является *теория народонаселения Мальтуса* и опирающийся на неё *новый закон о бедных.* О теории Мальтуса мы здесь уже говорили не раз. Повторим вкратце лишь её главный вывод, а именно, что на земле всегда имеется избыток населения и поэтому всегда будут царить нужда, нищета, бедность и безнравственность; что такова судьба, таков вечный удел людей — появляться на свет в слишком большом количестве, вследствие чего они образуют различные классы, из которых одни более или менее богаты, просвещённы и нравственны, а другие более или менее бедны, несчастны, невежественны и безнравственны. Отсюда вытекает следующий практический вывод,—и этот вывод делает сам Мальтус,—что благотворительность и кассы для бедных, в сущности, лишены всякого смысла, ибо они лишь поддерживают существование «избыточного населения» и поощряют его размножение, а оно своей конкуренцией понижает заработную плату остальных. Не менее бессмысленно предоставление работы беднякам попечительствами о бедных, ибо коль скоро может найти сбыт только определённое количество продуктов труда, вместо каждого безработного, получающего работу, неизбежно лишается работы другой рабочий, который её до тех пор имел, иначе говоря, предприятия попечительств о бедных развиваются в ущерб частной промышленности. Поэтому задача заключается вовсе не в том, чтобы прокормить «избыточное население», а в том, чтобы тем или иным образом возможно более сократить его число. Мальтус прямо объявляет чистой бессмыслицей признававшееся до сих пор право каждого родившегося человека на средства существования. Он цитирует слова одного поэта: бедняк приходит на праздничный пир природы и не находит для себя свободного прибора, —и природа, добавляет Мальтус уже сам от себя, предлагает ему убираться вон (she bids him to be gone), «ибо прежде чем родиться, он не спросил у общества, желает ли оно его принять». Эта теория в настоящее время сделалась излюбленной теорией всех истых английских буржуа, да это и вполне понятно: ведь она очень для них удобна и

кроме того при существующих отношениях она во многом соответствует действительности. Раз задача состоит не в том, чтобы «избыточное население» использовать, превратить в *полезное* население, а только в том, чтобы как можно более простым способом дать людям умереть с голоду и помешать им в то же время наплодить слишком много детей, то дело обстоит весьма просто,—разумеется, при том условии, чтобы «избыточное население» само признало себя таковым и согласилось умереть с голоду. Но на это пока нет надежды, вопреки ревностным усилиям, которые делает гуманная буржуазия, чтобы убедить рабочих в их бесполезности. Пролетарии, наоборот, вбили себе в голову, что именно они со своими трудолюбивыми руками являются нужными, а богатые господа капиталисты, которые ничего не делают, — излишними.

Но, пока власть ещё находится в руках богачей, пролетарии вынуждены мириться с тем, что закон объявляет их действительно «излишними», даже если они сами не хотят признать этого добровольно. Именно это и делает новый закон о бедных. Старый закон о бедных, основанный на акте 1601 г. (43-й год царствования Елизаветы), ещё наивно исходил из того принципа, что забота о содержании бедных лежит на приходе. Тот, кто не имел работы, получал пособие, и с течением времени бедняк совершенно естественно стал считать, что приход обязан защитить его от голодной смерти. Он требовал своего еженедельного пособия не как милости, а по праву, и буржуазии это, наконец, надоело. В 1833 г., когда она благодаря избирательной реформе пришла к власти, а пауперизм к этому времени достиг своего апогея в сельских местностях, она сразу приступила к пересмотру законодательства о бедных со своей точки зрения. Была назначена комиссия, которая обследовала попечительство о бедных и раскрыла очень много вопиющих фактов. Она обнаружила, что весь рабочий класс сельских округов превратился в пауперов, всецело или частично зависящих от касс для бедных, которые при низкой заработной плате выдавали нуждающимся некоторую прибавку. Комиссия пришла к выводу, что система, которая содержит безработных, поддерживает низкооплачиваемых и многодетных, заставляет отца внебрачных детей давать средства на их пропитание и вообще признаёт право бедняков на защиту, —что эта система-де разоряет страну,

«тормозит развитие промышленности, поощряет необдуманные браки, содействует увеличению населения и парализует влияние роста населения на заработную плату; что она представляет собой национальный институт, который отбивает у трудолюбивых и честных людей желание

работать, а ленивых, распущенных и легкомысленных поощряет; что она разрушает семейные узы, систематически препятствует накоплению капиталов, расходует существующие капиталы и разоряет налогоплательщиков; что она кроме того как бы назначает премию за внебрачных детей в форме алиментов» (из отчёта комиссии по закону о бедных)*.

Действие старого закона о бедных в общем и целом обрисовано здесь правильно: вспомоществования поощряют леность и содействуют увеличению «излишнего» населения. При современных социальных отношениях бедняк несомненно вынужден быть эгоистом, и если ему предоставляется выбор — работать или ничего не делать при одинаковых условиях жизни, то он предпочитает второе. Отсюда, однако, следует только то, что современные социальные отношения никуда не годятся, а вовсе не то, к чему приходят члены комиссии, мальтузианцы, а именно, что бедность — преступление и что с ней следует бороться путём устрашения.

Но эти мудрые мальтузианцы были так убеждены в непогрешимости своих взглядов, что они без всяких колебаний уложили бедняков в прокрустово ложе своей теории и применили её к ним с самой возмутительной жестокостью. Будучи убеждены вместе с Мальтусом и другими сторонниками свободной конкуренции, что лучше всего предоставить каждому самому заботиться о себе и проводить последовательно laissez faire, они охотнее всего совсем отменили бы законодательство о бедных. Но так как для этого у них не хватало смелости и авторитета, то они предложили закон о бедных, возможно более соответствующий мальтузианским воззрениям и ещё более жестокий, чем простое применение принципа laissez faire, так как там, где этот принцип остаётся пассивным, закон о бедных вмешивается активно. Мы видели, что Мальтус, называя бедняка, или вернее безработного, «излишним», объявляет его преступником, которого общество должно карать голодной смертью. До такого варварства члены комиссии, правда, не дошли: прямая, явная голодная смерть представляет собой нечто ужасное даже в глазах члена комиссии по закону о бедных. Хорошо, — сказали они, — вы, бедные, имеете право на существование, но *только* на существование; вы не имеете права на размножение и тем более не имеете права на *человеческое* существование. Вы — бич для страны, и если мы не можем немедленно вас устранить, как всякий другой бич, то вы, по крайней мере, должны себя чувствовать таковым; вас надо держать в узде, вас надо

* «Extracts from Information received by the Poor-Law-Commissioners». Published by Authority. London, 1833 [«Выдержки из отчётов, представленных комиссии по закону о бедных». Официальная публикация. Лондон, 1833].

лишить возможности непосредственно производить на свет других «излишних» или косвенно вовлекать своим примером людей на путь лености и безработицы. Живите, но только в качестве предостережения всем тем, у кого могли бы появиться основания тоже стать «излишними».

Итак, они предложили новый закон о бедных, принятый парламентом в 1834 г. и остающийся в силе и поныне. Все пособия деньгами или продуктами были отменены; допускалась только одна форма помощи — помещение в работные дома, которые были немедленно построены повсюду. Но эти работные дома (workhouses), или, как народ их называет, бастилии для бедных (poor-law-bastilles), устроены так, чтобы отпугнуть от себя каждого, у кого осталась хоть малейшая надежда прожить без этой формы общественной благотворительности. Для того чтобы человек обращался в кассу для бедных только в самых крайних случаях, чтобы он прибегал к ней, только исчерпав все возможности обойтись собственными силами, работный дом превратили в самое отвратительное местопребывание, какое только может придумать утончённая фантазия мальтузианца. Питание в нём хуже, чем питание самых бедных рабочих, а работа тяжелее: ведь иначе рабочие предпочли бы пребывание в работном доме своему жалкому существованию вне его. Мясо, в особенности свежее, обитатели работного дома видят очень редко; они получают большей частью картофель, хлеб самого плохого качества, овсяную кашу, пиво в очень малом количестве или совсем его не получают. Даже в тюрьмах питание в среднем лучше, так что обитатели работного дома часто нарочно совершают какой-нибудь проступок, чтобы только попасть в тюрьму. Ведь работный дом — та же тюрьма. Кто не выполняет положенного ему количества работы, не получает еды; кто хочет пойти в город, должен предварительно просить разрешение, в котором ему может быть отказано в зависимости от его поведения или от того, какого мнения о нём надзиратель; употребление табака запрещается; запрещается также принимать подарки от друзей и родственников вне работного дома. Пауперы носят форму работного дома и целиком отданы на произвол надзирателя. Чтобы их труд не конкурировал с частной промышленностью, им дают большей частью довольно бесполезную работу; мужчин заставляют разбивать камни, и они должны разбить их столько, «сколько может разбить сильный мужчина при напряжённой работе в течение дня»; женщины, дети и старики щиплют старые канаты, не помню **уж** для каких целей. Чтобы «излишние» не могли размножаться и чтобы «деморализованные» родители нне влияли на своих детей,

семью разбивают: мужа помещают в одном корпусе, жену в другом, а детей в третьем. Видеться они могут только изредка. в определённое время, да и то лишь в случае, если они, по мнению администрации, хорошо себя вели. А для того, чтобы в этих бастилиях зараза пауперизма была совершенно изолирована от внешнего мира, обитатели могут принимать посетителей только с разрешения начальства и в особой приёмной, да и вообще могут общаться с другими людьми только под надзором или с разрешения начальства.

При всём том но закону пища должна быть здоровой и обращение—человечным. Но дух закона слишком даёт себя чувствовать, чтобы это требование вообще выполнялось. Члены комиссии по закону о бедных, а вместе с ними вся английская буржуазия ошибаются, если считают возможным проводить в жизнь принцип, не проводя в жизнь того, что является его следствием. Предписанное буквой закона обращение с обитателями работного дома противоречит всему его духу. Раз закон по существу дела рассматривает бедняков как преступников, работные дома — как исправительные тюрьмы, обитателей их— как людей, стоящих вне закона, вне человечества, как воплощение всякой скверны, то никакое декретирование противоположного уже не поможет. На практике чиновники руководствуются в своём отношении к беднякам не буквой, а духом закона. Приведу здесь несколько примеров.

В работном доме в *Гринвиче* летом 1843 г. пятилетний мальчик в наказание за какой-то проступок был заперт на три ночи в мертвецкую, где ему пришлось спать на крышке гроба. — В работном доме в *Херне* то же самое проделали с маленькой девочкой за то, что она мочилась ночью в постели; этот способ наказания, повидимому, вообще является здесь излюбленным. Этот работный дом, который находится в одном из прекраснейших уголков Кента, отличается, между прочим, и тем, что все окна в нём выходят во внутренний двор и только недавно было пробито два окна, позволяющие его обитателям взглянуть на внешний мир. Журналист, описавший это в «Illuminated Magazine», заканчивает свою статью следующими словами:

«Если господь бог наказывает человека за преступление так, как человек наказывает человека за бедность, то горе потомкам Адама!»

В ноябре 1843 г. в Лестере умер человек, выпущенный за два дня до этого из работного дома в *Ковентри.* Подробности обращения с бедняками в этом учреждении вызывают возмущение. У человека, о котором идёт здесь речь, Джорджа Робсона, была на плече рана, лечение которой было совершенно запущено; его поставили у насоса, который он должен был приводить

в движение, здоровой рукой; кормили его при этом обычной пищей работного дома, которой он, из-за истощения, вызванного запущенной раной, не мог переварить; он всё более и более слабел; но чем больше он жаловался, тем хуже с ним обращались. Когда его жена, тоже находившаяся в работном доме, захотела отдать ему свою небольшую порцию пива, то ей сделали замечание и заставили выпить это пиво в присутствии надзирательницы. Робсон заболел, но и тогда обращение с ним не стало лучше. Наконец, по его просьбе его отпустили вместе с женой, и он оставил работный дом, напутствуемый самыми оскорбительными выражениями. Два дня спустя он умер в Лестере, и врач, освидетельствовавший его труп, удостоверил, что смерть произошла от запущенной раны и от пищи, которая при его состоянии не могла им усваиваться. Когда он оставлял работный дом, ему выдали присланные на его имя письма с деньгами: они лежали в канцелярии работного дома шесть недель и в соответствии с правилами этого дома были вскрыты начальником!—В работном доме в *Бирмингеме* происходили такие позорные вещи, что в декабре 1843 г. туда, наконец, был послан чиновник для расследования дела. Он установил, что четверо trampers (мы объясняли выше значение этого слова)* были заперты совершенно раздетыми в карцер (blackhole) под лестницей; их здесь продержали 8—10 дней, часто голодными, не давая им ничего есть до середины дня — и это в самое суровое время года. Один маленький мальчик подвергся всем видам заключения в этом доме: сначала он сидел в сводчатой сырой и тесной кладовой, затем два раза в карцере, причём во второй раз он оставался в нём три дня и три ночи; затем он столько же времени просидел в старом карцере, ещё худшем, чем первый, и наконец в специальной ночлежке для бродячих безработных, вонючей, отвратительной, грязной дыре с дощатыми нарами, в которой чиновник при ревизии застал ещё двух оборванных, скорчившихся от холода мальчиков, находившихся там ужо четыре дня. В карцер часто сажали до семи человек, а в ночлежку — до двадцати. Женщин тоже сажали в карцер в наказание за то, что они отказывались ходить в церковь. Одну из них посадили даже на четыре дня в ночлежку, где она нашла, конечно, бог знает какое общество, и всё это в такое время, когда она была больна и принимала лекарства! Другая женщина была в наказание отправлена в больницу для умалишённых, хотя она находилась в здравом уме. — В работном доме в *Бактоне,* в Суффолке, в январе 1844 г. тоже было произведено

* См. настоящий том, стр. 440. *Ред.*

обследование, обнаружившее, что в качестве больничной сиделки служила здесь умалишённая, которая проделывала с больными совершенно невозможные вещи; больные беспокойные или часто встававшие ночью привязывались на ночь верёвками к постели, чтобы сиделкам не приходилось дежурить; один больной, связанный таким образом, был найден мёртвым. — В работном доме в *Сент-Панкрасе,* в Лондоне, где шьют дешёвое бельё, один эпилептик задохся в кровати во время припадка, и никто не пришёл к нему на помощь. В этом же доме дети спят по четверо, шестеро, а иногда и по восемь человек в одной кровати. — В работном доме в *Шордитче,* в Лондоне, человека положили на ночь вместе с больным сильнейшей горячкой на одну койку, которая кишела насекомыми. — В работном доме в *Бетнал-Грине,* в Лондоне, женщину, находившуюся на шестом месяце беременности, не допустили во внутреннее помещение и заперли её вместе с ребёнком, которому не было ещё двух лет, в приёмной, где она оставалась с 28 февраля до 20 марта 1844 г. без кровати и каких-либо приспособлений для удовлетворения естественных нужд. Муж её тоже был приведён в работный дом, и когда он попросил освободить его жену из заточения, то был за эту дерзость посажен на 24 часа в карцер на хлеб и воду. — В работном доме в *Слау,* близ Виндзора, в сентябре 1844 г. один человек лежал при смерти. Его жена выехала к нему, прибыла в двенадцать часов ночи, поспешила в работный дом, но её даже не впустили. Только на следующее утро ей разрешили свидание с ним и то лишь на полчаса и в присутствии надзирательницы; та же надзирательница присутствовала и на всех последующих свиданиях и по истечении получаса напоминала ей, что пора уходить. — В работном доме в *Мидлтоне,* в Ланкашире, в одной комнате спали двенадцать, а иногда и восемнадцать человек обоего пола. Это учреждение подчинено не новому закону о бедных, а более раннему, специальному закону (закон Гилберта). Надзиратель устроил в этом доме свою собственную пивоварню. —В *Стокпорте* 31 июля 1844 г. к мировому судье притащили из работного дома семидесятидвухлетнего старика, который отказался разбивать камни, ссылаясь на то, что в силу своего возраста и несгибающегося колена не мог с этой работой справиться. Он тщетно просил дать ему какую-нибудь другую работу, более соответствующую его силам: его присудили к двум неделям принудительной работы в тюрьме. — В работном доме в *Басфорде* была произведена ревизия в феврале 1844 года. Оказалось, что простыни не менялись в течение тринадцати недель, рубахи—в течение четырех недель, а чулки — в течение двух-десяти месяцев, так

что из 45 мальчиков только трое были ещё в чулках, а рубахи у всех были в лохмотьях. Постели кишели насекомыми; миски для еды мылись в вёдрах для нечистот. — В работном доме в западной части *Лондона* был сторож, больной сифилисом. Он заразил четырёх девушек и тем не менее не был уволен. Другой сторож увёл из одного отделения глухонемую девушку, четыре дня прятал её в своей постели и спал с нею. Он тоже не был уволен.

С мёртвыми обращаются не лучше, чем с живыми. Бедняка закапывают самым небрежным образом, как издохшую скотину. Кладбище *Сент-Брайдс,* в Лондоне, где хоронят бедняков, представляет собой голое, болотистое место, служащее кладбищем со времён Карла II и усеянное кучами костей. Каждую среду умерших за неделю бедняков бросают в яму в 14 футов глубиной, поп торопливо бормочет свои молитвы, яма слегка засыпается землёй, чтобы в ближайшую среду её можно было опять разрыть и бросить туда новых покойников, и так до тех пор, пока яма не наполнится до отказа. Запах гниющих трупов заражает поэтому всю окрестность. — В *Манчестере* кладбище для бедных расположено против Старого города на берегу реки Эрк; это тоже пустынная неровная местность. Года два тому назад здесь была проведена железная дорога. Будь это кладбище для респектабельных людей, какой вопль подняли бы буржуазия и духовенство, как они кричали бы о святотатстве! Но это было кладбище для бедных, место последнего успокоения пауперов и «излишних», — значит нечего было церемониться. Не дали себе даже труда перенести не вполне разложившиеся трупы в другую часть кладбища. Могилы раскапывались там, где казалось удобнее провести дорогу, сваи вбивались в свежие могилы, так что вода, насыщенная продуктами разложения, выступала из болотистой почвы, наполняя окрестность самыми отвратительными и вредными газами. Я не стану описывать здесь во всех подробностях, какая отвратительная грубость была проявлена при этом.

Можно ли ещё удивляться тому, что бедняки отказываются при таких условиях прибегать к общественной помощи, что они предпочитают голодную смерть пребыванию в этих бастилиях? Я знаю пять случаев, когда люди в самом буквальном смысле слова умерли от голода, причём за несколько дней до их смерти попечительство о бедных отказалось предоставить им помощь помимо работного дома, а они предпочли голодать, чем пойти в этот ад. С этой стороны комиссия по закону о бедных добилась своей цели вполне. Но зато создание работных домов, больше *чем* какое-либо другое мероприятие господствующей партии, разожгло ненависть пролетариата к имущему

классу, большая часть которого в восторге от нового закона о бедных. Среди рабочих от Ньюкасла до Дувра этот закон вызвал единодушный крик возмущения. Буржуазия с такой ясностью показала в нём, как она понимает свои обязанности по отношению к пролетариату, что это должно было стать очевидным даже для самого ограниченного человека. Никогда ещё но было провозглашено так откровенно, так беззастенчиво, что неимущие существуют лишь для того, чтобы подвергаться эксплуатации имущих и умирать с голоду, когда они им уже не нужны. Вот почему новый закон о бедных в такой мере содействовал развитию рабочего движения и в особенности распространению чартизма; а так как этот закон всего более применяется в деревне, то он облегчит в будущем развитие пролетарского движения в сельских округах.

Прибавим ещё, что и в *Ирландии* с 1838 г. существует аналогичный закон о бедных, создавший такие же убежища для 80 тыс. пауперов. И там этот закон стал ненавистным, и он еще больше возбудил бы против себя бедняков, если бы он мог приобрести в Ирландии такое же значение, как в Англии. Но что значит дурное обращение с 80 тыс. пролетариев в стране, где их насчитывается $2^1/_2$ миллиона!—В Шотландии, за исключением некоторых отдельных местностей, не существует законодательства о бедных.

Надеюсь, что после сказанного здесь о новом законе о бедных и о его последствиях никто не найдёт мою оценку английской буржуазии слишком резкой. В этом государственном мероприятии английская буржуазия выступает in согроге[*], как власть имущая, и ясно показывает, чего она собственно хочет и каков истинный смысл того дурного обращения, которому подвергается пролетариат на каждом шагу и в котором якобы виновны только отдельные лица. О том, что это мероприятие исходит не от одной какой-нибудь группы буржуазии, а получило одобрение всего класса, об этом, между прочим, свидетельствуют парламентские прения 1844 года. Новый закон о бедных был издан либеральной партией; партия консерваторов со своим министром Пилем во главе защищала его и внесла лишь некоторые жалкие изменения посредством принятого в 1844 г. Poor-Law-Amendment-Bill[**]. Либеральное большинство издало этот закон, консервативное большинство его подтвердило, а благородные лорды оба раза дали на него своё «согласие». Так пролетариат был объявлен вне государства и вне общества; так открыто

[*] — в полном составе, в своей совокупности, как целое. *Ред.*
[**] — Дополнения к закону о бедных. *Ред.*

было провозглашено, что пролетарий — не человек и не стоит того, чтобы с ним обращались по-человечески. Но мы можем спокойно положиться на пролетариев британского королевства— они завоюют вновь свои человеческие права[*].

Таково положение английского рабочего класса, положение, которое я изучал в течение двадцати одного месяца путём собственных наблюдений и по официальным и другим достоверным отчётам. И если я утверждаю, как не раз уже делал на протяжении всей этой книги, что это положение нестерпимо скверное, то я не один придерживаюсь этого взгляда. Ещё в 1833 г. Гаскелл заявил, что он отчаялся в мирном исходе и что вряд ли удастся избежать революции. В 1838 г. Карлейль объяснял чартизм и революционное настроение рабочих их нищенскими условиями жизни и только удивлялся тому, что они в течение долгих восьми лет спокойно просидели за столом Бармекидов[124], позволяя либеральной буржуазии кормить их пустыми обещаниями. В 1844 г. он заявляет, что необходимо немедленно приступить к организации труда,

> «если Европа, или по крайней мере Англия, не желает превратиться в необитаемую пустыню».

А газета «Times», «первая газета Европы», в июне 1844 г. прямо заявляет:

---

[*] Во избежание всяких недоразумений и могущих возникнуть отсюда возражений я должен ещё заметить, что говорил о буржуазии как о *классе,* и всё сообщаемое мной о поступках отдельных лиц я приводил только для характеристики образа мыслей и поведения *класса.* По этой причине я не мог также вдаваться в разбор различий между отдельными группировками и партиями буржуазии, имеющими только историческое и теоретическое значение. Поэтому также я только вскользь могу упомянуть о немногих представителях буржуазии, являющихся достойными уважения исключениями. К этим исключениям относятся, с одной стороны, более решительные радикалы, которые являются почти чартистами, как, например, члены палаты общин фабриканты Хайндли из Аштона и Филден из Тодмордена (Ланкашир) и, с другой стороны, тори филантропы, которые недавно образовали группу *«Молодая Англия»* и к числу которых принадлежат члены парламента Днзраэли, Бортуик, Ферранд, лорд Джон Маннерс и другие. Близко к ним стоит и лорд Эшли. — Цель «Молодой Англии» — восстановление старой «merry England» с её блестящими сторонами и романтическим феодализмом; эта цель, разумеется, неосуществима и даже смешна, это — насмешка над всем историческим развитием. Но добрые намерения, с которыми эти люди восстают против существующего строя, против существующих предрассудков, мужество, с которым они признают всю низость существующего, чего-нибудь да стоят. — Совсем особняком стоит полунемец, полуангличанин *Томас Карлейль,* который, начав как тори, зашёл значительно дальше всех вышеупомянутых лиц. Он глубже всех английских буржуа понял причины социального неустройства и требует организации труда. Я надеюсь, что Карлейль, который уже нащупал правильный путь, окажется также в состоянии пойти по этому пути. Шлю ему наилучшие пожелания от своего имени и от имени многих других немцев.

(1892 г.) Но февральская революция сделала из Карлейля законченного реакционера; справедливый гнев против филистеров сменился у него ядовитым филистерским брюзжанием на историческую волну, выбросившую его на берег. *(Добавление Энгельса к немецкому изданию 1892 г.)*

«Война дворцам, мир хижинам! — это призыв к террору, который может ещё раз прозвучать и в нашей стране. Остерегайтесь, богатые люди!»

Рассмотрим, однако, ещё раз перспективы английской буржуазии. В худшем случае иностранной, в первую очередь американской, промышленности удастся выдержать английскую конкуренцию, несмотря на отмену хлебных законов, которая неизбежно произойдёт через несколько лет. Германская промышленность сейчас усиленно развивается, а американская— колоссально выросла. Америка со своими неисчерпаемыми ресурсами, с огромными залежами угля и железной руды, с неслыханным изобилием водяной силы и судоходных рек, но в особенности со своим энергичным и деятельным населением, в сравнении с которым и англичане сонные флегматики,—Америка менее чем в десять лет создала промышленность, которая ужо теперь конкурирует с Англией по части простых хлопчатобумажных изделий (главного продукта английской промышленности), вытеснила англичан с североамериканского и южноамериканского рынка, а в Китае продаёт свои товары наравне с английскими. В других отраслях промышленности дело обстоит так же. Если есть страна, способная захватить в свои руки промышленную монополию, то это Америка. — Коль скоро английская промышленность окажется таким образом побеждённой, — что неизбежно должно случиться в течение ближайших двадцати лет, если современные социальные условия не изменятся, — то большинство пролетариата раз навсегда сделается «излишним» и у него останется только выбор — умереть с голоду или произвести революцию. — Видит ли английская буржуазия такую перспективу? Совсем наоборот; её излюбленный экономист Мак-Куллох поучает её из своего кабинета: нечего и думать о том, чтобы такая молодая страна, как Америка, которая ещё даже не заселена как следует, могла с успехом заниматься промышленной деятельностью и, тем более, конкурировать с такой старой промышленной страной, как Англия. Со стороны американцев было бы безумием делать попытки в этом направлении, ибо они только потеряли бы свои деньги. Пусть занимаются сельским хозяйством, а когда вся земля будет возделана, тогда, пожалуй, наступит для них пора заняться с успехом и промышленностью.—Так говорит премудрый экономист, и вся буржуазия вторит ему, между тем как американцы завоёвывают один рынок за другим, и один американский спекулянт недавно даже отважился послать партию американских товаров *в Англию,* где они были благополучно снова проданы для экспорта!

Но допустим, что англичане сохранят промышленную монополию и что число их фабрик будет всё возрастать. К чему это приведёт? Торговые кризисы не исчезнут, и по мере развития промышленности и численного роста пролетариата они будут становиться всё острее и всё ужаснее. С непрестанным разорением мелкой буржуазии, с развивающейся в гигантских размерах централизацией капитала в руках немногих, пролетариат будет возрастать в геометрической прогрессии и скоро составит всю нацию, за исключением немногих миллионеров. Но в ходе этого развития наступит момент, когда пролетариат увидит, как легко ему свергнуть существующий социальный порядок, и тогда последует революция.

Однако скорее всего события не пойдут ни тем, ни другим путём. Торговые кризисы, которые являются наиболее могущественным фактором, способствующим самостоятельному развитию пролетариата, в сочетании с иностранной конкуренцией и всё возрастающим разорением среднего класса, ускорят весь процесс. Я не думаю, чтобы народ спокойно перенёс ещё больше одного кризиса. Уже ближайший кризис, который наступит в 1846 или в 1847 г., повлечёт, вероятно, за собой отмену хлебных законов и принятие Хартии. Каким революционным движениям положит начало Хартия,—трудно сказать. Но после этого кризиса и до следующего, который по аналогии с предыдущими должен наступить в 1852 или 1853 г., хотя его наступление может быть отсрочено отменой хлебных законов или ускорено другими причинами, как, например, иностранной конкуренцией, английскому народу, вероятно, надоест безропотно терпеть эксплуатацию капиталистов и умирать с голоду, когда капиталисты перестают в нём нуждаться. Если до этого времени английская буржуазия не образумится, — судя по всем признакам, с ней этого не случится, —то наступит революция, с которой ни одна из бывших до сих пор революций сравниться не сможет. Доведённые до отчаяния пролетарии примутся за поджоги, как им проповедовал это Стефенс; народная месть прорвётся с такой яростью, о которой и 1793 год не может нам дать никакого представления. Война бедных против богатых будет самой кровавой из всех войн, которые когда-либо велись между людьми. Даже переход части буржуазии на сторону пролетариата, даже улучшение нравов всей буржуазии не помогут. Ведь изменение во взглядах всей буржуазии не может пойти дальше половинчатой juste-milieu*; те буржуа, которые более решительно примкнут к рабочим, образуют новую

* — золотой середины. *Ред.*

Жиронду, которая погибнет в ходе развёртывания насильственных действий. Предрассудки целого класса нельзя сбросить, как старую одежду, и всего менее на это способна консервативная, ограниченная, эгоистичная английская буржуазия. Все эти выводы можно делать с полной уверенностью, поскольку они опираются на совершенно неоспоримые данные исторического развития, с одной стороны, и на свойства человеческой природы, с другой. В Англии легче, чем где бы то ни было, быть пророком потому, что составные элементы общества получили здесь такое ясное и чёткое развитие. Революция *неизбежна:* уже слишком поздно предлагать мирный выход из создавшегося положения; но революция может принять более мягкие формы, чем те, которые я здесь обрисовал. Это будет зависеть не столько от развития буржуазии, сколько от развития пролетариата. Чем больше пролетариат проникнется социалистическими и коммунистическими идеями, тем менее кровавой, мстительной и жестокой будет революция. По принципу своему коммунизм стоит выше вражды между буржуазией и пролетариатом; он признаёт лишь её историческое значение для настоящего, но отрицает её необходимость в будущем; он именно ставит себе целью устранить эту вражду. Пока эта вражда существует, коммунизм рассматривает ожесточение пролетариата против своих поработителей как необходимость, как наиболее важный рычаг *начинающегося* рабочего движения; но коммунизм идёт дальше этого ожесточения, ибо он является делом не одних только рабочих, а всего человечества. Ни одному коммунисту и в голову не придёт мстить отдельному лицу или вообще думать, что тот или иной буржуа при существующих отношениях мог бы поступить иначе, чем он поступает. Английский социализм (т. е. коммунизм) прямо исходит из принципа неответственности отдельного лица. Поэтому, чем более английские рабочие проникнутся социалистическими идеями, тем скорее станет излишним их теперешнее ожесточение, — которое, если оно будет проявляться л таких насильственных актах, как до сих пор, всё равно ни к чему не приведёт, — и тем меньше будет грубости и дикости в их выступлениях против буржуазии. Если бы вообще возможно было сделать весь пролетариат коммунистическим до того, как борьба развернётся, она протекла бы очень мирно. По это теперь уже невозможно: слишком поздно! Я полагаю, однако, что до начала *вполне* открытой, непосредственной войны бедных против богатых, ставшей теперь неизбежной в Англии, удастся, по крайней мере, настолько распространить в рядах пролетариата ясное понимание социального вопроса, что коммунистическая партия при благоприятных обстоятельствах ока-

жется в состоянии с течением времени преодолеть жестокие и грубые элементы революции и предотвратить повторение 9 термидора. К тому же опыт Франции не пропадёт даром, да и теперь уже большинство вождей чартистского движения — коммунисты. А так как коммунизм стоит *выше* противоречия между пролетариатом и буржуазией, то лучшим представителям последней — впрочем крайне немногочисленным и принадлежащим только к подрастающему поколению, — легче будет примкнуть к нему, чем к исключительно пролетарскому чартизму.

Если эти выводы покажутся здесь недостаточно обоснованными, то, я надеюсь, мне представится возможность в другом месте доказать, что они с необходимостью вытекают из исторического развития Англии. На одном я настаиваю: война бедных против богатых, которая теперь ведётся косвенно и в виде отдельных стычек, станет в Англии всеобщей и открытой. Для мирного исхода уже слишком поздно. Классы обособляются всё резче, дух сопротивления охватывает рабочих всё больше, ожесточение крепнет, отдельные партизанские стычки разрастаются в более крупные сражения и демонстрации, и скоро достаточно будет небольшого толчка, для того чтобы привести лавину в движение. Тогда действительно раздастся по всей стране боевой призыв: «Война дворцам, мир хижинам!», но тогда для богатых будет уже слишком поздно принимать меры предосторожности.

THE
NEW MORAL WORLD:
AND
GAZETTE OF THE RATIONAL SOCIETY.
Enrolled under Acts of Parliament, 10 Geo. IV. c. 56, and 4, 5, Will. IV. c. 40.
"ANY GENERAL CHARACTER, FROM THE BEST TO THE WORST, FROM THE MOST IGNORANT TO THE MOST ENLIGHTENED, MAY BE GIVEN TO ANY COMMUNITY, EVEN TO THE WORLD AT LARGE, BY THE APPLICATION OF PROPER MEANS, WHICH MEANS ARE TO A GREAT EXTENT AT THE COMMAND AND UNDER THE CONTROL OF THOSE WHO HAVE INFLUENCE IN THE AFFAIRS OF MEN."—ROBERT OWEN.
W. JOHNSTON, PRINTER, LITTLE RED LION COURT, CHARTERHOUSE LANE, LONDON
No. 25. VOL. VI. Third Series. SATURDAY, DECEMBER 13, 1844. PRICE 2d.

Ф. ЭНГЕЛЬС

БЫСТРЫЕ УСПЕХИ КОММУНИЗМА В ГЕРМАНИИ

I

Посылаю вам небольшую заметку для вашей газеты[125], полагая, что ваши соотечественники с удовлетворением услышат об успехах нашего общего дела по эту сторону пролива. Вместе с тем я рад случаю показать, насколько германский народ, по своему обыкновению отстававший от других и в обсуждении вопроса о социальном преобразовании, старается наверстать потерянное время. Просто чудеса, с какой быстротой социализм распространился в нашей стране. Два года тому назад здесь вообще было только два человека, интересовавшихся социальными вопросами; год тому назад вышло в свет первое социалистическое издание[126]. Правда, несколько сот немцев-коммунистов находились за границей, но это были рабочие, которые пользовались слабым влиянием и не имели возможности распространять свои издания в «высших классах». Кроме того, препятствия, которые социализм встретил на своём пути, огромны: цензура над печатью, отсутствие свободы собраний и свободы союзов, деспотические законы и тайное судопроизводство с судьями на жаловании, карающими всякого, кто осмелится каким бы то ни было путём будить народную мысль. И, несмотря на всё это, каково теперь положение дел в Германии? Вместо двух человек, писавших о социализме для публики, отнюдь не знакомой с этим вопросом и не интересовавшейся им, у нас есть теперь десятки одарённых писателей, которые проповедуют новое учение тысячам, жадно ловящим всё, что связано с этим предметом; имеется несколько газет, социализм которых настолько радикален, насколько это

возможно в условиях цензуры; это в первую очередь «Trier'sche Zeitung» («Трирская газета»)[127] и «Sprecher» («Собеседник»)[128] в Везеле; у нас есть газета, выходящая в условиях свободы печати в Париже[129]; за исключением периодических изданий, находящихся под непосредственным влиянием правительств, нет ни одного органа, который не писал бы каждый день, и в весьма почтительных выражениях, о социализме и социалистах. Самые ярые наши противники не имеют мужества открыто выступить против нас. Даже правительства вынуждены благосклонно относиться ко всем движениям, имеющим социалистическую тенденцию, если они протекают в *легальной* форме. Повсюду возникают общества для улучшения положения трудящихся, а также для содействия их самообразованию, и кое-кто из высших чиновников прусского правительства принял в этих обществах деятельное участие. Одним словом, социализм стал злобой дня в Германии, и в течение года выросла значительная партия сторонников социализма, которая уже сейчас внушает уважение всем политическим партиям и перед которой особенно заискивают здешние либералы. До сих пор нашу силу составлял средний класс, — факт, который, может быть, удивит английского читателя, если он не знает, что этот класс в Германии значительно менее своекорыстен, пристрастен и туп, чем в Англии, по той простой причине, что он менее богат. Однако мы надеемся в скором времени найти опору в рабочем классе, который всегда и повсюду должен являться силой и оплотом социалистической партии и который уже пробуждён от своего летаргического сна нуждой, угнетением и безработицей, а также волнениями в промышленных округах Силезии и Богемии. Позвольте мне в связи с этим упомянуть о картине одного из лучших немецких художников, Гюбнера, которая сделала гораздо больше для социалистической агитации, чем это могла бы сделать сотня памфлетов. Картина изображает группу силезских ткачей, принесших холст фабриканту, и с необычайной силой показывает контраст жестокосердного богатства, с одной стороны, и безысходной нищеты—с другой. Упитанный фабрикант, с медно-красным, бесчувственным лицом, пренебрежительно отшвыривает кусок холста; женщина, которой принадлежит этот холст, видя, что нет никакой надежды продать его, лишается чувств и падает; её обнимают двое маленьких детей, в то время как стоящий рядом старик с трудом её поддерживает. Приказчик рассматривает другой кусок холста, владельцы которого с мучительным напряжением ждут результата осмотра; молодой человек показывает подавленной отчаянием матери жалкий заработок, который он получил за свой труд; на каменной

скамье сидят в ожидании своей очереди старик, девушка и мальчик, а двое мужчин, взвалив на спину куски забракованного холста, выходят из комнаты; один из них потрясает в бешенстве кулаком, между тем как другой, положив руку на плечо своему товарищу, указывает на небо, как бы говоря: будь покоен, есть ещё судья, который покарает его. Вся эта сцена разыгрывается в холодной, нежилого вида прихожей с каменным полом; только фабрикант стоит на коврике. Между тем в глубине картины, позади прилавка, открывается вид на богато обставленную контору, с роскошными шторами и зеркалами, где несколько приказчиков пишут, не обращая внимания на то,. что происходит за их спиной, а сын хозяина, молодой франт, стоит, опершись о прилавок, с хлыстом в руке, покуривая сигару и равнодушно взирая на несчастных ткачей. Эта картина выставлена была в нескольких городах Германии и, конечно, подготовила много умов к восприятию социальных идей. Мы также с огромным удовлетворением узнали, что наш лучший художник в области исторической живописи, Карл Лессинг, перешёл на сторону социализма. Фактически, в настоящее время позиции социализма в Германии уже в десять раз лучше, нежели в Англии. Как раз сегодня утром я прочёл в одном либеральном органе, — в «Кёльнской газете»[130], — статью, автор которой по какому-то поводу подвергся нападкам социалистов; в этой статье он защищается. К чему же сводится его защита? Он объявляет себя социалистом, с той лишь разницей, что он желает начать с политических реформ, в то время как мы, мол, хотим добиться всего сразу. А ведь «Кёльнская газета» является второй в Германии газетой по влиянию и распространению. Как ни странно, но крайней мере в Северной Германии, нельзя сесть на пароход, в железнодорожный вагон или в почтовую карету, чтобы не встретить кого-нибудь, кто хоть до некоторой степени впитал в себя социальные идеи и кто соглашается с тем, что необходимо что-то предпринять для переустройства общества. Я только что вернулся из поездки по соседним городам, и не было ни одного места, где бы я не нашёл по крайней мере пять, а то и десять человек убеждённых социалистов. В моей собственной семье—а это поистине благочестивая и благонамеренная семья—я насчитываю шесть и даже больше социалистов, причём каждый был обращён совершенно независимо от других. Мы имеем сторонников среди всех слоёв—торговцев, фабрикантов, адвокатов, чиновников, офицеров, врачей, редакторов газет, фермеров и т. д.; большое число наших изданий находится в печати, хотя в свет пока вышло не больше трёх или четырёх. И если в течение

ближайших четырёх или пяти лет у нас будут такие же успехи, какие были за истекший год, мы будем в состоянии немедленно основать коммунистическую колонию. Как видите, мы, немецкие теоретики, становимся практическими деловыми людьми. И в самом деле, одному из нас предложено составить практический план организации коммунистической колонии и управления ею с учётом планов Оуэна, Фурье и других и с использованием опыта, накопленного американскими колониями, а также и опыта вашей колонии «Гармония»[131], которая, надеюсь, процветает. Этот план будет обсуждён в различных местностях и опубликован вместе с предложенными поправками. Наиболее активными литературными деятелями среди германских социалистов являются: д-р Карл Маркс, в Париже; д-р М. Гесс, в настоящее время в Кёльне; д-р К. Грюн, в Париже; Фридрих Энгельс, в Бармене (Рейнская Пруссия); д-р О. Люнинг, в Реде (Вестфалия); д-р Г. Пютман, в Кёльне, и ряд других. Кроме того, Генрих Гейне, наиболее выдающийся из всех современных немецких поэтов, примкнул к нашим рядам и издал том политических стихов, куда вошли и некоторые стихотворения, проповедующие социализм. Он является автором знаменитой «Песни силезских ткачей», которую я вам привожу в прозаическом переводе, но которая, боюсь, будет сочтена кощунственной в Англии. Во всяком случае, я привожу её и замечу только, что в ней содержится намёк на боевой клич пруссаков в 1813 г.: «С богом за короля и отечество!», клич, который является с тех пор излюбленным лозунгом верноподданной партии. Что касается самой песни, то вот она[132]:

Без единой слезы в угрюмых глазах
Сидят они за станком, на их лицах гнев отчаяния:
«Настрадались мы вдоволь, голодали мы долго;
Мы ткём тебе саван, о старая Германия,
Вплетая в него тройное проклятье.
Мы ткём, мы ткём!

Первое проклятье — богу, слепому и глухому богу,
Которому мы доверяли, как дети доверяют отцу,
Возлагая на него все надежды и упования,
А он — посмеялся над нами и бессовестно нас обманул.
Мы ткём, мы ткём!

Второе проклятье—королю богачей,
Кого наши горести не могут ни смягчить, ни растрогать.
Королю, который вымогает у нас последние гроши
И посылает своих солдат расстреливать нас, как собак.
Мы ткём, мы ткём!

Проклятье тебе, фальшивое отечество,
Где нет для нас ничего, кроме позора и бедствий,
Где мы страдали от нищеты и голода.
Мы ткём тебе саван, старая Германия.
Мы ткём, мы ткём!»

На этой песне, которая в немецком оригинале является одним из самых сильных поэтических произведений, известных мне, я и расстаюсь с вами на этот раз; надеюсь, что скоро смогу сообщить о наших дальнейших успехах и о социальной литературе.

Искренне преданный вам,

Старый друг ваш в Германии

Написано Ф. Энгельсом около 9 ноября 1844 г.
Напечатано в газете «The New Moral World» № 25, 13 декабря 1844 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с английского

several others. Besides those, Henry Heine, the most eminent of all living German poets, has joined our ranks, and published a volume of political poetry, which contains also some pieces preaching Socialism. He is the author of the celebrated *Song of the Silesian Weavers*, of which I give you a prosaic translation, but which, I am afraid, will be considered blasphemy in England. At any rate, I will give it you, and only remark, that it refers to the battle-cry of the Prussians in 1813:—"With God for King and fatherland!" which has been ever since a favourite saying of the loyal party. But for the song, here it is:—

Without a tear in their grim eyes,
They sit at the loom, the rage of despair in their faces;
"We have suffered and hunger'd long enough;
Old Germany, we are weaving a shroud for thee
And weaving it with a triple curse.
"We are weaving, weaving!

"The first curse to the God, the blind and deaf god,
Upon whom we relied, as children on their father;
In whom we hoped and trusted withal,
He has mocked us, he has cheated us nevertheless.
"We are weaving, weaving!

"The second curse for the King of the rich,
Whom our distress could not soften nor touch;
The King, who extorts the last penny from us,
And sends his soldiers, to shoot us like dogs.
"We are weaving, weaving!

"A curse to the false fatherland,
That has nothing for us but distress and shame,
Where we suffered hunger and misery—
We are weaving thy shroud, Old Germany!
We are weaving, weaving!

With this song, which in its German original is one of the most powerful poems I know of, I take leave from you for this time, hoping soon to be able to report on our further progress and social literature.—Yours sincerely,

AN OLD FRIEND OF YOURS IN GERMANY.

Конец статьи «Быстрые успехи коммунизма в Германии»
с текстом стихотворения Г. Гейне «Песня силезских ткачей»
в переводе Ф. Энгельса

II

Бармен, 2 февраля 1845 г,

С тех пор, как я писал вам в последний раз, дело коммунизма продолжало развиваться так же быстро, как и в последние месяцы 1844 года. Я недавно побывал в ряде прирейнских городов и повсюду обнаружил, что со времени моего последнего посещения наши идеи завоевали и продолжают завоёвывать с каждым днём новые позиции. Повсюду я встречал новых прозелитов, которые обсуждали и распространяли идеи коммунизма со всем рвением, какого только можно было пожелать. Во всех городах Пруссии проведено множество публичных собраний для создания союзов, имеющих целью противодействие росту пауперизма, невежества и преступности в широких массах населения. Правительство, сначала поощрявшее эти собрания, стало препятствовать их проведению, как только в них проявился слишком независимый дух, но тем не менее, они привлекли общественное внимание к социальному вопросу и сделали очень много для распространения наших принципов. В Кёльне собрание было настолько воодушевлено речами видных коммунистов, что избрало для выработки устава союза комитет, состоявший в большинстве своём из убеждённых коммунистов. В основу устава были, конечно, положены коммунистические принципы—организация труда, защита труда от власти капитала и т. п. — и этот устав был почти единогласно принят собранием. Разумеется, в правительственной санкции, которая требуется здесь для создания любой ассоциации, было отказано; но после этих собраний вопрос о коммунистических колониях стал предметом всеобщего обсуждения в Кёльне. В Эльберфельде было провозглашено в качестве основного принципа союза, *что все люди в равной мере имеют право на образование и должны пользоваться плодами науки.* Устав союза, однако, ещё не утверждён правительством и, по всей вероятности,

он разделит участь кёльнского устава, так как духовенство создало свою собственную организацию, после того как его попытка поставить союз в зависимость от городской епархии была отвергнута собранием. Либеральный союз будет запрещён, а поповский—получит поддержку правительства. Это, впрочем, не имеет большого значения, потому что вопрос, раз поднятый, обсуждается теперь по всему городу. В Мюнстере, Клеве, Дюссельдорфе и других городах также были основаны союзы; посмотрим, каковы будут результаты. Что касается коммунистической литературы, то Г. Пютман, из Кёльна, выпустил в свет сборник[133], содержащий, наряду с другими статьями, описание коммунистических колоний в Америке и вашей колонии в Гэмпшире, что весьма способствовало преодолению предрассудков о неосуществимости наших идей. Г-н Пютман опубликовал одновременно проспект трёхмесячного журнала[134], первый номер которого, посвящённый исключительно пропаганде наших идей, он намеревается выпустить в мае этого года. Другой, ежемесячный, орган будет издаваться гг. Гессом, из Кёльна, и Энгельсом, из Бармена[135]; первый номер выйдет 1 апреля; этот журнал будет целиком посвящён *фактам,* рисующим состояние современного цивилизованного общества; красноречивым языком фактов он будет проповедовать необходимость радикальных преобразований. В ближайшее время выйдет в свет новое произведение д-ра Маркса, которое будет заключать в себе критику основ политической экономии и политики вообще[136]. Самого д-ра Маркса французское консервативное правительство заставило покинуть Париж. Он намеревается переехать в Бельгию; если же месть прусского правительства (которое побудило французских министров выслать Маркса) будет его преследовать и там, ему придётся перебраться в Англию. Но самый важный из фактов, ставших мне известными со времени моего последнего письма, это то, что д-р Фейербах, наиболее выдающийся философский ум Германии в настоящее время, объявил себя коммунистом. Один из наших друзей посетил его недавно в его сельском уединении в глухом уголке Баварии, и Фейербах выразил ему своё глубокое убеждение в том, что коммунизм является лишь необходимым выводом из провозглашённых им принципов и что, по существу, коммунизм является лишь *практикой* того, что он сам уже давно провозгласил в теории. Фейербах сказал, что ни одна книга не доставила ему такого наслаждения, как первая часть «Гарантий» Вейтлинга[137]. Он заявил, что никогда никому не посвящал своих книг, но испытывает большое желание посвятить свою ближайшую работу Вейт-

лингу. Таким образом союз между немецкими философами, наиболее выдающимся представителем которых является Фейербах, и германскими рабочими, представляемыми Вейтлингом, союз, год тому назад предсказанный д-ром Марксом[138], близок к осуществлению. Если с нами философы, чтобы мыслить, и рабочие, чтобы бороться за наше дело, — то какая сила на земле сможет противостоять нашим успехам?

Старый друг ваш в Германии

Написано Ф. Энгельсом 2 февраля 1845 г.
Напечатано в газете «The New Moral World» № 37, 8 марта 1845 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с английского

III

Милостивый государь!

В течение некоторого времени я был лишён возможности, в силу обстоятельств, писать вам о положении дел в Германии; сейчас продолжаю свои сообщения в надежде, что они заинтересуют ваших читателей и будут следовать одно за другим с меньшими перерывами, чем до сих пор. С удовлетворением могу вам сообщить, что мы делаем такие же быстрые и решительные успехи, как и тогда, когда я отправил вам своё последнее сообщение. С тех пор как я вам писал в последний раз, прусское правительство сочло опасным оказывать дальше поддержку «Союзам для улучшения положения трудящихся классов». Оно обнаружило, что эти союзы повсюду заражаются чем-то вроде коммунизма, и поэтому оно сделало всё, что было в его власти, чтобы упразднить их или по крайней мере помешать их успеху. С другой стороны, большинство членов этих обществ, принадлежа к буржуазии, становились в тупик, когда речь заходила о тех шагах, которые они могли бы предпринять для улучшения положения трудящихся. Никчёмность всех предложенных ими мер, — сберегательные кассы, премии и поощрения лучшим рабочим и тому подобное, — немедленно доказывалась коммунистами, которые подвергали эти меры публичному осмеянию. Таким образом попытка буржуазии обмануть рабочий класс посредством лицемерия и ложной филантропии оказалась совершенно бесплодной, тогда как для нас она создала возможности, довольно редкие в стране с патриархальным полицейским строем; в итоге хлопоты достались на долю правительства и капиталистов, а пользу из всего этого извлекли мы.

Но не только эти собрания были использованы для коммунистической агитации; в Эльберфельде, центре фабричного округа Рейнской Пруссии, были проведены настоящие коммунистические собрания. Коммунисты этого города были приглашены некоторыми наиболее почтенными гражданами для совместного

обсуждения коммунистических принципов. Первое собрание состоялось в феврале и носило скорее частный характер. На нём присутствовало от сорока до пятидесяти человек, в том числе генеральный прокурор округа и другие члены судебных учреждений, а также представители почти всех крупнейших торговых и промышленных фирм. Д-р Гесс, имя которого уже не раз упоминалось мной на столбцах вашей газеты, открыл заседание, предложив избрать председателем г-на Кётгена, коммуниста, что было принято без возражений. Затем д-р Гесс прочёл лекцию о современном состоянии общества и о необходимости уничтожить старую систему конкуренции, которую он назвал системой открытого грабежа. Лекция вызвала продолжительные аплодисменты (в аудитории большинство составляли коммунисты); после этого г-н Фридрих Энгельс (который некоторое время тому назад напечатал в вашей газете несколько статей о коммунизме на континенте[139]) довольно подробно говорил об осуществимости и преимуществах коммунистической системы[*]. В подтверждение своих положений он привёл ряд подробностей об американских коммунистических колониях и о вашей колонии «Гармония». Вслед за тем завязалась весьма оживлённая дискуссия, в которой со стороны коммунистов выступали вышеупомянутые ораторы и некоторые другие, а со стороны их противников — генеральный прокурор, литератор д-р Бенедикс и другие. Заседание, начавшееся в девять часов вечера, затянулось до часу ночи.

Второе собрание состоялось через неделю в обширном зале лучшей гостиницы города. Зал был заполнен местной «респектабельной» публикой. Г-н Кётген, который председательствовал на предыдущем собрании, изложил некоторые соображения о будущем строе общества и его перспективах, как они рисуются коммунистам. Затем г-н Энгельс произнёс речь[**], в которой он доказал (как явствует из того факта, что не раздалось ни одного слова возражения), что современное положение Германии не может не привести в очень скором времени к социальной революции; что эта неминуемая революция не может быть предотвращена какими-либо мерами, способствующими развитию торговли и фабричной промышленности, и что единственным средством предотвратить такую революцию, — революцию более грозную, чем все потрясения предшествующей истории, — является подготовка и введение коммунистической системы. Дискуссия, в которой приняли участие на стороне

[*] См. настоящий том, стр. 532. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 546. *Ред.*

коммунистов некоторые представители адвокатской профессии, специально для этого приехавшие из Кёльна и Дюссельдорфа, опять была весьма оживлённой и затянулась за полночь. Были также прочитаны некоторые коммунистические стихотворения присутствовавшего на собрании д-ра Мюллера из Дюссельдорфа.

Неделю спустя имело место третье собрание, на котором снова выступал д-р Гесс и, кроме того, были прочитаны из одного сборника некоторые подробности об американских коммунистических колониях. Перед закрытием собрания возобновилась дискуссия.

Через несколько дней по городу распространился слух, что следующее собрание будет разогнано полицией, а ораторы—арестованы. Бургомистр Эльберфельда действительно отправился к владельцу гостиницы и пригрозил отнять у него патент на содержание гостиницы, если он в будущем будет позволять, чтобы в его помещении происходили подобные собрания. Коммунисты тотчас же обратились по этому поводу к бургомистру и накануне того дня, когда должно было состояться очередное собрание, получили предписание на имя гг. Гесса, Энгельса и Кётгена, в котором местные власти с потрясающим количеством ссылок на обычное и писаное право объявляли подобные собрания незаконными и грозили положить им конец вооружённой силой, если они не будут прекращены. Собрание состоялось в ближайшую субботу; на нём присутствовали бургомистр и генеральный прокурор (который после первого раза избегал показываться на этих собраниях) в сопровождении отряда вооружённой полиции, присланного по железной дороге из Дюссельдорфа. Конечно, при таких условиях не было никаких публичных выступлений: собравшиеся занялись бифштексами и вином и не дали полиции никакого повода к вмешательству.

Такие меры могли только способствовать нашему делу: они побудили тех людей, которые ещё ничего не слыхали о данном вопросе, заинтересоваться им, поскольку правительство приписывало ему такое значение; и очень многие из тех, кто пришёл на дискуссию, совершенно не зная о наших взглядах или даже иронически относясь к ним, отправились домой, проникнутые уважением к коммунизму. Это уважение было вызвано отчасти и почтенным представительством нашей партии на собрании: почти каждая патрицианская и богатая семья города была представлена одним из своих членов или родственников за обширным столом, занятым коммунистами. Короче говоря, эффект, произведённый этими собраниями на общественное мнение всего промышленного округа, был поистине изумитель-

ный; через несколько дней тех, кто публично выступал за наше дело, забросали просьбами о книгах и газетах, из которых можно было бы получить представление о коммунистической системе в целом. Насколько нам известно, полный отчёт о заседаниях будет издан в скором времени.

Что касается коммунистической литературы, то в этой области агитации была развёрнута широкая деятельность. Публика буквально жаждет осведомления: она поглощает всякую новую книгу по этому вопросу. Д-р Пютман издал сборник статей, в который вошли: прекрасная работа д-ра Гесса о бедствиях современного общества и о средствах к их устранению; подробное описание бедственного положения рабочих в Силезии с очерком происшедшего там минувшей весной восстания; несколько других статей, описывающих общественные порядки в Германии, и, наконец, сообщение об американских коммунистических колониях и колонии «Гармония», составленное Ф. Энгельсом по письмам г-на Финча и по статье, подписанной «Один из тех, кто сам ходил за плугом»[*]. Сборник, хотя и подвергся преследованиям со стороны прусского правительства, был, однако, быстро раскуплен повсюду. Основан ряд ежемесячных изданий: «Вестфальский пароход»[140], издаваемый Люнингом в Билефельде и содержащий популярные статьи о социализме и сообщения о положении трудящихся. «Народный листок» в Кёльне[141], с более определённой социалистической тенденцией, и «Gesellschaftsspiegel» («Зеркало общества») в Эльберфельде, издаваемый д-ром Гессом и основанный специально для опубликования фактов, характеризующих современное состояние общества, и для защиты прав трудящихся классов. Кроме того, д-р Пютман основал трёхмесячник «Rheinische Jahrbucher» («Рейнский ежегодник»), первый номер которого сейчас находится в печати и в скором времени выйдет в свет.

С другой стороны объявлена война тем из немецких философов, которые отказываются сделать практические выводы из своей чистой теории и которые утверждают, что человеку только и надлежит предаваться спекулятивным размышлениям о метафизических проблемах. Маркс и Энгельс опубликовали подробное опровержение принципов, отстаиваемых Бруно Бауэром[**], а Гесс и Бюргерс приступили в настоящее время к опровержению теории Штирнера. Бауэр и Штирнер являются выразителями наиболее крайних выводов немецкой *абстрактной*

[*] — псевдоним Александера Сомервилла. *Ред.*
[**] См. настоящий том, стр. 3—230. *Ред.*

философии, а следовательно и единственно серьёзными философскими противниками социализма, или, вернее, коммунизма, так как в Германии слово социализм не означает ничего, кроме различных туманных, неопределённых и неопределимых фантазий тех, кто видит, что необходимо что-то предпринять, но не может решиться принять коммунистическую систему со всеми вытекающими из неё выводами.

В печати также находятся «Критика политики и политической экономии» д-ра Маркса, «Положение рабочего класса в Англии»* г-на Энгельса и «Anekdota»[142] — сборник статей о коммунизме, а в ближайшие дни будет приступлено к переиоду лучших французских и английских произведений по вопросу о переустройстве общества.

Вследствие жалких политических порядков в Германии и произвола в действиях её патриархальных правительств едва ли возможно установить между коммунистами различных местностей какую-либо связь кроме литературной. Периодические издания, главным образом «Рейнский ежегодник», служат центром для тех, кто отстаивает коммунизм в печати. Кое-какая связь поддерживается также через проезжих; вот и всё. Союзы не разрешены законом и даже переписка не безопасна, так как «тайные кабинеты» развернули в последнее время необычайно активную деятельность. Так, мы только из газет узнали о существовании двух коммунистических организаций в Познани и горах Силезии. Сообщают, что в Познани, столице прусской Польши, группа молодых людей образовала тайное общество на основе коммунистических принципов и намеревалась завладеть городом; заговор был раскрыт, и эти намерения не были осуществлены; вот всё, что мы знаем об этом деле. Во всяком случае, достоверно то, что большое число молодых людей, принадлежащих к аристократическим и богатым польским семействам, арестованы; что с тех пор (свыше двух месяцев) все сторожевые посты удвоены и обеспечены боевыми патронами; что двое юношей (12-ти и 19-ти лет), братья Рымаркевич, скрылись и до сих пор ещё не задержаны властями. Большое число арестованных — юноши от 12-ти до 20-ти лет. Другой так называемый заговор—в горах Силезии — был, как говорят, очень обширным и также ставил себе коммунистические цели; заговорщики якобы намеревались захватить крепость в Швейднице, занять всю линию гор и оттуда бросить клич обездоленным трудящимся всей Германии. Насколько всё это соответствует действительности —

* См. настоящий том, стр. 231—517. *Ред.*

никто не может судить, но и в этом несчастном округе также произведены аресты по доносам полицейского шпиона, и богатый фабрикант, г-н Шлёффель, доставлен в Берлин, где он в настоящее время предан суду как предполагаемый главарь заговора.

Союзы немецких коммунистов-рабочих в Швейцарии, Франции и Англии попрежнему очень деятельны, хотя во Франции и некоторых частях Швейцарии они терпят притеснения со стороны полиции. Газеты сообщают, что около шестидесяти членов женевского коммунистического союза были высланы из города и из кантона. А. Беккер, один из наиболее одарённых швейцарских коммунистов, издал прочитанную им в Лозанне лекцию, озаглавленную «Чего желают коммунисты?»[143], которая принадлежит к лучшим и наиболее сильным из известных нам произведений этого рода. Смею сказать, что она заслуживает перевода на английский язык, и я был бы рад, если бы кто-либо из ваших читателей оказался достаточно знакомым с немецким языком, чтобы взяться за это дело. Это, разумеется, только небольшая брошюра.

Надеюсь продолжать свои сообщения от времени до времени и остаюсь

Старый друг ваш в Германии

Написано Ф. Энгельсом около 5 апреля 1845 г.
Напечатано в газете «The New Moral World» № 46, 10 мая 1845 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ЭЛЬБЕРФЕЛЬДСКИЕ РЕЧИ

РЕЧЬ 8 ФЕВРАЛЯ 1845 г.

Господа!

Как вы только что слышали, — впрочем я позволю себе считать это и без того общеизвестным, — мы живём в мире свободной конкуренции. Рассмотрим же несколько подробнее эту свободную конкуренцию и созданный ею общественный порядок. В нашем современном обществе каждый работает на свой собственный страх и риск, каждый стремится к своему собственному обогащению и ему совершенно нет дела до того, чем занимаются другие. О разумной организации, о распределении работ нет и речи; наоборот, каждый старается опередить другого, старается использовать для своей частной выгоды благоприятный случай и не имеет ни времени, ни охоты подумать о том, что его собственные интересы в сущности ведь совпадают с интересами всех остальных людей. Отдельный капиталист ведёт борьбу со всеми остальными капиталистами, отдельный рабочий—со всеми остальными рабочими; все капиталисты ведут борьбу против всех рабочих, а масса рабочих опять-таки неизбежно должна бороться против массы капиталистов. В этой войне всех против всех, в этом всеобщем беспорядке и всеобщей эксплуатации и заключается сущность современного буржуазного общества. Но такое беспорядочное ведение хозяйства должно в конце концов привести общество к самым печальным результатам; неорганизованность, лежащая в основе общества, пренебрежение к подлинному всеобщему благу не могут не обнаружиться рано или поздно самым разительным образом. Разорение мелкой буржуазии, того сословия, которой составляло главную основу государств прошлого века, является

первым результатом этой борьбы. — Каждый день мы наблюдаем, как сила капитала сокрушает этот класс общества, как, например, отдельные портные и столяры, у которых магазины готового платья и мебели отбивают их лучших заказчиков, превращаются из мелких капиталистов, из членов *имущего* класса в зависимых пролетариев, работающих на других, в членов *неимущего* класса. Разорение мелкой буржуазии является печальным следствием столь восхваляемой свободы промышленности; это неизбежный результат тех преимуществ, которые имеет крупный капиталист перед своим менее богатым конкурентом, это самое яркое проявление тенденции капитала концентрироваться в руках немногих. Эта тенденция капитала также уже признана многими; повсюду жалуются на то, что собственность с каждым днём всё больше и больше скопляется в руках немногих, между тем как огромное большинство нации всё больше и больше беднеет. Так возникает резкий антагонизм между кучкой богачей, с одной стороны, и многочисленными бедняками, с другой, антагонизм, который в Англии и во Франции достиг уже угрожающей остроты и у нас тоже с каждым днём принимает всё более острый характер. И пока сохраняется современный базис общества, невозможно приостановить этот процесс обогащения немногих единиц и обнищания больших масс; антагонизм будет проявляться всё более резко, пока, наконец, необходимость не принудит общество к реорганизации на более разумных началах.

Но, господа, этим далеко ещё не исчерпываются все последствия свободной конкуренции. Так как каждый производит и потребляет на свой собственный страх и риск, не особенно беспокоясь о том, что производят и потребляют другие, то очень скоро должно неизбежно наступить вопиющее несоответствие между производством и потреблением. Так как современное общество доверяет распределение произведённых товаров купцам, спекулянтам и лавочникам, из которых каждый опять-таки имеет в виду только свою собственную выгоду, то — не говоря уже о том, что неимущий лишён возможности приобрести необходимую ему долю этих товаров,—в распределении продуктов наступает такое же несоответствие. Как может фабрикант установить, какое количество его изделий требуется на том или ином рынке? И даже если бы он мог это установить, то как ему узнать, какое количество послано на каждый из этих рынков его конкурентами? Как может он, по большей части даже совершенно не знающий, куда пойдёт только что произведённый им товар, как может он ещё знать, какое количество доставят его заграничные конкуренты на каждый

данный рынок? Обо всём этом он ничего не знает, он производит наугад, подобно своим конкурентам, и утешается тем, что и другие должны поступать так же. Ему нечем руководствоваться, кроме вечно колеблющегося уровня цен, которые в тот момент, когда он отправляет свой товар, уже совершенно но соответствуют на отдалённых рынках ценам, сообщённым ему раньше в письме; а к моменту прибытия туда товара, цены опять изменились в сравнении с моментом отправки. При такой беспорядочности производства вполне естественно, что в торговле на каждом шагу наступает застой, который, конечно, бывает тем значительнее, чем более развиты промышленность и торговля страны. Страна самой развитой промышленности, Англия, даёт нам поэтому здесь наиболее яркие примеры. Вследствие развития торговли, вследствие большого числа спекулянтов и комиссионеров, которые здесь вторглись между производящими фабрикантами и действительными потребителями, английскому фабриканту бывает ещё труднее, чем немецкому, хоть что-нибудь узнать о соотношении между наличными запасами и производством, с одной стороны, и потреблением, — с другой; к тому же он снабжает почти все рынки в мире, он почти никогда не знает, куда идёт его товар, и потому, при огромной производительной мощи английской промышленности, очень часто бывает, что все рынки вдруг оказываются переполненными. Торговля приостанавливается, фабрики работают половину времени или совсем не работают, начинается ряд банкротств, запасы приходится продавать по смехотворно низким ценам, и значительная часть старательно накопленного капитала снова теряется в результате такого торгового кризиса. В Англии можно было наблюдать целый ряд таких торговых кризисов с начала этого столетия, а за последние двадцать лет они повторяются через каждые пять или шесть лет. Большинство из вас, господа, вероятно, ещё хорошо помнят последние кризисы 1837 и 1842 года. Если бы наша промышленность была так же развита, наш сбыт так же широко разветвлён, как промышленность и торговля Англии, то и *мы* переживали бы такие же последствия; однако теперь у нас действие конкуренции в промышленности и в торговле проявляется в виде всеобщей длительной депрессии во всех отраслях промышленности, в виде злополучного среднего состояния между определённым процветанием и полным упадком, в виде состояния некоего застоя, т. е. неподвижности.

В чём же действительная причина такого тяжёлого положения? Чем вызывается разорение мелкой буржуазии, резкий контраст между богатством и бедностью, застой в торговле и

проистекающее отсюда расточение капитала? Не чем иным, как разобщённостью интересов. Мы все трудимся, преследуя только свою собственную выгоду, не заботясь о благе других, а между тем это ведь очевидная, сама собой понятная истина, что интерес, благо, счастье каждого в отдельности неразрывно связаны с благом остальных людей. Мы все должны согласиться с тем, что не можем обойтись без своих собратьев, что простой интерес приковывает всех нас друг к другу, и всё же мы своими действиями попираем эту истину и строим наше общество так, как будто наши интересы не только не совпадают, но прямо противоположны друг другу. Мы видели, каковы результаты этого глубокого заблуждения; для того чтобы устранить эти печальные результаты, необходимо устранить это заблуждение, и именно эту цель ставит себе коммунизм.

В коммунистическом обществе, где интересы отдельных людей не противоположны друг другу, а объединены, конкуренция исчезает. О разорении отдельных классов, о классах вообще, подобных тем, какими в настоящее время являются богатые и бедные, разумеется, не будет и речи. При производстве и распределении необходимых жизненных благ отпадёт частное присвоение, стремление каждого отдельного лица обогатиться на собственный страх и риск, и точно так же отпадут сами собой и торговые кризисы. В коммунистическом обществе легко будет учитывать как производство, так и потребление. Так как известно, сколько необходимо в среднем каждому в отдельности, то очень просто вычислить, сколько потребуется определённому числу лиц, а так как производство уже не будет тогда находиться в руках отдельных частных предпринимателей, а будет находиться в руках общины и её управления, то нетрудно будет *регулировать производство соответственно потребностям.*

Итак, мы видим, что при коммунистической организации отпадают главные пороки современного социального строя. Но если мы рассмотрим вопрос несколько подробнее, то увидим, что преимущества подобной организации не ограничиваются этим: они сказываются также в устранении массы других недостатков, из которых я сегодня приведу лишь несколько примеров экономического порядка. Современное устройство общества в экономическом отношении безусловно является самым неразумньм и непрактичным, какое только можно себе представить. Вследствие противоположности интересов огромное количество рабочей силы расходуется таким образом, что общество не получает от этого никакой пользы и что значительное количество капитала тратится совершенно бесполезно и не воспроизводится. Мы наблюдаем это уже при торговых кризисах: мы видим, как

массы продуктов, которые все были произведены усердным трудом людей, распродаются по убыточным для продающего ценам; мы видим, как массы старательно накопленных капиталов уплывают из рук их владельцев в результате банкротств. Но рассмотрим несколько подробнее современную торговлю. Подумайте, через сколько рук должен пройти каждый продукт, прежде чем он попадёт в руки действительного потребителя, — подумайте, господа, сколько спекулирующих и излишних посредников вторгаются в настоящее время между производителем и потребителем! Возьмём для примера кипу хлопка, который производится в Северной Америке. Кипа переходит из рук плантатора в руки комиссионера на какой-нибудь пристани на Миссисипи; она направляется вниз по реке до Нового Орлеана. Здесь она продаётся,—во второй раз, так как комиссионер уже купил её у плантатора, — продаётся, допустим, спекулянту, который снова продаст её экспортёру. Затем кипа отправляется, например, в Ливерпуль, где новый спекулянт жадно тянет к ней руки и хватает её, чтобы затем снова продать её комиссионеру, который её покупает по поручению, скажем, какого-нибудь немецкого торгового дома. Таким образом кипа отправляется в Роттердам, затем вверх по Рейну, проходя ещё через руки десятка экспедиторов, причём её ещё раз десять грузят и выгружают, — и только тогда она попадает в руки, но не потребителя; а фабриканта, который сперва приводит хлопок в годное для использования состояние, затем передаёт готовую пряжу ткачу, тот передаёт ткань печатнику, *и* лишь затем она переходит к оптовику, от него к розничному торговцу, который, наконец, доставляет товар потребителю. И все эти миллионы посредников, спекулянтов, агентов, экспортёров, комиссионеров, экспедиторов, оптовых и розничных торговцев, которые сами не участвуют в производстве товара, все они хотят жить, все хотят при этом получать прибыль, и обычно действительно получают её, ибо иначе они не могли бы существовать. Разве нет более простого и более дешёвого пути для доставки кипы хлопка из Америки в Германию и изготовленного из неё товара в руки действительного потребителя, чем этот долгий путь десятикратной продажа, стократной погрузки, разгрузки и перевозки с одного склада на другой? Разве это не является разительным доказательством того, какое огромное расхищение рабочей силы вызывается разобщённостью интересов? — При разумной организации общества не может быть и речи о таком сложном способе доставки. С такой же лёгкостью, с какой можно узнать, сколько отдельная колония потребляет хлопка или хлопчатобумажных изделий, —

чтобы продолжить этот пример,—с такой же лёгкостью центральное управление сможет узнать, сколько потребляют все местности и общины страны. Раз уж такая статистика будет организована, — что легко может быть выполнено в течение одного-двух лет, — то средняя величина ежегодного потребления будет изменяться только пропорционально росту населения; поэтому легко в надлежащее время заранее определить, какое количество каждого отдельного товара понадобится для удовлетворения народных потребностей; всё это количество оптом будет заказываться прямо на месте, и его можно будет получить прямо, без посредников, без каких-либо остановок, погрузок и разгрузок кроме тех, которые действительно диктуются природой путей сообщения, следовательно, с большим сбережением рабочей силы; не надо будет выплачивать прибыли спекулянтам, крупным и мелким торговцам. Более того; все эти посредники, таким образом, не только не будут наносить вреда обществу, но даже станут ему полезны. Если теперь они выполняют в ущерб всем остальным работу, которая в лучшем случае является излишней и всё же даёт им достаточно для существования, а во многих случаях приносит им даже большие богатства; если, следовательно, теперь они приносят прямой вред общему благу, то тогда их руки освободятся для полезной деятельности, и они смогут найти занятие, в котором проявят себя уже не как притворные, мнимые члены человеческого общества, а как действительные его члены, участники его совокупной деятельности.

Современное общество, ставящее отдельного человека во враждебные отношения ко всем остальным, приводит, таким образом, к социальной войне всех против всех, войне, которая у отдельных людей, особенно у малокультурных, неизбежно должна принять грубую, варварски-насильственную форму— форму преступления. Чтобы оградить себя от преступлений, от актов неприкрытого насилия, общество нуждается в обширном, сложном организме административных и судебных учреждений, требующем безмерной затраты человеческих сил. В коммунистическом обществе это тоже будет бесконечно упрощено, и именно потому,—как это ни кажется странным,—именно потому, что в этом обществе управлению придётся ведать не только отдельными сторонами общественной жизни, но и всей общественной жизнью во всех её отдельных проявлениях, во всех направлениях. Мы уничтожаем антагонизм между отдельным человеком и всеми остальными, мы противопоставляем социальной войне социальный мир, мы подрубаем самый *корень* преступления и этим делаем излишней большую, значительно

большую часть теперешней деятельности административных и судебных учреждений. И сейчас уже преступления по страсти всё больше уступают место преступлениям, совершённым по расчёту, из интереса: число преступлений против *личности* уменьшается, а число преступлений против *собственности* увеличивается. Уже в современном обществе, находящемся в состоянии войны, развитие цивилизации смягчает насильственные проявления страстей; насколько же в большей мере это будет иметь место в коммунистическом, мирном обществе! Преступления против собственности сами собой отпадут там, где каждый получает всё необходимое для удовлетворения своих физических и духовных потребностей, где отпадают социальные перегородки и различия. Уголовная юстиция исчезнет сама собой, гражданская юстиция, которая разбирает почти исключительно имущественные отношения или, по крайней мере, такие отношения, предпосылкой которых является состояние социальной войны, также отпадёт; тяжбы, которые теперь являются естественным результатом всеобщей вражды, станут тогда только редким исключением и легко будут улаживаться третейскими судами. Административные органы также имеют в настоящее время источником своей деятельности постоянное состояние войны — полиция и вся администрация поглощены заботой о том, чтобы война оставалась скрытой, косвенной, чтобы она не выродилась в открытое насилие, в преступление. Но если гораздо легче сохранить мир, чем ввести войну в известные границы, то точно так же бесконечно легче управлять коммунистическим обществом, чем обществом, в котором царит конкуренция. И если даже теперь цивилизация научила людей видеть свой интерес в поддержании общественного порядка, общественной безопасности, общественного интереса и делать таким образом полицию, администрацию и юстицию по возможности излишними, то насколько больше будет это иметь место в таком обществе, в котором общность интересов возведена в основной принцип, в котором общественный интерес уже не отличается от интереса каждого отдельного лица! То, что уже теперь осуществляется *вопреки* общественным учреждениям, получит гораздо большее распространение, когда общественные учреждения будут уже не мешать, а, наоборот, содействовать этому! —Мы вправе, следовательно, и с этой стороны рассчитывать на значительный приток рабочих рук за счёт тех, которые вследствие нынешних социальных порядков отнимаются у общества.

К числу самых дорогостоящих учреждений, без которых современное общество не может обойтись, относятся постоянные

армии, отнимающие у нации самую сильную, самую необходимую часть населения, которая становится таким образом непроизводительной и которую нация вынуждена кормить. Мы знаем по нашему собственному государственному бюджету, во что обходится нам постоянная армия: двадцать четыре миллиона в год и изъятие из производства двухсот тысяч пар самых крепких рабочих рук. — В коммунистическом обществе никто не станет и думать о постоянном войске. Да и зачем? Для охраны внутреннего спокойствия страны? Но мы уже видели, что никому и в голову не придёт нарушать это внутреннее спокойствие. Ведь боязнь революций является только результатом противоположности интересов; там, где интересы всех совпадают, не может быть и речи о подобных опасениях. — Для захватнической войны? Но как может коммунистическое общество дойти до того, чтобы предпринять захватническую войну,—общество, которое очень хорошо знает, что на войне оно только потеряет людей и капитал, между тем как завоюет оно самое большее несколько недовольных провинций, которые, следовательно, принесут с собой нарушение социального порядка! —Для оборонительной войны? Для этого оно не нуждается в постоянной армии, так как легко будет научить каждого годного для войны члена общества, наряду с его другими занятиями, владеть оружием настолько, насколько это необходимо для защиты страны, а не для парадов. И примите при этом во внимание, что член такого общества в случае войны, которая, конечно, может вестись *только против антикоммунистических* наций, должен защищать *действительное* отечество, *действительный* очаг, что он, следовательно, будет бороться с воодушевлением, со стойкостью, с храбростью, перед которыми должна разлететься, как солома, механическая выучка современной армии. Вспомните, какие чудеса совершал энтузиазм революционных армий с 1792 по 1799 г.—армий, которые боролись ведь только за *иллюзию,* за *мнимое отечество,* и вы поймёте, какова должна быть сила армии, борющейся не за иллюзию, а за нечто реальное и осязаемое. Итак, это бесчисленное множество рабочих рук, которые теперь отнимаются у цивилизованных народов для армий, были бы при коммунистической организации возвращены к труду; они не только производили бы столько, сколько потребляют, но могли бы производить ещё гораздо больше продуктов, чем необходимо для их содержания, для пополнения общественных запасов.

Ещё большее расхищение человеческих сил в существующем общество проявляется в том, как богатые используют своё социальное положение. Я вовсе не намерен здесь касаться того

бесполезного и прямо-таки смешного расточительства, источником которого является только стремление обратить на себя внимание и которое отвлекает множество рабочих рук. Но загляните в дом, во внутреннее святилище богача и скажите мне, не является ли безрассудной растратой рабочей силы, когда множество людей занято прислуживанием одному человеку и слоняется без дела или, в лучшем случае, занято такими работами, необходимость которых вызывается изолированностью каждого человека в четырёх стенах. Все эти горничные, кухарки, лакеи, кучера, дворники, садовники и прочие, чем они собственно заняты? Как *мало минут* в течение дня заняты они тем, чтобы *действительно* сделать приятной жизнь своих господ, чтобы облегчить своим господам свободное развитие и использование их человеческих качеств и способностей,—и *сколько часов* в течение дня отдают они занятиям, которые обусловлены только плохим устройством наших общественных отношений: стоят на запятках кареты, выполняют причуды своих господ, таскают за ними комнатных собачек и несут другие нелепые обязанности. В разумно организованном обществе, где каждый получит возможность жить, не будучи рабом барских причуд и не выдумывая себе таких причуд, — в таком обществе, конечно, та рабочая сила, которая сейчас растрачивается на обслуживание живущих в роскоши, обратится на общую пользу и на пользу самих работающих.

Кроме того, расхищение рабочей силы происходит в современном обществе непосредственно под влиянием конкуренции, создающей огромное число безработных, которые *хотели бы* работать, но не *могут* получить работу. И так как общество вовсе не устроено таким образом, чтобы учитывать действительное применение рабочих сил, так как каждому предоставляется самому находить себе источник заработка, то совершенно естественно, что при распределении действительно полезных или кажущихся полезными работ значительная часть рабочих остается без дела. Это тем более имеет место, что конкурентная борьба вынуждает каждого в высшей степени напрягать свои силы, использовать все представляющиеся ему возможности, чтобы заменить дорогие рабочие руки более дешёвыми, а рост цивилизации с каждым днём создаёт всё больше и больше условий для этого; или, иными словами, каждый должен стремиться к тому, чтобы лишить других куска хлеба, чтобы так или иначе вытеснить их с работы. Таким образом, во всяком цивилизованном обществе имеется большое число безработных, которые очень хотели бы работать, но не находят работы, и число это больше, чем обычно думают. И мы видим

людей, которые тем или иным образом *проституируют* себя: нищенствуют, подметают улицы, стоят на углах в ожидании какой-нибудь работы, различными небольшими и случайными услугами едва поддерживают своё существование, торгуют с рук всевозможными мелкими товарами или, как мы видели сегодня вечером на примере нескольких бедных девушек, ходят с гитарой с места на место, играют и поют за деньги и вынуждены выслушивать всякие дерзости и оскорбительные предложения, чтобы только заработать несколько грошей. И, наконец, сколько есть таких, которые становятся жертвами *настоящей* проституции! Число таких безработных, которым не остаётся ничего другого, как в той или иной форме проституировать себя, очень велико, — наши благотворительные учреждения могли бы порассказать об этом. К тому же не следует забывать, что общество так или иначе всё-таки кормит этих людей, несмотря на их бесполезность. И если уж общество должно нести расходы по их содержанию, то оно должно было бы также позаботиться и о том, чтобы эти безработные *честно* зарабатывали свой хлеб. Но этого не *может* сделать современное общество, в котором господствует конкуренция.

Если вы, господа, подумаете обо всём сказанном, — а я мог бы привести ещё много других примеров того, как современное общество растрачивает свои рабочие силы, — если вы подумаете об этом, то вы найдёте, что человеческое общество располагает избытком производительных сил, которые ждут только разумной организации, упорядоченного распределения, чтобы начать действовать с величайшей пользой для всех. Исходя из всего этого, вы можете судить, насколько необоснованы опасения, будто при справедливом распределении общественной деятельности на долю каждого выпало бы такое бремя труда, при котором занятие другими делами сделалось бы для него невозможным. Наоборот, можно полагать, что при такой организации обычное теперь рабочее время каждого сократится наполовину, вследствие использования тех рабочих рук, которые теперь совсем не используются или используются нецелесообразно.

Однако те преимущества, которые даёт коммунистическое устройство в результате *использования ныне расхищаемых рабочих сил,* являются *еще не самыми важными.* Самая большая экономия рабочей силы заключается в *соединении отдельных сил* в коллективную силу общества и в таком устройстве, которое основано на этой концентрации до сих пор противостоявших друг другу сил. Здесь я хочу присоединиться к предложениям английского социалиста *Роберта Оуэна,* так как они наиболее практичны и наиболее разработаны. Оуэн предлагает

вместо теперешних городов и сел с их обособленными, мешающими друг другу домами, сооружать большие дворцы, каждый на площади, имеющей приблизительно 1650 футов в длину и столько же в ширину и включающей большой сад; в таком дворце смогут с удобством разместиться от двух до трёх тысяч человек. Что подобное здание, дающее его обитателям удобства самых лучших современных жилищ, может быть построено дешевле и легче, чем то количество отдельных, по большей части не столь удобных, жилищ, которые при теперешней системе требуются для того же числа людей, — это очевидно. Большое число комнат, которые в настоящее время почти в каждом порядочном доме стоят пустыми или используются один-два раза в год, может быть упразднено без всякого неудобства; экономия места, используемого под кладовые, погреба и т. д., точно так же может быть очень велика. —Но если вникнуть в детали домоводства, то тут особенно становятся видны преимущества общественного хозяйства. Какая масса труда и материалов растрачивается при современном раздробленном хозяйстве—например, при отоплении! В каждой комнате нужна отдельная печь, в каждой печи приходится отдельно разводить и поддерживать огонь, следить за ним; топливо приходится разносить по всем комнатам, золу — убирать; насколько проще и дешевле было бы вместо этих отдельных печей установить мощное центральное отопление, например, посредством паровых труб с одной общей топкой, как это уже в настоящее время практикуется в больших общественных зданиях, фабриках, церквах и т. п. Далее, газовое освещение в настоящее время ещё обходится дорого, потому что даже самые тонкие трубы должны пролегать под землёй и вследствие больших пространств, которые приходится освещать в наших городах, трубы вообще должны тянуться на непомерные расстояния; при предлагаемом устройстве всё будет сконцентрировано на пространстве в 1650X1650 футов, число же горящих газовых рожков не уменьшится; в результате такое освещение обойдётся во всяком случае не дороже, чем в городе средней величины. Затем возьмем приготовление пищи, — сколько затрачивается зря места, продуктов и рабочей силы при современном раздробленном хозяйстве, когда каждая семья отдельно готовит нужное ей небольшое количество пищи, имеет свою отдельную посуду, нанимает отдельную кухарку, отдельно закупает продукты на рынке, в зеленной, у мясника и у булочника! Можно смело предположить, что при общественном приготовлении пищи и при общественном обслуживании легко было бы освободить две трети занятых этим делом рабочих,

причём остальная треть могла бы лучше и внимательнее исполнять свою работу, чем это имеет место в настоящее время. И, наконец, работы по содержанию в порядке самого жилища! Если эти работы тоже организованы и правильно распределены, а в этих условиях это будет вполне осуществимо, разве не бесконечно легче чистить и содержать в порядке такое здание, чем те двести или триста отдельных домов, в которых при современном устройстве размещается то же число людей?

Это только некоторые примеры тех многочисленных преимуществ, которые в экономическом отношении должны вытекать из коммунистической организации человеческого общества. У пас нет возможности в такой короткий срок и в немногих словах разъяснить вам наш принцип и надлежащим образом всесторонне его обосновать. И мы вовсе не ставим себе этой задачи. Мы можем и хотим лишь разъяснить некоторые пункты и побудить тех, кто ещё не знаком с вопросом, заняться его изучением. Но мы надеемся, что, по крайней мере, разъяснили вам сегодня вечером одно, а именно, что коммунизм не только не противоречит человеческой природе, разуму и сердцу, но и не является теорией, оторванной от действительности и порождённой только фантазией.

Могут спросить, как претворить эту теорию в жизнь, какие меры можем мы предложить, чтобы подготовить её проведение? Существуют различные пути для достижения этой цели. Англичане, вероятно, начнут с основания отдельных колоний и предоставят каждому решать, вступать в них или нет; французы, наоборот, вероятно, будут подготовлять и проводить коммунизм в национальном масштабе. С чего начнут немцы, сказать трудно, так как социальное движение в Германии — явление новое. Упомяну пока только об одном из многих возможных подходов к этому делу, о котором немало говорилось в последнее время, а именно о проведении трёх мероприятий, которые неизбежно должны привести к практическому коммунизму.

Первое мероприятие — это *всеобщее обучение* на государственный счёт всех детей без исключения, обучение, одинаковое для всех, вплоть до того возраста, когда человек способен выступить как самостоятельный член общества. Это мероприятие было бы только актом справедливости по отношению к нашим неимущим братьям, так как каждый человек неоспоримо имеет право на полное развитие своих способностей и общество вдвойне совершает преступление против личности, когда делает невежество неизбежным следствием бедности. Что обществу больше пользы приносят образованные, чем невежественные, некультурные члены этого общества, это само собой очевидно. И если

получивший образование пролетариат, как этого следует ожидать, не склонен будет оставаться в том угнетённом положении, в котором находится наш современный пролетариат, то, с другой стороны, только от *образованного* рабочего класса можно ожидать того спокойствия и того благоразумия, которые необходимы для мирного преобразования общества. Но и *необразованный* пролетариат тоже не склонен оставаться в своём теперешнем положении; доказательство мы видели даже в Германии, на примере силезских и богемских волнений, а о других странах и говорить нечего.

Второе мероприятие заключается в полной *реорганизации попечительства о бедных* таким образом, чтобы всех безработных граждан устраивать в колонии, где они занимались бы сельскохозяйственным и промышленным трудом и где их труд был бы организован в интересах всей колонии. До сих пор капиталы, находящиеся в распоряжении попечительства о бедных, отдавались в ссуду под проценты, что создавало для богатых новые возможности эксплуатировать неимущих. Пора, наконец, действительно обратить эти капиталы на пользу бедных, пора начать давать бедным весь доход от этих капиталов, а не только три процента с них, пора показать прекрасный пример ассоциации капитала и труда! Вся рабочая сила безработных была бы использована таким образом на благо общества, а сами они из деморализованных, угнетённых пауперов превратились бы в культурных, независимых, деятельных людей; они находились бы в таких условиях, которые очень скоро показались бы завидными необъединённым рабочим и открыли бы путь к полной реорганизации общества.

Для этих двух мероприятий требуются деньги. Чтобы получить их и чтобы в то же время заменить все взимавшиеся до сих пор несправедливо распределённые налоги, в выдвигаемом плане реформ предлагается всеобщий прогрессивный налог на капитал, процентная ставка которого возрастает с размерами капитала. Тогда каждый нёс бы расходы по общественному управлению в соответствии со своими возможностями и бремя этих расходов уже не ложилось бы, как это было до сих пор во всех странах, главным образом на плечи тех, кто менее всего в состоянии его нести. Ведь в сущности принцип налогового обложения является чисто коммунистическим принципом, так как право взимания налогов во всех странах выводится из так называемой национальной собственности. В самом деле, либо частная собственность священна — тогда нет национальной собственности и государство не имеет права взимать налоги; либо государство это право имеет — тогда частная собственность

не священна, тогда национальная собственность стоит выше частной собственности и настоящим собственником является государство. Этот последний принцип общепризнан; так вот, господа, мы и требуем пока только того, чтобы этот принцип соблюдался, чтобы государство объявило себя всеобщим собственником и как таковое управляло бы общественной собственностью на благо всего общества, — а в качестве первого шага к этому мы требуем, чтобы государство ввело такой способ налогового обложения, который считался бы только со способностью каждого платить налоги и с действительным благом всего общества.

Итак, вы видите, господа, что речь идёт не о том, чтобы ввести общность имущества немедленно и против воли нации, а прежде всего об определении *цели,* а также *средств* и *путей,* какими мы можем идти по направлению к этой цели. Но что коммунистический принцип является принципом будущего, за это говорит ход развития всех цивилизованных наций, за это говорит быстро прогрессирующее разложение всех существовавших до сих пор социальных учреждений, за это говорит человеческий здравый смысл и прежде всего человеческое сердце.

Речь произнесена Ф. Энгельсом на собрании в Эльберфельде 8 февраля 1845 г.

Текст речи впервые опубликован в журнале «Rheinische Jahrbucher zur gesellschaftlichen Reform», Bd. I, 1845 г.

Печатается по тексту журнала
Перевод с немецкого

РЕЧЬ 15 ФЕВРАЛЯ 1845 г.

Господа!

На последнем нашем собрании мне был брошен упрёк в том, что все мои примеры и ссылки относились почти исключительно к другим странам, в особенности к Англии. Говорили, что нам дела нет до Франции и Англии, что мы живём в Германии и наша задача — доказать необходимость и преимущества коммунизма для Германии. Нас упрекали также и в том, что мы вообще не доказали в достаточной степени историческую необходимость коммунизма. Это вполне справедливо, да иначе и быть не могло. Историческую необходимость нельзя доказать так же быстро, как равенство двух треугольников; она может быть доказана только в результате изучения и посредством всестороннего обоснования. Тем не менее я приложу сегодня все старания, чтобы устранить повод к тому и другому упрёку; я постараюсь доказать, что коммунизм является для *Германии* если не исторической, то *экономической необходимостью.*

Рассмотрим сперва современное социальное положение Германии. Что у нас много нищеты, это знают все. Силезия и Богемия сами заявили о себе. О нищете в округах Мозеля и Эйфеля подробно рассказала «Rheinische Zeitung»[144]. В Рудных горах с незапамятных времён неизменно царит ужасная нищета. Не лучше обстоит дело в Зенне и в вестфальском льнопромышленном округе. Со всех концов Германии раздаются жалобы, и это вполне естественно. Наш пролетариат многочисленен и не может не быть таковым, в чём мы должны будем убедиться даже при самом поверхностном рассмотрении нашего социального положения. Что в *промышленных округах* должен быть многочисленный пролетариат, — это в природе вещей. Промышленность не может существовать без большого числа рабочих, которые были бы всецело к сё услугам, работали бы только для неё и отказывались бы от всякого другого промысла; пока существует конкуренция, промышленный труд делает невозможным какое-либо другое занятие. Поэтому во всех промышленных округах мы находим пролетариат, который слишком многочисленен, слишком бросается в глаза, чтобы можно было отрицать его существование. — В *сельскохозяйственных округах,* напротив,

не должно быть пролетариата, — так утверждают многие. Но возможно ли это? В местностях, где преобладает крупное землевладение, сельскохозяйственный пролетариат необходим: крупные хозяйства нуждаются в батраках и батрачках, они не могут существовать без пролетариев. В местностях, где земля разбита на мелкие участки, тоже нельзя избежать возникновения неимущего класса: участки дробятся до известного предела, затем дальнейшее дробление прекращается, и так как тогда земля достаётся только одному из членов семьи, то остальные вынуждены превратиться в пролетариев, в неимущих рабочих. При этом дробление земли обычно продолжается до тех пор, пока участок не становится слишком маленьким для того, чтобы прокормить семью; так образуется класс людей, который, подобно мелкой буржуазии городов, составляет переходную ступень от имущего класса к неимущему; земельный участок не даёт этим людям заняться другим делом и в то же время оказывается недостаточным, чтобы обеспечить их существование. Среди этого класса также царит сильная нужда.

Что этот пролетариат должен постоянно расти численно, — об этом мы можем заключить из непрерывного обнищания мелкой буржуазии, о котором я подробно говорил на прошлой неделе, и из тенденции капитала концентрироваться в руках немногих. Мне, пожалуй, незачем сегодня возвращаться к этим пунктам; замечу лишь, что эти причины, постоянно создающие пролетариат и увеличивающие его ряды, продолжают действовать и будут вызывать те же последствия, пока существует конкуренция. Во всяком случае, пролетариат будет не только существовать, но и непрерывно расти численно и становиться всё более грозной силой в современном обществе, пока мы не перестанем производить каждый сам по себе, противопоставляя себя всем остальным. Но настанет пора, когда пролетариат достигнет такой степени силы и сознательности, что не пожелает больше нести бремя всего социального здания, которое постоянно давит на его плечи, когда он потребует более справедливого распределения социальных тягот и прав; и тогда — если человеческая природа до тех пор не изменится—социальная революция станет неизбежной.

Это вопрос, на котором наши экономисты до сих пор совсем не останавливались. Их интересует не распределение, а исключительно лишь создание национального богатства. Однако отвлечёмся на миг от только что доказанного нами положения, что социальная революция вообще неизбежно вытекает из самой конкуренции; рассмотрим пока отдельные формы, в которых проявляется конкуренция, различные экономические пути,

возможные для Германии, и увидим, каковы должны быть последствия каждого из них.

Германия, или, точнее говоря, германский Таможенный союз, имеет в настоящее время таможенный тариф juste-milieu*. Наши пошлины слишком низки для настоящих покровительственных пошлин и слишком высоки для свободы торговли. Имеются, следовательно, три возможности: или мы перейдём к полной свободе торговли, или защитим свою промышленность достаточно высокими пошлинами, или же останемся при теперешней системе. Рассмотрим каждый случай в отдельности.

Если мы провозгласим *свободу торговли* и отменим наши пошлины, то вся наша промышленность, за исключением немногих отраслей, будет разорена. О бумагопрядильном производстве, о механическом ткачестве, о большинстве отраслей хлопчатобумажной и шерстяной промышленности, о важных отраслях шёлковой промышленности, почти о всей железодобывающей и железообрабатывающей промышленности *тогда* и речи не будет. Занятые во всех этих отраслях промышленности рабочие, оказавшись внезапно безработными, хлынут массами в сельское хозяйство и уцелевшие ещё остатки промышленности; повсюду начнётся быстрый рост пауперизма, централизация собственности в руках немногих ускорится в результате такого кризиса и, судя по событиям в Силезии, неизбежным следствием этого кризиса явится социальная революция.

Предположим теперь, что мы введём *покровительственные пошлины.* В последнее время эти пошлины стали излюбленным коньком большинства наших промышленников и заслуживают поэтому более внимательного рассмотрения. Г-н *Лист* привёл вожделения наших капиталистов в систему[145], и на этой системе, которую почти все они признали своим кредо, я и хочу остановиться. Г-н Лист предлагает ввести постепенно возрастающие охранительные пошлины, которые со временем должны стать достаточно высокими, чтобы обеспечить за фабрикантами внутренний рынок; в течение известного времени они должны оставаться на этом высоком уровне, а затем постепенно начать снова снижаться, с тем чтобы, в конце концов, после ряда лет, покровительственная система могла быть уничтожена. Допустим, что этот план будет проведён и возрастающие покровительственные пошлины будут декретированы. Промышленность будет развиваться, свободный ещё капитал будет вкладываться в промышленные предприятия, спрос на рабочих, а вместе с ним и заработная плата возрастут, приюты для бедных опустеют и, судя по внешним признакам, наступит период полного процвета-

* — золотой середины. *Ред.*

ния. Это будет продолжаться до тех пор, пока наша промышленность не разовьётся настолько, чтобы удовлетворить внутренний рынок. Дальше она расширяться не сможет, ибо, раз она без таможенной защиты не в состоянии удержать за собой *внутренний* рынок, то тем более она не сможет выдержать иностранную конкуренцию на нейтральных рынках. К этому времени, полагает г-н Лист, отечественная промышленность уже настолько окрепнет, что будет меньше нуждаться в покровительстве и можно будет начать понижать пошлины. Допустим на мгновенье, что это будет так. Пошлины снижаются. Если не при первом, то при втором или третьем снижении таможенных ставок неизбежно будет достигнут такой их уровень, при котором иностранная, — скажем прямо, английская, — промышленность сможет конкурировать на немецком рынке с нашей собственной промышленностью. Именно этого желает г-н Лист. Какие же это будет иметь последствия? С этого момента немецкой промышленности придётся испытать на себе все колебания, все кризисы вместе с английской промышленностью. Как только заморские рынки окажутся переполненными английскими товарами, англичане поступят точно так же, как они поступают теперь и как это в ярких красках рисует г-н Лист: они выбросят все свои запасы на немецкий рынок, ближайший из доступных им рынков, и, таким образом, снова превратят Таможенный союз в свою «лавку для старья». Затем английская промышленность вскоре снова оправится, так как весь мир служит для неё рынком, так как весь мир не может без неё обойтись, между тем как без немецкой промышленности может обойтись даже её собственный внутренний рынок, и ей даже у себя дома приходится опасаться английской конкуренции и страдать от избытка английских товаров, доставленных её покупателям во время кризиса. При этих условиях наша промышленность должна будет вкушать до конца всю горечь тяжких периодов в английской промышленности, получая лишь скромную долю тех выгод, которые приносят периоды расцвета; одним словом, мы будем тогда точно в таком же положении, как и сейчас. И тогда,— чтобы сразу довести выводы до конца,—тогда наступит такое же подавленное состояние, как то, в котором ныне находятся наполовину защищённые отрасли промышленности; тогда будет разоряться одно предприятие за другим, а новые возникать не будут; тогда наши машины окажутся устаревшими и мы не будем в состоянии заменить их новыми, улучшенными; тогда застой превратится в регресс и, по собственному утверждению г-на Листа, одна отрасль промышленности за другой будет хиреть и в конце концов сходить на нет. Но к тому

времени у нас будет созданный промышленностью многочисленный пролетариат, который окажется без средств к жизни, без работы, и тогда, господа, этот пролетариат потребует от имущих классов работы и хлеба.

Это произойдёт в том случае, если будут понижены таможенные пошлины. Теперь допустим, что их снижать не будут, что их оставят высокими в ожидании того момента, когда они — вследствие конкуренции отечественных фабрикантов между собой—утратят своё значение и их можно будет понизить. Результатом этого будет то, что немецкая промышленность, как только она окажется в состоянии полностью обеспечить внутренний рынок, остановится в своём развитии. Новые предприятия не нужны, так как уже существующих достаточно для удовлетворения рынка, а о новых рынках, как выше было сказано, нечего и думать, пока промышленность вообще нуждается в покровительстве. Но промышленность, которая не *расширяется,* не может также и *совершенствоваться.* В ней воцарится застой как внешний, так и внутренний. Усовершенствование машин для неё не существует. Нельзя же выбросить старые машины, а для новых нет новых предприятий, в которых они могли бы найти применение. Между тем другие нации уходят вперёд, и застой в нашей промышленности опять-таки превращается в регресс. Пройдёт немного времени, и англичане, в результате новых достижений, окажутся способными производить так дёшево, что смогут конкурировать с нашей отсталой промышленностью на нашем собственном рынке, *несмотря* на покровительственные пошлины; а так как в конкурентной борьбе, как и во всякой другой борьбе, побеждает сильнейший, то наше конечное поражение не подлежит сомнению. Тогда повторится такой же случай, как тот, о котором я говорил выше: искусственно созданный пролетариат потребует от имущих классов того, чего они не могут ему дать, пока они хотят сохранить своё исключительное положение как имущих, и тогда произойдёт социальная революция.

Возможен ещё один случай, наименее вероятный, а именно, что нам, немцам, удастся при помощи покровительственных пошлин довести нашу промышленность до такого состояния, что она сможет конкурировать с англичанами и без покровительственных пошлин. Допустим, что будет так; каков же окажется результат? Как только мы начнём конкурировать с англичанами на внешних, нейтральных рынках, разгорится борьба но на жизнь, а на смерть между нашей и английской промышленностью. Англичане напрягут все свои силы, чтобы не допустить нас к тем рынкам, которые до сих пор находились в их

руках; они будут вынуждены к этому, ибо в данном случае подвергнется угрозе источник их существования, их самый уязвимый пункт. И со всеми теми средствами, которые находятся в их распоряжении, со всеми преимуществами столетней промышленности им удастся побить нас. Они заставят нашу промышленность ограничиться нашим собственным рынком и этим задержат её развитие, —и тогда создастся такое же положение, как то, о котором мы говорили выше: мы остаёмся на месте, англичане уходят вперёд, и наша промышленность, при неизбежном её упадке, не будет в состоянии прокормить искусственно созданный ею пролетариат,—произойдёт социальная революция.

Но даже если допустить, что мы смогли бы побить англичан и на нейтральных рынках, захватить один за другим их рынки сбыта, — что выиграли бы мы в таком маловероятном случае? В лучшем случае мы повторили бы тогда тот путь промышленного развития, который до нас проделала Англия, и рано или поздно мы достигли бы того положения, в котором находится сейчас Англия, а именно: мы оказались бы накануне социальной революции. Но, по всей вероятности, так долго ждать не пришлось бы. Непрерывные успехи немецкой промышленности неизбежно разорили бы английскую промышленность и только ускорили бы и без того предстоящее англичанам массовое восстание пролетариата против имущих классов. Быстро растущая безработица толкнула бы английских рабочих на революцию, и, при настоящем положении вещей, такая социальная революция оказала бы огромное влияние и на страны континента, в частности на Францию и Германию; и это влияние было бы тем сильнее, чем многочисленней был бы пролетариат, искусственно созданный в Германии форсированным развитием промышленности. Подобный переворот тотчас же стал бы общеевропейским и весьма неделикатно разрушил бы мечты наших фабрикантов о промышленной монополии Германии. Нельзя допустить мысль, что английская и немецкая промышленность могли бы мирно ужиться рядом, — это невозможно уже в силу конкуренции. Промышленность, повторяю, всегда должна развиваться, чтобы но оказаться отсталой и не погибнуть; она должна расширяться, приобретать новые рынки, беспрерывно увеличивать число новых предприятий, иначе она не может двигаться вперёд. Но так как со времени открытия китайских портов[146] исчерпаны возможности завоевания новых рынков, а можно будет лишь успешнее эксплуатировать уже существующие, и так как расширение промышленности в будущем пойдёт медленнее, чем до сих пор, то Англия теперь ещё меньше, чем раньше, может терпеть

конкурентов. Для того чтобы защитить свою промышленность от гибели, она должна удерживать промышленность всех других стран на низком уровне; сохранение промышленной монополии уже не является для Англии только вопросом большей или меньшей прибыли: оно стало для неё *вопросом жизни и смерти.* И вообще конкурентная борьба протекает между нациями гораздо резче, острее, чем между отдельными лицами, так как это борьба концентрированная, массовая, которая может кончиться лишь решающей победой одной и решающим поражением другой стороны. И поэтому подобная борьба между нами и англичанами, каковы бы ни были её результаты, тоже не принесла бы выгоды ни нашим, ни английским промышленникам, а лишь повлекла бы за собой, как я только что доказывал, социальную революцию.

Итак, господа, мы рассмотрели, чего может ожидать Германия как от свободы торговли, так и от покровительственной системы при всех возможных случаях. Нам остается рассмотреть ещё одну экономическую возможность, а именно — сохранение ныне существующих пошлин juste-milieu. Но мы уже видели выше, каковы были бы последствия и в этом случае. Наша промышленность, отрасль за отраслью, должна была бы погибнуть; промышленные рабочие остались бы без куска хлеба, а когда безработица достигла бы известных пределов, началась бы революция, направленная против имущих классов.

Таким образом, подробное рассмотрение полностью подтверждает то, что я изложил вначале в общих чертах, исходя вообще из конкуренции, а именно: что неизбежным следствием существующих у нас социальных отношений, при всех условиях и во всех случаях, будет *социальная революция.* С той же уверенностью, с какой мы из известных математических аксиом можем вывести новое положение, с той же самой уверенностью можем мы из существующих экономических отношений и из принципов политической экономии сделать заключение о грядущей социальной революции. Рассмотрим, однако, этот переворот несколько ближе: в какой форме он проявится, каковы будут его результаты, чем он будет отличаться от всех бывших до сих пор насильственных переворотов? Социальная революция есть нечто совершенно иное, чем происходившие до сих пор политические революции: в отличие от них она направлена не против собственности монополии, а против монополии собственности; социальная революция—это *открытая война бедных против богатых.* И такая борьба, в которой явно и открыто выступают наружу все пружины и причины, действовавшие ранее во всех исторических конфликтах неясно и скрыто, такая борьба грозит, во всяком случае, быть более острой и кро-

вавой, чем все ей предшествовавшие. Исход её может быть двояким. Либо восставшая сторона направит свой удар только против видимости, а не против сущности, только против формы, а не против самой сути вещей, либо она доберётся до самой сути вещей, до самых корней зла. В первом случае частная собственность будет сохранена и произойдёт лишь её перераспределение; тогда останутся в силе те причины, которые вызвали теперешнее положение вещей, и через более или менее короткий срок они опять вызовут такое же положение, а вместе с ним новую революцию. Но возможно ли это? Где мы видели революцию, которая действительно не добилась бы того, к чему она стремилась? Английская революция осуществила как религиозные, так и политические принципы, борьба против которых со стороны Карла I вызвала эту революцию; французская буржуазия добилась в своей борьбе против дворянства и старой монархии всего, к чему она стремилась, уничтожила все злоупотребления, побудившие её к восстанию. Неужели же восстание бедняков остановится раньше, чем будет уничтожена бедность и её причины? Это невозможно; допустить нечто подобное значило бы отрицать весь исторический опыт. Да и уровень развития рабочих, в особенности в Англии и Франции, уже даёт нам основания считать это невозможным. Остаётся, следовательно, принять второе предположение, а именно, что грядущая социальная революция не пройдёт мимо истинных причин нужды и бедности, невежества и преступления, что она, следовательно, осуществит социальное преобразование в подлинном смысле слова. А это может произойти лишь путём провозглашения коммунистического принципа. Вникните в мысли, владеющие умами рабочих в тех странах, где и рабочий мыслит; посмотрите на различные фракции рабочего движения во Франции, — разве все они не принадлежат к коммунистическому направлению? Поезжайте в Англию и послушайте, какие проекты предлагаются рабочим для улучшения их положения, — не покоятся ли все они на принципе общественной собственности? Изучите различные системы социальных преобразований, — много ли найдётся среди них таких, которые не являются коммунистическими? Из всех систем, ещё до сих пор сохранивших значение, единственная не коммунистическая — это система Фурье, который больше обратил своё внимание на общественную организацию человеческой деятельности, чем на распределение производимых ею продуктов. Все эти факты подтверждают тот вывод, что грядущая социальная революция окончится осуществлением коммунистического принципа, и едва ли допускают какую-либо другую возможность.

Если эти выводы верны, если социальная революция и осуществление коммунизма на практике являются необходимым следствием существующих у нас отношений, то нам прежде всего придётся заняться теми мероприятиями, при помощи которых можно предотвратить насилие и кровопролитно при осуществлении переворота в социальных отношениях. А для этого имеется лишь *одно* средство, именно—мирное осуществление или, по крайней мере, мирная подготовка коммунизма. Итак, если мы не желаем *кровавого* разрешения социального вопроса, если мы не хотим довести растущее с каждым днём противоречие между умственным уровнем и жизненным положением наших пролетариев до такой остроты, при которой, как подсказывает нам паше знание человеческой природы, это противоречие будет искать своё разрешение » применении грубой силы, в отчаянии и жажде мести, —тогда, господа, мы должны серьёзно и беспристрастно заняться социальным вопросом; тогда мы должны приложить все усилия к тому, чтобы поставить современных илотов в положение, достойное человека. И если кому-нибудь из вас, быть может, покажется, что возвышение прежде униженных классов не может произойти без снижения его собственного жизненного уровня, то следует помнить, что речь идёт о создании для *всех людей* таких условий жизни, при которых каждый получит возможность свободно развивать свою человеческую природу, жить со своими ближними в человеческих отношениях и не бояться насильственного разрушения своего благосостояния; следует помнить, что то, чем придётся пожертвовать отдельным людям, есть не истинно человеческое наслаждение жизнью, а лишь обусловленная нашим дурным устройством видимость наслаждения, нечто такое, что противно разуму и сердцу тех, кто ныне пользуется этими мнимыми преимуществами. Мы вовсе не хотим разрушать подлинно человеческую жизнь со всеми её условиями и потребностями, наоборот, мы всячески стремимся создать её. Но даже отвлекаясь от этого, если вы серьёзно призадумаетесь над тем, каковы должны быть последствия нашего современного строя, в какой лабиринт противоречий, в какой хаос он нас завлекает,—тогда, господа, вы безусловно придёте к выводу, что стоит заняться серьёзным и основательным изучением социального вопроса. И если я смог побудить вас к этому, то цель моего выступления вполне достигнута.

Речь произнесена ф. Энгельсом на собрании в Эльберфельде 15 февраля 1845 г. Текст речи впервые опубликован в журнале «Rheinische Jahrbucher zur gesellschaftlichen Reform», Bd. I, 1845 г.

Печатается по тексту журнала
Перевод с немецкого

The Northern Star,
AND NATIONAL TRADES' JOURNAL.
VOL. VIII, NO. 409 LONDON, SATURDAY, SEPTEMBER 13, 1845. PRICE FIVEPENCE or Five Shillings and Sixpence per Quarter

Ф. ЭНГЕЛЬС

НЕДАВНЯЯ БОЙНЯ В ЛЕЙПЦИГЕ. — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ

Лейпцигская бойня[147] — событие, которое вы комментировали в своём последнем номере и более подробный отчёт о котором вы дали несколько недель тому назад, всё ещё продолжает занимать внимание немецких газет. Эта бойня, которую по гнусности своей превосходит только Питерлоо[148], является самым позорным и подлым актом, когда-либо совершённым военным деспотизмом в Германии. В то время когда народ кричал: «Да здравствует Ронге!», «Долой папизм!», принц Иоганн Саксонский, который, между прочим, в числе многих из наших князей, приобщился к рифмоплётству и к литературе, выпустив в свет очень скверный перевод «Ада» итальянского поэта Данте, — этот «адский» переводчик попытался прибавить к своей литературной репутации военную славу, для чего предпринял коварный и подлый поход против безоружных масс. Он приказал вызванному властями батальону стрелков разбиться на несколько отрядов и занять подходы к отелю, в котором его литературное «королевское высочество» устроило свою резиденцию. Повинуясь приказу, солдаты окружили народ и заставили его столпиться на небольшом пространстве, а затем погнали его вперёд к воротам отеля; именно это вынужденное появление народа у священных ворот королевской резиденции в результате распоряжений, отданных принцем Иоганном солдатам, именно это обстоятельство послужило предлогом для того, чтобы открыть по народу огонь; и именно на это обстоятельство ссылается правительственная печать, пытаясь оправдать расстрел! Но это ещё не всё: народ оказался окружённым несколькими отрядами и задуманная его королевским

высочеством расправа была выполнена посредством перекрёстного огня, направленного против беззащитных людей. Куда бы они ни повернулись — повсюду их встречали новыми ружейными залпами; и если бы солдаты, более гуманные, чем принц Иоганн, не направляли большинство своих выстрелов в воздух, то кровопролитие было бы ужасным. Это подлое дело вызвало всеобщее негодование; самые лойяльные подданные, самые горячие сторонники нынешнего порядка разделяют это негодование и выражают своё крайнее возмущение подобными действиями. Это событие принесёт немало пользы в Саксонии, — той части Германии, где в первую очередь всегда обнаруживалась склонность к *болтовне* и где особенно нужны были действия. Саксонцы со своим маленьким конституционным государством, со своими парламентскими говорильнями, либеральными депутатами, либеральными и просвещёнными священниками и т. д. были в Северной Германии представителями умеренного либерализма, германского вигизма; и вместе с тем они в большей степени рабы прусского короля, чем сами пруссаки. Что бы ни решило прусское правительство, саксонское министерство было обязано это выполнять; мало того, прусское правительство с недавних пор даже перестало утруждать себя обращением к саксонскому министерству, а действовало непосредственно через саксонских второстепенных чиновников, как будто бы они состояли не на саксонской, а на прусской службе! Саксония управляется из Берлина, а не из Дрездена, и, при всей своей болтовне и хвастовстве, саксонцы прекрасно знают, что свинцовая длань Пруссии достаточно тяжело давит на них. Всей этой болтовне и хвастовству, заносчивости и самодовольству, с которыми саксонцы пытаются выдавать себя за особую нацию, совершенно отличную от пруссаков и т. п., — всему этому будет положен конец лейпцигской бойней. Саксонцы должны теперь убедиться в том, что они так же находятся под властью военщины, как и все остальные немцы; что, несмотря на их конституцию, либеральные законы, либеральную цензуру и либеральные речи короля, порядки, фактически существующие в их маленькой стране, представляют собой не что иное, как военное положение. Есть ещё одно обстоятельство, в силу которого лейпцигские события будут содействовать распространению духа возмущения в Саксонии; несмотря на вею болтовню саксонских либералов, значительное большинство саксонского народа лишь сейчас начинает возвышать голос. Саксония— промышленная страна, и среди её ткачей льна, вязальщиков, бумагопрядилыпиков, кружевников, углекопов и рудокопов с незапамятных времён царила ужасающая нужда.

Пролетарское движение, которое началось с силезского восстания, или, как его обычно называют, с битвы ткачей в июне 1844 г., и распространилось по всей Германии, коснулось также и Саксонии. Некоторое время тому назад в ряде мест были волнения среди рабочих на строительстве железных дорог, а также среди ситцепечатников, и более чем вероятно, хотя точные данные не могут быть сейчас приведены, что здесь, как и повсюду, коммунизм распространяется в рабочей среде; а если саксонские рабочие выступят на арену борьбы, они, разумеется, не будут довольствоваться болтовнёй, как это делают их работодатели, либеральные буржуа.

Позвольте ещё немного задержать ваше внимание на движении рабочего класса в Германии. В номере вашей газеты за прошлую неделю вы предсказываете нашей стране славную революцию—не такую, как в 1688 году[149]. В этом вы совершенно правы. Я позволю себе лишь внести поправку или, вернее, уточнить ваше выражение, добавив, что именно молодёжь Германии призвана осуществить эту перемену. Но не в рядах буржуазии следует искать эту молодёжь. Революционное действие в Германии начнётся в самой сердцевине нашего рабочего народа. Правда, среди нашей буржуазии имеется немало республиканцев и даже коммунистов, а также немало такой молодёжи, которая могла бы быть очень полезной для дела, если бы сейчас произошёл взрыв; но эти люди — буржуа, охотники за прибылью, предприниматели по профессии. Кто нам поручится, что они не окажутся деморализованными своей профессией, своим общественным положением, в силу которого они живут за счёт тяжёлого труда других и накапливают жир как кровососы и эксплуататоры рабочего класса. И если бы даже они оставались пролетарски настроенными вопреки своему положению буржуа, —их оказалось бы бесконечно мало по сравнению с вполне реальным числом представителей буржуазии, которые цепляются за существующий порядок вещей в силу своих интересов и думают только о том, чтобы набить свои кошельки. К счастью, мы вовсе не рассчитываем на буржуазию. Пролетарское движение развернулось с такой поразительной быстротой, что через год или два мы будем в состоянии устроить смотр славному отряду рабочих—демократов и коммунистов, ибо в нашей стране, поскольку дело идёт о рабочем классе, демократия и коммунизм являются в полном смысле слова синонимами. Силезские ткачи дали сигнал в 1844 г., богемские и саксонские ситцепечатники и рабочие на строительстве железных дорог, берлинские ситцепечатники и вообще промышленные рабочие почти по всей Германии ответили стачками и возникшими кое-где волнениями;

последние почти всегда были вызваны законами, запрещающими союзы. Движение в настоящее время распространилось почти по всей стране и продолжает расти без особого шума, но неуклонно, между тем как буржуазия только и делает, что агитирует за «конституции», «свободу прессы», «покровительственные пошлины», «немецкий католицизм» и «реформу протестантской церкви». Все эти буржуазные движения, хотя они имеют своё значение, совсем не затрагивают рабочего класса, у которого есть своё собственное движение — борьба за свои насущные интересы.

Более подробно на эту тему — в следующем письме.

Написано Ф. Энгельсом, 8—11 сентября 1845 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 409, 13 сентября 1845 г. с пометкой редакции: От нашего собственного корреспондента

Печатается по тексту газеты
Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОЛОЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

РЕДАКТОРУ «NORTHERN STAR»

Милостивый государь!

В соответствии с вашим желанием я начинаю этим письмом серию статей о современном положении в моём отечестве. Чтобы мои взгляды по этому вопросу были вполне понятны и чтобы доказать их полную обоснованность, мне необходимо будет кратко изложить историю Германии, начиная с того события, которое потрясло современное общество до самого его основания, я хочу сказать—начиная с французской революции.

Старая Германия в то время была известна под названием *Священной Римской империи* и состояла из бесчисленного множества мелких государств, королевств, курфюршеств, герцогств, эрцгерцогств и великих герцогств, княжеств, графств, баронств и вольных имперских городов, которые все были независимы друг от друга и подчинялись только одной власти (если такая власть была, а на протяжении целых столетий её вообще по было) — власти императора и сейма. Самостоятельность этих мелких государств простиралась так далеко, что во всякой войне с «исконным врагом» (Францией, разумеется) часть из них вступала в союз с французским королём и открыто вела войну против своего собственного императора. Сейм, который состоял из депутаций всех этих мелких государств под председательством представителя империи, видя своё назначение в том, чтобы ограничивать власть императора, постоянно заседал, но никогда не приходил ни к каким, даже самым ничтожным, результатам. Там убивали время на обсуждение самых пустых вопросов церемониала, — например, должно ли посольство барона такого-то (состоявшее, быть может, из гувернёра его сына и старого ливрейного лакея или престарелого лесного сторожа) иметь преимущество перед посольством барона такого-то, или должен ли депутат одного имперского вольного

города приветствовать депутата другого города, не ожидая его приветствия, и т. д. Затем спорили по поводу множества мелких привилегий, которые по большей части были обременительны для самих привилегированных, но считались вопросами чести и поэтому вызывали особенно ожесточённые препирательства. Эти и подобные им важные дела отнимали столько времени у мудрого сейма, что у этого почтенного собрания уже не оставалось ни минуты, чтобы обсудить дела империи. Вследствие всего этого величайший беспорядок и неразбериха царили повсюду. Раздираемая внутренними распрями как в военное, так и в мирное время, империя пережила со времени реформации и до 1789 г. целый ряд междоусобных войн, причём в каждой из этих войн Франция вступала в союз с теми, кто боролся против слабой и легко победимой партии императора, и получала, конечно, львиную долго добычи. Сначала Бургундия, затем три епископства: Мец, Туль и Верден, затем остаток Лотарингии, часть Фландрии и Эльзас были таким образом отторгнуты от Священной Римской империи и присоединены к Франции. Так Швейцария смогла стать независимой от империи, Бельгия была уступлена Испании по завещанию Карла V; и все эти страны оказались в лучшем положении после своего отделения от Германии. К этому постепенному внешнему развалу империи присоединялся величайший внутренний беспорядок. Каждый князёк был для своих подданных кровожадным неограниченным деспотом. Империя никогда не вникала во внутренние дела государств, за исключением создания суда (имперская судебная палата в Вецларе) для разбирательства жалоб подчинённых на своих начальников; но этот достойный суд так хорошо разбирал дела, что никто никогда не слыхал, чтобы какое-либо из них было разрешено. Трудно поверить, какие акты жестокости и произвола совершали надменные князья по отношению к своим подданным. Эти князья, проводившие время только в удовольствиях и разврате, предоставляли неограниченную власть своим министрам и правительственным чиновникам, которые таким образом получали возможность угнетать несчастный народ безнаказанно, если только они наполняли казну своих господ и поставляли им достаточное количество красивых женщин для их гарема. А те из дворян,которые не были независимы, а находились под властью какого-нибудь короля, епископа или князя, обыкновенно тоже относились к народу с большим пренебрежением, чем к собакам, и выжимали возможно больше денег из труда своих крепостных, ибо крепостная зависимость была тогда вполне обычным делом в Германии. Не было никаких признаков свободы и в имперских городах,

торжественно именуемых «вольными», ибо здесь бургомистр и сами себя избравшие сенаторы—должности, которые с течением веков стали наследственными в такой же мере, как императорская корона, — проявляли ещё большую тиранию в своём управлении. Ничто не может сравниться с гнусным поведением этой мелкобуржуазной аристократии городов; в самом деле, никто бы не поверил, что таково было положение Германии 50 лет тому назад, если бы всё это не сохранилось в памяти многих людей, которые помнят ещё это время, и если бы это не подтверждалось сотнями авторитетов. А народ! Что *он* говорил по поводу такого положения вещей? Что он делал? Что касается среднего класса, сребролюбивых буржуа, то они находили в этом постоянном беспорядке источник богатства; буржуа знали, что легче всего ловить рыбу в мутной воде; они мирились с тем, что их притесняли и оскорбляли, потому что знали, что могут отомстить за себя на свой манер: *они мстили за свои обиды, надувая своих угнетателей.* Соединившись с народом, они могли бы ниспровергнуть старую власть и преобразовать империю, как это отчасти сделала английская буржуазия между 1640 и 1688 г. и как это собиралась сделать в то время французская буржуазия. Но нет, буржуазия Германии никогда не обладала такой энергией, никогда не претендовала на такое мужество; немецкие буржуа знали, что Германия — это только навозная куча, но им было удобно в этом навозе, потому что сами они были навозом и потому что окружающий навоз согревал их. А рабочему люду жилось не хуже, чем сейчас, за исключением крестьян, которые в большинстве своём были крепостными и ничего не могли сделать без поддержки горожан, так как среди них постоянно были расквартированы наёмные войска, грозившие затопить в крови всякую попытку к восстанию.

Таково было положение Германии к концу прошлого столетия. Это была одна отвратительная гниющая и разлагающаяся масса. Никто не чувствовал себя хорошо. Ремесло, торговля, промышленность и земледелие страны были доведены до самых ничтожных размеров. Крестьяне, ремесленники и предприниматели страдали вдвойне — от паразитического правительства и от плохого состояния дел. Дворянство и князья находили, что, хотя они и выжимали все соки из своих подчинённых, их доходы не могли поспевать за их растущими расходами. Всё было скверно, и во всей стране господствовало общее недовольство. Ни образования, ни средств воздействия на сознание масс, ни свободы печати, ни общественного мнения, не было даже сколько-нибудь значительной торговли с другими странами—ничего кроме подлости и себялюбия; весь народ

был проникнут низким, раболепным, жалким торгашеским духом. Все прогнило, расшаталось, готово было рухнуть, и нельзя было даже надеяться на благотворную перемену, потому что нация не имела в себе силы даже для того, чтобы убрать разлагающийся труп отживших учреждений.

И только отечественная литература подавала надежду на лучшее будущее. Эта позорная в политическом и социальном отношении эпоха была в то же время великой эпохой немецкой литературы. Около 1750 г. родились все великие умы Германии: поэты Гёте и Шиллер, философы Кант и Фихте, и не более двадцати лет спустя — последний великий немецкий метафизик* Гегель. Каждое из выдающихся произведений этой эпохи проникнуто духом вызова, возмущения против всего тогдашнего немецкого общества. Гёте написал «Гёца фон Берлихингена», где в драматической форме отдал дань уважения памяти мятежника. Шиллер написал «Разбойников», где воспел благородство молодого человека, открыто объявившего войну всему обществу. Но это были их юношеские произведения. С годами они утратили все свои надежды. Гёте ограничился только весьма острыми сатирами, а Шиллер впал бы в отчаяние, если бы не нашёл прибежища в науке, в частности в великой истории древней Греции и Рима. По этим двум можно судить о всех остальных. Даже лучшие и самые сильные умы немецкого народа потеряли всякую веру в будущее своей страны.

Но вдруг французская революция точно молния ударила в этот хаос, называемый Германией. Её влияние было огромно. Народ, слишком мало просвещённый, слишком скованный старинной привычкой подчиняться тирании, остался безучастным. Но вся буржуазия и лучшие представители дворянства в один голос радостно приветствовали Национальное собрание и народ Франции. Среди многочисленных немецких поэтов не было ни одного, кто бы не прославлял французского народа. Но это был энтузиазм на немецкий манер, он носил чисто метафизический характер и относился только к теориям французских революционеров. Но как только теории оказались отодвинутыми на второй план силой неоспоримых фактов; как только согласие французского двора и французского народа стало на практике невозможным, хотя в теории их союз был закреплён теоретической конституцией 1791 г., как только народ *практически* утвердил свой суверенитет «десятым августа»[150], и в особенности когда теорию окончательно заставили умолкнуть свержением жирондистов 31 мая 1793 г.,—тогда этот энтузиазм

* Слово метафизика здесь употреблено в смысле философии, трактующей вопросы, выходящие за пределы опыта. *Ред.*

Германии сменился фанатической ненавистью к революции. Разумеется, этот энтузиазм распространялся лишь на такие события, как ночь 4 августа 1789 г., когда дворянство отказалось от своих привилегий; но добрые немцы никогда не думали о том, что такие действия имеют на практике последствия, весьма отличные от тех выводов, которые могут делать благожелательные теоретики. Немцы никогда и не думали одобрять эти последствия, которые, как всем хорошо известно, были для многих, кого они коснулись, довольно серьёзны и довольно неприятны. Итак, все эти восторженные друзья революции становились теперь её самыми ярыми противниками и, получая от раболепной немецкой прессы, разумеется, самые извращённые сведения о Париже, предпочитали свою старую спокойную священную римскую навозную кучу грозной активности народа, который смело сбросил цепи рабства и кинул вызов всем деспотам, аристократам и попам.

Но дни Священной Римской империи были сочтены. Французские революционные армии вступили в самое сердце Германии, перенесли границу Франции на Рейн и проповедовали повсюду свободу и равенство. Они прогнали свору дворян, епископов и аббатов и всех тех мелких князей, которые в течение столь долгого времени играли в истории роль манекенов. Французские революционные армии расчищали почву так, как если бы они были переселенцами, продвигающимися в девственных лесах американского Дальнего Запада; допотопный лес «христианско-германского» общества исчезал при их победоносном появлении, подобно туману при восходе солнца. И когда энергичный Наполеон захватил дело революции в свои руки, когда он отождествил революцию с самим собой,—ту самую революцию, которая после 9 термидора 1794 г. была задушена алчной буржуазией, — когда он (демократия «об одной голове», как назвал его один французский автор) снова и снова обрушивал свои армии на Германию, «христианско-германское» общество было, наконец, уничтожено. Наполеон не был для Германии неограниченным деспотом, как утверждают его враги. Наполеон был в Германии представителем революции, он распространял её принципы, разрушал старое феодальное общество. Он, конечно, действовал деспотически, но даже наполовину не так деспотически, как могли бы действовать, и в самом деле действовали повсюду, где они появлялись, депутаты Конвента; наполовину не так деспотически, как имели обычай поступать те князья и дворяне, которых он пустил по миру. *Режим террора,* который сделал своё дело во Франции, Наполеон применил *в других странах в форме войны,* и этот «режим

террора» в Германии был крайне необходим. Наполеон разрушил Священную Римскую империю и сократил в Германии число мелких государств путём образования более крупных. Он принёс с собой в завоёванные страны свой кодекс законов, который был бесконечно выше всех существовавших кодексов и в принципе признавал равенство. Он заставил немцев, которые до тех пор жили только *частными интересами,* направить свои силы на осуществление великих идей, на служение более высоким общественным интересам. Flo именно это и восстановило немцев против него. Он вызвал недовольство крестьян именно теми мерами, которые освободили их от гнёта феодализма, потому что он посягал на их предрассудки и их древние обычаи. Он вызвал недовольство буржуазии именно теми мерами, которые положили начало немецкой фабричной промышленности: запрещение всех английских товаров и война с Англией были причиной зарождения немецкой промышленности, но в то же самое время это вызвало сильное вздорожание кофе, сахара, курительного и нюхательного табака, и этого, конечно, было достаточно, чтобы вызвать негодование патриотических немецких лавочников. К тому же это не были люди, способные понять великие планы Наполеона. Они проклинали Наполеона за то, что он отнимал у них сыновей для войн, которые затевались на деньги английской аристократии и буржуазии; они прославляли как своих друзей именно те классы англичан, которые были действительными виновниками этих войн, которые *наживались* на этих войнах и которые не только во время, но и после войны обманывали немцев, служивших лишь орудием в их руках. Они проклинали Наполеона потому, что хотели и дальше прозябать, сохраняя свой старый, жалкий образ жизни, заботясь только о своих собственных мелких интересах, потому что знать ничего не хотели о великих идеях и общественных интересах. И, наконец, когда армия Наполеона была уничтожена в России, они воспользовались случаем, чтобы сбросить железное ярмо великого завоевателя.

«Славная освободительная война» 1813—1814 и 1815 гг., «самый славный период в истории Германии» и т. п., как ее называют, была проявлением безумия, за которое ещё долго будет краснеть каждый честный и разумный немец[151]. Правда, в то время проявлен был большой энтузиазм, но кто его проявлял? Во-первых, крестьяне — самая тёмная часть населения, — которые цеплялись за феодальные предрассудки и подымались массами, готовые скорее умереть, чем перестать повиноваться тем, кого они, их отцы и деды называли своими господами, кому они подчинялись и кто попирал их ногами и бил кнутом.

Во-вторых, студенты и вообще молодые люди, которые рассматривали эту войну как войну за принципы, более того, как религиозную войну, так как считали себя призванными бороться не только за принцип легитимизма, называемый ими национальностью, но также за святую троицу и существование бога; во всех поэмах, памфлетах и воззваниях того времени французы изображались как представители атеизма, неверия и безнравственности, а немцы — как поборники религии, благочестия и порядочности. В-третьих, некоторые более просвещённые люди, которые примешивали к этим идеям кое-какие понятия о «свободе», «конституциях» и «вольной печати»; но таких было очень мало. Наконец, в-четвёртых, сыновья предпринимателей, купцов, спекулянтов и т. д., которые боролись за право покупать на самых дешёвых рынках и за то, чтобы пить кофе без примеси цикория; конечно, они прикрывали свои цели выражениями модного энтузиазма по поводу «свободы», «великого немецкого народа», «национальной независимости» и так далее в этом роде. Вот те люди, которые с помощью русских, англичан и испанцев разбили Наполеона.

В следующем своём письме я перейду к истории Германии со времени падения Наполеона. Я позволю себе только добавить к высказанной здесь оценке этого необыкновенного человека, что чем дольше он царствовал, тем больше заслуживал свою конечную участь. Я не намерен упрекать его за то, что он взошёл на престол. Установившееся во Франции господство буржуазии, которая никогда не заботилась об общественных интересах, если только её частные дела шли хорошо, и апатия народа, который не видел для себя дальнейшей пользы от революции и был способен только на военный энтузиазм, не оставляли иного пути. Но то, что Наполеон вступил в союз со старыми антиреволюционными династиями, женившись на дочери австрийского императора, что, вместо того чтобы уничтожить всякие следы старой Европы, он, наоборот, старался вступить с ней в компромисс, что он добивался чести быть первым среди европейских монархов и поэтому по возможности уподоблял свой двор их дворам, — в этом была его большая ошибка. Он опустился до уровня других монархов— он добивался чести быть равным им, он преклонялся перед принципом легитимизма,—и потому вполне естественно, что легитимные монархи выбросили узурпатора из своей компании.

Остаюсь, милостивый государь, с уважением,

15 октября 1845 г. *Ваш немецкий корреспондент*

Написано Ф. Энгельсом
Напечатано в газете «The Northern Star» № 415,
25 октября 1845 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с английского

ПИСЬМО ВТОРОЕ

РЕДАКТОРУ «NORTHERN STAR»

Милостивый государь!

В своём первом письме я описал положение Германии до и во время французской революции, а также в период владычества Наполеона, и показал, как и какими противниками был свергнут великий завоеватель; сегодня я продолжу свой рассказ изложением того, что стало с Германией после этой «славной реставрации» национальной независимости.

Мои взгляды на все эти события диаметрально противоположны общепринятым. Но они в точности подтверждаются событиями последующего периода истории Германии. Будь война против Наполеона в самом деле войной за свободу против деспотизма, она привела бы к тому, что все покорённые Наполеоном нации после его падения провозгласили бы принцип равенства и наслаждались бы его благами. Но в действительности было как раз обратное. Со стороны Англии война была начата перепуганной аристократией и поддержана плутократами, которые нашли неисчерпаемый источник прибыли в повторных займах и в разбухании национального долга, а также в представившейся им возможности проникнуть на южноамериканские рынки, заваливая их своими промышленными изделиями, и захватить те французские, испанские и голландские колонии, которые они считали подходящими, чтобы потуже набить свой кошелёк; они стремились установить неограниченное господство Британии над морями*. чтобы иметь возможность разорить торговлю любой другой нации, конкуренция которой могла служить препятствием для их собственного обогащения; наконец, они стремились утвердить своё право на огромные прибыли от снабжения европейских рынков в противовес континентальной системе Наполеона. Таковы были *реальные* причины этой продолжительной войны со стороны тех классов, в чьих руках тогда находилось управление

* В оригинале «Britannia rule the waves» — «Правь, Британия, морями» (слова из английского гимна). *Ред.*

Англией. Ч.то же касается выдвинутого предлога, будто французская революция представляет угрозу для основных принципов английской конституции, то он лишь свидетельствует о несравненных достоинствах этого «совершенного творения человеческого разума». Со стороны Испании война была начата для защиты принципа легитимного престолонаследия и инквизиторского деспотизма духовенства. Принципы конституции 1812 г. были выдвинуты позже, чтобы воодушевить народ на дальнейшую борьбу, *сами же эти принципы* были французского происхождения. Италия никогда не была враждебна Наполеону, так как он принёс ей только пользу, и она была обязана ему уже самим фактом своего существования как нации. То же самое относится и к Польше. Чем Германия была обязана Наполеону, об этом я уже сказал в первом своём письме.

Решительно все державы-победительницы рассматривали падение Наполеона как *гибель французской революции* и торжество принципа легитимизма. Результатом этого, само собой разумеется, было восстановление этого принципа в своём отечестве, сначала под прикрытием таких сентиментальных фраз, как «Священный союз», «вечный мир», «общественное благо», «взаимное доверие между государем и подданными» и т. д. и т. д., а затем и без всякого прикрытия, при помощи штыка и тюрьмы. Бессилие завоевателей в достаточной мере проявилось уже в том факте, что побеждённый, наконец, французский народ с навязанной ему ненавистной династией, опиравшейся на 150 тыс. иностранных мушкетов, всё же внушал победившим врагам такой страх, что ему была дана довольно либеральная конституция; между тем другие нации при всех своих усилиях и хвастливых фразах о свободе не получили ничего, кроме красивых слов, за которыми последовали свинцовые пули. Подавление французской революции было ознаменовано избиением республиканцев на юге Франции, кострами инквизиции и реставрацией отечественного деспотизма в Испании и Италии, законами о затыкании рта и «Питерлоо» в Англии. Мы сейчас увидим, что в Германии дела приняли подобный же оборот.

Прусское королевство первое из всех германских государств объявило войну Наполеону. Пруссией в то время управлял Фридрих-Вильгельм III, прозванный «Справедливым», один из величайших олухов, когда-либо служивших украшением престола. Рождённый быть капралом и проверять, в порядке ли пуговицы у солдат, холодный развратник и в то же время проповедник морали, неспособный говорить иначе, как в неопределённом наклонении, превзойдённый в искусстве писать приказы только своим сыном, он знал всего лишь два чувства:

страх и капральскую заносчивость. В первую половину его царствования преобладающим у него состоянием духа был страх перед Наполеоном, который отнёсся к нему с презрительным великодушием и возвратил ему половину королевства, так как считал, что оно не стоило того, чтобы его удерживать. Подчиняясь этому страху, король разрешил управлять вместо себя партии половинчатых реформаторов — Гарденбергу, Штейну, Шёну, Шарнхорсту и другим, которые положили начало более либеральной организации муниципалитетов, отмене крепостного права, обращению феодальных повинностей в ренту или в определённую сумму, подлежащую выплате в течение 25 лет; но, главное, они положили начало военной организации, которая даёт народу огромную силу и которая рано или поздно будет использована против правительства. Была также «подготовлена» конституция, до сих пор, однако, не появившаяся на свет. Дальше мы увидим, какой оборот приняли дела в Пруссии после поражения французской революции.

Когда «корсиканское чудовище» оказалось, наконец, в надёжном заточении, был немедленно созван в Вене большой конгресс крупных и мелких деспотов, для того чтобы разделить награбленное добро и денежные премии и выяснить, в какой мере может быть восстановлено дореволюционное положение вещей. Народы покупались и продавались, разделялись и соединялись, исходя только из того, что больше отвечало интересам и намерениям их правителей. Только три государства из числа представленных на конгрессе знали, чего они хотели. Англия хотела сохранить и расширить своё превосходство в торговле, удержать львиную долю от ограбления колоний и ослабить все другие государства. Франция хотела по возможности облегчить свою участь и ослабить все другие государства. Россия хотела увеличить свою мощь и территорию и ослабить все другие государства. Все остальные руководствовались сентиментальными соображениями, мелочным эгоизмом, а некоторые даже своего рода нелепым бескорыстием.

В результате Франция расстроила планы крупных германских государств, Россия приобрела добрую часть Польши, а Англия расширила своё господство на море в большей степени путём заключения мира, чем посредством войны, и получила преобладание на всех континентальных рынках, — что не приносит никакой пользы английскому народу, но является источником огромного обогащения для английской буржуазии. Германские государства, которые ни о чём не заботились, кроме своего излюбленного принципа легитимизма, ещё раз были обмануты и потеряли при заключении мира всё то,

что было ими приобретено во время войны. Германия осталась раздробленной на тридцать восемь государств; эта раздробленность мешает всякому внутреннему прогрессу, делает Германию значительно слабее Франции и, сохраняя её положение как наилучшего рынка для английских промышленных изделий, только способствует обогащению английской буржуазии. Пусть этот слой английского народа хвастается своей щедростью, якобы побудившей его посылать огромные суммы денег для продолжения войны с Наполеоном; если даже предположить, что именно буржуазия,—а не трудовой народ,—в действительности должна была выплачивать эти субсидии, то своей щедростью она добивалась только одного: вновь открыть себе континентальные рынки, и это настолько ей удалось, что прибыли, извлечённые ею со времени заключения мира в одной только Германии, не меньше чем в шесть раз покрыли расходы на субсидии. Такова щедрость буржуазии, которая сначала делает вам подарок в виде субсидий, а затем получает с вас за него в шесть раз больше в виде прибыли. Разве появилось бы у неё такое горячее желание платить эти субсидии, если бы по окончании войны должно было произойти обратное и Англии предстояло быть наводнённой немецкими товарами, а не Германии — оставаться в промышленной зависимости от кучки английских капиталистов?

Как бы то ни было, Германия была кругом обманута и главным образом своими так называемыми друзьями и союзниками. Это не особенно трогало бы меня, так как я отлично знаю, что мы идём к такой реорганизации европейского общества, которая сделает невозможными подобные бесчестные проделки, с одной стороны, и подобные глупые промахи — с другой. Но я хочу показать, во-первых, что ни английский народ и ни какой-либо другой народ не извлёк пользы из того, что германские деспоты были обмануты, а всё пошло на пользу либо другим деспотам, либо одному определённому классу, интересы которого противоположны интересам народа; а во-вторых, что уже первые шаги вернувшихся к власти немецких деспотов показали их полнейшую несостоятельность.

Перейдём теперь к внутренним делам Германии. Мы видели, каковы были те силы, которые подавили французскую революцию при поддержке английских денег и русского варварства. Они разбивались на две группы: во-первых, ярые поборники старого «христианско-германского» общества, крестьянство и восторженная молодёжь, движимые фанатизмом крепостничества, национализма, легитимизма и религии; во-вторых, более умеренные представители буржуазии, которые хотели, чтобы их «оставили в покое», чтобы им дали возможность

наживать деньги и тратить их, не опасаясь непрошенного вмешательства великих исторических событий. Вторые почувствовали себя удовлетворёнными, как только добились мира, права покупать на самом дешёвом рынке, пить кофе без примеси цикория и оставаться в стороне от всяких политических дел. Между тем, «христианско-германская» партия стала активной опорой реставрированных правительств и делала всё, что могла, чтобы повернуть историю назад к 1789 году. Что же касается тех, кто хотел, чтобы народ воспользовался некоторыми плодами их усилий, то они были достаточно сильны для того, чтобы сделать свои требования боевым кличем 1813 г., но не для того, чтобы сделать их практикой 1815 года. Они получили несколько прекраснейших обещаний — обещание конституции, свободы печати и пр., — но этим дело и ограничилось. На практике всё осталось так, как было раньше. Офранцуженные части Германии были по возможности очищены от всяких следов «иностранного деспотизма» и только провинции, расположенные на левом берегу Рейна, сохранили свои французские учреждения. Гессенский курфюрст зашёл так далеко, что даже восстановил *у своих солдат косички,* которые были отрезаны нечестивыми руками французов. Одним словом—Германия, как и все другие страны, представляла картину неприкрытой реакции, которая отличалась только своей нерешительностью и бессилием. Она не проявила даже той степени энергии, с которой боролись против революционных принципов в Италии, Испании, Франции и Англии.

Система обмана, жертвой которой Германия была на Венском конгрессе, стала теперь применяться в отношениях между отдельными германскими государствами. Пруссия и Австрия, чтобы ослабить другие немецкие государства, принудили их дать кое-какие ублюдочные конституции, которые ослабили правительства, но не предоставили никакой власти ни народу, ни даже буржуазии. Поскольку Германия была конституирована как конфедерация государств, представители которых, назначаемые исключительно правительствами, составляли сейм, можно было не опасаться, что народ приобретёт слишком большую силу; ведь каждое государство было связано решениями сейма, которые являлись законом для всей Германии и не подлежали утверждению какого-либо представительного собрания. В этом сейме Пруссия и Австрия, разумеется, целиком господствовали: стоило им только пригрозить мелким князьям, что они покинут их в борьбе, которую те вели со своими представительными собраниями, чтобы запугать их до слепого повиновения. Таким образом, благодаря своей подавляющей силе и тому, что

они являлись подлинными представителями принципа, на котором покоилась власть каждого из немецких князей, они стали абсолютными правителями Германии. Что бы ни происходило в мелких государствах, всё это не имело никакого практического значения. Борьба немецкой либеральной буржуазии оставалась бесплодной, пока она ограничивалась небольшими южными государствами; она приобрела значение, как только буржуазия Пруссии очнулась от своего летаргического сна. И так как австрийский народ вряд ли может быть причислен к цивилизованному миру и, в соответствии с этим, спокойно подчиняется отеческому деспотизму правителей, то государством, которое может рассматриваться как центр новейшей истории Германии, как барометр колебаний её общественного мнения, является Пруссия.

После падения Наполеона прусский король прожил несколько счастливейших лет своей жизни. Правда, его обманывали со всех сторон. Англия его обманывала, Франция его обманывала, его собственные дорогие друзья, австрийский и русский императоры, снова и снова обманывали его. Но от полноты чувств он даже не замечал этого; он не представлял себе, что на свете найдутся негодяи, способные надуть Фридриха-Вильгельма III, «Справедливого». Он был счастлив: Наполеон был свергнут, ему *нечего было бояться.* Он отстаивал статью 13-ю Союзного акта Германии, которая обещала конституцию каждому из германских государств[152]. Он отстаивал другую статью— о свободе печати. Мало того: 22 мая 1815 г. он издал указ, начинавшийся следующими словами, — словами, в которых его самодовольное благодушие великолепно сочеталось с капральским повелительным тоном: *«Да будет народное представительство».* Несколько позже он приказал назначить комиссию по выработке конституции для своего народа. Даже в 1819 г., когда в Пруссии появились революционные симптомы, когда во всей Европе царила реакция и пышные плоды конгресса были во всей своей красе, — даже тогда он заявил, что впредь ни один государственный заём не будет-де заключён без согласия будущего представительного собрания королевства.

Увы! Это счастливое время длилось недолго. Страх перед Наполеоном слишком скоро сменился в сознании короля *страхом перед революцией.* Но об этом в следующем письме.

Мне остаётся добавить ещё только несколько слов. Каждый раз, когда на английских демократических собраниях принимается приветствие «патриотам всех стран», можно быть уверенным, что в их числе будет назван Андреас Гофер. Но в свете всего сказанного о противниках Наполеона в Германии, следует ли считать, что имя Гофера заслуживает почитания со стороны

демократов? Гофер был косный, невежественный, фанатично-религиозный крестьянин, его энтузиазм—энтузиазм Вандеи, энтузиазм «церкви и императора». Он храбро сражался, —но так сражались вандейцы против республиканцев. Он сражался за отеческий деспотизм Вены и Рима. Английские демократы, ради чести немецкого народа, не вспоминайте больше об этом фанатике! Германия знала лучших патриотов, чем он. Почему не назвать Томаса Мюнцера, славного вождя крестьянского восстания 1525 г., который был подлинным демократом, насколько это было возможно в то время? Почему не прославить Георга Форстера,—немецкого Томаса Пэйна,—который, в отличие от всех своих соотечественников, до самого конца поддерживал французскую революцию в Париже и погиб на эшафоте? Почему не прославлять многих других, которые сражались за нечто реальное, а не за иллюзии?

Остаюсь, милостивый государь, с уважением,

Ваш немецкий корреспондент

Написано Ф. Энгельсом в конце октября 1845 г.

Напечатано в газете «The Northern Star» № 417, 8 ноября 1845 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с английского

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

РЕДАКТОРУ «NORTHERN STAR»

Милостивый государь!

Я должен извиниться перед вами и вашими читателями за кажущуюся небрежность, — за то, что я прервал на столь долгий срок начатую мной для вашей газеты серию статей о положении в Германии. Вы, однако, можете быть уверены, что только необходимость посвятить целиком несколько недель немецкому движению могла отвлечь меня от взятой на себя приятной задачи познакомить английскую демократию с положением вещей в моей родной стране.

Ваши читатели, наверное, помнят то, что я писал в первом и втором письме. Я рассказал там, как старые, гнилые порядки в Германии были уничтожены французскими армиями между 1792 и 1813 гг.; как Наполеон был свергнут союзом *феодалов,* т. е. аристократов, и *буржуа,* т. е. торгового и промышленного среднего класса Европы; как в последующих мирных переговорах германских князей надули их союзники и даже побеждённая Франция; как был выработан Германией Союзный акт и каким образом установился современный политический порядок в Германии; и как Пруссия и Австрия, побуждая мелкие государства давать конституции, сами сделались исключительными хозяевами Германии. Оставляя в стороне Австрию как полуварварскую страну, мы приходим к заключению, что Пруссия представляет именно тот плацдарм, на котором будет решаться будущая судьба Германии.

В последнем нашем письме мы указывали, что прусский король Фридрих-Вильгельм III, избавившись от своего страха перед Наполеоном, провёл несколько счастливых, безмятежных лет, пока ему не представилось новое пугало — «революция». Посмотрим теперь, как «революция» проникла в Германию.

После падения Наполеона, события, которое короли и аристократы того времени, повторяю, полностью отождествляли с поражением французской революции, или просто революции, как они ее называли, — после 1815 г. во всех странах антиреволюционная партия держала в своих руках бразды правления.

Феодальные аристократы правили во всех кабинетах от Лондона до Неаполя, от Лиссабона до С.-Петербурга. Однако буржуазия, которая оплатила расходы по всему этому предприятию и участвовала в нём, также хотела получить свою долю власти. Отнюдь не её интересы выдвигались на первый план реставрированными правительствами. Наоборот, они повсюду пренебрегали интересами буржуазии, более того, совершенно откровенно с ними не считались. Проведение английского хлебного закона в 1815 г. — наиболее яркий пример явления, которое наблюдалось повсюду в Европе. А между тем буржуазия была тогда сильнее, чем когда-либо раньше. За это время торговля и промышленность распространились повсюду и наполнили кошельки богатых буржуа; рост благосостояния буржуазии проявлялся в росте спекуляции, в растущем спросе на предметы комфорта и роскоши. Она не могла продолжать спокойно подчиняться господству класса, чей упадок подготовлялся веками, чьи интересы были противоположны её интересам, чьё кратковременное возвращение к власти было делом её же рук. Борьба между буржуазией и аристократией была неизбежна; она началась почти тотчас же после заключения мира.

Буржуазия, сила которой определяется исключительно деньгами, не может приобрести политическую власть иначе, чем сделав деньги единственным критерием законодательной дееспособности человека. Все феодальные привилегии, все политические монополии минувших веков должны раствориться в одной великой привилегии и монополии *денег.* Вот почему политическому господству буржуазии свойственно принимать *либеральный* облик. Буржуазия уничтожает все старые различия между отдельными сословиями, сосуществующими в стране, все основанные на произволе привилегии и льготы; она вынуждена положить принцип выборности в основу управления — в принципе признать равенство, вынуждена освободить печать от оков монархической цензуры, ввести суд присяжных, чтобы освободиться от особого судейского сословия,образующего государство в государстве. Пока речь идёт обо всём этом, буржуа кажутся настоящими демократами. Но буржуазия вводит все эти улучшения лишь постольку, поскольку все прежние индивидуальные и наследственные привилегии заменяются привилегией *денег.* Так, введением имущественного ценза для права избирать и быть избранным она делает принцип выборности достоянием только своего класса. Принцип равенства снова устраняется посредством сведения его к простому «равенству перед законом», что означает равенство несмотря на неравенство между богатым и бедным, равенство в условиях

существующего главного неравенства, что означает, короче говоря, просто называть *неравенство* равенством. Так, свобода печати является уже сама по себе привилегией буржуазии, ибо печатание требует *денег* и покупателя для печатного произведения, а покупатели опять-таки должны иметь деньги. Так, суд присяжных является привилегией буржуазии, ибо принимаются надлежащие меры, чтобы в присяжные выбирались только люди «респектабельные».

Я счёл необходимым сделать эти немногие замечания по вопросу о правлении буржуазии, чтобы объяснить два факта. Во-первых, что во всех странах за время между 1815 и 1830 гг. демократические по существу движения рабочего класса были более или менее подчинены либеральному движению буржуазии. Рабочие, хотя они и были более передовые, чем буржуазия, не могли ещё увидеть коренное различие между либерализмом и демократией — между эмансипацией буржуазии и эмансипацией рабочего класса; они не могли уловить разницу между свободой *денег* и свободой *человека,* пока деньги не были освобождены политически, пока буржуазия не стала исключительно правящим классом. Поэтому демократы в день Пнтерлоо намеревались подать петицию не только о всеобщем избирательном праве, но также и об отмене хлебного закона; поэтому пролетарии сражались в 1830 г. в Париже и были готовы вступить в бой в 1831 г. в Англии— за политические интересы буржуазии. Во всех странах буржуазия была между 1815 и 1830 гг.наиболее сильной составной частью революционной партии и поэтому руководила ею. Рабочий класс неизбежно является орудием в руках буржуазии, пока буржуазия *сама революционна* или прогрессивна. Поэтому отдельное движение рабочего класса в подобном случае всегда имеет второстепенное значение. Но с того самого дня, когда буржуазия получает всю полноту политической власти, с того дня, когда все феодальные и аристократические привилегии уничтожаются властью *денег,* с того дня, когда буржуазия *перестаёт* быть прогрессивной и революционной и сама уже не движется вперёд, — с этого именно дня движение рабочего класса становится ведущим и превращается в *общенациональное движение. Отмените сегодня хлебные законы, и завтра Хартия станет центральным вопросом в Англии, завтра, чартистское движение проявит ту силу, ту энергию, тот энтузиазм и ту настойчивость, которые обеспечат ему успех.*

Второй факт, для объяснения которого я решился сделать несколько замечаний о правлении буржуазии, относится исключительно к Германии. Немцы, будучи нацией теоретиков,

не искушённых в практических делах, приняли за святые истины лживые и. пошлые фразы французской и английской буржуазии. Немецкая буржуазия была довольна тем, что могла спокойно заниматься своими частными делишками, не выходившими за рамки мелкого предпринимательства. Там, где ей дали конституцию, она кичилась своей свободой, но мало вмешивалась в политические дела государства; там же, где не было конституции, она была рада, что избавлена от беспокойства избирать депутатов и читать их речи. В рабочем классе сказывалось отсутствие того могучего рычага, который в Англии и во Франции пробудил рабочих от спячки, — сказывалось отсутствие развитой промышленности и обусловленного ею господства буржуазии. Рабочие поэтому оставались спокойными. Крестьянство, в тех частях Германии, где современные французские учреждения опять были заменены старым феодальным режимом, чувствовало гнёт, но это недовольство ещё нуждалось в дополнительном стимуле, чтобы прорваться в виде открытого возмущения. Таким образом, революционная партия в Германии с 1815 по 1830 г. состояла только из *теоретиков:* сторонники её рекрутировались в университетах, она состояла из одних студентов.

В Германии оказалось невозможным восстановить старую систему, существовавшую до 1789 года. Изменившиеся условия принудили правительства изобрести новую систему, специфическую для Германии. Аристократия хотела управлять, но была слишком слаба; буржуазия не имела ни желания управлять, ни достаточной силы для этого; однако та и другая вместе были достаточно сильны, чтобы принудить правительство к некоторым уступкам. Формой правления стала поэтому некая ублюдочная монархия. Конституция в некоторых государствах давала аристократии и буржуазии видимость гарантий; во всех остальных существовало *бюрократическое* правительство, т. е. такая монархия, которая якобы заботится об интересах буржуазии посредством хорошей администрации, но этой администрацией руководят аристократы, и действия её, поелику возможно, скрыты от глаз общества. В результате образуется особый класс административных правительственных чиновников, в руках которых сосредоточена главная власть и которые противопоставляют себя всем остальным классам. Это — варварская форма буржуазного правления.

Но эта форма правления не удовлетворяла ни «аристократов», «христианских германцев», «романтиков», «реакционеров», ни «либералов». Поэтому они объединились против правительства и образовали тайные студенческие общества. Из объединения

этих двух сект, — ибо партиями их нельзя назвать, — возникла секта ублюдочных либералов, которые в своих тайных обществах мечтали о германском императоре в порфире, с короной, со скипетром и прочими аксессуарами власти, не исключая длинной седой или рыжей бороды, об императоре, окружённом сословным собранием, в котором каждое сословие — духовенство, дворянство, горожане и крестьяне — заседало бы отдельно. Это была самая нелепая смесь феодальной грубости и современного буржуазного обмана, какую только можно себе представить. Но это было самым подходящим делом для студентов, которые жаждали энтузиазма, всё равно по какому поводу и какой ценой. Однако эта смехотворная специфическая мешанина, с одной стороны, и революции в Испании, Португалии и Италии[153], движение карбонариев во Франции[154] и движение за реформу в Англии[155], с другой стороны, напугали монархов почти до потери рассудка. Для Фридриха-Вильгельма III «революция» — под этим словом понимались все эти различные и отчасти противоречивые движения — стала пугалом.

Целый ряд арестов и массовые преследования подавили эту «революцию» в Германии; французские штыки в Испании и австрийские в Италии на короткое время обеспечили легитимным королям восшествие на престол и божественные права. Даже божественное право турецкого султана вешать и четвертовать своих греческих подданных нашло на время поддержку Священного союза, но факт был слишком вопиющим, и грекам разрешили уйти из-под турецкого ига.

Наконец три дня в Париже[156] дали сигнал для общего взрыва недовольства буржуазии, аристократии и народа во всей Европе. Аристократическая польская революция была подавлена; французской и бельгийской буржуазии удалось обеспечить себе политическую власть. Английская буржуазия также добилась этой цели посредством билля о реформе. Восстания в Италии, частью народные, частью буржуазные, частью национальные, были подавлены. А в Германии многочисленные восстания и волнения свидетельствовали о наступлении новой эры оживления народных и буржуазных движений.

Новый и бурный характер либерального движения в Германии с 1830 по 1834 г. показал, что буржуазия сама взялась за разрешение вопроса. Но так как Германия разделялась на многочисленные государства, из которых почти каждое имело свои таможенные пошлины и свой налоговый тариф, то эти движения не были объединены общими интересами. Немецкая буржуазия хотела добиться политической свободы не для того, чтобы привести общественные дела в соответствие со своими

интересами, а потому, что она стыдилась своего рабского положения по сравнению с французами и англичанами. Её движение было лишено той реальной основы, которая обеспечила успех либерализма во Франции и в Англии; её интерес к вопросу был значительно более теоретическим, чем практическим; немецкая буржуазия в общем была, что называется, незаинтересованной. Этого нельзя сказать о французских буржуа 1830 года. На следующий день после революции Лаффит сказал: «Теперь будем управлять мы, банкиры», и они правят по сей день. Английская буржуазия также очень хорошо знала, чего хотела, когда установила имущественный ценз в десять фунтов[157]; но немецкие буржуа, будучи, как мы уже говорили, людьми невысокого полёта, были только восторженными почитателями «свободы печати», «суда присяжных», «конституционных гарантий для народа», «прав народа», «народного представительства» и тому подобного, причём всё это они считали не средствами, а целью; они принимали тень за сущность и поэтому ничего не получили. Однако этого движения буржуазии было достаточно, чтобы вызвать несколько десятков революций, — из которых две или три имели некоторый успех, — большое число народных собраний, много разговоров и газетного хвастовства и очень слабое начало демократического движения среди студентов, рабочих и крестьян.

Незачем входить здесь в довольно утомительные подробности этого шумного и потерпевшего неудачу движения. Повсюду, где только было завоёвано что-нибудь существенное, как, например, свобода печати в Бадене, германский сейм вмешивался и накладывал свой запрет. Весь этот фарс закончился повторением массовых арестов 1819 и 1823 гг. и тайным союзом всех германских князей, заключённым в 1834 г. на конференции делегатов в Вене для противодействия всякому дальнейшему распространению либерализма. Решения этой конференции были опубликованы несколько лет тому назад[158].

С 1834 до 1840 г. в Германии замерло всякое общественное движение. Деятели 1830 и 1834 гг. были либо в тюрьме, либо рассеяны в чужих краях, куда они спаслись бегством. Те, кто во время подъёма движения соблюдали свойственную буржуазии осторожность, продолжали бороться против растущей строгости цензуры и растущего равнодушия и безразличия буржуазии. Лидеры парламентской оппозиции продолжали ораторствовать в палатах, но правительства умели находить меры для обеспечения себе большинства голосов. Казалось, не было никакой возможности вызвать новый подъём общественного движения в Германии; правительства делали всё, что им заблагорассудится.

Во всех этих движениях буржуазия *Пруссии* не принимала почти *никакого участия.* Рабочие выражали своё недовольство в этой стране посредством многочисленных волнений, не имевших, однако, определённой цели, а следовательно не приведших к каким-либо результатам. Апатия пруссаков составляла главную силу Германского союза. Она показывала, что в Германии не настала ещё пора для общего движения буржуазии.

В следующем письме* я перейду к движению последних шести лет, если только мне удастся собрать необходимый материал, чтобы охарактеризовать дух германских правительств на примере некоторых их действий, по сравнению с которыми действия вашего несравненного министра внутренних дел покажутся совершенно невинными[159].

Остаюсь, милостивый государь, с уважением,

Ваш немецкий корреспондент

20 февраля 1846 г.

Написано Ф. Энгельсом

Напечатано в газете «The Northern Star» № 438, 4 апреля 1846 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с английского

* В дальнейших номерах газеты обещанное письмо Энгельса не появилось. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВВЕДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ К «ОТРЫВКУ ИЗ ФУРЬЕ О ТОРГОВЛЕ» [160]

Немцы постепенно начинают опошлять и коммунистическое движение. И здесь, как всегда, последние и самые бездеятельные, они думают, что смогут пренебрежительным отношением к своим предшественникам и философским пустословием прикрыть свою отсталость. Коммунизм едва только появился в Германии, а им уже завладевает с целью нажить капитал целая армия спекулятивных голов, которые воображают, что совершили чудеса, если перевели положения, ставшие уже во Франции и Англии тривиальными, на язык гегелевской логики и теперь преподносят миру эту новую премудрость как нечто небывалое, как «истинную, немецкую теорию», чтобы затем в своё полное удовольствие поносить «дурную практику» и «смехотворные» социальные системы ограниченных французов и англичан. Эта всегда готовая немецкая теория, которой выпало безграничное счастье немного понюхать гегелевской философии истории и быть посвящённой кем-либо из высохших берлинских профессоров в схему вечных категорий, теория, которой, быть может, затем довелось перелистать Фейербаха, несколько немецких коммунистических статей и работу г-на Штейна о французском социализме[161] — эта немецкая теория наихудшего сорта без всяких затруднений уже сконструировала себе надлежащим образом французский социализм и коммунизм по г-ну Штейну, отвела ему подчинённое место, *«преодолела»* его, *«подняла»* его на «более высокую ступень развития» всегда готовой «немецкой теории». Ей, конечно, и в голову не приходит хоть сколько-нибудь самой познакомиться с предметом, подлежащим возведению на более высокую ступень, заглянуть в сочинения Фурье,

Сен-Симона, Оуэна и французских коммунистов,—для неё вполне достаточно тощих извлечений г-на Штейна, чтобы провозгласить блестящую победу немецкой теории над жалкими потугами заграницы.

В противовес смехотворной спеси бессмертной немецкой теории совершенно необходимо, наконец, показать немцам всё то, чем они обязаны загранице, с тех пор как занимаются социальными вопросами. Во всех напыщенных фразах, которые теперь в немецкой литературе крикливо преподносятся в качестве основных принципов истинного, чистого, немецкого, теоретического коммунизма и социализма, до сих пор нет ни единой идеи, которая бы выросла на немецкой почве. То, что французы или англичане сказали уже десять, двадцать, даже сорок лет тому назад, —и сказали очень хорошо, очень ясно, очень красивым языком, — то немцы только за последний год, наконец, урывками узнали и огегельянили или, в самом лучшем случае, с опозданием открыли ещё раз и опубликовали в гораздо худшей, более абстрактной форме в качестве совершенно нового открытия. Я не делаю здесь исключения и для своих собственных работ. Что у немцев своего, так это только скверная, абстрактная, невразумительная и корявая форма, в которой они выразили эти мысли. И как подобает истым теоретикам, они сочли достойным внимания у французов — англичан они ещё почти совсем не знают — кроме *самых общих* принципов лишь самое плохое и самое абстрактное: схематизацию будущего общества, *социальные системы.* Лучшую сторону, *критику существующего общества,* действительную основу, главную задачу всякого исследования социальных вопросов, они преспокойно отбросили. Нечего и говорить, что об единственном немце, который *действительно* что-то сделал, о *Вейтлинге,* эти мудрые теоретики обычно тоже отзываются пренебрежительно или совсем не упоминают.

Я хочу предложить этим премудрым господам небольшую главу из Фурье, которая сможет послужить им образцом. Правда, Фурье исходил не из гегелевской теории и поэтому— увы! — не мог прийти ни к познанию абсолютной истины, ни даже к абсолютному социализму; правда, вследствие этого изъяна Фурье, к сожалению, дал совлечь себя с пути истинного и пришёл — вместо абсолютного метода — к методу серий и к таким построениям, как превращение моря в лимонад, couronnes boreale и australe*, анти-лев[162] и совокупление планет. Пусть так! И всё же мне легче поверить вместе с весёлым Фурье во все эти чудеса, чем верить в абсолютное царство

* — северный и южный венцы. *Ред.*

духа, где совсем нет никакого лимонада, или в тождество бытия и небытия и совокупление вечных категорий. Французский вздор по крайней мере весел, тогда как немецкий мрачен и глубокомыслен. Но кроме того Фурье подверг существующие социальные отношения такой резкой, такой живой и остроумной критике, что ему охотно прощаешь его космологические фантазии, которые тоже основаны на гениальном миропонимании.

Сообщаемый здесь отрывок был найден среди литературного наследства Фурье и напечатан в первой книжке журнала «Phalange»*, издаваемого фурьеристами с начала 1845 года. Я опускаю из него то, что относится к позитивной системе Фурье, и вообще то, что не представляет интереса, словом — с текстом обращаюсь с вольностью, которая совершенно необходима для того, чтобы произведения иностранных социалистов, написанные с определёнными целями, сделать доступными публике, чуждой этим целям. Этот отрывок отнюдь не самое гениальное из того, что было написано Фурье, и даже не лучшее из того, что он написал о торговле, — и всё-таки ни один немецкий социалист или коммунист, за исключением Вейтлинга, ещё не написал ничего, что хотя бы в самой отдалённой степени могло бы сравняться с этим черновым наброском.

Чтобы избавить немецкую публику от напрасного труда читать самый журнал «Phalange», я должен заметить, что этот журнал — чисто денежная спекуляция фурьеристов и публикуемые в нём рукописи Фурье имеют очень различную ценность. Издающие этот орган господа фурьеристы стали похожими на немцев напыщенными теоретиками, и на место юмора, с которым их учитель разоблачал буржуазный мир, они поставили священную, основательную, теоретическую, угрюмую учёность, за что они по заслугам были осмеяны во Франции, а в Германии получили признание. Сочинённое ими описание воображаемых успехов фурьеризма в первой книжке «Phalange» могло бы привести в восторг профессора абсолютного метода.

Я начинаю своё сообщение с тезиса, который уже был опубликован в «Теории четырёх движений». Там же была опубликована значительная часть предлагаемого отрывка, из которой, однако, я приведу лишь самое необходимое[163].

....

* «La Phalange». Revue de la science sociale, XIV. annee, 1-re serie in 8°, Paris, aux Bureaux de la Phalange. 1845. — Publication des Manuscrits de Fourier, section ebauchee des trois unites externes, p. 1—42 des Januar- und Februarheftes [«Фаланга». Социально-научное обозрение, XIV-й rol издания, 1-я серия, in 8°, Париж, издательство «Фаланги», 1845. — Публикация рукописей Фурье, набросок секции о трёх внешних единствах. Январь—февраль, стр. 1—42].

Так пишет Фурье. Продолжение этой статьи во второй книжке «Phalange» содержит три главы о биржевой игре, о барышнической скупке (accaparement) и о паразитизме, которые, однако, в большей своей части уже были опубликованы в «Четырёх движениях». Отчасти по этой причине, отчасти потому, что помещённого выше отрывка вполне достаточно для моей цели, я на этом заканчиваю.

Пусть учёные господа немцы, которые так усердно бороздят «безбрежное море» бездонных* теорий, стремясь во что бы то ни стало выудить *«принцип»* «социализма», берут пример с commis marchand** Фурье. Фурье не был философом, он питал сильную ненависть к философии, жестоко её высмеивал в своих произведениях и высказал при этом много соображений, к которым наши немецкие «философы социализма» должны были бы отнестись внимательно. Правда, они мне возразят, что и Фурье был не менее «абстрактен»,что посредством своих серий он сконструировал бога и мир не хуже самого Гегеля, но это их не спасёт. Гениальные — несмотря ни на что — чудачества Фурье не оправдывают скучных так называемых построений засушенной немецкой теории. Фурье конструирует по-своему будущее, после того как правильно познал прошлое и настоящее; немецкая теория сначала разделывается по своему усмотрению с прошлой историей, а затем предписывает также и будущему, какое ему принять направление. Сравните, например, данные у Фурье эпохи общественного развития (дикость, патриархат, варварство, цивилизацию) и их характеристики с гегелевской абсолютной идеей, с трудом прокладывающей себе путь через лабиринт истории и в конце концов сооружающей, охая и кряхтя, некую видимость трихотомии—вопреки -*четырём* мировым империям; что же касается послегегелевских конструкций, то о них и говорить нечего. Ибо, если у Гегеля конструкция всё же имеет какой-то смысл, хотя и превратный, то у послегегелевских изобретателей систем она лишена уже всякого смысла.

Немцам пора бы уже перестать, наконец, так кичиться своей основательностью. Из самых ничтожных данных они не только выведут вам что угодно, но и увяжут это со всемирной историей. На основании первого попавшегося, полученного из третьих рук факта, о котором им даже не известно, произошёл ли он так или иначе, они вам докажут, что *он должен* был произойти именно так, а не иначе. Разве кто-нибудь в Германии писал о социальных вопросах, не сказав и о Фурье чего-нибудь такого, что самым основательным образом дискредитирует немецкую

* Игра слов: «grundlos»—-«бездонный», а также («необоснованный», «пустой». *Ред.*

** — купеческого приказчика. *Ред.*

основательность? В числе прочих некий г-н Кайзер[164] сразу же использовал «отличное сочинение Л. Штейна» для создания всемирно-исторической конструкции, у которой, к сожалению, лишь тот недостаток, что все положенные в её основу факты ложны. Что касается Фурье, то немецкая теория уже по крайней мере раз двадцать отводила ему «место в развитии абсолютной идеи» — и каждый раз другое место — и каждый раз в отношении сути дела немецкая теория полагалась на г-на Штейна или на другие такие же сомнительные источники. Поэтому-то немецкий «абсолютный социализм» так ужасающе жалок. Немножко «человечности», как сейчас принято выражаться, немножко «реализации» этой человечности или, скорее, животности, кое-что о собственности по Прудону—из третьих или четвёртых рук, — несколько вздохов о пролетариате, кое-что об организации труда, жалкие союзы для улучшения положения низших классов народа — наряду с безграничным невежеством в отношении политической экономии и действительного состояния общества — вот к чему сводится весь этот «социализм», который к тому же утрачивает последнюю каплю крови, последние следы энергии и силы в результате своей беспартийности в области теории, своего «абсолютного спокойствия мысли». И таким переливанием из пустого в порожнее хотят революционизировать Германию, привести в движение пролетариат, побудить массы к мысли и действию!

Если бы наши немецкие наполовину и вполне коммунистические доценты дали себе труд хоть немного познакомиться с главными произведениями Фурье, которые им ведь не менее доступны, чем любая немецкая книга, —какой бы они нашли в них неисчерпаемый источник материала для конструирования и прочих целей! Какую бы массу новых идей — и сейчас ещё новых для Германии — они бы там нашли! По эти добрые люди до сих пор не способны предъявить современному обществу никакого обвинения, кроме положения пролетариата, да и об этом они могут сказать не слишком-то много. Конечно, положение пролетариата — главный пункт, но разве критика современного общества этим исчерпывается? На примере Фурье, который, за исключением позднейших своих сочинений, совсем мало касается этого пункта, видно, как можно и без этого признать существующее общество совершенно негодным и одной только критикой буржуазии,—именно её внутренних взаимоотношений, не касаясь её отношения к пролетариату, — прийти к выводу о необходимости переустройства общества. В такого рода критике Фурье доныне остаётся единственным. Фурье неумолимо вскрывает лицемерие респектабельного общества, проти-

воречие между его теорией и практикой, пустоту всего его образа жизни, высмеивает его философию, его стремление к perfection de la perfectibilite perfectibilisante* и к auguste verite**; Фурье высмеивает его «чистую мораль», его единообразные общественные установления и сопоставляет с ними его практику, doux commerce***, которую подвергает мастерской критике, разнузданные наслаждения, не дающие наслаждения, организованный в браке адюльтер, всеобщий хаос. Это всё такие стороны современного общества, о которых в Германии вопрос совсем ещё не поднимался. Правда, кое-что было сказано о свободе любви, о положении женщины, об её эмансипации; но к чему это свелось? Две-три путаные фразы, несколько синих чулков, немного истерии и добрая толика жалоб по поводу немецкой семейной неурядицы—гора родила мышь!

Немцам следовало бы сначала хоть сколько-нибудь познакомиться с общественным движением за границей, с его практикой и с его литературой, — к практическому движению относится вся история Англии и Франции за последние восемьдесят лет, английская промышленность и французская революция,—затем им следовало бы сделать на практике и в литературе столько же, сколько сделали их соседи, и *лишь после этого* было бы уместно ставить такого рода праздные вопросы, как вопрос о больших или меньших заслугах различных наций. Но тогда уже не найдётся и аудитории для таких софистических дискуссий.

А пока самое лучшее было бы немцам прежде всего познакомиться с достижениями заграницы. Появившиеся до сих пор книги об этом — все без исключения *плохи.* Такого рода краткие изложения могут дать в лучшем случае только критику произведений, но не познакомить с самими произведениями. Последние частью являются редкостью и их нельзя достать в Германии, частью слишком объёмисты, частью смешаны с материалами, сохранившими лишь историческое и литературное значение и уже неинтересными для немецкой публики в 1845 году. Чтобы сделать доступными эти произведения, ценное содержание которых и поныне ещё ново для Германии, необходимо произвести отбор и обработку, подобно тому как это делают со всем поступающим к ним из-за границы материалом французы, являющиеся и в этих делах гораздо более практичными, чем мы. Обработанные таким образом важнейшие произведения иностранной социалистической литературы в ближайшем

* — совершенству совершенствующей способности к совершенствованию. *Ред.*
** — высочайшей истине. *Ред.*
*** — милую торговлю. *Ред.*

будущем начнут выходить. Несколько немецких коммунистов, между ними наиболее выдающиеся деятели движения, которые столь же легко могли бы дать оригинальные труды, объединились для этого начинания; оно, надо надеяться, покажет мудрым немецким теоретикам, что вся их премудрость устарела, что по ту сторону Рейна и Ла-Манша всё это уже давным-давно продискутировано pro et contra*. И лишь после того, как они узнают, что было сделано *до* них, они смогут показать, на что способны *они сами.*

Брюссель

Написано в конце 1845 г.

Впервые напечатано в ежегоднике «Deutsches Burgerbuch» на 1846 г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту ежегодника
Перевод с немецкого

* — за и против. *Ред*.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРАЗДНЕСТВО НАЦИЙ В ЛОНДОНЕ

(В СВЯЗИ С ГОДОВЩИНОЙ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ 22 СЕНТЯБРЯ 1792 г.)[165]

«Какое нам дело до наций? Какое нам дело до французской республики? Разве мы не составили себе давным-давно понятие о нациях, разве мы не указали каждой из них соответствующее место, разве мы не отвели область теории немцам, политики — французам, а гражданского общества — англичанам? И вдруг — французская республика! Зачем чествовать то, что относится к ступени развития, которая давно преодолена, которая сама себя упразднила своими собственными последствиями? Если вы хотите сообщить нам что-нибудь об Англии, расскажите уж лучше о новейшей фазе, в которую вступил социалистический принцип, расскажите нам, продолжает ли односторонний английский социализм не понимать того, что он стоит много ниже нашей принципиальной высоты и что он может быть признан лишь *моментом,* да и то уже превзойдённым моментом развития!»

Успокойся, милая Германия! И нации, и французская республика очень близко нас касаются.

Братание наций, которое повсюду провозглашается теперь крайней, пролетарской партией в противовес как старому, ничем не прикрытому национальному эгоизму, так и лицемерному частноэгоистическому космополитизму свободной торговли, гораздо ценнее всех немецких теорий об «истинном социализме».

Братание наций под знаменем *современной демократии,* которая, выйдя из французской революции, развилась во французский коммунизм и английский чартизм, показывает, что массы и их представители лучше сознают требования времени, чем немецкие теоретики.

«Но ведь не об этом речь! Кто же говорит о братании, *которое* и т. д., о демократии, *которая* и т. д.? Мы говорим о братании наций, взятом самом по себе, о братании наций *вообще,* о демократии *вообще,* просто о демократии, о демократии *как таковой.* Разве вы совсем забыли своего Гегеля?»

«Не римляне мы, мы курим табак»[166]. Мы говорим не о том антинационалистическом движении, которое имеет место в *мире* в *данный момент,* мы говорим о том упразднении национальностей, которое совершается в нашей *голове* при посредстве чистой мысли, при помощи фантазии за неимением фактов. Мы говорим не о *действительной* демократии, в объятия которой устремляется вся Европа и которая является совершенно особой демократией, отличной от всех прежних демократий; мы говорим о совсем иной демократии, представляющей собой нечто среднее между греческой, римской, американской и французской демократией, словом—о *понятии* демократии. Мы говорим не о *вещах,* принадлежащих XIX столетию, дурных и преходящих; мы говорим о категориях, которые вечны и которые существовали «раньше, чем образовались горы». Словом, мы говорим не о том, о чём идёт речь, а о чём-то совсем ином.

Короче говоря, когда в настоящее время у англичан, у французов и у тех немцев, которые участвуют в практическом движении, а не теоретизируют, речь идёт о демократии, о братании наций, то отнюдь не следует понимать это только в чисто политическом смысле. Подобные фантастические представления встречаются ещё лишь у немецких теоретиков и у отдельных немногочисленных иностранцев, которые не идут в счёт. В действительности эти слова имеют теперь социальный смысл, в котором растворяется их политическое значение. Уже эта революция не была просто борьбой за ту или иную государственную форму, как это себе ещё часто рисуют в Германии. Связь между большинством восстаний того времени и голодом; значение, которое имело продовольственное снабжение столицы и распределение запасов уже начиная с 1789 г.; декреты о максимуме цен, законы против скупщиков жизненных припасов; боевой клич революционных армий: «Война дворцам, мир хижинам»; свидетельство «Карманьолы»[167], по которой республиканец, наряду с du fer* и du coeur**, должен иметь также du pain***, и сотни других очевидных фактов показывают, даже и без углублённого изучения вопроса, насколько тогдашняя демократия представляла собой нечто совсем иное, чем просто

* — оружием. *Ред.*
** — храбростью. *Ред.*
*** — хлеб. *Ред.*

политическую организацию. Известно также и то, что конституция 1793 г.[168] и террор исходили от той партии, которая опиралась на восставший пролетариат; что гибель Робеспьера означала победу буржуазии над пролетариатом; что Бабёф и участники его заговора сделали в отношении равенства самые далеко идущие выводы из идей демократии 1793 г., какие только были возможны в то время. Французская революция была социальным движением от начала до конца, и после неё чисто политическая демократия стала уже бессмыслицей.

Демократия в наши дни — это коммунизм. Какая-либо иная демократия может существовать ещё только в головах теоретических ясновидцев, которым нет дела до действительных событий, для которых не люди и обстоятельства развивают принципы, а принципы развиваются сами собой. Демократия стала пролетарским принципом, принципом масс. Пусть массы не всегда ясно представляют себе это единственно правильное значение демократии, но для всех в понятии демократии заключено, хотя бы смутное, стремление к социальному равноправию. Подсчитывая боевые силы коммунизма, можно спокойно причислить к ним демократически настроенные массы. И когда пролетарские партии различных национальностей соединяются между собой, то они с полным правом пишут на своём знамени слово «демократия», ибо, за исключением таких демократов, которые в счёт не идут, все европейские демократы 1846 г. являются более или менее сознательными коммунистами.

В чествовании французской республики, как бы она ни была «превзойдена», с полным основанием принимают участие коммунисты всех стран. Во-первых, все народы, которые были достаточно глупы, чтобы позволить использовать себя для подавления революции, уяснив себе, наконец, какую глупость они совершили из-за своих верноподданнических чувств, обязаны дать французам публичное удовлетворение; во-вторых, всё современное европейское социальное движение представляет собой лишь второй акт революции, лишь подготовку к развязке той драмы, которая началась в 1789 г. в Париже, а теперь охватила своим действием всю Европу; в-третьих, в нашу буржуазную эпоху трусости, себялюбия и мелочности вполне своевременно напомнить о той великой године, когда целый народ на время отбросил всякую трусость, всякое себялюбие, всякую мелочность, когда были люди, обладавшие мужеством противозаконности, не отступавшие ни перед чем, — люди железной энергии, которые добились того, что с 31 мая 1793 г. по 26 июля 1794 г. ни один трус, ни один торгаш, ни один спекулянт, словом, ни один буржуа не смел поднять голову. В такое время, когда

какой-нибудь Ротшильд держит в своих руках судьбу мира в Европе, Кёхлин кричит о покровительственных пошлинах, Кобден о свободе торговли, а Диргардт проповедует спасение грешного человечества при помощи союзов для улучшения положения трудящихся классов, — в такое время, право же, необходимо напомнить о Марате и Дантоне, Сен-Жюсте и Бабёфе, о славных победах при Жемапе и Флёрюсе[169]. Если бы влияние этой могучей эпохи, этих железных характеров не сказывалось ещё в наш век торгашества, то, право же, человечество должно было бы прийти в отчаяние и отдать свою судьбу в полное распоряжение Кёхлинов, Кобденов и Диргардтов.

Наконец, братание наций имеет в наши дни, более чем когда бы то ни было, чисто социальный смысл. Пустые мечты о создании европейской республики, об обеспечении вечного мира при соответствующей политической организации стали так же смешны, как и фразы об объединении народов под эгидой всеобщей свободы торговли; и в то время как все сентиментальные химеры подобного рода совершенно теряют свою силу, пролетарии всех наций без шума и громких фраз начинают *действительно брататься* под знаменем коммунистической демократии. Ведь одни только пролетарии и могут действительно сделать это, ибо буржуазия каждой страны имеет свои особые интересы, а так как эти интересы для неё превыше всего, она не способна подняться выше национальности, и её два-три теоретика со всеми своими прекрасными «принципами» ничего здесь не могут поделать, ибо они оставляют в неприкосновенности эти противоречивые интересы, как и вообще весь существующий порядок, и способны только на фразу. А пролетарии во всех странах имеют одни и те же интересы, одного и того же врага, им предстоит одна и та же борьба; пролетарии в массе уже в силу своей природы свободны от национальных предрассудков, и всё их духовное развитие и движение по существу гуманистично и антинационалистично. Только пролетарии способны уничтожить национальную обособленность, только пробуждающийся пролетариат может установить братство между различными нациями.

Следующие факты подтвердят всё только что сказанное мной.

Ещё 10 августа 1845 г. в Лондоне подобным же образом была торжественно отпразднована годовщина трёх событий: революции 1792 г., провозглашения конституции 1793 г. и образования «Демократической ассоциации», основанной самой радикальной фракцией английской партии движения 1838—1839 годов.

Эта самая радикальная фракция состояла из чартистов, пролетариев, как это само собой разумеется, но пролетариев, ясно сознававших цель чартистского движения и стремившихся

ускорить её осуществление. Если большинство чартистов тогда ещё думало только о передаче государственной власти в руки рабочего класса и лишь у немногих нашлось время подумать об использовании этой власти, то члены этой ассоциации, сыгравшей в тогдашнем подъёме движения значительную роль, были единодушны в этом вопросе: они были прежде всего республиканцами, и именно такими республиканцами, которые провозгласили конституцию 1793 г. своим символом веры, отвергали всякое объединение с буржуазией, в том числе и с мелкой, и отстаивали мнение, что угнетённый имеет право использовать в борьбе против своего угнетателя все те средства, которые угнетатель пускает в ход против него. Но и на этом они не останавливались: они были не только республиканцами, но и коммунистами, и притом коммунистами, отвергавшими религию. Ассоциация прекратила своё существование, когда спал революционный подъём 1838—1839 гг., но её деятельность не пропала даром: она сильно способствовала укреплению активности чартистского движения, развитию заложенных в нём коммунистических элементов. Уже на упомянутом праздновании 10 августа были высказаны как коммунистические, так и космополитические* принципы; наряду с требованием политического равенства было выставлено требование равенства *социального,* и тост за демократов всех наций был принят с энтузиазмом.

В Лондоне и раньше делались попытки объединить радикалов различных наций; такие попытки терпели крушение отчасти из-за внутренних разногласий в среде английских демократов и из-за неосведомлённости о них иностранцев, отчасти из-за принципиальных расхождений между партийными лидерами различных наций. Препятствие к объединению, порождённое национальными различиями, так велико, что даже давно проживавшие в Лондоне иностранцы, при всех своих симпатиях к английской демократии, почти ничего не знали о происходившем у них на глазах движении и о действительном положении вещей; они смешивали радикальных буржуа с радикальными пролетариями и пытались свести как друзей на одном и том же собрании самых отъявленных врагов. Англичане тоже отчасти по этим причинам, отчасти из-за недоверия к другим нациям допускали подобные же промахи, которые были тем более возможны, что успех такого рода переговоров неизбежно зависел от большего или меньшего единодушия нескольких лиц,

* Слово «космополитический» здесь и на стр. 592 следует понимать не в смысле буржуазного космополитизма, критикуемого Энгельсом в этой же статье, а во втором значении, которое имело это слово, а именно в смысле «свободный от национальной ограниченности и национальных предрассудков». *Ред.*

стоявших во главе комитетов и большей частью лично между собой незнакомых. При прежних попытках эти лица выбирались крайне неудачно, так что дело всякий раз весьма быстро замирало. Но потребность в таком братании ощущалась слишком живо. Каждая неудавшаяся попытка только побуждала к новым усилиям. Когда одни демократические вожди в Лондоне теряли интерес к делу, на их место являлись другие; в августе 1845 г. снова были предприняты попытки к сближению, на этот раз не оставшиеся бесплодными[170], и празднование 22 сентября, уже объявленное раньше другими лицами, было использовано, чтобы публично провозгласить союз проживающих в Лондоне демократов всех наций.

На этом собрании присутствовали англичане, французы, немцы, итальянцы, испанцы, поляки и швейцарцы. Венгрия и Турция тоже имели по одному представителю. Три крупнейшие нации цивилизованной Европы — англичане, немцы и французы — задавали тон и были представлены весьма достойным образом. Председателем был, конечно, англичанин, «чартист» *Томас Купер,* который за участие в восстании 1842 г. почти целых два года просидел в тюрьме, где написал эпическую поэму в стиле «Чайлд Гарольда», весьма восхваляемую английскими литературными критиками[171]. Главным оратором от англичан на вечере выступал *Джордж Джулиан Гарни,* который вот уже два года является одним из редакторов «Northern Star». Газета «Northern Star», орган чартистов, основана О'Коннором в 1837 г.; с тех пор как её редактируют совместно Дж. Хобсон и Гарни, она стала во всех отношениях одной из лучших газет в Европе; я мог бы поставить рядом с ней только некоторые маленькие парижские рабочие газеты, например «Union»[172]. Сам Гарни — настоящий пролетарий, с юности принимавший участие в движении, один из главных членов упомянутой выше «Демократической ассоциации» 1838—1839 гг. (он председательствовал на праздновании 10 августа) и, наряду с Хобсоном, безусловно лучший английский писатель, что я при случае постараюсь доказать немцам. Гарни совершенно ясно представляет себе цели европейского движения и находится вполне a la hauteur des principes*, хотя он ничего не знает о немецких теориях касательно «истинного социализма». Ему принадлежит главная заслуга в деле устройства этого космополитического празднества; он не щадил никаких усилий для сближения различных национальностей, для устранения недоразумений, для преодоления личных разногласий.

* — на высоте принципов. *Ред.*

Произнесённый Гарни тост гласил:

«Вечная память искренним и доблестным французским республиканцам 1792 года! Пусть равенство, которого они добивались, ради которого они жили, трудились и умирали, в скором времени возродится во Франции и распространится по всей Европе».

Гарни, встреченный дважды и трижды повторенной овацией, сказал:

«Было время, когда такое торжественное собрание, как сегодняшнее, навлекло бы на нас не только презрение, насмешки, издевательства и преследования со стороны привилегированных классов, но и насильственные действия со стороны обманутого и невежественного народа, — народа, который по указке своих попов и властителей считал французскую революцию каким-то ужасным исчадием ада, чем-то таким, о чём нельзя вспоминать без содрогания и говорить без отвращения. Вы, вероятно. помните,—по крайней мере большинство из вас,—что ещё совсем недавно всякий раз, когда в нашем отечестве выставлялось требование об отмене плохого закона или об издании хорошего, тотчас поднимался вой о «якобинцах». Выдвигалось ли требование парламентской реформы, сокращения налогов, народного образования или любого иного мероприятия, таящего в себе хоть намёк на прогресс, — можно было заранее знать, что «французская революция», «господство террора» и прочая кровавая фантасмагория сейчас же будет пущена в ход для запугивания великовозрастных бородатых младенцев, ещё не научившихся думать самостоятельно. (Смех и аплодисменты.) Это время миновало; но я всё же не уверен, что мы уже научились понимать как следует историю этой великой революции. Мне не стоило бы никакого труда продекламировать, пользуясь настоящим случаем, несколько широковещательных фраз о свободе, равенстве и правах человека, о коалиции европейских монархов и о деяниях Питта и герцога Брауншвейгского; я мог бы немало наговорить на, эту тему, заслужив, пожалуй, одобрение за произнесённую якобы в весьма свободомыслящем тоне речь и всё-таки оставить незатронутым действительный вопрос. Действительный большой вопрос, стоявший перед французской революцией, заключался в *уничтожении неравенства* и в создании учреждений, способных обеспечить французскому народу то счастливое существование, которое до сих пор никогда не бывало уделом масс. Если мы будем испытывать деятелей революции на этом оселке, то легко найдём им правильную оценку. Возьмите, например, Лафайета; в качестве представителя конституционализма он, пожалуй, окажется самым честным и достойным человеком в своей партии. Мало было людей, пользовавшихся большей популярностью, чем Лафайет. Юношей он отправился в Америку и принял участие в американской борьбе против английской тирании. После завоевания американцами независимости он вернулся во Францию, и вскоре после этого мы видим его в первых рядах в революции, начавшейся теперь в его собственной стране. На склоне его жизни мы снова встречаем его как самого популярного человека во Франции, где после «трёх дней» он становится настоящим диктатором, одним своим словом смещает и возводит на трон королей. Лафайет пользовался в Европе и Америке, может быть, большей популярностью, чем кто бы то ни было из его современников, и эта популярность была бы им заслужена, если бы в своём последующем поведении он остался верен своему первому революционному выступлению. Но Лафайет никогда не был другом равенства. (Возгласы: «Внимание, внимание!») Правда, он в самом начале отказался

от своего титула, от своих феодальных привилегий—и это было хорошо. Стоя во главе национальной гвардии, будучи кумиром буржуазии, пользуясь даже симпатиями рабочего класса, он некоторое время считался передовым борцом революции. Но он остановился тогда, когда нужно было идти вперёд. Народ вскоре убедился, что разрушение Бастилии и отмена феодальных привилегий, усмирение короля и аристократии не привели ни к чему, кроме *усиления власти буржуазии.* Но народ этим не удовлетворился. (Аплодисменты.) Он требовал свободы и прав для себя; он *требовал того же, чего требуем и мы, — настоящего, полного равенства.* (Громкие аплодисменты.) Когда Лафайет увидел это, он стал консерватором, он перестал быть революционером. Именно он предложил принять закон о военном положении, чтобы таким путём узаконить расстрел и избиение народа в случае возможных беспорядков, — и это в то время, когда народ страдал от жесточайшего голода; опираясь на этот закон, Лафайет сам руководил расправой с народом, когда 17 июля 1791 г. народ собрался на Марсовом поле, чтобы, после бегства короля в Варенн, подать Национальному собранию петицию против возвращения на престол этого монарха-изменника. Позднее Лафайет посмел угрожать Парижу своим мечом, народным клубам — насильственным закрытием. После 10 августа он попытался повести своих солдат на Париж, но они, будучи лучшими патриотами, чем он, отказались повиноваться, и тогда он бежал и отрёкся от революции. И всё-таки Лафайет был, пожалуй, лучшим из всех конституционалистов. Но ни к нему, ни к его партии наш тост не имеет никакого отношения, ибо они даже и не называли себя республиканцами. Они лицемерно утверждали, что признают суверенитет народа, но в то же время разделили народ на активных и пассивных граждан и предоставили право голоса только плательщикам налогов, которых они называли активными гражданами. Словом, Лафайет и конституционалисты были всего лить вигами и мало чем отличались от людей, водивших нас за нос с биллем о реформе. (Аплодисменты.) После них идут жирондисты; именно их обычно и выдают за «искренних и преданных республиканцев». Я не могу разделить этого взгляда. Мы, конечно, не можем отказать им в нашем восхищении талантами и красноречием, которые отличали руководителей этой партии и которые сочетались у одних, как у Ролана, с неподкупнейшей честностью, у других, как у г-жи Ролан, с героической самоотверженностью, а у третьих, как у Барбару, с пламенным энтузиазмом. И мы не можем — я, по крайней мере, не могу — читать без глубокого волнения об ужасной и преждевременной смерти г-жи Ролан или философа Кондорсе. Но при всём том жирондисты не были теми людьми, от которых народ мог ожидать освобождения из-под гнёта социального рабства. Что среди них были смелые люди, мы ни минуты не сомневаемся; что они были искренни в своих убеждениях, мы допускаем. Что многие из них были более несведущи, чем виновны, мы готовы, пожалуй, признать—правда, только относительно тех, которые погибли; ибо если бы мы стали судить обо всей партии по тем её членам, которые смогли пережить так называемый режим террора, то мы должны были бы заключить, что более гнусной банды никогда не существовало. Эти оставшиеся в живых жирондисты помогли уничтожить конституцию 1793 г., ввели аристократическую конституцию 1795 г., совместно с другими аристократическими кликами организовали заговор для истребления истинных республиканцев и довели, наконец, Францию до военного деспотизма узурпатора Наполеона. (Возгласы: «Внимание, внимание!») Красноречие жирондистов высоко оценено; но мы, непоколебимые демократы, не можем преклоняться перед ними только потому, что они были красноречивы; в противном случае мы должны были бы воздать величайшие почести продажному аристократу Мирабо. Когда

восставший за свободу народ, разрывая оковы четырнадцативекового рабства, покидал родные места и шёл на борьбу против заговорщиков внутри страны и иноземных армий на границах, он нуждался, чтобы устоять, в чём-то большем, чем красноречивые тирады и красиво построенные теории Жиронды. «Хлеба, оружия и равенства» — вот чего требовал народ. (Аплодисменты.) Хлеба — для своих голодающих семей; оружия — против когорт деспотизма; равенства — как цель своих усилий и награду за свои жертвы. (Громкие аплодисменты.) Жирондисты же смотрели на народ, выражаясь словами Томаса Карлейля, только как на «взрывчатую массу, с помощью которой можно разрушать бастилии», которой можно пользоваться как орудием, обращаясь с ней как с рабами. Жирондисты колебались между королевской властью и демократией; они тщетно пытались путём компромисса обойти вечную справедливость. Они пали, и их падение было заслужено. Люди железной энергии раздавили их, народ смёл их со своего пути. Из различных фракций партии Горы я нахожу достойными упоминания только Робеспьера и его друзей. (Бурные аплодисменты.) Значительная часть Горы состояла из разбойников, которые думали только о том, чтобы захватить в свои руки добычу революции, и нисколько не заботились о народе, который своими трудами, страданиями и мужеством осуществил эту революцию. Эти негодяи, которые некоторое время пользовались одним языком с друзьями равенства и вместе с ними боролись против конституционалистов и Жиронды, показали своё истинное лицо заклятых врагов равенства, как только пришли к власти. Они свергли Робеспьера и убили его, они предали смерти Сен-Жюста, Кутона и остальных друзей этого неподкупного законодателя. Не довольствуясь тем, что они уничтожили друзей равенства, эти предатели-убийцы ещё чернили имена своих жертв самой низкой клеветой и не стеснялись обвинять их в преступлениях, которые они сами совершили. Я знаю, что всё ещё считается дурным тоном смотреть на Робеспьера иначе, как на чудовище, но я думаю, что недалёк тот день, когда будут придерживаться совсем иного мнения о характере этого необыкновенного человека. Я не намерен обожествлять Робеспьера, изображать его как какое-то совершенство; но он всё-таки представляется мне одним из тех немногих революционных вождей, которые знали и употребляли правильные средства для искоренения политической и социальной несправедливости. (Бурные аплодисменты.) У меня нет времени останавливаться на характеристике несгибаемого Марата, на Сен-Жюсте, этом блестящем воплощении республиканского рыцарства; у меня также нет времени перечислять те превосходные законодательные мероприятия, которыми ознаменовалось энергичное правление Робеспьера. Повторяю, недалёк тот день, когда ему будет воздано по справедливости. (Аплодисменты.) Для меня вернейшее свидетельство о подлинном характере Робеспьера заключается в том всеобщем сожалении, которое вызвала его смерть у переживших его искренних демократов — не исключая и тех, которые, не поняв его намерений, дали увлечь себя и способствовали его падению, но потом, когда было уже поздно, горько раскаялись в своём безрассудстве. Одним из них был Бабёф, организатор знаменитого заговора, названного его именем. Этот заговор имел своей целью создание истинной республики, *в которой не должно было быть места своекорыстию индивидуализма* (аплодисменты), *в которой должны были перестать существовать частная собственность и деньги, источники всех бедствий* (аплодисменты), в которой счастье всех должно было основываться *на общем труде и на равном для всех пользовании благами.* (Бурные аплодисменты.) Эти прославленные мужи преследовали свою славную цель до самой смерти. Бабёф и Дарте запечатлели свои убеждения собственной кровью, Буонарроти пронёс сквозь годы тюрьмы, нищеты и старости свою

верность тем великим принципам, которые мы смело провозглашаем сегодня вечером. Я должен ещё назвать героических депутатов — Ромма, Субрани, Дюруа, Дюкенуа и их товарищей; приговорённые к смерти аристократическими предателями Конвента, они, в присутствии своих убийц и бросая им вызов, лишили себя жизни одним и тем же кинжалом, который передавался из рук в руки. На этом я закончу первую часть своего тоста. Вторая его часть потребует лишь немногих слов с моей стороны, так как гораздо лучше об этом скажут присутствующие здесь французские демократы. Что принципы равенства возродятся и восторжествуют, в этом нет никакого сомнения; да они, собственно, уже возродились не только в форме республиканской программы, но и в форме коммунизма, ибо, насколько мне известно, повсюду во Франции в настоящее время имеются коммунистические общества. Впрочем, говорить об этом подробнее я предоставляю моему другу д-ру Фонтену и его соотечественникам. Меня очень радует присутствие этих достойных демократов. Сегодня вечером они смогут лично убедиться в нелепости тирад французской военной партии против английского народа. (Аплодисменты.) Мы решительно отметаем прочь эту национальную рознь; мы испытываем презрение и отвращение к таким варварским приманкам и уловкам, как «естественные враги», «исконный враг» и «национальная слава». (Громкие аплодисменты.) Мы ненавидим все войны, кроме тех, которые народ вынужден вести против внутреннего угнетения или иноземного вторжения. (Аплодисменты.) Более того, *мы отвергаем самое слово «чужеземец» — отныне оно должно исчезнуть из нашего демократического лексикона.* (Бурные аплодисменты.) Пусть мы принадлежим к ^английской, французской, итальянской или немецкой ветви европейской семьи, нашим общим наименованием является «Молодая Европа», и под этим знаменем мы все вместе вступаем в бой против тирании и неравенства». (Продолжительные и бурные аплодисменты.)

После того как один немецкий коммунист* пропел «Марсельезу», *Вильгельм Вейтлинг* провозгласил второй тост:

«За Молодую Европу! Пусть демократы всех наций, отбросив былое соперничество и национальную рознь, объединятся в братскую фалангу для уничтожения тирании и для полного торжества равенства».

Вейтлинг был встречен с большим энтузиазмом. Недостаточно владея английским языком, он прочитал следующую речь:

«Друзья! Настоящее собрание свидетельствует о том чувстве, которое горит в груди каждого человека, о чувстве всеобщего братства. Пусть в результате полученного нами воспитания мы не пользуемся одними и теми же звуками, когда выражаем друг другу это общее чувство; пусть различия языка мешают нам делиться между собой этим чувством; пусть наши общие враги подхватывают и пускают в ход тысячи предрассудков, чтобы помешать развитию взаимного понимания и всеобщего братства; всё же, несмотря на все эти препятствия, это могучее чувство любви остаётся неискоренимым. (Аплодисменты.) Это чувство влечёт страдальца к товарищу по несчастью, влечёт борца за лучшую жизнь к соратнику в борьбе. (Аплодисменты.) Нашими соратниками были и те, чью революцию мы чествуем сегодня вечером; они были воодушевлены теми же стремлениями, которые соединяют и нас и которые, может быть, приведут нас к подобной же и, будем надеяться, более успешной битве. (Громкие аплодисменты.)

* — Иосиф Молль. *Ред.*

Во времена народных движений, когда привилегии наших внутренних врагов подвергаются большой опасности, эти враги стремятся направить наши предрассудки за пределы нашей естественной родины и заставить нас поверить, что по ту сторону границы люди угрожают нашим общим интересам. Какой обман! Спокойно обдумав всё это, мы очень скоро приходим к убеждению, что наш ближайший враг находится среди нас, в нашей собственной среде. (Возгласы: «Внимание, внимание!» и аплодисменты.) Не внешнего врага должны мы бояться, с этим бедным врагом обращаются так же, как и с нами; так же, как мы, он должен работать на тысячи никчёмных бездельников; как и мы, он поднимает оружие против других людей, понуждаемый к тому голодом и законом и подчиняясь своим страстям, которые находят почву в его невежестве. Власть имущие говорят нам, что наши братья жестоки и хищны; но есть ли более алчные хищники, чем те, кто нами управляет, обучает нас владеть оружием, кто ради сохранения своих привилегий натравливает нас друг на друга и ведёт пас на войну? (Аплодисменты.) Действительно ли наши общие интересы делают войну необходимой? Разве в интересах овец идти под предводительством волков против других овец, ведомых такими же волками? (Громкие аплодисменты.) Именно они—наши самые хищные враги; они отняли у нас всё, что нам принадлежало, и расточают паше добро в распутстве и наслаждениях. (Аплодисменты.) Они отнимают у нас наше собственное добро, потому что всё, что они тратят, произведено нами и должно принадлежать нам, производителям этих благ, нашим жёнам и детям. нашим старикам и больным. (Громкие аплодисменты.) Но посмотрите, как своими хитрыми уловками они отняли у нас всё и передали наше достояние банде ленивых тунеядцев. (Аплодисменты.) Да возможно ли, чтобы какой-нибудь иноземный враг ограбил нас больше, чем грабят нас наши внутренние враги в нашем собственном доме? Возможно ли, чтобы иностранцы истребляли наш народ ещё больше, чем это делают наши бессердечные толстосумы своей биржевой игрой, барышничеством и спекуляциями, своей денежной системой и своими банкротствами, своими монополиями, церковными поборами и земельной рентой; всеми этими средствами они вырывают из наших рук предметы первейшей жизненной необходимости и обрекают на смерть миллионы наших трудящихся братьев, не оставляя им даже достаточно картофеля, чтобы просуществовать! (Бурные аплодисменты.) Не достаточно ли ясно поэтому, что именно те, кто является всем благодаря деньгам и ничем без них, суть истинные враги рабочих во всех странах и что нет среди людей других врагов человеческого рода, кроме врагов рабочих? (Аплодисменты.) И возможно ли, что во время какой-нибудь войны между государствами нас будут обкрадывать и убивать больше, чем обкрадывают и убивают уже сейчас, в так называемое мирное время? Неужели же мы будем поощрять национальные предрассудки, кровопролитие и разбои только ради военной славы? Но что мы выиграем от этой глупой славы? (Аплодисменты.) Какое нам до неё дело, если наш интерес и наши лучшие чувства отвергают её? (Аплодисменты.) Не нам ли приходится расплачиваться за неё? (Аплодисменты.) Не нам ли приходится ради этого трудиться и истекать кровью? (Новый взрыв аплодисментов.) Какой ещё интерес могут представлять для нас все эти завоевательные походы и кровопролития, кроме одного: воспользовавшись обстоятельствами, обратиться против грабителей и палачей—аристократии всех наций? (Восторженные аплодисменты.) Она, эта аристократия, и только она одна систематически промышляет грабежом и убийством. Бедняки являются лишь её невольными невежественными орудиями, она вербует их в любой нации из числа людей, наиболее заражённых национальными предрассудками и желающих видеть все народы под пятой

своего собственного народа. Но приводите их сюда, на наше собрание, и они поймут друг друга, они подадут друг другу руку. Если бы перед какой-нибудь битвой защитники свободы могли обратиться с речью к своим братьям, то битвы бы не было; напротив, вместо неё состоялось бы собрание друзей, подобное нашему. О, если бы мы могли устроить хотя бы одно такое собрание на поле битвы, — как быстро справились бы мы со всеми алчными кровопийцами, которые теперь угнетают и разоряют нас! (Громкие аплодисменты.) Друзья, таково выражение общечеловеческого чувства, жар которого, сосредоточенный в фокусе всеобщего братства, зажигает огонь энтузиазма; он скоро растопит все стоящие на пути ледяные горы, слишком долго разделявшие между собой братьев». (Вейтлинг вернулся на своё место при долго не смолкавших аплодисментах.)

После Вейтлинга выступил д-р *Берье-Фонтен,* старый республиканец, который уже в первые годы господства буржуазии играл в Париже известную роль в Обществе прав человека, в 1834 г. был замешан в апрельском процессе[173], а в следующем году бежал из тюрьмы Сент-Пелажи вместе с остальными обвиняемыми (смотри книгу Луи Блана «История 10 лет»[174]); позже он шёл в ногу с дальнейшим развитием революционной партии во Франции и поддерживал дружественную связь с Pere[*] Кабе. Д-р Берье-Фонтен был встречен бурной овацией и сказал следующее:

«Граждане! Моя речь по необходимости будет краткой, потому что я недостаточно владею английским языком. С невыразимым удовлетворением я вижу, что английские демократы чествуют французскую республику. Я всем сердцем разделяю благородные чувства, которые выразил г-н Джулиан Гарни. Заверяю вас, что французский народ и не думает считать английский народ своим врагом. Если некоторые французские журналисты пишут против английского правительства, то это не значит, что они пишут против английского народа. Правительство Англии ненавистно во всей Европе, потому что это не правительство английского народа, а правительство английской аристократии. (Аплодисменты.) Французские демократы очень далеки от того, чтобы питать вражду к английскому народу, они желают, наоборот, побрататься с ним. (Громкие аплодисменты.) Республиканцы Франции боролись не за одну только Францию, а за всё человечество; они стремились установить равенство и распространить его благословенные плоды на весь мир. (Бурные аплодисменты.) Они объявили всё человечество своими братьями и вели борьбу только против аристократий других нации. (Аплодисменты.) Я могу заверить вас, граждане, что принципы равенства уже возродились к новой жизни. Коммунизм шествует вперёд гигантскими шагами по всей Франции. Коммунистические ассоциации распространились по всей стране, и я надеюсь, что мы скоро доживём до великой конфедерации демократов всех стран. которая обеспечит торжество республиканского коммунизма по всей Европе». (Д-р Фонтен вернулся на своё место под шум возобновившихся аплодисментов.)

После того как тост за «Молодую Европу» был подхвачен тремя громогласными «ура» и «ещё одним ура», почтили память

[*] — Отцом. *Ред.*

Томаса Пэйна и павших демократов всех стран, а затем память демократов Англии, Шотландии и Ирландии; были провозглашены тосты за высланных чартистов Фроста, Уильямса, Джонса и Эллиса, за O'Коннора, Данкомба и других пропагандистов Хартии, а в заключение было провозглашено троекратное «ура» газете «Northern Star». Затем были исполнены демократические песни на всех языках (я не нахожу упоминания только о немецком), и праздник закончился в самой сердечной братской атмосфере.

Итак, состоялось собрание более чем тысячи демократов почти всех европейских наций, которые объединились, чтобы отпраздновать событие, казалось бы совершенно чуждое коммунизму: учреждение французской республики. Не было принято никаких мер для привлечения определённого круга лиц; ничто не указывало, что на собрании речь пойдёт о чём-нибудь другом, кроме как о демократии в понимании лондонских чартистов. Мы можем поэтому считать, что большинство собрания в общем правильно представляло массу лондонских пролетариев-чартистов. И вот это собрание приветствовало с единодушным энтузиазмом коммунистические принципы и самое слово коммунизм. Чартистский митинг явился коммунистическим праздником, и — по признанию самих англичан — «такого энтузиазма, какой царил в тот вечер, в Лондоне не было уже много лет».

Не прав ли я, когда утверждаю, что в наши дни демократия, это — коммунизм?

Написано Ф. Энгельсом в конце 1845 г.
Напечатано в журнале «Rheinische Jahrbucher zur gesellschaftlichen Reform» Bd. II, 1846 г.
Подпись: Ф. Энгельс.

Печатается по тексту журнала

Перевод с немецкого

ЗАЯВЛЕНИЕ

Как сообщает «Rheinischer Beobachter»[175] от 18 января (№ 18), в «Trier'sche Zeitung» появилось извещение от редакции, в котором в числе самых различных писателей в качестве сотрудника этой газеты назван также «Маркс». Во избежание всяких недоразумений заявляю, что я *ни разу* не написал *ни одной* строчки для этой газеты, буржуазно-филантропические, отнюдь не коммунистические тенденции которой мне совершенно чужды.

Брюссель, 18 января 1846 г.

Карл Маркс

Напечатано в «Trier'sche Zeitung» № 26, 26 января 1846 г.

Печатается по тексту газеты
Перевод с немецкого

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *«Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании»* — первое совместное произведение К. Маркса и Ф. Энгельса. Эта работа, написанная в сентябре — ноябре 1844 г., вышла в свет в феврале 1845 г. во Франкфурте-на-Майне.

«Святое семейство» — шуточное прозвище братьев Бауэров и их последователей, группировавшихся вокруг «Allgemeine Literatur-Zeitung» («Всеобщей литературной газеты»). Выступая против Бауэров и других младогегельянцев (или левогегельянцев), Маркс и Энгельс подвергают вместе с тем критике и идеалистическую философию самого Гегеля.

Глубокие разногласия с младогегельянцами обнаружились у Маркса уже летом 1842 г., когда в Берлине образовался кружок так называемых «Свободных». Став в октябре 1842 г. редактором «Rheinische Zeitung» («Рейнской газеты»), в которой сотрудничали и некоторые берлинские младогегельянцы, Маркс воспротивился опубликованию в газете бессодержательных, претенциозных статей, исходивших от кружка «Свободных», оторванного от действительной жизни и поглощённого абстрактными философскими спорами. За два года, прошедшие после разрыва Маркса со «Свободными», теоретические и политические разногласия между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и младогегельянцами, с другой, приняли глубочайший, непримиримый характер. Это объяснялось не только переходом Маркса и Энгельса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму, но и той эволюцией, которую проделали за это время братья Бауэры и их единомышленники. На страницах «Allgemeine Literatur-Zeitung» Бауэр и его группа отреклись от «радикализма 1842 г.», и от «Rheinische Zeitung» как наиболее яркого его выражения; они скатились к самому пошлому, вульгарному субъективному идеализму—к пропаганде «теории», согласно которой лишь избранные личности, носители «духа», «чистой критики» являются творцами истории, а масса, народ, служит якобы лишь косным материалом, балластом в историческом процессе.

Разоблачению этих вредных, реакционных идей и защите своих новых, материалистических и коммунистических воззрений Маркс и Энгельс решили посвятить свой первый совместный труд.

Во время десятидневного пребывания Энгельса в Париже был разработан план книги, названной сначала «Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании», были распределены её разделы и написано «Предисловие». Энгельс написал свои разделы ещё до отъезда из Парижа. Маркс, на долю которого досталась большая часть книги, продолжал работать над ней до конца ноября 1844 года; при этом он значительно увеличил намеченный объём книги, использовав для написанных им разделов часть экономическо-философских рукописей, над которыми он работал весной и летом 1844 **г.,** а также свои исследования по истории французской буржуазной революции конца XVIII в. и ряд своих выписок и конспектов. В процессе печатания книги Маркс дополнил заголовок словами: «Святое семейство». В оглавлении книги было указано, какие разделы написаны Марксом и какие Энгельсом (см. содержание настоящего тома, стр. 646—648). То обстоятельство, что объём книги, при небольшом формате, превысил 20 печатных листов, избавило её, согласно существовавшим тогда в ряде германских государств правилам, от предварительной цензуры.—*3*.

[2] *«Allgemeine Literatur-Zeitung»* («Всеобщая литературная газета») — немецкий ежемесячник, издавался младогегельянцем Б. Бауэром в Шарлоттенбурге с декабря 1843 по октябрь 1844 года. — *7*.

[3] Имеется в виду опубликованная в I и II выпусках «Allgemeine Literatur-Zeitung» (декабрь 1843 г. и январь 1844 г.) статья К. Рейхардта «Сочинения о пауперизме». — *9*.

[4] *«Muhleigner»* (буквально: «собственник мельницы»)—не существующее в немецком языке слово, образованное путём перевода английского слова mill-owner — владелец фабрики, фабрикант. Энгельс высмеивает здесь сотрудника «Allgemeine Literatur-Zeitung» Ю. Фаухера, который употреблял в своих статьях образованные им на английский манер слова. — *12*.

[5] Энгельс имеет в виду статью Ю. Фаухера «Злободневные вопросы английской жизни», помещённую в VII и VIII выпусках «Allgemeine Literatur-Zeitung» (июнь и июль 1844 г.).—*12*.

[6] *Лига против хлебных законов* была основана в 1838 г. манчестерскими фабрикантами Кобденом и Брайтом. Так называемые хлебные законы, направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, были введены в Англии в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Выставляя требование полной свободы торговли, Лига добивалась отмены хлебных законов с целью снижения заработной платы рабочих и ослабления экономических и политических позиций земельной аристократии. В своей борьбе против землевладельцев Лига пыталась использовать рабочие массы. Однако именно к этому времени передовые рабочие Англии встали на путь самостоятельного политически оформленного рабочего движения (чартизм).

Борьба между промышленной буржуазией и земельной аристократией из-за хлебных законов закончилась принятием в 1846 **г.** билля об их отмене. — *14*.

[7] Борьба за законодательное ограничение рабочего дня десятью часами началась в Англии ещё в конце XVIII в. и с начала 30-х годов XIX в. охватила широкие массы пролетариата. Поскольку представители земельной аристократии стремились использовать этот популярный

лозунг в своей борьбе против промышленной буржуазии, они выступали в парламенте в защиту билля о десятичасовом рабочем дне; с 1833 г. во главе сторонников этого билля в парламенте стоял «тори-филантроп» лорд Эшли. — *14.*

[8] Слова Б. Бауэра из его книги «Die gute Sache der Freiheit und meine eigene Angelegenheit». Zurich und Winterthur, 1842 («Правое дело свободы и моё собственное дело». Цюрих и Винтертур, 1842). — *17.*

[9] Речь идёт о статье «Г-н Науверк и философский факультет», помещённой в VI выпуске «Allgemeine Literatur-Zeitung» (май 1844 г.) за подписью «J.» — начальная буква фамилии Юнгница (Jungnitz). — *18.*

[10] Имеется в виду смещение с должности Б. Бауэра, которого прусское правительство в октябре 1841 г. временно, а в марте 1842 г. окончательно лишило права читать лекции в Боннском университете за его работы, посвящённые критике библии. — *18.*

[11] Энгельс разбирает и цитирует в этом разделе опубликованную в V выпуске «Allgemeine Literatur-Zeitung» (апрель 1844 г.) рецензию Э. Бауэра на книгу: Flora Tristan. «L'Union ouvriere». Paris, 1843 (Флора Тристан. «Рабочий союз». Париж, 1843). —*20.*

[12] G. W. F. Hegel. «Phanomenologie des Geistes» (Г. В. Ф. Гегель. «Феноменология духа»). Первое издание этой работы вышло в 1807 году. При работе над «Святым семейством» Маркс пользовался томом II второго издания Сочинений Гегеля (Hegel. Werke. 2-te Aufl., Bd. II, Berlin, 1841).— *23.*

[13] Из стихотворения Шиллера «Дева с чужбины». — *24.*

[14] Речь идёт о книге: P. J. Proudhon. «Qu'est-ce que la propriete? ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement» (П. Ж. Прудон. «Что такое собственность? или Исследование о принципе права и власти»); первое издание вышло в Париже в 1840 году. Маркс цитирует по парижскому изданию 1841 года.

Книга «Что такое собственность?», написанная с противоречивой мелкобуржуазной точки зрения, при своём выходе в свет произвела сильное впечатление содержавшимися в ней острыми нападками на частную собственность. Всестороннюю критическую оценку этой книги Маркс дал в своей статье «О Прудоне», опубликованной в форме письма к редактору «Social-Demokrat» Швейцеру в 1865 году.

Критикуемая Марксом в данном разделе «Святого семейства» статья Э. Бауэра «Прудон» помещена в V выпуске «Allgemeine Literatur-Zeitung» (апрель 1844 г.).—*25.*

[15] Маркс имеет в виду объединявшуюся вокруг парижской газеты «La Reforme» («Реформа») политическую группировку, в которую входили мелкобуржуазные демократы-республиканцы и мелкобуржуазные социалисты. — *26.*

[16] *«Deutsch-Franzosische Jahrbuchen* («Немецко-французский ежегодник») — издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нём были опубликованы произведения К. Маркса: «К еврейскому

вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса: «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. настоящее издание, том 1, стр. 382—413, 414—429, 544—571, 572—597). Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса к материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге. — *34.*

[17] G. W. F. Hegel. Werke. Bd. VIII, S. 256, Berlin, 1833. «Grundlinien der Philosophie des Rechts», § 190 (Г. В. Ф. Гегель. Сочинения. Т. VIII, стр. 256, Берлин, 1833. «Основы философии права», § 190). Первое издание этой работы вышло в Берлине в 1821 году. — *44.*

[18] J. B. Say. «Traite d'economie politique». Первое издание вышло в Париже в 1803 г., цитируемое Марксом третье издание — в 1817 году. — *47.*

[19] Слова из произведения Ш. Конта «Traite de la propriete». Т. I, p. 52, Paris, 1834 («Трактат о собственности». Т. I, стр. 52, Париж, 1834), приведённые Прудоном на стр. 93 его книги «Что такое собственность?» (издание 1841 г.).—*48.*

[20] A. Smith. «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations». Первое издание вышло в Лондоне в 1776 году. — *54.*

[21] Имеется в виду напечатанная в VII выпуске «Allgemeine Literatur-Zeitung» (июнь 1844 г.) рецензия Шелиги на роман французского писателя Эжена Сю «Парижские тайны», написанный в духе сентиментально-мещанской социальной фантазии; роман вышел в Париже в 1842—1843 гг. и получил широкую известность не только во Франции, но и за её пределами. — *59.*

[22] Мольер. «Мещанин во дворянстве», акт II, сцена шестая.—*60.*

[23] Речь идёт о Конституционной хартии (Charte constitutionnelle), принятой после буржуазной революции 1830 г. во Франции и являвшейся основным законом Июльской монархии. Выражение «хартия-истина» является ироническим намёком на заключительные слова прокламации Луи-Филиппа от 31 июля 1830 года: «отныне хартия будет истиной». — *61.*

[24] Маркс перефразирует двустишие Гёте из «Фауста», часть I, сцена шестая («Кухня ведьмы»),—*68.*

[25] Цитата из произведения Ш. Фурье «Теория всемирного единства» («Theorie de l'unite universelle»), том III, часть II, глава 3. Первое издание этого произведения вышло в 1822 г. под заглавием: «Traite de l'association domestique-agricole» («Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации»). — *72.*

[26] A. A. Monteil. «Histoire des francais des divers etats aux cinq derniers siecles». T. I-X, Paris, 1828—1844 (A. A. Монтей. «История французов различных сословий за последние пять столетий». Тт. I—X, Париж, 1828—1844).—*77.*

[27] Шекспир. «Всё хорошо, что хорошо кончается», акт I, сцена третья. — *77.*

[28] Polydori Vergilii liber de rerum inventoribus. Lugduni, 1706. — *78.*

[29] Froment. «La Police devoilee depuis la Restauration et notamment sous M. M. Franchet et Delavau». T. I—III, Paris, 1829 (Фроман. «Разоблачённая полиция со времени Реставрации и в частности при гг. Франше и Делаво». Тт. I—III, Париж, 1829).— *81.*

[30] G. W. F. Hegel. «Encyclopadie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse» (Г. В. Ф. Гегель. «Энциклопедия философских наук в сжатом очерке»). Первое издание этой книги вышло в 1817 году. Маркс пользовался третьим изданием, вышедшим в 1830 году.—*86.*

[31] Здесь и далее цитируется статья Б. Бауэра «Новейшие сочинения по еврейскому вопросу», помещённая в I выпуске «Allgemeine Literatur-Zeitung» (декабрь 1843 г.); эта статья являлась ответом Бауэра на критику, которой подверглась в печати его книга «Еврейский вопрос». — *86.*

[32] Книга: B. Bauer. «Die Judenfrage» (Б. Бауэр. «Еврейский вопрос») представляет собой перепечатку, с некоторыми дополнениями, статей Б. Бауэра на эту же тему, опубликованных в журнале «Deutsche Jahrbucher» («Немецкий ежегодник») в ноябре 1842 года. Книга вышла в Брауншвейге в 1843 году. — *86.*

[33] Имеется в виду еженедельная газета *«Revolutions de Paris»* («Парижские революции»), выходившая в Париже с июля 1789 по февраль 1794 года. До сентября 1790 г. газету редактировал революционный публицист, демократ Элизе Лустало. — *90.*

[34] «Предварительные тезисы к реформе философии» Л. Фейербаха, написанные в январе 1842 г. и запрещённые цензурой в Германии, были опубликованы в 1843 г. в Швейцарии во втором томе сборника «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik» («Неизданное из области новейшей немецкой философии и публицистики»). В этот двухтомный сборник входили также статьи К. Маркса, Б. Бауэра, Ф. Кёппена, А. Руге и других. — *91.*

[35] *Доктринёры* — группа французских буржуазных политических деятелей периода Реставрации (1815—1830); будучи конституционными монархистами, ярыми врагами демократического и революционного движения, доктринёры стремились создать во Франции блок буржуазии и дворянства по английскому образцу; наиболее известными из доктринёров были историк Ф. Гизо и философ П. Руайе-Коллар, воззрения которого представляли собой реакцию в области философии против французского материализма XVIII в. и демократических идей французской буржуазной революции. — *93.*

[36] Маркс имеет в виду статью Б. Бауэра «Новейшие сочинения по еврейскому вопросу», опубликованную в I выпуске «Allgemeine Literatur-Zeitung» (декабрь 1843 г.).—*95.*

[37] G. W. F. Hegel. Werke. Bd. VIII, S. 12, Berlin, 1833. «Grundlinien der Philosophie des Rechts», Vorrede (Г. В. Ф. Гегель. Сочинения. Т. VIII, стр. 12, Берлин, 1833. «Основы философии права», Предисловие).—*96.*

[38] Речь идёт о статье К. Маркса «К еврейскому вопросу». См. настоящее издание, том 1, стр. 382—413.—*96.*

[39] Имеется в виду рецензия Б. Бауэра на первый том курса лекций *правого* гегельянца Хинрикса, изданный в Галле в 1843 г. под заглавием: «Politische Vorlesungen». Bd. I—II («Политические лекции». Тт. I—II). Эта рецензия Бауэра была напечатана в I выпуске «Allgemeine Literatur-Zeitung» (декабрь 1843 г.). Дальше, в разделе «Хинрикс, № 2», речь идёт о напечатанной в V выпуске (апрель 1844 г.) того же ежемесячника рецензии Б. Бауэра на второй том этих лекций. —*99.*

[40] «Staat, Religion und Parthei». Leipzig, 1843. Книга Б. Бауэра вышла анонимно. — *100.*

[41] L. Feuerbach. «Grundsatze der Philosophie der Zukunft». Zurich und Winterthur, 1843 (Л. Фейербах. «Основные положения философии будущего». Цюрих и Винтертур, 1843).— *101.*

[42] Эта и следующие цитаты взяты из второй статьи Б. Бауэра, написанной против критиков его книги «Еврейский вопрос». Вторая статья Б. Бауэра, озаглавленная, как и первая, «Новейшие сочинения по еврейскому вопросу», напечатана в IV выпуске «Allgemeine Literatur-Zeitung» (март 1844 г.). — *104.*

[43] Название статьи Б. Бауэра, напечатанной в VIII выпуске «Allgemeine Literatur-Zeitung» (июль 1844 г.). Почти все цитаты из «Allgemeine Literatur-Zeitung», приведённые Марксом в разделе «Третий поход абсолютной критики», взяты из этой статьи.—*109.*

[44] *«Deutsche Jahrbucher* — сокращённое название литературно-философского журнала младогегельянцев «Deutsche Jahrbucher fur Wissenschaft und Kunst» («Немецкий ежегодник по вопросам науки и искусства»). Журнал издавался в Лейпциге под редакцией А. Руге с июля 1841 года. Ранее (1838—1841) журнал выходил под названием «Hallische Jahrbucher fur deutsche Wissenschaft und Kunst» («Галлеский ежегодник по вопросам немецкой науки и искусства»). Перенесение местопребывания редакции из прусского города Галле в Саксонию и перемена названия журнала были вызваны угрозой запрещения «Hallische Jahrbucher» в пределах Пруссии. Но и под новым названием журнал просуществовал недолго. В январе 1843 г. журнал «Deutsche Jahrbucher» был закрыт саксонским правительством и запрещён постановлением Союзного сейма на всей территории Германии. — *110.*

[45] *«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe»* («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы. С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из её редакторов. В «Rheinische Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать всё более определённый революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особо строгую цензуру, а затем закрыло её. — *110.*

[46] B. Bauer. «Das entdeckte Christenthum». Zurich und Winterthur, 1843. — *111.*

[47] B. Bauer. «Kritik der evangelischen Geschichte der Synoptiker», Bd. 1—2, Leipzig, 1841; Bd. 3, Braunschweig, 1842 (Б. Бауэр. «Критика евангельской истории синоптиков». Тт. 1—2, Лейпциг, 1841; т. 3, Брауншвейг, 1842). Синоптиками в литературе по истории религии называют составителей трёх первых евангелий. — *115.*

[48] Имеется в виду статья К. Маркса «К еврейскому вопросу». См. настоящее издание, том 1, стр. 382—413. — *118.*

[49] Речь идёт о статье Б. Бауэра «Способность современных евреев и христиан стать свободными», опубликованной в сборнике «Einundzwanzig Bogen aus der Schweiz» («Двадцать один лист из Швейцарии»). Сборник был издан в 1843 г. в Цюрихе и Винтертуре мелкобуржуазным демократом, поэтом Г. Гервегом. — *118.*

[50] «Die evangelische Landeskirche Preussens und die Wissenschaft». Leipzig, 1840 («Евангелическая церковь в Пруссии и наука». Лейпциг, 1840). Эта книга Б. Бауэра была издана анонимно. — *124.*

[51] *Cercle social* (Социальный кружок) — организация, созданная представителями демократической интеллигенции, действовала в Париже в первые годы французской буржуазной революции конца XVIII века. Место Cercle social в истории коммунистических идей определяется тем, что его идеолог К. Фоше выдвигал требования уравнительного передела земли, ограничения крупных состояний, а также требование предоставления работы всем трудоспособным гражданам. Данная К. Фоше критика формального равенства, провозглашённого в документах французской революции, подготовила значительно более смелые выступления по этому вопросу руководителя «бешеных» Жака Ру. — ***132.***

[52] P. J. G. Cabanis. «Rapports du physique et du moral de 1'homme». Первое издание вышло в Париже в 1802 году. Значительная часть этого произведения была опубликована в 1798 и 1799 гг. в учёных записках Французской Академии наук. — *140.*

[53] *Янсенисты* (по имени голландского теолога Янсения) — представители оппозиционного течения среди католиков во Франции в XVII и начале XVIII в., которое выражало недовольство части французской буржуазии феодальной идеологией официального католицизма. — *140.*

[54] J. Locke. «An Essay concerning Human Understanding» (Дж. Локк. «Опыт о человеческом разуме»). Первое издание вышло в Лондоне в 1690 году. — *142.*

[55] «Essai sur l'origine des connaissances humaines». Первое издание книги Кондильяка вышло анонимно в Амстердаме в 1746 году. — *144.*

[56] Helvetius. «De l'homme, de ses facultes intellectuelles et de son education» (Гельвеций. «О человеке, о его умственных способностях и его воспитании»). Впервые эта работа была издана после смерти автора в Гааге в 1773 г. при содействии русского посла в Голландии Д. А. Голицына. — *144.*

[57] «L'homme machine». Leyde, 1748. Книга Ламетри, вышедшая анонимно в Лейдене, была предана сожжению, а сам автор — изгнан из Голландии, куда он эмигрировал из Франции в 1745 году. — *145.*

[58] Первое издание книги Гольбаха «Systeme de la Nature, ou Des Lois du Monde Physique et du Monde Moral» («Система природы, или О законах мира физического и мира духовного») вышло в 1770 году; автором книги, в целях конспирации, был указан умерший в 1760 г. секретарь Французской Академии Ж. Б. Мирабо. — *145.*

[59] J. B. Robinet. «De la Nature». Первое издание, в четырёх томах, вышло в Амстердаме в 1763—1766 годах. — *145.*

[60] G. W. F. Hegel. «Vorlesungen uber die Geschichte der Philosophie» (Г. В. Ф. Гегель. «Лекции по истории философии»); эта работа впервые была опубликована в первом издании Сочинений Гегеля (Hegel. Werke. Bd. XIII—XV, Berlin, 1833—1836). — *146.*

[61] О журнале «Hallische Jahrbucher» см. примечание 44. — *147.*

[62] Helvetius. «De l'Esprit». T. I—II, Paris, 1822. Первое издание книги Гельвеция, вышедшее анонимно в Париже в 1758 г., было сожжено палачом в 1759 году. — *147.*

[63] Речь идёт о книге Гольбаха: «Systeme social, ou Principes naturels de la morale et de la politique». T. I—II, Paris, 1822 («Социальная система, или Естественные принципы морали и политики». Тт. I—II, Париж, 1822). Первое издание книги Гольбаха, в трёх томах, вышло анонимно в 1773 году. — *148.*

[64] «Theorie des peines et des recompenses». Ouvrage extrait des manuscrits de M. Jeremie Bentham. T. I—II, 3-me ed., Paris, 1825—1826 («Теория наказаний и наград». Извлечение из рукописей г-на Иеремии Бентама. Тт. I—II, 3-е изд., Париж, 1825—1826). Первое издание вышло в 1811 году. —*148.*

[65] *«Allgemeine Zeitung»* («Всеобщая газета») — немецкая ежедневная реакционная газета, основана в 1798 году; с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. — *148.*

[66] L. Stein. «Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs». Leipzig, 1842 (Л. Штейн. «Социализм и коммунизм современной Франции». Лейпциг, 1842). Автор книги, как выяснилось впоследствии, был тайным агентом прусского правительства. — *149.*

[67] Имеется в виду «Наука логики» («Wissenschaft der Logik»). Маркс цитирует по второму изданию Сочинений Гегеля (G. W. F. Hegel. Werke. 2-te Aufl., Bd. V, Berlin, 1841). Впервые эта работа Гегеля была издана, в трёх томах, в 1812—1816 годах. —*153.*

[68] Гёте. «Фауст», часть I, сцена третья («Кабинет Фауста»).—*157.*

[69] *«Zeitschrift fur spekulative Theologie»* («Журнал спеулятивной теологии»)—журнал, издававшийся в Берлине в 1836—1838 гг. под редакцией Б. Бауэра, который принадлежал тогда к группе правых гегельянцев. — *158.*

[70] Из одноактной комедии французского писателя Ж. Ф. Мармонтеля «Люсиль», сцена четвёртая. — *159.*

[71] Рассказ Э. Бауэра «Да здравствуют твёрдые принципы!» напечатан в книге: A. Weill und E. Bauer. «Berliner Novellen». Berlin, 1843 (А. Вейль и Э. Бауэр. «Берлинские новеллы». Берлин, 1843).—*162.*

[72] *«Берлинским кружком»* («Berliner Couleur») корреспондент «Allgemeine Literatur-Zeitung» называет берлинских младогегельянцев, не принадлежавших к группе Б. Бауэра и по мелким, частным вопросам критиковавших «Allgemeine Literatur-Zeitung»; в их числе был Макс Штирнер. — *164.*

[73] Маркс имеет в виду статью Б. Бауэра «Страдания и радости теологического сознания» во втором томе сборника «Anekdota zur neuesten deutschen Philosophie und Publicistik». — *168.*

[74] *«La Democratie pacifique»* («Мирная демократия») — ежедневная газета фурьеристов, выходившая в Париже в 1843—1851 гг. под редакцией В. Консидерана.—*168.*

[75] Гейне. «Северное море» (цикл второй, стихотворение «Вопросы»). — *173.*

[76] Из немецкой народной песни «Монашенка». — *178.*

[77] Из немецкой народной комической повести «Семь швабов». — *180.*

[78] Гёте. «Кроткие ксении». — *193.*

[79] *«Journal des Debats»* — сокращённое название французской ежедневной буржуазной газеты «Journal des Debats politiques et litteraires» («Газета политических и литературных дебатов»), основанной в Париже в 1789 году. В период Июльской монархии — правительственная газета, орган орлеанистской буржуазии.—*208.*

[80] *«Le Siecle»* («Век») — ежедневная газета, выходившая в Париже с 1836 по 1939 год. В 40-х годах XIX в. отражала взгляды той части мелкой буржуазии, которая ограничивалась требованием умеренных конституционных реформ. — *208.*

[81] Имеется в виду газета *«Petites affiches»* («Маленькие объявления») — старейшее французское периодическое издание, основанное в Париже в 1612 году; своего рода информационный листок, в котором печатались различные объявления и извещения. — *208.*

[82] *«Satan»* («Сатана») — небольшая буржуазная газета сатирического жанра, выходившая в Париже в 1840—1844 годах.—*209.*

[83] Маркс цитирует следующие произведения Ш. Фурье: «Теория четырёх движений и всеобщих судеб» («Theorie des quatre mouvements et des destinees generales»—первое издание вышло в 1808 г.), «Новый хозяйственный и социетарный мир» («Le nouveau monde industriel et societaire»—первое издание вышло в 1829 г.), а также «Теория всемирного единства» (см. примечание 25).—*214.*

[84] Chaptal. «De l'Industrie francoise». T. I—II, Paris, 1819. —*219.*

[85] *Фортунат* — герой немецкого народного сказания, обладатель чудесного неиссякаемого кошелька и волшебной шапочки. — *219.*

[86] Из книги Ш. Фурье «Теория четырёх движений и всеобщих судеб», часть II, эпилог.—*219.*

[87] Имеются в виду утратившие свою власть мелкие немецкие князья, владения которых были присоединены к территории более крупных германских государств в результате перекройки политической карты Германии во время наполеоновских войн и Венского конгресса (1814— 1815).— *222.*

[88] *«Молодая Англия»* — группа английских политических деятелей и литераторов, принадлежавших к партии тори; образовалась в начале 40-х годов XIX века. Выражая недовольство земельной аристократии усилением экономического и политического могущества буржуазии, деятели «Молодой Англии» прибегали к демагогическим приёмам, чтобы подчинить своему влиянию рабочий класс и использовать его в своей борьбе против буржуазии. В «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс характеризуют их взгляды как «феодальный социализм». — *223.*

[89] Маркс цитирует, с ироническими вставками, корреспонденцию Хирцеля из Цюриха, помещённую в V выпуске «Allgemeine Literatur-Zeitung» (апрель 1844 г.).— *229.*

[90] Из французской застольной песенки. — *230.*

[91] Книга *«Положение рабочего класса в Англии»* была написана Ф. Энгельсом в Бармене в сентябре 1844—марте 1845 года. Изучением условий жизни английского пролетариата Энгельс занимался во время своего пребывания в Англии (ноябрь 1842 — август 1844 г.), предполагая осветить этот вопрос в одной из глав задуманной им работы по социальной истории Англии; однако уяснение особой роли пролетариата в буржуазном обществе побудило Энгельса посвятить исследованию положения английского рабочего класса отдельный труд.

Первое издание книги вышло на немецком языке в 1845 г. в Лейпциге. Второе немецкое издание вышло в 1892 году. К этому времени появилось два издания авторизованного перевода книги на английский язык (Нью-Йорк, 1887 г. и Лондон, 1892 г.). При подготовке новых изданий своей книги Энгельс не внёс в текст каких-либо существенных изменений. Однако в «Приложении к американскому изданию» (1887 г.), которое почти полностью вошло в предисловия к английскому и немецкому изданиям 1892 г., Энгельс счёл необходимым предупредить читателя, что «Положение рабочего класса в Англии» нельзя рассматривать как произведение зрелого марксизма. «...В этой книге,—писал он,—повсюду можно найти следы происхождения современного социализма от одного из его предков — немецкой классической философии. Так, например, в книге (особенно в конце) делается сильное ударение на то, что коммунизм есть не просто партийная доктрина рабочего класса, а теория, конечная цель которой—освобождение всего общества, включая и капиталистов, от тесных рамок современных отношений. В абстрактном смысле это утверждение верно, но на практике оно бесполезно, и большей частью даже хуже того. Поскольку имущие классы не только сами не испытывают никакой потребности в освобождении, но даже противятся всеми силами самоосвобождению рабочего класса, постольку рабочий класс должен один подготовить и провести социаль-

ную революцию». Энгельс объясняет далее, почему высказанное им в 1845 г. предположение о близости социальной революции в Англии не подтвердилось: упадок чартизма после 1848 г. и временную победу оппортунизма в английском рабочем движении Энгельс ставит в прямую связь с промышленной монополией Англии на мировом рынке и выражает уверенность в том, что с утратой Англией её монопольного положения «социализм снова появится в Англии». — *231.*

[92] Своё обращение «К рабочему классу Великобритании» Энгельс написал на английском языке, намереваясь отпечатать его отдельно и разослать некоторым лидерам английских политических партий, литераторам и членам парламента. В немецких изданиях книги «Положение рабочего класса в Англии» 1845 и 1892 гг. обращение было воспроизведено на английском языке, в американское (1887 г.) и английское (1892 г.) издания оно включено не было. — *235.*

[93] Имеется в виду восстание силезских ткачей 4—6 июня 1844 г. — первая крупная классовая схватка между пролетариатом и буржуазией в Германии, — а также волнения среди чешских рабочих, в том числе ткачей в окрестностях Праги, летом 1844 года. — *240.*

[94] В настоящее время некоторые факты, приведённые Энгельсом, могут быть уточнены. Так известно, что Аркрайт не был изобретателем прядильной машины, а присвоил ряд чужих изобретений, сделанных в Англии. Энгельсу также не было известно о ряде открытий и изобретений, сделанных в других странах, в частности в России. Так, например, Энгельс не знал о создании русским изобретателем И. И. Ползуновым (1728—1766) первого парового двигателя в 1763 году. Этот двигатель не нашёл применения в условиях крепостной России, тогда как паровая машина, изобретённая Дж. Уаттом, уже вскоре получила широкое распространение в английской промышленности. — *249.*

[95] *«Durham Chronicle»* («Дургамская хроника») — еженедельная газета, издаётся в Дургаме (Англия) с 1820 года; в 40-х годах XIX в. имела буржуазно-либеральное направление. — *254.*

[96] Речь идёт о реформе избирательного права, проведённой английским парламентом в июне 1832 года. Реформа была направлена против политической монополии земельной и финансовой аристократии и открыла доступ в парламент представителям промышленной буржуазии. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой в борьбе за реформу, были обмануты либеральной буржуазией и не получили избирательных прав.—*258.*

[97] О парламентской сессии 1844 г. см. также настоящий том, стр. 402— 403, 503 и 512.— *258.*

[98] См. настоящее издание, том 1, стр. 544—571.—*261.*

[99] Энгельс цитирует сообщение пастора Олстона, первоначально опубликованное в буржуазно-радикальном органе «The Weekly Dispatch» («Еженедельное сообщение») и затем перепечатанное в чартистской газете «The Northern Star» («Северная звезда») № 338, 4 мая 1844 года. — *268.*

[100] *«The Times»* («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; основана в Лондоне в 1785 году. —*270.*

[101] Цитируемый Энгельсом отчёт комитета, избранного жителями Хаддерсфилда 19 июля 1844 г. для обследования санитарных условий города, был напечатан в газете «The Northern Star» № 352, 10 августа 1844 года. — *279.*

[102] *Керсолл-Мур* — холм близ Манчестера, где происходили собрания рабочих. Энгельс называет его «Священной горой» по аналогии со Священной горой в древнем Риме, куда, согласно преданию, в 494 г. до н. э. удалились плебеи, восставшие против патрициев. — *282.*

[103] *«The Manchester Guardian»* («Манчестерский страж») — английская буржуазная газета, орган сторонников свободной торговли (фритредеров), позже орган либеральной партии; выходит в Манчестере с 1821 года.— *305.*

[104] Цитируемое Энгельсом сообщение пастора У. Чампниса о положении лондонских докеров, первоначально опубликованное в еженедельнике «The Weekly Dispatch», было перепечатано в газете «The Northern Star» № 338, 4 мая 1844 года. — *321.*

[105] Статья Р. Кауэна «Статистика рождаемости и смертности в Глазго как иллюстрация к санитарному положению населения» была напечатана в «Journal of the Statistical Society of London» («Журнале Лондонского статистического общества») в октябре 1840 года.—*340.*

[106] Специальный закон об упорядочении строительства в Лондоне (Metropolitan Buildings Act) был принят английским парламентом в 1844 году. — *343.*

[107] *Закон 1802 г.* ограничивал рабочее время детей-учеников 12 часами и запрещал использовать их на ночной работе. Этот закон распространялся только на хлопчатобумажную и шерстяную промышленность; он не предусматривал контроля со стороны фабричной инспекции и фактически не соблюдался фабрикантами. — *379.*

[108] *Закон 1819 г.* запрещал на хлопчатобумажных прядильных и ткацких фабриках работу детей до 9 лет, а также ночную работу детей и подростков до 16 лет; для тех и других рабочий день был ограничен 12 часами, не считая перерывов для еды; так как эти перерывы устраивались фабрикантами произвольно, то рабочий день фактически растягивался до 14 часов и больше.

Закон 1825 г. устанавливал, что перерывы для еды не должны в общей сложности превышать $1^1/_2$ часов в день, с тем чтобы рабочий день в целом не превышал $13^1/_2$ часов. Как и закон 1819 г., закон 1825 г. не предусматривал контроля со стороны фабричной инспекции и не соблюдался фабрикантами.—*397.*

[109] *«The Fleet papers»* («Флитские записки») — еженедельник в виде писем-памфлетов, который Остлер, находившийся во Флитской долговой тюрьме, выпускал в 1841—-1844 годах. — *401.*

[110] *«The Northern Star»* («Северная звезда») — английская еженедельная газета, центральный орган чартистов; основана в 1837 году; выходила

до 1852 г., сначала в Лидсе, а с ноября 1844 г. в Лондоне. Основателем и редактором газеты был Ф. О'Коннор, в 40-х годах газету редактировал также Дж. Гарни. С сентября 1845 до марта 1848 г. в газете сотрудничал Ф. Энгельс. — *408.*

[111] Немецкий перевод стихотворения Э. Мида «Король-пар» («The Steam-King») был сделан Ф. Энгельсом; в английском тексте этого стихотворения, напечатанном в газете «The Northern Star» № 274, 11 февраля 1843 г., имеются ещё две строфы; для настоящего издания русский перевод сделан С. Маршаком. — *412.*

[112] *«Revue des deux Mondes»* («Обозрение Старого и Нового света») — двухнедельный буржуазный литературно-художественный и публицистический журнал, издаётся в Париже с 1829 года. — *424.*

[113] По преданию, римский патриций Менений Агриппа уговорил восставших в 494 г. до н. э. плебеев смириться, рассказав им басню о частях человеческого тела, возмутившихся против желудка. — *447.*

[114] Имеются в виду вызванные провокаторами столкновения чартистов с полицией в Шеффилде, Брадфорде и других городах. Эти столкновения повлекли за собой многочисленные аресты лидеров и участников движения. — *454.*

[115] *Mechanics' Institutions* — вечерние школы, в которых рабочим преподавались некоторые общеобразовательные и технические предметы; впервые такие школы появились в Англии в 1823 г. (в Глазго) и в 1824 г. (в Лондоне). В начале 40-х годов XIX в. их насчитывалось *более* двухсот, главным образом в фабричных городах Ланкашира и Йоркшира. Буржуазия использовала эти школы для подготовки необходимых промышленности квалифицированных рабочих и для подчинения этих рабочих своему влиянию. — *461.*

[116] D. F. Straus. «Das Leben Jesu». Bd. 1—2, Tubingen, 1835—1836 (Д. Ф. Штраус. «Жизнь Иисуса». Тт. 1—2, Тюбинген, 1835—1836). О книге Прудона см. примечание 14. — *462.*

[117] *«The Mining Journal»* («Горный журнал») — еженедельный экономический и технический журнал, основан в Лондоне в 1835 году. — *472.*

[118] Закон, запрещавший использовать для работ под землёй женщин, а также детей моложе 10 лет, был принят парламентом 10 августа 1842 года.— *473.*

[119] *Суд королевской скамьи* — один из старейших судов в Англии; в XIX в. (до 1873 г.) являлся самостоятельным высшим судом, рассматривал уголовные и гражданские дела, обладая правом пересмотра решений ряда нижестоящих судов. — *476.*

[120] *Writ of Habeas Corpus* — принятое в английской судебной практике название документа, предписывающего соответствующей инстанции по требованию заинтересованных лиц доставить арестованного в суд для проверки законности ареста. По рассмотрении причин ареста суд либо освобождает арестованного, либо отсылает его обратно в тюрьму, или отпускает на свободу под залог или поручительство. Указанная

процедура, регулируемая актом 1679 г., не распространяется на дела по обвинению в государственной измене и может быть приостановлена решением парламента. — *476.*

[121] *Англо-ирландская уния* была навязана Ирландии английским правительством после подавления ирландского восстания 1798 года. Уния, вступившая в силу с 1 января 1801 г., уничтожила последние следы автономии Ирландии и упразднила ирландский парламент. Требование отмены унии (Repeal of Union) стало с 20-х годов XIX в. наиболее популярным лозунгом в Ирландии; в 1840 г. была основана Ассоциация рипилеров. — *494.*

[122] См. настоящее издание, том 1, стр. 572—597.—*496.*

[123] *«Laissez faire, laissez aller»* — «предоставьте свободу действий» — формула буржуазных экономистов-фритредеров, сторонников свободы торговли и невмешательства государства в сферу экономических отношений. — *498.*

[124] *Стол* (или *пир) Бармекидов* — выражение, заимствованное из сказок «Тысячи и одной ночи». На этом пиру голодному подносят одно за другим пустые блюда. — *513.*

[125] Имеется в виду *«The New Moral World»* («Новый нравственный мир») — еженедельная газета социалистов-утопистов, основана Р. Оуэном в 1834 г., издавалась до 1846 г., сначала в Лидсе, а с октября 1841 г. в Лондоне; с ноября 1843 по май 1845 г. в этой газете сотрудничал Ф. Энгельс. — *518.*

[126] Речь идёт об издававшемся К. Марксом и А. Руге «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» — см. примечание 16. — *518.*

[127] *«Trier'sche Zeitung»* («Трирская газета») —основана в Трире в 1757 г., под данным названием выходила с 1815 года; с начала 40-х годов XIX в.— буржуазно-радикальный орган; к середине 40-х годов начала печатать статьи о социализме, в том числе статьи своего постоянного сотрудника К. Грюна, ставшего вскоре одним из главных представителей «истинного социализма». —*519.*

[128] *«Sprecher oder: Rheinisch-Westphalischer Anzeiger»* («Собеседник, или Рейнско-вестфальский вестник») — газета, основанная в Дортмунде в 1798 г., в 40-х годах XIX в. выходила в Везеле; с 1842 и до ноября 1844 г. в редакции участвовал К. Грюн. —*519.*

[129] Имеется в виду немецкая газета *«Vorwarts!»* («Вперёд!»), выходившая в Париже с января по декабрь 1844 г. два раза в неделю. Под влиянием Маркса, который с лета 1844 г. стал принимать близкое участие в редактировании газеты, она начала приобретать коммунистический характер; газета развернула острую критику реакционных порядков в Пруссии. В газете были напечатаны статьи К. Маркса и Ф. Энгельса (см. настоящее издание, т. 1, стр. 430—448 и 598—642). По требованию прусского правительства министерство Гизо в январе 1845 г. издало распоряжение о высылке Маркса и некоторых других сотрудников газеты из Франции; издание «Vorwarts!» прекратилось. — *519.*

[130] Речь идёт о статье ««Социалистический» призрак», напечатанной без подписи в приложении к «Kolnische Zeitung» № 314, 9 ноября 1844 года. — *520.*

[131] *«Гармония»* («Harmony»)—название коммунистической колонии, основанной английскими социалистами-утопистами, последователями Роберта Оуэна в 1841 г. в Гэмпшире (Англия). Колония просуществовала до начала 1846 года. — *521.*

[132] Перевод сделан Энгельсом по раннему варианту стихотворения Гейне. В отличие от текста, впервые опубликованного в газете «Vorwarts!» № 55, 10 июля 1844 г., первая строфа этого перевода имеет дополнительную, третью по счёту, строчку. — *521.*

[133] Имеется в виду ежегодник *«Deutsches Burgerbuch»* («Книга для немецких граждан») на 1845 г., изданный в Дармштадте Г. Пютманом в декабре 1844 года. Кроме значительного числа статей «истинных социалистов» в ежегоднике были опубликованы работы таких деятелей революционного демократического движения, как В. Вольф и поэт Г. Веерт. В нём также было напечатано сообщение об американских коммунистических колониях и оуэнистской колонии «Гармония» в Англии. Это сообщение, составленное Ф. Энгельсом, представляло собой перевод на немецкий язык материалов, опубликованных в «The New Moral World», «The Northern Star» и «The Morning Chronicle». В ежегоднике «Deutsches Burgerbuch» на 1846 г., вышедшем в свет в Маннгейме летом 1846 г., был напечатан сделанный Ф. Энгельсом перевод «Отрывка из Фурье о торговле» с его введением и заключением (см. настоящий том, стр. 580—586).—*524.*

[134] Речь идёт о журнале *«Rheinische Jahrbucher zur gesellschaftlichen Reform»* («Рейнский ежегодник по вопросам социальной реформы»), который издавался радикальным публицистом Г. Пютманом; вышло всего два тома, первый в Дармштадте в августе 1845 г., второй в местечке Бель-Вю на немецко-швейцарской границе в конце 1846 года. Стремясь завоевать позиции для пропаганды своих коммунистических воззрений в Германии, Маркс и Энгельс считали необходимым использовать журнал в этих целях. В первом томе был опубликован текст выступлений Ф. Энгельса на собраниях в Эльберфельде 8 и 15 февраля 1845 г. («Эльберфельдские речи»), во втором — его статья «Празднество наций в Лондоне» (см. настоящий том, стр. 532—554 и 587—599). Однако общее направление ежегодника определялось участием в нём представителей «истинного социализма»; в связи с этим Маркс и Энгельс подвергли его резкой критике в своей работе «Немецкая идеология» (1845—1846).— *524.*

[135] Имеется в виду ежемесячный журнал *«Gesellschaftsspiegel»* («Зеркало общества»). Энгельс, который на первых порах принял участие в организации этого издания, в редакцию не вошёл. В журнале, выходившем в Эльберфельде под редакцией М. Гесса, печатались статьи «истинных социалистов». Всего вышло 12 номеров за 1845— 1846 год. — *524.*

[136] Энгельс пишет здесь о задуманной К. Марксом работе «Критика политики и политической экономии»; договор с издателем Леске на издание двухтомного произведения под таким названием был подписан Марксом 1 февраля 1845 года. Занявшись с конца 1843 г. изучением политической экономии, Маркс уже весной 1844 г. поставил себе задачу дать в печати критику буржуазной политической экономии с позиций

материализма и коммунизма; из написанных им тогда рукописей до нас дошла только часть, известная под названием «Экономическо-философские рукописи 1844 года». В связи с работой над книгой «Святое семейство» Маркс временно отложил занятия политической экономией и вернулся к ним лишь в декабре 1844 года. Сохранились многочисленные конспекты, выписки и заметки, сделанные Марксом в 1845— 1846 гг. в связи с изучением английских и французских экономистов. Однако и на этот раз Марксу не удалось осуществить свой замысел. О причинах, побудивших Маркса вторично отложить его осуществление, он сам писал Леске 1 августа 1846 года: «Мне казалось крайне важным предпослать моему положительному изложению предмета полемическую работу, направленную против немецкой философии и против существующего с той поры немецкого социализма. Это необходимо для того, чтобы подготовить публику к точке зрения той политической экономии, которая прямо противопоставляет себя существовавшей до сих пор немецкой науке». Под «полемической работой» Маркс подразумевает здесь написанную им совместно с Энгельсом «Немецкую идеологию» (1845—1846). Договор на издание «Критики политики и политической экономии» был расторгнут издателем в феврале 1847 года. — *524.*

[137] W. Weitling. «Garantien der Harmonie und Freiheit».Vivis, 1842 (В. Вейтлинг. «Гарантии гармонии и свободы». Веве, 1842). — *524.*

[138] Имеется в виду напечатанная в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» статья К. Маркса «К критике гегелевской философии права. Введение». См. настоящее издание, том 1, стр. 414—429.—*525.*

[139] См. настоящее издание, том 1, стр. 525—541 и 542—543.—*527.*

[140] *«Das Westphalische Dampfboot»* («Вестфальский пароход») — ежемесячный журнал, издавался «истинным социалистом» О. Люнингом в Билефельде с января 1845 по декабрь 1846 г. и в Падерборне с января 1847 по март 1848 года. — *529.*

[141] Имеется в виду *«Allgemeines Volksblatt. Popularer Monatsbericht uber die wichtigsten Zeitfragen»* («Всеобщий народный листок. Общедоступный ежемесячный обзор по важнейшим вопросам современности»), издававшийся в Кёльне с января 1845 г. до начала 1846 г. при участии демократического деятеля Д'Эстера, который был связан с Марксом и Энгельсом. — *529.*

[142] Речь идёт о сборнике *«Neue Anekdota»* («Новое из неизданного»), который вышел в свет в Дармштадте в конце мая 1845 года. В сборнике были опубликованы запрещённые цензурой газетные статьи М. Гесса, К. Грюна, О. Люнинга и др., относящиеся главным образом к первой половине 1844 года. Вскоре после выхода сборника в свет Маркс и Энгельс, как это видно из писем Грюна Гессу, высказали по поводу его содержания ряд резких критических замечаний. — *530.*

[143] A. Becker. «Was wollen die Kommunisten?». Брошюра вышла в Лозанне в 1844 году. — *531.*

[144] Имеется в виду статья К. Маркса «Оправдание мозельского корреспондента», напечатанная в «Rheinische Zeitung» в январе 1843 г. (см. настоящее издание, том 1, стр. 187—217).—*546.*

[145] Протекционистские взгляды немецкого экономиста Ф. Листа изложены им в книге «Das nationale System der politischen Oekonomie». Stuttgart und Thubingen, 1841 («Национальная система политической экономии». Штутгарт и Тюбинген, 1841). — *548.*

[146] В 1842 г., по окончании так называемой первой опиумной войны, которую английские колонизаторы вели против Китая, последнему был навязан неравноправный Нанкинский договор; одно из условий договора предусматривало открытие для английской торговли пяти китайских портов: Кантона, Шанхая, Амоя, Нинбо и Фучжоу.—*551.*

[147] *Лейпцигская бойня* — расстрел саксонскими войсками народной демонстрации в Лейпциге 12 августа 1845 года. Демонстрация, поводом к которой послужил устроенный по случаю приезда наследного принца Иоганна военный парад, была направлена против преследования саксонским правительством движения «немецких католиков» и одного из его руководителей, священника И. Ронге. Движение «немецких католиков», возникшее в 1844 г. в ряде германских государств, охватило значительные слои средней и мелкой буржуазии; отвергая главенство римского папы и многие догматы и обряды католической церкви, «немецкие католики» стремились приспособить католицизм к нуждам развивавшейся немецкой буржуазии. — *555.*

[148] *Питерлоо* — так современники назвали, по аналогии с битвой под Ватерлоо, кровавую расправу, учинённую 16 августа 1819 г. английскими войсками над безоружными участниками массового митинга за избирательную реформу, состоявшегося на равнине Сент-Питер (Сент-Питерсфилд) близ Манчестера. — *555.*

[149] Название «славной революции» в английской буржуазной историографии получил государственный переворот 1688 г., после которого в Англии упрочилась конституционная монархия, основанная на компромиссе между земельной аристократией и финансовой буржуазией. — *557.*

[150] Конституция 1791 г., принятая буржуазным Учредительным собранием, устанавливала во Франции конституционную монархию. Эта конституция была уничтожена народным восстанием 10 августа 1792 г., в результате которого королевская власть была свергнута. — *562.*

[151] Серия статей Ф. Энгельса «Положение в Германии» направлена против реакционно-националистического толкования истории Германии и, в частности, войны 1813—1815 гг. с наполеоновской Францией. Подвергая критике националистическую точку зрения, Энгельс вместе с тем даёт здесь одностороннюю оценку этой войне. В этой войне национально-освободительная борьба народных масс против грабительской политики Наполеона I была использована господствующими классами и правящими династиями для восстановления феодальных порядков в Европе. Позднее, возвращаясь к оценке этого исторического периода, Ф. Энгельс писал в своей работе «Роль насилия в истории» (1888):

«Всеобщая война народов против Наполеона была реакцией национального чувства, которое Наполеон попирал ногами у всех народов». — *564.*

[152] *Союзный акт,* закрепивший раздробленность Германии, был принят на Венском конгрессе 8 июня 1815 года. Содержавшееся в статье 13 этого документа обещание ввести конституции во всех государствах, входивших в Германский союз, осталось невыполненным. — *571.*

[153] Речь идёт о буржуазной революции в Испании, начавшейся в январе 1820 г., и о революционных выступлениях в Неаполе и Палермо в июле 1820 г., в Португалии в августе 1820 г., в Пьемонте в марте 1821 года. Революционное движение было подавлено интервенцией Священного союза, направившего французские войска в Испанию и австрийские в Италию. — *577.*

[154] Французское тайное заговорщическое общество карбонариев было основано в конце 1820—начале 1821 г. по образцу итальянского общества того же названия. Французские карбонарии, объединявшие в своих рядах представителей различных политических направлений, ставили себе целью свержение монархии Бурбонов. В 1822 г. был организован заговор для осуществления одновременного восстания в военных гарнизонах ряда городов (Бельфор, Ла-Рошель и др.). После провала заговора и казни некоторых руководителей общество карбонариев фактически прекратило свою деятельность. — *577.*

[155] Имеется в виду подъём массового демократического движения в Англии в 1816—1819 годах; движение протекало под лозунгом борьбы за реформу избирательного права. — *577.*

[156] Речь идёт об июльской буржуазной революции 1830 г. во Франции. —*577.*

[157] По избирательному закону 1832 г. в Англии право голоса в городах получили собственники и арендаторы домов, приносящих не менее 10 ф. ст. дохода в год. — *578.*

[158] Решением, зафиксированным в заключительном (от 12 июня 1834 г.) протоколе конференции представителей германских государств в Вене, государи обязались оказывать друг другу поддержку в борьбе против либерального и демократического движения. Этот документ был опубликован либеральным публицистом Велькером в книге «Wichtige Urkunden fur den Rechtszustand der deutschen Nation» («Важные документы о правовом положении германской нации»), изданной в Манн-гейме в 1844 году. — *578.*

[159] Английский министр внутренних дел Дж. Р. Дж. Грехем вызвал возмущение демократических кругов тем, что в 1844 г. в угоду австрийскому правительству отдал приказ почтовому ведомству предоставлять полиции для перлюстрации письма итальянских революционеров-эмигрантов. — *579.*

[160] Перевод отрывка из Фурье («Ein Fragment Fourier's uber den Handel») входил в более обширный план публикаций, задуманный Марксом и Энгельсом для популяризации в Германии лучших произведений французского и английского утопического социализма. Во введении

и заключении к «Отрывку из Фурье о торговле» Ф. Энгельс впервые подверг публичной критике «истинных социалистов». Высокомерно-пренебрежительное отношение «истинных социалистов» к виднейшим представителям социалистической мысли во Франции и в Англии, их стремление возвеличить «истинный немецкий социализм» особенно ярко проявилось в книге К. Грюна «Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien» («Социальное движение во Франции и Бельгии»), вышедшей в свет в Дармштадте в августе 1845 года. Развёрнутая критика К. Грюна как одного из типичных представителей «истинного социализма» дана в произведении К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» (1845—1846). — *580.*

[161] Энгельс имеет в виду книгу Л. Штейна «Социализм и коммунизм современной Франции». — *580.*

[162] Речь идёт о содержащихся в работах Фурье фантастических описаниях тех перемен, которые якобы должны произойти в будущем в области природы: изменение неприятного вкуса морской воды, появление над Северным и Южным полюсами излучающих тепло венцов, превращение хищных зверей в полезных для человека животных и т. п. — *581.*

[163] Далее следует сделанный Ф. Энгельсом перевод текста Фурье, который в данном издании не приводится. Выбранный Энгельсом отрывок охватывает первые 7 глав незаконченной работы Ш. Фурье «О трёх внешних единствах», опубликованной уже после его смерти в журнале фурьеристов «La Phalange» («Фаланга») за 1845 г. (см. русский перевод в книге: Ш. Фурье. Избранные сочинения, М. — Л., 1951, т. I, стр. 228—318). Эти главы посвящены общему определению торговли и описанию различных видов банкротств. Отдельные места, текстуально совпадающие с разделом «О неограниченной свободе торговли» из книги Ш. Фурье «Теория четырёх движений и всеобщих судеб», были при публикации рукописи в «La Phalange» заменены многоточиями. В своём переводе Энгельс восстановил эти места по соответствующим страницам книги Фурье. При переводе Энгельс опустил фантастические экскурсы Фурье в будущее, некоторые утратившие актуальность намёки, а также места, малопонятные из-за применяемой Фурье своеобразной терминологии. Места, переведённые Энгельсом, находятся на стр. 228—232, 237, 240—244, 249—252, 253—260, 261, 262—263, 265, 266—269, 271, 272—313, 314, 315, 316—318 упомянутого выше русского перевода. — *582.*

[164] Энгельс имеет в виду книгу: H. W. Kaiser. «Die Persߋnlichkeit des Eigenthums». Bremen, 1843 *(Г.* В. Кайзер. «Личный характер собственности». Бремен, 1843). — *584.*

[165] Статья «Празднество наций в Лондоне», написанная Ф. Энгельсом в конце 1845 г., была опубликована в конце 1846 г. во втором томе «Rheinische Jahrbucher». Приведённое в этой статье описание хода собрания 22 сентября 1845 г. в Лондоне и текст произнесённых на нём речей даны Энгельсом по отчёту газеты «The Northern Star» .№ 411 от 27 сентября 1845 года. На этом собрании было фактически положено начало международному демократическому обществу «Братские демократы», в которое вошли представители левого крыла чартистов, немецкие рабочие — члены Союза справедливых и революционные эмигранты других национальностей, проживавшие в Лондоне. Придавая большое

значение этому событию, в подготовке которого он и Маркс приняли участие, Энгельс посвятил ему данную статью. В первом абзаце статьи Энгельс иронически воспроизводит аргументацию, типичную для ряда «истинных социалистов» (Грюн, Люнинг и др.), у которых нигилистическое отношение к другим нациям сочеталось с националистическими разглагольствованиями о превосходстве немецкой нации. Критикуя эти взгляды, Энгельс противопоставляет им идею единства интересов пролетариев различных стран. — *587*.

166 Из стихотворения Гейне «Успокоение», в котором он бичует филистерство и косность немецкого бюргера, противопоставляя ему республиканцев древнего Рима. — *588*.

167 *«Карманьола»* — революционная песня, сложенная во время французской буржуазной революции конца XVIII века; текст «Карманьолы» изменялся и дополнялся в связи с текущими политическими событиями. — *588*.

168 *Конституция 1793 г.*, выработанная в первые месяцы якобинской диктатуры во Франции, принадлежит к наиболее демократическим из буржуазных конституций. Предпосланная ей Декларация прав человека и гражданина провозглашала суверенитет народа, его право на революцию против правительства, узурпирующего его власть, и признавала обязанностью общества обеспечивать работой неимущих и заботиться о нетрудоспособных. Конституция устраняла имущественный ценз и вводила всеобщее избирательное право. В то же время она объявляла частную собственность неприкосновенной. Конституция 1793 г. не была введена в действие вследствие гражданской войны и контрреволюционной интервенции и была уничтожена после 9 термидора 1794 г. пришедшей к власти контрреволюционной крупной буржуазией. — *589*.

169 Речь идёт о победах, одержанных революционной французской армией над войсками первой коалиции европейских контрреволюционных монархий при Жемапе 6 ноября 1792 г. и при Флёрюсе 26 июня 1794 года. — *590*.

170 Находясь в Лондоне во второй половине августа 1845 г., Маркс и Энгельс непосредственно содействовали сближению между деятелями английского рабочего движения и представителями политической эмиграции: они присутствовали на совещании чартистов и руководителей лондонских общин Союза справедливых с деятелями демократического и революционного движения различных стран, которое, согласно сообщению газеты «The Northern Star» от 23 августа 1845 г., приняло следующую резолюцию, поддержанную Энгельсом; «Созвать публичное собрание проживающих в Лондоне демократов всех национальностей для обсуждения вопроса о создании общества, имеющего целью взаимное ознакомление — посредством периодических совместных собраний — с движением за общее дело, протекающим в каждой отдельной стране». На самом собрании 22 сентября Маркс и Энгельс не присутствовали в связи с их отъездом из Лондона. — *592*.

171 Поэма Т. Купера «Чистилище самоубийц. Тюремная поэма в десяти книгах», написанная в подражание поэме Байрона «Чайлд Гарольд», была напечатана в Лондоне в 1845 году. — *592*.

[172] *«L'Union. Bulletin des ouvriers redige et publie par eux-memes»* («Союз. Рабочий вестник, составляемый и издаваемый самими рабочими») — ежемесячник, выходивший в Париже с декабря 1843 по сентябрь 1846 года; издавался группой рабочих, находившихся под влиянием сен-симонистских идей. — *592.*

[173] *Апрельский процесс*—суд над 167 деятелями французского рабочего и республиканского движения, обвинёнными в государственной измене в связи с восстанием в Лионе и революционными выступлениями в Париже и других городах в апреле 1834 года. В числе обвиняемых были и руководители тайного республиканского Общества прав человека и гражданина. На суде, происходившем в 1835 г., большинству обвиняемых были вынесены суровые приговоры: ссылка в колонии и долголетнее тюремное заключение. Часть обвиняемых, в том числе 28 человек, совершивших побег во время процесса, были осуждены заочно. — *598.*

[174] L. Blanc. «Histoire de dix ans. 1830—-1840». T. I—V. Первое издание вышло в Париже в 1841—1844 годах. Энгельс ссылается на немецкий перевод этой работы, который вышел в Берлине в 1844— 1845 годах. — *598.*

[175] *«Rheinischer Beobachter»* («Рейнский обозреватель») — ежедневная консервативная газета; выходила в Кёльне с 1844 до начала 1848 года. — *600.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(август 1844 — апрель 1846)

1844

Конец августа — начало сентября

В Париже происходит историческая встреча К. Маркса и Ф. Энгельса, положившая начало их творческому содружеству, их совместной научной деятельности и революционной борьбе за дело пролетариата.

Выяснив своё полное согласие «во всех теоретических областях» (Энгельс), основоположники марксизма приступают к работе над своим первым совместным трудом, который они предполагают назвать «Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании». Во время десятидневного пребывания в Париже Энгельс пишет семь разделов к отдельным главам этой книги.

Маркс привлекает Энгельса к сотрудничеству в газете «Vorwarts!» («Вперёд!»), в редактировании которой он сам принимает близкое участие.

Энгельс непосредственно знакомится с французским рабочим движением, посещает собрания французских социалистов и коммунистов, встречается также с русскими политическими деятелями М. Бакуниным и Г. Толстым.

31 августа — 19 октября

В газете «Vorwarts!» печатаются статьи Ф. Энгельса «Положение Англии. Восемнадцатый век» и «Положение Англии. Английская конституция», написанные им в Англии в феврале — марте 1844 г. и предназначенные в своё время для «Deutsch-Franzosische Jahrbucher» («Немецко-французского ежегодника»).

Около 6 сентября

Энгельс уезжает из Парижа в Германию, в г. Бармен.

Сентябрь — ноябрь

Маркс в Париже продолжает работать над «Критикой критической критики». Значительно расширив разработанный вместе с Энгельсом первоначальный план, он использует в этой работе часть своих экономическо-философских рукописей, а также конспекты и выписки

	по истории французской буржуазной революции конца XVIII века.
Сентябрь 1844 — январь 1845	Маркс поддерживает связи с французскими демократами и социалистами, с руководителями немецкого тайного общества Союз справедливых в Париже и с вождями большинства французских тайных рабочих обществ, часто посещает собрания немецких и французских рабочих и ремесленников.
Вторая половина сентября 1844 —	Энгельс в Бармене работает над книгой «Положение рабочего класса в Англии».
март 1845	Энгельс принимает активное участие в социалистической пропаганде и в организации демократического и социалистического движения в Рейнской провинции. Он устанавливает связи с социалистами Бармена, Эльберфельда, Кёльна, Дюссельдорфа, Бонна и других городов, выступает на собраниях с пропагандой идей коммунизма, участвует в социалистических изданиях.
Начало октября	Энгельс пишет Марксу письмо о ходе социалистической пропаганды в Германии и о настоятельной необходимости изложить материалистические и коммунистические принципы в двух-трёх книгах, которые послужили бы теоретической основой для социалистического движения.
После 18 октября	Маркс получает от В. Вейтлинга (из Лондона) письмо, явившееся откликом на статью Маркса «Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа»».
Октябрь	Энгельс составляет «Описание возникших в новейшее время и ещё существующих коммунистических колоний», которое представляет собой перевод на немецкий язык материалов, появившихся в английской печати. Это сообщение публикуется в декабре 1844 г. в «Deutsches Burgerbuch» («Книге для немецких граждан») на 1845 год.
Октябрь 1844 — начало апреля 1845	Энгельс продолжает сотрудничать в органе английских социалистов-оуэнистов «The New Moral World» («Новый нравственный мир»), помещая в нём сообщения о распространении социалистических и коммунистических идей в Германии.
19 ноября	В письме к Марксу Энгельс подвергает критике книгу младогегельянца М. Штирнера «Единственный и его собственность».
Вторая половина Ноября	Маркс заканчивает работу над книгой «Критика критической критики» и посылает рукопись издателю во Франкфурт-на-Майне. В процессе печатания Маркс добавляет в заголовок книги слова: «Святое семейство».

Декабрь — Маркс читает книгу М. Штирнера «Единственный и его собственность» и намеревается написать о ней критическую статью для газеты «Vorwarts!».

Конец 1844— январь. 1845 — Маркс в Париже продолжает изучение произведений английских и французских экономистов XVIII и первых десятилетий XIX века.

1845

16 января — Распоряжение о высылке К. Маркса и ряда сотрудников газеты «Vorwarts!» из Франции, отданное французским правительством под давлением Пруссии.

1 февраля — Маркс заключает договор с находящимся в Париже издателем Леске (из Дармштадта) на издание экономического труда «Критика политики и политической экономии» в двух томах.

Около 2 февраля — Маркс в Париже встречается с французским коммунистом-утопистом Э. Кабе.

3 февраля — В связи с высылкой из Парижа Маркс переезжает в столицу Бельгии—Брюссель.

Февраль — июль — Маркс в Брюсселе продолжает работать над своим экономическим трудом.

Февраль — Декабрь — Маркс ведёт переписку с немецкими демократическими и социалистическими деятелями в Париже и с руководителями парижских общин Союза справедливых.

8, 15 и 22 февраля — Энгельс принимает участие в организации в Эльберфельде собраний, посвящённых обсуждению социалистических и коммунистических идей. Речи Энгельса на собраниях 8 и 15 февраля публикуются в первом томе «Rheinische Jahrbucher» («Рейнский ежегодник») в августе 1845 года.

Около 24 февраля — Выходит в свет книга К. Маркса и Ф. Энгельса «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра в компании».

25 февраля — Энгельс получает официальное уведомление от местных властей о запрещении в Эльберфельде каких-либо собраний, посвящённых обсуждению социалистических и коммунистических идей,

15 марта — Ф. Энгельс заканчивает работу над книгой «Положение рабочего класса в Англии» и посылает рукопись издателю в Лейпциг.

Весна — К. Маркс пишет «Тезисы о Фейербахе» — «первый документ, содержащий в себе гениальный зародыш нового мировоззрения» (Энгельс).

Март — май	Маркс и Энгельс ведут переговоры об издании в Германии «Библиотеки выдающихся иностранных социалистов».
Около 5 апреля	Энгельс пишет для «The New Moral World» сообщение о собраниях в Эльберфельде, которое публикуется 10 мая 1845 года. На этом прекращается сотрудничество Энгельса в органе английских социалистов-оуэнистов.
После 5 апреля	Энгельс переезжает к Марксу в Брюссель.
Апрель— Декабрь	Маркс и Энгельс устанавливают связи с бельгийскими демократическими и социалистическими деятелями и представителями польской революционной эмиграции.
Конец мая	В Лейпциге выходит книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».
Около 12 июля	Маркс и Энгельс предпринимают поездку в Лондон и Манчестер с целью изучения английской экономической литературы, а также для более близкого ознакомления с экономической и политической жизнью Англии и с английским рабочим движением.
Вторая половина июля— первая половина августа	Во время пребывания в Манчестере Маркс и Энгельс занимаются в публичной библиотеке, где изучают произведения английских экономистов.
Середина августа	Маркс и Энгельс встречаются в Лондоне с Дж. Гарни, одним из редакторов чартистской газеты «The Northern Star» («Северная звезда»), а также с руководителями лондонских общин Союза справедливых К. Шаппером, И. Моллем и другими.
Около 20 августа	Маркс и Энгельс в Лондоне участвуют в совещании чартистов, руководителей Союза справедливых и ряда деятелей революционного и демократического движения различных стран. Совещание принимает поддержанную Энгельсом резолюцию о необходимости создать в Лондоне общество демократов всех национальностей для взаимной информации о демократическом и революционном движении в отдельных странах.
Около 24 августа	Маркс и Энгельс возвращаются из Англии в Брюссель.
Между 8 и 11 сентября	Ф. Энгельс пишет статью «Недавняя бойня в Лейпциге.— Рабочее движение в Германии». Этой статьёй, опубликованной 13 сентября, начинается его сотрудничество в газете «The Northern Star».
Сентябрь	Маркс и Энгельс вплотную приступают к работе над книгой «Немецкая идеология», которая явилась важным этапом в разработке теоретических, философских основ коммунистической партии. В связи с этим Маркс

прерывает работу над рукописью первого тома «Критики политики и политической экономии».

15 октября — Ф. Энгельс пишет первую статью из серии «Положение в Германии». Статья напечатана в газете «The Northern Star» 25 октября.

8 ноября — В газете «The Northern Star» появляется вторая статья Ф. Энгельса из серии «Положение в Германии».

1 декабря — Получив известие о том, что правительство Пруссии добивается от бельгийского правительства высылки его из Бельгии, Маркс выходит из прусского подданства.

Конец 1845 — Ввиду того, что план издания «Библиотеки выдающихся иностранных социалистов» осуществить не удалось из-за отсутствия издателя, Энгельс помещает в ежегоднике «Deutsches Burgerbuch» на 1846 г. сделанный им перевод отрывка из произведений Фурье («Отрывок из Фурье о торговле»), снабдив его своим введением и заключением. Эта публикация используется Энгельсом для первого публичного выступления против «истинного социализма».

Энгельс пишет статью «Празднество наций в Лондоне». Статья была напечатана только в конце 1846 г. во втором томе «Rheinische Jahrbucher».

1846

Начало 1846 — Маркс и Энгельс создают в Брюсселе Коммунистический корреспондентский комитет, имеющий целью идейное и организационное сплочение социалистов и передовых рабочих различных стран. Подготавливая почву для основания международной пролетарской партии, они предпринимают шаги для создания корреспондентских комитетов в Лондоне, в Париже и в Германии.

18 января — Маркс пишет опровержение в связи с появившимся в газете «Rheinischer Beobachter» («Рейнский обозреватель») № 18 от 18 января 1846 г. сообщением, будто он является сотрудником «Trier'sche Zeitung» («Трирской газеты»).

20 февраля — Энгельс пишет для газеты «The Northern Star» третью статью из серии «Положение в Германии».

30 марта — На заседании Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета, на котором присутствует Вейтлинг, Маркс и Энгельс выступают с резкой критикой «истинного социализма» и грубо-уравнительного коммунизма В. Вейтлинга.

4 апреля — В газете «The Northern Star» появляется третья статья Ф. Энгельса «Положение в Германии».

Конец апреля — Маркс и Энгельс знакомятся с эмигрировавшим из Германии В. Вольфом, который вводится в состав Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета и становится верным учеником и соратником Маркса и Энгельса.

Маркс и Энгельс продолжают работу над «Немецкой идеологией».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

С

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати
И. А. Бах и *В. К. Брушлинским*
Редактор *Я. Б. Турчинс*

*

Сдано в набор 12/XI 1954 г. Подписано к печати 10/VI 1955 г. Формат $60X92^{1}/_{16}$.
Физ. печ. л. $41^{1}/_{4}+3$ *вклейки* $^{3}/_{8}$ *п. л.*
Условн. печ. л. 41,62. Уч.-изд. л. 42,6.
Тираж 200 000 экз. Заказ № 1645.
Цена 10 руб.

*

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15,

*

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.

2-я типография «Печатный Двор» имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.